

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОМИССИЯ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН

INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS
COMMISSION ON LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY
NATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

CONTEMPORARY DEVELOPMENT OF SLAVIC LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

УДК 811.16
ББК 81
С56

Ответственный редактор
М.И. Чернышева

Редакторы
Е.И. Державина, М.И. Чернышева

Рецензенты
доктор филологических наук О.Ф. Жолобов
(Казанский (Приволжский) федеральный университет)
доктор филологических наук М.Н. Приемышева
(Институт лингвистических исследований РАН)

Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022. — 400 с.

ISBN 978-5-7164-1239-2

Международная коллективная монография, подготовленная к XVII Международному съезду славистов, посвящена современным разработкам по славянской лексикологии и лексикографии. Основное внимание сосредоточено на разработке проблематики и достижений в области тематической, идеографической и семантической лексикологии и лексикографии славянских языков, а также анализу новых и уникальных лексикографических проектов.

УДК 811.16
ББК 81

Contemporary Development of Slavic Lexicology and Lexicography. International collective monograph / Ed. by Margarita I. Chernysheva. — Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2022. — 400 p.

The international collective monograph dedicated to the XVII-th International Congress of Slavists is devoted to modern developments in Slavic lexicology and lexicography. The main attention is focused on the development of problems and achievements in the field of thematic, ideographic and semantic lexicology and lexicography of Slavic languages as well as the analysis of new and unique lexicographic projects.

ISBN 978-5-7164-1239-2

DOI: 10.31912/slavic_lexicology.2022

© Авторы, 2022

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface	7
-----------------------------	---

Часть первая / Part One

ТЕМАТИЧЕСКАЯ, ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

THEMATIC, IDEOGRAPHIC, SEMANTIC LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY OF SLAVIC LANGUAGES

<i>Л.Г. Бабенко</i> (Екатеринбург, Россия) Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: уникальный проект лексикографов Уральской семантической школы	15
<i>L.G. Babenko</i> (Ekaterinburg, Russia) Great Explanatory Ideographic Dictionary of Synonymic-Antonymic Complexes — the Unique Project of Lexicographers of the Ural Semantic School	15
<i>А.Н. Баранов</i> (Москва, Россия), <i>Д.О. Добровольский</i> (Москва, Россия) Русская фразеология в идеографическом представлении	38
<i>A.N. Baranov</i> (Moscow, Russia), <i>D.O. Dobvol'skij</i> (Moscow, Russia) Russian Phraseology from the Ideographic Perspective	38
<i>А.С. Белоусова</i> (Москва, Россия) Словарь семантический и / или словарь идеографический	50
<i>A.S. Belousova</i> (Moscow, Russia) Semantic Dictionary and /or Ideographic Dictionary	50
<i>И.В. Будько</i> (Минск, Беларусь) Исследование тематических групп лексики старобелорусского языка: опыт и перспективы	61
<i>I.V. Budko</i> (Minsk, Belarus) The Research of Thematic Vocabulary Groups of Old Belarusian Language: Experience and Prospects	61
<i>Р. Драгићевић</i> (Београд, Србија) Концепција концептуалног речника метафора: од парцијализације стварности ка речнику	97
<i>R. Dragičević</i> (Belgrade, Serbia) Concept of Conceptual Dictionary of Metaphors: from the Partialization of Reality to Dictionary	97

<i>С.С. Земичева</i> (Томск, Россия) «Идеографический словарь диалектной языковой личности»: типические и специфические характеристики	109
<i>S.S. Zemicheva</i> (Tomsk, Russia) «Ideographical Dictionary of the Dialect Language Personality»: Typical and Specific Characteristics	109
<i>Н.Б. Ивановић</i> (Београд, Србија) Српски лексикограф Владан Арсенијевић (1848–1900) и његово дело у контексту европске лексикографске традиције	120
<i>N.B. Ivanović</i> (Belgrade, Serbia) Serbian Lexicographer Vladan Arsenijević (1848–1900) and his Work in the Context of European Lexicographic Tradition	120
<i>Л. Макаријоска</i> (Скопје, Македонија), <i>Н. Мицкоски</i> (Скопје, Македонија) Македонската тематска лексикологија и лексикографија како израз на културниот идентитет	133
<i>L. Makarijoska</i> (Skopje, Macedonia), <i>N. Mickoski</i> (Skopje, Macedonia) Macedonian Thematic Lexicology and Lexicography as an Expression of the Cultural Identity	133
<i>В. Радева</i> (София, България) Идеографскиот принцип в лексикографската интерпретација на диалектната лексика	149
<i>V. Radeva</i> (Sofia, Bulgaria) The Ideographic Principle in the Lexicographic Interpretation of Dialect Vocabulary	149
<i>Ж. Финк-Арсовски</i> (Загреб, Хорватия) О словаре хорватских анималистических фразеологизмов	163
<i>Z. Fink-Arsovski</i> (Zagreb, Croatia) On Croatian Dictionary of Animalistic Idioms	163
<i>М.И. Чернышева</i> (Москва, Россия), <i>Е.И. Державина</i> (Москва, Россия) Русская историческая тематическая лексикография в ретроспективе и перспективе	177
<i>M.I. Chernysheva</i> (Moscow, Russia), <i>E.I. Derzhavina</i> (Moscow, Russia) Russian Historical Thematic Lexicography in Retrospect and Perspective	177
<i>Е.А. Юрина</i> (Москва, Россия) Словари русской пищевой метафоры: новые форматы лексикографической презентации	195
<i>E.A. Yurina</i> (Moscow, Russia) Dictionaries of the Russian Gastronomic Metaphor: New Formats of Lexicographic Presentation	195

Часть вторая / Part Two
УНИКАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ
И НОВЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ
UNIQUE DICTIONARIES
AND NEW LEXICOGRAPHIC PROJECTS

<i>В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская, Г.В. Токарев</i> (Тула, Россия) «Русско-болгарский словарь квазисимволов» как источник лингвокультурологической информации	221
<i>V.I. Abramova, Yu.V. Arkhangelskaya, G.V. Tokarev</i> (Tula, Russia) «Russian-Bulgarian Dictionary of Quasi-Symbols» as a Source of Linguoculturological Information	221
<i>Д. Благоева</i> (София, България) Из историята на българската лексикография («Български тълковен речник» от Стефан Младенов).....	230
<i>D. Blagoeva</i> (Sofia, Bulgaria) From the History of Bulgarian Lexicography (Stefan Mladenov's Bulgarian Explanatory Dictionary)	230
<i>С.И. Иорданиди</i> (Москва, Россия) О построении историко-словообразовательных словарей славянских языков	244
<i>S.I. Iordanidi</i> (Moscow, Russia) On the Construction of the Historical Derivational Dictionaries of Slavic Languages.....	244
<i>В. Kovačević</i> (Zagreb, Hrvatska), <i>K. Lewis</i> (Zagreb, Hrvatska) Leksikografska djelatnost Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje u 21. stoljeću.....	270
<i>B. Kovačević</i> (Zagreb, Croatia), <i>K. Lewis</i> (Zagreb, Croatia) Lexicographic Activity of the Institute of Croatian Language and Linguistics in the 21st Century.....	270
<i>И.А. Малышева</i> (Санкт-Петербург, Россия) «Материалы для словаря торговой лексики русского языка первой половины XVIII века»: источники, принципы составления.....	289
<i>I.A. Malysheva</i> (Moscow, Russia) «Materials for the Dictionary of Commercial Russian Vocabulary of the First Half of the 18th Century»: Sources, Principles of Compiling	289
<i>П. Нейедлы</i> (Прага, Чешская Республика), <i>Ш. Шимек</i> (Прага, Чешская Республика), <i>М. Вайдлова</i> (Прага, Чешская Республика) Интернет-проекты Института чешского языка АН ЧР, посвященные исторической лексикографии	308

<i>P. Nejedlý</i> (Prague, Czech Republic), <i>Š. Šimek</i> (Prague, Czech Republic), <i>M. Vajdllová</i> (Prague, Czech Republic)	
Internet Lexicographic Projects of the Czech Language Institute CAS, Focusing on Historical Czech	308
<i>M. Ološtiak</i> (Prešov, Slovensko), <i>M. Ivanová</i> (Prešov, Slovensko)	
Slovník slovotvorných prostriedkov v slovenčine	325
<i>M. Ološtiak</i> (Presov, Slovakia), <i>M. Ivanová</i> (Presov, Slovakia)	
Dictionary of Word Formation Means in Slovak	325
<i>A. Perdih</i> (Ljubljana, Slovenija)	
Pedagoški leksikografski portal <i>Franček</i>	340
<i>A. Perdih</i> (Ljubljana, Slovenia)	
The Educational Lexico-grammatical Language Portal <i>Franček</i>	340
<i>C. Pustuћ</i> (Београд, Србија), <i>И. Лазић Коњик</i> (Београд, Србија)	
Листа вредности за аксиолошки лексикон српског језика.....	355
<i>S. Ristić</i> (Belgrade, Serbia), <i>I. Lazić Konjik</i> (Belgrade, Serbia)	
The List of Values for the Axiological Lexicon of the Serbian Language	355
<i>Л.Л. Шестакова</i> (Москва, Россия), <i>В.К. Щербин</i> (Минск, Беларусь)	
Российские и белорусские персональные писательские энциклопедии: сравнительный аспект.....	369
<i>L.L. Shestakova</i> (Moscow, Russia), <i>V.K. Shcherbin</i> (Minsk, Belarus)	
Russian and Belarusian Personal Writers Encyclopedias: a Comparative Aspect	369
Сведения об авторах / Information about the authors	395

ПРЕДИСЛОВИЕ

Комиссия по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов подготовила к XVII Международному съезду славистов¹ коллективный труд **«Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии»**.

Это третья крупная международная коллективная работа Комиссии².

В первом труде, подготовленном к XV Международному съезду славистов в Минске, — **«Славянская лексикография»**³ (2013) — значительное место занимало описание истории возникновения и развития лексикографии славянских стран вплоть до современного состояния. Ряд очерков отражал состояние славянской лексикографии в неславянских странах. Кроме того в этом труде были показаны новые направления лексикографической деятельности, выявлена проблематика, побудившая к дальнейшим разработкам, и сформулированы теоретические основания необходимости анализа исторической лексикологии славянских языков. Здесь также появились разработки, включавшие сравнительный подход к лексикографическому описанию ряда славянских языков, — две темы, ставшие ключевыми в следующем коллективном труде Комиссии.

Еще раньше обсуждалась мысль о необходимости освещения роли и значения лексикографической критики в теории и практике создания словарей. Этой теме был посвящен большой раздел сборника 2012 года⁴.

Второй крупный международный труд Комиссии — **«Лексикология и лексикография славянских языков»**⁵ (2017) — был подготовлен к XVI Международному съезду славистов, проходившему в Белграде в 2018 г. Он стал логическим продолжением предыдущей коллективной работы и включал две крупные темы. Первая из них — «Сравнительная лексикография славянских языков» — отражала чрезвычайно актуальное и активно развивающееся направление в славянской лексикографии, вторая — «Историческая лексикология славянских языков» — призвана была показать проблемы и задачи исторической лексикологии, области, недостаточно разработанной в ряде славянских стран — как с точки зрения содержания, так и методологии.

¹ Съезд должен был состояться в 2023 году в Париже, однако по объективным причинам его проведение перенесено на 2025 год.

² Подробнее о деятельности Комиссии по лексикологии и лексикографии см.: *Чернышева М.И.* Научные разработки Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов (МКС) // Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Сборник научних радова. Београд, 2021, 49–61.

³ Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013; первоначальный, более краткий, вариант был представлен в качестве научных материалов для обсуждения к предыдущему — XIV Международному съезду славистов в Македонии (2008).

⁴ Українська і слов'янська тлумачна та перекладна лексикографія. Леонідові Сидоровичу Паламарчукові. Київ, 2012.

⁵ Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017.

На заседании Комиссии по лексикологии и лексикографии, проходившем во время XVI Международного съезда славистов в Белграде (23 августа 2018 г.), были приняты для разработки две новых темы: «Славянская тематическая и идеографическая лексикология и лексикография» и «Уникальные и редкие проекты в славянской лексикографии».

Обсуждение этой тематики началось во время рабочей встречи членов Комиссии на Международной научной конференции в Загребе «E-rječnici i e-leksikografija / E-dictionaries and E-lexicography» (10–11 мая 2019 г.) и было продолжено на заседании Комиссии в Минске (17 мая 2019 г.) во время XIV Международной научной конференции «Современные проблемы лексикографии» (15–19 мая 2019 г.), где прозвучало шесть докладов членов Комиссии.

Из-за эпидемиологической ситуации 2020 г. не состоялись два заседания Комиссии⁶.

Последнее заседание Комиссии было дистанционно проведено 20 мая 2021 г. на XV Международной научной конференции «Современные проблемы лексикографии — LEX 2021» в Польше (Варшава, 19–21 мая 2021 г.)⁷

* * *

Новый международный коллективный труд «**Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии**», созданный членами Комиссии по лексикологии и лексикографии и приглашенными к сотрудничеству специалистами, состоит из 22 очерков, написанных 33 специалистами из девяти славянских стран.

В соответствии с выбранными темами в нем представлена проблематика и последние достижения славянских специалистов в области тематической, идеографической и семантической лексикологии и лексикографии славянских языков, а также анализ новых и уникальных лексикографических проектов. Интерес к первой теме определила нарастающая тенденция развития современной неалфавитной лексикографии, которая сопровождается поиском новых лексикографических решений.

Истоки каждой новой темы коллективной работы уже есть в предыдущих проектах Комиссии, таким образом, с одной стороны, созданный труд является продолжением предыдущего, а с другой — отражает новое направление ее деятельности.

Работа разделена на две части, однако это деление достаточно условно, поскольку некоторые работы можно было бы перенести в другую половину. Так, указание на уникальность присутствует уже в самом названии очерка Л.Г. Бабенко, помещенного в первой части работы: таким образом автор подчеркивает пио-

⁶ Одно — во время Международного симпозиума «Лексикография цифровой эпохи» (23–26 сентября 2020 года, Россия, г. Томск), второе — на международной научной конференции «Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема» (28–30 октября 2020 г., Белград), где должны были выступить с докладами 13 коллег из семи славянских стран.

⁷ Тематику см. <https://www.ruslang.ru/komissiya-po-leksikologii-i-leksikografii-pri-mezhdunarodnom-komitete-slavistov-1>

нерский характер создаваемого «Большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов». Сказанное касается также помещенного в первой части исследования Н. Ивановича, посвященного деятельности сербского лексикографа Владана Арсеньевича, создателя единственного в своем роде тематического словаря, опирающегося на труд Джона Уилкинса «An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language» (1668), который относят к истокам современной европейской тематической лексикографии.

Первая часть «Тематическая, идеографическая, семантическая лексикология и лексикография славянских языков» состоит из 12 очерков. Исследования, помещенные в этой части коллективного труда, отражают взгляды ведущих ученых в этой области лингвистики. Здесь представлено описание проектов, находящихся в стадии разработки, а также последних достижений, доступных в печатном или электронном виде. Поскольку основополагающие концептуальные положения представителей разных школ и направлений изначально отличаются друг от друга, это приводит к не только к разным, но и совершенно новым результатам.

Особое значение имеют находящиеся в статьях этой части теоретические положения: осмысление авторского подхода, формулировка исходных концептуальных установок и основных положений, демонстрирующих многообразие методик и способы лексикографической организации материала (см. очерки Л.Г. Бабенко, А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, А.С. Белоусовой, Р. Драгичевич, С.С. Земичевой, Р. Радевой, Е.А. Юриной и др.).

Идеографическое и семантическое направления. Сопоставление количественных характеристик шести словарей (по объему словника, числу групп первого уровня категоризации, по количеству уровней — «глубине» — категоризации и по численности групп на финальном уровне) осуществила С.С. Земичева. Сравнительный анализ и итоговые наблюдения развития идеографической лексикографии представила в своем очерке Л.Г. Бабенко, где указала свою работу под названием «Синописис»⁸ со сводом идеографических классификаций лексики различных категориально-грамматических классов в составе идеографических словарей Уральской семантической школы, коллектив которой создал уже более двадцати идеографических словарей. Она отметила новую тенденцию в процессе активного развития идеографической лексикографии, «объектом рассмотрения которой становятся различные по природе единицы языка и речи как по отдельности, так и в совокупности: лексические, фразеологические, паремиологические». Эта тенденция нашла свое выражение в создающемся под ее руководством указанном выше новом словаре, в серии фразеологических словарей и разработок тезаурусного типа, подготовленных А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, в работах хорватских коллег (см. очерк Ж. Финк-Арсовски), и в других исследованиях «комплексного типа» (см. описание Е.А. Юриной) и др.

⁸ Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2015, 22–42.

Иной подход к системному описанию лексики и основные идеи, положенные в основу научных концепций словарей, созданных академиком РАН Н.Ю. Шведовой совместно с руководимым ею коллективом, продемонстрирован в статье А.С. Белоусовой (речь идет, главным образом, о толковом «Русском семантическом словаре», содержащем систематизацию по классам слов и значений, и о «Русском идеографическом словаре: Мир человека и человек в окружающем его мире»).

К разновидности идеографических словарей относятся лексиконы нового типа — концептуальные словари, принципиально отличающиеся от тематических (по мнению Р. Драгичевич, автора идеи «Концептуального словаря метафор», «тематический словарь не позволяет понять концептуализацию реальности»).

Идеографический подход, как было сказано, может реализоваться по-разному: в коллективном труде находится описание того, каким образом используется идеографический принцип в других лексикографических типах словарей: диалектном (см. исследование В. Радевой) и диалектной языковой личности (см. очерк С.С. Земичевой).

Тематическое и др. направления. Уже было отмечено, что каждый новый труд Комиссии представляет собой продолжение идей, уже наметившихся или даже частично освещенных в предыдущей коллективной работе. Так, истоки содержания первой части описываемой работы можно найти в труде 2017 года «Лексикология и лексикография славянских языков», где Р. Драгичевич в своем исследовании показала тематическую классификацию сербской лексики праславянского происхождения⁹ и привела указания на тематические разработки, касающиеся турцизмов в сербском языке¹⁰. В исследовании А. Зайды¹¹ было выполнено подробное тематическое описание лексики польского языка в диахронии — сходным образом И. Будько в новом труде Комиссии осуществила исследование тематических групп лексики старобелорусского языка.

Еще один пример. В предыдущем коллективном труде сообщалось о создании «Тематического словаря старопольского языка» (*Słownik tematyczny staropolszczyzny*)¹², а в исследовании И. Валентовой была отмечена новая тенденция в славянской лексикографии, когда после завершения словаря (в данном случае речь идет об «Историческом словаре словацкого языка» — «*Historický slovník slovenského jazyka*») возникает новый этап лексикографического представления материала, — автор сообщает о тематической группировке иноязычной лексики^{13, 14}.

⁹ Драгићевућ Р. Развој лексичког система српског језика од прасловенске епохе до почетка XXI века // Лексикологија и лексикографија славјанских језика. Међународни колективни труд / Отв.ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017, 336–340 (далее: Лексикологија и лексикографија).

¹⁰ Там же, 346–347.

¹¹ Zajda A. O słownictwie polskim poprzez wieki // Там же, 277–332.

¹² Там же, 290.

¹³ Valentová I. Lexikografické spracovanie slovnej zásoby predpisovnej slovenčiny // Там же, 375.

¹⁴ Немного подробнее об этих работах см. в нашем исследовании, помещенном в публикуемом труде.

В новом коллективном труде македонские коллеги Л. Макариоска и Н. Мицкоски обратили внимание на потенциал широкого подхода к тематическому анализу лексики, продемонстрировав стремление видеть в тематической лексикологии и лексикографии показатель культурной идентичности.

В очерке Е.А. Юриной предложено описание словарей русской пищевой метафоры (называемых ею «словарным корпусом фигуративной лексикографии») — лексиконов лингвокультурологического типа, и показаны способы организации их макроструктуры (гнездовой и идеографической).

Исторический аспект темы первой части нашел отражение в работе Н. Ивановича (см. выше), а также в очерке М.И. Чернышевой и Е.И. Державиной, где, помимо сведений о формировании и развитии русской тематической лексикографии, выявлены возможности и перспективы дальнейшего развития русской исторической тематической лексикографии.

Вторая часть «Уникальные словари и новые лексикографические проекты» состоит из десяти очерков. На первый план этого раздела выдвинута новизна.

Некоторые очерки можно было бы поместить в первой части (как уже было отмечено, деление на две части носит достаточно условный характер). Это относится, например, к ориентированному в будущее проекту И.А. Малышевой, посвященному тематической разработке «Словаря торговой лексики русского языка первой половины XVIII века», к исследованию С. Ристич и И. Лазич Коник об аксиологических концептах с идеей создания аксиологического словаря сербского языка (авторы предполагают описание 331 концепта, из которых 48 составляют ядро концептосферы сербского языка), а также к «Русско-болгарскому словарю квазисимволов» того же направления лексикографии (авторы: В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская и Г.В. Токарев).

Несколько новых исследований посвящены разработке проблем славянского словообразования. Одно из них находится в статье С.И. Иорданиди, которая, с опорой на материал древне- и среднерусских памятников, предлагает свое видение будущих историко-словообразовательных словарей славянских языков. С работой С.И. Иорданиди перекликается очерк словацких коллег М. Олоштыяка и М. Ивановой, где описан проект разрабатываемого «Словаря словообразовательных средств в словацком языке» («Slovník slovotvorných prostriedkov v slovenčine») морфемно-derivационного типа (объемом в 75 576 единиц) и раздел «Сетевой словотолковник» в статье чешских специалистов П. Нейедлы, Ш. Шимека и М. Вайдловой (см. ниже).

Исторический аспект занимает значительное место в тематике второй части. Помимо указанных исследований С.И. Иорданиди и И.А. Малышевой, он находится также в работе Д. Благоевой, посвященной концепции уникального «Болгарского толкового словаря» Стефана Младенова, сочетавшего в себе элементы словарей разных жанров и типов: двуязычных, этимологических, диалектных, ономастических, орфографических, этнолингвистических, энциклопедических и др., — по словам автора исследования, «словарь Младенова является первой попыткой создания универсального словаря болгарского языка». Сюда же содер-

жательно можно отнести работы первой части: Н. Ивановича и М.И. Чернышевой и Е.И. Державиной (в части, касающейся создания будущего исторического тематического словаря русского языка).

Новые интернет-проекты по исторической лексикографии, разработанные в Институте чешского языка АН Чешской Республики, описаны в статье П. Нейедлы, Ш. Шимека и М. Вайдловой. Это три проекта: «Электронный словарь древне-чешского языка», «Сетевой словотолковник» и «Лексическая база данных чешского языка эпохи Гуманизма и Барокко».

Еще один свежий интернет-проект находится в работе А. Пердиха, где показана лексикографическая часть первого словенского педагогического словарно-грамматического портала «Franček».

Хорватские специалисты В. Ковачевич и К. Льюис в своем очерке описали последние достижения Института хорватского языка и лингвистики в области лексикографии.

Наконец, новый подход сопоставительного изучения особенностей индивидуально-авторских картин мира российских и белорусских писателей, осуществленный на материале персональных писательских энциклопедий, использован в совместной работе славистов двух стран Л.Л. Шестаковой (Россия) и В.К. Щербина (Беларусь), второй раз показавших продуктивность сравнительного анализа¹⁵.

* * *

Продemonстрированные в новом коллективном труде результаты, глубина теоретического осмысления материала выбранной темы, охват проблематики, демонстрация новых возможностей лексикологии и лексикографии славянских языков, перспективы развития этой области лингвистики — все это, вместе с впервые осуществленным многоаспектным представлением темы «Тематическая, идеографическая, семантическая лексикология и лексикография славянских языков», делает представляемую работу новым крупным достижением Комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов.

*М.И. Чернышева (Россия),
председатель Комиссии по лексикологии
и лексикографии при МКС*

¹⁵ Ср.: Шестакова Л.Л., Щербин В.К. «Словарь языка Пушкина» и «Слоўнік мовы Янкі Купалы»: опыт сравнительного анализа // Лексикология и лексикография, 151–185.

Часть первая

ТЕМАТИЧЕСКАЯ, ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ,
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

**БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
СИНОНИМИКО-АНТОНИМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ:
УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ЛЕКСИКОГРАФОВ
УРАЛЬСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ¹**

Л.Г. БАБЕНКО

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-9250-3232>

lgbabenko@yandex.ru

Новый проект коллектива Уральской семантической школы — Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов — рассматривается в динамике: в контексте созданных идеографических словарей и с учетом перспективы будущих изданий. Основное внимание уделено новизне и уникальности концепции словаря, модификации используемых лексикографических параметров, трактуемых в нем по-новому, таких как иерархичность, макро- и микроструктура, типовая семантика, базовые идентификаторы и др.

Ключевые слова: идеографическая лексикография, толковый словарь, синонимико-антонимический комплекс, лексикографические параметры, новизна

**GREAT EXPLANATORY IDEOGRAPHIC DICTIONARY
OF SYNONYMIC-ANTONYMIC COMPLEXES — THE UNIQUE
PROJECT OF LEXICOGRAPHERS OF THE URAL SEMANTIC SCHOOL**

L.G. BABENKO

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

(Ekaterinburg, Russia)

The new project of the Ural Semantic School team — the Great Explanatory Ideographic Dictionary of Synonymic-Antonymic Complexes — is considered in dynamics: in the context of the created series of ideographic dictionaries and taking into account the prospects for future editions. The main attention is paid to the novelty and uniqueness of the dictionary concept, the modification of lexicographic parameters interpreted in it in a new way, such as hierarchy, macro- and microstructure, typical semantics, basic identifiers, etc.

Keywords: ideographic lexicography, explanatory dictionary, synonymic-antonymic complex, lexicographic parameters, novelty

Введение

Идеографическая лексикография в России, теоретическая и практическая, насчитывает к настоящему времени порядка семидесяти лет развития. Ее возник-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

новение связано с именами Ю.Н. Караулова (Караулов 1976), В.В. Морковкина (Морковкин 1970), О.С. Баранова (Баранов 1995), Н.Ю. Шведовой (Шведова 1998), Л.М. Васильева (Васильев 2000), Э.В. Кузнецовой (Кузнецова 1980) и многих других ученых, обратившихся в семидесятые годы к исследованию системной организации лексики, семантических классов слов с использованием структурно-семантического подхода и методологии, а впоследствии предложивших концепции идеографических словарей с целью лексикографического представления полученных результатов в области изучения лексико-семантического пространства и составляющих его семантических классов слов. Идеографические словари, созданные в конце XX — начале XXI в., основывались на лексических классах слов разного типа: категориально-грамматических, лексико-семантических, функционально-семантических и др.

Сейчас наблюдается новая тенденция — активное развитие идеографической лексикографии, объектом рассмотрения которой становятся различные по природе единицы языка и речи как по отдельности, так и в совокупности: лексические, фразеологические, паремиологические. При этом наблюдается разнообразие научных подходов при описании подобных единиц в идеографических словарях, а разные исследовательские платформы лексикографов-составителей подобных словарей приводят к концептуальным различиям самих словарей. Своя концепция идеографических словарей сложилась и у коллектива ученых-лексикографов Уральской семантической школы (УСШ), создавшего более двадцати идеографических словарей, посвященных описанию различных по семантико-грамматической природе множеств языковых и речевых единиц: русских глаголов, существительных, прилагательных, синонимов, семантических моделей предложений, концептов и др.² Системное изучение лексических множеств разной семантико-грамматической природы в УСШ также завершалось воплощением результатов исследования в лексикографических параметрах в структуре идеографических словарей. Различие семантико-грамматической природы описываемых множеств, дополненное их рассмотрением с учетом появления и развития новых научных подходов в лингвистике конца XX — начала XXI века, привело к динамике осмысления типологии самих лексических множеств³. Логика их интерпретации в словарях УСШ связана с логикой создания идеографических словарей, которая в целом отражает последовательную смену научных парадигм и, соответственно, смену типов лексических множеств в качестве объекта лексикографического описания и их наименования. Она выглядит следующим образом: лексико-семантические группы (см.: БТСРГ), функционально-семантические группы (см.: РГП ЭСС), денотативно-идеографические группы (см.: БТСРС), лексико-фразеологические комплексные группы (см.: БТССРП), когнитивно-дискурсивные множества (КРЯ КК). Следует отметить, что сейчас особую актуальность приобрело изучение комплексных

² Список основных словарей УСШ см. в Приложении к статье.

³ Динамика формирования и интерпретации разных типов лексических множеств рассмотрена нами в статье: Бабенко 2020б.

множеств, изучение которых основано на исследовании единиц разной природы, например, лексики, фразеологии и паремиологии, как в словаре «Концептосфера русского языка» (КРЯ КК), которое основывается обычно на интеграции научных подходов, в первую очередь структурно-семантического, функционально-семантического и когнитивно-дискурсивного.

В ходе идеографического описания синонимии учеными-лексикографами УСШ и с учетом вариантов их интерпретации в созданных словарях⁴ возникла мысль о необходимости комплексного рассмотрения синонимии и антонимии в системном освещении и представления его результатов в лексикографических параметрах — в структуре идеографического словаря. Решение этой актуальной для теоретической и практической лексикографии задачи сейчас осуществляется в УСШ в процессе работы над новым лексикографическим проектом — Большим толковым идеографическим словарем синонимико-антонимических комплексов (здесь и далее — БТИССАК). В качестве объекта лексикографического описания в нем впервые избрано уникальное множество единиц: синонимов и антонимов русского языка, рассматриваемых во взаимодействии с учетом их семантической соотносительности. Это принципиально новый для лексикографии тип комплексного лексического множества синонимов и антонимов, которые распределяются по темам и описываются в лексикографических параметрах в их взаимодействии как особый тип интегративного целостного множества слов — синонимико-антонимический комплекс (далее — САК). К настоящему времени описано около 750 антонимических оппозиций, включающих около 6000 лексем, относящихся к 10 денотативным сферам, 60 группам и подгруппам. Готовые материалы опубликованы в виде Проспекта словаря, содержащего, в том числе, изложение его концепции в общем виде.

Цель статьи — показать уникальность данного проекта в выявлении и моделировании системной организации совокупного множества синонимов и антонимов русского языка, отображаемого в лексикографическом представлении в виде САК разного ранга, объема и статуса, представить типы и разновидности подобных комплексов, их когнитивно-дискурсивные особенности, структурно-семантическую организацию. Особое внимание планируется уделить освещению новых аспектов интерпретации основных лексикографических параметров, собственных идеографическим словарям УСШ, таких как типовая семантика, иерархичность, пересекаемость, структура словаря, а также вновь вводимым понятиям и терминам этого словаря.

I. Актуальность создания Большого толкового идеографического словаря синонимов и антонимов

В русской лексикографии накоплен солидный опыт создания отдельно словарей синонимов и словарей антонимов русского языка, особенно синонимов,

⁴ Всего нами создано пять версий словарей синонимов: словарей-тезаурусов списочного типа и толковых идеографических словарей, которые указаны в Приложении к статье.

преимущественно опубликованных в последние десятилетия XX в., которые активно переиздаются и сейчас в силу своей актуальности и значимости (см.: Александрова 2001; Введенская 1977; Евгеньева 2001, Колесников 1972; Львов 1984), публикуются концептуально новые словари, прежде всего словари синонимов (см.: Апресян 2004; Кожевников, 2003), в том числе к ним относятся идеографические словари синонимов, подготовленные лексикографами УСШ. В указанных выше традиционных словарях синонимов и антонимов они располагаются по алфавиту, хотя в лексикографии неоднократно отмечалась необходимость их лексикографического описания по тематическим группам (Новиков 1985; Щерба 1974; Черняк 1991). Актуальность предлагаемого нами лексикографического проекта состоит, во-первых, в намерении создания комплексного словаря синонимов и антонимов, во-вторых, идеографического словаря, в котором САК будут расположены по смысловым группам в составе семантических объединений разного типа, и, в-третьих, будут соответственно лексикографироваться в когнитивно-дискурсивном освещении как целостные интегративные множества особого типа.

Вопрос совместного лексикографического описания синонимии и антонимии ставился лексикографами, что свидетельствует о его актуальности (Апресян 1974; Введенская 1977; Иванова 1982; Морковкин 1970; Новиков 1985; Черняк 1991). Так, о необходимости создания антонимо-синонимического словаря и его значении для обучения русскому языку иностранцев более пятидесяти лет назад писали Л.А. Введенская и Н.П. Колесников (Введенская, Колесников 1977). Эту же проблему затронул в начале 2000-х годов Ю.В. Федосов, который писал об антонимо-синонимическом словаре и его основной единице — антонимо-синонимическом блоке, который представил таким образом: «В качестве “ядра” в антонимо-синонимическом блоке выступает антонимическая пара слов, а в качестве “периферии” — два синонимических ряда» (Федосов 2001а: 145). В подобном осмыслении антонимо-синонимический блок приравнивался к одной антонимической оппозиции, рассматриваемой с позиции лингвистической концепции поля, компонентами которой являются два синонимических ряда, доминанты которых входят в ядро, а рядовые члены принадлежат периферии. Предлагаемое нами понятие «синонимико-антонимический комплекс», которое теоретически разрабатывается нами с 2002 г. (Бабенко 2002), а сейчас практически внедряется в создание БТИССАК, принципиально отличается содержательно и формально от предложенного Ю.В. Федосовым понятия «антонимо-синонимический блок». Наше понимание САК сформировано в процессе его многолетнего осмысления и репрезентации результатов изучения в структуре основных идеографических словарей УСШ. Он включает в свой состав не одну основную антонимическую оппозицию, а все множество тематически родственных антонимических оппозиций и синонимических рядов, определенным образом структурированных и специализированных в выражении отношений противоположности и тождества одновременно.

II. Интерпретация синонимико-антонимического взаимодействия в идеографических словарях УСШ

Намерение создать подобный словарь, кроме назревшей необходимости его концептуальной разработки, было мотивировано у нас опытом лексикографической интерпретации подобных лексических оппозиций, приобретенным в процессе их описания в структуре различных идеографических словарей, созданных учеными УСШ: в словаре глаголов (БТСРГ), существительных (БТСРС), синонимов (БТССРР). В первых двух словарях была использована традиционная для толковых словарей специальная зона синонимии и антонимии, включенная в структуру дефиниции, в которой они были представлены по отдельности и не рассматривались в качестве интегративной группировки или особого комплекса. При этом глубинный анализ семантической соотносительности заглавного слова и приведенных в структуре словарной статьи синонимов и антонимов показал, что реально их совокупность представляет собой подобный комплекс. Приведем пример из толкового идеографического словаря глаголов:

Боготворить, несов. (сов. *обоготворить*), *кого-что*. Относиться (отнестись) к кому-л., преклоняясь перед ним, подобно тому, как преклоняются перед божеством; **син.** *Благоговеть, обожать, обожествлять, поклоняться*; **ант.** *презирать*.

В этой словарной статье отображена двойная соотносительность синонимов и антонимов: во-первых, между собой внутри словарной статьи — антонимическая оппозиция (*благоговеть* — *презирать*) и, во-вторых, два варианта соотносительности каждого из них с общим для них заглавным словом: 1) оппозиция тождества — синонимия (*Боготворить, благоговеть, обожать, обожествлять, поклоняться*), 2) оппозиция пересечения — антонимия (*Боготворить* — *презирать*). Вследствие этого подобную трехкомпонентную совокупность, состоящую из семи лексем, вполне можно рассматривать как единый смысловой **синонимико-антонимический микрокомплекс**. Он реализуется на уровне одной частной синонимико-антонимической оппозиции, состоящей из семи слов, шесть из которых связаны отношениями тождества и представляют собой синонимический ряд слов в левой части оппозиции, противопоставленный антониму в правой оппозитивной части (*Боготворить / обоготворить, благоговеть, обожать, обожествлять, поклоняться*; **ант.** *презирать*). Вся лексика этого микрокомплекса объединяется на основе механизма ментальной интеграции. Следует отметить, что состав и конфигурация компонентов синонимико-антонимического микрокомплексов различных денотативно-идеографических групп (здесь и далее — ДИГ) уникальны и отличаются друг от друга, но суть моделирования взаимодействия синонимов и антонимов в них универсальна: двойная соотносительность компонентов микрокомплекса с базовым заглавным словом и соотносительность их между собой.

Рассмотрим еще один пример, в основе организации которого — антонимическая оппозиция **ОДОБРЯТЬ/ОДОБРИТЬ ↔ КОРИТЬ**. В основе формируемого ею микрокомплекса наблюдаем также два варианта соотносительности с заглавным

словом: с одной стороны, их связывают отношения тождества с синонимами приведенного в словарной статье синонимического ряда слов (далее — СР): *Подбадривать / подбодрить, поощрять / поощрить, приободрять / приободрить*. С другой стороны, отношения противоположности связывают указанные синонимы с антонимом *корить / укорить*, являющегося заглавным словом, а также соотносительность их между собой, т.е. двойная соотносительность. В то же время количественные данные здесь другие: микрокомплекс включает 9 лексем, в том числе 7 лексем — синонимы, 2 — антонимы. В идеографическом словаре существительных (БТИСРС) синонимико-антонимические микрокомплексы также включались в дефиниции заглавных слов подобным образом, никак не обозначаясь как отдельный специфический комплекс.

Характеристика синонимико-антонимических связей более полно и развернуто представлена в отдельной словарной зоне, выделенной в Большом толковом идеографическом словаре синонимов русской речи (БТИССРР). В нем объектом описания становятся группы синонимов, представляющие собой семантико-деривационное множество близкородственных по смыслу синонимических рядов слов, различающихся категориально-грамматически. Например, в денотативно-идеографической группе ОДОБРЕНИЕ основной СР — **ОДОБРЕНИЕ**, АПРОБАЦИЯ, ПОХВАЛА, *высок.* ХВАЛА, *разг., шутл.* БЛАГОСЛОВЕНИЕ. В словарной статье наряду с ним приводятся три близкородственных ему СР с разными частеречными синонимами-доминантами: прилагательным: **ОДОБРИТЕЛЬНЫЙ**, благоприятный, лестный, положительный, похвальный, сочувственный, хвалебный, хороший, *шутл.* комплиментарный, *книжн.* позитивный (11 лексем); глаголом: **ОДОБРЯТЬ/ОДОБРИТЬ**, приветствовать, сочувствовать, хвалить/похвалить, *книжн.* апробировать, *разг., шутл.* благословить (8 лексем), наречием: **ОДОБРИТЕЛЬНО**, благоприятно, лестно, положительно, похвально, сочувственно, хорошо, *шутл.* комплиментарно, *книжн.* позитивно (10 лексем). Всего вместе с основным СР все множество составляют 34 синонима, включенных в четыре СР, из которых один избирается в качестве заглавного и основного и описывается по полной схеме с заполнением всех словарных параметров и словарных зон. Другие три СР, деривационно связанные с ним, приводятся в словарной статье в специальной словарной зоне в статусе близкородственных, после которой следует специальная зона антонимии, выделенная для соотносительных с ними антонимов. В ней антонимы указываются для всех синонимов, в том числе приводятся антонимы к словам-синонимам из всех близкородственных СР этой группы, с которыми они также соотносятся и с которыми они связаны отношениями противоположности. Оформляется это следующим образом:

Неодобрение, осуждение, порицание (к *Одобрение*);
 Неодобрительный, осуждающий (к *Одобрительный*);
 Осуждать/осудить, порицать (к *Одобрять*).
 Неодобрительно, неблагоприятно (к *Одобрительно, благоприятно, положительно*).

Вся совокупность синонимов и антонимов ДИГ ОДОБРЕНИЕ фактически представляет собой в структуре БТИССРР целостную интегративную единицу

словаря — САК, выделенную и включенную в качестве отдельного компонента в структуру словарной статьи, но пока никак не обозначенную в нем. Хочется подчеркнуть, что подобное развернутое представление в отдельной словарной зоне соотносительных семантических групп синонимов с антонимами впервые было продумано и реализовано именно в анализируемом Большом толковом идеографическом словаре синонимов. При этом осуществленный уже в настоящее время анализ выявленных в нем подобных интегративных групп обнаружил те скрытые закономерности и принципы их организации, которые в неявном виде были присущи этим группам, но не были описаны, не были обозначены и не получили интерпретацию, но которые позднее получили развитие и воплотились в концепции и структуре создаваемого сейчас Большого толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов.

Если попытаться посмотреть на материалы БТИССРР с позиций создаваемого сейчас словаря САК, то можно увидеть те предпосылки, которые послужили основанием выделения их как специфических структурно-семантических объединений. Так, обратившись к данным совокупностям в БТИССРР, в частности, к приводимой в качестве примера группе ОДОБРЕНИЕ ↔ НЕОДОБРЕНИЕ, мы можем отметить их интегративный комплексный характер, обусловленный ментальными слияниями в их совокупной типовой семантике двух логико-семантических отношений: тождества (по линии синонимии) и противоположности (по линии антонимии). Анализ категориально-грамматической природы компонентов показал, что они в то же время представляют собой деривационно-семантическую парадигму, члены которой связаны определенными отношениями, формирующими структуру группы, включающей регулярные варианты репрезентации базовой оппозиции ОДОБРЕНИЕ ↔ НЕОДОБРЕНИЕ. Так, в рассматриваемом комплексе это будет следующая модель варьирования базовой оппозиции: чувство, основанное на эмоциональном отношении (*одобрение* ↔ *неодобрение*); исполненный / выражающий / вызывающий эмоциональное состояние (*одобрительный* ↔ *неодобрительный*); процесс (*одобрять/ одобрить* ↔ *корить*); сопутствующее эмоциональное состояние (*одобрительно* ↔ *неодобрительно*). Подобные варианты семантико-грамматической интерпретации чувств в дальнейшем будут значимым фактором для выделения подгрупп и микрогрупп в составе одного САК в структуре БТИССАК. Регулярные семантико-деривационные преобразования базовой антонимической оппозиции, свойственные САК определенных ДИГ, формируют парадигмы частных антонимических микрокомплексов, специфичных для каждого отдельного синонимико-антонимического макрокомплекса, охватывающего одну ДИГ. В каждой ДИГ наблюдаются свои регулярные специфические модели грамматико-деривационного варьирования базовой модели САК.

Имеет значение при рассмотрении компонентов САК и анализ их внутрисловной семантической структуры. В данном САК синонимы и антонимы объединяются на основе различных по статусу и семантике семантических признаков и компонентов: суперклассификатора *отношение*, категориально-лексической семы *чувство*, дифференциальных сем *объект отношения*, *направленность на*

него, осознанность и др., которые обеспечивают категориально-семантическое тождество лексем в составе анализируемого макрокомплекса **ОДОБРЕНИЕ** ↔ **НЕОДОБРЕНИЕ** и на основе которых они включаются в общую денотативно-идеографическую сферу эмоций. В то же время наличие в их семантической структуре ДС *оценочность*, которая имеется у разных лексем этого САК, обуславливает наличие в их семантике полярных оценочных значений: положительного или отрицательного, что порождает семантику противоположности в структуре САК и формирует антонимическую оппозицию, обозначая противоположность совмещаемых в структуре лексического значения эмоций и разводит их по разным полюсам. В результате наблюдаются ментальные слияния синонимов и антонимов этого САК на основе общих сем в их семантике и их противоположность, формируемая на основе дифференциальных оценочных сем, их полярное расхождение.

Совокупность синонимов и антонимов, репрезентируемых в рамках одной общей ДИГ, интерпретируется как синонимико-антонимический комплекс потому, что она формируется на основе синтеза нескольких частных антонимических оппозиций — микрокомплексов и включает их соответственно в общую макроструктуру САК в качестве составляющих его компонентов, что также будет использовано в БТИССАК при дифференциации вариантов структуры САК.

Завершая обзор вариантов подачи синонимико-антонимических объединений в разных идеографических словарях УСШ, можем заметить, что они обычно в систематизированном виде включаются в определенные ДИГ в большинстве подобных словарей, но их соотносительность отражается в словарях в качестве уточняющей дополнительной информации. Они не определяются, не типологизируются и не интерпретируются в предыдущих идеографических словарях как особое синонимико-антонимическое единство. Механизм их взаимодействия на этапе создания этих словарей не изучен и не учтен в них, не оформлен в специальных лексикографических параметрах. И главное — не была выявлена и не описана типология САК разного типа как в теоретическом, так и в практико-лексикографическом аспектах, которая соответственно не была отражена в процессе их лексикографического описания в разных словарях. В то же время, как мы показали ранее, в идеографических словарях глаголов, существительных и синонимов объектом лексикографического описания реально становились два типа САК с учетом их значимости и объема: 1) в толковых идеографических словарях глаголов и существительных — синонимико-антонимические микрокомплексы, представляющие собой синонимико-антонимические блоки минимального объема, формируемые на основе одной частной антонимической оппозиции и представленные в структуре дефиниций отдельного заглавного слова; 2) в Большом толковом идеографическом словаре синонимов — синонимико-антонимические макрокомплексы, формируемые в структуре одной ДИГ и представляющие собой совокупность синонимов и антонимов, определенным образом организованных на основе семантико-грамматического и семантико-деривационного варьирования. Подобный опыт включения в словарные статьи различных толковых идеографических словарей информации о синонимических

и антонимических связях, а также опора на созданные словари русских синонимов послужили основанием для разработки концепции комплексного по содержанию и структуре словаря САК.

III. САК как новый тип лексического множества

1. Основные признаки и структура САК

Синонимико-антонимический комплекс — это особый тип лексического множества, представляющего собой совокупность синонимов и антонимов одной тематической области, обладающего специфической когнитивно-дискурсивной и структурно-семантической организацией. Подобное лексическое множество и его наименование является новым в лингвистике, оно пока не стало общепринятым термином и было предложено нами в связи с необходимостью его обозначения в процессе создания БТИССАК. Обычно лексические множества разного типа: семантические поля, функционально-семантические классы, лексико-семантические группы и др. — состоят из однородных единиц, преимущественно лексических, например: *глаголы движения, имена эмоций, прилагательные цвета* и под. Что касается САК, здесь все обстоит иначе. Во-первых, они включают в свой состав слова разных частей речи, вследствие чего являют собой поличастеречное множество единиц. Это обусловлено тем, что и основные синонимические ряды, и базовые антонимические оппозиции, относящиеся к одной тематической области и репрезентирующие общую семантическую идею, допускают лексико-грамматическое варьирование, образуя близкородственные ряды, основанные на деривационных связях и отношениях.

Во-вторых, САК — это еще и интегративное множество, формируемое в своей основе ментальным слиянием двух типов логико-семантических отношений: тождества и противоположности. Его единицами одновременно являются слова полностью или частично совпадающие по смыслу, относящиеся к одной денотативной сфере и участвующие в выражении отношений тождества (синонимы), и слова близкородственные, относящиеся к той же денотативной сфере, пересекающиеся по смыслу с синонимами и частично совпадающие с ними по семантике, выражающие отношения противоположности (антонимы).

В-третьих, важную роль в формировании оппозиции этих слов играет внутрисловный семантический компонент с семантикой утверждения / отрицания чего-л., компонент, репрезентирующий семантическую идею '*наличие / отсутствие чего-л. общего, одинакового, совпадающего*', семантически распределенную между двумя приядерными зонами оппозиции, благодаря которому в САК передается информация альтернативного типа: утверждение и отрицание чего-л. общего, однотипного: СЧАСТЬЕ ↔ НЕСЧАСТЬЕ; ДРУГ ↔ НЕДРУГ, ВРАГ; УДАЧА ↔ НЕУДАЧА. В словарных дефинициях членов оппозиций в БТИССАК мы старались последовательно выделять эти две части, отличающиеся интерпретационной оценочной семантикой утверждения и отрицания чего-л.

В-четвертых, основной фактор их ментального слияния — денотативное тождество, отнесенность к общему денотату, прежде всего — к общей денотативной сфере, например, к сфере «Религия», «Поведение», «Движение», «Живое существо» и др., в результате чего компоненты САК: синонимы и антонимы — оказываются связанными между собой также и отношениями пересечения, обусловленными ментальным слиянием противоположных смыслов, когнитивным механизмом ментальной интеграции.

В-пятых, доминирующую роль в формировании структуры САК играют антонимы, обуславливая его внутреннюю смысловую двухядерность, репрезентируемую базовой антонимической оппозицией, интерпретируемой синонимами, выполняющими в большей степени функции конкретизации и расширения САК в его приядерной и периферийной зонах⁵.

В результате взаимодействия указанных факторов САК представляет собой уникальное когнитивно-дискурсивное биполярное множество лексических единиц: синонимов и антонимов, — относящихся к одной общей денотативной сфере, объединенных на основе когнитивного механизма ментальной интеграции отношений тождества и противоположности, скрепляемых полярными интерпретационными компонентами и формируемыми отношениями пересечения и включения, репрезентируемых лексикой разных частей речи.

Лексическое наполнение САК различных ДИГ индивидуально, они отличаются в качественном — содержательном и количественном отношении друг от друга, что объясняется как особенностями определенных отображаемых фрагментов действительности (экстралингвистический фактор), так и особенностями языка, его лексическими и грамматическими ресурсами (интралингвистический фактор).

2. Типовая семантика САК: принципы моделирования и варианты репрезентации в словаре

Типовая семантика — еще один обязательный лексикографический параметр, который последовательно применяется при описании различных лексико-семантических множеств во всех идеографических словарях УСШ, начиная с самого первого небольшого словаря-справочника русских глаголов. Этот параметр отражает главную особенность лексико-семантических множеств — наличие общей типовой семантики, общего семантического компонента-идентификатора, той семантической идеи, на основании которой они объединяются в целостное множество. В то же время следует отметить, что репрезентация типовой семантики, ее формат в разных идеографических словарях не отличается единообразием. С одной стороны, во всех словарях есть этот лексикографический параметр, с другой стороны, он моделируется и оформляется по-разному, что объясняется отличиями семантико-грамматической природы единиц, составляющих подобные множества (объективный фактор), а также позицией авторов-составителей

⁵ См. ранее приведенный выше анализ структуры синонимико-антонимического комплекса ОДОБРЕНИЕ ↔ НЕОДОБРЕНИЕ.

по ее оформлению (субъективный фактор). Возьмем в качестве примера группу лексики речевого воздействия, типовая семантика которой в словаре глаголов оформляется в виде обобщенной словарной дефиниции⁶, в экспериментальном синтаксическом словаре в виде обобщенного суждения, отображающего ситуацию речевого воздействия и сопровождаемого глубинной семантической моделью⁷. В Большом толковом идеографическом словаре синонимов русской речи лексико-графический параметр типовой семантики, характеризующий основной синонимический ряд определенной ДИГ, расщеплен на две словарные зоны: зону семантической идеи, в которой дается обобщенная дефиниция, являющаяся идентификатором для всех синонимов одного СР, которая далее дополняется и конкретизируется в словарной зоне «Прототип», включающей наряду с лингвистической и энциклопедические, и культурологические, и модально-оценочные представления⁸. Все приведенные варианты репрезентации типовой семантики из ранее созданных словарей имеют сходство в том, что объектом описания в них являются множества однородных по своему статусу единиц, имеющих смысловое сходство или тождество. Что касается САК, то их уникальная семантика, которой они обладают, порождается разными факторами, которые мы рассмотрели выше (соединение в одно множество синонимов и антонимов, ментальное слияние отношений тождества и противоположности, наличие в комплексе двух противоположных

⁶ См.: 1.7.5. Глаголы речевого воздействия.

Типовая семантика: произносить (произнести) что-л. каким-л. образом, выражая различные эмоции и тем самым воздействуя на собеседника, приводя его в определенное эмоциональное состояние, а также побуждая его к чему-л., к совершению какого-л. действия (БТИСРГ).

⁷ См.: 1.7.5. Предложения, отображающие ситуацию речевого воздействия.

Типовая семантика: Человек произносит что-л. каким-л. образом с целью эмоционально воздействовать на собеседника или побудить его к совершению какого-л. действия (РГП ЭСС).

⁸ См. описание типовой семантики в словарной статье СР с глаголами из группы речевого воздействия:

Хвалить/похвалить, восхвалять/восхвалить, одобрять/одобрить, отмечать/отметить, превозносить/превознести, расхваливать/расхвалить, славословить, *разг.* выхваливать/выхвалить, *разг.* захваливать/захвалить, *разг.* нахваливать/навалить, *разг.* похваливать.

Семантическая идея: обращаясь к кому-л., высказывать/высказать одобрение его действий, качеств, поведения; или, говоря о ком-, чем-л. (в разговоре с кем-л., в публичном выступлении, в печати), высказывать/высказать положительное суждение о ком-, чем-л., указывая на его достоинства.

Прототип (устойчивый мысленный образ): обращаясь к кому-л., высказывать/высказать одобрение его действий, качеств, поведения; или, говоря о ком-, чем-л. (в разговоре с кем-л., в публичном выступлении, в печати), высказывать/высказать положительное суждение о ком-, чем-л., указывая на его достоинства, признавая хорошим, правильным, допустимым, таким, каким следует быть или даже превосходящим все остальные (всех остальных) в своем роде, выгодно отличающимся от всех других. Человек, который хвалит кого-, что-л., кроме того чтобы высказать положительную оценку, может преследовать различные цели: выразить доброжелательное отношение, понимание, восхищение (искреннее или неискреннее, льстивое) и т. п., доставить удовольствие человеку (например, сказав в его адрес комплимент — приятные, любезные слова), выразить благодарность, специально отметить чьи-л. заслуги как достойные поощрения, награды, возбудить к кому-, чему-л. интерес). Тот, кто хвалит кого-, что-л., может как отмечать его отдельное ценное качество, поступок, так и высказывать положительное суждение об объекте в целом, отмечать его многочисленные достоинства. Похвала может быть как заслуженной, так и субъективной, незаслуженной (БТИССРР).

смысловых центров и семантического компонента с функцией их совмещения, с альтернативной семантикой наличия / отсутствия чего-либо сходного, однотипного, отнесенность всего комплекса к одной денотативной сфере) принципиально отличает его от всех других лексико-семантических множеств и требует разработки принципиально нового формата репрезентации типовой семантики. Стремясь отразить все семантические свойства столь сложного лексического комплекса, мы рассматривали разные способы моделирования типовой семантики САК (Бабенко 2019), пока у нас сложился окончательный вариант ее репрезентации в словаре. В настоящее время в словаре БТИССАК типовая семантика САК формулируется в двух вариантах: первый вариант описания типовой семантики относится ко всей ДИГ и приводится сразу после названия денотативной группы, включаясь в текст словарной статьи под соответствующим заголовком. Например, это выглядит так в ДИГ речевого воздействия⁹.

Принципиально новым в БТИССАК является обозначение типовой семантики как оппозитивной, что является показателем ее содержательной специфики — выражения отношений противоположности и структурной особенности — двухкомпонентности дефиниций с положительной и негативной семантикой, дополненных включением в скобках антонимических лексических репрезентаций (*хвалить/похвалить* ↔ *ругать/отругать* и *выругать*). Нужно отметить, что формулировки типовой семантики компонентов базовых оппозиций максимально минимизированы с точки зрения семантического объема информации на данном уровне ее описания. Следует подчеркнуть при этом зеркальность лексико-синтаксического оформления соотносительных частей типовой семантики: сходство оформления компонентов с семантикой тождества с включением в их состав семантических компонентов с противоположным различительным оценочным значением: *высказывать/высказать одобрение чьих-л. действий, качеств, поведения* ↔ *высказывать/высказать замечания, упреки по поводу чьих-л. действий, поведения*.

Впервые в этом словаре в типовую оппозитивную семантику включаются номинации базовых антонимических оппозиций, свойственных каждой ДИГ, которые формируют в их составе подгруппы. Тем самым одновременно дается формулировка их семантики, приводятся базовые оппозиции и намечается внутренняя структура ДИГ. В рассматриваемой подгруппе это две базовые оппозиции: *хвалить/похвалить* ↔ *ругать/отругать* и *выругать* *убеждать/убедить* ↔ *разубеждать/разубедить*, первая из которых выражает оппозитивный смысл, связанный с речевым выражением полярных эмоций одобрения / неодобрения, вторая — с положительным или отрицательным речевым воздействием на интеллектуально-эмоциональное состояние убежденности, веры с целью его поддержки или

⁹ См.: 9.2.4. Речевое воздействие

Типовая оппозитивная семантика: *высказывать/высказать одобрение чьих-л. действий, качеств, поведения* ↔ *высказывать/высказать замечания, упреки по поводу чьих-л. действий, поведения* (*хвалить/похвалить* ↔ *ругать/отругать* и *выругать*); *заставлять/заставить кого-л. поверить во что-л., перестать сомневаться в чем-л.* ↔ *заставлять/заставить кого-л. изменить убеждение, намерение, убедить в обратном* (*убеждать/убедить* ↔ *разубеждать/разубедить*).

разрушения. В дальнейшем именно эти две базовые оппозиции будут формировать подгруппы и определять структуру ДИГ речевого воздействия. Количество подгрупп в составе ДИГ может быть самым разным: от 2 до 16 и, возможно, более.

Второй вариант описания типовой семантики относится именно к подгруппам, в ДИГ речевого воздействия это будут подгруппы 1. ХВАЛИТЬ ↔ РУГАТЬ и 2. УБЕЖДАТЬ ↔ РАЗУБЕЖДАТЬ. Возьмем для примера первую подгруппу, в которой после указания базовой оппозиции приводится типовая оппозитивная семантика, сформированная на основе обобщения семантики частных оппозиций, варьирующих в разных аспектах основную семантическую идею базовой оппозиции¹⁰. Анализ формулировок семантики частных оппозиций показывает, что они в большей степени конкретизированы, чем общая типовая групповая семантика, содержат оценочные и модальные слова, слова с семантикой степени интенсивности, количественной семантики и др. Кроме того, интерпретация речевого действия в этой подгруппе обусловлена и частеречной природой включенных в состав данного САК слов: четырех глаголов, трех существительных, одного прилагательного и одного наречия, что также позволяет интерпретировать речевое воздействие похвалы и ругани в разных аспектах. Все частные варианты базовой оппозиции обусловлены проявлением законов семантической и категориально-грамматической деривации, они способствуют расширению состава САК и в целом средств репрезентации отношений тождества и противоположности в формировании синонимико-антонимической картины мира.

Итак, САК представляет собой уникальное когнитивно-дискурсивное биполярное множество лексических единиц разной категориально-грамматической

¹⁰ См.: 1. ХВАЛИТЬ ↔ РУГАТЬ

Типовая оппозитивная семантика:

* обращаясь к кому-л., высказывать/высказать одобрение его (их) действий, качеств, поведения ↔ обращаясь к кому-л., высказывать/высказать замечания, упреки и т. п. по поводу его (их) действий или поведения (*хвалить/похвалить* ↔ *ругать/отругать* и *выругать*);

* хвалить/похвалить, излишне преувеличивая достоинства, заслуги кого-, чего-л. ↔ ругать, высказывая множественные претензии, выражая сильное возмущение (*захваливать/захвалить* ↔ *отчитывать/отчитать*);

* добрые, одобрительные слова в чей-л. адрес ↔ оскорбительные, бранные слова в чей-л. адрес (*похвала* ↔ *ругань*);

* говоря о ком-, чем-л., высказывать/высказать положительное суждение, указывая на достоинства ↔ говоря о ком-, чем-л., высказывать/высказать недовольство, отрицательное суждение, указывая на недостатки (*хвалить/похвалить* ↔ *критиковать*);

* говоря о ком-, чем-л., давать очень высокую оценку, настойчиво подчеркивая многочисленные достоинства ↔ критиковать кого-, что-л. в резкой форме, указывая на множество недостатков (*расхваливать/расхвалить* ↔ *раскритиковывать/раскритиковать*);

* одобрительное высказывание, положительная оценка, указание достоинств ↔ неодобрительное высказывание, неблагоприятная оценка, указание недостатков (*похвала* ↔ *критика*);

* содержащий в себе похвалу, одобрение ↔ содержащий в себе критику (*похвальный* ↔ *критический*);

* выражая высокую оценку, похвалу ↔ выражая осуждение, указывая на недостатки (*похвально* ↔ *критически*);

* тот, кто часто, усердно хвалит кого-, что-л. ↔ тот, кто склонен все подвергать критике (*хвалитель* ↔ *критикан*).

природы: синонимов и антонимов, — имеющее сложную семантическую организацию, особую уникальную типовую семантику, относящихся к одной общей денотативной сфере, объединенных на основе когнитивного механизма ментальной интеграции отношений тождества и противоположности, скрепляемых полярными интерпретационными компонентами и репрезентирующих фрагмент ЯКМ — синонимико-антонимическую картину мира. В структуре словарных статей типовая семантика описывается на трех уровнях их структурной организации: 1) общая типовая семантика всего САК определенной ДИГ, которая в обобщенном виде передает семантику составляющих ее подгрупп и формирует структуру ДИГ; 2) типовая семантика подгрупп, имеющих в составе ДИГ, которая в свою очередь также в обобщенном виде аккумулирует семантику составляющих ее частных антонимических оппозиций и формирует структуру подгруппы; 3) индивидуальная комплексная семантика частных синонимико-антонимических оппозиций (микрокомплексов), имеющих в подгруппе и связанных между собой деривационными отношениями, которые репрезентируется уже в более конкретной форме.

3. Системная организация и типология САК в БТИССАК: горизонтально-вертикальное измерение (особенности горизонтально-вертикальной классификации)

Уникальность САК обнаруживается в процессе анализа особенностей отображения ими мира действительности в аспекте денотативности и репрезентативности, рассмотрения их размещения во внешней структуре всего словаря с учетом принципа иерархичности, определения их положения во внутренней структуре словарных статей БТИССАК, основанного на семантико-грамматической вариативности. В результате общая логика рассмотрения САК объясняется их местоположением в структуре словаря, содержательными, когнитивно-дискурсивными и функциональными особенностями. Перечисленные аспекты рассмотрения САК при этом действуют в совокупности, дополняя друг друга и формируя таксономию САК в горизонтально-вертикальном измерении, поэтому закономерности и особенности их системной организации следует изучать с учетом определенных векторов их направленности.

Рассмотрение всего множества САК в структуре БТИССАК в горизонтальном измерении направлено на выявление закономерностей их соотносительности с внешним миром и связано с анализом механизма его категоризации, результаты которой воплощаются в системе категорий разного статуса: суперкатегорий, базовых категорий, субкатегорий (типологию категорий см. в: Болдырев 2014) и др. В отображении мира и формировании языковой картины мира самую существенную роль играют именно базовые категории, репрезентирующие основные фрагменты мира и занимающие верхнюю строку в иерархии САК в словаре — самую важную в аспекте категоризации. Представление системности САК в горизонтальном измерении с опорой на категоризацию мира нацелено на описание и выявление САК с учетом принадлежности к определенным уровням иерархии, главный из которых — уровень базовых категорий, выполняющих классифицирующую

функцию, формирующих множества САК и обозначающих их в соответствии с базовой категорией. Они представляют собой упорядоченный перечень САК основных денотативных сфер, фактически обозначая семантические узлы определенного лексико-семантического пространства. Доминируют при этом межпарадигматические связи, формирующие когнитивно-дискурсивную сеть САК как основу языковой синонимико-антонимической картины мира.

Следует отметить, что различные идеографические словари отображают мир действительности в соответствии с семантико-грамматической природой описываемых лексических единиц и в зависимости от концептуальных позиций авторов-составителей словарей, которые предлагают различные варианты картин мира или фрагментов мира и которые могут полностью не совпадать у разных авторов-составителей, но которые в любом случае будут содержательно пересекаться.

Наш опыт поэтапного идеографического описания русской лексики разной семантико-грамматической природы позволил выявить представления о разных фрагментах внешнего мира и сформировать картины процессуально-событийного мира (БТИСРГ, РГП ЭСС), предметного и опредмеченного мира (БТИСРС), атрибутивно-признакового мира (СТПРЯ), синонимической картины мира (СТСРР, БТИССРР) и др. Можно утверждать, что в подобных случаях, когда объект идеографического описания ограничен какими-либо параметрами: семантическими, категориально-грамматическими и др., — в словарях фиксируются неполные варианты картин мира, отображающие его фрагменты.

На основе обобщения полученных результатов частных классификаций, представленных в этих словарях, нами был сформирован Свод всех классификаций — Синописис (Бабенко 2015), который создан на основе совмещения идеографических классификаций лексики различных категориально-грамматических классов в составе идеографических словарей УСШ (БТСРГ 2007; БТСРС 2005; СТРП 2012; СТСРР 2007). Это наиболее полный вариант лексической категоризации мира, выявленной экспериментальным способом в результате идентификации слов различной частеречной принадлежности и оформленный в виде серии идеографических словарей. Он представляет в наиболее полном виде ЯКМ, репрезентированную языковыми и речевыми единицами русского языка различных семантико-грамматических и когнитивно-дискурсивных множеств: глаголами, существительными, прилагательными, синонимами, русскими глагольными предложениями, концептами и др. Он максимально приближен к миру действительности как глобальный полиаспектный и поличастеречный свод классификаций, способствующий адекватному и объективному его воспроизведению в формате ЯКМ с помощью точных экспериментальных лингвистических процедур. В настоящее время Синописис как глобальный свод идеографических классификаций является для нас основным ориентиром и образцом, той семантической картой, на которую мы ориентируемся при категоризации и систематизации САК и их размещении в БТИССАК. Кроме Синописиса, отдельно мы учитываем и опираемся на категоризацию синонимов, представленную в идеографических словарях синонимов, прежде всего в Словаре-тезаурусе синонимов русской речи

(СТСРР 2007) и Большом толковом идеографическом словаре синонимов русской речи (БТИССРР 2008) в которых очень четко прослеживается тенденция избирательной стратегии формирования синонимической картины мира. Синонимы реализуют особую специфическую функцию в отображении мира: функцию укрупнения и выделения в ЯКМ тех категорий и — шире — тех фрагментов мира, которые имеют особую значимость для национального сознания носителей того или иного языка и вследствие этого многообразно отображаются с помощью синонимических рядов слов. Если в общем Синописе вершину иерархии составляют 15 крупных денотативных сфер, то в идеографических словарях синонимов имеются только 10 из 15 подобных сфер. Разница обнаруживается как на уровне отбора сфер при их синонимической репрезентации, так и в количественной представленности синонимов той или иной сфере. В синонимической картине мира русского языка, с одной стороны, есть зоны повышенной синонимической плотности и насыщенности отображения определенных фрагментов, подчеркнутой значимости определенных денотативных сфер. Это такие сферы, как ЭМОЦИИ, ОЦЕНКА, ИНТЕЛЛЕКТ, РЕЧЬ, ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА и др. (Бабенко 2007: 15–22). С другой стороны, есть денотативные сферы с небольшим количеством синонимов и даже пустые, не заполненные синонимами денотативные сферы или минимально содержащие их. Например, такие как НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ, НАЦИИ, ВЕЩЕСТВА, РОДСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и др.

Создаваемый БТИССАК является в какой-то степени продолжением идеографических словарей синонимов. Он нацелен на выявление синонимико-антонимической картины мира и в качестве единиц ее репрезентации избирается интегративное множество синонимов и антонимов в их нерасторжимом единстве. Несомненно, что в его основе он будет опираться на категоризацию синонимов. Гипотетически мы можем предположить, что в нем также будут представлен выявленный ранее в словарях синонимов набор денотативных сфер, а в нем будут иметься зоны насыщенности / ненасыщенности репрезентации синонимико-антонимической картины мира. В основе категоризации САК этого словаря на горизонтальном базовом уровне будет идеографическая карта синонимии, но в каком объеме: полном или редуцированном? — это мы сможем узнать только на завершающем этапе работы. Пока на данном этапе работы над словарем и с учетом проделанной работы и созданных материалов БТИССАК мы можем назвать в качестве примера активные зоны представленности САК: «Особенности внешнего строения организма живого существа», «Физиологические потребности человека», «Эмоции», «Интеллект», «Речь». Примером малой насыщенности САК являются денотативные сферы «Развлечения и отдых», «Спорт». В целом пока на уровне горизонтального измерения САК в структуре словаря БТИССАК выявлено 10 сфер и соответственно 10 формирующих их базовых категорий: *Неживая природа. Живая природа. Человек как живое существо. Нации. Человек и его внутренний мир. Язык и речь. Общественно-государственная сфера. Социальная сфера жизни человека. Восприятие. Универсальные представления, смыслы и отношения.*

Итак, рассмотрение множества САК в горизонтальном измерении позволяет выявить разновидности САК классифицирующего типа, участвующие в категоризации мира действительности и репрезентирующие его базовые категории.

Рассмотрение всего множества САК в структуре БТИССАК в вертикальном измерении ориентировано на внутрипарадигматический анализ САК, связанный с выявлением и изучением разновидностей САК одного денотативно-идеографического типа, т.е. набором вариантов САК, имеющихся в одной денотативной сфере и в каждой ДИГ, например, в денотативной сфере 14. ВОСПРИЯТИЕ имеется четыре ДИГ, описанных в словаре на данный момент и опубликованных в материалах словаря¹¹, которые различаются типом восприятия: ДИГ «Акустическое восприятие»; ДИГ «Обонятельное восприятие»; ДИГ «Осязательное восприятие»; ДИГ «Вкусовое восприятие». Каждая из этих ДИГ в своем составе имеет разновидности, представляющие собой частные оппозиции. Так, в указанных группах обнаружена следующая картина синонимико-антонимической интерпретации восприятия: ДИГ «Акустическое восприятие» — 6 вариантов; «Обонятельное восприятие» — 1 вариант; «Осязательное восприятие» — 5 вариантов; «Вкусовое восприятие» — 4 варианта. Изучение внутрипарадигматической вариативности САК способствует, в свою очередь, выявлению их внутрисистемной иерархичности, обуславливающей внутреннюю структурную организацию САК одной ДИГ. В данной денотативной сфере наблюдается два уровня иерархии: первый высший уровень иерархии — четыре ДИГ, различающиеся типом восприятия, второй ниже лежащий уровень — 16 подгрупп, различающиеся по регулярным параметрам и аспектам различных процессов восприятия. Они неравномерно распределены по четырем ДИГ¹², формируя уникальную структуру САК денотативной сферы ВОСПРИЯТИЕ:

¹¹ Примеры приводятся из опубликованных материалов БТИССАК с учетом написанных словарных статей. Так, в данной сфере имеется еще ДИГ «Зрительное восприятие», но она еще не описана.

¹² **ВОСПРИЯТИЕ**

Акустическое восприятие

Благозвучный ↔ неблагозвучный

Высокий ↔ низкий

Громкий ↔ тихий

Звонкий ↔ глухой

Пронзительный ↔ мягкий

Протяжный ↔ отрывистый

Обонятельное восприятие

Душистый ↔ зловонный

Осязательное восприятие

Гладкий ↔ шероховатый

Гладкий ↔ бугристый

Вкусовое восприятие

Кислый ↔ некий

Сладкий ↔ горький

Сладкий ↔ кислый

Соленый ↔ несоленый

Итак, рассмотрение САК в вертикальном измерении с опорой на принципы иерархичности и вариативности позволяет, с одной стороны, выявить их структурно-организующую роль, с другой стороны, показать разнообразие когнитивно-дискурсивных стратегии в интерпретации фрагментов мира действительности при отображении ментальных слияний тождества и противоположности в определенных сферах бытия.

Эти принципы в целом свойственны для идеографических словарей, в которых они выполняют структурно организующую роль, реализуясь в контексте лексических множеств однотипной денотативной соотнесенности. Они предполагают внутри одной базовой категории наличие семантических связей вертикальной направленности конкретизирующего вариантного типа, порождающих семантические сети, узлами которых являются подмножества разного ранга и уровня, в которых может быть от двух и более уровней, модели которых специфичны и в то же время регулярны для каждой базовой категории. Подобная иерархическая направленность, предполагающая наличие лексических множеств различных уровней иерархии, выглядит следующим образом и обычно насчитывает три уровня в отображаемой денотативной сфере: денотативно-идеографический класс (ДИК), группа (ДИГ), подгруппа (ДИП), — но при этом их количество может быть уменьшено до одного-двух уровней или, наоборот, увеличено до 6–7 уровней иерархии. Например, в САК денотативной сферы СПОРТ выделяются две группы первого иерархического уровня: ДИГ «Спортивные упражнения и действия спортсменов» и ДИГ «Человек в спорте», а в САК денотативной сферы «ЖИВОЕ СУЩЕСТВО» — имеется ДИК «Живое существо (человек и животное)» как организм (первый уровень иерархии), в котором есть три ДИГ: «Процесс жизненного существования от рождения до смерти», «Особенности телосложения живого существа» и «Нарушения в организме живого существа» (второй уровень иерархии). Кроме того, во второй ДИГ имеются пять подгрупп (третий уровень иерархии), члены которых разграничиваются по признаку особенного строения живого существа: «Особенности телосложения», «Особенности строения головы», «Особенности строения тела или частей тела», «Особенности строения конечностей», «Особенности кожного покрова». Указанные подгруппы содержат 29 микрокомплексов — частных синонимико-антонимических оппозиций.

В результате горизонтально-вертикального иерархического размещения САК разных типов в структуре словаря четко разграничиваются их разновидности: главные базовые САК, важные с точки зрения категоризации мира (горизонталь), представляющие собой двучленные оппозиции, обладающие прототипической семантикой, наиболее ясно и точно выражающей семантическую идею отображаемого фрагмента действительности. Например, в ДИГ «Свойство объекта еды и питья» это будет базовая оппозиция «ВКУСНЫЙ ↔ НЕВКУСНЫЙ», в ДИГ «Речевое сообщение» — «ГОВОРИТЬ ↔ МОЛЧАТЬ». Подобные базовые оппозиции могут быть эксплицированы и обозначены в качестве отдельного названия, а могут быть имплицитными, не занимая позицию названия группы. На втором иерархическом уровне в составе ДИГ выделяются основные варианты САК,

интерпретирующие репрезентации базовых САК по регулярным моделям варьирования и формирующие подгруппы. Отдельно группируются частные синонимико-антонимические микрокомплексы, которые в лексически заполненном виде в формате дефиниций конкретизируют основные САК и включаются в их состав.

Стоит отметить, что для каждой денотативно-идеографической сферы, класса и группы свойственна своя специфика структуры САК, фактически каждый САК имеет свои содержательно-структурные особенности. Это проявляется в количестве основных базовых антонимических оппозиций в САК, регулярных частных вариантов в составе подгрупп САК, а также в специфике их семантики, рассматриваемой в аспекте интерпретации и профилирования типовой семантики.

Итак, системная организации САК, рассматриваемая в контексте пространственных измерений разной направленности, показывает, что в аспекте горизонтального измерения на основе анализа межпарадигматических связей выделяется мегапарадигма рядоположенных САК классифицирующего типа, выполняющих функцию категоризации и концептуализации мира, формирующих синонимико-антонимическую языковую картину мира. Их роль — фиксация ключевых базовых когнитивно-дискурсивных «вершин» САЯКМ. В аспекте вертикального измерения на основе анализа внутрипарадигматических связей выявляются САК вариантного типа, имеющие общую денотативную направленность, соотносящихся с определенным фрагментом мира, представляющие собой совокупность САК одной денотативной сферы, но разных уровней иерархии, составляющих единый когнитивно-дискурсивный комплекс, основанный на механизмах иерархичности и вариативности — когнитивно-дискурсивном и семантико-грамматическом варьировании. В отличие от первого типа они фиксируют лексическое наполнение словарных зон, соотносимых с определенными денотативными фрагментами мира.

IV. Особенности структурной организации БТИССАК: традиции и новизна

За годы создания идеографических словарей разных типов в УСШ сложилась традиция их внешней структурной организации, в которой принято выделять две главные части: 1. Идеографическое описание единиц словаря; 2. Алфавитный список единиц словаря с указанием номера денотативно-идеографической группы в идеографической части словаря. Если вторая часть по своему предназначению и принципам алфавитного расположения единиц словаря с целью облегчения их поиска в идеографической части принципиально не различается в разных словарях, то относительно первой части словаря нельзя говорить о единообразии представления в ней разного рода множеств единиц. В этом отношении имеются принципиальные различия в распределении классов единиц в словарях глаголов, существительных, синонимов, концептов и пр. Они касаются прежде всего внешней структуры словаря, которая представляет собой общую категоризацию лексики, т.е. глобальную структуру словаря, и внутреннюю структуру, касающуюся словарных статей.

Как мы писали ранее, внешняя глобальная структура БТИССАК ориентирована на СИНОПСИС и классификацию синонимов в словаре-тезаурусе синонимов русской речи, в соответствии с которыми так же, как и в СТСПР, в БТИССАК выявлены 10 базовых категорий, содержащих САК разного ранга и типа. Эти категории вынесены в качестве заглавных рубрик в оглавление словаря: ЖИВАЯ ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, НАЦИИ и др. Глобальная структура представляет собой, фактически, уровень базовых категорий.

С учетом принципа иерархичности нижележащим уровнем является уровень частных субкатегорий, формирующих ДИГ и репрезентируемых словарными статьями, которые обладают своей макроструктурой. Например, в ДИГ Интеллектуальная деятельность это ДИГ «Мышление», «Познание» и др. И, наконец, на уровне категориально-грамматических вариантов внутри ДИГ выявляется микроструктурный уровень, репрезентируемый микрокомплексами САК — двучленными антонимическими оппозициями в составе подгрупп (уровень категориально-грамматических деривационных вариантов). Все они были нами обозначены ранее при рассмотрении горизонтально-вертикального измерения САК.

Итак, основной структурный каркас словаря — его общая глобальная структура, т.е. — глобальная структурная организация всего словаря как целостного произведения, иерархическая структура ДИГ, содержащих САК, составляющих макроструктуру словарной статьи и включающих микрокомплексы частных антонимических оппозиций в составе САК, наличие которых обусловлено деривационной семантикой составляющих эту группу синонимико-антонимических параллелей, в различных аспектах интерпретирующих типовую семантику САК.

Список сокращений наиболее часто используемых в статье терминов

- БТИСРГ — Большой толковый идеографический словарь русских глаголов
- БТИСРС — Большой толковый идеографический словарь русских существительных
- ДИГ — денотативно-идеографическая группа
- ДИК — денотативно-идеографический класс
- ДИП — денотативно-идеографическая подгруппа
- ДС — дифференциальная сема
- САК — синонимико-антонимический комплекс
- САЯКМ — синонимико-антонимическая языковая картина мира
- СПР — синонимический ряд
- СТПРЯ — Словарь-тезаурус прилагательных русского языка
- УСШ — Уральская семантическая школа
- ЯКМ — языковая картина мира

Основные идеографические словари, подготовленные коллективом Уральской семантической школы

БТИССРР: Бабенко Л.Г. и др. Большой толковый словарь синонимов русской речи : идеографическое описание, 2000 синонимических рядов, 10500 синонимов / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва, 2008.

БТСРГ: Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. 2-ое изд. Москва, 2007.

БТСРС: Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2005.

БТССРР: Большой толковый словарь синонимов русской речи: деографическое описание, антонимы, фразеологизмы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2008.

БТИССАК: Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов. Проспект / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва; Екатеринбург, 2021.

КРЯКК: Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2017.

РГПЭСС: Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва, 2016.

СТРП: Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2012.

СТСРР: Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. Л.Г. Бабенко. Москва, 2007.

СТСРР: Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2007.

СТСРЯ: Словарь-тезаурус синонимов русского языка / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2017.

ССРЯ: Словарь синонимов русского языка / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2011.

ССРЯС: Современный словарь русского языка. Синонимы / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Москва, 2011.

Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва; Екатеринбург, 2015.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова 2001: Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: практ. справ.: ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. Москва, 2001.

Апресян 1974: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва, 1974.

Апресян 2004: Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва; Вена, 2004.

Бабенко 2002: Бабенко Л.Г. О концепции толкового идеографического словаря синонимико-антонимических комплексов // Русская языковая личность в зеркале лексикографии: материалы XII Кузнецовских чтений. Екатеринбург, 2002.

Бабенко 2007: Бабенко Л.Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ: в 7 т. Т. 4. Язык, сознание, личность. Sofia, 2007, 15–22.

Бабенко 2015: Бабенко Л.Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2015, 22–42.

Бабенко 2016: Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26, 37–41.

Бабенко 2019: Бабенко Л.Г. Проект словаря синонимико-антонимических комплексов: проблемы лексикографической интерпретации типовой семантики и пути их решения // Научный диалог. 2019. № 10, 42–60.

Бабенко 2020а: Бабенко Л.Г. Антонимия в контексте синонимии: принципы лексикографического описания в идеографическом словаре // Филологический класс. 2020. № 1, 8–16.

Бабенко 2020б: Бабенко Л.Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций // Научный диалог. 2020. № 9, 9–47.

Баранов 1995: Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. Москва, 1995.

Болдырев 2014: Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов, 2014.

Васильев 2000: Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка: Предикаты свойства, поведения и звучания. Учеб. пособие для студентов и аспирантов. Уфа, 2000.

Введенская 1974: Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1976.

Введенская, Колесников 1977: Введенская Л.А., Колесников Н.П. Антонимо-синонимический словарь и его значение для обучения русскому языку иностранцев // Актуальные проблемы учебной лексикографии / Сост. В.А. Редькин. Москва, 1977, 166–172.

Евгеньева 2001: Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва, 2001.

Иванова 1982: Иванова В.А. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.

Ирисханова 2002: Ирисханова О.К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных (к проблеме языковой композиционности) // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж, 2002, 339–345.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Кожевников 2003: Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: Практический справочник: в 2 т. Санкт-Петербург, 2003.

Козырев, Черняк 2004: Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. Москва, 2004.

Колесников 1972: Словарь антонимов русского языка / Под ред. чл.-кор. АПН СССР проф. Н.М. Шанского. Тбилиси, 1972.

Кубрякова 2004: Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения; роль языка в познании мира. Москва, 2004.

Кузнецова 1980: Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. Свердловск, 1980.

Львов 1984: Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антоним. пар. 2-ое изд., испр. и доп. Москва, 1984.

Михайлова 2015: Михайлова О.А. Словарь синонимов русского языка. Словарь антонимов русского языка. Москва, 2015.

Морковкин 1970: Морковкин В.В. Идеографические словари. Москва, 1970.

Мухин 2016: Мухин М.Ю. Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор // Новая Россия: Традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посв. юбилею засл. деятеля науки РФ д-ра филол. наук проф. Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г. Екатеринбург, 2016, 159–167.

Мухин 2017: Мухин М.Ю. Границы русской антонимии и лексикографическая практика // Известия УрФУ (Уральского федерального университета). Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166), 203–214.

Новиков 1985: Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. Москва, 1985, 5–30.

Новодранова 2002: Новодранова В.Ф. Композиционная семантика (на материале медицинской терминологии) / Н.Ф. Новодранова // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж, 2002, 315–319.

Федосов 2001а: Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка. Волгоград, 2001.

Федосов 2001б: Федосов Ю.В. Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка. Волгоград, 2001.

Черняк 1991: Черняк В.Д. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность // Лексическая семантика. Сб. науч. тр. Свердловск, 1991, 40–48.

Шведова 1998–2007: Шведова Н.Ю. (ред.) Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1–3. Москва, 1998–2007.

Шильнова 2017: Шильнова Н.И. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка. Москва, 2017.

Щерба 1974: Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974, 265–304.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

А.Н. БАРАНОВ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

baranov_anatoly@hotmail.com

Д.О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-4531-6968>

dobrovolskij@gmail.com

В статье обсуждаются принципы идеографического описания фразеологической системы русского языка. Представлены основные этапы проекта фундаментального исследования русской фразеологии. Одним из этапов этого проекта явилось создание словарей-тезаурусов русской идиоматики. Рассматриваются различные аспекты разработанных тезаурусных описаний, обращается внимание на то, что тезаурус является одним из вариантов семантической сети. Более полное лексикографическое представление должно учитывать все многообразие отношений, существующих между фразеологизмами как единицами языка и как единицами речи.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, тезаурус, идеографическое описание, семантическая сеть

RUSSIAN PHRASEOLOGY FROM THE IDEOGRAPHIC PERSPECTIVE

A.N. BARANOV

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

D.O. DOBROVOL'SKIJ

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

The article discusses the principles of the ideographic description of the phraseological system of Russian. We describe the main stages of our research project on Russian phraseology. One of the stages of this project was the creation of thesauri of Russian idioms. We consider various aspects of the ideographic description of idioms. Our idiom thesauri presented in the given paper fix paradigmatic relations between idioms. From this point of view, they can be regarded as a kind of semantic network. A more complete lexicographic representation of the Russian phraseology should include all the variety of relations between idioms in language and speech.

Keywords: phraseology, idioms, thesaurus, ideographic description, semantic network

1. Исходные предпосылки

В Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН с 90-х годов XX века осуществляется проект по изучению и научному описанию русской фразеологии. Основная цель проекта заключается в том, чтобы отразить состав современной русской фразеологии, начиная с 60-х гг. XX в., а также исследовать синтаксис, семантику и прагматику фразеологических единиц — в первую очередь идиом как центральной части системы фразеологизмов. Эта работа была начата с создания словника современной русской идиоматики, который лег в основу идеографического описания идиом (Словарь-тезаурус 2007; Тезаурус русских идиом 2018).

Идеографическое описание было выбрано как один из первых этапов работы над проектом не случайно. Распределение идиом по смысловым, или тематическим, группам — важнейшее условие их семантической экспликации. На последующих этапах создавались толковые словари идиоматики (ФОС 2009, АСРФ 2020), а также проводились теоретические исследования русской фразеологии (Баранов, Добровольский 2008; 2013). Понятно, что достоверное лингвистическое исследование идиоматики должно опираться на полный и структурированный словник идиом.

Отметим, что в мировой и отечественной практике отсутствуют полные идеографические описания идиом. В некоторых словарях (Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987; Яранцев 1997; СОВРЯ 1995; Бирих, Мокиенко, Степанова 1997) выделяются семантические поля идиом, однако эти словари сделаны на ограниченном материале. Словники этих словарей не превышают полутора тысяч фразеологизмов. Кроме того, подобные словари либо недостаточно детально структурируют идиоматический материал, либо представляют идиоматику в виде изолированных синонимических рядов.

В англоязычной и немецкоязычной лексикографии также отсутствуют исчерпывающие словари фразеологии тезаурусного типа. Имеются лишь словари с более или менее ограниченным словником — ср. (Görner 1979; Müller 1994; Spears 2000). Особо следует упомянуть идеографический словарь устойчивых выражений немецкого языка (Schemann 1989), который, отличаясь значительным объемом словника, не включает примеров и основывается, по сути, на дедуктивной схеме, в каком-то отношении близкой тезаурусам Роже (Roget's Thesaurus 1987), Дорнзайфа (Dornseiff 1959) и прежде всего Халлига и Вартбургга (Hallig, Wartburg 1963)¹.

В испанской фразеографии есть пример словаря, приближающегося по своей структуре к идеографическому (Rodríguez Vida 2011). Он включает порядка 16000 единиц, распределенных по 4300 тематическим полям («концептам»). Имеются и другие идеографические описания фразеологии европейских языков.

¹ Хотя эти тезаурусы устроены весьма различным образом, их объединяет принципиальная установка на описание лексического состава естественного языка по некой иерархической, древовидной схеме. Подробнее о тезаурусах вообще см. (Караулов 1976; Marelllo 1990).

Так, двуязычный словарь французского и бразильского варианта португальского языков «Dictionnaire d'expressions idiomatiques» (около 4000 единиц по обоим языкам) организован по смысловым группам и имеет вид лексикографической базы данных.

Созданные в рамках нашего проекта идеографические словари «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (Словарь-тезаурус 2007) и «Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты» (Тезаурус русских идиом 2018)² построены индуктивно, то есть не от абстрактной логической схемы к идиомам, а от идиом к семантическим полям — см., в частности (Баранов, Добровольский 1992). Они основываются на абсолютно новом для фразеологии языковом материале. Мы исходим из представления, что индуктивный способ построения тезауруса более оправдан как по отношению к обычной лексике, так и в особенности применительно к фразеологии³. Дело в том, что многие априорно постулируемые семантические поля могут вообще отсутствовать в том или ином языке и тем более в его фразеологии. Тем самым, исходя из чисто логической схемы, невозможно предсказать существование тех или иных полей во фразеологии.

К особенностям структуры Тезаурусов следует отнести отсутствие последовательной древовидной схемы таксонов. Это отражает естественное устройство семантики фразеологии, которая в общем случае организована не по иерархическому, а по сетевому принципу (см. подробнее ниже). Связи между таксонами отражаются в виде парадигматических отсылок, соответствующих интуиции авторов словаря. Отсюда следует, что нет мотивированного порядка расположения таксонов относительно друг друга, хотя чисто технические способы здесь вполне возможны (например, упорядочивание по алфавиту или априорным семантическим категориям).

Кроме того, одной из важных особенностей нашего подхода является разделение таксона на центральную часть и периферию, что отражает общее представление о том, что в основе семантики естественного языка лежат не контрарные противопоставления, а шкалы, устроенные по градуальному принципу, то есть лексическая единица (и тем самым фразеологизм) может входить в то или иное семантическое поле в большей или меньшей степени.

Концепция фразеологии, которая послужила теоретическим основанием Тезаурусов, обсуждалась нами в различных работах — см. (Баранов, Добровольский 1992; 2008; 2013; Dobrovol'skij 1995). Важнейшей категорией теории фразеологии является понятие идиомы. К идиомам относятся сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости (Баранов, Добровольский 2013: 69–72). Именно идиомы являются единицами словника Тезаурусов. Словник этих словарей создан в результате последовательного чтения текстов и выявления в них идиом. Материал собирался методом сплошной выборки. В результате был получен общий словник, объемом 55 тыс. идиом, введенный

² В дальнейшем изложении оба этих словаря для краткости называются «Тезаурусы».

³ Преимущества и недостатки дедуктивной и индуктивной стратегии построения тезауруса для фразеологии обсуждаются также в (Никитина 1995).

в компьютерную базу данных. Далее словник унифицировался: объединялись варианты одной идиомы, устанавливался опорный компонент для последующей алфавитизации и пр. Одновременно каждой идиоме приписывался набор семантических дескрипторов, которые далее позволили распределить идиомы по семантическим полям. В этом смысле дескрипторы оказывались элементами идеографического описания. Так идиома *платить той же монетой* маркировалась дескрипторами 'соответствие' и 'расплата'. В последующем по первому дескриптору эта идиома была помещена в таксон сходство, соответствие; совпадение; равенство, тождество, а по второму — в таксон претензии, расплата.

2. Характеристика материала

Важнейшее отличие Тезаурусов от имеющихся фразеологических словарей состоит в их ориентации на современный аутентичный языковой материал. В словник включены только те идиомы, которые были обнаружены в публицистических и художественных текстах 60–90 годов XX века, а также частично начала XXI в. Если та или иная идиома ни разу не встретилась в базе данных и корпусах текстов, она не включалась в словник Тезаурусов, независимо от того, представлена ли она в существующих фразеологических словарях или нет. В словник Тезаурусов не вводились устаревшие идиомы, значение которых неизвестно большинству носителей современного русского языка. К таковым были, в частности, отнесены идиомы типа *семо и овамо*, *выписывать мыслете*, *подбитый ветром*, *охулки на руку не класть*. Отчасти это обедняет словарь, поскольку некоторые писатели сознательно вводят в свои тексты устаревшую идиоматику, играя на эффекте необычности и непрозрачности (ср. романы Саши Соколова). В то же время устаревшие идиомы, понятные без специальных объяснений — типа *во время оно*, *на веки вечные*, — включались в Тезаурусы в пометой *устар.* Четких принципов разграничения современных и устаревших идиом мы предложить не можем. Единственный критерий, который использовался при формировании словников — собственная интуиция.

Тот же принцип ориентации на первоисточники был положен в основу формирования корпуса примеров. Примеры использования идиом брались не из словарей, а из оригинальных текстов. Цель такой стратегии заключается в том, чтобы по возможности объективно отразить в словнике и корпусе примеров современное состояние русской идиоматики. В (Тезаурусе русских идиом 2018) в качестве примеров используются предложения, которые, однако, построены на основании реальных контекстов употребления — по большей части начала XXI в.

Таким образом, стратегия формирования источников и соответственно материала Тезаурусов, а также этапы работы над данным проектом определялись тремя факторами:

- дескриптивным характером Тезаурусов;
- ориентацией на узус 60–90 годов XX века и начала XXI века;
- необходимостью введения в сферу научного описания современных речевых данных по фразеологии.

Следует подчеркнуть, что указанный период развития языка не является гомогенным. Он охватывает и хрущевскую «оттепель», и период «застоя», и перестройку, и постперестройку, и современность. Общественно-политическая ситуация, разумеется, в значительной мере влияла и влияет на функционирование русского языка. Особенно сильные изменения произошли в период перестройки.

Генеральный словарь Тезаурусов сформирован на основе Базы данных по современной идиоматике — первом источнике проекта. База данных к настоящему времени включает 55 тыс. контекстов употребления идиом. С жанровой точки зрения База данных охватывает все основные сферы употребления русского языка — художественная литература, публицистика, различные жаргоны, частично представлена и научная литература. Формирование Базы данных по современной идиоматике было завершено, когда регулярно проводившиеся эксперименты на полноту представления материала показали приближающийся к стопроцентному учет данных. Иными словами, когда в случайной выборке текстов рассматриваемого периода по указанным источникам (порядка 20 стр. текста) оказался лишь один процент (или менее) новых идиом, последовательное расписывание текстов для Базы данных прекратилось.

3. Стилистическая дифференциация материала

Для стилистической характеристики идиом была специально разработана система классификации, которая предусматривает использование временных и стилистических помет. Кроме того, предлагаются два новых типа помет — дискурсивные пометы и регистровые операторы. Так, к временным пометам относятся пометы *устар.* «устаревшее» (ср. *спокон веков/веку*) и *совет.* «советское» (*страна чудес [и членов КПСС]*). Стилистические пометы в основном являются традиционными:

- *высок.* — «высокое» (*пыль веков, [да] минует/минет чаша сия (кого-л.), с нами крестная сила*);
- *нейтр.* — «нейтральное» (*отчаянные головы, вызвать огонь на себя, на каждом шагу, знать себе цену*);
- значимое отсутствие пометы — «стилистический ноль» (*до победного, как из пушки, медвежий угол*);
- *снижен.* — «сниженное» (*разлюли-малина; метать икру; я с тобой свиней вместе не пас; гуляй, Вася!*);
- *груб.* — «грубое» (*в задницу, к свиньям собачьим; в дерьме [быть/сидеть/оказаться...], к едрене фене*);
- *неприл.* — «неприличное» (*[сидеть...] не отрывая жопы, ни бзднуть ни пёрнуть (где-л.)*);
- *неценз.* — «нецензурное».

Основное новшество в данной группе помет — введение пометы *нейтр.* и исключение пометы *разг.* Это связано с тем, что большая часть идиом относится к разговорному стилю речи. Принцип научного описания требует, чтобы пометы

маркировали выделенное множество единиц, а не большинство — «фон». Помета «стилистический ноль» — это не обязательно характеристика только разговорных идиом. «Ноль» — это отклонение от нейтрального стиля речи либо в сторону снижения (в частности, за счет разговорных слов в составе идиомы), либо в сторону очевидной образности речи. Например, *сбиться с ног, мчаться на всех парусах* — это не *снижен.*, но и не *нейтр.*, это «стилистический ноль» из-за очевидного и хорошо ощущаемого образа. Их мы и относим к стилистическому «стандарту» идиоматики.

Помета *снижен.* относится не ко всем сниженным идиомам, поскольку сниженными являются также и грубые, неприличные и нецензурные фразеологизмы, а к тем идиомам, которые, не будучи ни нейтральными, ни «нулевыми» (в указанном выше понимании), встречаются преимущественно в ситуациях стиля речи, несколько более сниженного по сравнению со стилем обыденной коммуникации. При этом они не относятся ни к грубым, ни к неприличным или нецензурным выражениям. Так, идиома *с полтинка* ощущается как сниженная по отношению к разговорному стандарту, не являясь в то же время ни грубой ни, тем более, неприличной или нецензурной. Отметим, что ситуация употребления сниженных идиом (помета *снижен.* и ниже) часто предполагает жестикуляцию, которая не приветствуется в нормированной коммуникации, ср. *ни бум-бум (кто-л. в чём-л.)*.

Отметим, что, хотя обценные идиомы присутствуют в (Словаре-тезаурусе 2007), они изъяты из словника (Тезауруса русских идиом 2018).

Пометы *книжн.* «книжное», *журн.* «журнализм», *жарг.* «жаргонизм», *совидеол.* «советская идеология», *народн.* «народное» и *прост.* «просторечное» мы относим к дискурсивным, поскольку они характеризуют не стилистический регистр языка в точном смысле, а специфические особенности номинации в конкретном подъязыке. Иными словами, такие идиомы входят в набор дискурсивных практик соответствующих сфер функционирования языка.

Сфера действия пометы *совидеол.* часто пересекается со сферой действия временной пометы *совет.* Подобные пересечения естественны, поскольку соответствующий тип дискурса принадлежит истории. Однако в ряде случаев идиомы, характерные для языка советской эпохи, могут и не нести никакой идеологической нагрузки. Некоторые из таких идиом получают пометы «*совет. журн.*»; ср. *голубой экран, [одна] шестая часть суши*. Примерами выражений, получающих помету *совидеол.* могут служить такие идиомы, как *опиум для народа, продажная девка империализма, школа коммунизма*. Помета *жарг.* приписывается не только идиомам типа *лепить горбатого, гнать дуру, склеить ласты* (в этих случаях помета *жарг.* часто используется в сочетании с регистровыми пометами *снижен.* и *груб.*), но и идиомам типа *груз 300*, употребляющимся в профессиональных жаргонах (в данном случае в военном).

В ряду дискурсивных помет используется также помета *народн.*, характеризующая идиомы, типа *ехать в Тулу со своим самоваром; по усам текло, а в рот не попало; знать свой шесток; [семь вёрст] киселя хлебать (куда-л.)*.

4. Учет неоднородности плана содержания идиомы

В современной семантике стало общим местом утверждение, что план содержания языковых выражений неоднороден с точки зрения значимости и коммуникативного статуса его отдельных компонентов (Bolinger 1974; Wierzbicka 1972; Апресян 1974; Падучева 1977). Это в полной мере относится и к идиомам. Например, идиома *на вес золота* содержит в своей семантике компоненты 'ценность' и 'недостаточное количество', которые интуитивно воспринимаются как неоднородные по значимости. Судя по контекстам типа (1), идиома употребляется в ситуации, когда, нечто рассматривается как 'большая ценность'. Этот смысл является центральным в семантике обсуждаемого выражения. В то же время идея 'недостаточного количества' также присутствует в ряде контекстов, ср. (2).

(1) Времена-то, сам знаешь, какие наступают! Литературе вроде как вольную дают... Теперь люди с моим уровнем критического мышления *на вес золота* будут! (Ю. Поляков. Козленок в молоке);

(2) В мрачные времена Средневековья карлики ценились *на вес золота*. Всякий мало-мальски уважающий себя правитель должен был иметь при себе хотя бы одного (Московский комсомолец).

Эта идиома включается в центральную часть таксона важность, значимость, ценность и в периферийную часть таксона мало, меньшая часть, недостаточно; немного. Целесообразность такого решения следует из значения данной идиомы: 'нечто рассматривается как большая ценность, часто имеющаяся в недостаточном количестве'.

Помимо распределения идиом по центральной и периферийной частям таксонов, в Тезаурусе используется также система парадигматических отсылок. В первую очередь парадигматические отсылки призваны отразить сетевую структуру идиоматики. Однако они также позволяют передать неоднородность плана содержания тех или иных идиом. Например, идиомы таксона богатство, материальное благополучие имеют в своей семантической структуре тривиальный компонент 'много', поскольку богатство предполагает значительное количество какого-то материального ресурса.

5. Учет дискурсивной функции идиомы

Словники современных фразеологических словарей никак не учитывают весьма важную как с теоретической, так и с практической точки зрения группу идиом, тесно связанную по своему значению с дискурсом, с ситуацией общения. В Тезаурусе идиомы этого типа выделены в особую зону таксона, которая называется «Речевые формулы» — см. подробнее (Баранов, Добровольский 2013: 70–72).

Имеются в виду такие идиомы, как *старость не радость, не гони лошадей, избави бог, дурак или родом так?, поживем — увидим, как только так сразу*, которые в отличие от фразеологизмов *коломенская верста, пить горькую, принимать в штыки*, более тесно связаны с конкретными факторами ситуации общения. Так,

идиома *старость не радость* может употребляться как речевой комментарий к каким-то действиям, осуществляющимся конкретным лицом в ситуации общения, нечто вроде ‘оценивая данную ситуацию, говорящий объясняет возникшие у кого-либо трудности тем, что кто-либо стар’. Ср. контексты типа (3) и (4).

(3) — <...> Соскучился, выпил, может быть, лишнего... Много ли такому старичку требуется! — Да-а-а, — присоединилась к ее мнению кассирша, — *старость не радость*... Пойдемте, девушки, в помещение!.. (Л. Лагин. Старик Хоттабыч);

(4) Теперь припоминаю, — солгал Энэн, — да, именно, передавала вашу записку. Простите, совсем забыл. — *Старость не радость*, — вздохнула Варвара Владиславовна, — я теперь лечусь у гомеопата, чудеса делает, вдохнул в меня новую жизнь (И. Грекова. Кафедра).

Отсылка к предшествующей ситуации с определенностью указывает на дискурсивную зависимость идиомы *старость не радость*. Легко видеть, что такая отсылка отсутствует в идиомах *до седых волос*; *старая дева, на краю могилы, божий одуванчик, пропахнуть нафталином*. Таким образом, характеристика идиомы *старость не радость* по чисто семантическим параметрам (то есть отнесение ее, наряду с перечисленными идиомами, к семантическому полю СТАРОСТЬ) оказывается недостаточной для описания ее дискурсивной функции.

Речевым формулам свойственна фиксированность иллюкутивной силы, которая задается в исходной словарной форме. Например, если сравнить две идиомы — *и куда только смотрит (кто-л.)?* и *блоха в кармане и вошь на аркане (у кого-л.)* — то первая используется только в риторических вопросах, а вторая допускает различные иллюкутивные контексты. Ср. (а) — риторический вопрос и (б) — контекст повествования: (а) — *Спасибо еще, что нас на таможне не трясли. — А чего нас трясти? Разве не видно, что у нас блоха в кармане и вошь на аркане?* (б) — *Этот кот так себе на уме, что не знаешь, чего от него ждать. Жаль только, что у его нового хозяина блоха в кармане да вошь на аркане, а то б я с него за этого кота и сто баксов слупил бы*. По этой причине лишь первая идиома относится к речевым формулам. Речевые формулы в самом общем виде могут быть определены как идиомы разных структурных типов, функционально эквивалентные высказыванию с фиксированной иллюкутивной силой.

6. Тезаурус как семантическая сеть

В общем случае семантическая сеть формируется узлами, которые соединяются между собой различными семантическими отношениями. В отличие от дерева, семантическая сеть не ориентирована, не имеет иерархической структуры. В зависимости от типа семантических отношений между узлами могут существовать отношения наследования семантических свойств, временные и каузальные связи и пр. С формальной точки зрения каждый из наших Тезаурусов представляет собой совокупность таксонов, упорядоченных по достаточно произвольным характеристикам. Это связано с тем, что естественная языковая семантика в целом устроена не по «древесному», принципу, а по сетевому. Отдельные фрагменты лексической

системы могут быть упорядочены в виде дерева — например, термины родства, названия цветов, овощей, фруктов, животных и пр. «Древесная» структура может быть обнаружена и в таких таксонах Тезаурусов, как время и количество, однако это, скорее, исключение, чем правило.

Тем самым Тезаурусы представляют собой не единые деревья, а множество различных таксонов, некоторые из которых имеют структуру деревьев. Древовидные таксоны содержат корневую часть, в которую включены идиомы с очень общей семантикой, а также идиомы, для которых не нашлось особого подтаксона в рамках данного древовидного таксона. Например, в корне таксона пространство, место оказались как идиомы *мать сыра земля, этот свет*, характеризующиеся довольно широкой пространственной семантикой, так и идиомы с более конкретными значениями: *в головах, за бугром, под открытым небом* и пр.

Традиционные структуры тезаурусов в том виде, в котором они представлены в словарях Роже, Дорнзайфа, Халлига и Вартбурга, это компромисс — функция отображения сети в дерево, приводящая к неизбежным искажениям. Следовательно в тезаурусах необходимы «горизонтальные» отсылки (ср. тезаурус Роже). В наших Тезаурусах связи между таксонами выражаются комплексом парадигматических отсылок. Еще одним способом отражения сетевых связей в идиоматике является разделение таксона на центральную и периферийную часть.

В информационно-поисковых тезаурусах, которые образуют основу информационно-поисковых языков, обычно выделяются три основных вида парадигматических отношений: отношения ‘род-вид’, антонимические и ассоциативные отношения. Поскольку выделение ассоциативных отношений трудно формализовать, что может привести к абсолютному произволу при создании системы парадигматических отсылок, мы старались ориентироваться на родо-видовые отношения и их модификации. Заметим, что антонимические отношения и часть родо-видовых отношений фиксируются в самой структуре таксонов Тезауруса. Например, отношение антонимии представлено в названиях таксонов хорошо — плохо, бедность — богатство, движение — остановка, важность — неважность. Это означает, что в них выделяются подтаксоны, содержащие идиомы с соответствующими антонимичными семами.

В Тезурусах отражались следующие типы парадигматических отношений. Отношение **включения**, предполагающее, что идиомы с более «частным» значением помещаются в соответствующие им таксоны, а от таксонов с более общим значением к ним делаются отсылки. Например, идиомы *до седых волос, старая гвардия, старая дева, мышинный жеребчик, старой закваски* включены в таксон старость, а из таксона с более общим смыслом давно сделана отсылка к таксону старость. Большое количество отсылок такого типа к другим таксонам содержат поля интенсификаторы общего характера, хорошо, плохо. Это связано с тем, что такие смыслы как ‘очень, сильно’, ‘хорошо’ и ‘плохо’ представлены в семантике большого количества идиом, распределенных по самым разным таксонам. Понятно, что отсылки, за которыми стоит отношение включения, однонаправлены, поскольку само отношение включения асимметрично.

Классические родо-видовые отношения отличаются от отношения включения только тем, что категория X является родовой по отношению к категориям Y, ..., Z. В качестве примера родо-видовых отношений приведем таксоны НАКАЗАНИЕ... и КАЗНЬ. Поскольку казнь (ср. *высшая мера [наказания], пусть... в расход (кого-л.), поставит к стенке (кого-л.)*) является видом НАКАЗАНИЯ, в таксоне НАКАЗАНИЕ... есть отсылка к казни, но не наоборот.

В некоторых случаях отражалась не безусловная логико-семантическая связь между таксонами, а скорее вероятностная. Здесь можно говорить об **отношении пересечения по экстенсионалу**. Например, некоторые идиомы таксона СТАРОЕ типа *сдать в архив (кого-л./что-л.), выдавший виды, пропахнуть нафталином, в обед сто лет* могут использоваться по отношению к старым людям (хотя и не обязательно). Иными словами, часть экстенсионала таксона СТАРОЕ пересекается с частью экстенсионала таксона СТАРОСТЬ. И наоборот — некоторые идиомы таксона СТАРОСТЬ (*старая гвардия, старой закваски*) в некоторых контекстах обращают внимание не на старость человека, а на его воззрения, нормы, ценности, которые интерпретируются как старые. В таких случаях делались симметричные отсылки.

В выбранном нами способе организации Тезаурусов сетевые отношения эксплицируются не только парадигматическими отсылками, но и дублированием идиомы в разных таксонах. Это может указывать как на то, что идиома употребляется в этих таксонах в разных значениях, так и на то, что в одном и том же значении в ее плане содержания представлены разные семы. Например, речевая формула *снова (-) здорово* содержит в своей семантике компоненты ‘опять, повторно’ и ‘проблемы, трудности’. Тем самым она попадает в таксоны СНОВА, ОПЯТЬ, ПОВТОР и ТРУДНОСТИ... С другой стороны, идиома *вверх тормашками* в значении ‘в положении, когда нижняя часть находится наверху, а верхняя — внизу’ попадает в таксон ПОЛОЖЕНИЕ в ПРОСТРАНСТВЕ, а также в таксон ДВИЖЕНИЕ (с глаголами *перевернуть, быть, находиться, лететь*). В значении ‘радикально’ обсуждаемая идиома введена в таксон ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА (*либерализация цен все перевернула вверх тормашками*). В значениях ‘верхней частью вниз, а нижней вверх’ и ‘(привести) в сильный беспорядок’ указанная идиома попадает в таксон БЕСПОРЯДОК, а в значении ‘ненормально и приводя к неукладке’ — в таксон ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА.

В Тезаурусах не представлены те связи между таксонами, которые отражают знания о мире и не фиксируются регулярно в значении идиом (здесь, впрочем, могут быть исключения, ср. родо-видовые отношения). Например, война или болезнь могут вести к смерти, однако в идиомах такое совмещение семантики болезни и смерти, а также войны и смерти нерегулярно. Таким образом, экстралингвистические знания не фиксируются в отсылках, если они не поддерживаются семантикой соответствующих идиом. Однако, если идиома совмещает в значении идею войны и идею смерти (например, *сложит голову*), она попадает в соответствующие таксоны.

Из сказанного следует, что в отсылках от таксона к таксону эксплицируется лишь небольшая часть семантических отношений, существующих между семантическими полями идиом. Однако выделяемые отношения в каком-то смысле формируют «линию тренда», которая позволяет более четко увидеть основные семантические связи между группами идиом.

* * *

В заключение о двух ипостасях Тезаурусов. В первую очередь, Тезаурусы — конечно, словари, которые фиксируют современное состояние русской идиоматики, вводят в научный обиход совершенно новый и оригинальный языковой материал. Такие данные было бы невозможно получить без использования современных компьютерных технологий обработки языковых данных, без представительной корпусной основы. Выбранный в Тезаурусах способ семантического описания с неизбежностью огрубляет семантические противопоставления, существующие между отдельными идиомами. Однако это компенсируется полнотой словника и контекстами употребления. Разработанная система стилистических помет позволяет читателю уверенно ориентироваться в разнообразных ситуациях употребления идиом.

Кроме того, Тезаурусы представляют собой инструмент и одновременно объект лингвистического исследования — ср. (Баранов, Добровольский 2006). Собранный материал позволяет в полной мере оценить состав современной русской идиоматики, структуру семантических полей, покрываемых идиоматикой, семантические связи между ними. Изучение парадигматических отношений между таксонами дает возможность определить, какие из них являются более «центральными», более важными во фразеологической системе. Даже простая количественная оценка идиом, входящих в различные поля, служит надежной основой для выводов об устройстве русской «фразеологической картины мира». Разумеется, есть и другие направления использования Тезауруса как инструмента и объекта лингвистического исследования, которые определяются в дальнейшей работе с ним.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1974: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва, 1974.

АСРФ 2020: Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2020.

Баранов, Добровольский 1992: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. К проблеме построения тезауруса русских идиом // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 5, 60–68.

Баранов, Добровольский 2006: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Тезаурус как объект лингвистического исследования (кванторные смыслы в русской идиоматике) // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Москва, 2006, 306–315.

Баранов, Добровольский 2008: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. Москва, 2008.

Баранов, Добровольский 2013: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. Краткий курс. Москва, 2013.

Бирх, Мокиенко, Степанова 1997: Бирх А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997.

Жуков, Сидоренко, Шкляров 1987: Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П. Жукова. Москва, 1987.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Никитина 1995: Никитина Т.Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вопросы языкознания. 1995. № 2, 68–82.

Падучева 1977: Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. Москва, 1977, 91–124.

Словарь-тезаурус 2007: Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Москва, 2007.

СОВРЯ: Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телии. Москва, 1995.

Тезаурус русских идиом 2018: Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского 2-е изд., испр. и доп. (1-е изд. 2017). Москва, 2018.

ФОС 2009: Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Москва, 2009.

Яранцев 1997: Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. Москва, 1997.

Bolinger 1972: Bolinger D. Degree words. The Hague, Paris, 1972.

Dictionnaire d'expressions idiomatiques: Dictionnaire d'expressions idiomatiques: Français — Portugais — Français. Электронный ресурс: https://www.cnrtl.fr/dictionnaires/expressions_idiomatiques/

Dobrovol'skij 1995: Dobrovol'skij D. Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen, 1995.

Dornseiff 1959: Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 5. Aufl. Berlin, 1959.

Görner 1979: Görner H. Redensarten. Kleine Idiomatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1979.

Hallig, Wartburg 1963: Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. 2., neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin, 1963.

Marello 1990: Marello C. The Thesaurus // Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L. (Hrsg). Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Teilbd. 2. Berlin; New York, 1990, 1083–1094.

Müller 1994: Müller K. Lexikon der Redensarten. Gütersloh, 1994.

Rodríguez Vida 2011: Rodríguez Vida S. Diccionario temático de frases hechas. Barcelona, 2011.

Roget's Thesaurus 1987: Roget's thesaurus of English words and phrases. New edition. Harlow, 1987.

Schemann 1989: Schemann H. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten. Unter Mitarbeit von Birkenhauer R. Straelen, 1989.

Spears 2000: Spears R.A. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. Lincolnwood, 2000.

Wierzbicka 1972: Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt am Main, 1972.

СЛОВАРЬ СЕМАНТИЧЕСКИЙ И / ИЛИ СЛОВАРЬ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ¹

А.С. БЕЛОУСОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-8652-1004>
gramilex@inbox.ru

В статье рассматриваются основные идеи, положенные в основу научных концепций словарей новых жанров, созданных академиком РАН Н.Ю. Шведовой совместно с руководимым ею коллективом, и место этих словарей в общей системе русской лексикографии.

Ключевые слова: русский язык, идеографический словарь, семантический словарь, лексическая система, концепт, языковой смысл

SEMANTIC DICTIONARY AND /OR IDEOGRAPHIC DICTIONARY

A.S. BELOUSOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

The article considers the main ideas underlying the scientific concepts of dictionaries of new genres created by Academician of the Russian Academy of Sciences N.Yu. Shvedova together with the team she headed, as well as the place of these dictionaries in the general system of Russian lexicography.

Keywords: Russian language, ideographical dictionary, semantic dictionary, lexical system, concept, language meaning

I

История русской идеографии сравнительно невелика в сравнении с западно-славянской традицией². При этом, если первые отечественные работы были связаны с созданием учебных словарей такого типа, то начиная с 80-х годов XX в. появляются лексикографические труды, в основе которых лежат специально разработанные научные концепции, и каждый из них вносит свой вклад в теорию русской лексикографии и в изучение русской лексики. К таким работам, несомненно, относятся созданные под руководством академика Н.Ю. Шведовой (1916–2009) и на предложенных ею теоретических основаниях «Русский семантический словарь:

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 1729-09131 (офи_м).

² История западноевропейской идеографии представлена в работах В.В. Морковкина (Морковкин 1970), Ю.Н. Караулова (Караулов 1976), в общем виде — у В.В. Дубичинского (Дубичинский 1998), К. Марелло (Marello 1990).

Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (РСС 1998–2010–) и «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире» (РИС 2012).

Современные исследователи по-разному трактуют термины «семантический словарь» и «идеографический словарь». Одни считают понятие «идеографический словарь» более широким, включающим в себя и термин «семантический словарь». Такой взгляд в отечественной лексикографии утвердился с выходом в свет работ В.В. Морковкина (1970), Ю.Н. Караулова (Караулов 1976; Караулов и др. 1982)³. Другие лингвисты полагают, что термин «семантические словари» объединяет не только собственно семантические словари, но также и идеографические, и в целом все словарные описания, в которых лексические единицы сгруппированы на основе семантических связей и общих смысловых компонентов (как, напр., словари синонимов, антонимов и др.) (Кустова 2020: 634–636).

Строгое разграничение указанных понятий реализовано в научных концепциях названных выше словарей под. ред. Н.Ю. Шведовой, объединяемых общим положением, согласно которому, описание материала в языковом словаре должно опираться на собственно языковые основания.

Задача семантического словаря — выявление и описание внутренней организации словесного состава языка в целом или отдельных его участков. Идеографический же словарь должен иметь своим основанием некие идеи, т. е. положения, относящиеся к сфере абстракций, сформировавшихся и отражённых в языке «в результате познания целых множеств, классов реалий и существующих уже в отрыве, в отвлечении от этих реалий, независимо от них» (Проспект 2004: 5). Эти заключённые в языке абстракции его организуют, скрепляют внутреннее строение языка. Именно такие идеи, свободные от субъективных решений, по мнению Н.Ю. Шведовой, «должны быть основой для всей концепции словаря, который может считаться идеографическим в собственном смысле этого слова. Как бы ни были блестящи идеи теоретика, стремящегося представить <...> устройство языка на основе своего понимания устройства мироздания и мира человека, эти идеи не могут противостоять идеям (абстракциям), сложившимся в языке и ему принадлежащим» (Проспект 2004: 5).

Такое чёткое противопоставление терминов «семантический словарь» и «идеографический словарь» определило подход авторов к выбору объекта, методов описания в каждом из этих типов словарей и принципы, на которых строится описание материала.

Соответственно в шеститомном труде «Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (далее РСС) объектом описания является лексика русского языка, понимаемая авторами как исторически сложившаяся и саморазвивающаяся естественная иерархически организованная система, которая структурно может быть представлена в виде лексического древа, множественно ветвящегося от вершины к основанию,

³ См. об этом также: (Белоусова 2004: 9–20).

от наиболее абстрактного значения — к достаточно конкретизированным значениям минимальных лексических групп, члены которых связаны отношениями синонимии, антонимии, семантической эквиваленции или семантического дополнения, а также сходными языковыми характеристиками. В «Предисловии», помещённом в первом томе РСС, подчёркивается, что «Лексическая система, как всякая исторически сложившаяся естественная целостность, обладает высокой степенью стабильности: те её основные классы, которые выделяются для современного состояния языка, существовали издавна; на протяжении веков и десятилетий меняется не сама система, а определённые участки внутри неё и отношения между этими участками; именно таков характер пополнений и утрат, тенденций развития лексики, отмечаемых для отдельных периодов в жизни языка. Естественно, что протекая в лоне системы, такие процессы не оставляют ее безразличной: они обеспечивают её существование как живого и развивающегося организма» (РСС-I 1998: VII).

В основе научной концепции РСС лежит тезис, согласно которому основным членением системы русской лексики на участки является деление всего словесного состава на части речи («макроклассы»), поскольку именно часть речи служит носителем самого общего, обобщённого лексического значения всех входящих в неё слов. Все вместе слова таких классов «объединены общим признаком: каждая из единиц, входящих в любой из этих классов, является словом, т. е. материальным языковым знаком, служащим для обозначения реалий физического и ментального мира (отвлеченных представлений предметов, признаков, процессов), отношений между такими реалиями, а также для именованя самих таких реалий или для указания на них» (РСС-I 1998: VII). Таким образом, во главу всей лексической системы авторы помещают слово (словозначение), точнее его семантику, в самом обобщённом виде. При этом начальное подвершинное членение лексики определяется функционально-семантической спецификой единиц, формирующих соответствующую часть речи. «Все части речи русского языка (слова и равные им нецельнооформленные единицы) существуют в системе: 1) слова указующие (местоимения), 2) слова именующие — имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, 3) слова собственно связующие — союзы, предлоги, связки и их аналоги, 4) слова собственно квалифицирующие — частицы и их аналоги, междометия» (РСС-I 1998: VII). В РСС описаны два первых элемента этой системы.

Описание лексической системы русского языка открывается в РСС разделом «Указующие слова», что определяется природой семантики единиц, составляющих данный участок системы: высокой степенью абстракции их значений. В конце 90-х годов в ряде работ Н.Ю. Шведовой было выдвинуто теоретическое положение о дейктической системе русского языка, представленной категорией местоименных слов (собственно местоимений и глагольных дейктических слов и фразеологизмов), а также разработана теория языкового смысла, означаемого дейктическим словом (Шведова, Белоусова 1995; Шведова 1998; Шведова 2005: 445–543). Языковой смысл здесь понимается как языковая категория, стоящая на

высшей ступени языковой абстракции, всегда являющаяся инвариантом по отношению к языковому значению. В этих работах представлен новый взгляд на местоимения как на систему, концентрирующую в себе те глобальные языковые смыслы, которые сочленяют воедино разные уровни языка: его лексический и грамматический строй, словообразование и идиоматику. Соответственно каждый такой языковой смысл манифестируется тем или иным местоименным словом или местоименным (дейктическим) глаголом или глагольным фразеологизмом. Такое понимание местоименного слова определило описание системы указующих слов в РСС не по традиционно выделяемым лексико-семантическим разрядам, а с учётом представляемых ими смыслов, а также общего для всего словаря принципа частеречного членения лексики⁴.

В соответствии с научной концепцией РСС, и все другие выделяемые макро-классы анализируются авторами с точки зрения того, распределены ли именуемые в нём реалии (или их признаки, свойства) по неким смысловым сферам (самым общим смыслам), каждая из которых охватывает лексические массивы, представляющие собственно лексико-семантическую организацию, или такого естественного распределения нет. Тот смысл, который возглавляет собою часть речи, не равен семантической доминанте, возглавляющей лексический класс. Так, например, макрокласс «имена существительные» возглавляется частеречным значением «предмет», в смысловом строении языка представленным смысловыми исходами (общими смыслами) *кто* и *что*. Эти исходы и служат основанием для первичного членения макрокласса. Аналогично в принципе устройство других макроклассов: глагольной лексики или лексики, именующей непроецессуальные признаки лица или предмета. С другой стороны, есть макроклассы, которые непосредственно членятся на лексические классы слов. Таково, например, устройство класса предикативов — слов, объединяющихся вокруг исходного смысла *каково*: эта подсистема представлена непосредственно как организуемая несколькими соположенными (и далее иерархически ветвящимися) лексическими подмножествами.

Общий подход к систематизации материала, исходящий из совокупного и нераздельного существования в слове его лексического значения и грамматических свойств, позволил авторам не только полностью охватить весь анализируемый материал, но и познать путь к его естественным внутренним членениям. В результате осуществленного тщательного анализа семантических свойств слов (словозначений), входящих в ту или иную часть речи, членение каждого макро-класса (на основе последовательного семантического сужения семантической доминанты) прослеживается через ступени классов, множеств и подмножеств (количество таких ступеней доходит на некоторых участках до 10–16) вплоть до конечного лексико-семантического ряда. Таким образом, строение лексической системы представлено следующей иерархией понятий и терминов: 1) часть речи — макрокласс, каждый из которых членится на классы, которые имеют в большинстве случаев свое собственное внутреннее деление; 2) лексический класс,

⁴ Еще А.В. Исаченко отмечал, что местоимения фактически образуют частеречную систему, параллельную системе именующих слов (Исаченко 1965: 22).

располагающийся рядом с другими подобными классами и имеющий вид дерева, расходящегося своими ветвями от вершины к основанию, и возглавляемый словом (словозначением), которое является семантической доминантой лексического класса; 3) лексические множества и подмножества — ветви дерева, организующие данный лексический класс и своим составом и расположением определяющие его строение; 4) лексико-семантический ряд — конечная единица лексического дерева, который объединяет в себе словозначения, находящиеся в непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противоположенности.

Характеризуя в Предисловии к первому тому РСС понятие «лексический класс», авторы подчёркивают, что он, как и все его подмножества, связан с другими лексическими классами словообразовательно, семантически, через идиоматику. В число таких характеристик лексического класса входят «его внутреннее устройство, т. е. количество и объём подмножеств и характер их связанности друг с другом; собственная (внутричастеречная) грамматика; наличие собственного словообразовательного потенциала; наличие и характер того идиоматического «шлейфа», который тянется за теми или иными единицами данного класса; характер его открытости или закрытости, его отношения к новациям, переосмыслениям и утратам» (РСС-I 1998: VII). Вычленение лексических классов (а также принадлежащих им множеств, подмножеств, предконечных и конечных лексических рядов) как конструкторов, созданных самим языком в ходе его истории, оказывается описанием его собственного строения, разграничением органических участков языковой системы.

Таким образом, в «Русском семантическом словаре...» утверждено и наглядно реализовано положение о системной организации русской лексики в целом, а не только в отдельных ее фрагментах, показаны те сложные связи и отношения, которые существуют между разными уровнями и участками этой организации как целостного единства.

Строение лексических классов и их участков отражено в Словаре в прилагаемых схемах, показывающих ступенчатую организацию соответствующего класса. Словарные статьи располагаются (под соответствующими заголовками) по конечным лексико-семантическим рядам или их элементарным сочленениям. Сама словарная статья представляет собой описание одного отдельного значения слова и состоит из следующих зон: 1) заголовочное слово (словозначение); 2) грамматические и, в необходимых случаях, орфоэпические сведения; 3) там, где требуется, — стилистическая и хронологическая помета; 4) определение значения; 5) фразеологические сочетания и идиомы, в которых присутствует данное словозначение; 7) ближайшее словообразовательное гнездо, связанное именно с данным значением слова. В целом словарная статья по своей структуре является простой и доступной для любого читателя, который привык пользоваться толковыми словарями.

Как известно, традиционные идеографические словари также содержат инклюдивно-ступенчатые классификации словесных единиц. Но такие классификации

строятся не на языковых основаниях, а на основе членения понятийного континуума в соответствии с представлениями автора о соотношениях и связях внутри такого континуума. Именно в этом и состоит принципиальное отличие РСС от таких идеографических словарей.

II

Теоретическая концепция «Русского идеографического словаря: Мир человека и человек в окружающем его мире» (далее РИС) и само содержание словаря отражают представление авторов о том, что такое собственно идеографический словарь. Как сказано выше, в основу такого словаря должны быть положены идеи (обобщения), порождаемые самим языком, его словесным составом и смысловым строем. Эти идеи определяются глубинными свойствами языка как кладеза хранения и инструмента передачи знаний.

Прежде всего, это идея существования языкового дейксиса и опирающегося на него смыслового строя языка, т. е. идея о закрытой системе местоименных слов и устойчивых сочетаний (собственно местоимений и местоименных глагольных фразеологизмов), заключающих в себе глобальные языковые смыслы (о теории смыслов см. выше). Эти смыслы: бытие (*быть, существовать*) и его фазы, содержательная сущность (*кто, что*), признаки — сущностный, приписываемый, принадлежностный или порядковый, счетный (*каков, какой, чей и который*), время, пространство и точки их начала и предела (*где, когда, куда, откуда*), количество как собственно счёт, мера (*сколько и насколько*), причина и цель (*зачем и почему*) и некоторые другие. Именно эта идея лежит в основе структуры и построения словарной статьи в РИС.

Вторая идея — это идея концептуализации заложенных в языке знаний. Ею определяется выбор в качестве предмета описания в словаре такой единицы как концепт — сложной понятийно-языковой сущности. В когнитивной лингвистике концепт рассматривается как единица не языка, а мышления («квант знания»⁵); но в практических описаниях, в том числе в работах по логическому анализу языка, концепт всегда связывается с содержанием, представленным в лексическом значении слова⁶. В РИС концепт («ключевой» концепт, или «великий» концепт) определяется как «исторически сложившаяся понятийно-языковая целостность, т. е. отлившееся в слово (*sic!*), им материализованное, в него вмещенное понятие, относящаяся к духовному, ментальному миру жизни человека либо к материальной жизнеобеспечивающей, жизнеобразующей сфере его бытия» (РИС 2012: V) и обладающая комплексом определенных характеристик. Важнейшими из таких характеристик являются: укоренённость концепта в национальном языковом сознании и наличие собственной смысловой парадигмы. Концепт всегда соотнесён с названными выше языковыми смыслами и не существует без такого соотнесения;

⁵ См. подробнее в «Кратком словаре когнитивных терминов» (Кубрякова и др. 1960).

⁶ Обширная библиография по этому вопросу приводится в приложении к РИС (РИС 2012: 954–952).

эта соотнесенность и формирует смысловую парадигму концепта. Именно смысловая парадигма концепта материализуется теми единицами (высказываниями), которые реализуют каждый глобальный смысл как элемент этой парадигмы, в совокупности заполняя все её зоны (участки). Важно то, что есть такое языковое явление как высказывание (или его осмысленный фрагмент — словосочетание), «просящееся» в ту зону парадигмы, которая соответствует данному смыслу. В совокупности эти высказывания и есть то, что делает парадигму концепта материальной. Например, смысл «*быть*» или смысл «*кто / что*», либо смысл «*какой*» — это мыслительная сторона смысловой парадигмы. А вот совокупность всех высказываний, реализующих каждый из этих смыслов, — это её материальная сторона. Таким образом, тот компонент парадигмы концепта, который претендует на свое место в определенной зоне, двулик: смысл — конкретное высказывание. Итак, смысловая парадигма концепта, являясь *системой* его материальных существований, характеризуется тем, что её идеальную сторону составляет совокупность тех глобальных смыслов, которые обозначены в зонах словарной статьи, а её материальной стороной является высказывание (или его осмысленный фрагмент — словосочетание), реализующее данный смысл.

Третья идея, лежащая в основе научной концепции РИС, — положение о том, что в лексической системе языка заключены и внутренне сопоставлены вполне определенные жизненно важные сферы (миры), непосредственно связанные с процессом человеческого познания и с результатами этого познания. Фронтальное изучение современной общеупотребительной русской лексики и её представление в «Русском семантическом словаре» в качестве естественной многоуровневой системы показало, что центральное место в этой системе занимают лексические классы, объединяющие единицы (слова и фразеологизмы), которые именуют человека, его самого, его жизнь, его тело, физическое состояние, ум, чувство, волю, его способности и возможности, поведение и поступки, труд и продукты труда, занятия, времяпрепровождение, контакты и отношения друг к другу. По своему составу, количественно, эти классы во много раз превосходят классы слов, именующих реалии живой и неживой природы, предметы, не относящиеся к труду и продуктам деятельности человека. В Предисловии к РИС отмечается, что «если взглянуть на лексический состав языка, на его лексику и идиоматику, с точки зрения отражения в нём путей человеческого познания, то можно утверждать, что весь этот состав членится на части, каждая из которых отражает одну из ступеней такого познания. Эти ступени располагаются по признаку «от непознанного, необъяснённого или, напротив, безусловно данного, неотъемлемого и бесспорного — к познанному и обобщаемому» (РИС 2012: VI). Те сферы («миры»), в лоне которых протекает жизнь человека, самим языком представлены как окружение человека, как та органическая и естественная среда, в которой он существует и действует. Такие сферы («миры») организуются в шестичленную систему и описаны в шести соответствующих разделах Словаря.

Смысловая парадигма концепта, как сказано выше, определила структуру словарной статьи РИС. Она представляет собой сжатое, построенное по единому

плану описание, средствами самих языковых единиц (а не метаязыком) представляющее смысловую парадигму концепта в 19-ти смысловых зонах. Каждая из этих зон посвящена вводимому местоименными словами определенному языковому смыслу (или группе близких смыслов) и заполняется заключающими в себе данный смысл словосочетаниями, краткими изречениями, а также включает в себя пословицы, поговорки, «ходячие» выражения, афоризмы и, в некоторых случаях, краткие фрагменты из документированных цитат; условно можно назвать эту часть зоны «речениями». Вслед за речениями идёт вторая часть зоны — цитаты из классической и современной литературы, расположенные в хронологическом порядке (в некоторых случаях — с небольшими отступлениями).

В целом «Русский идеографический словарь...» представляет понятийное ядро русского языка посредством описания концептов (основных, ключевых концептов и тех единиц, которые образуют ближайшую смысловую среду концепта) через их смысловые парадигмы. Он даёт адекватное представление о том, что такое собственно идеографический словарь в его принципиальном отличии от словаря идеологического, тематического, семантического или ассоциативного и представляет материалы для изучения как самих концептов, так и их собственно языковой организации, в том числе вопросов, касающихся индивидуальных свойств концепта и его смысловой парадигмы.

III

Созданные под руководством академика Н.Ю. Шведовой и при её непосредственном участии словари (на основе рассмотренных выше теоретических концепций) содержат материалы для разнообразных лексикологических изучений и сопоставлений. В частности, позволяют обратиться к такой сложной проблеме, как изучение русской языковой картины мира, уже на новых основаниях: с позиции тех результатов описания лексической системы, которые были получены в ходе работы над этими словарями.

Если исходить из теоретического положения, согласно которому языковая картина мира в значительной степени репрезентируется лексической и грамматической системами данного языка, то можно утверждать, что систематизация по классам слов и внутри них по множествам лексических значений открывает исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира. Эта картина трехстороння: «Во-первых, она открывает мир реалий, всего того, что познано и осмыслено носителями языка в пределах материального и духовного мира; такие реалии — всё живое, неживые предметы, всё, принадлежащее миру мыслей и чувств человека. ... Во-вторых, картина мира открывается как сеть связей, отношений и зависимостей между всем существующим. ... В-третьих, это картина оценок, оценочных характеристик, разлитая по различным лексическим классам и открывающаяся через разнообразные словесные множества» (РСС-I 1998: XVI). Так, анализ специфики отражения языковой картины мира в лексико-семантической системе имен прилагательных показывает следующее.

(1) В основе исходного членения данного макрокласса лежит представление о признаке предмета (в широком смысле слова), который всегда соотносится с одним из основных смыслов (исходных, изначальных понятий): живого существа, неживого (физически воспринимаемого или абстрактно мыслимого) предмета, действия, состояния, качества, количества, меры, отношений, связей и зависимостей и под.

(2) Каждый из этих смыслов, трансформируясь и конкретизируясь в лексическом значении имени прилагательного, вступая во взаимодействие с другими подобными смыслами, языком представляется именно как признак, отыскиваемый в самом предмете или ему приписываемый. Этим определяется дальнейшее членение подвершинных классов, количество ступеней в иерархической организации макрокласса и характер тех конечных рядов, которыми заканчивается членение.

Так, понятие предмета — абстрактно мыслимого явления, конкретизируемого как 'интеллект, разум', — в прилагательном предстает как интеллектуальный признак, который выступает, например, (а) как признак, непосредственно соотносимый с данным явлением: *интеллектуальные способности, ментальная деятельность, разумное существо, рациональное познание, сознательная деятельность человека, умственный труд*; (б) как качественный признак, характеризующий его носителя по интеллектуальным свойствам — по их обладанию, проявлению, восприятию: *умный собеседник, умное решение, неглупый человек, разумный парень, разумная мысль*, — и с наращением оценки: *башковитый мужик, головастый паренёк*; или по их отсутствию, либо низкой степени развития, проявления: *глупый ребёнок, глупый щенок, глупая физиономия, недалёкий человек, неразумное дитя, несмышленный малыш*, — и с наращением оценки: *безголовый тупица, безмозглый дурак, крепкоголовый, крепколобий детина, тупоголовый олух* и под. Такие лексико-семантические ряды в языковой картине мира могут рассматриваться как ее фрагменты, отражающие восприятие человеком соответствующих свойств, характеристик носителя признака, его субъективную оценку.

Богатый материал для изучения русской языковой картины мира даёт и описание в РИС концептуального ядра русской лексики. Как сказано выше, концепт обладает смысловой парадигмой, т. е. соотносится с системой самых общих языковых смыслов, каждый из которых раскрывает ту или иную сторону концепта как «кванта знания»⁷. Это, например, смысл бытия именуемого (в разных фазах его существования), материализуемый высказываниями с ответствующим значением. Так, в РИС показано, что для концепта «жизнь» разные фазы бытия «рисуются» языком то как рождение, то как активное движение, то как состояние, то соотносятся с временной или пространственной ситуацией и т. д.:

Жизнь зародилась, возникла. Жизнь возрождается вновь. Воскресающая жизнь. Впереди вся жизнь. Жизнь продолжается, идёт своим чередом. «Жизнь продолжается даже когда её, в сущности, нет» (Довлатов). Жизнь проходит, протекает в повседневных заботах. Жизнь течёт, не стоит на месте. Молодая жизнь кипит, бурлит. Жизнь бьёт ключом. Жизнь

⁷ Термин Е.С. Кубряковой (Кубрякова и др. 1996).

словно остановилась. Жизнь уже кончается, завершается. Постепенно проходит жизнь. Жизнь идёт, подходит к концу. «Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать» (Розанов). Чуть теплится угасающая жизнь. Жизнь промелькнула незаметно. Жизнь уже позади. «Дни сочтены, утрат не перечесть, / Живая жизнь давно уж позади» (Тютчев). Трагически оборвалась короткая жизнь. Жизнь кончена: впереди только смерть.

Дальнейшее изучение ключевого концепта в этом аспекте позволяет выявить особенности реализации соответствующего смысла у близких по содержанию концептов. Например, анализ сегментов смысловой зоны «Быть» у концептов «весна», «лето», «осень», «зима» показало, что наиболее значимым временем года в русской языковой картине мира является *весна*: самое большое в процентном отношении количество высказываний в литературных текстах последних двух веков встречается именно при реализации этого концепта. При этом наибольшее количество примеров зафиксировано применительно к фазе наступления *весны* — очевидно, этот аспект бытия является основным для данного концепта. Фаза собственно бытия, существования репрезентируется достаточно равномерно у всех четырёх концептов, а вот в наступлении и угасании времён года есть расхождение. Во всем привлеченном обширном материале, извлеченном из большого количества разнообразных художественных и поэтических текстов с конца XVIII в. до наших дней, фазы затухания, конца, несуществования представлены меньшим количеством цитат, нежели такие фазы бытия, как предстояние, зарождение и начало существования.

В заключение отметим, что словари, теоретические концепции которых охарактеризованы в статье, обращены как к специалистам, так и к широкому читателю; они остаются новыми и оригинальными как по жанру, так и по содержанию и не теряют своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА

Белоусова 2004: Основные направления в общей и русской идеографии (краткий обзор специальной литературы) // Проспект «Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире». Москва, 2004, 9–20.

Дубичинский 1998: Дубичинский В.В. Теоретическая и практическая лексикография. Wien; Charkov, 1998.

Исаченко 1965: Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I. Москва, 1965.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Караулов и др. 1982: Караулов Ю.Н., Молчанов В.И., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова Москва, 1982.

Кубрякова и др. 1996: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина П.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва, 1996.

Кустова 2020: Кустова Г.И. Семантические словари и базы данных // Энциклопедия «Русский язык». 3-е изд. Москва, 2020, 634–636.

Морковкин 1970: Морковкин В.В. Идеографические словари. Москва, 1970.

Проспект 2004: Проспект «Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире)». Москва, 2004.

РИС 2012: Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире». Москва, 2012.

РСС: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I «Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные: Всё живое. Земля. Космос». Москва, 1998. Т. II «Имена существительные с конкретным значением: Всё создаваемое руками и умом человека». Москва, 2000. Т. III «Имена существительные с абстрактным значением...». Москва, 2003. Т. IV «Глагол: Глаголы неполнозначенательные, дейктические, бытийные, со значением активных действий, деятельности». Москва, 2007. Т. V «Глагол: Глаголы со значением физических действий, движения, неактивных процессуальных состояний. Имена прилагательные с процессуальным значением. Счетные слова», в печати. Т. VI «Имена прилагательные. Наречия. Предикативы» (том находится в работе).

РСС-I 1998: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. Предисловие. Москва, 1998.

Шведова, Белоусова 1995: Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. Москва, 1995.

Шведова 1998: Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Москва, 1998.

Шведова 2005: Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. Москва, 2005, 445–543.

Marello 1990: The Thesaurus // Hausmann F.J., Reichmann O., Wiegand H.E., Zgusta L. (Hrsg). Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie. Teilbd. 2. Berlin; New York, 1990, 1083–1094.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП ЛЕКСИКИ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ирина БУДЬКО

Белорусский национальный технический университет

(Минск, Беларусь)

<https://orcid.org/0000-0002-1707-4087>

irinabud_ko@yahoo.com

В статье рассматривается история изучения тематических групп лексики старобелорусского языка в течение второй половины XX — начале XXI вв. Выделяются исследования, посвященные собственно анализу различных тематических объединений лексики (юридической, сельскохозяйственной, земледельческой, музыкальной, научной, религиозной, бытовой, абстрактной и др.), всего около 30. Отдельно представлен анализ исследований, посвященных заимствованиям в старобелорусском языке, а также работ, в которых в рамках анализа языка отдельных памятников письменности изучается лексический состав данных текстов. В монографических исследованиях последних лет представляется комплексный анализ лексики старобелорусского языка раннего периода (XV—XVI вв.).

Ключевые слова: лексика, терминология, старобелорусский язык, памятники письменности, лексико-тематические группы, жанрово-стилистическая разновидность памятников письменности

THE RESEARCH OF THEMATIC VOCABULARY GROUPS OF OLD BELARUSIAN LANGUAGE: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Irina BUDKO

Belarusian National Technical University

(Minsk, Belarus)

The article deals with the history of study of thematic vocabulary groups in Old Belarusian language during the second half of the 20th — early 21st centuries. There are studies devoted to the analysis of various thematic groups of vocabulary (legal, agricultural, musical, scientific, religious, household, abstract, etc.), about 30 in total. An analysis of studies on borrowings in the Old Belarusian language is presented separately. The article analyses the works dedicated to the research of separate written monuments where their vocabulary is studied. The monographic studies of recent years present a comprehensive analysis of the vocabulary of Old Belarusian language of the early period (15th—16th centuries).

Keywords: vocabulary, terminology, Old Belarusian language, written monuments, thematic vocabulary groups, genre and stylistic varieties of written monuments

Введение

В лингвистических исследованиях второй половины XX века преимущество отдавалось взглядам на язык как на систему, то есть множество, которое состоит

из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Ф. де Соссюр писал: «Язык есть система, все элементы которой образуют единое целое, а значимость одного элемента проистекает только из одновременного наличия прочих» (Соссюр 1977: 197).

Лексическая система языка, в отличие от остальных его уровней, является открытой, количество ее элементов чрезвычайно велико, отношения между словами характеризуются сложностью и многоаспектностью. Более детальный анализ лексической подсистемы языка возможен посредством выделения отдельных лексико-семантических групп и изучения системных связей между их компонентами внутри данной группы. Такое сложнейшее переплетение слов и их отношений было бы очень трудно систематизировать, однако существуют более широкие лексические группировки, которые представляют собой объемные и сложные словарные парадигмы. В лингвистических исследованиях для таких парадигм существует целый ряд наименований: тематическая группа, лексический разряд, семантическая группа, лексико-семантическая группа, лексико-семантическое гнездо, лексико-семантическая парадигма, тематические классы, семантическое поле, лексическая микросистема и др.

Из всех типов лексических классов тематические группы имеют наиболее тесную связь с соответствующим фрагментом внеязыковой действительности. По Д.Н. Шмелеву, «слова, отражая определенным образом те или иные “отрезки действительности”, связаны между собой, как связаны и явления самой действительности. Благодаря этим “внеязыковым связям” слова объединяются в группы, которые можно назвать тематическими» (Шмелев 1973: 13). Близкое определение тематических групп лексики дает Ф.П. Филин: «Такого типа объединения слов, которые основаны не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений, можно назвать тематическими словарными группами» (Филин 1982: 231). О важности изучения тематических групп лексики и о богатстве возможностей для изучения языковых фактов при таком подходе применительно к историко-сопоставительному изучению языков писал И.С. Козырев: «Лексика приобретает системность прежде всего на основе связи лексических значений слов, которые организуют ее в лексико-семантическую систему, состоящую из отдельных звеньев — лексико-семантических групп (или полей, парадигм и т. п.), — распадающихся на слова. Лексико-семантические системы, лексико-семантические группы и слова... являются объектами изучения сравнительно-исторической и историко-сопоставительной лексикологии» (Козырев 1970: 37).

Обусловленность сбора фактического материала в исследования, посвященных изучению тематических групп лексики, не столько внутриязыковыми факторами, сколько связью предметов и явлений во внеязыковой реальности привело к тому, что одни и те же номинации попадали в сферу интересов различных исследователей. Например, тематическая подгруппа из группы религиозной лексики «названия церковной одежды и головных уборов» является составной частью большей по объему группы общеупотребительной лексики «названия одежды и головных уборов», такое же наблюдение можно сделать и относительно под-

группы «названия культовых сооружений и их частей», являющейся частью более широкого тематического объединения «названия строительных сооружений» (Будзько 1999: 38).

Все элементы тематических групп являются гипонимами относительно заголовка группы, слова, которое выражает общее для всех членов тематической группы значение, оно обычно находится не в плоскости группы, а как бы над ней. Гиперо-гипонимические отношения наблюдаются также между элементами и на более «низких» ярусах тематических подгрупп.

Слова, обозначающие подобные в определенном смысле предметы действительности и связанные единством темы, образуют тематическую группу. Белорусские диахронисты отмечают следующие показатели предметно-тематических групп: а) внеязыковой характер объединения слов; б) объединение слов с денотативным типом значения (по своему грамматическому статусу относятся к разряду существительных); в) ономаσιологический (логико-понятийный) подход к изучению лексики; г) несложность в выделении определенных предметно-тематических групп исследователями (Федарэнка 2008: 321).

«Преимуществом исследования лексики по тематическим группам следует считать возможность более полно и глубоко раскрыть семантическую структуру слов на основе анализа их понятийно-предметной соотнесенности. Именно тематическая интерпретация лексических единиц показывает, что семантические закономерности, как и многие другие языковые процессы, протекают в динамической синхронии, что возникновение и закрепление номинативных значений в словах происходит на основе активно действующей в языке материальной аналогии» (Шадурскі, Казачонак, Камко 1974: 221).

«Сопоставление многочисленных лексических фактов, явлений и семантических историй определенных тематических микросистем дает возможность показать преемственность в развитии этих словарных объединений. Немаловажное значение имеют эти труды и для выяснения путей и закономерностей развития семантики отдельных слов как индивидуальных языковых единиц, связанных своим содержанием с конкретными предметами и понятиями материальной действительности» (Кацапов 1978: 2).

Первым обобщающим трудом по исследованию предметно-тематических групп старобелорусского языка является «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы», авторы (А.Н. Булыко, А.И. Журавский, Е.И. Янович, З.К. Турцевич, В.А. Аниченко) поставили перед собой цель определить внутренние закономерности становления и развития лексико-семантической системы одного из древних славянских языков, раскрыть и показать те изменения, которые ощутил словарный запас белорусского языка на протяжении многовековой эволюции. В данном исследовании авторами рассмотрены этимологические и семантические характеристики наиболее представительных предметно-тематических групп старобелорусского лексикона: общественно-политическая, военная, научная, лексика сферы бизнеса и торговли; было отмечено, что материал памятников старобелорусской письменности свидетельствует о том, что данные тематические

группы лексики представлены неодинаково в произведениях различного жанрового и хронологического наполнения. Самой богатой и разнообразной в старобелорусский период была деловая письменность, именно эти тексты показали наибольшую мобильность словарного состава в хронологическом и территориальном отношении, именно в них засвидетельствован наибольший процент лексики живого народного языка и была представлена общественно-политическая лексика (названия лиц по социальному статусу, юридическая терминология, названия податей, денежных единиц, лексика, связанная со сферой торговли и т. д.), в то время как книжная лексика, абстрактные понятия, слова, обозначающие различные научные направления, встречаются в текстах религиозного и художественного содержания (в агиографической литературе, в полемических текстах периода Брестской церковной унии 1596 г., в переводах Библии, хрониках и хронографах, летописях, произведениях мемуарной литературы, рыцарских романах и повестях).

В главе «Тематическая характеристика старобелорусской лексики» А.И. Журавский пишет об объективной трудности изучения словарного состава старобелорусского языка, одновременно указывая на терминологические расхождения в обозначении предметно-тематических групп лексики: в литературе параллельно используются такие понятия, как «лексический пласт», «тематическое объединение», «лексико-семантическая группа», «лексическое гнездо» и др. Как отмечает А.И. Журавский, это вызвано «не только и даже не столько взглядами на данные лексические категории, сколько сложным структурно-морфологическим и лексико-семантическим переплетением словарных образований внутри языка» (ГЛБМ 1970: 162).

В середине XX века славистические исследования дополнились работами, посвященными изучению тематических групп лексики в синхронном срезе, диахронии и диалектах славянских языков. Как следствие, появилось множество исследований, посвященных теоретическому изучению данной лингвистической проблемы. Ученые-диахронисты отмечают следующее: «... многие из лексических пластов... языка характеризуются некоторой невыразительностью, неочерченностью своих границ, слабой семантической взаимозависимостью между словами как отдельными компонентами таких словарных объединений. Это обстоятельство, понятно, не позволяет до конца раскрыть смысловую структуру слова как лексемы во всей совокупности ее форм и значений и на этой основе определить соотношение слов и их особенности в лексической системе языка» (Шадурскі 1966: 178). Однако далее автор указывает на то, что исследование лексики древних языков по определенным группам имеет ряд преимуществ: «Проводя исследование на основе изучения лексико-семантических групп, выделенных из состава более значительных по количественному составу словарных объединений, можно не только всесторонне раскрыть связи между словами и обозначаемыми ими предметами, процессами и явлениями, но и дать развернутую характеристику семантической структуры слова, выявить основные закономерности развития лексики языка...» (Шадурскі 1966: 181).

Планомерное изучение лексики старобелорусского языка началось в середине прошлого века. Исследования, посвященные изучению определенных лексических пластов, можно разделить на три группы. К первой принадлежат научные работы, посвященные изучению конкретной тематической группы лексики старобелорусского языка. За более чем шестидесятилетнюю историю современного белорусского языкознания было исследовано около 30 тематических групп старобелорусского лексикона. Большинство исследований закончились оформлением кандидатских диссертаций, некоторые из которых не были завершены по объективным причинам, однако авторы оставили ряд научных публикаций, демонстрирующих промежуточные выводы исследования.

Ко второй группе принадлежат работы, посвященные исследованию заимствований в старобелорусском языке. Дело в том, что заимствованная лексика также изучалась многими исследователями по тематическим группам, благодаря чему ученые делали выводы не только о путях проникновения той или иной лексики в старобелорусский словарь, но также смогли определить актуальность с тематической точки зрения прибывающих лексем и, как следствие, актуальность реалий и понятий, которые нуждались в номинации и были востребованы в средневековом обществе.

К третьей группе относятся те исследования, а их к настоящему времени накопилось немало, которые посвящены изучению языка отдельного памятника старобелорусской письменности. Обычно исследование велось по языковым уровням, практически каждая работа включала также описание лексической системы конкретного текста, представленной анализом тематических лексических групп. Сюда примыкают исследования, посвященные изучению лексики конкретных памятников письменности.

I. Результаты исследований конкретных тематических групп лексики старобелорусского языка

Если обобщить результаты нескольких десятков исследований, посвященных изучению тематических групп старобелорусского языка, то некоторые наблюдения напрашиваются сами собой. Во-первых, очевидна некоторая хаотичность и неупорядоченность определения тематических групп, выбираемых для исследования. Очевидно, что не существовало определенного плана в распределении тематических групп для изучения: от более актуальных к менее актуальным. Однако в сферу интересов исследователей уже с самого начала все-таки попали такие важные тематические группы, как юридическая и общественно-политическая лексика. Во-вторых, и это уже очевидно сегодня, в течение почти полувека изучения тематических групп лексики старобелорусского языка была исследована практически вся периферия лексической системы, в то время как ядро, то есть общеупотребительная лексика и, в первую очередь, глагольные номинации оказались пока вне интересов исследователей. Лакуна эта начала заполняться совсем недавно.

Достаточно интересным, на наш взгляд, представляется факт (возможно, продиктованный политическими мотивами), что одни из первых проанализированных тематических групп лексики отражали номинации, связанные с традиционным сельскохозяйственным укладом жизни средних и низших слоев общества, то есть крестьян и ремесленников (работы конца 60-х годов прошлого века), в то время как к концу XX века исследователям предлагали для анализа такие тематические группы, как религиозная лексика, анатомо-физиологическая и медицинская лексика, музыкальная лексика и т. п.

1. Исследования лексики, отражающей традиционный уклад жизни крестьян и ремесленников

Данная проблематика нашла отражение в работах, посвященных сельскохозяйственной лексике (Шадурский 1967), промысловой лексике (Купреенко 1968), номинациям домашних животных (Зеневич 1970), огороднической и садовой лексике (Казачонак, Шадурскі 1975, Казаченок 1976) и земледельческой лексике (Кацапов 1978).

Земледельческая лексика старобелорусского языка анализировалась с точки зрения установления ее семантического объема, словообразовательных возможностей и, что достаточно редко встречается в работах подобного плана, территориального распространения и дальнейшей судьбы отдельных лексем в белорусском языке. В качестве объекта исследования выступили названия пахотных земель и названия сенокосно-пастбищных угодий. Так, по наблюдениям Л.А. Кацапова, термин *пахотная земля* в старобелорусском языке обозначал всякий подготовленный к посеву или уже засеянный зерном участок земли, для его номинации использовались также лексемы *земля, кгрунтъ, ролья, поле, пашня, нива, урочище, угодье*. Как родовая номинация функционировала лексема *земля*, в качестве видовых названий участка, подготовленного к севу, употреблялись *ролья, проробокъ, оранье, зябль, роспашъ*; как номинации участка, очищенного от леса и подготовленного к севу, *лядо, розробокъ, просеченье*; как номинации участка, засеянного зерном, *нива, засевокъ, всходы, присевокъ*; как номинации участка из-под снятого урожая определенного растения *ржище, гороховище*; как номинации участка земли, оставленного без обработки, *дырванъ, облогъ, перелогъ, яловина*. Со временем для номинации пахотных земель все чаще стало употребляться слово *пашня*, которое использовалось также в результате метонимического переноса для названия высеянного или обмолоченного зерна. Автор исследования обращает внимание на то, что в пределах данного тематического объединения широко функционировали номинации, образованные от глаголов *орати* и *пахати* (*ролья, оранье, приоръ, воръ, узворъ; пашня, пахота, припашъ, роспашъ, запашка*), а также лексемы, генетически восходящие к словам, тематически напрямую не связанным с данной терминологической группой (*паренина, яловина, навозъ, погной, озимъ, лядо, проробокъ* и др.). В процессе исследования Л.А. Кацапов выделяет различные микрогруппы дифференцированных названий хозяйственных земель, используемых для выращивания зерновых и других культур, в пределах

данных микрогрупп исследуется семантический объем номинаций, этимология, судьба в белорусских диалектах и современном белорусском языке. Анализу подверглись названия собственно пахотных земель (*попаръ, паренина, зябль, мешать* ‘вторично вспаханное перед посевом поле’, *угоръ* (лексема польского происхождения)); названия засеянных земель (*засевъ, засеянье, засевокъ, запашка, озимъ, озими́на, яръ, ярина, яриво*); названия земельных участков в зависимости от выращиваемых на них культур (*ржище, гороховище, репище*); названия искусственно удобренных пахотных земель (*навозъ, погно́й, загной, гнойница*); названия добавочных земель (*надда́токъ, наддаво́къ, прида́токъ, прибаво́къ*); названия лядных земель (*лядо, лядище*, инновация *новина* ‘впервые засеянное на очищенном от деревьев и кустарника месте поле’, антонимом к которому выступает *стари́на*; особенности процесса качественного преобразования хозяйственных площадей отражены в номинациях типа *проробо́къ, разробо́къ, пропа́шь, паса́ка, роспа́шь, припа́шь*); названия залежных земель (большинство лексем этимологически восходят к корню *пуст-*: *пусто́шь, пустки, пустище, пустови́зна, пустови́цина, земля пустая, земля пустовская*).

Еще одна группа лексем в составе земледельческой лексики, — это названия сенокосных земель и пастбищных угодий. Автор исследования по земледельческой лексике обращает внимание на процесс вытеснения в памятниках письменности древнерусское *сенокосъ* белорусским *сеножа́ть*, которое в определенных контекстах могло заменяться синонимами *кгрунтъ, огоро́дь, болото, моркгъ*. Номинации пастбищных угодий, по словам автора, мотивируются глаголами *паст*, *гнати*, *выпустить* (*паша, паства, пасовиско, паствиско, пастовникъ; выгонъ, прогонъ; выпустъ*). В номинациях сенокосно-пастбищных угодий прослеживается мотивация по признаку местности (рельефа): *до́ль, доли́на, суходо́ль, ровъ, ло́гъ, гру́дь, гря́да, остро́вь*. Часть номинаций мотивирована качеством почвы (точнее, степенью ее увлаженности) и восходит к корневым *болот-о* и *мокр-*: *болотный, болотливый; болотко, болотечко, болотина; надболотье, заболотье; мокре́дь, мокри́на, мочити, мочы́лина, можьдча́лина*; специфика белорусского ландшафта продиктовала и наличие номинаций, мотивированных словом *мохъ*: *мшари́на, мшари́нь, мышини́къ*. Для пастбища и сенокоса использовались и участки, поросшие невысокими деревьями и кустарником, возникновение этих номинаций обусловлено метонимическим переосмыслением: *заросль, паросникъ, хворосъ, хворосникъ, лоза, олесъ, дубнякъ, липнякъ, березникъ* и пр. В заключении автор исследования рассматривает судьбу данных номинаций в белорусском языке. Некоторые из них сохранились без изменений (*засеу́, яры́на, азі́міна*), другие изменили семантику (*аблога, пустка, ні́ва*), третьи вышли из активного употребления (*надда́токъ, за́стенокъ, погно́й*). В отношении номинаций данного тематического объединения сделан вывод о том, что «лексические значения компонентов этой тематической микросистемы развивались на базе метонимических и синектохальных переносов... Большинство слов тематической микросистемы названий участков хозяйственных земель обогатило свою семантику на основе так называемой материальной, или понятийной, аналогии» (Кацапов 1978: 17–18).

Целью работы, посвященной номинациям домашних животных в старобелорусском языке (Зеневич 1970), автор ставит раскрытие семантики и особенностей употребления названий домашних животных в памятниках белорусской письменности, а также изучение их дальнейшей судьбы в белорусском языке. В работе рассматриваются наименования домашних животных, которые выступают в качестве родовых в отношении к конкретным видовым названиям: а) *скотъ, скотина, животы, животина, быдло, добытокъ, товаръ, худоба*; б) *стадо, статокъ, череда*; в) *поголовье, приплодокъ*. Автор обращает внимание на постепенную замену общего для восточнославянских языков *животина* полонизмом *быдло*, которое произошло к XVII в. Внимание исследователя также привлекли терминологические сочетания *скотъ рогатый* — *быдло рогатое, быдло великое, быдло малое* и др., а также способ возникновения новых номинаций путем переноса наименования с целого на часть: *животы (животъ), живность, добытокъ, товаръ, худоба*. В работе также анализируются названия конкретных животных: *конь, кляча* (слово *лошадь* не было характерным для старобелорусского языка), *сви́репа, кобыла, жеребецъ*, полонизм *дрыкгантъ, меринъ, валахъ* (последние два употреблялись в значении ‘кастрированный жеребец’). Для наименований особей крупного рогатого скота в памятниках письменности использовались номинации *корова (тельная, дойная, яловая (яловица), дровица (древица),* ср. бел. диалектное *дроўка, дровушка* ‘корова-первотелка’), молодую самку называли *яловица, яловка, яловочка, телица, теличка, телушка, телочка*; для дифференциации по возрасту употреблялись *однорочная, озимка, лон(ь)ская, сеголетняя, летошняя, такърочная, двулетка, третьячка, третякъ* и т. д. Для номинации самца использовались лексемы *быкъ, бычокъ, стадникъ, волъ* ‘кастрированный бык’, а также словосочетания *быкъ валашаный (волошенный), быкъ хорошаный*, неприученый к ярму — *неукъ, неукый, неоремый*.

Отдельный раздел работы посвящен анализу наименований овец, коз и свиней: *овца* (употреблялась в сочетании с адъективами *дойная, старая, молодая*), *овечка, баранъ, скопъ, скопецъ, ягня (ягне, ягнятъко), коза*. Лексемы *свинья* и *вепрь* в старобелорусских документах употреблялись также в значении единиц измерений, *конорезъ, кноръ* (и сейчас встречается в диалектах), *кабанъ, подсвинокъ, порося*. Автор делает вывод о том, что индоевропейские и общеславянские в своей основе номинации данного тематического объединения лексики сохранились в современном белорусском языке практически без изменений, они встречаются также в диалектах, чего нельзя сказать о заимствованиях, которые до нашего времени практически не дошли (полонизмы *быдло, дрыкгантъ, сви́репа*; тюркизмы *бахматъ, бедевей, громакъ*). В более поздний период функционирования старобелорусского языка возникли сложные в структурно-морфологическом отношении номинации *подсвинокъ, подтелокъ, подъездокъ, возникъ, стадникъ, годунецъ, однолетокъ, пятилетка* и пр.

Промысловая лексика представлена в работе В.А. Купреенко (1968), автор ставит задачу проанализировать семантику номинаций, отражающих процессы бортничества, рыболовства и охотничьего промысла, проследить судьбу

выбранных номинаций на протяжении истории развития белорусского языка. Автор обращает внимание на то, что среди названий животных, рыб, пчел преимущественно встречаются слова общеславянского происхождения; к эпохе общевосточнославянского единства восходят лексемы, характеризующие занятия бортников, рыболовов, охотников и их орудия труда (*пасака, лезиво, пуца, ручница, затока, котцы*), основу промысловой лексики составляют слова, общие для древнерусского и старобелорусского языков; к периоду формирования белорусской народности восходят номинации *пчельница, свепеть, обрубъ, зеремана, важа, колоша* и др. Среди заимствований в данной лексической группе автор исследования отмечает германизмы (*броваръ, пулгакъ, горностаи*), галлицизмы (*сакъ, карпъ*), слова финского происхождения (*семга*), шведского (*сельдь, плотка*), латинизмы (*барилло*), полонизмы (*гарнецъ*), литуанизмы (*берковескъ*), тюркизмы (*сагайдакъ, шатерь, барсукъ*). К лексемам, общим для старобелорусского и старопольского языков, автор относит *лезиво, рубежъ, сокольникъ*. Проанализирована лексика данной тематической группы и на предмет наличия в древнерусском языке. Сделано наблюдение, что часть номинаций не отмечается в источниках (*обрубъ, оступъ, уходы*), в то же время они присутствуют в произведениях белорусских авторов XIX в. Только сочетание *бобровые гоны* было популярным у всех восточных славян.

Исследователь обратил внимание и на наличие подобных лексем в современном белорусском языке; автор отмечает, что лишь небольшое количество слов вышло из употребления, часть номинаций активна и по сей день (*ловы, уходы, ставище, рыбникъ, осочникъ*). Это прежде всего касается наименований пчел, зверей, рыб, продуктов, угодий, а также лиц, занимающихся данным видом промысла (*бортникъ, рыбакъ, стрелець*). Слова, которые обозначали различные виды снастей, приспособления для охоты оказались неустойчивыми в языке и вышли из употребления (*улейница, кореникъ, важа, околы*).

2. Исследования строительной и минерологической терминологии

Данная проблематика нашла отражение в работах М.А. Корчиц (1970) и Н.Р. Мордас (1991). М.А. Корчиц, автор исследования по строительной лексике старобелорусского языка, обращает внимание на широкий спектр номинаций, входящих в данное тематическое объединение: названия строительных процессов и лиц, выполняющих эти процессы, наименования многочисленных строительных объектов и инструментов, наименования строительных материалов и их характеристик. Исследование выполнено в основном на материале деловых памятников письменности XV–XVII вв., здесь представлен также этимологический анализ лексем. Так, автор указывает на то, что ядром данного тематического объединения являются слова, восходящие к общеславянскому или к индоевропейскому языкам: *бервено, брусъ, вапна, верхъ, гвоздъ, глина, дерево, дернъ, камень, колъ, колода, лопата, мостъ, мотыка, порогъ, свидерь, секера, уголь, хворостъ* и проч. Лексика восточнославянского языкового единства: *всходъ, гридня, заступъ, кровля, лотокъ, наймитъ, напилък, пахникъ, плотникъ* и др. В составе данного тема-

тического объединения выделяются слова, известные в нескольких славянских языках: в восточнославянских, польском, чешском (*зрубъ, оконница, претесь, припечокъ*), белорусском, украинском, польском (*засовка, каменица, защепка, муляръ, поденникъ, начине*). В качестве собственно белорусских наименований автор отмечает следующие: *быконки, витки, доръ, западня, качка, кладъ, ключище, мотница, мурованье*. Количество заимствований в данном тематическом объединении автор выделяет небольшое (86 слов), отмечая особую роль польского языка как посредника для проникновения слов из западноевропейских языков в старобелорусский: *бляха, мачулы, мурляты, сталюга, цегла, ванчось, рама, клямка*. Собственно из польского языка пришли номинации *вить, даховка, западка, здунъ, корунка, мешканье, паренче, посадзка, посмыкъ, рыдель*; из латинского *кватера, комната, каминъ, материй, миния, фундаментъ*; из греческого *сурикъ, плита, лазоръ*; из литовского *дойлидъ, пакуля, применъ, склютъ, румъ*. М.А. Корчиц отмечает в рамках данного тематического объединения широкую вариантность: фонематическую (*гончаръ — ганчаръ, колода — калода, песокъ — пясокъ, жерде — жеръдзе, тесля — цесля, ключище — ключыще, крюкъ — крукъ*), грамматическую (*гонть — гонта, кахель — кахля, дойлидъ — дойлида, дернь — дерна, завесь — завеса*), акцентологическую (*скоба — скаба*). Автор также исследует основные способы терминообразования, самым распространенным из которых в то время был морфологический, в рамках которого выделяются префиксальное (*подизбица, подятки*), суффиксальное (*печуръ, тартичникъ, лавина*), суффиксально-префиксальное (*поденичикъ, покутникъ*) и безаффиксное (*завесь*) словообразование. Среди других способов отмечены следующие: фонетико-морфологический (*просекъ, входъ, стругъ, протесь, столъ*), синтаксический (*топоръ — топоръ дойлидский, топоръ, сталмаский*), семантико-синтаксический (*будованье ‘постройки’, мурованье ‘каменные постройки’*), семантический (*брусъ ‘четырехгранный камень для точения’ — брусъ ‘четырехгранное бревно’*). Значительная часть исследования посвящена анализу терминологических словосочетаний, которые в зависимости от числа компонентов автор разделяет на простые, двучленные и многочленные, последние состоят из трех и более знаменательных слов. Наиболее продуктивными отмечены двучленные сочетания, соятоящие из существительного и прилагательного (*майстеръ мулярский, замокъ простой*), на базе которых развивались многочленные сочетания (*двери на завесахъ замчистые, печь белая щерепицъ простых*). По наблюдениям исследователя, не все терминологические сочетания образовались простым сочетанием отдельных компонентов, часть возникла в результате эллипсиса, пропуска полнозначных слов (*кафля поливаная белая — кафля белая, цвечки шмальцованые черные — цвечки шмальцованые*). В своем исследовании М.А. Корчиц также устанавливает критерии, по которым происходит наименование обозначаемых предметов: материал, из которого сделан предмет (*блоны скленные, бляха жестяная*), строительный процесс (*печь мурованая*), производственное назначение предмета (*бервене иструбное*), степень готовности (*цегла готовая*), двигающая сила (*пила ручная*), способность выполнять определенное действие (*оконницы засовистые*) и под. С точки зрения семантической структуры в анализируемой тематической

группе представлены моносеманты (*доръ, заступъ, печуръ, тесла, тачка*) и полисеманты, которые входят в состав строительной лексики по одному или нескольким терминологическим значениям (*пята, венець, колодка, дуга*). По наблюдениям автора исследования, основной тип переноса значения, на основании которого лексема входит в состав терминогруппы, — метафора (перенос на основе сходства предметов) (*ключъ* ‘приспособление для разводки зубьев пилы’, *венець* ‘один ряд бревен в срубе’). Терминологические значения некоторых номинаций появились в результате образного переосмысления объектов действительности: *баранъ* ‘приспособление для забивания свай’, *гусаць* ‘вид черепицы’. Среди собственно белорусских номинаций автор отмечает следующие: *плитникъ* ‘печник’, *хлудъ* ‘строительный материал из дерева’, *муръ* ‘каменное здание’, *припечокъ* ‘крыльцо’, *корунка* ‘вид изразца’ и др. Особое внимание исследователя привлекло соотношение родо-видовых понятий в области данной терминологии: «при более детальной дифференциации понятий видовые слова могут свободно становиться организующим центром объединения подвидовых наименований, выполняя по отношению к последним функцию родовых слов» (Корчиц 1970: 16). В области системных отношений внутри данного тематического объединения проанализированы синонимические, примыкающие к ним вариативные и антонимические связи. В области синонимии выделены как простые, двучленные объединения (*скринникъ — столяръ*), так и синонимические ряды (*лопата — заступ — рыдель; муляръ — гончаръ — печуръ — здунъ — плитникъ*), автор также обратил внимание и на деривационные возможности изучаемых лексем, благодаря которым возникли однокоренные варианты, различающиеся морфологическими средствами: *грядня — грядница, наемникъ — наймитъ, напилокъ — пильникъ* и пр. Синонимия коснулась не только отдельных лексем, но и терминологических словосочетаний: *секера тесельская — топоръ дойлидский, седенье летнее — гганокъ выпуцоный*. Проанализированы также пути образования синонимических словосочетаний: а) при обозначении самого предмета и его дифференцирующего признака; б) при наименовании одного и того же дифференцирующего признака при помощи слов-синонимов; в) при обозначении дифференцируемого предмета синонимическими словами (Там же: 17). Автор отмечает и антонимические термины, хотя их немного: *будованье* ‘деревянное строение’ — *мурованье* ‘каменное строение’; *хоромы* ‘жилые постройки’ — *будованье* ‘хозяйственные постройки’.

3. Исследования лексики, отражающей общественно-политическое и экономическое устройство общества

Данные лексико-семантические группы нашли, пожалуй, самое широкое отражение в лингвистических исследованиях, где проанализированы следующие пласты лексики: социально-экономическая лексика (Гилевич 1971), юридическая терминология (Лазовский 1966), торговая лексика (Даунене 1965; Даунене 1967), общественно-политическая терминология (Казачэнка 1997); часть номинаций данного семантического поля проанализирована в отдельных разделах монографии «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (ГЛБМ 1970: 163–195).

Юридическая терминология старобелорусского языка проанализирована в диссертационном исследовании В.М. Лазовского (1966). В работе описана именная юридическая терминология, которая выбрана только из деловых памятников старобелорусского языка XV–XVII вв. Этимологический анализ отобранных номинаций позволил автору разделить их на три группы, в соответствии с которыми и была структурирована вся работа: правовые наименования общевосточнославянского происхождения; номинации, которые возникли в период формирования белорусской народности, заимствованные термины юридической сферы. Анализируя наименования, восходящие к древнерусскому лексикону, исследователь делает вывод о том, что «в период формирования языка белорусской народности явилась их семантическая многоплановость и смысловое перекрещивание с другими предметно-тематическими и абстрактно-обобщенными объединениями словарного состава языка» (Лазовский 1966: 6). В качестве объекта исследования автор выбрал а) слова, относящиеся к судопроизводству; б) слова, связанные с обозначением понятий преступления и преступников; в) слова, отражающие исполнительскую деятельность суда. Наиболее полно смысловой оттенок правовой сферы вобрало в себя слово *судъ*, которое на белорусской почве претерпело ряд семантических изменений, в основном за счет появления целого ряда терминологических сочетаний: *кгородский судъ*, *подкоморский судъ*, *головной трибунальський судъ*, *дальший судъ*, *належный судъ*, *духовный судъ* и т. д., такие же наблюдения автор делает и в отношении слова *судья* и сочетаний *земский судья*, *кгородский (замковый) судья*, *головной судья*, *головной трибунальський судья*. Полученное в наследство от древнерусского периода наименование *истецъ* на белорусской почве расширило свою семантику и, помимо значений ‘предъявитель иска’ и ‘ответчик’, стало обозначать ‘владелец имения или какого-либо другого имущества’, одновременно употреблялись номинации *сутяжа*, *сутяжай* и *сутяжникъ*. Кроме того, слово *истецъ* вступало в синонимические отношения с существительными *жалобникъ* и *поводъ* ‘лицо, предъявляющее иск’. От древнерусского языка в старобелорусский перешло также слово *сторона*, обозначающее одного из двух противников тяжбы, семантика которого также уточнялась в составе различных терминологических сочетаний: *поводовая сторона*, *жалующая сторона*, *жалобливая сторона*, *болячая сторона*, для обозначения ответчика употреблялись сочетания *отпорная сторона* и *противная сторона*, свидетель наименовался *позванная сторона*. Лексема *свидетель* к XVI в. вытеснилась словом *светка*. От общевосточнославянского языкового фонда в старобелорусский лексикон попали номинации *сокъ* ‘обвинитель’, которое на белорусской языковой почве расширило семантику и стало обозначать лицо, наблюдающее за порядком и докладывающее о правонарушениях, и *детский* — название судебного служебного лица, наделенного исполнительной властью. Сужение семантического поля и приобретение терминологического значения характерно для лексем *жалоба* (в XVI в. начало вытесняться полонизмом *скарга*), *присяга*, *жеребеи*. Терминологизация слова *обычай* происходила за счет определений *злодейский*, *ночной*, *мордерский*, *братерский*, *згодливый*, *еднаный*, *приятельский*. Действия, которые не противоречили правовым нормам ВКЛ,

определялись как *годный обычай, рядный обычай, слушный обычай*. От древнерусского языка в старобелорусский перешли также термины, связанные с преступными действиями и преступниками: названия преступлений (*грабежъ, татьба, злодейство, крадение, розбой*); названия преступлений, направленных против жизни человека (*убивство, забойство, забитье, насилье*); названия поджогов (*пожаръ, пожогъ, поपालенье*); названия преступников (*злодеи, розбойникъ, тать*). Центральное место в исследовании занимает анализ тех правовых наименований, которые возникли собственно на белорусской языковой почве, автор выделяет среди них лексические и семантические образования. При помощи общевосточнославянских языковых формантов возникли номинации, образованные: а) суффиксальным способом (*винникъ, копникъ, коповище*); б) префиксальным (*просудъ, отзовъ, росправа, позва*); в) префиксально-суффиксальным (*розсудокъ, отысканье, огледанье, поприсеженье*); г) способом основосложения (*злочинство, злочинца*). Особое внимание автор исследования уделяет возникновению субстантивированных номинаций: а) названиям тяжущихся сторон (*виноватый, винный, выездчий, дельчий*); б) названиям штрафов и выплат (*суженое, памятное, вижованое*). К семантическим образованиям нового времени исследователь относит номинации, которые приобрели новое терминологическое значение, относящееся к правовой сфере: *пень* ‘место отправления судебного процесса, суд’, *копа* ‘собрание людей, в основном крестьян, для расследования какого-л. дела’.

Значительная часть юридической терминологии старобелорусского языка представлена заимствованиями. В количественном отношении преобладают полонизмы: *кгородъ, рочки, скарга, поводъ, заводца, лавникъ, едначъ, речникъ, возны, ображенье, обелженье, потварца, лупежца, запалачъ, сказанье, выналязокъ, выволане*. Лексемы латинского происхождения также составили значительную часть данного тематического объединения: *статутъ, трибуналъ, прокураторъ, апелляция, тестаментъ, привилей*. Отмечены также и германизмы: *бурмистръ, войтъ, кглейтъ, мордеръ, кгвалтъ, турма*. Автор исследования в заключении делает вывод о том, что пополнение тематической группы юридической лексики старобелорусского языка происходило за счет внутренних языковых ресурсов, за счет развития терминологических значений в нейтральных номинациях, а также за счет заимствований, в основном, из западноевропейских языков (Лазовский 1966: 16).

В словарном составе старобелорусского языка высокой степенью развития характеризуется общественно-политическая лексика, в которой отразились важнейшие социальные явления, экономические и политические особенности периода жизни белорусского народа в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ). Эта наиболее важная лексико-семантическая группа сформировалась на базе древнерусской общественной терминологии. Ее дальнейшее развитие происходило с учетом того, что старобелорусский язык исполнял функцию государственного и обслуживал сферу законодательства, судопроизводства и деловую переписку не только внутри государства, но и в международном масштабе. Значительную роль на формирование этой лексической группы оказало влияние соседних языков, прежде всего польского, в меньшей степени — чешского и немецкого. Многие

термины этой группы формировались под непосредственным влиянием средневековой латыни, которая была юридическим языком того времени во многих европейских государствах.

Разветвленный классовый характер белорусского общества того времени представлен широким спектром номинаций. Так, для обозначения представителей высшего сословия функционировали номинации *князь (княжа)* и *пань*: княземъ, гѣомъ, воеводамъ, кашталаномъ ... в мѣсте нашо^м віленскомъ боудоучи^м (Апакр., 29); который па^н бжде^т позванъ на ро^к (Вісл., 166); отмеченные номинации имели широкий семантический спектр и были составной частью многих устойчивых сочетаний слов, в том числе и юридического терминологического характера: *Паны рада (панове рада)* — государственный орган в ВКЛ. Средние классы населения состояли из мелкопоместного боярства, которое постепенно превращалось в дворянское сословие и получило название *бояре-шляхта*. Достаточно sporadически в памятниках белорусской письменности встречается номинация *бояре (бояринь, бояринь)*. Постепенно, начиная с XVI в., наряду с отмеченными номинациями под влиянием польского языка употребляется собирательный субстантив *земяне*. Номинация *шляхта* была достаточно широко распространена и находилась на вершине развитого словообразовательного гнезда: *шляхетный, шляхетне, шляхетность, шляхетский, шляхетство, шляхтичъ, шляхтянка, нешляхетникъ, прешляхотный, ушляхтити*. В качестве номинации подневольных людей функционировало сочетание *челядь невольная*, которому противопоставлялась *челядь вольная*, которым обозначались вольные люди, которые находились на службе у помещика (однако юридически они мало чем отличались от первых). Степень зависимости подневольных людей от их хозяев выражалась сочетанием слова *челядь* с соответствующими адъективами: *челядь отчизная* — невольники родовых имений, которые переходили от хозяина к хозяину по праву наследования, *челядь посполная* — невольники, которые находились в коллективном владении у нескольких хозяев, *челядь позычная* — невольники, которые передавались на определенных условиях другому хозяину, *челядь дворная, домовая* — слуги, которые работали непосредственно в хозяйском доме. Для названия одного подневоленого существовал целый синонимический ряд: *челядникъ, челядинъ, дитина невольный, невольникъ, паробокъ, паробокъ невольный, чоловіекъ*. Подневольные женского пола обозначались номинациями типа *девка невольная, жонка невольная, челядница*. Частичным синонимом к вышеотмеченным номинациям выступает существительное *слуга*, хотя по юридическому праву эта номинация дифференцировалась по оношению к *невольникъ*: не мають све^тчити нево^лники слуги за пано^в (Ст. 1566, 62). Практически не встречаются в белорусских юридических текстах XVI–XVII вв. номинации, которые были широко распространены в древнерусском словаре: *рабъ, роба и холопъ*. Их употребление в текстах старобелорусской письменности ограничивается религиозными жанрами: ѿ^тп^лсти мене раба свое^г з покое^м ведлу^г свое^с ѿбѣтницы (Бельск., 2006). Что касается номинации *слуга*, в эпоху позднего Средневековья она продолжала развиваться в сторону терминологизации и широко употреблялась для обозначения различных должностей

государственной службы: *слуга городской (местский)* — лицо, которое находилось на службе городской управы, *слуга доспешный (щитный, конный, панцерный)* — служащий, который выполнял поручения, связанные с военными походами; *слуга посельский* — служащий, в обязанности которого входили различные посольские поручения; *слуга путный* — посыльный и т. д. Номинации для представителей деревенского населения не столь дифференцированы иерархически, но отличаются богатой синонимикой: самую многочисленную категорию трудового деревенского населения обозначали словом *люди*, частичными и полными синонимами к нему выступают *мужи, мужики, смерды, черные люди, кмети, холопы, подданные*. В качестве общей номинации подневольных выступал собирательный субстантив *поспольство*. Для номинации деревенского населения, которое работало на паншине, употреблялось сочетание *тяглые люди*, сама паншина называлась словом *тягло*, а повинность нести паншину — *тяглая служба*. По наблюдениям авторов ГЛБМ, широким спектром дифференциальных номинаций представлены названия различных подневольных людей, которые имели свой, строго определенный вид занятий: *конюхъ, конюхъ седельный, машталтеръ, кобыльникъ (лейтъ), стадный конюхъ (ройтиникъ)* — обслуживающий персонал конских заводов, *конокормецъ, стадникъ, свинарь, пастухъ, бортникъ, подлазникъ* — пчеловоды, *рыболовъ, неводникъ* — рыболовы, *бобровникъ* — смотритель бобров, *осочникъ* — лесник, *ловецъ, мысливецъ, стрелецъ* — охотники, *сокольникъ* — дрессировщик соколов, *пташникъ, шатерникъ* — птицеловы, *псарецъ* — дрессировщик охотничьих собак, *будникъ, смоляръ, дегтарь, угольникъ, клепачъ* — специалисты, которые добывали пепел, уголь, смолу, гнали дёготь, делали клепки для бочек, *соляникъ* — добытчик соли, *рудникъ* — добытчик руды, *огородникъ, садовникъ, млынаръ (мельникъ)* и т. д. К этой же группе номинаций примыкают *бондаръ, гончаръ, дойлида, коваль, кравецъ, лучникъ, мечовникъ, шевецъ*.

Разветвленная система дифференциации использовалась для номинации крестьян с точки зрения степени их свободы (т. е. возможности или невозможности покинуть своего хозяина). Так, словом *непохожие* обозначались крестьяне, которые ни при каких условиях не имели права уходить от своего хозяина, им противопоставлялись *похожие* — те, кто еще пользовался таким правом. Равнозначными номинациями по отождествлению к *непохожим* являлись *отчичъ (чоловекъ отчинный), чоловекъ заседлый, старожилецъ*. В ВКЛ существовали различные виды аренды земель, поэтому в старобелорусской юридической терминологии представлены номинации типа *оброчникъ (врочникъ)* — крестьянин, которого перевели на оброк, *куничникъ* — крестьянин, который арендовал землю и платил налог *куницу*, *данникъ* — крестьянин, который платил дань непосредственно в государственную казну, *койминецъ* — крестьянин, который жил за границами владений своего хозяина, но тем не менее платил ему оброк. Бедные слои городского населения назывались *мещане*, к ним по социальному статусу приближались *предмещане* — жители предместий.

Имущественные отношения также широко представлены в словаре старобелорусского языка. Общие понятия богатство — бедность назывались соответ-

ственно *богатство* — *нендза*, *нужа*, *убозство*, таким образом противопоставлялись *богатый*, *богачъ*, *обогаченный*, *знатный*, *сытникъ* и *бедникъ*, *бедница*, *немаетный*, *нендзный*, *нендзникъ*, *убогий*, *жебракъ*, *жебранина*, *жебрующий*. Имущество номинировалось субстантивом *маетность*, могло быть недвижимым *лежащая маетность* и движимым *рухомая маетность*, *бонда*, *статки домовые*, наличные деньги обозначались как *истизна*. Львиную долю имущества граждане ВКЛ получали в наследство: *дедина* (*дедизна*) — дедовское наследство, *отчина* (*отчизна*) — отцовское наследство, *материзна* — материнское наследство, *стрыевщина*, *братчина* — наследство, полученное от дяди по материнской линии и брата соответственно. Имущество, полученное в результате заключенного брачного союза, могло называться *вено*, *внесенье*, *выправа*, *посагъ*, *приданое*, а то, что получала жена в качестве компенсации, — *вено*, *венокъ*, *выправа*, *оправа*, *привенокъ*. Если определенным неразделенным имуществом владело несколько человек, оно называлось *себренное именье*, а владельцы назывались соответственно *сябръ*, *потужникъ*, *дольникъ*, *половинникъ*, *товарищъ*.

Широкий спектр номинаций существовал и для обозначения различных налогов в ВКЛ: *дякло* (образовано от *тягло*) — натуральный налог зерном, *мезлева* — натуральный налог животными, птицами, яйцами, *поборъ* — временный налог, *поголовный поборъ* — сбор средств для борьбы против татарских набегов, *дань* (*данина*) — денежный налог в приднепровских и задвинских областях, *поземъ* — плата за пользование приусадебной землей, *серебищина* (*серебицзна*) — налог на военные нужды (в отдельных волостях он назывался *посощина*, *подымщина*, *воловщина*), *стаця* — питание и фураж для обеспечения подорожных служб, *поворотщина* — приусадебный налог и т. д. Многие виды налогов обозначались субстантивированными номинациями с формантом *-ое*: *посошное* (налог по количеству используемых в хозяйстве сох), *прутовое* (вид приусадебного налога), *поворотное* (налог от одних ворот), *постожное* (плата за сенокосные луги), *подымное* (налог от каждого двора), *торговое* (торговая пошлина), *важчее* (*весчее*, *весебное*) — пошлина, рассчитываемая по весу товара, *лаиштовое* — пошлина за продажу сыпучих товаров и т. д. От названий видов налогов образованы и личностные номинации по видам налогоплательщиков: *дякольникъ*, *данникъ*. Сборщики налогов назывались *брачъ*, *берчий* (*бирчий*), *поборецъ*, *мытникъ*, *восковничий*, *соляничий*.

Разветвленная система номинаций существовала и для сферы государственного управления ВКЛ и отражала систему служебной дифференциации: *канцлеръ*, *подканцлерый*, *подскарбий* (*п. земский* — управитель казной ВКЛ, *п. дворный* — управитель личной казной великого князя), *маршалокъ земский* — распорядитель при дворе князя и на сейме, *маршалокъ дворный* — заместитель *м. земского*, *гетманъ наивысший* — военный начальник вооруженных сил ВКЛ, *гетманъ дворный* (*польный*) — заместитель *г. наивысшего*, *хоружий дворный* — начальник отряда дворян, *охмистръ* (*гохмистръ*) — начальник дворян великой княгини, *чаший* — распорядитель напитков, *подчаший* — его заместитель, *крайчий* — придворный, который на торжественных обедах разрезал еду, которая подавалась великому князю, *стольникъ* — ответственный за сервировку великокняжеского стола, *подстолий* —

его заместитель, *кухмистръ* — заведующий кухней при великом князе, *конюший дворный* — начальник конюшни великого князя, *ловчий* — организатор охоты при великом князе и т. д.

Таким образом, общественно-политическая лексика старобелорусского языка характеризуется разветвленной иерархической структурой, небольшой степенью синонимичности, в большинстве своем имеет славянский характер, но насыщена и заимствованиями из латыни, польского и немецкого языков; всесторонне охватывает реалии экономической и социальной жизни общества того времени; основная сфера употребления — памятники делового характера, юридические документы, актовые книги, что свидетельствует об активном функционировании номинаций данного типа в живой речи граждан ВКЛ.

К предыдущей тематической группе примыкает и *торговая лексика*. Связана она с процессом купли-продажи и по своей генетической характеристике принадлежит к древним пластам лексической системы славянских языков. С предыдущей тематической группой ее объединяет функциональный аспект, поскольку все номинации широко отражены именно в памятниках делового характера.

К названиями общих процессов, связанных с торговлей, относится широко употребимый в старобелорусской письменности глагол *торговати* (общеславянского происхождения), в сфере функционирования не ограниченный ни временными, ни жанрово-стилистическими рамками; собственно белорусской номинацией принято считать его синоним *купчити* — мотивированное *купецъ*, правда, аналог встречается в западнославянских языках. Еще в ранний период в памятниках письменности встречается германизм *гандлевати*, этимологически восходящий к нем. *handeln*, проникал он в старобелорусский язык как через польское, так и через еврейское (идиш) посредничество, последний наряду с полным семантическим соответствием *торговати* употреблялся и с оттенком 'обозначение собственно товарообмена': выкинуть тежъ овцы и волю и тыхъ которые грошми гандлевали (Зб. 255, 25). Среди частичных синонимов отмеченной лексики в памятниках белорусской письменности встречаются *перекуповати*, *шинковати* — 'торговать вином, водкой и напитками вообще' (ср. нем. *schenken*, через польское посредничество либо через идиш), *купити/ куповати*, *продавати*. Широко представлены в памятниках белорусской письменности и отглагольные образования от названных лексем: *торгъ*, *торгованье*, *торговля*, *гандель*, *купецтво*, *перекупництво*, *перекупъ*, *перекупованье*, *шинкъ*, *продажа*, *продажъ*, *продаванье*; лексема *купецтво*, характерная для древнерусского языка, имела ограниченный характер употребления в белорусских текстах.

Среди названий лиц — участников торгового процесса наиболее распространенным было слово *купецъ*, причем обозначало оно как торговца, так и (хотя и значительно реже) покупателя. Синонимами к первому значению названной лексемы являются *гость*, *торговецъ*, *купчикъ* (без пейоративной окраски), причем номинации *торговецъ* и *купчикъ* рассматривались как названия для представителей мелкого купечества. Вариантные номинации *продавачъ*, *продавецъ* и *продаца* выступали частичными синонимами к слову *купецъ*, причем слово *продаца*

в памятниках полемической литературы периода Брестской церковной унии употреблялось и в переносном значении ‘предатель’: не дивоуса и^ж владыки едины друуги^х зненавида^т абовѣ^м и межи апостолми нашолѣса продавца (Каз. Кір., 726). Некоторые названия участников торгового процесса обладали дополнительными семантическими признаками: *перекупѣ*, *перекупка*, *перекупникѣ* — ‘торговец, который занимается мелкой продажей (сегодня — продажей в розницу)’; *шытерѣ* — ‘перекупщик зерна’. Многие названия торгового люда мотивированы номинациями товаров: *кормникѣ* — ‘торговец продуктами питания’, *железникѣ* — ‘торговец железом и изделиями из него’, *соленикѣ*, *мясникѣ* и т. д. Мотивация могла быть и по месту торговли: *крамарѣ* (*крамникѣ*) — ‘торговец, продающий свои товары в лавке (*кrame*)’, *имбарникѣ* — ‘торговец, продающий товары со склада’; *шинкарѣ*, *шинкарка* — ‘продавец напитков в питейном заведении (*шинокѣ*)’, *корчмитѣ*, *корчмиха*, *корчмистѣ*, *корчмарѣ* — ‘продавец в корчме’.

Широко представлены в старобелорусском словаре и названия мест торговли. Так, слово *торгѣ* со значением ‘публичное место для торговли’ встречается в памятниках всех жанровых разновидностей и на протяжении всего периода существования старобелорусской письменности. Темпоральную дифференциацию имеет семантика частичного синонима *ярмаркѣ*. Еще одна синонимичная лексема *рынокѣ*, первоначально обозначавшая центральное публичное место в городе, где проходили социально значимые события, со временем сузила свое значение и обозначало только место торговли; другая синонимичная лексема *торгѣ*, наоборот, со временем расширила семантическое поле и уже в старобелорусской письменности обозначала городскую площадь.

Для названия специальных торговых построек в старобелорусском словаре встречаются номинации *крама*, *крамница*, *ятка*, *клетка*, *корчма*, причем слово *клетка* встречается в данном значении только в памятниках делового характера и может квалифицироваться как белоруссизм. Слово *корчма* обозначало место торговли напитками, встречается и во многих текстах конфессиональной принадлежности.

Достаточно разветвленной и продуманной была система номинаций различных метрических единиц в старобелорусском языке (Скурат 1971). Среди названий различных мер обращают на себя внимания те, которые были общеупотребительными на всей территории древней Беларуси: *бочка*, *корецѣ*, *гарнецѣ*; *шнурѣ*, *прутъ*, *прутикѣ*. Сыпучие вещества чаще всего измерялись не на вес, а на объем: *бочка*, *ведро*, *корецѣ*, *гарнецѣ*, *дежа*, *фаса*, *ушатѣ*, *куфа*, *барила*, *кадь*, *кубель* и др. В различных регионах ВКЛ существовали дифференцированные системы мер, поэтому часто в старобелорусских текстах встречаются сочетания типа *мера долгиновская*, *виленская*, *краковская*, *порцовская*, *франковская*. Часть метрических номинаций мотивированы количественным содержанием данной метрической единицы: *полтъ* (мера мяса), *червертъ*, *чвертъ*, *четвертка*, *осмина*, *шеснастка* (меры сыпучих веществ). Первоначально данные номинации обозначали часть общей метрической единицы (например, бочки). Из номинаций линейных мер употребимыми в старобелорусской письменности были слова, полученные

в наследство от древнерусской эпохи: *локоть*, *аршинъ*. В ВКЛ номинация *локоть* употреблялась для измерения тканей как отечественного, так и зарубежного (в основном европейского) производства, чего не наблюдается в древнерусской системе метрических номинаций. При помощи метафорического переноса образовалось дополнительное значение этой номинации — ‘приспособление для отмеривания тканей’. Широко распространенное в белорусских говорах слово *аршинъ*, как ни странно, в памятниках письменности ограничено только несколькими деловыми текстами. Древним белорусам были известны такие термины для обозначения весовых единиц, как *безмень*, *берковескъ*, *ластъ*, *кантаръ*, *пудъ*, *фунтъ*. В период самостоятельного развития старобелорусского языка в него проникли номинации *лотъ*, *центнеръ*. Первоначально в данных номинациях присутствовала сема ‘груз, тяжесть’, затем она развилась в более конкретное значение, уточненное определенными цифровыми показателями. Широко употреблялось в старобелорусском языке слово *лаштъ* (германизм, от нем. *Last* — общее название груза, тяжелой вещи), оно обозначало значительную объемную и весовую метрологическую единицу; лаштами измеряли пепел, смолу, соль, то есть те товары, которые продавались большими партиями. Древнерусскому языку неизвестно слово *камень* в метрическом значении, в старобелорусской же письменности оно употреблялось с данной семантикой достаточно широко, в том числе и в памятниках религиозного содержания. Строго регулировалась законодательством система названий денежных единиц. Часть номинаций досталась старобелорусскому языку от древнерусской эпохи и связана с так называемой меховой теорией: *векша*, *куна*, *лобокъ*, *мордка*, *ногата*, *резана*. Однако данные номинации в старобелорусский период уже попали в разряд архаической лексики и употребляются в памятниках летописного жанра. Широко функционировали в памятниках старобелорусского языка номинации *гривна*, *полтина*, *рубль*, *шелегъ*, *пенязь*, *олтынъ*, *деньга*; в эпоху белорусской народности они пополнились словами *золотый*, *грошъ*, *корабельникъ*.

Торговая лексика старобелорусского языка включала в себя слова общеславянского происхождения, собственно белорусские образования и заимствования. Наиболее устойчивыми в языке оказались терминологические номинации с наиболее общим недифференцированным значением. С течением времени сильно изменились номинации, которые были определены системой законодательства ВКЛ (в основном, названия денежных единиц). Высокой степенью витальности характеризуются номинации метрологических единиц. Именно белорусские говоры сохранили до наших дней слова типа *бочка*, *вядро*, *мех*, *фунт*, *пуд* в метрическом значении.

4. Исследования лексики, характеризующей наименования лиц, степени родства

Освящению специфики семантики, словообразования, этимологии и вариативности названий лиц в старобелорусском языке посвящен ряд исследований (Шиколович 1969; Бекиш 1971; Верхов 1970; Казачэнка 1998; Паўленка 1974;

Паўленка 1975). Так, в работе, посвященной наименованиям родства и свойства в старобелорусском языке, автор обращает внимание на то, что «эти названия характеризуются не только давностью происхождения, но и большой устойчивостью на протяжении своего существования» (Шиколович 1969: 4), они широко употреблялись в разговорной речи белорусского народа, и корнями восходят к индоевропейской и общевосточнославянской языковой общности. Среди наименований родства по прямой линии автором отмечены следующие номинации: *отецъ* и его дериваты *отчина*, *отчичъ*, *отчичка*, *отецъство*, *отцовство*; *мати*, *матеръ*, последняя очень быстро вытеснилась белорусским *матка*, дериваты *материзна*, *мачоха*; *сынъ* и производные *пасынокъ*, *сыновая*, *сыновецъ*; *дщи* (*дщерь*), употреблялись в основном в памятниках религиозного характера и *дочка*, синоним, полонизм *цорка*; *отчимъ*, *падчерица*; *дедъ*, *баба* (чаще в памятниках встречается *бабка*), *внукъ*, *внука*. Спецификой в употреблении характеризовались производные от *братъ* и *сестра*: для номинации сына брата использовалась лексема *братаничъ* (синоним — *сыновецъ*), сына сестры — *сестреницъ*, лексема *племянникъ* использовалась только в отношении родного сына сестры, для номинаций лиц женского пола использовались корреляты *братанна*, *сестрична*, *сестреница*. Не сохранились в современном белорусском языке лексемы *стрый* и *вуй*, употреблявшиеся для номинации соответственно брата отца и брата матери, в то время как *дядько* употреблялась в значении ‘воспитатель, опекун’; дети братьев и сестер назывались соответственно *стрыичичъ*, *тетчичъ*, *уичичъ* (*вуйчичъ*). По наблюдениям автора, в более позднем периоде зафиксированы общие понятия *братъ з двоужоныхъ*, *братъ двоюродный*, *упервыхъ братъ*. Отдельная часть работы посвящена анализу номинаций свойства: *мужъ*, *зять*, *своякъ* ‘муж сестры жены’, *своякина*, *швагеръ*, *тестъ*, *теща*, *шуринъ*, *свестъ* ‘сестра жены’, *жона*, *жонка*, *невестка* (и как синоним *сыновая*), употреблялась и в значении ‘жена брата мужа’, *братовая* ‘жена брата’, *свекоръ*, *свекры*, *деверъ*, *золвица* ‘сестра мужа’, *ятровка* ‘жена брата мужа’. В процессе исследования автор приходит к выводам о том, что лексическое гнездо каждой из данных номинаций активно пополнялось за счет словообразований и частично за счет диминутивов, которые со временем теряли экспрессивную оценку; в процессе исторического развития бывшие некогда актуальными дифференцированные номинации родства по мужской и женской линии постепенно заменялись общими названиями.

Анализу наименований лиц по социальной функции, которую они выполняли в древнем обществе, посвящена работа В.А. Бекиша (Бекиш 1971), в которой автор рассматривает названия крестьян и представителей государственной администрации, материал для исследований выбирался в основном из памятников деловой письменности (точнее — из канцелярско-деловых документов). Для номинации крестьян использовались слова *селяне*, *земцы* (*земецъ*), последнее, в основном, в памятниках Полоцкой земли, а также различные устойчивые сочетания с центральным компонентом *люди*, *чоловекъ*: *люди волостные*, *чоловекъ волостный*, *люди околичные*, *люди простые*, *люди сельские* и др. Общее значение ‘член общины’ характерно для номинаций *участникъ*, *попличникъ*, *потужникъ*,

сябръ, товаришъ, от некоторых возникли и социально-экономические термины типа *сябренность, сябровати, сябреные, товариство*. С течением времени, когда укреплялся государственный аппарат закрепощения крестьян, возникли номинации *тяглые, прыгонные, ясачные, коланные* (мотивированные названиями повинностей *тягло, прыгонъ, ясакъ, коланъ*), а также *звечные, данные, непохожие*. Процесс субстантивации прилагательных и причастий со временем все более широко использовался в данной тематической группе: *чоловекъ отчизный — отчизный, люди тяглые — тяглый*, на основе которых возникли атрибутивные имена существительные: *отчинный — отчицъ, звечный — вечникъ, данный — данникъ, ясачный — ясачникъ, простой — прости, прощане, тяглый — тяглецъ*. В качестве антонимов употреблялись номинации *люди вольные, чоловекъ вольный, вольный, вольникъ, люди слобоны, слободичи*. Исследователь высказывает наблюдение, что большинство номинаций крестьян имеют общеславянскую языковую основу и представляют собой очень древний, непроемчивый пласт лексики (*люди, людъ, смердъ, кметъ, мужъ, сябръ, товаришъ, громада, роба, холопъ, челядь*). Вторая часть исследования посвящена анализу номинаций представителей аппарата государственного управления; обобщающее значение отмечено у слов *владникъ, заказникъ, честникъ* (образованным от *радити, казати, честь*). Руководители «господарских дворов» назывались *наместникъ (наместокъ, наместничокъ), державца, староста*; по общеславянским словообразовательным моделям образованы номинации *подорожъникъ, поездникъ, гаевникъ, коморникъ, ключникъ; дворанинъ; писаръ, господаръ* и характерные для белорусской языковой общности *борца, райца (радца)*. Как и в случае номинаций крестьян, для данной тематической микрогруппы активным способом образования терминов была субстантивация адъективов *городничий, мостовничий, лесничий, бобровничий, сенничий, бирчий, езовничий, подключий, конюший*. Особое внимание автор исследования уделяет слову *дворанинъ*, которое в старобелорусском языке изменило древнюю семантику и стало обозначать только уполномоченного представителя верховной, великокняжеской власти, синонимами к нему являлись *комисаръ, умоцованый, енераль, возный, коморникъ*; в качестве обобщающей номинации высшего феодального сословия укоренилась лексема *шляхта*. Лексема *приставъ* также сузила семантику и стала употребляться для обозначения служебного административного лица, в качестве видовой номинации функционировала по отношению к наименованиям лиц, сборщиков налогов: *сенничий, восковничий, бирчий, борца, поездникъ, выездчий*. Среди номинаций отмечены также дублетные формы: *бобровничий и бобровникъ, сокольничий и сокольникъ, езовничий и езовникъ, подключий и подключникъ*. Особое место в работе отводится анализу очень распространенного наименования *паны рада*, которое обозначало государственный орган ВКЛ; отмечены в памятниках письменности также варианты *панове рада, рада наша, рада господръская*. Особенность сочетания *паны рада* в том, что оно состоит из двух слов, принадлежащих к одной части речи, из которых невозможно выделить главный и зависимый компонент. В качестве номинаций великого князя автор называет следующие: *господаръ, великий князь, король, княжа, дедичъ, панъ*, которые функционировали

в составе терминологических словосочетаний с прилагательным *великий*. По наблюдениям исследователя, большинство номинаций данного лексического объединения не вошло в активный состав лексики современного белорусского языка в связи с утратой реалий, которые они обозначали.

Деловые тексты раннего периода, написанные на старобелорусском языке, являются источником богатого материала тематического объединения наименований лиц, отражающих особое историко-культурное развитие белорусской народности. Так, в Полоцких грамотах зафиксированы номинации следующего порядка: названия служебных лиц высшего ранга (*бурмистръ, воевода, канцлеръ, войтъ, гетманъ, городничий, конюший, маршалокъ, наместникъ, подचाший*); названия подчиненных служебных лиц в соответствии с их должностями и выполняемыми функциями (*бобровничий, борець, биричъ* ‘сборщик налогов’, *восковничий, врадникъ, высланникъ* ‘посланник’, *десятникъ, коморникъ, лентвойтъ, ловчий, мерчиний, охмистръ, подвойский, подтивунъ* и др.); названия лиц по социальному статусу и месту проживания (*бояринъ, закладень, земець, мещанинъ, местичъ, огородникъ, одноземець, слободичъ, тяглець*); названия лиц с более общей семантикой (*вельможа, панъ, подданий*); названия членов судебных разбирательств (*виноватець, децкий, ездокъ, збродень, злодей, зрядца, нятець, подсудокъ*); названия лиц, занятых имущественной, коммерческой и финансовой деятельностью (*весецъ, державца, должникъ, заказникъ, коморникъ, купецъ, поручникъ, потужникъ, продавецъ, соляничий, торговецъ, фельшеръ*); названия лиц по профессии и роду занятости (*гончаръ, дойлидъ, дряголь* ‘грузчик’, *коваль, кожемяка, конюхъ, кравецъ, кушнеръ, млынаръ, муряль, мясникъ, пастухъ, пекаръ, перевозникъ, пивоваръ*); названия лиц по половой, возрастной принадлежности, степени родства (*братаничъ, братъ, братеникъ, вдова, внука, внукъ, внуча, деверъ, девица, дедъ, дитя, дядько, дядьковичъ, жена, зять, мати, матка, сестрична*); названия наследников и предков, представителей предыдущих поколений (*антецесоръ, дедичъ, наследокъ, потомокъ, пращуръ, предокъ, продокъ, щадокъ, счадокъ*); названия представителей религиозной сферы (*архиепископъ, архимандритъ, арцибискупъ, бернадынъ, бискупъ, богомолецъ, владыка, дияконъ, епископъ, капланъ, клырошанинъ*); наименования группы лиц (*братъя, поганство, посполство, холопья, челядь*) (Казачэнка 1998).

Наименования лиц рассмотрены также и в работах, посвященных особенностям древнего словообразования (Верхов 1970; Паўленка 1974, 1975). Так, наиболее продуктивными суффиксами в именном словообразовании авторы исследований называют суффиксы *-икъ* (*высланникъ, деланникъ, сушенникъ*), *-никъ* (*барышникъ, бурсникъ, травникъ, долникъ, копникъ, осмникъ, десятникъ, пятьдесятникъ, тысячникъ, обидникъ, наглядникъ, резникъ*), присоединяемый к основам прилагательных, числительных, глаголов; *-овникъ* (*бобровникъ, вахтовникъ, гробовникъ*); *-льникъ* (*опекальникъ, позычалникъ, почиалникъ*); *-чикъ* (*неаполчикъ, сирийчикъ, саксончикъ, евусейчикъ, израилчикъ*); *-акъ* (*-якъ*) (*простакъ, грешнакъ, литвякъ, русакъ, своякъ, ездакъ, спевакъ, байдакъ, жебракъ*); *-ачъ* (*-ячъ*) (*вызнавачъ, выкладачъ, гадачъ, диспутачъ*). В работах М.А. Павленко анализируются женские *potina agentis* с точки зрения различных словообразовательных формантов, участвующих в пополнении

номинаций женского рода в старобелорусском языке. Исследовательница обращает внимание на то, что в основе своей женские *nomina agentis* образовывались от основ соответствующих существительных мужского рода. В период формирования белорусской народности наблюдалось параллельное использование различных словообразовательных формантов для образования дублетных и синонимичных номинаций: *-к-а* // *-иц-а*, *-ниц-а*, *-ј-а*, *-ин'а*, *-ов-ая*, *-ин-ая*; *-иц-а* // *-ниц-а*, *-ин-а*, *-ин'а*, *-ев-ая*, *-ев-а*; *-ев-ая* // *-их-а*; *-ын-ая* // *-ш-а*; *-к-а* // *-их-а*; *-щин-а* // *-щызн-а* и под. В результате старобелорусский лексикон пополнился значительным количеством дублетных номинаций, степень витальности которых могло бы определить будущее: *корчмитка* — *корчмиха* — *корчмарка*, *служебная* — *служебка* — *служебница*, *ворожбитка* — *ворожка* — *ворожея*, *каницлерева* — *каницлерева* — *каницлериная* — *каницлериша* (Паўленка 1975: 8).

5. Исследования лексики науки, религии

Исследования данных групп лексики нашли отражения в работах, посвященных религиозной терминологии (Будзько 1999), музыкальной терминологии (Бандаровіч 2004), научно-книжной терминологии (ГЛБМ 1970, 212-227).

Религиозная лексика старобелорусского языка. Эта терминологическая группа — одна из самых больших и функционально устойчивых (она насчитывает вместе с дериватами около 5000 слов). Основной особенностью происхождения и функционирования данной тематической группы в старобелорусской письменности является то, что она совмещает в себе номинации православной сферы (в основном, полученные в наследство от древнерусского языка) и католическую терминологию (в связи с широким распространением данной конфессии в ВКЛ и в результате тесных контактов с Королевством Польским). Кроме того, в памятниках всех жанровых разновидностей эти две группы номинаций переплетаются, вступают в различные синонимические и родо-видовые отношения, участвуют в системе глоссирования и т. д. Таким образом, старобелорусские тексты стали своеобразным местом апробации взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния православной и католической терминологии. Ситуация усложнилась в период Брестской церковной унии: во многих полемических текстах, в зависимости от их функциональной направленности, также наблюдается подобное перекрещивание.

Так, например, в системе номинаций теонимов в старобелорусском языке господствующее положение занимают слова *богъ*, *господь/господь* и *панъ*; широко употребляются в текстах сочетания *господь богъ* и *панъ богъ*, причем часто в одном и том же тексте: *взгленоуль тежъ и на насъ господь богъ* (Бер. Саб., предисловие); *за насъ личбоу паноу богоу дадоуць* (Там же: 136). Данная специфика характеризует и дериваты от названных лексем: *набожный* — *побожный*, *безбожный* — *незбожный*, *набожность* — *божность*, *безбожность* — *незбожность*, *набоженство* — *побожество*, *безбожникъ* — *незбожникъ*, *набожне* — *побожне*, *безбожне* — *незбожне*. То же самое наблюдение можно сделать и в отношении номинаций представителей церковного и костельного руководства. К последним относятся номинации,

генетически восходящие к латинским соответствиями, но проникшие в старобелорусский язык через польское посредничество: *каноникъ, кардиналь (гардиналь), легатъ, абатиса, викарий, капеланъ, нунциушъ, плебанъ, презвитеръ, прелатъ, прероръ, деканъ, подеканъ* (заместитель декана), *провинцияль, официаль, парохъ, препозитъ, бискупъ*. Номинации православного руководства представлены, в основном, грецизмами либо семантическими кальками из греческого языка: *архимандритъ, иерархъ, митрополитъ, патриархъ, дидакаль, дьякъ, дьяконъ, епархъ, игумень, иерей, иеродияконъ, келаръ, клирикъ, попъ, протопопъ* и др.

Широко распространена в старобелорусском словаре лексема *монахъ* и ее варианты (грецизм *монахушъ* и полонизм *мнихъ*). Начиная с XVI в., последняя форма начинает употребляться достаточно широко и по функционированию перестает считаться чистым заимствованием. Для видовых дифференцированных номинаций употреблялись *братъ, босакъ, законникъ, застолникъ, единокъ, еремита, инокъ, калугеръ, постриженецъ, пустелникъ, пустынный, старецъ, чернецъ, черноризецъ* и др. Большинство номинаций членов католических и униатских монашеских орденов этимологически восходило к имени святого, в честь которого назван тот или иной орден, либо к имени основателя: *августинъ, базилианинъ, бернардынъ, бенедиктынъ, григорианинъ, доминиканъ, езуитъ, иоанянинъ, франтишканъ*. Номинации монахов, которые занимали различные должностные места в монастырях и орденах либо выполняли там различные функции, представлены лексемами латинского происхождения: *конвентуаль, кумендеръ, магистеръ, мистеръ, пелгеримъ*.

В системе номинаций верующих в зависимости от принадлежности к определенной системе вероисповедания в старобелорусской письменности обращает внимание функционирование в качестве синонимических рядов лексем, обозначающих стороны света либо национальную принадлежность верующего (которая в то время в большей степени определялась по вероисповеданию). Так, для названий православных употреблялись номинации *грекъ, православникъ, православный*; для номинаций католиков — *западникъ, заходникъ, латинникъ, римлянинъ*. Заключение Брестской церковной унии не просто давалось всем слоям белорусского населения, поэтому рядом с номинациями *униятъ, унитъ* выступали и антонимы к ним *дизунитъ, неунитъ*. В качестве названия для нехристиан (иудеев) широко использовались номинации *агаранинъ, жидъ, жидовинъ, иуда, юда, иудеанинъ, иудей, юдашъ* и т. п.

Наиболее широко межконфессиональная синонимия представлена в микрогруппе названий религиозных праздников и знаковых периодов времени. Так, в текстах старобелорусской письменности рядом встречаются лексемы *праздникъ* и *свято*: три дорочных праздника або свята обходили жидове (Калист, 1, 122), полонизм *свенто* употребляется редко, в памятниках делового содержания: убрали олтарь подчасъ процессы Божекго Цяла, свента рымского (ИЮМ, 1, 237, 1682). Та же особенность и у дериватов данных лексем: *празнество — светочество, празничный — светочный, праздниковати — святковати*. Частичными синонимами вышеотмеченных лексем являются *урочистость, фестъ, юбилеушъ*. Для обозначения

дней, которые предшествовали какому-либо празднику, функционировали номинации *вилая, канунъ, навечерье, октава, предпразднество, приготованье*.

Праздник Рождества Иисуса Христа в старобелорусских текстах имел следующие названия: *коляды* (причем в сочетании *русские коляды* — Рождество у униатов), *рождество, божье, господне, панское нароженье*. Праздник Крещения: *водокреши, водохрищенье, епифания, крещение*. Праздник в память оповещения о непорочном зачатии имел следующую систему номинаций: *благовещение, звестованье, свято зачатия девы Марии, свято навеженья девы Марии*. Праздник Воскресения: *великдень (велицедень), велканоць* (в старобелорусских текстах лексема встречается как в форме маскулиnum, так и фемининум), *пасха (пака, песха)*. Дифференцировались Пасхи *жидовская, перешестья, христианская*. Праздник Вознесения Господня: *вознесение Господне, вступленье (уступенье) божье (панское), внебовступенье, небовступенье*. Для номинации данного праздника употреблялась также лексема *Вельканоць*, причем как в форме женского рода, так и в форме мужского рода: *абы вельканоць...* была свечона (Царств., 73); *абы свой велкано^ч святили* (Выкл., 356). Полными и частичными синонимами для названия этого знакового праздника у христиан выступали слова и сочетания *воскресение, смартвыхвстанье, встанье зь мертвыхъ* и под. Поликонфессиональный характер старобелорусского общества обусловил функционирование синонимических рядов: *рождество — коляды — божье нароженье, богоявление — водокреши — епифания — крещение, благовещение — звестованье — свято навеженья панны Марии, троица — пятникостие — пятидесятница*.

При изучении религиозной лексики старобелорусского языка было проведено исследование с целью установления подобных номинаций в современном языке. Более половины отмеченных в древних текстах религиозных номинаций не сохранились в современном белорусском языке. Точнее, они не упоминаются в современных лексикографических источниках. Речь идет, прежде всего, о лексемах, имеющих церковнославянское происхождение, а также о некоторых терминах, функционировавших в католической среде (Будзько 2003: 36).

Отдельно специфике функционирования научной терминологии в старобелорусском языке посвящен соответствующий раздел в коллективной монографии «Гістарычная лексікалогія беларускай мовы» (ГЛБМ 1970: 212–227). Автор, З. К. Турцевич, указывает, что «широкое отражение научной терминологии в памятниках старобелорусской письменности — это показатель процесса активного становления и развития белорусской науки, отражение высокого уровня культурной жизни белорусского народа того времени, его широких культурно-научных связей и взаимоотношений с другими, главным образом соседними народами» (ГЛБМ 1970: 212). В работе рассмотрена этимология и семантика наименований научных дисциплин, которые были актуальны для средневекового общества. Начиная со времен Франциска Скорины, общее понятие *наука* начинает дифференцироваться, и старобелорусский лексикон пополняется номинациями *арифметика/ аритметика, геометрия, землемерие, архитектура, астрономия, астрология, звездозаконие, звездозорство, звездочетство, звездочетие; риторика,*

красомовность, красомовство; грамматика, логика; певница, музыка; философия/филозофия; история/гистория/хистория, география, диалектика, ортография, малярство; богословие, теология/феология. Для номинации медицинских знаний использовалась лексема *барберство*. Широко функционировали в памятниках письменности и номинации представителей различных наук: *ученый/учоный, мудрецъ, книдникъ, докторъ* ‘ученый, наставник’, ‘лечащий врач’; *барберъ/балверъ, врачъ, лекаръ, цируликъ; архитекторъ, астрологъ, астрономъ, звездаръ, звездозорца, звездозорецъ, звездочетецъ, звездочетца; историкъ/гисторикъ, кройникарь, летописецъ, географъ/еографъ; грамматикъ, медикъ, юриста; философъ/филозофъ, теологъ/феологъ, атеистъ/афеистъ.* Широко представлены в памятниках письменности светского и религиозного содержания номинации, которые характеризуют непосредственно процесс учения: *ученье (учение), научение (научанье, наученье);* лексема *школа* первоначально использовалась для называния еврейского молитвенного дома, именно в таком значении она употреблена в грамоте 1388 г., но уже с XVI в. ее использовали для номинации учебного учреждения; среди названий различных учреждений образования встречаются *академия, гимнасия, семинария, училище.* Для обозначения школьного учителя использовались номинации *бакаларъ, дидаскаль, маистеръ (мистръ), наставникъ, педагогъ, прецепторъ, научитель, учитель;* латинизмы *визитаторъ, инспекторъ, экзаменаторъ* служили для обозначения лиц, выполняющих контролирующие функции в системе образования. Номинации непосредственных участников процесса обучения, учеников, представлены следующими лексемами: *учень, ученикъ, ученица, школьникъ, школяръ, жакъ, спудей, студентъ.* В названный период совершенствовалась и лингвистическая терминология, пополнялась она из различных источников: *азбука, алфаветъ, абцадло, литера, букиштаба, слово, письмо, диалектъ, мова, языкъ.* Книга как источник знаний очень ценилась в средневековом обществе; в качестве наиболее известных и распространенных в разных жанрах письменности номинаций отмечены *Библия, Евангелие, псалтырь, апостоль, кантыкъ, кондакъ, псалмъ, стишокъ, тропаръ, булла, декретъ, епистола, канонъ, шкриптъ.* Большинство номинаций данного тематического объединения восходят по своему происхождению к греческим или латинским соответствиям и проникали в старобелорусский язык либо непосредственно, либо через посредство западноевропейских языков; особенно активным этот процесс стал в период религиозной полемики во время Брестской церковной унии 1596 г.

К названному выше тематическому объединению лексики примыкает и музыкальная терминология, семантические, этимологические и деривационные особенности которой также получили научное освящение (Бандаровіч 2004). Как ни парадоксально, но большинство слов этой тематической группы — заимствования из классических языков — зафиксированы в религиозных памятниках письменности. В качестве общего родового наименования выбрана лексема *музыка*, общее значение отражают общеупотребительные *бримети, гримети, гучати.* Среди заимствований отмечены слова греческого происхождения (*акафистъ, антифонъ, ирмосъ*), латинского (*кредо, канторъ*), при посредстве польского языка

в старобелорусский попали номинации *ляментъ*, *цимбалы*, *цитра*, из романских языков — *лютня*, *флетня*, *штортъ*; отмечен автором исследования также германизм *арфа*.

В области словообразования большую роль в данном тематическом объединении сыграли звукоподражания (*брязгати*, *гримети*, *гучати*), наиболее продуктивным словообразовательными средствами выступили суффикс *-никъ* (*дудникъ*, *звонникъ*, *пищальникъ*, *псаломникъ*), *-ачъ* (*играчъ*, *трубачъ*), *-аръ* (*дударъ*), *-акъ* (*спевакъ*), *-иста* (*органиста*, *лютниста*, *псалмиста*, *цитариста*, *арфиста*, *корнетиста*). Слова данной терминологической группы послужили мотивационными основами для образования прилагательных (*роговой*, *труной*, *скомороший*, *скоморошский*, *акафистовый*, *песенный*). Отмечены также и композиты *краснопение*, *песнопение*, *псалмопение*, *сладкопение*; терминологические словосочетания: двухкомпонентные (*сопль пастырский*, *фуяра пастушская*, *музыкальный инструментъ*, *сосуды пенья*) и многокомпонентные (*инструментъ о десяти струнахъ*). Заимствования проникали в старобелорусский язык разными путями, что стало причиной наличия множества вариантов: орфографических (*арфа*, *арва*, *архва*, *гарфа*, *титра*, *цитра*, *цытра*), фонетических (*кимвалы* — *цимбалы*), морфологических (*музыка* — *мусикия*), словообразовательных (*сурначъ* — *сурначей*, *скрипка* — *скрипица*). Для номинации музыкального инструмента автор исследования выделила около 20 лексем: *гудьба*, *гусли*, *игра*, *музыка*, *мусикия*, *негинота*, *органъ*, *инструментъ*, *начинье*, *орудие*, *сосудъ*, *строй*). В исследовании также прослеживается путь номинаций в современном белорусском языке, около половины старобелорусских лексем сохранились до сегодняшнего времени практически без изменения семантики, некоторые остались лишь в белорусских диалектах (*звоннік*, *іграч*), часть лексем изменила семантику в сторону увеличения количества значений (*званок*, *пішчык*, *струна*, *труба*), уменьшения (*арган*, *піск*), утраты музыкальной семы (*більцэ*, *пёрка*), приобретения определенной стилистической окраски (*пішчалка*, *свісцелка*, *скрыніца*).

6. Исследование абстрактной лексики старобелорусского языка

Социально-экономическое развитие средневекового общества, совершенствование гуманитарного знания, серьезная религиозная полемика и концентрация вокруг проблемы человека в окружающем мире содействовали обогащению и развитию семантической группы абстрактной лексики, полученной старобелорусским языком от древнерусского языкового наследия. В трудах В. Сташайтене (1973) и А. В. Портновой (2004) проведен семантический, словообразовательный и жанрово-стилистический анализ абстрактных, зафиксированных в памятниках белорусской письменности. По наблюдениям авторов, данные номинации в большинстве своем восходят к общеславянскому источнику, заимствований среди них совсем немного (*мусъ*, *вазнь*, *мрокъ*, *кроть*, *киталтъ*). Тот факт, что старобелорусский язык был более открыт иноязычным влияниям, прежде всего из западноевропейских языков, стал причиной большего числа подобного рода номинаций по сравнению с аналогичными в старорусском языке (500 и 355 соответственно —

(Портнова 2004: 7)). Среди абстрем, обладающих новой семантикой, возникшей на старобелорусской языковой почве, В. Сташайтене называет следующие: *цыниш* ‘оброк’, *беж* ‘установленный порядок’, *лес* ‘жеребий’ (Сташайтене 1973: 19–21). Анализ производных абстрем позволил автору выделить наиболее продуктивные словообразовательные форманты, с помощью которых пополнялся состав данного тематического объединения: *-ние, -нье, -тие* (*каранье, имение, на-правованье, внесенье, битье*), *-ость* (*милость, справедливость, чудность, слость, ведомость, уфность, учтивость, одлежность, вечность, одномыслность*), *-ств-о* (*подобенство, паньство, рыцэрство, мнишество, дедичство/ дедицство, одновладство, послушенство, действо, звытяжство, товарыство, мужество*), *-к-а* (*опека, мука, ласка, позычка*), *-окъ* (*збытокъ, выступокъ, подступокъ*), *-цин-а* (*головщина, подымщина*), *-изн-а* (*дедизна, капцизна, даровизна*), *-н-я* (*погоня, беготня*), *-ба* (*згуба, жалоба, оздоба, ганба*), *-оть* (*доброть*), *-ежъ* (*грабежъ, крадежъ, платежъ*), *-иц-а* (*обетница, розница, темница*), *-знъ* (*приязнъ, боязнъ*), *-в-а* (*гонитва, ловитва, битва*), *-ищ-е / -ищ-о* (*судище, узилище, ловище*), *-ое* (*лесничое, сенничое, бирчое*), *-л-я* (*торговля, купля, прикупля*), *-л-о* (*жродло, зачало, дякло*). Проанализированы в работе также композиты с абстрактным значением, начальным компонентом которых были *бого-, благо-, зло-*: *божоявление, благословение, злострадание, благочестие, благовещение* и под. В. Сташайтене исследовала также и специфику возникновения переносных значений в семантике абстрактных номинаций, выделив следующие лингво-стилистические средства, способствующие возникновению новых значение: метафора (*болото греховъ, воды сумнения*), метонимия и синекдоха (*мы, волость; впустити в железо; рука Божая, сто головъ детей боярскихъ, огнемъ и мечомъ учинити; хаживати на поганство*), аллегория (*нехай возметъ крестъ свой*) и фразеологические единицы (*вести право, дойти правомъ, мордерскимъ обычаемъ, чинити рахунокъ* и др.). В заключении автор делает вывод о том, что «старобелорусский язык в области абстрактной лексики предпочитает форму полисемии на основе метафорического переноса значения слова» (Сташайтене 1973: 87).

Среди других работ, посвященных исследованию тематических групп лексики старобелорусского языка, можно отметить исследования, в которых анализируются метрические единицы (Скурат 1971), темпоральные номинации (Евтухов 1982), военная лексика (Пометько 1985), анатомо-физиологическая и медицинская лексика (Ялоўская 2001), бытовая лексика (Марченко 1965), номинации предметов одежды, головных уборов и материалов для их изготовления (Рабаданова 1991), лексика наименований продуктов, напитков и блюд (Федарэнка 2013; Федарэнка 2017; Гамзовіч 1987).

Практически во всех перечисленных выше исследованиях имеет место структурно-семантический анализ слов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе, изучение их этимологии, развития новых значений в период формирования языка белорусской народности, описание их деривационных возможностей, построение терминологических словосочетаний, выявление различных системных отношений внутри определенной ЛСГ (синонимии, вариантности,

дублетности, антонимии), фиксация наличия в современном белорусском литературном языке либо в белорусских диалектах. Изучая более ранние работы, можно сделать вывод о том, что большинство исследователей выбирали материал из деловых памятников письменности, но уже к концу XX в., когда фактически была завершена работа над картотекой исторического словаря белорусского языка и самим словарем (хотя бы в рукописном виде), исследователи смогли охватить все жанры старобелорусской письменности и представили в работах стилистическую дифференциацию в употреблении изучаемых номинаций.

II. Результаты исследования заимствованной лексики

Исследование лексики по тематическим группам нашло отражение и в ряде работ, посвященных заимствованиям в старобелорусском языке. Общую картину путей проникновения, адаптации и функционирования в белорусских памятниках письменности германизмов посвящена работа И.И. Чертко «Лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке» (1967). Автор указывает, что часть германизмов, которых и сейчас достаточно много фиксируется в белорусском литературном языке и диалектах, была заимствована в процессе непосредственных контактов белорусского населения с прибалтийскими немцами. Наряду с фонетическими и морфологическими особенностями адаптации германизмов в старобелорусском языке автор изучает и значение этих слов, а также семантические сдвиги, которые произошли на белорусской языковой почве. Автор исследования выделяет лексико-тематические группы, это: бытовая лексика, в пределах которой изучаются названия домашних предметов и утвари (*варцабы, вата, гакъ, жакгель*); названия построек и их частей (*балка, башта, броваръ, ратушъ, роштованье*); названия товаров, веществ, изделий (*баволна, бляха, буриштынъ, гонтъ*); названия разных видов одежды и обуви (*абишлягъ, вахляръ, занкель, колдро, колнеръ*); социально-экономическая лексика, в пределах которой изучаются названия людей по административной должности и социальному статусу (*бискупъ, буркграбя, бурмистръ, войтъ, гетманъ, кграбя, капланъ*); названия людей по роду занятий (*балверъ, гарбаръ, грундаль, кушнеръ, майстеръ, маляръ, машталеръ*); лексика, связанная с деловыми отношениями и организацией торговли (*вага, гандель, коштъ, крама, лядованье, мыто, рахутокъ, румъ, рынокъ, фрахтовати, фримаркъ*); единицы измерения товаров, меры веса, площади и денежных единиц (*грошъ, лаштъ, моркгъ, ползахцигъ, пудъ*); военная лексика (*блякгаузъ, гелмъ, гуфъ, драбъ, жолнеръ, кнехтъ, куля, мождчеръ, пляцъ*); абстрактные номинации (*бунтъ, варунокъ, друкъ, жолдъ, ксвалтъ, кунитъ, кшталтъ, мордъ, плякга, рада, ратунокъ, смакъ, фалишъ*). Более детальное исследование бытовой лексики немецкого происхождения произведено в работах О.М. Галай (1977).

Всестороннее изучение данной проблематика нашла в многочисленных работах А.Н. Булыко, который представил глубокое исследование лексики иноязычного происхождения в старобелорусском языке, провел классификацию этих номинаций в отношении к материальной и духовной культуре белорусского народа,

изучил пути проникновения данных слов в старобелорусский язык, фонетическую, морфологическую, семантическую адаптацию иноязычной лексики в старобелорусском языке и ее деривационные возможности. Являясь одним из создателей картотеки исторического словаря белорусского языка, а также редактором этого фундаментального труда, автор охватил практически полностью весь доступный корпус памятников белорусской письменности, выбрал оттуда иноязычную лексику и классифицировал ее по 14 тематическим группам: общественно-политическая лексика, юридическая, канцелярская терминология; военная лексика; социально-экономическая лексика; профессионально-производственные номинации; бытовая лексика; лексика, которая характеризует человека в физическом, психологическом и интеллектуальном отношении; лексика, характеризующая природу в бытовом и научном освящении; лексика, связанная со счетом и измерением; лексика, которая характеризует науку, культуру, искусство; религиозная лексика; общеупотребительная лексика (Булыка 1980). На широком историческом фоне автор показывает процесс проникновения иноязычной лексики в старобелорусский язык, делает вывод о том, что пополнение старобелорусского словаря путем словообразования на базе заимствований было живым языковым актом; по его мнению, наибольшую словообразовательную активность проявили слова польского, латинского и немецкого происхождения, что свидетельствует о непосредственном контакте белорусского населения с европейскими народами, а также об активном использовании латинского языка в правовой, социально-экономической и религиозной сферах общества.

Новый шаг в изучении заимствований в старобелорусском языке был сделан сравнительно недавно в трудах А.В. Алексиевич (Алексяевіч 2020), которая в процессе изучения путей и специфики проникновения божественных слов в старобелорусский язык, а также в поисках методики разграничения полонизмов и божественных слов, определила те тематические группы иноязычной лексики, которые отражали наиболее актуальные реалии для общества того времени: религиозные термины (*бермовати, жекгнати, кацерь, кляшторь, костель, крижмо, миа*), военные термины (*башта, гаковница, геварь, дека, жолнерь, капалинь, куша, пицаль, торасница*), общественно-политическая, экономическая и социальная терминология (*вердунокъ, владати, гербъ, ланъ, ленный, лотръ, маршалокъ, место, обыватель, подканцлерый*), бытовая лексика (*брама, ванна, газука, едвабъ, замокъ*).

III. Результаты изучения лексического состава конкретного памятника письменности

Исследование тематических групп лексики в белорусской диахронии наблюдается и в работах, посвященных языку отдельных памятников письменности, в которых словарный состав памятника изучается преимущественно по семантическим объединениям. Достаточное количество исследований, осуществленных во второй половине прошлого века и в начале нынешнего, посвящено анализу языковых особенностей памятников деловой письменности. Одной из первых

в этом направлении стала работа Ю.Ф. Мацкевич (Мацкевіч 1954), посвященная языку Литовского статута 1529. В отдельном разделе данного исследования анализируется лексика этого рукописного источника, отражающая, в основном, тематическую направленность текста: лексика государственно-общественного значения, лексика судебного процесса, номинации правительственных лиц, названия представителей различных социальных групп населения. Помимо этого, исследовательница выделили сельскохозяйственную микрогруппу лексики, семейно-бытовую, терминологию измерений и номинации населенных пунктов. Общий вывод в работе свидетельствует о том, что язык анализируемого памятника представляет собой народный литературно-письменный конгломерат языковых средств, отражающий общее развитие белорусского языка в эпоху становления белорусской народности.

Следующей работой в данном направлении следует назвать исследование В.П. Сташайтене «Лексика Литовской метрики (книг судных дел)» (Сташайтене 1965). При исследовании лексического состава данного памятника письменности автор исходит из членения всего словарного состава памятника на четыре группы: лексика общеславянского наследия, общевосточнославянская лексика, заимствования и собственно белорусские новообразования. В пределах отмеченных лексических пластов исследование ведется по тематическим группам. Так, в области лексических образований нового времени автор отмечает как белорусские существительные, оканчивающиеся на *-чий, -ничий, -никъ* как названия лиц по профессии или роду деятельности (*жорновникъ, сенничий*), слова с суффиксальное флексией *-ое*, представляющие собой значения локального характера или названия видов податей (*городничое, лесничое, подкоморое; выметное, паметное, сенничное*), образования с суффиксальными окончаниями *-иная, -ева*, представляющие собой названия лиц женского пола в значении 'жена кого-то' (*старостина, воеводиная, пушкарева*). Отдельно в работе анализируются семантические образования, т. е. номинации, которые на белорусской почве приобрели новые оттенки значений. Это наблюдение касается, прежде всего, терминологии политико-административной деятельности (*воевода, судъ господарский, судъ гайный, подсудокъ, лавникъ, головицина, навязка*). Вопросы лексического состава деловых памятников письменности отражены также в работах, посвященных анализу языковых особенностей Вислицкого статута XV в., «Трибунала» (1586 г.), Статута Великого Княжества Литовского (1588 г.) (Паляшчук 1999; Зіманскі 2002; Новік 2003). Особенно богаты в этих памятниках письменности пласты правовой, юридической терминологии, социально-экономические номинации, названия официальной и судебной документации, номинации лиц, участников судебных процессов и под.

Анализ лексических особенностей памятников письменности светского содержания, переводных произведений показал несколько иную тематическую направленность словарного состава древних текстов (Свяжынскі 1990; Дзядова 2001; Ярмоленка 2002). Превалирующие позиции в таких памятниках письменности, как «Записки Федора Евлашовского» (XVII в.), белорусских переводах «Хроники

Матяя Стрийковского» (XVII в.) и «Александрии» (XVII в.), занимает общепотребительная лексика, номинации, характеризующие человека в физическом и психическом отношениях, наименования объектов окружающего мира (природного ландшафта, водных объектов), лексика флоры и фауны, глагольные номинации, номинации со значением признака предмета либо действия и т. д. Авторы практически всех перечисленных выше исследований в своих выводах сходятся в одном: в основе лексической системы анализируемых памятников письменности лежат номинативные средства исконно белорусского происхождения. Отдельно изучен также лексический состав перевода Евангелий от Матфея и частично от Марка Василия Тяпинского (около 1580 г.) (Клімаў 2012), язык данного памятника в отечественной диахронии квалифицируется как эталонный для своего времени, в нем практически отсутствуют иноязычные вкрапления на всех языковых уровнях. Отдельному анализу подверглась религиозная и культовая лексика данного памятника (Там же, 153–159). По наблюдениям автора исследования, «в некоторых случаях Тяпинский явно отказывался от неславянских религиозных терминов и заменял их славянскими» (Там же, 156).

Обобщающей работой по диахронической лексикологии белорусского языка можно назвать коллективную монографию «Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV — сярэдзіны XVI ст.» (Лексіка 2016), авторы которой (И.В. Будько, Н.В. Полещук, Э.В. Ярмоленко, А.Н. Булыко) на большом фактическом материале (более 31000 лексем) показали историю становления и функционирования лексики старобелорусского литературно-письменного языка в начальный период его развития. В данном исследовании определены основные тематические группы лексем в текстах трех жанровых разновидностей: деловых, светских и религиозных; авторами сделано наблюдение о том, что доминирование определенных словарных объединений находится в прямой зависимости от содержания произведения, его предназначения, времени и условий создания. Так, в памятниках деловой письменности наиболее полно представлены следующие тематические разряды лексики: общественно-политическая, юридическая канцелярская, экономическая, профессиональная. Жанровая специфика светских памятников письменности обусловила присутствие в них таких тематических разрядов, как военная, природная, ландшафтная, бытовая лексика, лексика, которая характеризует человека в физических и психических отношениях. В текстах религиозного содержания отмечена абстрактная лексика, религиозная терминология, книжная лексика, эмоционально-оценочные номинации, широкое употребление нашли слова в переносном значении, с чем непосредственно связано дальнейшее развитие художественного и конфессионального стилей старобелорусского языка. Авторы данной монографии проанализировали также лексику старобелорусского языка раннего периода с точки зрения этимологии. По их наблюдениям, в основе словарного фонда старобелорусской письменности раннего периода лежит исконно белорусская лексика праславянского, общевосточнославянского и собственно белорусского происхождения; многие номинации древнейшего происхождения подверглись фонетической и морфологической адаптации согласно

сформировавшимся нормам белорусского языка. Широко представлена лексика иноязычного происхождения, к середине XVI в. увеличилось число заимствований из польского, чешского и западноевропейских языков, церковнославянизмы и тюркизмы все реже встречаются в памятниках письменности, латинизмы все активнее проникают в тексты юридического содержания. Все большее распространение на страницах древних текстов приобретают глоссы, эта тенденция отражает стремление старобелорусских книжников толковать заимствованную лексику словами белорусского происхождения.

Заключение

Прошедшее апробацию временем изучение тематических групп лексики старобелорусского языка дало свои результаты и показало перспективу данного направления в диахронических исследованиях. Проанализировано с точки зрения лексико-семантических связей, терминологизации, деривационных возможностей, этимологии, жанрово-стилистических особенностей функционирования, наличия в современном белорусском языке и/или диалектах около 30 разрядов словарного состава старобелорусского языка (из 36–38 возможных). Как это ни парадоксально, однако на сегодняшний день недостаточно изученным остается один, очень важный вопрос — исследование ядра лексической системы старобелорусского языка, результатом данного исследования могло бы стать создание частотного словаря лексики старобелорусского языка. Следующим шагом в развитии отечественной диахронической лексикологии нам видится изучение динамики лексического состава языка на протяжении всей истории его развития и определение тенденций в развитии лексико-семантической структуры старобелорусского языка в отношении преемственности с белорусским языком XIX — начала XX в. и современным белорусским литературным языком.

ЛИТЕРАТУРА

Алексяевіч 2020: Алексяевіч Г.В. Чэшская моўная традыцыя ў Беларусі на іншаславянскім фоне: старабеларускі перыяд. Дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2020.

Апакр.: Апокрисисъ албо отповедь на книжки о съборе берестейскомъ. Вильня, 1598.

Бандаровіч 2004: Бандаровіч В.У. Музычная лексіка ў старабеларускай мове: структурна-семантычны, этымалагічны і дэрывацыйны аспекты. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2004.

Бекиш 1971: Бекиш В.А. Исследование лексики белорусских памятников XV–XVII вв. (наименования лиц). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.

Бельск.: Летаписецъ то есть кроиника, з розных многих а досветчоных авторов и историков диялектом руским есть зложона. Рукопис Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. F. IV.688.

Бер. Саб.: Описание и оборона събору руского берестейского. Вильня, 1597.

Будзько 1999: Будзько І.У. Рэлігійная лексіка старабеларускай мовы. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 1999.

Будзько 2003: Будько І.В. Рэлігійны слоўнік старабеларускай мовы. Баранавічы, 2003.

Булыка 1980: Булыка А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. Мінск, 1980.

Верхов 1970: Верхов П.В. Суффиксальное образование существительных в белорусском языке XV–XX вв. Суффиксы: -ИКЪ, -ОВИКЪ, -НИКЪ, -ОВНИКЪ, -ЛЬНИКЪ, -ЧИКЪ, -АКЪ (-ЯКЪ), -ЧАКЪ, -НЯКЪ, -АК-А (-ЯК-А), -АЧЪ (-ЯЧЪ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970.

Вісл.: Вислицкий статут XV в. // Roman Stanisław i Wituliani Adam. Ruski przekład polskich statów ziemskich z rękopisumoskiewskiego. Wrocław; Kraków, 1959.

Выкл.: Толкования библейских книг середины XVII в. Рукопись Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского, 9п/111.

Галай 1977: Галай О.М. Бытовая лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1977.

Гамзовіч 1987: Гамзовіч Р.С. Лексема *хлеб* у помніках беларускай пісьменнасці XIV–XVII стст. // Беларуская лінгвістыка. 1987. 31, 7–15.

Гилевич 1971: Гилевич Н.И. Из истории социально-экономической лексики в белорусском языке (названия повинностей, налогов, торговых пошлин и административно-судебных платежей в письменных памятниках XV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.

ГЛБМ 1970: Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / Рэд. А.Я. Баханькоў, А.І. Жураўскі, М.Р. Суднік. Мінск, 1970.

Даумене 1965: Даумене З. Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле в старом белорусском языке (По памятникам деловой письменности Великого княжества Литовского XV — начала XVII веков) // Lietuvos TSR Aukstuji mokyklų darbai. Kalbotyra. 1965. 11, 49–75.

Даумене 1967: Даумене З. Названия денег и денежных единиц в белорусской деловой письменности XV — нач. XVII вв. // Lietuvos TSR Aukstuji mokyklų darbai. Kalbotyra. 1967. 15, 57–75.

Дзядова 2001: Дзядова А.С. Лексіка «Александрый» (на матэрыяле старабеларускага перакладу пачатку XVII ст.). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Минск, 2001.

Евтухов 1982: Евтухов В.Д. Темпоральная лексика белорусского языка и ее история. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1982.

Зб. 255: Сборник поучений середины XVII в. Рукопись Библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских, RKF — 255.

Зеневич 1970: Зеневич З.А. Названия домашних животных в старобелорусском языке (на материале письменных памятников XV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970.

Зіманскі 2002: Зіманскі В.Э. Мова беларускай пісьменнасці ранняга перыяду (на матэрыяле Вісліцкага статута XV ст.). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Минск, 2002.

ИЮМ: Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской. I–XXXII. Витебск, 1871–1906.

Казачэнка 1997: Казачэнка Т.М. Грамадска-палітычная і юрыдычная лексіка ў беларускіх граматах ранняга перыяду // Беларуская лінгвістыка. 1997. 47, 23–30.

Казачэнка 1998: Казачэнка Т.М. Асабовыя намінацыі ў Полацкіх граматах XIV — пачатку XVI ст // Беларуская лінгвістыка. 1998. 48, 39–44.

Казаченок 1976: Казаченок Т. Г. Огородная и садовая лексика в старобелорусском языке (на материале памятников XV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1976.

Казачонак, Шадурскі 1975: Казачонак Т.Р., Шадурскі І.В. Садовая лексіка старабеларускай мовы // Беларуская лінгвістыка. 1975. 7, 51–57.

Каз. Кір.: Казанье святого Кирилла патриарха иерусалимского. Вильня, 1596.

Калист: Евангелие учителное, albo казаня на каждую неделю и свята урочистыи презъ святого отца нашего Калиста. Евье, 1616.

Кацапов 1978: Кацапов Л.А. Из истории земледельческой лексики в белорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978.

- Клімаў 2012:** Клімаў І. Евангелле ў перакладзе Васіля Цяпінскага. Мінск, 2012.
- Козырев 1970:** Козырев И.С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970.
- Корчиц 1970:** Корчиц М.А. Строительная лексика в языке старобелорусской письменности 15–17 столетий. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970.
- Купреенко 1968:** Промысловая лексика в памятниках старобелорусской письменности XV–XVII вв. (бортничество, рыболовство, охота). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1968.
- Лазовский 1966:** Лозовский В.М. Юридическая терминология в языке белорусских письменных памятников XV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1966.
- Лексика 2016:** Лексика старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV — сярэдзіны XVI ст. / Будзько І.У. [і інш.]. Мінск, 2016.
- Марченко 1965:** Бытовая лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XIV–XVI вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1965.
- Мацкевіч 1954:** Мацкевіч Ю.Ф. Літоўскі статут як помнік беларускай літаратурнай мовы XV — пачатку XVI ст. Дис. ... канд. філал. навук. Мінск, 1954.
- Мордас 1991:** Мордас Н.Р. Минералогическая лексика в старобелорусском литературно-письменном языке XIV–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991.
- Новік 2003:** Новік М.А. Лексика Статута Вялікага Княства Літоўскага (1588). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2003.
- Паляшчук 1999:** Паляшчук Н.В. Мова «Трыбунала» (1586). Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 1999.
- Паўленка 1974:** Паўленка М.А. Асабовыя назоўнікі жаночага роду на *-ица* ў беларускай мове XIV–XVII стст. // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1974. 2, 161–169.
- Паўленка 1975:** Аднакарэнныя жаночыя *nomina agentis* у старабеларускай мове // Беларуская лінгвістыка. 1975. 8, 3–9.
- Пометько 1985:** Пометько Н.К. Военная лексика в старобелорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985.
- Портнова 2004:** Портнова А.В. Абстрактная лексика в истории русского и белорусского языков (XI–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991.
- Рабаданова 1991:** Рабаданова Л.И. Названия одежды, головных уборов и материалов для их изготовления в памятниках старобелорусской письменности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991.
- Свяжынскі 1990:** Свяжынскі У.М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990.
- Скурат 1971:** Скурат К.В. Наименования метрических единиц в старобелорусском языке (на материале письменных памятников XV–XVII вв.) (на белорусском языке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1971.
- Соссюр 1977:** Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Москва, 1977.
- Ст. 1566:** Статут Великого княжества Литовского 1566. Рукопис Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. II. 34
- Сташайтене 1965:** Сташайтене В.П. Лексика Литовской метрики (книг судных дел). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1965.
- Сташайтене 1973:** Сташайтене В. Абстрактная лексика (на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков). Вильнюс, 1973.
- Федарэнка 2008:** Федарэнка Г.У. Прадметна-тэматычныя групы старабеларускай лексікі і іх вывучэнне ў беларускім мовазнаўстве 2-й паловы XX–XXI стст. // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 2008, 321–325.
- Федарэнка 2013:** Федарэнка Г.У. Лексема *медь* у помніках беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. // Роднае слова. 2013. 4, 44–47.
- Федарэнка 2017:** Федарэнка Г.У. Назвы посуду для напіткаў у старабеларускай мове // Роднае слова. 2017. 9, 30–33.

Филин 1982: Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. Москва, 1982, 227–239.

Царств.: О царствах, краинах и розных землях. Рукопись конца XVI — начала XVII вв. Государственный исторический музей. Сборник синодальный. 790, 68-816.

Чертко 1967: Чертко И.И. Лексика немецкого происхождения в старобелорусском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967.

Шадурский 1967: Шадурский И.В. Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1967.

Шадурскі 1966: Шадурскі І.В. Аб тэматычным вывучэнні лексікі старабеларускай пісьмовай мовы // Беларускі лінгвістычны зборнік. Мінск, 1966, 175–182.

Шадурскі, Казачонак, Камко 1974: Семантычныя пераўтварэнні ў тэматычнай лексіцы // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1974. Вып. 2, 221–228.

Шиколович 1969: Шиколович А.К. Названия родства и свойства в белорусском языке (на материале памятников белорусской письменности XIV–XVII вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1969.

Шмелев 1973: Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва, 1973.

Ялоўская 2001: Ялоўская Э.А. Анатама-фізіялагічная і медыцынская лексіка ў старабеларускай літаратурна-пісьмовай мове XIV — пачатку XVIII стст. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2001.

Ярмоленка 2002: Ярмоленка Э.В. Мова беларускага перакладу «Хронікі» М. Стрыйкоўскага пачатку XVII ст. Аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2002.

КОНЦЕПЦИЈА КОНЦЕПТУАЛНОГ РЕЧНИКА МЕТАФОРА: ОД ПАРЦИЈАЛИЗАЦИЈЕ СТВАРНОСТИ КА РЕЧНИКУ

Рајна ДРАГИЋЕВИЋ

Универзитет у Београду

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0001-7833-1027>

rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

Развој когнитивне лингвистике и научне методологије која се развија у њеном окриљу, довео је до потребе за развојем нове врсте речника, а то су речници појмовних метафора. У свету је већ учињено неколико таквих покушаја, али у српској лексикографији још увек нема таквих речника. У раду ће бити представљен концепт таквог речника, у којем су појмовне метафоре сложене у складу са најопштијим концептуалним круговима којима припадају.

У раду ће се испитати однос између абecedне / азбучне и неабecedне / неазбучне лексикографије. Неабecedна лексикографија је, у складу са досадашњим научним сазнањима, подељена на тематску и концептуалну. Посебна пажња посвећена је односу између ове две врсте лексикографије, а посебна пажња посвећује се концептуалној лексикографији. Наглашава се важност стварања концептуалног речника метафора.

У развоју концепције концептуалног речника метафора, први корак је представљала концептуална сегментација стварности, коју смо развили на основу донекле модификоване класификације појава на којима се заснива Рожеов тезаурус енглеских речи и фраза.

У следећој фази биће представљен принцип анализе добијених концептуалних сегмената стварности, као и модели појмовних метафора уз помоћ којих изворни говорници српског језика концептуализују стварност. Принцип анализе биће представљен помоћу појмовних метафора које говорници српског језика користе за концептуализацију емоција туге и страха.

Кључне речи: концептуални речник, концептуална лексикографија, појмовна метафора, концептуализација осећања, српски језик

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СЛОВАРЯ МЕТАФОР: ОТ ЧАСТИЧНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ К СЛОВАРЮ

Райна ДРАГИЧЕВИЧ

Белградский университет

(Белград, Сербия)

Развитие когнитивной лингвистики и научной методологии, которые развиваются под ее эгидой, привело к необходимости разработки лексиконов нового типа, а именно словарей концептуальных метафор. В мире уже предпринималось несколько такого рода попыток, но в сербской лексикографии таких словарей пока нет. В статье будет представлена концепция такого словаря, где концептуальные метафоры

помещаются в соответствии с наиболее общими концептуальными кругами, к которым они относятся.

В статье будут рассматриваться взаимосвязи между алфавитной лексикографией и неалфавитной лексикографией. Неалфавитная лексикография делится, в соответствии с предыдущими научными выводами, на тематическую и концептуальную. Особое внимание уделяется взаимосвязи между этими двумя типами лексикографии, кроме того обсуждается собственно концептуальная лексикография. Подчеркнута важность создания концептуального словаря метафор.

При разработке системообразующих положений концептуального словаря метафор первым шагом было концептуальное разделение реальности, которое мы разработали, исходя из несколько модифицированной классификации явлений, на которой основан «Тезаурус английских слов и фраз» Роже (Roget's Thesaurus of English words & phrases).

На следующем этапе будет представлен принцип анализа полученных концептуальных сегментов реальности, а также модели концептуальных метафор, с помощью которых носители сербского языка концептуализируют реальность. Принцип анализа будет представлен на примере концептуальных метафор, с помощью которых говорящие на сербском языке концептуализируют эмоции печали и страха.

Ключевые слова: концептуальный словарь, концептуальная лексикография, концептуальная метафора, концептуализация эмоций, сербский язык

CONCEPT OF CONCEPTUAL DICTIONARY OF METAPHORS: FROM THE PARTIALIZATION OF REALITY TO DICTIONARY

Rajna DRAGIĆEVIĆ

University of Belgrade
(Belgrade, Serbia)

The development of cognitive linguistics and scientific methodology that is being developed under its auspices, has led to the need to develop a new type of dictionaries — dictionaries of conceptual metaphors. Several such attempts have already been made in the world, but there are still no such dictionaries in Serbian lexicography. This paper will present the concept of such a dictionary, in which conceptual metaphors are arranged in accordance with the most general conceptual circles to which they belong.

The paper will examine the relationship between alphabetic / cyrillic alphabetic and non-alphabetic / non-cyrillic alphabetic lexicography. Non-alphabetic lexicography is, in accordance with previous scientific knowledge, divided into thematic and conceptual. A special attention is paid to the relationship between these two types of lexicography, and special attention is paid to conceptual lexicography. The importance of creating a conceptual vocabulary of metaphors is emphasized.

In developing the concept of the conceptual dictionary of metaphors, the first step was the conceptual segmentation of reality, which we developed on the basis of a somewhat modified classification of phenomena on which Roger's thesaurus of English words and phrases is based.

In the next phase, the principle of analysis of the obtained conceptual segments of reality will be presented, as well as models of conceptual metaphors with the help of which the native speakers of the Serbian language conceptualize reality. The principle of analysis will be presented with the help of conceptual metaphors that Serbian speakers use to conceptualize the emotions of SADNESS and FEAR.

Keywords: conceptual dictionary, conceptual lexicography, conceptual metaphor, conceptualization of feelings, Serbian language

1. ПРВА ПРОМИШЉАЊА О РЕЧНИКУ ПОЈМОВНИХ МЕТАФОРА. Први подстицај за размишљање аутора овог рада о речнику појмовних метафора и његовој структури изазвала је једна дискусија која се одвијала почетком деведесетих година XX века између проф. др Даринке Гортан Премк, најискуснијег српског лексикографа и лексиколога, и аутора овог рада. Дискусија се повела о метафоричности новинског наслова *Профит топи обећања*. Метафоричност овог наслова може се двојачко тумачити. Према становишту когнитивне лингвистике, целу слику исказану овим насловом треба разумети метафорично. Профит, према овом тумачењу, означава *топиоца*, на пример, *човека* или неку другу силу која се бави топљењем. Обећање се концептуализује као *топлива материја*. Само глагол *топити* остаје у домену свог основног значења и треба га тумачити онако како се у описним речницима дефинише у примарној дефиницији — *преводити у течност стање под утицајем топлоте, талити*. Метафоричност овог наслова, према концептуалној анализи проистеклој из когнитивне лингвистике, лежи у две *појмовне метафоре* ПРОФИТ ЈЕ СИЛА И ОБЕЋАЊЕ ЈЕ МАТЕРИЈА.

Према традиционалном становишту, а то је приступ из перспективе компоненцијалне анализе, за који се залаже проф. др Даринка Гортан Премк, метафоричност овог наслова тумачи се сасвим супротно. Именице су употребљене у свом основном значењу (*профит* — финансијска добит, зарада; *обећање* — дата реч да ће се нешто учинити), а центар метафоричности наслова јесте у глаголу *топити*, који је употребљен у секундарном значењу — *разлагати; чинити да нешто нестаје, ишчезне*. Дакле, према овом схватању, метафоричност наслова проистиче из *лексичке метафоре* на којој је засновано значење глагола.

Као кључни факт у аргументацији да метафоричност примера *Профит топи обећања* треба тумачити из угла компоненцијалне анализе, проф. Гортан Премк изнела је чињеницу да је такво становиште могуће лексикографски приказати (значења именица *профит* и *обећање* покривена су дефиницијама њихових примарних значења у описним речницима, а значење глагола *топити* обрађено је као секундарно, метафорично), док се когнитивистичко тумачење, према мишљењу проф. Гортан Премк, не може лексикографски описати јер не постоји речник у којем би именица *профит* била дефинисана као *сила* нити би *обећање* могло бити дефинисано као *материја*.

Цела досадашња лексикографија, тј. принципи израде свих описних речника заснивају се на становиштима која прихватају и описују лексичку метафору, а нису осетљива на појмовну метафору и не могу је регистровати у обради грађе. Према

томе, описана дискусија о новинском наслову представља судар и две концепције погледа на језик — компонентијалне и концептуалне, традиционалне и модерне, разрађене и оне која и даље развија методологију.

Једно од отворених питања когнитивистичке методологије јесте и адекватан попис и опис појмовних метафора, тј. питање израде речника појмовних метафора. Когнитивна лингвистика је већ деценијама водећи правац савремене лингвистике и изискује различите приручнике. Описана је концептуализација многих појмова и има довољно материјала за квалитетне речнике појмовних метафора.

2. Досадашњи речници и базе података. До сада је објављено неочекивано мало речника метафора и њих смо описали у нашем првом истраживању у вези с темом овог рада (Драгићевић 2021a). Представљен је речник политичких метафора А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова (1994); речник метафора хране под ред. Е.А. Юрине (2015; 2017), речник метафора Е. Sommer и D. Weiss (1996). Ниједан од ових речника не садржи појмовне метафоре, већ само лексичке.

У монографијама које су посвећене когнитивној лингвистици често се наводе индекси појмовних метафора, па и они служе као својеврсни речници (за српски језик исп. Кликовац 2004). У тим индексима, појмовне метафоре су распоређене азбучним или абecedним редом или према изворном односно циљном домену, као у монографији З. Кевечеша (Kövecses 2002).

Изгледа да су до сада појмовне метафоре далеко чешће обрађиване у електронским базама, које представљају посебан тип електронских речника. Једна од првих је *Berkeley Master Metaphor List*, коју је још 1991. године оформила Когнитивнолингвистичка група (Cognitive Linguistics Group) на Универзитету Калифорнија (California University). Аутори ове листе су Џ. Лејкоф (Georg Lakoff), Џ. Еспенсон (Jane Espenson) и А. Шварц (Alan Schwartz). Рад на овој бази настављен је и до данас. База се зове *MetaNet*, а један њен део је, под називом *MetaNet Metaphor Wiki*, бесплатно доступан¹. По угледу на овај репозиторијум, хрватски лингвисти из Института за хрватски језик и језикословље, на челу са К. Деспот, израдили су хрватску базу појмовних метафора *MetaNet HR*². А. Гудавицијус (Gudavicius 2016) наводи и друге листе метафора које су настале као резултат различитих пројеката, нпр. *META-CITEC*, затим *ATT-Meta Project Databank*, *The Hamburg Metaphor Database*, *The Italian Metaphor Database* итд. Новије податке о базама појмовних метафора и унапређивању тих база проналазимо у зборнику радова чији су уредници М. Болоњези, М. Брдар и К. Деспот (Bolognesi, Brdar, Despot 2019)³.

3. Ка концептуалном речнику појмовних метафора. Појмовне метафоре су механизам помоћу којег категоризујемо стварност, успостављамо хијерархију међу појавама и тиме спознајемо односе међу појмовима и везе међу њима. Због тога је важно да речник појмовних метафора пружи увид у хијерархизацију појмовних метафора и да тако омогући поглед и у категоризацију сазнања говорника неког

¹ Исп. https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en/index.php/MetaNet_Metaphor_Wiki.

² Исп. <http://ihjj.hr/metafore/>

³ Податке о овим базама и детаљније информације о њима исп. и у Драгићевић (2021a; 2021b).

језика. На пример, врло распрострањени искази *Он има пријатеље на високим положајима* или *Сведоци смо његовог успона и пада* засновани су на оријентационим појмовним метафорама *Повољан положај је горе. Неповољан положај је доле*. Ове метафоре представљају манифестацију дубље метафоре *Положај у друштву је положај на вертикалној оси*, нпр. *Нека о томе брину они горе, на врху*. Све ове метафоре вођене су базичним концептом израженим кроз појмовну метафору *Друштво је простор*⁴.

ДРУШТВО ЈЕ ПРОСТОР.

↓

ПОЛОЖАЈ У ДРУШТВУ ЈЕ ПОЛОЖАЈ НА ВЕРТИКАЛНОЈ ОСИ:

Нека о томе брину они горе, на врху.

↓

ПОВОЉАН ПОЛОЖАЈ ЈЕ ГОРЕ: Он има пријатеље на високим положајима.

НЕПОВОЉАН ПОЛОЖАЈ ЈЕ ДОЛЕ: Сведоци смо његовог успона и пада.

Речници у којима би се метафоре слагале по азбучном / абecedном принципу или по изворном / циљном домену не могу представити вертикална и хоризонтална концептуална повезивања метафора, па је због тога најприхватљивији концептуални речник појмовних метафора. О карактеристикама концептуалне лексикографије представили смо најважније чињенице у претходном истраживању (Драгићевић 2021a), а овога пута изнећемо само два основна становишта која су препозната у вези са значајем концептуалне лексикографије: „Konceptualno ustrojeni tezaurusi proizašli su iz vjekovnog nastojanja čovjeka da beskrajnu raznolikost svoga univerzuma svede na donekle uređenu i, shodno tome, spoznatljivu konačnost (Nikolić-Hojt 2004: 21). Филиповић Петровић и Паризоска (2019: 28) истичу да „razvoj lingvistike u fokus dovodi leksikon i njegovu povezanost s principima funkcionisanja ljudskog uma [...] Konceptualna organizacija je primjerenija načinu na koji um organizira vlastite ideje i riječi.“

Концептуални речник не треба поистовећивати са тематским речником јер ни тематски речник не омогућава увид у концептуализацију стварности, тј. представу о везама међу појмовима, иако је кориснији за ове потребе од азбучног речника јер тематско груписање појава даје најопштију слику о организацији стварности. Та слика би се даље разрађивала у концептуалном речнику.

4. Први корак ка концептуалном речнику — синописис категорија. Први корак ка састављању концептуалног речника у којем би се појмовне метафоре низале одозго надоле био би полазна листа најопштијих категорија или, како то назива Николић-Хојт (Nikolić-Hojt 2004: 21), *класификацијски образац* или *синописис категорија*. Полазне основе концепције будућег речника могле би подразумевати кретање одоздо нагоре или одозго надоле. У првом случају, пошли бисмо од језика, од примера за појмовне метафоре које бисмо повезивали према категоријама које репрезентују, а затим бисмо и категорије повезивали у шире категорије.

⁴ Детаљније о оријентационим појмовним метафорама исп. Расулић (2004).

Определили смо се за обрнути смер, одозго надоле, што значи да би речник био ономасиолошки заснован. Пошло би се од листе базичних категорија које би се парцелисале у поткатегорије, што би омогућило израду разгранатог костура речника, који би се попуњавао језичким материјалом.

У претходном истраживању (Драгићевић 2021a) објаснили смо због чега би се синопсис категорија могао преузети из чувеног Рожеовог речника (*Roget's Thesaurus of English words and phrases*), иако свакако постоје и друге могућности у проналажењу адекватног полазишта, тј. одговарајуће листе најопштијих категорија. Према речима Роберта Дача (према Nikolić-Hoyt 2004), „Tezaurus Roževog tipa funkcionise poput piščevog ili govornikovog mozga koji, polazeći od određene ideje (makroodrednica-koncept u tezaurusu) u potrazi za rečju koja će tu ideju izraziti na najbolji i najprikladniji način, pretražuje vlastitu riznicu reči — rečničko blago tezaurusa.“

5. СКЕЛЕТ РЕЧНИКА ПОЈМОВНИХ МЕТАФОРА. Ономасиолошки речник појмовних метафора састојао би се из мреже категорија и поткатегорија, које би се затим попуњавале језичким материјалом. Пошто би се у те сврхе користио Рожеов тезаурус, на основу овог речника представимо део скелета будућег речника.

У овом речнику полази се од шест најопштијих категорија, а то су: 1) апстрактни односи; 2) простор; 3) материјални свет; 4) интелект; 5) воља; 6) емоције, религија, морал. Свака од ових категорија дели се у поткатегорије, што ћемо представити у табели:

Табела 1: Основне категорије и њихова подела на поткатегорије у Рожеовом речнику⁵

апстрактни односи	простор	материјални свет	интелект	воља	емоције, религија, морал
постојање	простор генерално	материјални свет генерално	обликовање идеја	индивидуална воља	генерално
однос	димензије	неорганска материја	комуникација идеја	друштвена воља	личне емоције
квантитет	форма	органска материја			међуљудске емоције
поредак	кретање				морал
број					религија
време					

Свака од ових поткатегорија дели се и даље у категорије мање општости, а та разграната мрежа представља скелет будућег речника. Када се направи скелет,

⁵ Ова табела је преузета из Драгићевић (2021a).

онда се он попуњава појмовним метафорама помоћу којих се концептуализују те категорије и примерима за њих. Скелет се не мора попуњавати редом, већ се, у првом кораку, могу попуњити они делови мреже, она чворишта, за која је већ испитана концептуализација. У претходном раду о овој теми (Драгићевић 2021a) показали смо на примерима како се мрежа може попуњавати без утврђеног реда. На следећем кораку, метафоре би се увезивале и мрежа би се попуњавала.

У овом раду представимо како се може попуњити део скелета чија су чворишта хијерархијски повезана. Представимо позицију појмовних метафора за тугу и страх у концептуалном скелету речника појмовних метафора.

6. ВЕРТИКАЛНО-ХОРИЗОНТАЛНА ПОВЕЗИВАЊА У СКЕЛЕТУ РЕЧНИКА. Одредићемо место туге и страха у мапи Рожеових категорија.

Као што је већ речено, Роже полази од шест основних категорија које се даље гранају у поткатеорије. То су: 1) АПСТРАКТНИ ОДНОСИ; 2) ПРОСТОР; 3) МАТЕРИЈАЛНИ СВЕТ; 4) ИНТЕЛЕКТ; 5) ВОЉА; 6) ЕМОЦИЈЕ, РЕЛИГИЈА И МОРАЛ. Фокусираћемо се на шесту категорију јер туга и страх спадају у ту групу.

Категорија емоције, религија и морал дели се у пет поткатеорија: 1) УОПШТЕНО; 2) ПЕРСОНАЛНЕ ЕМОЦИЈЕ; 3) ИНТЕРПЕРСОНАЛНЕ ЕМОЦИЈЕ; 4) МОРАЛ; 5) РЕЛИГИЈА. Усмерићемо се на поткатеорије 2) и 3) у овој групи поткатеорија јер се само оне односе на емоције.

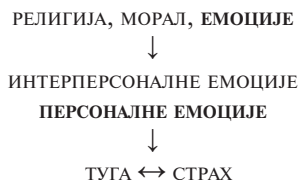
Поткатеорија персоналне емоције дели се у Рожеовом речнику на 55 одељака: 1) РАДОСТ; 2) ТУГА; 3) ПРИЈАТНОСТ; 4) БОЛ; 5) ЗАДОВОЉСТВО, 6) НЕЗАДОВОЉСТВО; 7) ЖАЉЕЊЕ, 8) ОЛАКШАЊЕ; 9) ПОГОРШАЊЕ; 10) ВЕДРИНА; 11) ПОТИШТЕНОСТ; 12) РАДОВАЊЕ; 13) ЈАДИКОВАЊЕ; 14) ЗАБАВНОСТ; 15) ДОСАДА; 16) ДУХОВИТОСТ; 17) ТУПОСТ; 18) ЛЕПОТА; 19) РУЖНОЋА; 20) ПРОЛЕПШАВАЊЕ; 21) ДЕКОРАЦИЈА; 22) МАНА; 23) ДОБАР УКУС; 24) ЛОШ УКУС, 25) МОДА; 26) ДУХОВИТОСТ; 27) АФЕКТАЦИЈА; 28) ПОДСМЕХ; 29) НАДА; 30) БЕЗ-НАДЕЖНОСТ; 31) СТРАХ; 32) ХРАБРОСТ; 33) КУКАВИЧЛУК; 34) БРЗОПЛЕТОСТ, 35) ОПРЕЗ; 36) ЖЕЉА; 37) ИНДИФЕРЕНТНОСТ; 38) НЕСВИЂАЊЕ; 39) СИТОСТ; 40) ЧУЂЕЊЕ; 41) НЕДОСТАТАК ЧУЂЕЊА; 42) УГЛЕД; 43) НЕДОСТАТАК УГЛЕДА; 44) ПЛЕМЕНИТОСТ; 45) ЗАЈЕДНИШТВО; 46) ПОТРАЖИВАЊЕ; 47) ПОНОС; 48) ПОНИЗНОСТ; 49) СУЈЕТА; 50) СКОМНОСТ; 51) РАЗМЕТАЊЕ; 52) ПРОСЛАВА; 53) ХВАЛИСАЊЕ; 54) ДРСКОСТ; 55) СЕРВИЛНОСТ⁶.

Поткатеорија интерперсоналне емоције дели се на 32 одељка: 1) ПРИЈАТЕЉСТВО; 2) НЕПРИЈАТЕЉСТВО; 3) ДРУШТВЕНОСТ; 4) НЕДРУШТВЕНОСТ; 5) УЧТИВОСТ; 6) НЕУЧТИВОСТ; 7) ЗАХВАЛНОСТ; 8) ЉУБАВ; 9) МРЖЊА; 10) УМИЉАТОСТ; 11) ЉУТЊА; 12) РАЗДРАЖЉИВОСТ; 13) НАТМУРЕНОСТ; 14) БРАК; 15) ЦЕЛИБАТ; 16) РАЗВОД; 17) БЛАГОНАКЛОНОСТ; 18) ЗЛОНАМЕРНОСТ; 19) ПРОКЛЕТСТВО; 20) ПРЕТЊА; 21) ФИЛАНТРОПИЈА; 22) МИЗАНТРОПИЈА; 23) ДОБРОТВОРСТВО; 24) ЗЛОТВОРСТВО; 25) ШТЕТА; 26) НЕМИЛОСРЂЕ; 27) ЗАХВАЛНОСТ; 28) НЕЗАХВАЛНОСТ; 29) ОПРОШТАЈ; 30) ОСВЕТА; 31) ЉУБОМОРА; 32) ЗАВИСТ⁷.

⁶ Неке од јединица с ове листе не спадају у емоције и Роже их је вероватно сместио у њу јер им није нашао друго погодно место. Њих бисмо свакако елиминисали из мреже појмова у будућем речнику метафора, нпр. ДЕКОРАЦИЈА, МАНА, МОДА и др.

⁷ И поткатеорија интерперсоналних емоција морала би се очистити од појмова којима ту није место, као што су БРАК, РАЗВОД, ЦЕЛИБАТ и др.

Овако изгледа део концептуалног скелета речника појмовних метафора какав предлагемо. Запажамо да се туга и СТРАХ налазе у оквиру категорије РЕЛИГИЈА, МОРАЛ, ЕМОЦИЈЕ, ЕМОЦИЈЕ и поткатегорије ПЕРСОНАЛНЕ ЕМОЦИЈЕ.

7. Попуњавање концептуалног скелета речника појмовним метафорама. Када се установи листа категорија и успостави њихов вертикалан и хоризонтални однос, онда се добијени концептуални скелет може попуњавати појмовним метафорама. У случају концептуализације туге и СТРАХА, прво треба установити листу појмовних метафора које се односе на концептуализацију емоција уопште, а тек затим би се обрадиле појмовне метафоре за та два концепта.

8. Појмовне метафоре којима се концептуализују емоције. Појмовне метафоре којима се концептуализују емоције представимо на основу истраживања З. Кевечеша (1990: 144–181). Неколико основних појмовних метафора обухвата и метафоре нижег реда. Представићемо прво основне метафоре:

ЕМОЦИЈА ЈЕ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ: Била је испуњема емоцијама. Осећам се празно.
ЕМОЦИЈА ЈЕ ПРИРОДНА СИЛА: Емоције су га преплавиле.
ЕМОЦИЈА ЈЕ НЕПРИЈАТЕЉ: Узалуд се борим против емоција.
ЕМОЦИЈА ЈЕ ОБЈЕКТ: Дала јој је много емоција.
ЕМОЦИЈА ЈЕ БИЋЕ: Његове емоције су увенуле.
ЕМОЦИЈА ЈЕ ТЕРЕТ: Он тетура под болом.
ЕМОЦИЈА ЈЕ БОЛЕСТ: Била је болесна од туге.

8.1. ВЕРТИКАЛНА ХИЈЕРАРХИЗАЦИЈА ПОЈМОВНИХ МЕТАФОРА О ЕМОЦИЈАМА. Неке од ових појмовних метафора даље се разгранављују и тај вертикални хијерархијски однос треба да буде видљив и у будућем концептуалном речнику појмовних метафора. Највише „подметафора“ садржи метафора ЕМОЦИЈА ЈЕ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ (исп. Kövecses 1990: 146–150).

ЕМОЦИЈА ЈЕ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ.
ИНТЕНЗИВНА ЕМОЦИЈА ТРАЖИ ВЕЋИ КОНТЕЈНЕР:
Распилавио се од емоција.
ИНТЕНЗИВНА ЕМОЦИЈА ИЗАЗИВА НАПУШТАЊЕ КОНТЕЈНЕРА:
Преплавиле су је емоције.
НЕКЕ ЕМОЦИЈЕ СУ ВРЕЛА ТЕЧНОСТ У КОНТЕЈНЕРУ:
Кључам од емоција.
ИНТЕНЗИВНЕ ЕМОЦИЈЕ ИЗАЗИВАЈУ ПАРУ:
Пуши се од страсти.
ИНТЕНЗИВНА ЕМОЦИЈА ПРОИЗВОДИ ПРИТИСАК У КОНТЕЈНЕРУ:
Пући ћу од емоција.
ПРЕВИШЕ ИНТЕНЗИВНА ЕМОЦИЈА ИЗАЗИВА ЕКСПЛОЗИЈУ КОНТЕЈНЕРА:
Експлодирао је од емоција.

И појмовна метафора ЕМОЦИЈА ЈЕ ОБЈЕКТ поседује „подметафоре“ с којима сачињава хијерархијску структуру (Kövecses 1990: 164–165):

ЕМОЦИЈА ЈЕ ОБЈЕКТ:

ЕМОЦИЈА ЈЕ ВРЕДАН ОБЈЕКТ:

Неговала је своје емоције. Чувала је емоције. Емоције су њено највеће благо.

ЕМОЦИЈА ЈЕ ЛОМЉИВ ОБЈЕКТ:

Догађаји су растурили све емоције. Моје срце је разбијено у парам парчад.

На представљен начин и остале основне појмовне метафоре за емоције могу се даље разгранавати, па се, тако, метафора ЕМОЦИЈА ЈЕ ПРИРОДНА СИЛА разгранавана на метафоре: ЕМОЦИЈА ЈЕ ОЛУЈА; ЕМОЦИЈА ЈЕ ВАТРА; ЕМОЦИЈА ЈЕ ТАЛАС; ЕМОЦИЈА ЈЕ ПОПЛАВА и др.

Појмовна метафора ЕМОЦИЈА ЈЕ БИЋЕ може се реализовати у виду „подметафора“ ЕМОЦИЈА ЈЕ БИЉКА; ЕМОЦИЈА ЈЕ ЖИВОТИЊА; ЕМОЦИЈА ЈЕ ЧОВЕК и др.

8.2. ХОРИЗОНТАЛНА ХИЈЕРАРХИЗАЦИЈА ПОЈМОВНИХ МЕТАФОРА О ЕМОЦИЈАМА. Неке појмовне метафоре важе само за једну емоцију, а неке за све. На тај начин оне успостављају и хоризонталну хијерархизацију јер се разликују по обухвату. Будући концептуални речник појмовних метафора мора имати могућност да прикаже ове односе. Претпостављамо да је то могуће само ако речник буде имао електронску форму. Хоризонтални обухват појмовних метафора о емоцијама испитивао је З. Кевечеш (Kövecses 1998: 133–137), а овде ће бити представљен само део његових резултата.

Метафоре које важе за све емоције:

ЕМОЦИЈА ЈЕ ОБЈЕКАТ: Она има поноса.

ЕМОЦИЈА ЈЕ БИЋЕ: Његов страх расте.

Метафоре које важе за неке емоције:

МНОГЕ ЕМОЦИЈЕ СУ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ: Испуњен је тугом / страхом и др.

МНОГЕ ЕМОЦИЈЕ СУ НЕПРИЈАТЕЉИ: Борио се с љубављу / тугом и др.

Метафоре које важе за само једну емоцију:

ЉУБАВ ЈЕ МАГИЈА / ПУТОВАЊЕ / ЈЕДИНСТВО.

СТИД ЈЕ СМАЊИВАЊЕ / ЖИВЉЕЊЕ БЕЗ ОДЕЋЕ.

9. СЛЕДЕЋИ КОРАК У ПОПУЊАВАЊУ РЕЧНИКА: ПОЈМОВНЕ МЕТАФОРЕ ЗА ТУГУ. Када се представе све појмовне метафоре за надређене појмове и када се прикаже њихова вертикална и хоризонтална хијерархизација, испоставиће се да део представљених метафора важи и за концептуализацију подређених појмова. Тако је, наравно, немогуће говорити о концептуализацији емоција, а изоставити тугу и страх. Ипак, приказ метафора за подређене појмове неће бити потпун, што значи да након описа концептуализације надређених појмова мора уследити приказ концептуализације подређених појмова. Приказаћемо појмовне метафоре за тугу на основу Кевечеш (Kövecses 1998: 130) и Драгићевић (2010: 175–188).

ТУГА ЈЕ ДОЛЕ: Запао је у депресију.
ТУГА ЈЕ ТАМНО: Он је у мрачном расположењу.
ТУГА ЈЕ НЕДОСТАТАК ТОПЛИНЕ: Као да ме је полио хладном водом када ми је то рекао.
ТУГА ЈЕ НЕДОСТАТАК ВИТАЛНОСТИ: Била је то срцепарајућа вест.
ТУГА ЈЕ БОЛЕСТ: Нема лека за моју тугу.
ТУГА ЈЕ ЛУДИЛО: Био је луд од туге.
ТУГА ЈЕ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ: Испуњен сам тугом.
ТУГА ЈЕ ФИЗИЧКА СИЛА: Био је то ужасан ударац.
ТУГА ЈЕ ПРИРОДНА СИЛА: Преплавио га је талас депресије.
ТУГА ЈЕ ТЕРЕТ: Тетура под болом.
ТУГА ЈЕ БИЋЕ: Утопио је тугу у пићу.

10. ПОЈМОВНЕ МЕТАФОРЕ ЗА СТРАХ. Иако би пописом и описом појмовних метафора за емоције уопште била делимично описана и концептуализација СТРАХА, морале би се попунити празнине навођењем комплетн(и)је листе појмовних метафора за сваку емоцију понаособ, па и за СТРАХ. Овде ће се те метафоре навести према истраживањима З. Кевечеша (Kövecses 1990: 69–88) и Драгићевић (2010: 188–199).

СТРАХ ЈЕ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ: Страх у њему расте.
СТРАХ ЈЕ НЕПРИЈАТЕЉ: Страх га дави.
СТРАХ ЈЕ ТЕРЕТ: Осетио је олакшање када је страх попустио.
СТРАХ ЈЕ ПРИРОДНА СИЛА: Паника га је преплавила.
СТРАХ ЈЕ НАТПРИРОДНА СИЛА: Прогањао ју је страх од смрти.
СТРАХ ЈЕ БОЛЕСТ: Споро се опорављала од шока.

11. УВЕЗИВАЊЕ ПОЈМОВНИХ МЕТАФОРА У КОНЦЕПТУАЛНОМ РЕЧНИКУ. Неке појмовне метафоре заједничке су за тугу и СТРАХ и то у речнику мора бити јасно назначено:

ТУГА И СТРАХ СУ ФЛУИДИ У КОНТЕЈНЕРУ.
ТУГА И СТРАХ СУ НЕПРИЈАТЕЉИ.
ТУГА И СТРАХ СУ ТЕРЕТ.
ТУГА И СТРАХ СУ ПРИРОДНЕ СИЛЕ.
ТУГА И СТРАХ СУ БОЛЕСТИ.

Неке од наведених појмовних метафора важе, осим за тугу и СТРАХ, и за **многе** друге емоције, на пример: Х ЈЕ ФЛУИД У КОНТЕЈНЕРУ; Х ЈЕ ФИЗИЧКА СИЛА; Х ЈЕ ПРИРОДНА СИЛА; Х ЈЕ ТЕРЕТ; Х ЈЕ БОЛЕСТ.

Има и оних појмовних метафора које, осим за тугу и (ли) СТРАХ, важе и за још **неке** емоције, на пример: Х ЈЕ ДОЛЕ; Х ЈЕ ТАМНО; Х ЈЕ ХЛАДНО; Х ЈЕ НЕДОСТАТАК ВИТАЛНОСТИ и др.

Неке појмовне метафоре којима се концептуализује туга и (ли) СТРАХ односе се на све емоције (Х ЈЕ БИЋЕ), а има и оних које се односе само на једну емоцију, па тако З. Кевечеш наглашава да се метафора СТРАХ ЈЕ НАТПРИРОДНА СИЛА (*Прогањао га је страх од смрти*) односи само на концептуализацију СТРАХА и ни за једну емоцију осим ове.

12. ЗАВРШНА РЕЧ. Концептуални речник појмовних метафора који би обухватао овако широке мреже информација морао би бити врло пажљиво дизајниран да би

регистравао све односе попут оних који су описани у овом раду. Ипак, верујемо да је то могуће јер развој савремене информатичке науке пружа обиље могућности које би се могле применити за потребе једног оваквог речника. Јасно је да би овај речник дуго настајао, јер иза пописа појмовних метафора за сваки концепт мора стајати научно истраживање на језичкој грађи, али сваки његов део, свака ширира хијерархија која би била исцрпно приказана, представљала би значајан допринос концептуалној лексикографији, когнитивној лингвистици, али и науци о сазнању.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов, Караулов 1994: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. Москва, 1994.

Драгићевић 2010: Драгићевић Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу. Београд, 2010.

Драгићевић 2021a: Ка концептуалном речнику појмовних метафора (излагање на међународној научној конференцији Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема, 28–30. X 2020, Институт за српски језик САНУ) // Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Зборник научних радова / Уредништво: С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић. Београд, 2021, 761–785.

Драгићевић 2021b: Драгићевић Р. Metaphor and Metonymy in the Digital Age. Theory and methods for building repositories of figurative language. Edited by Marianna Bolognesi, Mario Brdar & Kristina Despot, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019, — 264 p. Приказ // Јужнословенски филолог. 2021. LXXVII / 2, 273–280.

Юрина 2015: Юрина Е.А. (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Выпуск первый: Блюда и продукты питания. Томск, 2015.

Юрина 2017: Юрина Е.А. (ред.). Словарь русской пищевой метафоры. Том 2: Гастрономическая деятельность. Томск, 2017.

Bolognesi, Brdar, Despot 2019: Bolognesi M., Brdar M. i Despot K. (ed.). Metaphor and Metonymy in the Digital Age. Theory and methods for building repositories of figurative language. Amsterdam, 2019.

Despot i dr. 2019: Despot K., Tonković M., Essert M., Brdar M., Perak B., Ana Ostroški Anić A., Nahod B., Pandžić I. MetaNet.HR: Croatian metaphor repository // Bolognesi M., Brdar M. & Despot K. (ed.). Metaphor and Metonymy in the Digital Age. Theory and methods for building repositories of figurative language. Amsterdam, 2019, 123–146.

Conceptual Metaphor Homepage: [<http://cogsci.berkeley.edu/lakoff/>]. Приступљено 8. 1. 2021.

Cuadrado Esclapez et al. 2007: Cuadrado Esclapez G., Duque García M., Durán Escribano P. META-CITEC: a cognitive semantic database of conceptual metaphor in science and technology. In: Proceedings of the BAAL Conference, 2007: [http://www.baal.org.uk/proc07/05_georgina_cuadrado_esclapez.pdf]. Приступљено 7. 1. 2021.

Filipović Petrović i Parizoska 2019: Filipović Petrović I. i Parizoska J. Konceptualna organizacija frazeoloških rječnika u e-leksikografiji. Filologija. 2019. 73, 27–45.

Gudavicius 2016: Gudavicius, A. The Project on Inventory of Conceptual Metaphors 1: [https://www.researchgate.net/publication/299382899_The_Project_on_Inventory_of_Conceptual_Metaphors_1]. Приступљено 7. 1. 2021.

Klikovac 2004: Klikovac D. Metafore u mišljenju i jeziku. Београд, 2004.

Kövecses 1990: Kövecses Z. Emotion Concepts. New York, 1990.

Kövecses 1998: Kövecses Z. Are there any emotion-specific metaphors? // Angeliki Athanasiadou and Elżbieta Tabakowska (ed.). Speaking of Emotions, Conceptualisation and Expression. Berlin; New York, 1998, 127–153.

Kövecses 2002: Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. New York, 2002.

Master Metaphor List: [<https://meta-guide.com/data/data-processing/computational-metaphorics/master-metaphor-list>]. Приступлено 8. 1. 2021.

MetaNet HR: [<http://ihjj.hr/metafore/>]. Приступлено 30. 5. 2021.

MetaNet Metaphor Wiki: [https://metaphor.icsi.berkeley.edu/pub/en/index.php/MetaNet_Metaphor_Wiki]. Приступлено 30. 5. 2021.

Nikolić-Hoyt 2004: Nikolić-Hoyt A. Konceptualna leksikografija. Prema tezaursu hrvatskoga jezika. Zagreb, 2004.

Rasulić 2004: Rasulić K. Jezik i prostorno iskustvo: Konceptualizacija vertikalne dimenzije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Beograd, 2004.

Roget: Roget's Thesaurus of English words and phrases, first edition by Peter Mark Roget 1852, new edition (sixth edition) prepared by Betty Kirkpatrick, MA, Longman Group UK Limited, 1989.

Sommer & Weiss 1996: Sommer E. and Dorrie W. Metaphors Dictionary. Detroit, 1996.

**«ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»:
ТИПИЧЕСКИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹**

С.С. ЗЕМИЧЕВА

Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Томск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-3266-3696>

optysmith@gmail.com

Анализируется опыт создания идиолектного словаря идеографического типа, его своеобразие на фоне существующих лексикографических продуктов. Сравниваются такие параметры, как принципы отбора материала, объём словника, репрезентация различных типов отношений слов. Словарь даёт возможность впервые целостно и наглядно представить картину мира диалектоносителя как иерархическую понятийную структуру, что определяет его новизну и источниковедческий потенциал.

Ключевые слова: идеографический словарь, тезаурус, диалектная языковая личность, сибирские говоры, электронная лексикография

**«IDEOGRAPHICAL DICTIONARY
OF THE DIALECT LANGUAGE PERSONALITY»:
TYPICAL AND SPECIFIC CHARACTERISTICS**

Svetlana S. ZEMICHEVA

Tomsk State University
(Tomsk, Russia)

The case of creating an idiolectic dictionary of an ideographic type is described, its originality against the background of other lexicographic products is analyzed. Such parameters as the principles of material selection, the volume of the vocabulary, the representation of various types of word relations are compared. The dictionary makes it possible for the first time to present comprehensively and visually the dialect speaker's worldview as a hierarchical conceptual structure, which determines the dictionary's novelty and source potential.

Keywords: thesaurus, dialect language personality, Siberian dialects of Russian, electronic lexicography.

I. Введение

«Идеографический словарь диалектной языковой личности» (Земичева и др. 2019) создан в рамках проекта, нацеленного на комплексное изучение идиолекта носителя народно-речевой культуры. Идеографический словарь реализован как электронное приложение к изданному «Полному словарю диалектной языковой

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

личности» (Иванцова 2006–2012), отражающему речь Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), коренной жительницы с. Вершинино Томского района Томской области. Вера Прокофьевна прожила в с. Вершинино всю жизнь, не выезжая за его пределы дальше областного центра. Она выросла в большой крестьянской семье, переняв от родителей разнообразные трудовые навыки, знания традиционных обычаев и обрядов и основы религиозного мировосприятия; не имела образования (читать и писать выучилась на ликбезе уже в подростковом возрасте); всю жизнь занималась тяжёлым крестьянским трудом (Иванцова 2006–2012, 1: 3–5, 10). Среднеобский диалект, носителем которого являлась Вера Прокофьевна, относится к говорам вторичного образования, сочетает севернорусские и южнорусские черты; при этом свойственный информанту тип говора может быть охарактеризован как архаический. Идеографический словарь наследует принципы передачи звучащей речи, разработанные руководителем проекта (Иванцова 2012).

Своеобразие «Идеографического словаря диалектной языковой личности» во многом определяется характером материала и принципами его отбора. Словарь включает все полнозначные лексемы, а также фразеологические обороты, зафиксированные в речи информанта. Материал не фильтровался по стилистическим признакам и частотности, т.е. в словарь вошли общерусские, диалектные и просторечные единицы, частотные и редкие слова индивидуального лексикона. Такой подход обусловлен целью словаря, ориентированного на максимально полное отражение идиолекта, и соответствует представлению о словаре-тезаурусе.

В идеографических словарях литературного языка лексика обычно отбирается по признаку актуальности, общепотребительности слова (Кильдибекова 2013: V; Шушков 2003: 8). Существуют и идиолектные словари идеографического типа на материале языка писателя. Так, создаётся словарь языка Ф.М. Достоевского, составителями которого выработаны особые принципы отбора «ключевых слов» (идиоглосс), отражающих картину мира писателя (Караулов 2008–2017). Созданный Е.А. Слободян словарь поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» отражает материал конкретного литературного произведения (словарь представлен в электронном виде на польском языке, насчитывает несколько тысяч единиц) (Слободян 2011).

Реже идеографические словари создаются на речевом материале (Гуц 2010) или содержат нелитературную лексику наряду с литературной (Леонтьева 2018). В диалектные идеографические словари, как правило, включается лексика, связанная с традиционными промыслами, крестьянским бытом, а также обрядовой культурой (Востриков, 2000; Липина 2000; Кириллова, Новикова 2002–2006; Подюков и др., 2004). Разработка концепции идеографического словаря, включающего как диалектную, так и общерусскую лексику, зафиксированную в конкретном населённом пункте, принадлежит Г.А. Ракову, составившему идеографический словарь нарымского говора, опубликованный как часть монографии автора (Раков 1988).

Идеографический словарь предполагает семантический способ упорядочивания материала: единицы в нём распределены по семантическим полям, выстроенным в иерархическую логическую схему. При этом возможны 2 разных подхода. В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой (Шведова 1998–2007) и словарях Уральской семантической школы исходным параметром классификации лексики служит принадлежность к определённой части речи (Бабенко 2007, 2008, 2014). В других случаях рассматривается совокупность разных частей речи. Таковы «Идеографический словарь русского языка» (Баранов 1995), «Тематический словарь русского языка» (Морковкин 2000); «Толково-понятийный словарь русского языка» (Шушков 2003), «Функционально-когнитивный словарь русского языка» (Кильдибекова 2013), по этому же принципу организован «Диалектный идеографический словарь нарымского говора» (Раков 1988). В «Идеографическом словаре диалектной языковой личности» словарная статья также включает единицы разных частей речи.

Идеографический словарь может быть «списочным», т. е. содержать только перечень лексем, входящих в определённое семантическое поле (Баранов 1995; Кильдибекова 2013; Раков 1988). В других случаях словарь включает и толкования единиц (Шведова 1998–2007; Бабенко 2007; 2008; 2014). «Идеографический словарь диалектной языковой личности» является списочным, т. к. он базируется на опубликованном толковом словаре, выступающим его основным источником.

Особого внимания заслуживает вопрос о компьютерной форме представления словаря. Электронный идеографический словарь может создаваться на основе опубликованного бумажного издания (Баранов 1995). В других случаях словарь сразу реализуется в электронном формате (Слободян 2011). Особое место среди электронных словарей занимают компьютерные тезаурусы Wordnet, рассчитанные на автоматическую обработку текста (Азарова 2007; Лукашевич 2010). Существуют проекты создания электронных идеографических словарей на диалектном материале (Ганичева 2021; Ковригина, Котова 2016; Харламова 2010), однако их концепции обозначены эскизно, что не позволяет провести подробный сравнительный анализ. Возможности электронного формата, значимые для составления идеографического словаря, детально описаны в статье (Богачёва и др. 2017). В «Идеографическом словаре диалектной языковой личности» компьютерная форма представления позволяет, во-первых, осуществлять поиск слова; во-вторых, перемещаться от одной словарной статьи к другой посредством гиперссылок.

Таким образом, сопоставив «Идеографический словарь диалектной языковой личности» с другими лексикографическими продуктами близкого типа, можно выделить следующие его характеристики: 1) словарь отражает индивидуальный лексикон; 2) словарь включает нелитературные элементы; 3) словарная статья объединяет единицы разных частей речи; 4) толкования в словаре отсутствуют; 5) словарь представлен в электронной форме.

Завершая вводную часть работы, рассмотрим образец словарной статьи «Идеографического словаря диалектной языковой личности». Скриншот рабочего окна

дан на рис. 1. Слева представлен фрагмент идеографической схемы («Человек» — «Человек как живое существо» — «Физическое состояние» — «Медицина» — «Лекарство»). Справа дана собственно словарная статья — перечень единиц с условными обозначениями². Элементами интерфейса электронного словаря являются также поисковая строка («Найти») и гиперссылка на родственную группу слов («Лекарственные растения»), выделенная цветом.

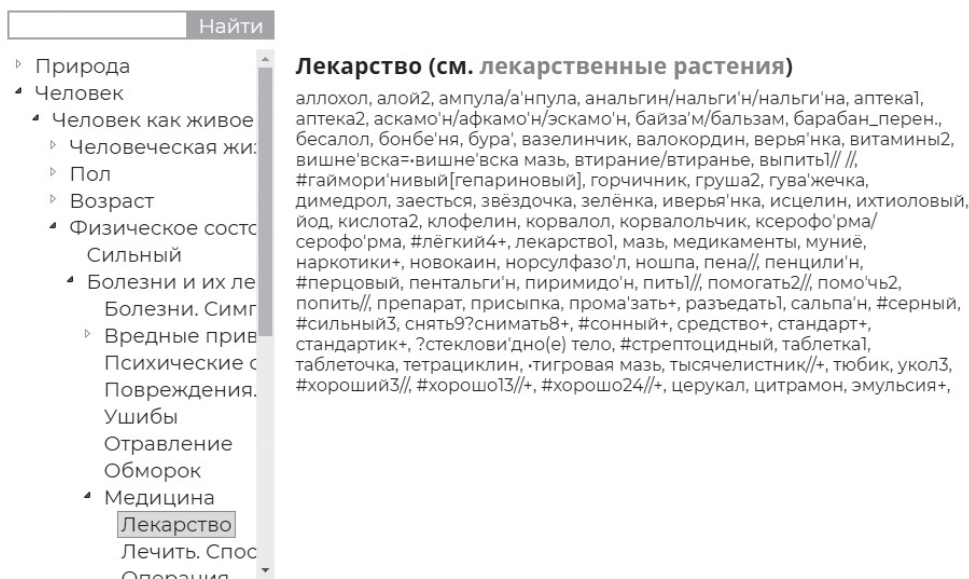

Рисунок 1. Словарная статья «Лекарство» в «Идеографическом словаре диалектной языковой личности»

II. Количественные характеристики. Общая идеографическая схема

Существующие идеографические словари различаются по количественным критериям — объёму словника, числу выделенных групп слов. Наиболее полным является словарь под ред. Н.Ю. Шведовой, насчитывающий почти 150 000 единиц; другие лексикографические издания имеют значительно меньший объём (см. табл. 1). Не совпадает количество исходных групп категоризации (от 3 до 6), а также «глубина» проработки языкового континуума — число «ступеней» иерархии (от 5 до 11); число групп, полученных в результате, варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч. (см. табл. 1).

² Цифра после слова указывает на номер значения в толковом словаре, слеш разграничивает варианты слова, двойной слеш обозначает оттенок значения, знак «+» указывает на включение слова одновременно в несколько семантических полей, «#» обозначает ограниченную сочетаемость.

Таблица 1. Сравнение идеографических словарей по количественным признакам

Параметр/словарь	Объём словника	Число групп на 1-м уровне категоризации	Число уровней («глубина») категоризации	Число групп на финальном уровне
«Русский семантический словарь» (т. 1–4)	144 000	6	11	нет данных
«Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова	50 000	5	7	7 822
«Функционально-когнитивный словарь русского языка» под ред. Т.А. Кильдибековой	нет данных [~ 46 000] ³	6	5	4 152
Тематический словарь русского языка под ред. В.В. Морковкина	25 000	3	5	нет данных
Диалектный идеографический словарь Нарымского говора Г.А. Ракова	12 000	3	5	718
«Идеографический словарь диалектной языковой личности»	25 000	3	7	858

Словарный запас сибирской крестьянки, по подсчётам исследователей, приближается к 30 000 лексико-фразеологических единиц в отдельно взятом значении (Иванцова 2006–2012, 4: 356). В «Идеографический словарь диалектной языковой личности», при составлении которого учитывались только полнозначные лексемы, а также фразеологические обороты, включено более 25 000 единиц (за единицу подсчётов принято отдельное значение слова или оборота; формальные варианты, а также соотносительные видовые формы глаголов при этом считались как 1 единица). В идеографическом словаре выделено 858 словарных статей (групп слов).

Не совпадают и подходы разных авторов к классификации лексики. Сравним имеющиеся классификационные схемы, представленные в 4-х идеографических словарях. В словаре О.С. Баранова самыми крупными объединениями выступают классы, их 5: 1. Миропорядок. 2. Мироустройство, природа. 3. Организованность. 4. Человек. 5. Общество. Далее классы членятся на разделы (15), которые, в свою очередь, делятся на подразделы (30) и далее — отделы (72) (Баранов 1995).

В «Функционально-когнитивном словаре русского языка» выделены следующие сферы: «1. Жизнь человека» (местожительство; семья; качество жизни; время;

³ Общее количество лексикографированных единиц не указано составителями; в скобках дана оценка автора статьи (рассчитанная как среднее количество слов, зафиксированное на нескольких произвольно выбранных страницах, умноженное на количество страниц), однако эта величина приближительна.

жизненный путь; жизненные потребности; здоровье; материальное положение), «2. Движение и местонахождение» (движение; местонахождение), «3. Окружающий мир и его восприятие» (вселенная; восприятие окружающего мира), «4. Речемыслительная деятельность и образование» (речевая деятельность; общение; мыслительная деятельность; образование), «5. Деятельность» (работать, трудиться; творческая деятельность; сферы деятельности), «6. Человек» (общие обозначения; характер, поведение; чувства, эмоции), далее выделяются разделы (25) и подразделы (120), более мелкие единицы (в порядке убывания их семантической ёмкости) — классы, подклассы, лексические группы. Всего представлено 4152 лексических группы (Кильдибекова 2013: VIII).

В «Тематическом словаре русского языка» выделены разделы «Человек», «Общество», «Природа» (Морковкин 2000).

В «Диалектном идеографическом словаре нарымского говора» Г.А. Ракова самые крупные объединения слов — «1. Вселенная» (подразделы «1.1. Небо и небесные тела», «1.2. Земля», «1.3. Растительный мир», «1.4. Животный мир») «2. Человек» («2.1. Человек как живое существо», «Душа и разум», «Человек как общественное существо») и «3. Человек и вселенная» (3.1. Априорные понятия «Пространство», «Время», «Количество» 3.2. Наука и техника) (Раков 1988: 246–252).

В «Идеографическом словаре диалектной языковой личности» самыми большими группами (разделами) классификации являются «Человек» (подразделы «Человек как живое существо», «Человек духовный», «Человек как общественное существо», «Общество»), «Природа» (подразделы «Неживая природа», «Растения», «Животные») и «Человек и природа» (подразделы «Пространство», «Время», «Количество» и др.).

III. Проблемы идеографической классификации

При систематизации материала возникает вопрос о возможности включения одной и той же единицы в несколько групп. Отметим, что подобные пересечения имеют место практически во всех лексикографических трудах идеографического типа, хотя часто и не оговариваются в авторской концепции и никак не маркируются. Приведём примеры. В словаре О.С. Баранова лексема *румянец* входит в подгруппы «красный» (группа «цвет») и «цвет лица» (группа «лицо человека») (Баранов 1995). В «Функционально-когнитивном словаре русского языка» единицы *рассвет*, *сумерки* входят одновременно в поля «время» и «зрительное восприятие» (Кильдибекова 2013: 35, 269). В словаре Г.А. Ракова лексемы *ходить*, *хаживать* включаются в поля «идти» и «нога» (Раков 1988: 161, 188). Как представляется, при составлении универсальной схемы классификации лексики (которая дана во всех упомянутых словарях) подобные пересечения неизбежны. Только в «Русском семантическом словаре» такая возможность принципиально исключается (Шведова 1998–2007, 1: XI), что обусловлено, по всей видимости, выбором в качестве основного категориального принципа классификации, соответствующего значению определённой части речи.

«Идеографический словарь диалектной языковой личности» опирается на принцип «мягкой» классификации материала, принятый в «Полном словаре диалектной языковой личности» (Иванцова 2012: 33), т. е. одна и та же единица может включаться одновременно в несколько классов. Такие единицы в идеографическом словаре помечаются знаком «плюс». Так, слово *курорт*+ входит одновременно в 3 группы: «Погода», «Здоровье», «Досуг». Аналогичный принцип «двойного предъявления единиц» принят составителями новой версии «Русского тематического словаря» (Ольховская 2016b: 102).

Для решения обозначенной проблемы используется также система отсылок внутри словаря как дополнительный параметр навигации по нему. Система отсылок словарных статей друг к другу позволяет максимально полно отразить связи слов, а значит, повышает надёжность словарного источника. В «Идеографическом словаре диалектной языковой личности» связь близких по смыслу полей даётся через систему гиперссылок, обозначенных сокращением «см.». Перекрёстные ссылки связывают, например, такие семантические поля, как «Опьянение» (макрополе «Физическое состояние»), «Алкоголизм» (макрополе «Болезнь») и «Поглощение напитков» (макрополя «Еда»); «Животные» (раздел «Природа») и «Животноводство» (раздел «Человек»); «Ездить» (поле «Движение») и «Транспорт» и т.п. Подобная система принята, в частности, в словаре под редакцией О.С. Баранова. Например, в поле «Звук» в качестве родственных выделены поля «Звучать», «СЛУХ», «Музыка», «Звукотехника» (Баранов 1995). Система отсылок планируется при составлении обновлённого «Русского тематического словаря» (Богачёва и др. 2017). Принятые решения отчасти снимают и «проблему тенниса», которая состоит в том, что при последовательной лексикографической классификации на основе единой концептуальной схемы единицы, принадлежащие одной тематической области, могут оказаться очень далеко друг от друга в структуре тезауруса (Лукашевич 2010: 63).

IV. Отражение системных связей слов

Основным видом смысловых отношений, отражаемых в идеографическом словаре, являются родо-видовые отношения понятий. Довольно часто идеографический словарь отражает и другие системные отношения слов. Так, в словарях под ред. Л.Г. Бабенко представлены зоны синонимии и антонимии (Бабенко 2007; 2008), в словаре под ред. О.С. Баранова с помощью условных обозначений отражаются синонимия, антонимия, меререологические отношения (Баранов 1995). Планируется отражение системных связей слов в «Русском тематическом словаре», создаваемом сотрудниками Института русского языка им. А.С. Пушкина (Ольховская 2016a: 40–41). Полисемия и омонимия, как правило, в идеографическом словаре не отражены, т. к. разные значения слов и омонимы помещаются в разных семантических полях, для их исследования более удобен толковый словарь.

В «Идеографическом словаре диалектной языковой личности» выработана следующая система передачи отношений слов в соответствии со спецификой лексикографируемого материала:

1. Синонимы даются через знак равенства. При этом учитывались данные словаря-источника (помета «Син.», знак «=»). Кроме того, объединение единиц в синонимические пары и ряды осуществлялось на основе совпадения толкования (так получены пары *авторитет=вес2перен.*, *благоустроенный=коммунальный*, ♦ *встать на очередь* = ♦ *занять очередь*, *дармя'/даром* = ♦ *за'два взгляда*, *заворожить* = *заколдовать* и др.).

2. Варианты даются через косую черту в алфавитном порядке (*железя'га/железяка*, *бумага/гума'га1*, *герань/дера'нь/ера'нь*). Подобная вариативность составляет одну из характерных особенностей диалектной речи. Вариативность формы фразеологических единиц отражается с помощью скобок: *потереть (тереть) живот*; *в ду'жинку (дужи'нку)*. В словаре-источнике единицы, связанные вариантными отношениями, обычно подаются в одной словарной статье. В некоторых случаях составителем идеографического словаря были объединены в вариантный ряд единицы, данные в «Полном словаре диалектной языковой личности» в разных словарных статьях, имеющие одинаковые толкования и минимальные отличия в форме (*капята'чек/кипяточек*, *воро'та/ворота'*, *гри'бник/грыбни'к*, *глубокий1/голубо'кий* и др.).

3. Глаголы совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) даются парами, их связь указывается с помощью знака «тильда»: *вылить~выливать*, *загнить1~загнивать*. В словаре-источнике такие единицы даются в разных словарных статьях, связанных отсылками. Иногда при составлении идеографического словаря осуществлялось объединение в пары глаголов, связь которых в «Полном словаре диалектной языковой личности» не указана (*запинаться1~запнуться*, *замёрзнуть1~замерзать1* и др.).

4. Словообразовательные отношения в идеографическом словаре не эксплицируются, но они представлены более наглядно по сравнению с толковым словарём, т. к. однокоренные слова обычно включены в одну словарную статью. Так, в поле «Кража» входят следующие единицы: *вор*, *вори'на*, *ворю'га*, *ворьё*, *воровать1*, *воровской*, *воровство*, *двороватъ+*, *заворова'ться*, *наворовать*, *обворовать~обвора'вывать*, *свори'ть*. При этом материалы устной речи включают единицы, отсутствующие в словарях литературного языка, благодаря более свободному использованию разных словообразовательных средств. Обращение к «Идеографическому словарю диалектной языковой личности» позволяет также выявлять словообразовательные модели. Так, в группе «Размножение животных» представлены имена прилагательные *суко'та(я)*, *су'пороса(я)*, *суя'гна(я)*, имеющие типовое значение 'беременная' (о животном) и образованные с помощью приставки су-.

5. Антонимические связи единиц не находят отражения в созданном словаре. Антонимы, как правило, помещаются в разных семантических полях, их противопоставление служит одним из оснований классификации: таковы микрополя

«мужчина» — «женщина», «бедный» — «богатый», «чёрный» — «белый». Некоторые единицы, данные в «Полном словаре диалектной языковой личности» как антонимы, при идеографической классификации включались в одну группу (*боровок* и *свинка* в поле «Домашние животные»; *город* и *деревня* в поле «Местожительство» и др.).

V. Источниковедческий потенциал

Отметим, что исследовательский и источниковедческий потенциал идеографических словарей в целом описан недостаточно.

«Идеографический словарь диалектной языковой личности» позволяет обратиться к исследованию картины мира информанта. В результате получены следующие выводы: во-первых, значительны по объёму поля, обозначающие абстрактные категории: «Пространство» (1443 единицы), «Восприятие» (1303), «Время» (953). Среди других семантических полей наиболее обширны следующие: «Человек в труде» (1 967 единиц), «Дом. Усадьба. Домашнее хозяйство» (1008), «Болезнь» (964), «Торговля и финансы. Имущество» (858), «Связи и взаимоотношения людей в обществе» (828), «Еда» (813), «Тело и его части. Внутренние органы» (806), «Характер и поведение» (633 единицы), «Язык и речь» (567), «Одежда и обувь» (533), репрезентирующие наиболее важные сферы жизни диалектоносителя; слабо представлены сферы «Наука и техника», «Промышленность», «Искусство» (Земичева 2018). Эти данные что в целом совпадают с наблюдениями Г.А. Ракова, Е.В. Иванцовой и других диалектологов. Вместе с тем можно отметить, что в некоторых случаях состав и содержание семантических полей в идеографическом словаре В.П. Вершининой и в идеографическом словаре нарымского говора не вполне совпадает. Их сравнение отражает, в частности, влияние технического прогресса, так, в «Идеографическом словаре диалектной языковой личности» выделяется обширное поле обозначений бытовой техники и действий с ней (*антенна*+, *аппарат*, *аппаратик*+, *аккумулятор/кумулятор*+, *батарейка*, *бой*, *бойлерский*, *боле'зь2перен.*, *будильник*+, *вентилятор*, *ви'дик*, *вилка2перен.*, *вилочка2перен.*, *включить~включать*, *выключить1~выключать*, *газ2*, *газ-плита*, *духовка*, *завести2~заводить1*, *завод2*+, *заводиться*, *заглохнуть*+, *заглушить*+, *заклинить2*, *замкну'ть*, *идти9*, *изломать3*, *изломаться2*, *кнопка*, *кнопочка*, ♦ *морози'льна(я) камера...*)⁴.

Кроме того, словарь может использоваться при сборе материала для исследования отдельных семантических полей индивидуального лексикона. В аспекте описания языковой картины мира важны прежде всего образные единицы, которые словарь помогает быстро вычлениить (фразеологические обороты, помеченные специальным знаком, метафоры с пометой «перен.»). Так, в тематической группе «Кража» обращают на себя внимание номинации *обдирать3перен.*, *обчистить2перен.*, *растащи'ть2перен.[прец.]*+, *улететь4перен.* + и т. п. Словарь даёт возможность выявить модели семантической деривации. Так, наличие

⁴ Приведён фрагмент словарной статьи «Электричество. Бытовая техника».

единиц *банка*¹2, *бито*^н2, *бочка*2, *бочоночек*2, *бутылка*1//, *ведро*2, *воз*2, *графин*/, *кастрюлька*, *кастрюлочка*//, *ковш*1//, *коробка*2, *котёл*2 и др. в подгруппе «Мера» позволяет говорить о востребованности в речи диалектной языковой личности модели переноса «предмет (ёмкость)» --> «количество». Это вывод соотносится со сделанными ранее Л.Г. Гынгазовой наблюдениями о конкретности мировосприятия носителя диалекта (Гынгазова 2013).

Таким образом, составленный автором статьи «Идеографический словарь диалектной языковой личности» имеет как черты сходства с другими лексикографическими источниками, так и отличия. Его своеобразие определяется сочетанием следующих характеристик: 1) опора на уникальные материалы народной речи в её индивидуальном преломлении; 2) полнота (включение наряду с диалектными общерусских единиц); 3) значительный объём; 4) идеографический способ упорядочивания единиц; 5) электронный формат. Представленный словарь может рассматриваться как модель индивидуальной картины мира информанта из диалектной среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Азарова 2007:** Азарова И.В. Russnet как компьютерный тезаурус нового типа // Структурная и прикладная лингвистика. 2007. № 7, 175–186.
- Бабенко 2007:** Бабенко Л.Г. (ред.) Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Авт.-сост. Л.Г. Бабенко и др.; пер. на англ. и подбор эквивал. Гусев С.В. Москва, 2007.
- Бабенко 2008:** Бабенко Л.Г. (ред.) Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Москва, 2008.
- Бабенко 2014:** Бабенко Л.Г. (ред.) Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределённых по тематическим группам. Москва, 2014.
- Баранов 1995:** Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. Москва, 1995. [http://ideographic.academic.ru]. Дата обращения: 24.06.2021.
- Богачёва и др. 2017:** Богачёва Г.Ф., Ольховская А.И., Парамонова М.К. Электронный идеографический словарь: теоретический и прикладной аспекты (на материале «Русского тематического словаря») // Вопросы лексикографии. 2017. 12, 39–60.
- Востриков 2000:** Востриков О.В. Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области: в 5 вып. Екатеринбург, 2000.
- Ганичева 2021:** Ганичева С.А. Материалы к словарю языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области [https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm]. Дата обращения: 24.06.2021.
- Гуц 2010:** Гуц Е.Н. Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985–2010. 2-е изд., стереотип. Москва, 2011.
- Гынгазова 2013:** Гынгазова Л.Г. Сенсорные основания метафорического представления невещественных объектов (время, количество, речь) в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. 5 (25), 31–36.
- Земичева 2018:** Земичева С.С. Идеографический словарь диалектной языковой личности как модель индивидуального лексикона // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / Отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмываева, Е.В. Пурицкая. Ин-т лингв. исслед. РАН. Санкт-Петербург, 2018, 288–296.

Земичева и др. 2019: Идеографический словарь диалектной языковой личности / С.С. Земичева, А.К. Берзин, М.Л. Громов, В.С. Болтова [http://losl.tsu.ru/node/65]. Дата обращения: 14.06.2021.

Иванцова 2006–2012: Иванцова Е.В. (ред.). Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. Томск, 2006–2012.

Иванцова 2012: Иванцова Е.В. Методологические проблемы создания словаря языковой личности // Вопросы лексикографии. 2012. 1, 27–51.

Караулов 2008–2017: Караулов Ю.Н. (ред.) Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова и др. Т. 1–4. Москва, 2008–2017.

Кильдибекова 2013: Кильдибекова Т.А. (ред.) Функционально-когнитивный словарь русского языка. Языковая картина мира. Москва, 2013.

Кириллова, Новикова 2002–2006: Кириллова Т.Н., Новикова Л.Н. (ред.) Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. Тверь, 2002–2006.

Ковригина, Котова 2016: Ковригина Е.А., Котова Н.К. «От Архангельска до Яренска: путешествие по Русскому Северу». Идеографический электронный словарь говоров архангельского региона // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. Москва, 2016.

Леонтьева 2018: Леонтьева Т.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек. Екатеринбург, 2018.

Липина 2000: Липина В.В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Лукашевич 2010: Лукашевич Н.В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. Москва, 2010.

Морковкин 2000: Морковкин В.В. (ред.) Тематический словарь русского языка: около 25 000 слов / Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Москва, 2000.

Ольховская 2016а: Ольховская А.И. Ключевые принципы «Русского тематического словаря» // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва; Ярославль, 2016, 37–42.

Ольховская 2016б: Ольховская А.И. Проблемы лексикографического описания русской лексики в полиаспектном тематическом словаре. // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2016, 100–102.

Подюков и др. 2004: Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004.

Раков 1988: Раков Г.А. Диалектный идеографический словарь Нарымского говора // Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1988, 131–254.

Слободян 2011: Слободян Е. Идеографический словарь языка поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» [http://nevmenandr.net/tadeusz/]. Дата обращения: 24.06.2021.

Харламова 2010: Харламова М.А. Концепция диалектного понятийно-тематического словаря // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2010. 4 (2), 771–773.

Шведова 1998–2007: Шведова Н.Ю. (ред.) Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 4 т. Москва, 1998–2007.

Шушков 2003: Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. Москва, 2003.

СРПСКИ ЛЕКСИКОГРАФ ВЛАДАН АРСЕНИЈЕВИЋ (1848–1900) И ЊЕГОВО ДЕЛО У КОНТЕКСТУ ЕВРОПСКЕ ЛЕКСИКОГРАФСКЕ ТРАДИЦИЈЕ¹

Ненад Б. ИВАНОВИЋ

Институт за српски језик САНУ
(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0003-0401-2204>

nenad.ivanovic@isj.sanu.ac.rs

Рад представља упоредни опис и анализу научне мисли Владана Арсенијевића (1848–1900), српског тематског лексикографа из друге половине XIX века, и Џона Виклинса (1614–1672), филозофа чије дело *An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language* (*Есеј о правом карактеру и филозофском језику*) (1668) стоји у зачетку савремене европске тематске лексикографије. Основу Арсенијевићевог лексикографског поступка представља израда тематског речника у смеру „одоздо нагоре“: аутор полази од лексичке грађе коју класификује у општије, хипонимске појмове, а ове појмове опет подводи под појмовне домене, категорије стварности на највишем нивоу појмовне апстракције. Са друге стране, основу Вилкинсовог лексикографског поступка чини израда тематског речника у смеру „одозго надоле“: аутор полази од појмовних домена као делова универзалне категоризације, ове домене дели на поддомене, а под ове поддомене затим сврстава лексичку грађу. У раду се бавимо сличностима и разликама између Арсенијевићевог и Виклинсовог приступа изради тематских речника, сагледавајући тиме дело српског лексикографа у епистемиолошкој традицији европске лексикографије.

Кључне речи: Владан Арсенијевић (1848–1900), Џон Вилкинс (1614–1672), тематска лексикографија, тематски речници

СЕРБСКИЙ ЛЕКСИКОГРАФ ВЛАДАН АРСЕНЬЕВИЧ (1848–1900) И ЕГО ТРУД В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ненад Б. ИВАНОВИЧ

Институт сербского языка САНИ
(Белград, Сербия)

В статье представлено сравнительное описание и анализ научной мысли Владана Арсеньевича (1848–1900), сербского тематического лексикографа второй половины XIX века, и Джона Уилкинса (1614–1672), философа, чья книга *An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language* (*Эссе о реальном характере и философском языке*) (1668) стоит у истоков современной европейской тематической лексикографии.

¹ Овај рад је настао као резултат финансирања Министарства просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије, према уговору бр. 451-03-68/2022-14/200174. Истраживање у раду је изведено у у Одсеку за лингвистичка истраживања савременог српског језика и израду Речника српске академије наука и уметности Института за српски језик САНУ.

В основе методики Арсеньевича лежит разработка тематического словаря в направлении «снизу вверх»: автор начинает от лексического материала, который классифицирует в более общие, гипонимические понятия, и далее он подчиняет эти понятия концептуальным, доменным, категориям реальности на высшем уровне концептуальной абстракции. С другой стороны, в основе лексикографической процедуры Уилкинса лежит разработка тематического словаря в направлении «сверху вниз»: автор начинает с концептуальных доменов как частей универсальной категоризации, делит эти домены на поддомены, а затем в соответствии с ними классифицирует лексический материал. В статье рассматриваются сходство и различия подходов Арсеньевича и Уилкинса к разработке тематических словарей. Таким образом, работа сербского лексикографа включается в эпистемологическую традицию европейской лексикографии.

Ключевые слова: Владан Арсеньевич (1848–1900), Джон Уилкинс (1614–1672), тематическая лексикография, тематические словари

SERBIAN LEXICOGRAPHER VLADAN ARSENIJEVIĆ (1848–1900) AND HIS WORK IN THE CONTEXT OF EUROPEAN LEXICOGRAPHIC TRADITION

Nenad B. IVANOVIĆ

Institute for the Serbian Language of SASA
(Belgrade, Serbia)

This paper presents the lexicographic procedures of Vladan Arsenijević (1848–1900), a Serbian lexicographer who compiled his thematic dictionary in the late 19th century, and John Wilkins (1614–1672), whose study entitled *The Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language* (1668) is considered to lie at the root of modern European thematic lexicography. The basis of Arsenijević's lexicographic treatment involves compiling the thematic dictionary using the "bottom-up approach", i.e. starting from the lexical material and moving towards the notional categories which classify this material at the higher levels of abstraction. On the other hand, the basis of Wilkins' lexicographic treatment lies in compiling the thematic dictionary using the "top-down approach", i.e. starting from the notional categories as parts of universal philosophy, and moving towards the lexical material that is classified by them. This paper deals with the similarities and differences between Arsenijević's and Wilkins' respective approaches, thereby viewing the work of the Serbian lexicographer in the context of European lexicographic tradition.

Keywords: Vladan Arsenijević (1848–1900), John Wilkins (1614–1672), thematic lexicography, thematic dictionaries

Увод

1.1. У раду ћемо поредити лексикографски поступак примењен у изради «Јестаственичког рјечника», рукописног тематског речника српског лексикографа Владана Арсенијевића, насталог у другој половини 19. века, са поступком примењеним у изради речника под називом «An Essay Towards a Real Character and

a Philosophical Language (Есеј о правом карактеру и филозофском језику)» филозофа рационализма и лексикографа Џона Вилкинса, насталог средином 17. века. Овим излагањем се настављамо на излагање у раду (Ивановић 2021), у коме смо представили поменути «Јестаственички рјечник» В. Арсенијевића као јединствену целину која указује на почетке модерног размишљања о парадигматским односима у лексикону у српској лексикографији краја 19. и почетка 20. века². Довођењем овог речника у везу са «Есејом о правом карактеру» Џ. Вилкинса³ настојаћемо да речник српског научника доведемо у везу са зачетком савремене тематске, не-азбучне лексикографије у Европи⁴. Заједнички основ за поређење ова два речника, удаљена и просторно и временски, налазимо у тези историчара лексикографских идеја В. Хилена да «лингвистичка парадигма доноси одређене приручнике [попут тематских речника] који не ишчезавају или застаревају када дође до промене саме парадигме заслужне за њихов настанак, већ настављају да живе и шире свој утицај чак и када нису у фокусу лингвистичких расправа» (Хилен 1986: 115).

1.2. Са овим у виду, укратко ћемо изнети историјат настанка и главне структурне одлике Арсенијевићевог и Вилкинсовог речника, како бисмо утврдили основ за њихово поређење. Затим ћемо их анализирати по нивоима систематизације појмовне и језичке грађе. Циљ нашег истраживања није само у томе да осветли културне специфичности тематског приступа лексици В. Арсенијевића, већ и да нагласи одређена питања о организацији тематских речника у целини.

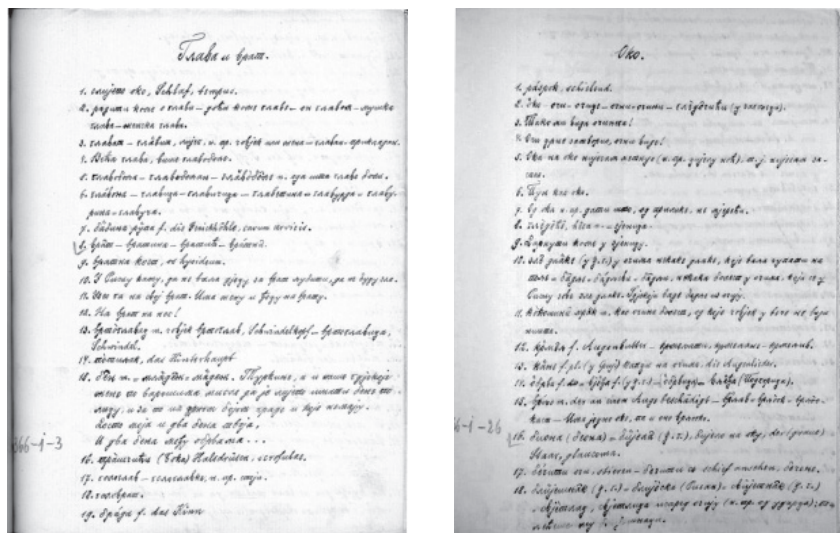
Речници В. Арсенијевића и Џ. Вилкинса: историјат настанка и структура

2.1. Српски лексикограф В. Арсенијевић живео је у другој половини 19. века. Током више деценија рада, до смрти 1900. године, прикупио је збирку од преко 300.000 речи српског језика из различитих извора српског књижевног и народног језика. Све речи у збирци систематизовао је према појмовним доменима, нпр. *породица, митске представе, јело и пиће* и др. Идеја му је била да на тај начин

² Владан Арсенијевић, професор природних наука, писац уџбеника из биологије, ботанике и зоологије и књижевни преводилац. Највећи резултат овај научник је остварио на пољу тематске лексикографије. Историографска и лингвистичка анализа дела В. Арсенијевића као оснивача савремене српске тематске лексикографије дата је у раду (Ивановић 2021).

³ Џон Вилкинс, филозоф епохе просветитељства. Вилкинсово животно дело «Есеј о правом карактеру и филозофском језику» (1668), концепирано као тематски речник, сматра се једним од темеља модерне семиотике (према: Еко 1995: 238–259). Делу овог лексикографа у науци је посвећено више научних расправа, међу којима се издваја есеј Х.Л. Борхеса «Аналитички језик Џона Вилкинса» из 1952. године.

⁴ У европској писаној култури, први спискови тематски класификованих појмова на основу Порфиријевог стабла («Дрво живот» или Arbor Porphyriana) приступи су још од раног средњег века. Спискови се могу наћи у византијским преводима Аристотелове «Дијалектике» и «Аеропагитике», као и у преводима Варлаамових и Паламиних расправа о аподиктичком доказивању, одакле су већ у XIV веку доспели у српску средњовековну књижевност (исп. дијаграм «раздјеленије сушњства» Крушедолске «Дијалектике» из 1355. године, у: (Жуњић 2013: 231)). У нашем раду ове спискове, као и друге раздео појмова настале у времену пре рационализма, не сматрамо зачецима савремене тематске лексикографије, већ пре наслеђем схоластичке традиције средњег века.

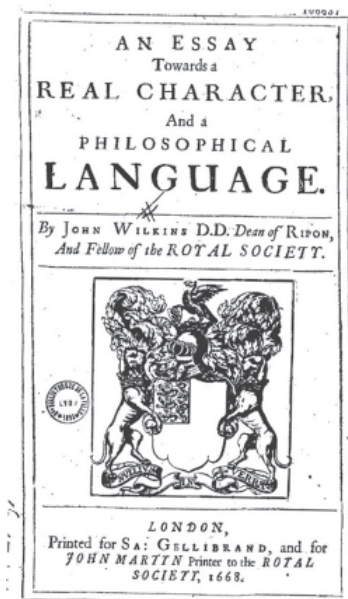
Слика 1: Арсенијевићев речник, део: појмови «Глава и врат» и «Око»
домена «Човечје тело»

скупи грађу за велико дело, у форми речника, које ће представити целину српског народног језика. Идеја о таквом речнику представља позноромантичарску ревизију универзалистичког концепта у лингвистици, и угашена је Арсенијевићевом смрћу. Збирка овог лексикографа данас чини део лексичке грађе за велики описни «Речник српскохрватског књижевног и народног језика» Српске академије наука и уметности (Ивановић 2021).

Уз своју обимну збирку, Арсенијевић је за собом оставио и једно заокружено речничко дело. Реч је о рукопису тематског речника под називом «Јестаственички рјечник» (в. Сliku 1). Речник је завршен око 1900. године. Сачињава га 14 појмовних домена који чине његову макроструктуру. Под ових 14 домена сврстана су 553 појма нижег реда, који према доменима стоје у хипонимском односу. На следећем нивоу систематизације, под појмове нижег реда сврстано је преко 9000 језичких уноса. Тако је нпр. домен *човечеје тело* у овом речнику издељен на 37 нижих појмова. У оквиру појма нижег реда *глава и врат* као језичке уносе налазимо његове мерониме: *потилјак, чело, обрва*, затим мотивисане деривате: *глават, главоња, тврдоглав*, као и идиоме и фраземе са појмовима *глава и врат* у основи: *узео га на врат, на врат на нос* и др. Структуру Арсенијевићевог речника, дакле, чине три плана вертикалне организације: појмовни, појмовно-хипонимски и лексички. Помињање «јестаственице» (која се назива и «физика») у наслову речника сугерише да појмовни домени припадају области теорије природе, тј. да речник класификује видљиви свет према засебним областима знања о њему. У основи овакве класификације налазе се различити видови реализације језичке грађе која је носилац тог знања у свести говорника српског језика.

2.2. У историји тематске лексикографије, значајно место припада филозофу рационализма Џону Вилкинсу (1614–1672). Вилкинс је своје дело «Есеј о правом карактеру и филозофском језику» из 1668. написао у потрази за универзалним језиком који ће открити под којим је условима могућ сваки језик и у којим границама се простиру могућности именовања речима као инструментима једне свеобухватне таксономије. Стога је, својим главним делом, «Есеј» у форми тематског речника који треба да представи основни фонд појмова и речи људи као рационалних бића ((Еко 1995: 239); в. Сliku 2). У методолошком смислу, Вилкинс је тежио томе да успостави изоморфизам између категорија појмовног знања о свету и семантичког садржаја речи које их представљају — чиме су се, поред њега, у то време бавили Лајбниц, Далгарно и други филозофи (Бугарски 1984: 97).

У складу са овим, највиши ниво организације Вилкинсовог речника је појмовни. Речник сачињава 12 **појмовних домена** (нпр. *дрвеће, животиње, птице, делови тела* и др.). Са друге стране, његова дубинска организација у односу на ону код Арсенијевића укључује већи број посредничких нивоа између главног домена и речи које му припадају. Тако се нпр. домен «делови тела» у Вилкинсовом речнику грана на два потпојма: *делове посебне намене* (нпр. *шкрге* код риба или *жаоке* код пчела) и *делове опште намене* (нпр. *нос, уста, очи* и др.). *Делови опште намене* даље се гранају на *делове тела у садржатељу* (нпр. *крв, млеко* и др.), *делове тела са потпорном улогом* (нпр. *кожа, кост* и др.), *делове главе* (нпр. *око, ухо*), *делове трупа* (нпр. *леђа, слабина*), *удове* (нпр. *нога, рука*) и *изнутрице* (нпр. *срце, јетра*). Појам *удова* нпр.

172	Parts peculiar.	Part. II.
IV. Parts peculiar To SWIMMING ANIMALS.	IV. Those Parts peculiar chiefly to SWIMMING ANIMALS, to which Custom hath ascribed distinct names, do serve either for their Outward Covering; with respect to different Magnitudes.	
	Lesser: being a Thin Lamin. Greater: opening usually upon a Joint, as in Oysters, &c. or an entire Armature, without such opening, as in Lobsters, &c. 2. SHELL, Tegument. 3. CRUST - accous, Shell. Respiration; those Opening parts on the sides of the Head, which are thought to supply the place of Lungs. 4. GILL. Progressive motion; serving either to Direct their motion; by feeling such objects as lye in the way, being long prominencies, standing off from the head, common to several Insects. 4. FEELERS, Horns, Antenna. Assist in their motion; whether of Swimming; as in most kinds of skinned and scaly fish. Internal; a thin membrane filled with air, by the help of which Fishes poise themselves in the water. 5. SWIMMING BLADDER. External; either those thin broad substances, standing off from the body of the Fish: or those long slender parts belonging to the fish. 6. FINN. 6. RAY, Radius, Pinnula. Going; as in crustaceous exanguious Animals. 7. CLAW. Procreation; belonging either to the Males: or Females. 8. MILT, Soft row. 8. SPAWN, Hard row.	

Слика 2: Вилкинсов речник: насловна страна; поддомен «Делови посебне намене» домена «О деловима биљних и животињских тела»

Вилкинс даље дели на *горње* и *доње удове*, а сваке од њих опет на *удове ближе трупу* (нпр. *раме, надлактица*) и *оне који су даље од трупа* (нпр. *шака, подлактица*). Као лексички материјал у речнику најчешће су даване једнолексемске јединице, које имају статус синонима појмова најнижег реда. Вилкинсов речник је устројен у виду Порфиријевог стабла у којем се појмови деле бипартитно, трипартитно или вишепартитно, у зависности од својих дистинктивних обележја.

2.3. Најважнија разлика између Арсенијевићевог и Вилкинсовог речника лежи у смеру којим су конципирани. Арсенијевићев речник полази од језичког материјала, који се уопштава у појмовне групе, а ових група опет у појмовне домене. Са друге стране, Вилкинсов речник је састављен полазећи од теоријске поделе знања о свету у природној филозофији, идући од појмовних целина према засебним поддоменима и речима у њиховом саставу.

Напоредно посматрање оба речника у контексту смера њихове израде баца светло на важно питање, које је у раду о питањима и проблемима израде концептуалних речника појмовних метафора као специфичној подгрупи тематских речника истакла Р. Драгићевић (Драгићевић 2021). Реч је о питању којим смером треба састављати не-азбучне речнике. Говорећи о изради речника појмовних метафора, Р. Драгићевић је истакла да се у њиховом састављању може ићи смером «одоздо нагоре», полазећи од грађе која се затим класификује у општије групе да би се тако дошло до базичних појмова; или «одозго надоле», полазећи од основних категорија стварности и крећући се ка мање општим појмовима. У науци је и даље отворено питање који од два смера треба одабрати при изради тематских речника, будући да сваки од ових смерова носи засебне импликације везане за састав речника и његову структуру. Будући да је речник В. Арсенијевића израђен првим, а речник Џ. Вилкинса другим поступком, у могућности смо да њиховом упоредном анализом пружимо више информација о специфичним импликацијама једног, односно другог смера израде тематских речника у лексикографској пракси.

2.4. Поредбену анализу речника у раду спроводимо кроз три целине: 1) поређење организације највишег, појмовног нивоа класификације у оба речника; затим 2) поређење принципа класификације појмова нижег реда у оба речника, као и 3) поређење обраде језичких уноса у једном и у другом речнику. Анализу ћемо спровести у смеру од млађег, Арсенијевићевог речника ка оном старијем.

Ниво појмовне класификације у Арсенијевићевом и Вилкинсовом речнику

3.1. Најважнија сродност система појмовне класификације у Арсенијевићевом и Вилкинсовом речнику је у томе што састав оба речника сачињавају појмовни домени који класификују свет који нас окружује. Природа ових домена је таква да служе као концепти које ум прво обухвати пре него што препозна постојање конкретних објеката (Салмон 1986: 219). Класификација света у оба речника укључује појмове *човека као физичког и духовног бића*, затим *живи свет у природи, неживе*

природне твари, атмосферске појаве и др. И код једног и код другог лексикографа поредак домена у речнику одаје став лексикографа према категоријама стварности која се класификује.

3.2. Избор и редослед 14 појмовних домена у Арсенијевићевом речнику показује њихову когнитивну организацију у смеру од човека и његове физичке перцепције, ка оном вантелесном и апстрактном (в. Табелу 1). Први домен у речнику је *човечје тело*: он обухвата делове тела, органе, појаве на телу и др. Затим се прелази на појмове природног устројства, у смеру од најсложенијих према оним мање сложеним. Засебно се обрађују *сисари, птице, рибе, водоземци и гмизавци, ниже животиње* и *биљке* (од живог света), као и *минерали* и *метали* (од неживог света). Прелаз са конкретних на апстрактне домене обележавају појмови *метеорологија* (време и временске прилике); као и *небеска тела*. Интересантно је да Арсенијевић *воду* издваја као засебан домен у речнику, тј. да сматра да се појам *воде* у свести говорника српског језика реализује одвојено од појмова *јела* и *пића*. У оквиру домена *болести* равноправно се обрађују називи болести, народних лекова и веровања везаних за болести као натприродна бића. Најудаљенији од појма

Табела 1: Распоред појмовних домена у речницима В. Арсенијевића (1900) и Џ. Вилкинса (1668) према областима знања које представљају

Јестаственички рјечник (око 1900): ДОМЕНИ	ОБЛАСТ ЗНАЊА	Есеј о правом карактеру... (1668): ДОМЕНИ
		1. ТРАНСЦЕНДЕНЦИЈЕ (ТРАЈНЕ, ВРЕМЕНСКИ ОГРАНИЧЕНЕ)
		2.а. ДИСКУРС - ИЗРАЗ
		2.б. ДИСКУРС - БОГ И СВЕТ
1. ЧОВЕЧЈЕ ТЕЛО	ЧОВЕК И ЊЕГОВО ТЕЛО	9. ДУХОВНА АКТИВНОСТ, ТЕЛЕСНА АКТИВНОСТ, (КАО КРЕТАЊЕ ИЛИ КАО РАДЊА)
		6. О ДЕЛОВИМА БИЉНИХ И ЖИВОЊСКИХ ТЕЛА, ПОСЕБНИ ДЕЛОВИ, ОПШТИ ДЕЛОВИ
2. СИСАРИ	ТЕОРИЈА ПРИРОДЕ	5.г. ЗВЕРИ
3. ТИЦЕ		5.в. ПТИЦЕ
4. РИБЕ		5.б. РИБЕ
5. ВОДОЗЕМЦИ И ГМИЗАВЦИ		5.а. НИЖЕ НИВОТИЊЕ
6. НИЖЕ ЖИВОТИЊЕ		4. БИЉКЕ, ТРЊЕ, ДРВЕЋЕ
7. БИЉКЕ		3.б. КАМЕНОВИ, МЕТАЛИ
8. МИНЕРАЛОГИЈА И ГЕОЛОГИЈА	ПРИРОДНЕ ПОЈАВЕ	8. ПРИРОДНА СИЛА, КВАЛИТЕТ УОЧЉИВ ЧУЛИМА
		7. ОБЛИЦИ
9. МЕТЕОРОЛОГИЈА		3.а. ЕЛЕМЕНТИ И МЕТЕОРИ
11. ВОДА		3.б. ПРИРОДНЕ ПОЈАВЕ
10. НЕБЕСНА ТЕЛА	НЕБЕСКЕ ПОЈАВЕ	3.а. ЕЛЕМЕНТИ И МЕТЕОРИ
12. ЈЕЛО И ПИЋЕ	ХРАНА	10.б. ПРОВИЈАНТИ
13. БОЛЕСТИ	БОЛЕСТИ И СУЈЕВЕРЈЕ	9. БОЛЕСТИ
14. СУЈЕВЕРА	СУЈЕВЕРЈЕ	
		10.а. ЕКОНОМСКИ (РОДБИНСКИ) ОДНОСИ, ПОСЕДОВАЊА
		11. ДРУШТВЕНИ, ПРАВНИЧКИ, ВОЈНИ, ПОМОРСКИ ОДНОСИ

човек у Арсенијевићевом речнику је појам *сујеверје*, у оквиру којег се наводе називи митолошких и натприродних бића.

3.3.1. У односу на представљено стање код Арсенијевића, систем појмова код Вилкинса показује две важне разлике. Прва разлика је та да појмовна организација његовог речника почиње апстрактним, филозофским концептима. За разлику од српског лексикографа, Вилкинс у речнику полази од домена које назива *трансценденције*, облици постојања активног бића. У зависности од времена у коме се остварују ови облици су трајни, *res permanentes* (*квалитет, квантитет, јединина, множина* и др.) или временски ограничени, *res fluentes* (*спајање, раздвајање, понављање, мењање* и др.) (Салмон 1986: 221). Следећи Аристотелов поредак знања о свету, у речнику се затим наводи домен *изражавања*, у коме се наводе категорије универзалне граматике (*глас, слово, акценат, копула, реченица, фигура* и др.)⁵. Овим двама доменима природен је трећи, који Вилкинс именује *О Богу и свету* (категорије *дух, анђео, душа, небо, планете* и др.). Наведени домени чине основу метафизичког, језичког и религиозног постојања човека, на коју се затим наставља класификација видљивог света и његових особина.

3.3.2. Друга велика разлика Вилкинсовог система од оног Арсенијевићевог је у редоследу излагања оних домена који су називи категорија које сачињавају видљиви свет. У овом излагању Вилкинс полази од најелементарнијих домена и иде према оним комплекснијим. Прво се излаже домен *минерали и метали*, за њим следи домен *биљке* (од елементарних, у које Вилкинс убраја *гљиве, маховине, корове*, преко комплекснијих, па до разних типова *дрвећа*), као и *животиње* (категорије *ниже животиње, рибе, птице и звери*). Засебно је дат домен *делови аниматних тела* (међу чијим категоријама Вилкинс засебно наводи *плодове* као делове биљних тела, и *удове и органе* као делове животињских тела). Од спољног света Вилкинс се затим окреће категоријама његовог вредновања. Први су домени *простора и времена*, који се у речнику даље развијају кроз поддомене назива за облике и мере. За овим следи домен *природне силе*, који садржи појмове везане за осећања, навике, манире (нпр. *достојанство, срећа, искуство* и др.), као и за опажајне карактеристике бића (нпр. *мушки пол, женски пол, снага, лепота* и др.). За овим следи домен *болести* који се дефинише као врста негативног квалитета који шкоди телу и његовој природи. У речнику се даље класификују *људске активности*, у смеру од духовних (интелект и емоције, нпр. *размишљање, веровање, одобравање*) ка оним телесним (*храњење, говорење, смејање* и др.); као и физиолошки процеси који се овде називају *активностима кретања* (нпр. *дисање, знојење, гутање* и др.). На крају речника даје се класификација домена *економских, друштвених, војних и поморских односа*, изражених нпр. кроз називе *чинова, вероисповести* и др.

⁵ Запажа се да поредак прва два домена у Вилкинсовом речнику следи структуру Аристотеловог списка *О категоријама*: после излагања *О категоријама* (Κατηγορίαι), где говори о десет основних својстава бивства, Аристотел прелази на излагање *О изразу* (Περὶ ἑρμηνείας), где говори о симболичкој и семиотичкој функцији језика као средству изражавања тих својстава (исп. Аристотел, *Категорије, О изразу*, у: Благојевић 2008: 5–53 и 77–106).

Класификација појмова нижег реда у Арсенијевићевом и Вилкинсовом речнику (на примеру домена «Човек и његово тело»)

4.1. Једна од главних одлика Арсенијевићевог речника је у томе да под једним појмовним доменом увек обједињује две врсте појмова нижег реда. Први су *аналитички појмови*, који одређују домен по његовим сталним својствима. Други су *синтетички појмови*, који одређују домен по повременим својствима или стањима. Ако за пример узмемо састав домена «Човек и његово тело» (в. Табелу 2), аналитички би нпр. били појмови *око*, *зуби*, *језик* и др. као спољни или видљиви органи тела човека, односно *срце*, *јетра* и др. као његови унутрашњи органи. Са друге стране, синтетички појмови би били нпр. *дисање* као *активност живих тела*, затим, *купање* као *активност на телу*, или *трудноћа* као *стање тела жене у одређеном периоду зрелости* и др. Навођењем обе врсте појмова нижег реда под једним доменом очувана је кохерентност језичке грађе као једне смисаоне целине у речнику.

Табела 2: Распоред и дефинисање појмова нижег реда у односу на надређене домене у речницима В. Арсенијевића (1900) и Џ. Вилкинса (1668) (на примеру појмова нижег реда из домена «Човек и његово тело»)

Јестаственички рјечник (око 1900)		Појам нижег реда	Есеј о правом карактеру... (1668)	
Домен	Врста појама		Домен	Поддомен
Човек и његово тело	АНАЛИТИЧКИ	глава и врат	ДЕЛОВИ АНИМАТНИХ ТЕЛА	Делови главе
		зуби		
		језик		
		нос		
		образ		Удови
		око		
		уста		Хетерогени унутрашњи делови тела
		ухо		
		нога		Хомогени унутрашњи делови тела
		рука		
		јетра		Делови тела у садржатељу
		срце		
	СИНТЕТИЧКИ	кост	АКТИВНОСТ КАО КРЕТАЊЕ ИЛИ КАО РАДЊА	Делови животиња које ходају
		ребро		
		рскавица		Телесне радње вегетативних тела
		крв		
		брада		Телесне радње сензитивних тела
		брк		
		длака		Прогресивни покрети аниматних тела у циљу очишћења
		коса		
		трудна жена		Припремне радње помоћу воде
		сан и спавање		
		зној		
		мокраћа		
		пљувачка		
		суза		
		дисање		
		купање		

4.2. Са друге стране, једна од главних одлика Вилкинсовог речника је та да у њему сви појмови нижег реда имају аналитичку природу. Из овог разлога, код њега увек налазимо појмове нижег реда као носиоце сталних својстава појмовних домена. Узмемо ли за пример листу појмова везану за *човечје тело*, у Вилкинсовом речнику затећи ћемо свих 37 појмова нижег реда као и код Арсенијевића. Ти појмови су, међутим, организовани у два засебна домена. Први домен, «Делови аниматних тела», садржи већину појмова који и код Арсенијевића имају аналитичку природу. Тако се нпр. *језик*, *нос*, *образ* и др. дефинишу као *делови главе*; *рука* и *нога* као *делови трупa*, док су *кост*, *ребро* и *хрскавица* дефинисани као *делови тела са потпорном улогом*. У оквиру истог домена налазимо појам *крв*, дефинисану као *део тела у садржатељу*, као и појмове *брада*, *коса* и др., дефинисане као *делове животиња које ходају*. Други појмовни домен, «Активности као кретање или као радња», садржи већину појмова који у Арсенијевићевом речнику имају синтетичку природу. Тако се нпр. појам *дисања* дефинише као вид *општег кретања*, док се радње *знојења*, *плакања* и др., дефинишу као *прогресивни покрети аниматних тела у циљу очишћења*. Појмови *сна* и *спавања* код Вилкинса се дефинишу као *телесне радње сензитивних тела*; док се *купање* дефинише као *припремна активност везана за тело*, и др.

Као што се из изложеног види, у Вилкинсовом речнику очувана је аналитичка, таксономска природа појмова нижег реда, тј. очувана је «аналитичност» система његовог речника у целини. Са друге стране, нарушена је кохерентност појмовних домена којег ти појмови одређују. Овај налаз одговара већ изреченим тврдњама да Вилкинс у својој студији комбинује таксономије различитог типа и приступа у сврху боље систематизације грађе у речнику, као и да је његова класификација у суштини отворена (Слотер 1982, у: Еко 1995: 255).

Обрада језичке грађе у Арсенијевићевом и Вилкинсовом речнику (на примеру домена «Човек и његово тело»)

5.1. Већ смо истакли (у т. 2.1.) да је В. Арсенијевић свој речник конципирао као дело које има за циљ да представи лексичку целину српског народног језика. Из овог разлога, лексички уноси у *Јестаственичком рјечнику* садрже, у идеји, све појмове и њихове релације који сачињавају основ језичке слике света српског народа и манифестације његове нематеријалне, говорне културе у оквиру постављених домена.

Из овог разлога, у *Јестаственичком рјечнику* језичка грађа улази у састав појмова нижег реда по више критеријума: тематском, творбеном, идиоматском и културолошком. По тематском критеријуму, у речник се уносе речи које лексикограф посматра као мерониме појмова под које се сврставају: *брада*, *потпух*, *чело* и др. (за појам *глава* и *врат*); затим, *бечити се*, *зашикилити* одн. *врљав*, *хиљав* и др. (за појам *око*), и др. Даље, по творбеном критеријуму у речнику се, као уноси, најчешће наводе изведене речи којима појам представља творбену основу, нпр.: *глават*, *главоња* и др. (за појам *глава* и *врат*); *разрок*, *очни* и др. (за појам *око*). Даље, по идиоматском критеријуму В. Арсенијевић у речник уноси

изразе којима је појам семантичко тежиште, нпр.: *пун као око*; *дарнути коме у зјеницу* и др. (за појам *око*); као и фолклорне изразе исте мотивације, нпр.: *Тако ми вида очињега!* (за појам *око*). Коначно, по културолошком критеријуму у речник се уносе одломци из народних веровања, предања и др. који су дискурзивно везани за појмове под које се сврставају, нпр.: *И која лако роди и после порођаја није јој тешко, нагоне је да лежи и да се гради болесна, кад јој ко стран дође на бабине, да јој не би зле очи наудиле* (за појам *око*).

5.2. За разлику од В. Арсенијевића, при изради свог речника Џ. Вилкинс је вођен другачијом идејом, о заједничкој лексичкој и семантичкој основи свих европских језика. Појмови најнижег реда у његовом речнику имају статус семантичких примитива који служе као основа за исказивање родова, релација и акција у језику (Еко 1995: 242). Свестан тога да листа од 2.030 појмова/примитива, колико их је навео у речнику, није довољна да би језик функционисао као систем референције, Вилкинс је прибегао поступцима синонимије и парафразе као средствима изналажења најближих семантичких сродника ових примитива у свом речнику. Тако се нпр. под појмом *face* (*лице*) домена *The Parts of Animate Bodies* (*Делови аниматних тела*) као лексички уноси налазе синоними: *visage* (*физиономија, изглед*), *aspect* (*израз*), *countenance* (*црте лица*), *favour* (*лик*), *look* (*изглед*), *physiognomy* (*физиономија*), *feature* (*одлика*), *vizard* (*визир*), *mask* (*маска*); док се нпр. под појмом *sweating* (*знојење*) домена *Predicament of Action — Motion* (*Активност као кретање*) као лексички уноси налазе синоними: *exudation* (*знојење*), *diaphoretic* (*обилно знојење*), *sudorific* (*који изазива знојење (нпр. биљка)*); као и парафраза *all in a water* (*сав је гола вода*). Поступак изналажења синонима појму омогућује лексикографу да раздвоји семантички садржај појма од лексичког контекста у коме се употребљава његов најприкладнији синоним; док поступак парафразирања појма омогућује лексикографу да повеже одговарајуће појмове (нпр. *знојење*) са коресподентним изразима који их замењују (*сав је гола вода*). Оба поступка значајно обогаћују лексички фонд овако постављеног речника.

Закључак

5.1. Тематски речници Џона Вилкинса и Владана Арсенијевића припадају заједничкој, неоаристотеловској традицији промишљања језика и његове лексике, која је у европској лексикографској култури присутна од епохе рационализма. Та традиција се заснива на класификацији појмова у циљу типологизације језика који их означава, а њен континуитет у лексикографији је највише видљив у чињеници да европски тематски речници, укључујући и онај Арсенијевићев, у овом периоду обрађују у највећој мери исте или сродне појмовне домене: *човек и његово тело, природне појаве, небеске појаве, храна и пиће* и др.

5.2. Са друге стране, пример Арсенијевићевог речника показује да се у времену од средине 17. до краја 19. века методологија израде тематских речника мења, крећући се од компоненцијалне и атомистичке семантике, природене речнику Џ. Вилкинса, према когнитивно и етнолошки мотивисаној семантици, природеној Арсенијевићевом делу. Један од главних резултата промене ове

методологије је промена смера израде тематских речника. Израда речника у смеру «одозго надоле» (од појмова ка језичкој грађи), природна рационалистичком и универзалистичком погледу на језик, бива замењена израдом у смеру «одоздо нагоре» (од језичке грађе ка појмовима), природној романтичарском погледу на језик као скуп партикуларних, национално и културно специфичних елемената на чијој основи се израђује речник.

5.3. Упоредна анализа систематизације појмовне и језичке грађе у оба речника, која је изведена у раду, потврђује раније изнету тезу да сваки од поменутих смерова израде носи засебне импликације везане за састав и устројство тематског речника у целини.

5.3.1. Речник В. Арсенијевића, израђен смером «одоздо нагоре», на највишем, појмовном нивоу обликује своју структуру полазећи од конкретних концепата (нпр. *човек и његово тело*) ка оним апстрактним (нпр. *болести, сујеверје*); при чему се конкретни концепти даље изграђују у смеру од оних сложенијих (нпр. *сисари, птице*) ка једноставнијим (нпр. *биљке, минерали*). Овај речник показује аналитичку нефлексибилност, која се најбоље види у чињеници да, у оквиру једног домена, групише појмове аналитичке и синтетичке природе. На језичком нивоу, Арсенијевићев речник је оријентисан ка синтагматским, парадигматским и творбеним односима у лексикону, што је видљиво у избору комбинованих лексикографских поступака у обради речи (тематских, творбених, идиоматских и културолошких).

5.3.2. Са друге стране, речник Џ. Вилкинса, израђен смером «одозго надоле», на највишем, појмовном нивоу обликује своју структуру полазећи од апстрактних концепата (нпр. *трансценденције*) ка оним конкретним (нпр. *провијанти, друштвени односи*); при чему се конкретни концепти даље изграђују у смеру од оних једноставнијих (нпр. *минерали, биљке*) ка сложенијим (нпр. *животиње, човек*). Овај речник показује наглашену аналитичку флексибилност, која се најбоље види у чињеници да су сви појмови нижег реда дефинисани тако да имају аналитичку природу. На језичком нивоу, Вилкинсов речник је оријентисан ка парадигматским односима у лексикону, што је видљиво у избору синонимије и парафразе као главних лексикографских поступака у обради речи.

5.4. Сматрамо да резултати упоредне анализе оба речника могу бити корисни и за савремену лексикографску праксу. Историјски контекст теме упућује на закључак да би одабир једног или другог смера израде тематских речника требало да зависи од њихове специфичне намене, пре свега од односа језички универзалног и језички партикуларног у њиховом садржају. Такође, у односу на све што је речено у нашем излагању, требало би размотрити и предности комбинованог приступа изради тематских речника.

ЛИТЕРАТУРА

Арсенијевић, Владан (око 1900). Јестаственички рјечник. Етнографска збирка Архива САНУ у Београду, Архив Р.САНУ у Београду.

Благојевић 2008: Благојевић С. (прев., прир.). Аристотел. Аналитика I–II. Категорије. О изразу. Београд, 2008.

Бугарски 1984: Бугарски Р. Језик и лингвистика. Београд, 1984.

Драгићевић 2007: Драгићевић Р. Лексикологија српског језика. Београд, 2007.

Драгићевић 2021: Ка концептуалном речнику појмовних метафора // Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Зборник научних радова / Уредништво: С. Ристић, И. Лазић Коњик, Н. Ивановић. Београд, 2021, 761–785.

Еко 1995: Eco U. The Search for the Perfect Language. Oxford, 1995.

Жуњић 2013: Жуњић С. Прирок и суштаство — историја појмовне логике код Срба. Књ. IV. Суштаство у српској филозофији. Београд, 2013.

Ивановић 2021: Ивановић Н. Лексикографски погледи Владана Арсенијевића (1848–1900) и њихов утицај на рађање савремене српске описне лексикографије // Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Зборник научних радова / Уредништво: Стана Ристић, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић. Београд, 2021, 373–391.

Хилен 1986: Hüllen W. The Paradigm of John Wilkins' Thesaurus // Hartmann, R.R.K. (ed.). The History of Lexicography. Papers from the Dictionary Research Centre Seminar at Exeter, march 1986. Amsterdam, 1986, 115–126.

Borges 1952: Borges Jorge Luis. The Analytical Language of John Wilkins // J.L. Borges. Other inquisitions 1937–1952. Texas, 1993.

Salmon 1986: Salmon Vivian. 'Philosophical' grammar in John Wilkins' Essay // Hartmann R.R.K. (ed.). The History of Lexicography. Papers from the Dictionary Research Centre Seminar at Exeter, march 1986. Amsterdam, 1986, 207–236.

Slaughter 1982: Slaughter Mary. Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century. London; Cambridge, 1982.

Wilkins 1668: Wilkins John. An Essay Towards a Real Character and a Philosophical Language. London, 1668.

МАКЕДОНСКАТА ТЕМАТСКА ЛЕКСИКОЛОГИЈА И ЛЕКСИКОГРАФИЈА КАКО ИЗРАЗ НА КУЛТУРНИОТ ИДЕНТИТЕТ

Лилјана МАКАРИЈОСКА

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“
Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“
(Скопје, Македонија)
<https://orcid.org/0000-0003-3722-0210>
lmakarijoska@gmail.com

Николче МИЦКОСКИ

Лексикографски центар
Македонска академија на науките и уметностите
(Скопје, Македонија)
<https://orcid.org/0000-0003-4929-0507>
nmickoski@manu.edu.mk

Во нашиов труд се осврнуваме на тематските лексиколошки и лексикографски трудови, коишто иако се различни според опфатот, концепцијата, односно методолошките принципи и сл., ги обединува тоа што автентично ја претставуваат лексиката на македонскиот јазик како израз на македонската традиционална, материјална и духовна култура. Имајќи ги превид современите тенденции во славистиката, досегашните лексичко-семантички истражувања и лексикографски изданија се израз на културниот идентитет и народниот светоглед, претставувајќи ја на пр. лексиката од областа на растителниот и животинскиот свет, народното градителство, облеката и др., но и обредно-обичајната практика во врска со животниот и календарскиот циклус, народната медицина, верувањата, митологијата итн.

Клучни зборови: македонски јазик, лексикологија, лексикографија, лексика, терминологија, култура, фолклор, традиција, религија

МАКЕДОНСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЈА И ЛЕКСИКОГРАФИЈА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лиљана МАКАРИОСКА

Институт македонского языка им. Крсте Мисиркова
(Скопье, Македония)

Николче МИЦКОСКИ

Лексикографический центр
Македонская академия наук и искусств
(Скопье, Македония)

В данной работе мы обращаемся к лексикологическим и лексикографическим трудам, которые, несмотря на разницу в объёме, концепции, методологических принципах и т.д., объединяет такой подход к изучению лексики македонского языка, при

котором она рассматривается как отражение македонской традиционной, материальной и духовной, культуры. С учётом современных тенденций развития славистики, имеющиеся на данный момент лексико-семантические исследования и лексикографические издания отражают культурную идентичность и народное мировоззрение, как например, лексика из области растительного и животного мира, народного зодчества, одежды и др., а также ритуально-обрядовых практик, связанных с жизненным и календарным циклом, народной медициной, верованиями, мифологией и т.д.

Ключевые слова: македонский язык, лексикология, лексикография, лексика, терминология, культура, фольклор, традиция, религия

MACEDONIAN THEMATIC LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY AS AN EXPRESSION OF THE CULTURAL IDENTITY

Liljana MAKARIJOSKA

Institute of Macedonian Language „Krstе Misirkov“
(Skopje, Macedonia)

Nikolche MICKOSKI

Lexicographic Centre Macedonian Academy of Sciences and Arts
(Skopje, Macedonia)

This paper provides an overview of thematic lexicological and lexicographic works which, even though different in terms of scope, conception, methodological principles etc., are united by the fact that they authentically represent the lexicon of Macedonian language as an expression of Macedonian traditional, material and spiritual culture. Considering the modern tendencies in Slavistics, lexical and semantical research, and lexicographical works hitherto are expression of the cultural identity and vernacular ideology, representing, for example, the vocabulary of flora and fauna, vernacular architecture, clothes, etc., as well as rites, ceremonies and traditions related to the living and calendar cycles, folk medicine, believes, mythology etc.

Keywords: Macedonian language, lexicology, lexicography, lexicon, terminology, culture, folklore, tradition, religion

Македонската лексикологија и лексикографија е вкоренета во повоените иницијативи за сеопфатна собирачка и истражувачка дејност на лексиката од различни аспекти. Богатите картотечни фондови на Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», создавани во текот на повеќедесениската работа на научноистражувачките проекти, пред сè на «Толковниот речник на македонскиот јазик», «Македонскиот дијалектен речник», «Речникот на македонската народна поезија» и др., научноистражувачките проекти на Македонската академија на науките и уметностите и на други наставно-научни институции овозможува работа на повеќе тематски лексиколошки и лексикографски трудови засновани на богата материјална база. Во нашиов прилог се осврнуваме на тематските лексиколошки и лексикографски трудови, коишто иако се различни според опфатот, концепцијата, односно методолошките принципи и сл., ги обединува тоа

што автентично ја претставуваат лексиката на македонскиот јазик како израз на македонската традиционална култура. Културниот идентитет главно се пројавува преку јазикот, а лексиката претставува огледало на материјалната и духовната култура, коишто не може да се разгледуваат изолирано од општествените односи во определен историски период, од временската и географската распространетост, од заедничкото словенско културно наследство, но и од туѓите влијанија. Лингвистичките, дијалектолошките и други истражувања се корисни посебно за лексикологијата, лексикографијата и лингвокултурологијата, осветлувајќи ги сите аспекти на културната традиција. Дијалектниот материјал овозможува да се проследат специфичните елементи што го градат етничкиот идентитет на Македонците, афирмирајќи ја националната култура и јазикот како духовно културно наследство, а се овозможуваат и споредбени проучувања во балкански, јужнословенски и словенски контекст. Имајќи ги превид современите тенденции во славистиката, досегашните лексичко-семантички истражувања и лексикографски изданија претставуваат израз на културниот идентитет, на народниот светоглед итн. На пр. одлики на географските фактори и природните услови носат ботаничките и зоолошките називи што се и своевидно сведоштво за народната култура на определен простор; начинот на живот на луѓето е изразен преку лексиката од областа на домот, градбата на живеалиштето и придружните објекти, основните стопански дејности, па преку покуќнината, храната, облеката, коишто исто така зависат од поднебјето итн., обредно-обичајната практика е во врска со животниот и календарскиот циклус, со народната религија, народната медицина, верувањата, митологијата итн.

Ќе се осврнеме на некои лексиколошки и лексикографски изданија од различни тематски области.

«Дијалектната лексика од областа на растителниот свет» од Киш (1996), претставува прва пообемна студија посветена на растителната лексика со комплетен материјал од околу 1320 лексички единици (називи на овошни дрвја, шумски дрва и грмушки, градинарски култури, житни и индустриски култури), од сите дијалектни пунктови на проектот «Македонски дијалектен атлас», вклучувајќи ги и оние во Пиринска и Егејска Македонија. Ботаничката лексика се разгледува од лингвогеографски, етимолошки, семантички и зборообразувачки аспект — се посочуваат дијалектните форми со зборообразувачките и фонетските варијанти, со етимолошки белешки и паралели од други словенски и од несловенски балкански јазици (заемките од грчкиот, турскиот јазик). Од аспект на семантичката структура се потврдуваат појавите на хомонимија, метафорично мотивирана полисемија и синонимија. Во прилог се дадени и дијалектни карти во кои ареално се претставени називите на покарактеристичните културни растенија.

Во прилогот «Опис на македонската флора и фауна» Мокров (1974) дава преглед на изворниот материјал од периодот од крајот на XIX и почетокот на XX век, собран од познатиот македонски учител, фолклорист и публицист Георги Трајчев, а се опфатени термини од флората и фауната на Дојранското Езеро, но и пошироко од областите: ботаника, зоологија, направи користени за ловење риби и др.

Во трудот «Терминологија од областа на плевелните растенија» Лозановски (1994) дава преглед на имињата на плевелната вегетација во Македонија и во соседните земји — (обработени се 1125 видови од 404 родови), а како основа за термините дадени се преводни еквиваленти на латински, српски, руски, хрватски, англиски, француски и германски јазик, додека трудот «Терминологија од областа на нивските, градинарските и фуражните растенија» од Лозановски (1998) опфаќа 360 видови, подвидови и вариетети со објаснувања за нивната стопанска вредност, за одгледувањето и користењето на културите. Како основа за создавањето на терминологијата се земаат народните имиња, а покрај објаснувањето на македонски јазик, термините се дадени и на други јазици: српски, хрватски, англиски, француски, германски, руски. Народните називи имаат и лингвистичка и културолошка вредност, значајни се како изворен материјал особено заради богатството од синоними и хомоними.

Имајќи го предвид значењето на одгледувањето на тутунот наречен «жолтото злато» на македонското поднебје го izdelуваме и изданието «Тутунски терминологишки лексикон» од Стојкоски, Најдоски и Грабулоски (1993). Во него се обработени термините поврзани со одгледувањето и преработката на тутунот, а се посочуваат и голем број архаични и дијалектни зборови: курешаница, мрешко, како и заемки, пред сè зборови и изрази од турско потекло: *актрма, алабура, алаца, буџа, бурмут, дара, истива, качак, колчопере, максул*, од грчко: *ендем, микозис, плазика, тарак, харман*, од латинско потекло: класа, ламина, мутант, парентела, херба, но и од други јазици.

Двојазичниот речник «Мал речник на називи на растенија: македонско-француски, француско-македонски» од Кузманоска (2019) содржи голем број термини за растенија својствени за француското и за македонското поднебје, во француско-македонскиот и во македонско-францускиот дел, со латинскиот назив (род и вид или само род) и фамилијата на која ѝ припаѓа, како и илустрации, а посебно се дадени и називите на плодот, додека Речникот е збогатен и со фразеолошки изрази со називи на растение, со соодветен превод/еквивалент на македонски јазик.

Во трудот «Народни имиња на лековити растенија» Дервенци (1990) ги опишува народните имиња и синонимите на 240 лековити растенија познати во народната медицина, на пр.: *катарнус, чељадник, исцијот, ждралец, димљуз* и др. заедно со нивните латински имиња. За одделни видови се потврдени бројни називи, на пр. за *татулата (Datura stramonium)*: *татул, биволче, магарешки костен, гребен, богова трева, козел, конче, татулина, смрдуш(к)а, смрдљика, свинска душица*. Во контекст на народните имиња на растенијата, ќе го споменеме и трудот «Народни имиња на растенијата од Скопско, Тетовско и Гостиварско» од Мицевски и Пауновска (1984) за народните имиња на растенија од Западна Македонија, а покрај секое име е наведен и локалитетот од каде што потекнува.

Во врска со основниот картотечен фонд на македонскиот стандарден јазик, за «Толковниот речник на македонскиот јазик» е трудот «Лексичко-семантичка група зборови со значење ‘овошје’ во македонскиот јазик» од Бандиловска-Ралповска (2008) што претставува семантичка анализа на лексичко-семантичката

група ‘овошје’ врз основа на пишуваната, преводната и стручната литература, како и на секојдневната јазична практика. Претставена е поделбата од стручен и од јазичен аспект, номинативната употреба и стандардизацијата на единиците од оваа група, полисемантичкото и деривациско варирање, а во прилог има и Речник и илустрации на обработуваните овошки, односно Индекс на лексичко-семантичката група ‘овошје’. Се разгледуваат термините како општи и посебни и нивниот статус во лексичкиот систем, нивните основни и секундарни значења, синонимите (*актинидија* : *киви*, *грејпфрујт* : *цитрон*, *лимета* : *зелен лимон*).

Во «Прилогот кон терминологијата од областа на овоштарството. Имиња на овошните видови» од Димитровски (1972) се дадени имињата на овошните видови со напоредно претставување на имињата на латински (систематизирани според меѓународна номенклатура по абecedен ред) и на македонски јазик. Некои македонски називи се калкирани, други се преведени, за дел се дадени народните имиња, а за одредени имиња се среќаваат и по неколку синоними. Покрај стандардизираните имиња на овошните видови: *кајсија*, *бадем*, *слива*, *цреша*, *вишна* и сл., се среќаваат и народните имиња, на пр.: *чуфа*, *плускајца*, *бела јагода*, *мисирско грозје*, *дусен*, *џанка*, *баблика*, *мукиница* и др.

Во овој контекст особено би сакале да ја истакнеме едицијата «Флора на Република Македонија» од акад. Кирил Мицевски и акад. Владо Матевски (1985—) во која е претставена македонската флора врз основа на припадноста кон фамилиите, родовите, видовите, подвидовите, вариететните форми што придонесува за прегледноста на информациите. Во почетокот на секоја свеска е даден преглед на обработените фамилии, родови и видови, додека на крајот од секоја свеска е приложен абecedен индекс, се посочува присуството на одделен таксон, ред на дел од македонската територија, врз основа на расположливиот документациски, хербариумски материјал. За секој род е даден клуч што содржи детален опис според кој се одредува родот, а дадени се и податоци за територијалната застапеност во државата.

Трудот «Називите на диви животни, лазачи и инсекти во македонските дијалекти» од Симјановски (2019) е посветен на лексичко-семантичката група диви животни, лазачи и инсекти во македонските дијалекти, на фонетско, лексичко и зборообразувачко рамниште, на поимањето на одделните називи и нивната распространетост, на разликите и сличностите од аспект на лексичките и зборообразувачките особености, мотивираноста на називите, но и на споредби со другите словенски и несловенски јазици. Се изделуваат синонимите, лексичките (*срна* : *заркада* : *кошута*; *ласица* : *невестулка* : *царевичка*; *јазовец* : *бурсук* : *вазмил*; *верверица* : *каторица*; *смок* : *сивјак* : *кравик*) и зборообразувачките разновидности во одделни дијалектни подрачја (*скакал*, *скачак*, *скаклец*, *скакло*), словенската и несловенската лексика, архаичните форми, но претставени се и одделни митолошки, народни верувања поврзани со животните, врз основа на кои се создаваат нови називи и преку кои се изразени специфичните особености на одделен вид.

На истата дијалектна база се заснова и е-проектот «Дигитализација на дијалектни материјали од областа на животинскиот свет (домашни и диви

животни)»¹ (2020) на Одделението за македонска дијалектологија при Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», реализиран врз основа на дијалектниот материјал од 392 пунктови.

Во овој контекст ќе го споменеме и изданието на Лексикографскиот центар при МАНУ, «Терминологија од областа на зоологијата (инсекти — дневни пеперуги)» во кое В. Крпач, М. Крпач и Лазаревска (2008) даваат преглед на дневните пеперуги што се среќаваат на територијата на Македонија. Тие се подредени во 8 фамилии со 83 рода, за некои од нив се посочуваат некои народни имиња, а за секоја пеперуга се дадени преводни еквиваленти на: руски, англиски, француски, германски, па и на италијански, шпански, шведски и холандски. Заради распознавање, кај сите видови пеперуги се приложени фотографии.

Изданието «Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик» од акад. Видоески (1999) претставува придонес кон македонската дијалектна лексикологија и лексикографија, како речник на 2 250 географските термини со сите податоци како што се: родот, значењето, дијалектните форми и нивната точна локација (дистрибуција), а на крајот се дадени и топонимите во коишто се среќава терминот. Во некои заглавни статии се дадени споредби со други словенски и балкански јазици, етимолошки толкувања. Од аспект на содржината, во делото се опфатени, најчесто, хидронимските и оронимските термини, поретко ботаничките, оние од областа на земјоделството итн., но исто така и низа исчезнати термини зачувани во македонскиот топонимски материјал.

Материјалната култура се пројавува како етнички белег, а најсигурниот летопис на материјалната култура е терминологијата. Во обемото издание «Лексиката на материјалната култура во македонските црковнословенски текстови» од Макаријоска (2003) во рамките на секое тематско подрачје се дава коментар за одредениот сегмент на материјалната култура (архитектура, покуќнина, стопанство, облека, храна итн.) во одредени историски и социокултурни услови, но лексиколошка обработка на историскиот материјал се поврзува со современата состојба во стандардниот македонски јазик, во македонските дијалекти, а се презентира и етимологијата на лексемите. Се потврдува дека поголем дел од лексемите се забележани на целата македонска етничка територија во своето основно значење, а други развиле нови значења. На пр. лексемите од областа на храната главно се во активна употреба и во современиот јазик и во поголемиот дел од македонските дијалекти, со истото конкретно значење: *храна, леб (чист, житин, житов), погача, колач, вариво, масло, маст, леќа, мед, оцет, киселина, копра, мирудија, медовина, оброк, нафора* итн., други само делумно го запазиле или се употребуваат со друго значење: *пиво, квас, пресол*.

Особен влог во истражувањето на лексиката на народната архитектура, односно народното градителство како значаен дел од традиционалното културно наследство и тоа низ призмата на традицијата во развојот на селските населби има трудот «Селската куќа во Македонија, типологија и етнологија на македон-

¹ <http://imj.ukim.edu.mk/CMS/Upload/Proekt%20digitalizacija%20na%20MDA%202020%20final.pdf>

ската селска куќа од 19 и почетокот на 20 век» од Намичев (2009). Живеалиштата се разгледуваат од аспект на структурата, функцијата и нивното значење за материјалната, социјалната и духовната култура. Првиот дел од трудот е посветен на типологијата на македонската селска куќа и ги опфаќа видовите населби и живеалишта, надворешната и внатрешната обработка на куќата, вториот дел на етнологија на македонската селска куќа и ги претставува: доживувањето на просторот во македонската традиционална култура, култот кон куќата — верувањата, обредите и магиите, етнографскиот простор и организацијата и обредните активности, тајниот градителски јазик и др., додека на крајот во Речникот се содржани термините на селската куќа, покуќнината, градителските термини, просторните елементи, верувањата околу градењето на стопанските објекти и целокупното традиционално градителство во македонските села. Начинот на градба покажува низа етнолошки карактеристики кои припаѓаат на централната и јужната балканска народна култура, но голем дел и на локалната градителска традиција на Македонците. Се посочува, на пр. и одреден фонд на основни алатки во градителството, коишто имале народни имиња, а во одделни етнички предели се прилагодувале на локалните говори: *аршина, длето, токмак, блombe, терезија, тесла, скепер, мистрија, визне, сврдле* и др.

Издание на Лексикографскиот центар на МАНУ е «Терминологијата од областа на градежништвото» од Нешкоски (2016), којашто содржи 6.628 стручни термини од сите области на градежништвото (високоградба, нискоградба, хидроградба итн.), опфаќајќи ги сите аспекти на проектирањето, градењето, производството на градежни материјали и конструкции, а исто така, даден е и определен број заеднички термини од неколку сродни области, како на пр. архитектурата и др. Секој термин има кратка стручна дефиниција, како и еквиваленти на англиски, германски, француски и руски јазик. Се изделуваат и архаични и ретки термини, на пр. *земјанка, кула, водна кула, блок, детски дом, донџон* 'утврден град, односно сидана камена конструкција која претставува дел од средновековни градежни објекти (тврдини), најчесто со форма на квадратна или кружна кула' итн.

Дијалектолошкиот труд «Дијалектните именувања на посатките во македонскиот јазик» од Давкова-Ѓоргиева (2009) е посветен на покуќнинските предмети како одраз на начинот на живот, етнокултурните процеси и традиции пренесувани од поколение на поколение. Тие се одликуваат со материјалот од кој се изработени, функцијата, формата и големината и др., еволуирале заедно со другите културни придобивки носејќи го белегот на времето и просторот со кој се поврзуваат, а називите на садовите на меѓујазичните контакти, заемањето од соседните словенски и несловенски јазици. Се посочува лексиката поврзана со внатрешното уредување на куќата: *огниште, тланик; кујна, куќа, мутвак; маса, трпеза, софра, синија; стол, скомин, карекла, санделија; долап, камара; полица, рафт; водник, мијалник, ковчег, ноќви, текме, месало*, садовите за чување: *соларник, масолник, зејтиник*, садовите коишто служат и како мерки: *чаша, шише, филџан, кофа, буре* и др. Посебно се посочуваат архаизмите: *мутвак, скемле, маштраба*,

текне, пешт, чембер, заемките од турскиот јазик: *рафт, ибрик, ѓум, срча, аван, чанак, ѓезве, тенџере, тенџија, тава, казан, аранија, сач*, од грчкиот: *потир, копана, тиган, аркома, цифун, ѓеран, бутин* и др., се укажува на богатата синонимија: *полица : рафт, стол : скемле, сандалија, стомна : бардак : каната, чаша : потир : срча, долап : серџен, миса : чанак, тиган : тава, масолник : зејтинарник, шарлаганик, аранија : аркома, обрач : чембер* и др.

Монографскиот труд «Лексичко-семантичка анализа на тематското подрачје облека и облекување во македонскиот стандарден јазик» од Стефановска-Ристеска (2008) опфаќа лексичко-семантичка анализа на називите за облеката и нејзините составни делови како и на називите поврзани со процесот на изработка на облеката, називите на обувките, покривалата за глава, називите за текстил и др., но и постапките, предметите за изработка на облеката (*игла, макара, напсток, ножици*), доработки (*раб, шев, пораб, обшивка, набор, дипла, волан*), украсни додатоци и копчиња (*гајтан, панделка, ширит, петлица*) и др. Се посветува внимание на семантичката структура на лексичките единици од аспект на влијанието на балканските јазици (грчкиот, турскиот, бугарскиот, српскиот), а не се запоставува ниту зборообразувачкиот аспект, а на крајот е даден Речник на зборовите од оваа тематска област и Индекс.

Интересно издание е «Англиско-македонскиот текстилен поимник» од Спасовска-Герасимовска, Петрушева (1996) со околу 3000 поими од текстилната технологија (предењето, боењето, ткаењето, доработката итн.), при што повеќезначните термини се поопширно објаснети и дополнети со слики и дијаграми.

На народните носии, нивната типологизација и класификација како и на нивната намена и функција им се посветени посебни поглавја од изданието «Етнологија на Македонците» (Етнологија 1996, 143–176, 177–198). Разновидноста на македонските народни носии се разгледува регионално по етнички целини со регионални белези во однос на композицијата, орнаментиката, бројните облековни делови, украси и сл. Се izdelуваат западномакедонскиот и источномакедонскиот тип носии, според основната намена и функциите условени и од географските и климатските услови се izdelуваат: планинската и полската носија, летната и зимската носија, според полот: машката и женската носија, според возраста: носија за детска возраст, носија носена во период на младоста (ергенска, моминска), во период на зрела возраст (свадебна, посвадебна и за средна возраст), носија за период на староста итн. Најразвиена структура, обредна симболика и термилошка разновидност има невестинската, венчална носија со одликувачките елементи: *свадебна кошула, превез, срамник, срамувалка, појас суница, тулупан* и др. Претставен е преглед на застапеноста на функциите (основни, второстепенни, споредни) според возраста и преглед на структурата на носијата според возраста и во случај на смрт, што според традиционалните сфаќања има важна улога во започнувањето на «вечниот живот».

Ѓорѓи Здравев (1997, 2005) во изданијата «Македонски народни носии» «Македонски народни носии (ткаеници, везови, плетила, китење и накит)» комплексно ги претставува народните носии со нивната извонредно голема разновидност

од облеку, облековни делови и украси, што варира не само од предел до предел, туку и во рамките на определена пределска целина, а се одразува и на соодветната терминологија. Поголемиот дел носии според основните типски одлики се групираат во: западномакедонски и источномакедонски тип. За поцелосен преглед се врши систематизација заснована на културно-географскиот принцип, усогласен со територијално-етнографската поделба на етнографски целини (горновардарска, дебарско-реканска, брсјачка, средновардарска, шопско-македонска, струмоместанска и јужномакедонска) со бројни пределски целини. Посебно внимание се посветува на терминологијата, на пр. на невестинската носија, на накитот: *нафти, копци, игли, ланци, ѓердани, кустеци, амајли, тепелуци, прстени, обетки, нараквици* носени во разни пригоди: свадби, слави, верски празници и други веселби.

Во изданието «Македонски народни везови» од Крстева (1975) е даден преглед на повеќе од 125 оригинални македонски везови создавани во текот на XIX и XX век, од сите краишта на Македонија, а при изборот се имаат предвид орнаментите, композициите, техниките и колоритот. Везовите се групирани по области и пределски целини, приложени се цртежи на најкарактеристичните македонските носии украсени со везови. Од термините може да ги издвоиме: *порубајка, чикме, кошаречко, земник, даркма, кесме* и др.

Во трудот «Термини од областа на македонската народна носија и орнаментика» на Новеска (1980) е даден преглед на терминологијата од областа на македонското текстилното народно творештво со околу 2000 термини, коишто главно имаат словенско потекло и честопати се исти или слични со соодветните термини кај другите јужнословенски народи, но има и термини преземени од несловенските јазици (турскиот, грчкиот, албанскиот). Покрај дефиницијата, за термините е даден и податок за локацијата на којашто се среќаваат. Се среќава изобилство на различни термини: *чембер, фотуз, тротци, прчалка* и други кои на овој начин ќе се зачуваат од заборавот.

Дијалектолошкиот труд «Именување на роднинските односи во македонските дијалекти од словенски и балканистички аспект» од Стоевска-Денчова (2009) е посветен на дијалектните именувања на роднинските односи, во споредба со балканските и со другите словенски јазици. Со реферативните термини за сродство, се изразува степенот на роднинската блискост, со вокативните (за обраќање) се определуваат нормите на однесување меѓу сродниците, моралната и социјалната дистанца во однос на возраста и степенот на сродство. Термините се разгледуваат од лингвогеографски, етимолошки, од аспект на јазичните контакти (со турскиот, грчкиот и албанскиот јазик) и од семантички аспект. Се разгледуваат крвни сродници по нагорна линија: *мајка, татко, родител, дедо, баба, прадедо, прабаба*, по надолна линија: *дете, чедо, син, ќерка, внук, внука, правнук, правнука*, по странична линија: *брат, сестра, братанец, внук од брат, братаница, внука од брат, сестричник, внук од сестра, сестричница, внука од сестра, братучед, братучетка, стрико, стрина, тетка, тетин, вујко, вујна*, се разгледува сродството по брак или сватовско сродство: *маж, сопруг, свекор, свекрва, снаа, невеста, девер, јатрва, золва, жена, сопруга, тест, дедо, теишта, баба, зет, свеска, балдза, бацанак, шура, шурнеа*,

макеа, очув, пасторок, паштерка, полубрат, полусестра, сват, свака, вештачкото, односно духовно сродство: кум, кума, кумашин, кумашинка, побратим, посестрима. На крајот има и Речник.

Придонес во оваа област дава и монографскиот труд «Систем на сродство кај Македонците» од Петреска (2005), во кој освен системот на сродство, се разгледува и терминологијата на сродство кај Македонците како показател на општествено-историскиот контекст во кој постои и како показател на социјалната структура на општеството, а и со оглед на важноста од познавањето на сродничката терминологија за поправилно и поцелосно согледување на останатите одлики на сродничкиот систем или основните принципи на сродничкиот систем.

Во дијалектолошкиот труд «Анатомската лексика за човекот во македонските говори» од Дрвошанов (2005) се разгледуваат анатомските термини со конкретните значења во македонските говори, бројните називи кои се должат на меѓудијалектни, односно меѓујазични контакти, а во прилог има и Речник и дијалектолошки карти. Во народната терминологија постои разнозначност во именувањето што е условено од повеќе фактори, но и од надворешната сличност со предмети и поими од други области, од функционалната сличност и др. па за јавуваат многу различни називи изведени од посебни основи, на пр. за ‘зеница’: *црнка, човече, глетка, видело, дамка, бебе, дете, зрно, панада, мунзура, оче, џамче, лулче*. Анатомската лексика има главно словенски карактер, но присутно е и влијанието од турскиот: *бут, далак, јумрук, капак, табан, цигер, чевре, шкембе*, од грчкиот јазик: *кокал, мустаќ, стомак* итн. Некои лексеми зафаќаат големи дијалектни подрачја, други имаат поограничена распространетост, а оние од туѓо потекло обично се јавуваат во помали, островски ареали.

Трудот «Лексиката од областа на историјата на медицината» од Макаријоска (2011) покрај со историската медицинска терминологија, изобилува и со податоци од македонскиот фолклор, култура, етнологија и сл. Се истакнува поврзаноста на терминологијата со народните сфаќања за човечкото тело, за болестите и нивните причинители, за лекувањето и исходот од него. Прегледот на називите за болести ги опфаќа телесните и душевните болести, па физичките, телесните недостатоци, проблемите со говорот, слухот и видот, во споредба со називите во современиот македонски јазик и дијалектите, а се посочуваат и бројните синонимни дијалектни називи, на пр., за епилепсија: *падавица, паданица, падалица, падаќа болест, припат, припадница, припадавица, припадина, илетлија, илет, несвест, детинското, вонкашно, вонкашливо, прифатлија болест, паѓа/ падина/ умот му се врти/ го прифаќа, андрала, дамла, од друга работа, од онаа страна*.

Лексикографскиот труд «Речник на народната медицина на Македонците» од Караџоски (2018) овозможува да се збогати светогледот за македонската традиционална и современа народна медицина. Речникот опфаќа одредници во врска со: причини за болеста; заштита од болестите; народни називи за болести, на пр.: *бољусница, буица, брзица, полазица, вија, вртокосница, врвеш, дриск, железница* и др.; лекување на болестите; обреден простор каде што се изведуваат обредите (граница, огниште, праг, brazда, ограда, дрво, раскрсница); обредно време кога се

изведуват (на стара, нова, полна месечина, помеѓу ноќ и ден, во глуво доба, пред да пропеат првите петли, во пусто време); обредни предмети (платно, облека); обредни лица, народни лекари, *бајачи*, *баснарки*, *врачарки*, *кушачи*, *гатачи* и др.; местото и улогата на светците, на црквите и манастирите во народната медицина; верувањата во лекувачките својства на дрвјата, камењата, водите; употребата на лековитите растенија, овошја и зеленчук и нивните делови (коренот, стеблата, лисјата, плодовите, смолата, соковите); употребата на животни или нивните делови; собирачи на народни билки — *тревари* итн.

Во Институтот за старословенска култура се реализирани проектите «Македонска народна митологија» и «Речник на митови и на народната култура на Македонците», од кои произлегува и двотомното издание «Народна митологија на Македонците» (1998). Трудот «Народна демонологија на Македонците» од Вражиновски (1995) ја опфаќа народната демонологија на македонскиот народ, верувањата во демонските суштества (*самовила*, *змеј*, *ламја*), во демоните на болестите (*чума*, *смрт*) и полудемонските суштества (*вештерки*, *вампири*, *сеништа*, *нави*), односно натприродните суштества, како и магиско-религиските практики поврзани со нив. Верувањата во демонските суштества се преплетени со верувањата на словенските народи, а особено на јужнословенските, содржат бројни верувања и погледи што се пројавуваат во општествената свест и имаат влијание на човековиот живот, па затоа е значајно и нивното место и улогата во религиозниот систем, односно во магиско-религиозните активности.

Обемниот лексикографски труд «Речник на народната митологија на Македонците» под ред. на Вражиновски (2000; 2002) ги содржи основните особености на народниот светоглед и на народната религија низ вековите. Претставени се прво — религиозни верувања, митолошки ликови и претстави и магиско-религиски практики што се однесуваат на еден древен период на т. н. прасловенска или сесловенска митологија и второ — понови религиозни верувања во насока на автентична и национално-историска конкретизација. Речникот е составен од следниве тематски групи: Словенски претхристијански божества; Космос; Животни; Растенија и дрвја; Демонски суштества; Христијански светци; Култни и свети места; Обичаи од животниот циклус; Обичаи од семејниот циклус; Годишни обичаи; Историски ликови одразени во фолклорот, а на крајот има и Анекс на собирачи на фолклорни и етнографски материјали. Македонските митолошки верувања, во споредба со верувањата на другите словенски и балкански народи значително се зачувани. Етнографските прилози и теренски материјали, укажуваат на современите состојби на народниот живот во однос на претставите, верувањата, култовите и обредите кои постојат и се негуваат или се видоизменети со нови содржини во зависност од општествените, политичките, културните и природните промени. Во овој контекст ќе го споменеме и изданието «Митските слики на Јужните Словени» од Чаусидис (1994).

Интересот за етнолингвистичките истражувања во Македонија е од поново време иако во рамките на бројни дијалектолошки и етнологски трудови е засегната и лексиката од областа на материјалната и духовната култура. Секако, мошне

значајно е колективното издание «Етнологија на Македонците» (1996), монографските трудови посветени на «Македонски народни празници и обичаи» на Китевски (1997; 2013) и др.

Академското издание «Етнологија на Македонците» опфаќа поттеми кои се посветени на: дијалектите на македонскиот јазик, народното стопанство, занаетчиството, народната архитектура, старата покуќнина, народната исхрана и празничната или обредна храна, народните носии, обичаите околу раѓањето, свадбата и умирачката, македонските празнични обичаи, народната медицина, народните песни и орската традиција итн.

Во «Македонски празници» и «Македонски празници и празнични обичаи» од Китевски (2001; 2013) се застапени стотина поглавја за позначајните светители и христијански празници, подвижни (непостојани): *Велигден, Прочка, Тодорова сабота, Спасовден, Духовден* и неподвижни (постојани): *Божик, Водици, Ѓурѓовден, Митровден, Петковден, Св. Никола*, коишто припаѓаат во еден од четирите годишни циклуси: пролетен, летен, есенски и зимски циклус. Се наведуваат најважните податоци за светците (според житија, преданија и сл.), многу обичаи што се изведуваат на празничните денови, верувања и суеверија, црковно, фолклорни и етнографски податоци и називи во врска со специфичните македонски народни обичаи, симболиката на народните празнувања посебно на: *Бадник, Божик, Василица, Водици, Св. Трифун, Прочка* и др.

«Лексиката на македонската традиционална култура» од Макаријоска (2014) содржи прилози посветени на македонската семејна обредност, поточно на родилната, свадбената и посмртната, потоа на календарската обредност, како и на обредната храна, на растителниот свет поврзан со народните обичаи и верувања. Врз основа на приложениот Речник можат да се изведуваат заклучоци во однос на тоа кои народни верувања и обичаи, кои називи се заеднички за словенските и особено за јужнословенските народи. На речничкиот материјал се надоврзува «Речникот на македонската традиционална култура» од Макаријоска (2016) што опфаќа над 16 500 лексички единици (зборови и изрази) со цел да се овозможи посеопфатен увид во богатиот лексички фонд од областа на македонската култура, но и во прилог на афирмирањето на културните вредности и заштитата од заборавот на актуелните и архаичните лексички елементи на материјалната и духовната култура. Речникот е изработен врз основа на голем број трудови посветени на македонската материјална и духовна култура, коишто се темелат на богат лексички, етнографски, фолклорен материјал и укажуваат на животот, обичаите, верувањата во свеста на Македонците во минатото, како и на обредите со зачувани елементи коишто ги исполнуваат соодветните функции до денес.

Во врска со македонската календарска обредност ќе го споменеме изданието на Ковачева и Боцева (2014) «Речник на македонските народни празници, обичаи и верувања» и новото на Ковачева (2019) «Македонски народни празници, обичаи и верувања, Речник», со изобилство на верувања и обичаи, магиско-обредни дејства коишто се исползуваат во обредите и ритуалите при празнувањето на празниците. Обичаите се придружувани со разни таинствени и мистични дејства, кои народот

ги употребувал верувајќи при тоа дека од тоа ќе има некаква помош и корист, првично здравје, па среќа и благосостојба на оние кои го празнуваат празникот, на пр. заштита на здравјето на домашните, сочуввање на имотот, зголемување на родот, излекување на болниот итн. Целта на овој Речник е да даде поцелосен увид во македонските народни верувања, обичаи и празници, кои иако видоизменети, сè уште се изведуваат меѓу македонскиот народ.

Избор на теми застапен во «Речникот на македонските народни празници, обичаи и верувања» од Ковачева и Боцева (2014), којшто е поврзан со погребните обичаи и верувања на македонскиот народ, како и празниците посветени во чест на душите на покојниците е преточен во компакт-дискот под наслов «Погребните обичаи и верувања во македонската народна традиција» (Ковачева 2015).

Во трудот «Антропологија на смртта: поимање на смртта во народната култура на Македонците» од Ристески (2021) врз богат етнографски материјал се проследуваат поимите поврзани со смртта и нејзиното поимање во народната култура на Македонците. Како резултат на истражувањето на македонската традициска култура и соодветната терминологија, надоврзувајќи се на претходните трудови «Категориите простор и време во народната култура на Македонците» (2005) и особено на «Посмртниот обреден комплекс во традициската култура на Мариово» (1999) трудот нуди продлабочена, споредбена анализа на обредните активности и знаења поврзани со смртта и нивно толкување со цел посоодветно да се разберат «необичните» обредни практики коишто се пренесувале од генерација на генерација до денешни дни.

Религијата, како производ на народната духовна култура и традиција е стара колку и човештвото. Изданието «Македонската народна религија» од Вражировски (2015) е посветено на религиозната содржина на народната култура, што како сегмент од македонската национална култура, го открива првичното време на христијанизацијата на нашиот народ и живеењето со христијански дух. Се посочуваат многу верувања на старите Словени, па и на словенските народи воопшто, што се однесуваат на светот што нè опкружува, на: небото, Сонцето, ѕвездите, огнот, водата, Земјата, растенијата, животните, камењата и изворите итн. Со религиозен превез се на пр. и верувањата за облаците, бурите, громот, виножитото и други атмосферски појави. Во ова издание се расветлуваат различни аспекти и поими на: старословенското религиско наследство, старословенската религија и народната религија на Македонците, македонската народна митологија, атмосферските појави, култот кон каменот, животните и птиците, дрвјата и растенијата, народната демонологија, христијанските светци во македонската народна традиција, митските претстави за народните јунаци и сл.

Богатството и изразните можности на еден јазик се мерат и според неговата способност за изразување апстрактни идеи и поими. Во контекст на народната религија би го споменале и лексикографскиот труд «Терминологија од областа на теологијата» од Таковски (2017) што им е наменет не само на теолозите, туку и на пошироката јавност заинтересирана за богословската литература, зашто изборот на термините за клучните теолошки теми, може да послужи и како помагало при

употребата на многу термини потребни и во секојдневната комуникација, во информативни цели и сл.

Во овој контекст би го споменале и «Библскиот речник» од Златески, Николовски-Катин (1997), како толковен речник со податоци за библските книги, своевидна мала енциклопедија со информации за библските настани наменети за културниот и религиозниот свет, библски, теолошки термини со кратки објаснувања и библски цитати, илустрации кои го доближуваат чудесниот свет на Библијата како света книга и културно наследство.

Во овој прилог не се осврнуваме на тековните проекти, но очекуваме од нив да произлезат нови лексикографски изданија за различни тематски области, а се надеваме дека во иднина македонската тематска лексикологија и лексикографија ќе одговори и на нови научноистражувачки предизвици. Споредбената анализа на македонскиот лексички фонд со резултатите од лексикографската дејност во другите славистички центри, би претставувала прилог кон дооформувањето на мозаикот на словенската материјална и духовна култура одразен и во соодветната терминологија.

ЛИТЕРАТУРА

Бандиловска-Ралповска 2008: Бандиловска-Ралповска Е. Лексичко-семантичка група зборови со значење «овошје» во македонскиот јазик. Посебни изданија, кн. 52. Скопје, 2008.

Видоески 1999: Видоески Б. Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999.

Вражиновски 1995: Вражиновски Т. Народна демонологија на Македонците. Скопје; Прилеп, 1995.

Вражиновски и др. 2002: Вражиновски Т. (ред.). Зоговиќ С., Караџоски В., Јовановска С., Ристовска-Јосифовска Б. Речник на народната митологија на Македонците. Скопје; Прилеп, 2002.

Вражиновски 2015: Вражиновски Т. Македонската народна религија. Скопје, 2015.

Давкова-Ѓоргиева 2009: Давкова-Ѓоргиева С. Дијалектните именувања на посатките во македонскиот јазик. Посебни изданија, кн. 68. Скопје, 2009.

Дервенци 1990: Дервенци В. Народни имиња на лековити растенија // Билтен на Одборот за изработување на македонска терминологија. Год. XX, бр. 1. Македонска терминологија. 67. МАНУ. Скопје, 1990, 59–85.

Димитровски 1972: Димитровски Т. Прилог кон терминологијата од областа на овоштарството. Имиња на овошните видови. Македонска научна и стручна терминологија. Бр. 3. МАНУ. Скопје, 1972.

Дрвошанов 2005: Дрвошанов В. Анатомската лексика за човекот во македонските говори. Посебни изданија, кн. 46. Скопје, 2005.

Етнологија 1996: Томовски К., Паликрушева Г., Крстева А. (ур.). Етнологија на Македонците. МАНУ. Скопје, 1996.

Здравев 1997: Здравев Ѓ. Македонски народни носии I. Скопје, 1997.

Здравев 2005: Здравев Ѓ. Македонски народни носии (ткаеници, везови, плетила, китење и накит). Скопје, 2005.

Златески, Николовски-Катин 1997: Златески П., Николовски-Катин С. Библски речник. Библско здружение на Р Македонија. Скопје, 1997.

Караџоски 2018: Караџоски В. Речник на народната медицина на Македонците. Прилеп, 2018.

Китевски 1997: Китевски М. Македонски народни празници и обичаи. Скопје, 1997.

Китевски 2001: Китевски М. Македонски празници. Скопје, 2001.

Китевски 2013: Китевски М. Македонски празници и празнични обичаи. Скопје, 2013.

Киш 1996: Киш М. Дијалектната лексика од областа на растителниот свет. Посебни изданија, кн. 22. Скопје, 1996.

Ковачева, Боцева 2014: Ковачева Л., Боцева Л. Речник на македонските народни празници, обичаи и верувања. Скопје, 2014.

Ковачева 2015: Ковачева Л. Погребните обичаи и верувања во македонската народна традиција. Скопје, 2015.

Ковачева 2019: Ковачева Л. Македонски народни празници, обичаи и верувања. Речник. Скопје, 2019.

Крпач В., Крпач М., Лазаревска 2008: Крпач В., Крпач М., Лазаревска С. Терминологија од областа на зоологијата (инсекти — дневни пеперуги) // Македонска терминологија. Год. 34, бр. 113. МАНУ. Скопје, 2008, 3—91.

Крстева 1975: Крстева А. Македонски народни везови. Скопје, 1975.

Кузманоска 2019: Кузманоска А. Мал речник на називи на растенија: македонско-француски, француско-македонски / *Petit dictionnaire des noms de plantes: macédonien-français, français-macédonien*. Скопје, 2019.

Лозановски 1994: Лозановски Р. Терминологија од областа на плевелните растенија // Билтен. Год. XXIV. МАНУ. Скопје, 1994.

Лозановски 1998: Лозановски Р. Терминологија од областа на нивските, градинарските и фуражните растенија // Билтен. Год. XXVIII, МАНУ. Скопје, 1998.

Макаријоска 2003: Макаријоска Л. Лексиката на материјалната култура во македонските црковнословенски текстови. Скопје, 2003.

Макаријоска 2011: Макаријоска Л. Лексиката од областа на историјата на медицината. Посебни изданија, кн. 70. Скопје, 2011.

Макаријоска 2014: Макаријоска Л. Лексиката на македонската традиционална култура. Скопје, 2014.

Макаријоска 2016: Макаријоска Л. Речник на македонската традиционална култура. Скопје, 2016.

Матевски 2010: Матевски В. Флора на Република Македонија. Т. 2, св. 1. МАНУ. Скопје, 2010.

Матевски 2021: Матевски В. Флора на РС Македонија. Т. 2, св. 2. МАНУ. Скопје, 2021.

Мицевски, Пауновска 1984: Мицевски К., Пауновска Б. Народни имиња на растенијата од Скопско, Тетовско и Гостиварско // Македонска терминологија. Год. XIV, бр. 1. МАНУ. Скопје, 1984.

Мицевски 2005: Мицевски К. Флора на Република Македонија. Т. 1, св. 6 / Кирил Мицевски / Подг. Владо Матевски. Скопје, 2005, 1437—1715.

Мокров 1974: Мокров Б. Опис на македонската флора и фауна. Од историјата на нашата терминологија, изворен материјал од периодот од крајот на XIX и почетокот на XX век, собран од познатиот македонски учител, фолклорист и публицист Георги Трајчев забележан од Боро Мокров // Билтен на Одборот за изработување на македонската терминологија на МАНУ. Год. IV, бр. 4. Скопје, 1974.

Намичев 2009: Намичев П. Селската кука во Македонија, типологија и етнологија на македонската селска кука од 19 и почетокот на 20 век. Скопје, 2009.

Нешкоски 2016: Нешкоски Б. Терминологија од областа на градежништвото. МАНУ. Лексикографски центар. Скопје, 2016.

Новевска 1980: Новевска З. Термини од областа на македонската народна носија и орнаментика // Билтен. Год. X, бр. 4. МАНУ. Скопје, 1980

Петреска 2005: Петреска В. Систем на сродство кај Македонците. Скопје, 2005.

Ристески 1999: Ристески Јб. Посмртниот обреден комплекс во традициската култура на Мариово. Прилеп, 1999.

Ристески 2005: Ристески Љ. Категориите простор и време во народната култура на Македонците. Скопје, 2005.

Ристески 2021: Ристески Љ. Антропологија на смртта: поимање на смртта во народната култура на Македонците. Скопје, 2021.

Симјановски 2019: Симјановски В. Називите на диви животни, лазачи и инсекти во македонските дијалекти // Македонистика. 18. Скопје, 2019.

Спасовска-Герасимовска, Петрушева 1996: Спасовска-Герасимовска Б., Петрушева Е. Англиско-македонски текстилен поимник. Скопје, 1996.

Стефановска-Ристеска 2008: Стефановска-Ристеска Ф. Лексичко-семантичка анализа на тематското подрачје облека и облекување во македонскиот стандарден јазик. Посебни изданија, кн. 53. Скопје 2008.

Стоевска-Денчова 2009: Стоевска-Денчова Е. Именување на роднинските односи во македонските дијалекти од словенски и балканистички аспект. Посебни изданија, кн. 65. Скопје, 2009.

Стојкоски, Најдоски, Грабулоски 1993: Стојкоски С., Најдоски Ј., Грабулоски Т. Тутунски терминолошки лексикон. Прилеп, 1993.

Таковски 2017: Таковски Ј. Терминологија од областа на теологијата (македонски, руски, англиски, француски, германски, грчки, црковнословенски, латински). МАНУ. Скопје, 2017.

Чаусидис 1994: Чаусидис Н. Митските слики на Јужните Словени. Скопје, 1994.

ИДЕОГРАФСКИЯТ ПРИНЦИП В ЛЕКСИКОГРАФСКАТА ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ДИАЛЕКТНАТА ЛЕКСИКА

Василка РАДЕВА

Софийски университет «Св. Климент Охридски»

(София, България)

<https://orcid.org/0000-0002-4153-9999>

v.radeva@ranguelov.net

Прилагането на идеографския принцип е представено въз основа на издадените два тома на «Идеографски диалектен речник на българския език», чиято цел е да се покаже от друг аспект българското словно богатство в неговото диалектно многообразие. Разгледана е структурата на речниковите статии, в които диалектните лексикални единици са включени според семантично съответстващите им книжовни названия. Обединени от общата си понятийна отнесеност, те разкриват връзки и отношения, съществени за лексикалната система на диалектите.

Ключови думи: ареална лингвистика, идеографски принцип, метаформа, номинационен мотив, речникова статия, хетеронимия

ИДЕОГРАФСКИЙ ПРИНЦИП В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Василка РАДЕВА

Софийский университет «Св. Климент Охридски»

(София, Болгария)

На основе вышедших из печати двух томов «Идеографического диалектного словаря болгарского языка» в работе показано применение идеографического принципа, целью которого является представление с данной точки зрения болгарского лексического богатства в его диалектном многообразии. Рассмотрена структура словарных статей, в которых диалектные лексические единицы включены в систему семантически соответствующих им лексем литературного языка. Они объединены своей общей понятийной основой и раскрывают связи и отношения, существенные для лексической системы диалектов.

Ключевые слова: ареальная лингвистика, идеографический принцип, метаформа, номинационный мотив, словарная статья, гетеронимия

THE IDEOGRAPHIC PRINCIPLE IN THE LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF DIALECT VOCABULARY

Vasilka RADEVA

(Sofia, Bulgaria)

The application of the ideographic principle is demonstrated on the basis of two published volumes of *An Ideographic Dialectal Dictionary of the Bulgarian Language*. It aims at representing, from another aspect, the Bulgarian lexical wealth in its dialectal variety. An analysis

is offered of the structure of the dictionary entries, in which the dialectal lexical units are included in relation to the literary lexemes corresponding to them semantically. United by their common conceptual reference, they reveal connections and relationships which are central to the lexical system of the dialects.

Keywords: areal linguistics, ideographic principle, metaform, nomination motive, dictionary entry, heteronymy

1. Идеята за идеографски диалектен речник на българския език възниква към средата на миналия век, когато българските говори са обект на сериозно проучване. Организирана е широка изследователска дейност, свързана със събиране на материали за «Българския диалектен атлас». Същевременно в Института за български език на БАН и в Катедрата по български език във Филологическия факултет на Софийския университет се събира и картотекира лексикален материал от българските диалекти, тъй като се предвижда издаването на диалектни речници. През този период между Института за български език и Филологическия факултет съществува тясно сътрудничество, като най-изявените университетски професори ръководят секции в Института. Сред тях със солидната си подготовка и неизчерпаема енергия се откроява проф. Стойко Стойков, който не само е декан на Филологическия факултет (1962–1964), но и дългогодишен ръководител на Секцията по българска диалектология в Института (Динеков, Младенов 1993: 175). В Катедрата по български език чете лекции по фонетика, лексикология и българска диалектология. Името му остава завинаги свързано с изработването на «Българския диалектен атлас» (БДА), чийто първи том е издаден през 1964 г., както и с организирането и подготовката на Общославянския лингвистичен атлас.

Към средата на миналия век в Катедрата по български език вече се работи за създаване на картотека въз основа на събраната диалектна лексика, като Ст. Стойков привлича студенти в кръжок по диалектология и организира работна група, която под негово ръководство ексцерпира диалектни думи от публикувани изследвания. С подготовения от него «Кратък осведомителен въпросник за проучване на българските говори» (1954) събират диалектни думи не само студенти, но и учители, както и други образовани лица. Обикновено материалите са от родния диалект, чиито особености се определят чрез сравняване с книжовния език. През 1971 г. Ст. Стойков издава «Упътване за проучване лексиката на местен говор» в съавторство с Максим Сл. Младенов. Лексикалните материали, картотекирани в Института за български език и в Катедрата по български език не се дублират, тъй като събирането им е насочено към различни източници. Например в Катедрата по български език не се ексцерпират примери от народното творчество, а вниманието е насочено главно към дипломните и курсовите работи на студентите. В Катедрата по български език са запазени около 250 дипломни работи по диалектология, ръководени от Ст. Стойков и по-късно от Тодор Бояджиев. Възлагани и подготвени са дипломни работи и в Катедрата по общо езикознание, материалите от които също са включени в картотеката за диалектен речник. Много интересни данни са извлечени от запазените в ръкопис дипломни работи, ръководени от

проф. Стоян Романски. Диалектната лексика, представена в дипломните работи, е събирана лично от носителите на съответните говори. Обмисля се идеята за изготвяне на *пълни* диалектни речници, тъй като голяма част от съществуващите диференцирано представят *редки* и *особени* диалектни думи.

Като лексиколог и лексикограф, съавтор на тритомния «Речник на съвременния български книжовен език» (1955–1959) и на изданието през 1955 г. еднотомен «Български тълковен речник», Ст. Стойков организира и ръководи събирането и картотекирането на диалектни думи в двете езиковедски звена с убеждението, че не е целесъобразно да се подготвят два *тълковни* речника на българските говори. Необходимо е двата лексикографски справочника да представят диалектната лексика чрез различен научен подход, за да се разкрие нейният системен характер и да се експлицира отношението ѝ към книжовния български език. При това трябва да се вземе под внимание характерът на диалектната дума, изяснен не само с оглед на близостта и различаването ѝ от книжовните лексикални единици, но и въз основа на географското ѝ разпределение. По това време вече е издаден първият том на «*Българския диалектен атлас*» (БДА. Т. I. Югоизточна България, 1964), под прякото ръководство на Ст. Стойков. В процеса на събиране и подреждане на диалектната лексика са поражда и доразвива идеята да бъде представено систематизирано словното богатство на българските диалекти в отношението им към книжовния език. Стремешт е да се обхване цялата българска езикова територия, като се включат данни и от диалектите на българската диаспора.

2. Още при картотекирането на диалектната лексика се осмисля намерението да се изработи оригинален диалектен речник, изграден върху *идеографския принцип*, чието прилагане вече е обект на изясняване и уточняване в славянската лексикология и лексикография. Изследването на диалектната лексика като система насочва вниманието не само към семантиката на диалектната дума в сравнение с книжовната, но и към връзките и отношенията, чрез които се обособяват, диференцират или обединяват диалектните названия, т. е. търси се системността в диалектната лексика. В публикувания през 1969 г. Проект за «Идеографски речник на българския език» (Стойков, Младенов 1969) вече е отразена осмислената концепция въз основа на събрания и картотекиран материал, на който се опира Ст. Стойков в съавторатво с Максим Сл. Младенов. Подчинен на целта да разкрие прегледно и систематизирано диалектния ладшафт в областта на лексиката, замисленият «Идеографски диалектен речник на българския език» (ИДРБЕ) по своята концепция и структура се различава съществено от диалектните диференциални речници, които включват и тълкуват диалектни думи, неприсъщи по звучене и значение на книжовната лексика. Събраният и картотекиран материал още преди публикуване на *Проекта* дава възможност не само да се изготвят пробни речникови статии, но и да се определят целта и структурата на ИДРБЕ. Голямото разнообразие на диалектната лексика и възможността за обособеното ѝ представяне с оглед на семантичната отнесеност към книжовните лексикални единици утвърждават целесъобразността от прилагането на идеографския принцип (Радева 2016: 64–66).

Идеята за ИДРБЕ се заражда около 60-те години на миналия XX в., когато в езиковедската наука вече е известен и се прилага ономасиологичният подход, според който съдържателната страна на думите се изследва от гледна точка на понятийната им отнесеност. Разпространението на думите с техните значения и вътрешносистемни връзки се изяснява чрез съотнесеността им с извънезиковите факти и реалии. Ономасиологичният подход се допълва от семасиологичния, като прилагането им се опира на разграничаването на денотацията и сигнификацията.

Разнообразието и съчетаването на различни подходи към лексикографското интерпретиране на думата илюстрират постиженията на лингвистиката, вкл. на лексикологията, както и възможността за тяхното приложение. Възникването на ономасиологичния подход, който има голямо значение не само при изследване процесите на номинацията, но и на деривацията, се свързва с изследване на романските названия на частите на тялото (Zauner 1902). Той представлява теоретична основа и на идеографския принцип, при който изходно е понятието (идеята), а средствата за неговото езиково изразяване са предмет на изследване.

Мястото на ономасиологията при прилагане на идеографския принцип за изучаване на системността в лексиката, както и в лексикографската практика, има своя специфика, свидетелство за която са съществуващите лексикографски справочници, определяни като идеографски. Интересна е констатацията на Байи, на която обръща внимание Ю.Н. Караулов: «Ако се допусне, че по-частните понятия може да се включат в по-общи по характер понятия, а те на свой ред в още по-общи..., то следва също да се признае, макар и теоретично, че така може да се построи класификация на речевите факти... Речниците, използващи този принцип на класификация (частично или напълно), се наричат *идеологически речници*» (Байи 1961: 151)¹.

Идеята за оригинален диалектен речник, в които обединените по своята семантика диалектни думи всъщност се обособяват чрез своята понятийна съотнесеност, се родее с научно обосновавания и приложен от Фр. Дорнзайф ономасиологичен принцип във връзка с лексиколожките изследвания и с изучаване на номинационната функция на думата. В предговора към първото издание на труда «Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen» (1933) Фр. Дорнзайф обръща внимание, че ще излиза не от отделните думи с техните значения, а от вещите (Sachen), от понятията, и за тях ще се търсят възможностите за означаване, за словесно покритие на мислите (Dornseiff 1970: 5). Изследването е изградено върху един «регистър на света на вещите и връзките», въз основа на който са подредени думите с еднакво или близко значение. При използване на речника авторът трябва да се ориентира по съответния понятийен кръг, тъй като думите са представени според понятийната им отнесеност. Авторът обръща внимание, че «безопасно» може да използва речника само този, който владее немски език, а за значението на думите трябва да се прави справка в «познатите речници, в които думите са подредени по азбучен

¹ Цит. от (Караулов 1976: 20).

ред». Така се подчертава връзката между тълковните и идеографските речници, резултат на различен подход при лексикографската интерпретация на лексикалните единици, като се обосновава необходимостта от «понятийното обособяване» чрез прилагане на идеографския принцип и «азбучното подреждане» на думите с оглед на използването на речниците.

Идеографският принцип имплицитно отразява връзката между лексиколожките и лексикографските изследвания. Отнесеността на обособените думи към понятието, за чиято номинация съществува книжовно название, има отношение и към т. нар. *семантично поле*, но се различава от него. В речниците от идеографски тип се отразява идеята за «полевата структура» на лексико-семантичната система, т. е. лексиката се разглежда като структурирана система, като цялостен, но динамичен континуум. Отношението на идеографския принцип към теорията за *семантичното поле* предполага избор и обособяване на полета, в чиито обсеги се разкриват семантичните отношения и връзки на включената лексика. Определянето на семантичните полета, които изграждат структурата на речника, допуска известна вариативност и произволност. Например в изследването на Р. Халиг и В. фон Вартбург са обособени три основни раздела — ‘вселена’, ‘човек’ и ‘човек и вселена’ (Hallig, Wartburg 1963), а Ю.Н. Караулов взема под внимание същото изследване, но в раздела ‘Вселена’ определя семантични полета ‘небе и небесни тела’, ‘земя’, ‘растителен свят’ и ‘животински свят’ (Караулов 1976: 36).

Прилагането на идеографския принцип при изучаване на системността в лексиката и в лексикографската практика има своя специфика, свидетелство за която са тематично обособените лексикографски справочници — асоциативни, философски и др. Интерес представлява изданието през 1984 г. «Комплексен учебен речник» с приложения идеографски принцип, подчинен на целта да се представи «лексикалното ядро на руския литературен език, систематизирано чрез разкриване на системните връзки на всяка лексико-семантична единица, която принадлежи към това ядро» (Морковкин 1984).

Като съществена особеност на тези речници Ю.Н. Караулов специално подчертава, че «сам идеографският принцип в славянската лексикография не се явява самоцел, а се използва в качеството на спомагателен прием за разрешаване на други задачи — диалектоложки, исторически и др.» (Караулов 1976: 9). При това като пример посочва разглеждания ИДРБЕ, като се позовава на *Проекта*, публикуван през 1969 г. (Стойков, Младенов 1969).

3. В концепцията за ИДРБЕ са отразени постиженията в областта на лексикологията и лексикографията около средата на миналия XX век, вкл. същността на идеографския принцип и неговото приложение. Изработените пробни статии, включени в публикувания *Проект* (ИДРБЕ 2012: 7–14), показват голямото разнообразие в областта на диалектната лексика, чието понятийно обособяване подкрепя целесъобразността на приложения идеографски принцип. Приемането на ономазиологичния подход позволява да се използва кратка тълкувателна дефиниция на книжовните названия за изградените понятия, която обединява употребяваните диалектни названия.

Идеята е да бъде представено в систематизиран вид лексикалното богатство на българските говори в неговото отношение към книжовната лексикална система. На тази идея е подчинена «двустранната ориентация» при интерпретиране на лексикалните единици: идеографският принцип изисква съобразяване с понятийната отнесеност на думите, а словникът разкрива отношението *диалектно/книжовно*. Съобразен със своя обект на изследване, ИДРБЕ взема под внимание характера на диалектната дума, която се характеризира с ограничен ареал на разпространение. Това определя както характера на словника му, така и структурата на речниковите статии. В тълкувателната дефиниция на книжовните думи (метаформи), оформили словника, е експлицирано значението, което обединява включените диалектни названия. Азбучният ред на заглавните думи, както и на включените в речниковата статия хетероними, прави речника удобен за използване.

В спецификата на приложения идеографски принцип при лексикографската интерпретация на диалектната лексика се отразява същността на диалектната дума, определена според лингвистични критерии. Взема се под внимание мястото ѝ в системата на езика, като се разграничават функциите и разпространението на думата и на нейния денотат (реалия, предмет), т. е. прави се разлика между «думи» и «вещи».

3.1. За да се представи диалектната лексика чрез понятийната отнесеност на отделните думи, те се обединяват от книжовните названия на съответните понятия. Подредени по азбучен ред, който според лексикографската традиция осигурява възможност за удобно използване на речника, книжовните названия са използвани като *метаформи*, които изграждат *словника* на речника. Преди пристъпване към речниковите статии, включени в първия том, бе необходимо да се изработи *цялостният словник*, който включва книжовните лексикални единици, за които се употребяват семантично съответстващи диалектни названия. Тяхното уточняване и включване в словника като заглавни думи предполагат осведоменост за употребата и разпространението на диалектната лексика и изискват наличие на цялостна *картотека*, в която диалектните названия са подредени не по азбучен ред, а според понятийната им отнесеност към съответните заглавни думи, т. е. според лексикалното им значение. Това дава възможност за обединяване на хетеронимите, чиято семантика ги отнася към една книжовна дума, и за включване на полисемантичните думи в повече речникови статии с оглед на отделните им значения.

Тъй като целта на Речника е да представи цялото лексикално многообразие на българските диалекти, започналото преди повече от половин век събиране, допълване и картотекиране на нови материали продължава чрез включването на лексика от по-нови диалектоложки изследвания.

Чрез словника са изведени изградените понятия за предмети, признаци и отношения, за които има създадени книжовни названия. Около тях са систематизирани и представени в азбучен ред всички регистрирани диалектни названия и техните варианти с посочване на териториалното им разпределение. Това дава възможност за изграждане на цялостна картина на словното богатство на българския език, както и за номинационните мотиви, избрани при създаване на диалектните названия.

3.2. В изграждането на *речниковата статия* се съчитават методите на диалектната лексикография и лингвистичната география. Определянето на словника чрез включване на книжовните названия за изградените понятия, чиито диалектни съответствия оформят речниковите статии, отразява не само отношението между диалектите и книжовния език. То се опира на схващането за същността на диалектната лексика, която не изгражда цялостната лексикална система на отделните говори, а функционира чрез отношението си с книжовната. Лексикалната система на всеки диалект представлява единство между диалектни и книжовни думи, между които съществуват сложни връзки и отношения. В основата си тези връзки са обусловени от отношението към предметите и явленията, отразени в езика чрез изградените понятия и създадените за тях наименования. Чрез оформянето на речниковите статии въз основа на словника, изграден от съответните книжовни названия, имплицитно се разкрива същността на диалектната дума. Основен критерий при нейното характеризиране е *лингвистичният*, който взема под внимание нейната номинационна функция и мястото ѝ в лексикалната система на езика. Като единица на определен диалект, тя се отличава с ограничено географско разпространение и не принадлежи към книжовната лексика, което се отразява на нейната употреба и стилистична маркираност.

След всяка дума е посочено географското ѝ разпределение, конкретизирано чрез отбелязване имената на отделните селища, когато са едно или две, на околиците, когато селищата са повече, или според по-обобщени ареали².

Отбелязва се географското разпространение и на заглавната дума (метаформа), както и на нейните варианти. По този начин се разкрива съществена особеност в съотношението между географското разпространение и противопоставянето *книжовно/диалектно* при отделните лексикални единици. Първо, при изграждане на книжовния език в лексикалната му система не се включват всички думи, чийто ареал на разпространение заема цялата езикова територия. Второ, не всички лексикални единици, приети в книжовния език, са разпространени по цялата езикова територия.

Когато приетата в книжовния език дума е позната на носителите на даден диалект, но нейната употреба е ограничена от друго широко разпространено наддиалектно название, съжителството между тях създава стилистично диференцирани синонимни отношения, срв. *з'ахар* и *шек'ер*, *зн'аме* и *байр'ак*, *з'еле* и *л'ахна*. Две названия със съвпадащи или пресичащи се ареали също изграждат отношение на синонимия: *лав'ица* и *пол'ица*, *л'екар* и *д'октор*, *лук* и *кром'ид*, *магдан'оз* и *меруд'ия* и др.

3.3. *Структурата* на речниковите статии, подчинена на целта на ИДРБЕ, е съобразена с характера на диалектите, които се отличават с особености на лекси-

² В определянето на географската характеристика съществува известна непоследователност при посочване принадлежността на едно и също селище към дадена околия или промяната на името му поради непрекъснатите промени в административното деление: смяна на съществуващи и/или връщане на предишни имена, обявяване на села за градове, вкл. околийски, включване на едно село в различни околии и пр. Посочването на селището обаче е съобразено с названието, означено във времето на събиране и записване на диалектния материал.

калната си система, а определянето на диалектните думи се основава на принципа на *диференциацията*. Като се сравняват с книжовната лексика, всички употребявани в диалектите названия, които се характеризират с различаваща се от книжовния език форма и/или значение, се определят като диалектни (Радева 2015). Обединени от понятийната си отнесеност, те изграждат ядрото на речниковата статия, а между тях се оформя отношение на хетеронимия. В ИДРБЕ те са подредени по азбучен ред, като след всяка от тях са включени еднавокоренните им фонетични, морфологични и словообразователни варианти, също подредени по азбучен ред. Например речниковата статия за ‘варено тесто от царевично брашно’ е оформена с метаформа *качамак* и фонетичен вариант *качем’ак*. Следват диалектните названия *бак’ърданик*; *богод’арник*; *бръкад’ан*, *бръкад’анец*, *бъркад’анец*, *б’ърканик*; *б’учки*; *варен’ик*; *вл’ашеник*, *вл’ашник*; *д’ивек*, *д’ивеник*; *мал’ай*, *мал’айник*; *мамал’ига*, *мамал’юга*; *мачк’ак*; *мис’иреник*, *мис’ирница*; *мор’узник*, *мор’узница*; *поп’арник*; *просен’ик*, *пр’осник*; *прос’укник* и др. Обединяването им в обща речникова статия позволява да се разкрие изборът на мотивационен мотив при производните хетероними, който в случая показва връзка с ‘названието на царицата’: *вл’ашник*, *мис’иреник*, *мор’узник*, *просен’ик* или с ‘начина на приготвяне’: *бъркад’ан*, *б’ърканик*, *варен’ик*, *мачк’ак*, *поп’арник*.

Когато книжовното название, прието като метаформа, означава реалия (предмет), за чиято номинация се употребяват повече хетероними с различен ареал на разпространение, те се включват в речниковата статия заедно със своите варианти. Например речниковата статия с метаформа *картоф* включва множество диалектни думи с фонетични варианти и различно географско разпределение: *бараб’ой*, *барамб’ой*, *барб’ой*, *бръмб’ой*, *бранб’ой*, *бръмб’оль*, *барб’ойка*; *б’об*; *гулия*; *див’ак*, *див’акъ*; *к’алчуво*; *к’амбус*; *к’омба*, *к’омбал*, *к’омбаръ*; *к’омпар*, *к’омпир*, *комп’ир*, *к’омпил*, *кр’омпил*; *к’остень*, *к’остян*; *мадж’арка*; *мадж’ун*; *м’анджа*; *п’ата*, *пат’ак*, *пат’ат*, *пат’ата*, *пат’е*, *пат’еро*, *п’атец*; *р’умпа*; *шънг’ал* и др.

В диалектите се употребяват обаче и широко разпространени думи за означаване на предмети, признаци и отношения, съществени за материалния и духовния живот на носителите на съответния диалект, за които липсват книжовни названия. Когато означават *видови понятия*, които може да се обединят към по-общо родово понятие с название в книжовния език, те се включват в неговата речниковата статия (Radewa 2015). В речниковата статия за номинация на ‘сечиво с широка плоскост и дълга дръжка, с което се копае, рине и загребва’, изразена с книжовна дума *лопата*, са обхванати видовите названия на подобни сечива, обособени според вида и предназначението им:

- Крива лопата, с която се рине и загребва: *греб’ачка*; *изрив’ачка*; *кир’ек*, *кърор’ек*, *кюр’ек*, *кюр’ък*, *кюр’як*, *кюр’еч*; *линт’ир*; *лопат’ар*; *рин’ачка*, *рин’ец*; *хвърг’ачка*, *хвърл’яч* и др.
- Права лопата, с която се копае и обръща почвата преди засаждането: *азм’ак*; *аш*, *аш’ов*, *ош’ов*; *бел*, *б’елавица*, *б’елкерек*; *варл’ец*, *фърл’ец*; *казм’а*; *коп’ач*, *коп’ачка*; *лезг’ар*, *люзг’ар*; *обръщ’ач*, *обърн’ачка*, *обърт’ач*; *р’алец*; *реголв’ачка*; *стреш’очка*.

В същата речникова статия са обхванати и други видови названия със значение ‘голяма лопата от дъски’, ‘лопата за събиране на смет’, ‘малка лопатка за чистене на копраля’ и др. Богати на видови названия са значенията, изразени в речниковите статии на *забр’адка*, *звън’ец*, ‘извор, кот’ел, кош’ара, кр’уша, к’ърпа и др.

Диалектните названия без съответствия в книжовния език, които означават *части* на предмет, съоръжение и пр., се включват в речниковата статия към лексемата за номинация на съответния предмет (реалия). Например към названието *коса* за номинация на ‘земерелско сечиво с дълга дръжка за рязане на трева’ са включени думите, които назовават отделните ѝ части: ‘дългата дървена дръжка’ — *дръг*, *дръжка*, *дръж’але*, *дръж’але*, *дръж’алка*; *кос’ало*, *кос’ило*, *кос’ичник* и др.; ‘малка дръжка, закрепена за косилото, която се хваща с дясната ръка’ — *здр’ошка*, *дръж’алка*; *зак’овка*; *п’алец*, *п’алъц*, *п’алче*, *папар’ец*, *п’арог*, *рог*; *р’ачка*, *р’чка*, *рънч’улка*; *ф’атка* и др., ‘желязна режеща част на косата’ — *кос’а*, *кос’ило*, *кос’илка*; *рез*; *тирп’ан* и др.; ‘халка, чрез която се закрепва режещата част към дългата дръжка на косата’ — *гр’ивна*, *гр’имня*; *кюст’ек*, *кюст’ек*; *алк’ъ*, *халк’а* и др., ‘дървен клин, вмъкнат в халката на косата’ — *заб’ойник*, *загл’авка*, *загл’авок*; *клин*, *закл’инка* и др. Отделни названия на части при важни за носителите на диалекта съоръжения, инструменти, оръдия на труда и пр. са влючени в речниковите статии с метаформа *каруца*, *кладенец*, *кола* и др.

Специално внимание е отделено на номинационните (терминологични) диалектизми, за които в книжовния език отсъстват номинационни единици за същото понятие. При лексикографската им интерпретация не може да се изведе метаформа въз основа на книжовна дума, около която да се изгради речникова статия. Като изразяват имплицитно отношението *диалектно/книжовно* чрез релацията *наличие/отсъствие*, те до голяма степен оформят спецификата на диалектната лексика, тъй като се отличават с особености във формата и съдържанието си. Номинационните диалектизми, които нямат съответстващи книжовни названия, но са разпространени в повече диалекти, се оформят в самостоятелна речникова статия, а значението им се тълкува описателно, напр.: *зайр’е* ‘овършана зърнена храна, предвидена за храна на добитъка’, *кръг* ‘закръглена широка дъска с дръжка за месене на хляб и за мятането му в пещ или фурна’, *маг’ан* ‘уред за отделяне семето на памук’, *мел’ица* ‘дървено приспособление (уред) за отделяне на влакната на коноп или лен’, *мер’а* ‘свободна общинска земя извън населено място’ и др. Като заглавна дума се приема по-разпространеното название, за което има хетероними и в други говори. Те разкриват лексикалното богатство на българските говори, в което е отразена сложната връзка между извънезиковата реалност и отразяването ѝ в езика. Чрез семантиката на номинационните диалектизми се експлицират интересни особености, характерни за носителите на даден диалект.

В самостоятелни речникови статии се обособяват и лексикалните диалектизми, които обикновено се определят като *разговорни* или *народни*, тъй като означават реалии, свързани с традиционния бит, култура, стопанска дейност и пр. Например названието *минд’ер* за ‘тясно дървено легло, което служи и за сядане’ е прието за метаформа, в чиято речникова статия са включени диалектизмите *миндерл’ик*;

менс'оф, менс'офа; отур'ак; п'ейка; под; сед'ер, сед'ир, сед'я; с'офа, сув'а; ченеш'ин; ян, 'янче и др., въпреки че е оформена и речникова статия с метаформа *легло* със значение 'мебел, предназначена за спане'.

В отделни случаи са оформени речникови статии, организирани около отглаголни съществителни със суфикс *-не*, когато включват диалектни думи, чиято словобразователна структура не е характерна за книжовния език, но мотивационно обикновено ги свързва с употребявани глаголи, напр. *изпрат, изпраток, изпратник; провада, провог'як, провод'як* със значение 'изпращане', също и *гир'ез; кашм'ер; кепезл'ик; пр'ича; рез'ил, резил'ик, резил'ък* и др. със значение 'изпадане в неудобно положение'.

Речникови статии са оформени и около страдателни причастия като *изнежен, износен, изпуснат, изморен, изплашен, изцапан* и др., чиято семантика се възприема като качествена характеристика, но е мотивирана от основното значение на произвеждащ глагол. В тях са обхванати признакови думи, несвързани семантично с употребяван глагол, напр. *м'орен, умор'ен; гр'анул; измош'ен; катал'ясал; кл'екав; л'емав; пупил'есан; постап'ат; тр'ошен, утр'ошен* и др. със значение 'изморен', а също и *изд'гавен, изолу'зен, изтрв'ан, разг'айден* със значение 'невъзпитан'.

4.1. Обособените в една речникова статия названия, свързани с едно понятие, дават възможност да се открие мястото на приетите в книжовния език и запазени в някои диалекти думи с *общославянски* характер, на които в диалектите съответстват хетероними с широко разпространение и голяма вариативност. Наред с названието *колело*, прието в книжовния език и в други славянски езици главно с формата *коло* (*kolo*), стблг. *коло*, *колесе* (с разширена ес-основа), с голям ареал на разпространение е названието *търкало*. Семантичната връзка с глагола *търкалям* прави лесно възприемана вътрешната му форма, а изговорът на съчетанието *-търт/-трът-* създава множество фонетични варианти: *тр'кало, тр'кал'о; тркал'о; търкал'о, тр'к'ало; търкол'о; таркал'о, тарк'ало; тракал'е; тракул'ак; теркел'ек, тракал'ек, търкал'ек; тр'кал'аш* и др. Общославянски названия, приети или неприети в книжовния език, са запазени в българските диалекти, като оформят редувания с други широко разпространени названия, с които разпределят или пресичат своите ареали: *аз* и *я, он* и *той, ног'а* и *крак, възгл'авница* и *пад'ушка, гръст* и *кон'оп, об'ор* и *хлев* и др. (Радева 2013: 124–132). Те функционират като синоними или хетероними, израз на противопоставянето *книжовно/диалектно*. Например широко разпространеното название *къща*, прието в книжовния език, в своето предпочитане и употреба е ограничено от съществителното *ижа*, чийто ареал заема северозападните и пограничните западни говори. Названието *къща* обаче с различни фонетични варианти като *к'ашчи, к'аше, к'еши, к'еши, вк'ашчи, к'ъши, ук'ашчи* и др., със значение 'кухня' заема западните говори, говорите около ятовата граница, като се среща и в ареала на *ижа*. Разпространението и употребата в диалектите на общославянска лексика, разкрити чрез структурата на речниковите статии, са важно доказателство за сложните процеси на взаимовлияние, на взаимопроникване между генетично родствени и неродствени езици под влияние на общност в бита и културата на техните носители. Това дава възможност да се потвърди антиномната тенденция, израз на

«отношението между общественно-историческите условия на възникването и развоя на езиките, от една страна, и техните системни вътрешноструктурни закономерности, от друга страна» (Леков 1978: 17). Запазването и употребата на общославянска лексика в диалектите, където утвърждаването и разпространението ѝ не се регулират от специално санкциониране, вкл. езикова политика, са доказателство за нейната стабилност и устойчивост (Радева 2013: 132).

Като се развиват по свои вътрешни закони, диалектите отразяват съществени за живота на своите носители промени и особености чрез съхраняване и употреба на названия, неприсъщи на книжовния език. Словното им богатство включва лексикални пластове, израз на необходимостта от номинация на реалии, дейности и отношения, съществени за техните носители. Интересни връзки и взаимоотношения разкриват диалектните названия за означаване на ‘помещение или оградено място за овце’. Наред с общобългарската лексема *кошара*, разпространена в цялата територия на българския език, се употребяват редица специализирани названия, сред които определен ареал очертава съществителното *по'ята*, което принадлежи към общославянската лексика, но е запазено само в диалектите със значение ‘кошара извън населено място’. Ареалът му обхваща северозападните и част от съседните им югозападни говори, като включва и морфологичните варианти *по'я* (Санданско, Софийско) и *по'ят*, м.р. (Разложко). Наред със заетата лексема *са'я* в диалектите са образувани названия, чийто мотивационен признак изразява ‘предназначение на мястото’: *засл'он*, *насл'он*, *посл'он*, *слон*, *сл'онище* и др. ‘Обособеността’ и ‘изграждането’ като признаци са взети под внимание при названията *љгъл* и фонетичните варианти *аг'ол*, *аг'ъл*, *ег'ъл*, *йег'ъл*, *уљг'ъл*, *яг'ъл* (ИБълг, ИТрак, Род) и съответно *гражд*, *град'еж*, *огр'ажда* (Ловешко).

4.2. Речниковата статия с метаформа *кошара* илюстрира не само употребата на общославянска лексика в диалектите, но също и характерната за диалектите специализация и номинация на реалии и дейности, значими за живота и бита на носителите на диалекта. Свързани с животновъдството като основен поминък, в диалектите се употребяват названия за видови понятия с номинационен мотив ‘предназначение’, ‘място на изграждане’, ‘време на използване’ и пр.:

- Зимна кошара извън населено място: *дайм'ъ*, *даям'а*; *кљшл'а*, *кљшл'е*, *кљшл'ъ*, *кљшл'љ*, *кљшл'ак*, *кљшл'ачка*; *ят'ак* и др.
- Лятна кошата или заградено място извън селището за ношуване на овце: *авл'ия*; *егр'ек*, *игр'як*, *ягр'ек*, *ер'ек*, *йер'ек*; *заг'он*; *зам'ет*, *замет'арник*, *зам'етина*; *ограня*; *полог'ар*, *полг'ар*; *стр'ага*, *стр'ъга*, *ст'љрга*; *трл'а*, *тръл'а*, *трл'ъ*, *тръл'ъ*, *трляк*, *тръл'як*, *търл'як*; *чалам'ар*, *чалм'ар*, *челм'ар*, *чолм'ар*, *чълм'ар*, *чалм'арник*.
- Лятна кошата за овце, чието мляко се събира и обработва: *бач'иа*, *бач'ия*, *бач'ило*; *до'ярник*; *к'отар*, *кот'ар*, *кот'ор*, *кот'ара*, *к'отора*; *чард'ак*, *черд'ак*.
- Открито сенчесто място, където овцете пладнуват в полето: *дрем'ило*, *дрям'ило*; *мер'ис*; *пладн'ило*, *пладн'ище*, *планн'ище*; *пулг'ар*, *пулугар*.
- Кошара за агнета: *будж'ак*; *к'отар*, *к'отара*, *к'отура*, *к'отарка*, *к'оторче*; *к'очак*, *к'очек*, *к'очур*; *кош'арка*; *ягнищ'арник*, *ягнищ'арняк*, *ягн'ярник* и др.

Включването на диалектните думи за номинация на «видови понятия» в речниковата статия на съответното «родово понятие», както и названията на «части» на предмети (реалии) към названието на «цялото», разкрива не само системни отношения в лексиката. То дава възможност за илюстриране лексикалното богатство на българските диалекти. Тематичната обособеност на *видовите названия* разкрива съществена страна от спецификата на диалектната лексика в сравнение с речниковия състав на книжовния език: «типологичното различие между лексикалното богатство на книжовния език и на диалектите се определя не от броя и употребата на думите, а от различната сегментация на екстралингвистичната реалност — производствена дейност, материална култура, обичаи и др.» (Радева 1982: 24 и сл.). Тематичните групи, свързани с всекидневието (покъщнина, храна, облекло, семейство и др.) на носителите на даден диалект, с основните дейности (земеделие, скотовъдство, професия и занаяти) и пр., обхващат лексика, неприсъща на книжовния език. Образоването и употребата на видови названия се наблюдават в лексикални групи, които се отнасят към области и дейности с важно значение за носителите на диалекта.

Богатият лексикален материал, включен в речниковите статии за признакови думи, вкл. глаголи, показва, че в диалектите са създадени названия за номинация на особености и действия, преценявани като отрицателни и неприемливи за обществото, напр. *завистлив*, *загубен*, *занесен*, *злюбен*, *кекав*, *кирлив*, *мързелив*, *мършав*; *загащвам се*, *загълвам*, *задявам*, *ламт'я* и др. В диалектите се употребяват специални названия за номинация на лица, които не спазват или не се съобразяват с общоприетите норми в обществото: *женк'ар*, *з'аплес*, *загубен'як*, *кел'еш*, *кавгадж'ия*, *клюк'ар* и др.

4.3. Производните думи, оформени според закономерностите на деривационната система на езика, вкл. на диалектите, дават представа за номинационните възможности на говорите. Например сред включените в речниковата статия названия за 'място, където се отглежда коноп' с метаформа *конопище* преобладават производни думи, образувани с продуктивния суфикс *-ник*: *гръск'елник*, *гръст'елник*, *гръст'ялник*, както и *-ак* след палатална съгласна: *гръстен'як*, *гръст'еняк*, наред с *кон'опнище*, *кон'опеница*. За означаване на 'обработваема земя' със суфикс *-ище* са образувани производни думи, мотивирани от названието на реколтата, прибрана от съответното място: *афи'онище*, *б'обенище*, *б'обище*, *бурч'енище*, *жит'янище*, *мам'уленище*, *мис'ирище*, *прос'енище*, *р'оженище*, *тут'унище*, *ф'иенище*, *ф'иище*, както и *бостанл'ък*, *лахнал'ък*, *мисирл'икъ*, оформени със заета наставка и неприети в книжовната лексика. Необходимостта от тези видови названия е обусловена от характера на трудовата дейност, свързана с отглеждането на земеделските култури. Специалното означение на мястото, от което е прибрана реколтата от дадена земеделска култура, е свързано с различната следваща обработка и използване на земята.

4.4. Обособените в речникови статии хетероними дават възможност да се разкрие ролята на сравнението при избора на мотивационен мотив, при което се използват не само книжовни, но и диалектни названия. Например при израз на значението 'който е с цвят на прясна трева, млади листа на дърво', изразено

с метаформата *зелен*, се използват диалектните названия *ж'абен*, *жаб'унев*, *жаб'унков*, *жаб'ункяв*; *зейт'инков*, *зейт'иняв*, *зехт'иняв*, *зехтин'иен*, *зейтинл'иен*; *з'елков*; *л'ахнев*, *л'ахнян*; *м'аслен*; *нифт'ян*; *ореш'инен*; *пр'азов*; *тр'евен*, *трев'ист*; *ш'умен* и др. Речниковата статия на прилагателното *жълт* също обхваща словообразователни диалектизми, чийто мотивационен мотив е определен въз основа на сравнение: *алт'ънен*; *лимон'ен*, *лимон'иен*; *'осенев*, *осен'яв*; *п'ачен*. Изборът на обект за сравнение свидетелства за опознаването на извънезиковата реалност и нейното отразяване в езика.

5. Идеографският принцип, приложен при лексикографската интерпретация на българската диалектна лексика, дава възможност да се разкрият различните възможности, използвани от носителите на езика и неговите диалекти за концептуализиране и вербализиране на резултатите от дотъга с извънезиковата реалност и нейното опознаване. Обединените в обща речникова статия хетероними представят от друг аспект цялостната картина на словното богатство на българския език. Изборът на номинационен мотив при словообразователните диалектизми, които не са приети в книжовния език, разкрива важни страни от етнокултурата на носителите на българския език.

«Идеографският речник на българския език», от който са публикувани първите два тома, дава възможност регистрираните данни за българската диалектна лексика да влязат в научно обращение, да бъдат достъпни и използвани при изследване на историята и съвременното състояние на българския и останалите славянски и балкански езици. Събраният и картотекиран материал, чието издаване предвижда още няколко тома, съхранява за поколенията богатството на българските диалекти, които постепенно редуцират разпространението и употребата си заедно със своите носители. Това го превръща в свидетелство за живата реч, звучала по българските земи.

ЛИТЕРАТУРА

Байи 1961: Балли Ш. Французская стилистика. Москва, 1961.

БДА 1964: Български диалектен атлас. Т. I. Югоизточна България. София, 1964.

Динеков, Младенов 1993: Динеков П., Младенов М.Сл. Очерк за Стойко Стойков. Библ. «Видни университетски учени». София, 1993.

ИДРБЕ 2012: Идеографски диалектен речник на българския език. Т. I. А–Д / Под редакцията на В. Радева. Автори: Бояджиев Т., Жобов Вл., Колев Г., Младенов М., Младенова Д., Радева В. София, 2012.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Леков 1978: Леков Ив. Моделът на обществената и вътрешносистемната обусловеност в развоя на славянската езикова група // Славянска филология. Том XV. Езикознание. Доклади и статии за VIII международен конгрес на славистите. София, 1978, 14–43.

Морковкин 1984: Морковкин В.В. (ред.). Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. Москва, 1984.

Радева 1982: Радева В. Лексикалното богатство на българските говори. Библ. Родна реч омайна. 17. София, 1982.

Радева 2013: Радева В. Общославянска лексика в българските диалекти. Славянска филология. Том 25 // Доклади за XV международен конгрес на славистите. Минск, Беларус, 2013. София, 2013, 124–132.

Радева 2016: Радева В. Тълковният речник — традиции и развойни тенденции в лексикографията // Лексикографията в началото на XXI век. Доклади от Седмата международна конференция по лексикология и лексикография. София, 2015, 55–69.

Стойков, Младенов 1969: Стойков Ст., Младенов М.Сл. Проект за «Идеографски диалектен речник на българския език» // Български език. 1969. Кн. 2, 155–170.

Dornseiff 1970: Dornseiff Fr. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Siebte, unveränderte Auflage. Berlin; New York, 1970.

Hallig, Wartburg 1963: Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. 2., neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin, 1963.

Radewa 2015: Radewa W. Ideograficzny słownik gwar języka bułgarskiego — koncepcja i struktura // Gwary Dziś, Rocznik poświęcony dialektologii słowiańskiej. Vol. 7. Poznań, 2015, 19–28.

Zauner 1902: Zauner A. Die romanischen Namen der Körperteile. Eine onomasiologische Studie. Erlangen, 1902.

О СЛОВАРЕ ХОРВАТСКИХ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Желька ФИНК-АРСОВСКИ

Загребский университет

(Загреб, Хорватия)

<https://orcid.org/0000-0002-7499-5499>

zfink@ffzg.hr

На нескольких примерах указывается на универсальность употребления зоонимов во фразеологии разных европейских языков. Приводится пример зоонимного фразеологизма, характерного только для части европейских языков и культур. Во второй части статьи представлен *Словарь хорватских анималистических фразеологизмов* (Загреб, 2017). Перечисляются зоонимные и анималистические компоненты в составе оборотов. Показана структура словарной статьи.

Ключевые слова: хорватский язык, анималистическая фразеология, зоонимы, анимализмы, фразеологический словарь, Словарь хорватских анималистических фразеологизмов, структура словарной статьи

ON CROATIAN DICTIONARY OF ANIMALISTIC IDIOMS

Željka FINK-ARSOVSKI

University of Zagreb

(Zagreb, Croatia)

Zoonyms are often used in phraseology of various European languages. At the beginning of the paper, this universality is accentuated. On the other hand, the example of animalistic idiom, which is used only in several European languages, is shown. In the second part of the paper *Croatian Dictionary of Animalistic Idioms* (Zagreb, 2017) is presented. Zoonyms and animalistic components of idioms from the dictionary are enumerated. The structure of dictionary article is demonstrated.

Keywords: Croatian, animalistic idioms, zoonyms, animalistic component, dictionary of idioms, Croatian Dictionary of Animalistic Idioms, the structure of dictionary article

І. Об анималистической фразеологии в словарях

Анималистическая фразеология (наряду с соматической) представляет собой значительную часть фразеологического фонда, вероятно, всех европейских языков, и поэтому она вызывает огромный интерес у многих исследователей. Написаны многие труды на данную тему, на многочисленных научных встречах обсуждалось об анимализмах. Упомянем только две международные конференции, состоявшиеся в Загребе (2014) и в Санкт-Петербурге (2018), которые тематически относились именно к анималистическим фразеологизмам в славянских языках. Труды обеих конференций опубликованы в коллективных

монографиях: Vidović Bolt (ur.) «Životinje u frazeološkom ruhu»¹, 2014; Вальтер, Мокиенко (отв. ред.) «Анималистическая фразеология в славянских языках», 2019. Следует подчеркнуть еще, что в Хорватии сравнительно недавно вышли из печати и две важные монографии: «Životinjski svijet u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji I»² автора Иваны Видович Болт (Vidović Bolt 2011) и «Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija»³ Бранки Барчот (Barčot 2017). В них хорватская зоонимная фразеология сопоставляется с польской, с одной стороны, и с русской и немецкой, с другой.

Люди издавна наблюдали за разными животными, за их поведением в самых разнообразных ситуациях, а потом сравнивали свое собственное поведение и реакции на воздействия извне с поведением и реакциями других существ в природе. «На основе такого опыта выделялись и разные характеристики данных представителей животного мира, которые впоследствии вошли либо в качестве образа во фразеологические единицы, либо сам представитель животного мира стал символом какого-либо образа жизни, состояния или поведения» (Финк-Арсовски 2013: 381). Данный факт можно показать на нескольких, по нашему мнению, интересных примерах зоонимных фразеологизмов со сравнительной структурой, которые фиксируются в двух многоязычных словарях — в «Хорватско-славянском словаре сравнительных фразеологизмов» (Fink Arsovski i dr. 2006) и в «Хорватско-романско-германском словаре сравнительных фразеологизмов» (Fink Arsovski i dr. 2016)⁴. Интересным представляется то, что в данных словарях чуть больше одной трети хорватских сравнений относится к оборотам с зоонимным компонентом, т. е. с компонентом, относящимся к названию животного (фиксируется около 85 разных названий животных), и чаще всего зооним содержится и во фразеологизмах целевых языков. Это свидетельствует о значительном количестве таких единиц во фразеологическом фонде европейских языков. Помимо этого, очень часто в разных европейских языках символика и/или образы в оборотах являются идентичными или близкими. Так, например, зооним *свинья* имеет весьма негативную коннотацию и во всех представленных славянских языках и в части романских и германских языков относится к пьяному, грязному, испачкавшемуся и раскормленному лицу (в неко-

¹ «Животные во фразеологическом наряде».

² «Мир животных в хорватской и польской фразеологии», часть I.

³ «Лингвokulturologija и зоонимная фразеология».

⁴ В обоих словарях хорватский язык является исходным, а целевыми являются следующие: словенский, македонский, болгарский, украинский, русский, польский, чешский, словацкий; французский, португальский, испанский, итальянский; английский, нидерландский, немецкий, шведский.

В словарях представлена только часть устойчивых сравнений семнадцати европейских языков, причем, надо напомнить, что зафиксированный в них материал целевых языков, естественно, до определенной степени предопределяется выбором устойчивых сравнений исходного языка (в первом словаре дается 540, а во втором чуть больше — 554 сравнительных фразеологизмов). Но несмотря на факт, что в словарях не содержится полный список устойчивых сравнений ни одного из представленных языков, в них можно видеть способ функционирования компаративных оборотов в семнадцати европейских языках и получить общее представление о похожей или различной внутренней структуре, обусловленной различными факторами.

торых языках в качестве компонента употребляется и другой зооним). Ср. один пример:

ХОРВАТСКИЙ	debeo kao svinja
СЛОВЕНСКИЙ	debel kot svinja
МАКЕДОНСКИЙ	дебел како свиња
БОЛГАРСКИЙ	дебел като свиня
УКРАИНСКИЙ	товстий (гладкий) як свиня <поросна>, товстий (гладкий) як льоха
РУССКИЙ	толстый (жирный) как свинья
ПОЛЬСКИЙ	gruby jak świnia
ЧЕШСКИЙ	tlustý jako svině
СЛОВАЦКИЙ	tučný ako sviňa (brav)
ФРАНЦУЗСКИЙ	gros comme un cochon
ПОРТУГАЛЬСКИЙ	gordo como um porco
ИСПАНСКИЙ	gordo como un cerdo
ИТАЛЬЯНСКИЙ	grasso come un porco
АНГЛИЙСКИЙ	<as> fat as a pig
НИДЕРЛАНДСКИЙ	zo dik als een varken
НЕМЕЦКИЙ	dick (fett) wie ein Schwein (ein Mastschwein), fett wie eine Sau /о жєн-щине/
ШВЕДСКИЙ	tjock som ett svin

Кроме того, скажем, орнитоним *соловей* символизирует чье-либо красивое пение, энтомонимы *муравей* и/или *пчела* — усердие, старательность.

Интересно, что глагольный фразеологизм, в глубинной структуре которого отмечено мнимое поведение слона в нетипичной для него среде, употребляется во всех включенных в словари европейских языках, несмотря на факт, что слон не является типичным европейским животным (Финк-Арсовски 2013: 382). Приводятся обороты 17 языков⁵:

ХОРВАТСКИЙ	ponašati se kao slon u staklani (trgovini porculana)
СЛОВЕНСКИЙ	obnašati se kot slon v trgovini s porcelanom
МАКЕДОНСКИЙ	се однесува како слон во стакларница
БОЛГАРСКИЙ	държа се като слон в стъкларски магазин
УКРАИНСКИЙ	повертатися як слон у посудній лавці
РУССКИЙ	вести себя как слон в посудной лавке
ПОЛЬСКИЙ	zachowywać się jak słoń w składzie porcelany
ЧЕШСКИЙ	počínat si (být, motat se) jako slon v porcelánu
СЛОВАЦКИЙ	chodiť (správať sa) ako slon medzi porcelánom (v porceláne)
ФРАНЦУЗСКИЙ	se comporter (être) comme un éléphant dans un magasin de porcelaine
ПОРТУГАЛЬСКИЙ	comportar-se como elefante em loja de louças
ИСПАНСКИЙ	ser (comportarse, entrar) como un elefante en una cacharrería (cristalería)
ИТАЛЬЯНСКИЙ	essere come un elefante in un negozio di porcellane

⁵ В книге Э. Пиирайнен «Widespread Idioms in Europe and Beyond» перечисляется 27 соответствующих оборотов с компонентом *слон* (в пяти германских, в шести романских, в десяти славянских языках, затем в латышском, армянском, венгерском, финском, эстонском, турецком языках) (Piirainen 2012: 478).

АНГЛИЙСКИЙ	be like a bull (an elephant) in a china shop
НИДЕРЛАНДСКИЙ	zich gedragen als een olifant in een porseleinkast
НЕМЕЦКИЙ	sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen
ШВЕДСКИЙ	bete sig som en elefant i en porslinsbutik

Сразу заметно, что в английском языке в качестве лексического варианта фиксируются два зоонима — *бык* и *слон*. Фразеологизм *like a bull in a china shop* первый раз упоминается в романе *Jacob Faithful* Фредерика Марриета (1834). В переводе данного романа на немецкий язык употребляются зоонимы *вол* (*Ochse*) и *бык* (*Stier*), но позднее в переводах других английских романов (напр. *Vanity Fair*) появляется и зооним *слон* (*Elefant*) (Valenčič Arh 2014: 5–8). Почему именно слон? Дело в том, что, как пишет Валенчич Арх (Valenčič Arh 2014: 8), еще в 1826 году, значит, до появления названного романа, в немецком переводе романтической повести в стихах и прозе *Лалла-Рук* (*Lalla Rookh*) Томаса Мора упоминается неловкий слон (в соответствии с картиной ориентального мира), и это могло повлиять на формирование немецкого фразеологизма с компонентом *слон* (*wie ein Elefant im Porzellanladen*). Появление зоонима *elephant* в английском обороте, вероятно, связано с заимствованием из немецкого языка (Valenčič Arh 2014: 8).

С другой стороны, в словарях отмечаются и устойчивые сравнения, являющиеся характерными только для одного или всего двух-трех языков. Их образу и/или глубинной структуре присуща какая-либо специфика, относящаяся либо к одному языку и культуре, либо к определенному ареалу (например, к южнославянским языкам). Здесь приводится один такой пример хорватского оборота, образ, глубинная структура которого встречается еще только в болгарском языке. Это наречный фразеологизм *kao bik na gmajni*, с помощью которого указывается на паразитический образ жизни, на жизнь за счет чужого труда; он чаще всего сопровождается глаголами типа *živjeti* ('жить') и *ponašati se* ('вести себя'). Зооним *bik* ('бык') сужает его употребление в гендерном смысле. В качестве второго субстантивного компонента выступает германизм *gmajna* ('общинная земля, общинное землевладение; община'). Чем мотивируется образ в данном обороте? В отличие от вола, бык не считается рабочим животным, а является символом здоровья и силы. Общинная земля предполагает общую собственность, ею могут свободно пользоваться все, независимо от вложенного труда в обрабатывание. Поэтому и фразеологическое значение связывается с паразитическим образом жизни — подробнее см. (Финк 2011: 295–296). Как уже было сказано, в болгарском языке зарегистрирован оборот с тем же образом и значением: *като бик на имане* [живея, държа се itd.].

В других славянских и неславянских языках появляются как зоонимы, так и незоонимные компоненты, но все они каким-то образом ассоциативно связываются с дармоедом и/или с паразитическим образом жизни:

МАКЕДОНСКИЙ	како бег [живее, се понаша itd.] ⁶
УКРАИНСКИЙ	як у тещі на хлібах (іменинах) [жити, триматися itd.]
РУССКИЙ	как трутень [жить]

⁶ В славянских языках глаголы пишутся в качестве сопроводителей, в то время как в неславянских языках они являются частью фразеологизма.

ПОЛЬСКИЙ	jak truteń [żyć, zachowywać się itd.]
ЧЕШСКИЙ	jako husa na krmníku [žít si, mít se]
СЛОВАЦКИЙ	ako prasa v žite [žiť <si>, mať sa itd.]
ФРАНЦУЗСКИЙ	vivre comme un parasite
ПОРТУГАЛЬСКИЙ	viver como um parasita
ИСПАНСКИЙ	vivir como un parásito
ИТАЛЬЯНСКИЙ	vivere come un parassita
НИДЕРЛАНДСКИЙ	leven (zich gedragen) als een luis op een zeer hoofd

Несмотря на тот факт, что сопоставление анималистических фразеологизмов в разных европейских языках несомненно вносит новые сведения в контрастивную лингвистику, не менее интересным является также изучение оборотов, в состав которых включены животные и/или компоненты, каким-то образом связанные с ними, на уровне одного языка и культуры. До сих пор вышло несколько словарей с анималистическими фразеологизмами — подробнее см. (Мокиенко 2019: 16–17), но здесь упомянем только «Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных» Т.В. Козловой (Козлова 2001). Важно напомнить, что источниками фразеологического материала послужили не только толковые словари русского языка, однопольные и двупольные фразеологические словари, материалы картотеки, но и диалектные фразеологические словари и материалы к ним. Поэтому словарь содержит около 2000 единиц с 283 названиями животных. Фразеологизмы в нем «объединены в словарную статью по смыслу. Они группируются вокруг некоторой идеи-понятия, с которым они связаны, раскрывая его смысл. Словарь представляет собой совокупность систематизированных фразеосемантических объединений (6 понятийных классов, 35 групп, 94 подгруппы)» (Козлова 2001: 4). Значит, словарь «носит не традиционный, объяснительный, а демонстрационный характер» (Там же: 4).

II. Словарь хорватских анималистических фразеологизмов

В Загребе в 2017 г. опубликован «Словарь хорватских анималистических фразеологизмов» («Rječnik hrvatskih animalističkih frazema», Školska knjiga, Zagreb), который, в отличие от вышеупомянутого словаря, носит более традиционный характер. Авторы словаря: Ивана Видович Болт (Ivana Vidović Bolt), Бранка Барчот (Branka Barčot), Желька Финк Арсовски (Željka Fink Arsovski), Барбара Ковачевич (Barbara Kovačević), Неда Пинтарич (Neda Pintarić), Ана Васунг (Ana Vasung)⁷.

⁷ Словарь составлен в рамках следующих проектов: «Анималистические фразеологизмы в славянских языках» (Animalistički frazemi u slavenskim jezicima), «Возможности лексикографической обработки анималистических фразеологизмов в славянских языках» (Mogućnosti leksikografske obrade animalističkih frazema u slavenskim jezicima), «Хорватская анималистическая фразеология» (Hrvatska animalistička frazeologija); руководитель всех — проф. Ивана Видович Болт. Исследование осуществлялось при финансовой поддержке Загребского университета.

Словарь состоит из следующих частей: предисловие (Predgovor, 7–10); краткое руководство по пользованию словарем (Osnovne upute za čitanje rječnika, 11–23); словарь хорватских анималистических фразеологизмов (Rječnik hrvatskih animalističkih frazema, 25–212); алфавитный указатель фразеологизмов (Kazalo frazema, 213–237), список лексикографических и других источников фразеологизмов (Literatura, 238–239), список источников примеров употребления определенного оборота (Popis izvora, 240–244).

Словарь содержит около 1400 фразеологических единиц, причем, надо напомнить, что, в отличие от словаря Т.В. Козловой, в нем отсутствует диалектный материал. В словаре также нет поговорок и пословиц с анималистическими компонентами. В него включены четыре структурных типа фразеологизмов: минимальные (*u letu* ‘на лету’), словосочетания (*ni riba ni meso* ‘ни рыба ни мясо’; *crv sumnje* ‘червь сомнения’; *zatvoriti se / zatvarati se (uvući se / uvlačiti se) u svoju ljušturu* ‘замкнуться / замыкаться (уйти / уходить) в свою скорлупу’), фразеологизмы со структурой предложения (*ne fali (ne manjka, ne nedostaje) <ni> ptičjega mlijeka* <кому; gdje> ‘только птичьего молока нет (не хватает) кому’) и со структурой сложных слов, которые пишутся через дефис (*alfa-ženka* ‘альфа-самка’). Многие из оборотов имеют структуру сравнения (*kao u svinjcu* ‘как в конюшне’; *živjeti kao dva goluba* ‘жить как два голубка’; *pristaje (stoji) komu što kao kravi sedlo* ‘идет (подходит) кому что как <к> корове седло’). Единицы, зафиксированные в словаре, относятся к анималистической фразеологии⁸, а в обороты включены следующие анималистические компоненты:

1. Зоонимы, т. е. название животного.

В словаре отмечено около 215 названий животного. Не все они обозначают разные животные, потому что иногда одно и то же животное именуется синонимичными существительными, напр. *pas, pašče, pseto* (‘собака’), а иногда параллельно употребляются субстантивный компонент с уменьшительным суффиксом и без него, напр. *crv* (‘червь’) и *crvić* (‘червячок’), *pčela* (‘пчела’) и *pčelica* (‘пчелка’), *vrabac* (‘воробей’) и *vrapčić* (‘воробушек’). Приведенные субстантивы можно считать вариантами, несмотря на тот факт, что они в словаре приводятся в двух оборотах⁹. С другой стороны, не все такие компоненты могут взаимозаменяться, напр. *bik* (‘бык’) и *bikić* (‘бычок’) — первый в обороте *jak kao bik* чаще всего относится к сильному мужчине, а второй (*jak kao bikić*) — к сильному мальчику. В некоторых случаях речь идет о самце и самке, которые выступают компонентом

⁸ В хорватском языкознании термин *анималистический фразеологизм* имеет более широкое значение, чем термин *зоонимный фразеологизм*. Зоонимный фразеологизм включает компоненты, относящиеся к названию животного, прилагательному, образованному от названия животного, и/или зоосоматизм. Анималистическая фразеология, помимо уже приведенных компонентов, содержит также компоненты, которые относятся к животному миру в более широком смысле (жилища, обитания животных, группы животных одного вида, приспособления, связанные с животными и т. д.).

⁹ В соответствии с концепцией словаря варианты стержневых анималистических компонентов фиксируются под собственной вокабулой, напр. *marljiv (vrijedan) kao pčela* под вокабулой PČELA, а *marljiv (vrijedan) kao pčelica* под вокабулой PČELICA.

в разных фразеологизмах, напр. *jarac* ('козел') и *koza* ('коза'), *lav* ('лев') и *lavica* ('львица'), *mačak* ('кот') и *mačka* ('кошка')¹⁰. В части оборотов появляются компоненты со значением детеныша, напр. *kuče* ('щенок'), *mače* ('котенок'), *pače* ('утенок'), *pile* ('цыпленок'), *tele* ('теленки'). В качестве компонентов в некоторых единицах выступает и родовое понятие, напр. *ptica* ('птица'), *riba* ('рыба'), *stoka* ('скот'), *životinja* ('животное').

Какие животные появляются в составе фразеологизмов? Во-первых, упомянем млекопитающих, среди которых отмечаются домашние животные, напр. *janje* ('ягненок'), *kobila* ('кобыла'), *konj* ('лошадь'), *krava* ('корова'), *magarac* ('осел'), *ovca* ('овца'), *svinja* ('свинья'), и дикие животные, напр. *deva* ('верблюд'), *hijena* ('гиена'), *hrčak* ('хомяк'), *majmun* ('обезьяна'), *ris* ('рысь'), *tvor* ('хорек'), *zec* ('заяц'). Затем птицы, где тоже выделяются домашние птицы, напр. *guska* ('гусыня'), *kokoš* ('курица'), *kvočka* ('наседка'), *patka* ('утка'), *pijetao* ('петух'), *puran* ('индюк'), и дикие птицы, напр. *čavka* ('галка'), *ćuk* ('сыч'), *gavran* ('ворон'), *papagaj* ('попугай'), *paun* ('павлин'), *pingvin* ('пингвин'), *slavuj* ('соловей'). Класс пресмыкающихся представлен следующими зоонимами: *guja* ('гадюка'), *gušter* ('ящерица'), *kornjača* ('черепаха'), *zmija* ('змея'). Из земноводных отмечаются *čovječja ribica* ('европейский протей'), *žaba* ('лягушка'), *žaba krastača* ('жаба'), *žabac* ('самец лягушки'), а из рыб, напр. *cipal* ('лобан'), *grdobina* ('европейский удильщик'), *raža* ('скат'), *salpa* ('сальпа'), *sardela*, *srdela*, *sardina* ('сардина'), *som* ('сом'). Из многочисленной группы беспозвоночных животных, внутри которой насчитываются разнообразнейшие формы, в словаре отмечаются губки (*spužva* 'губка'), аннелиды (*crv* 'червь'; *glista* 'дождевой червь'), моллюски (*puž* 'улитка'; *hobotnica* 'осьминог'; *lignja* 'кальмар') и членистоногие, причем они представлены насекомыми (напр. *božja ovčica* 'божья коровка', *buha* 'блоха', *cvrčak* 'цикада', *komarac* 'комар', *lastin rep* 'махаон', *muha* 'муха', *stjenica* 'клоп'), ракообразными (*rak* 'рак') и паукообразными (*akrap* 'скорпион', *krpelj* 'клещ').

2. Прилагательные, образованные от зоонима или зоосоматизма; причастия или прилагательные, образованные от глаголов, значение которых прямо связано с животными.

В словаре отмечается около 60 прилагательных и причастий, каким-то образом относящихся к животным. Чаще всего речь идет о прилагательных, образованных от названия животного, причем в большинстве случаев фиксируется пара — животное и прилагательное, напр. *konj* — *konjski* ('лошадь — лошадиный'), *lav* — *lavli* ('лев — львиный'), *miš* — *mišji* ('мышь — мышинный'), *tele* — *teleći* ('теленки — телячий'). Гораздо реже в качестве компонента выступает только прилагательное, напр. *krokodilski* ('крокодилов'), *šaranski* ('относящийся к карпу'). Прилагательные *repat* ('имеющий хвост') и *rogat* ('рогатый') образованы от зоосоматизмов *rep* ('хвост') и *rog* ('рог'). С глаголом *lajati* связано прилагательное

¹⁰ Первая и третья пара субстантивных компонентов иногда (в других словарях) выступает вариантами, напр. *dati jarcu da čuva kupus* и *dati kozi da čuva kupus* (русский эквивалент: *пустить козла в огород*), *kupiti / kupovati mačka* и *vreći* и *kupiti / kupovati mačku* и *vreći* (русский эквивалент: *купить / покупать кошку в мешке*), но в данном словаре они приводятся в двух фразеологизмах.

lajav ('часто лающий'), а причастия образуются от глаголов, значение которых каким-то образом относится к животным, напр. *očerupan* ('ощипанный'), *potkovan* ('подкованный').

3. Зоосоматизмы, т. е. названия органов или частей тела животного.

Речь идет приблизительно о 60 зоосоматизмах, причем некоторые из них характерны только для животных, напр. *griva* ('грива'), *kljun* ('клюв'), *kopito* ('копыто'), *krilo* ('крыло'), *ljuštura* ('панцирь; раковина'), *njuška* ('рыло'), *papak* ('копыто'), *paperje* ('пух'), *perje* ('перья, оперение'), *pipak* ('щупальце'), *ralje* ('пасть'), *rep* ('хвост'), *rog* ('рог'), *šapa* ('лапа'), *škrge* ('жабры'), *vime* ('вымя')¹¹. С другой стороны, часть соматизмов употребляется и по отношению к человеку, и в таком случае образ, глубинная структура фразеологизма, его мотивация указывают на факт, что имеется в виду животное, напр. *brk* ('ус'), *glava* ('голова'), *jezik* ('язык'), *koža* ('кожа'), *mozak* ('мозг'), *noga* ('нога'), *oko* ('глаз'), *srce* ('сердце'), *uho* ('ухо'), *zub* ('зуб').

4. Анималистические компоненты, каким-то образом связанные с миром животных:

4.1 места, на которых оставляют воду или соль для животных, напр. *pojilo* ('место, где скот пьет воду'), *solilo* ('место, где скот лижет соль'),

4.2 названия мест обитания животных, природная зона, где живут животные, напр. *bara* ('природный водоем, болото'), *džungla* ('джунгли'), *more* ('море'), *pustinja* ('пустыня'), *šuma* ('лес'), *voda* ('вода'),

4.3 названия жилищ животных.

В словаре подтверждаются естественные жилища, вырытые, сделанные животными, напр. *brlog* ('берлога'), *gniježdo* ('гнездо'), *jazbina* ('логовище'), *mravinjak* ('муравейник'), *osinjak* ('осиное гнездо'), *rupa* ('нора'), с одной стороны, и искусственные жилища, изготовленные для животных человеком, напр. *golubinjak* ('голубятня'), *kavez* ('клетка для животных'), *kokošinjac* ('курятник'), *košnica* ('улей'), *krletka* ('клетка для птиц'), *ribnjak* ('пруд для разведения рыбы'), *svinjac* ('свинарник'), *štala* ('хлев; конюшня'), с другой,

4.4 названия групп животных одного вида, держащихся вместе: *čopor* ('стая диких зверей'), *jato* ('стая птиц или рыб'), *stado* ('стадо'),

4.5 орудие, приспособление для ловли животных, напр. *klopka* ('западня, ловушка, капкан'), *mreža* ('сеть'), *stupica* ('западня, ловушка, капкан'), *udica* ('удочка'), *zamka* ('западня, ловушка, капкан'),

4.6 аксессуары для животных, напр. *brnjica* ('намордник'), *lajna*, *uzica* ('поводок'), *lanac* ('цепь'),

4.7 приспособление, прибор для упряжных животных: *jaram* ('ярмо'), *uzda* ('узда'), *žvale* ('удила') или для повозки: *rudo* ('дышло'),

4.8 сиденье для всадника: *samar* ('вьючное седло'), *sedlo* ('седло'); вспомогательный предмет снаряжения всадника: *bič* ('хлыст'); передвижение (передвигаться) верхом: *jahanje* ('верховая езда'), *jahati* ('ездить верхом'),

¹¹ Часть зоосоматизмов получила перенос значения и употребляется и по отношению к человеку, напр. *griva*, *njuška*, *papak*, *paperje*.

- 4.9 вещества, вырабатываемые или выделяемые животными, которые не предполагают обязательную дальнейшую обработку: *med* ('мед'), *mlijeko* ('молоко'),
- 4.10 сеть, выделяемая пауком: *paučina* ('паутина'), *paukova mreža* ('паутинная сеть'),
- 4.11 физиологическое состояние животных: *ljetni san* ('летняя спячка'), *zimski san* ('зимняя спячка'),
- 4.12 название трупа животного: *strvina* ('падаль'),
- 4.13 место, где производится убой скота — *klaonica* ('скотобойня'), и действие, с этим связанное — *klati* ('резать скот'), *zaklati* ('зарезать скот'), *klanje* ('убой скота'),
- 4.14 занятие или профессия лица, пасущего стадо: *pastir* ('пастух'),
- 4.15 понятия, связанные с охотой: *čeka* ('место, занимаемое охотником во время охоты'), *lov* ('охота'), *lovac* ('охотник'), *lovački* ('охотничий'), *odstrel* ('отстрел'),
- 4.16 глаголы, первичное лексическое значение которых каким-то образом связано с животными.

Среди около 50 зафиксированных глаголов выделяется несколько семантических подгрупп¹². В одну входят глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными, напр. *cvrkutati* ('щебетать'), *graktati* ('каркать'), *gugutati* ('ворковать'), *kokodakati* ('квохтать'), *kriješati* ('стрекотать'), *lajati* ('лаять'), *meketati* ('блеять'), *revati* ('реветь /об осле/'), *roktati* ('хрюкать'), *siktati* ('шипеть'), *skvičati* ('визжать'). Часть глаголов указывает на клевание зерна — *pozobati* ('поклевать'); на способ движения, напр. *gegati se* ('ходить вперевалку'), *plivati* ('плавать'), *lejeti* ('летать'); на появление детенышей или яиц — *kotiti se* ('рождать детенышей'), *oteliti se* ('отелиться'), *nesti* ('нести яйца'). В обороты включены также глаголы, в которых устанавливается отношение между животным и человеком. Они относятся к разведению животных, напр. *gojiti* ('вскармливать'), *toviti* ('откармливать'); к пастбищу скота — *pasti* ('пастись'); к удалению кожи или перьев животных, напр. *derati*, *guliti* ('снимать шкуру с животного'), *očerupati* ('ощипать'); к прибавлению подковы — *potkovati* ('подковывать'), *potkivati* ('подковывать'); к доению, напр. *musti* ('доить'); к стрижке овец — *strići* ('стричь'),

- 4.17 звукоподражательные компоненты — *piju-piju* (обозначает писк цыплят).

Таким образом, словарь содержит около 470 анимализмов, которые каким-то образом относятся к животным, в которых включено их название, которые мотивируются их поведением, отношением между ними, внешним взглядом, местом их обитания, жилища, их криками или пением, отношением между животным и человеком и т. д.

Структура словарной статьи. На первом месте находится вокабула, которая представляет собой анималистический компонент, выраженный одним словом

¹² Несколько глаголов упоминается в других здесь приведенных подгруппах, напр. *jahati*.

(напр. KONJ, ZMIJA), сложным словом (напр. ALFA-ŽENKA) или термином, состоящим более, чем из одного слова (напр. LASTIN REP, LJETNI SAN). Если в состав фразеологизма входит больше, чем один анималистический компонент, вокабула определяется следующим образом (иерархией): на первом месте — название животного, на втором — прилагательное, образованное от него, затем — зоосоматизм, а потом остальные анималистические компоненты).

Под вокабулой приводится сам анималистический фразеологизм, т. е. заголовочная единица. Как уже сказано, анималистические компоненты не фиксируются в качестве лексических вариантов, значит, лексическими вариантами выступают только неанималистические компоненты. Но иногда в оборотах появляются морфологические или синтаксические варианты одного и того же анимализма, напр.

VRABAC
jesti kao vrabac

VRAPČIĆ
jesti kao vrapčić

KLJUN
proviriti (poviriti) kljun (kljunom)

В случае, когда в оборот входит больше, чем один анималистический компонент, под одним из них дается лексикографическая обработка, а под другим (другими) — ссылка, напр.

PAS
slagati se (voljeti se i sl.) kao pas i mačka — ne slagati se, ne voljeti se, stalno se svadati, biti u lošim odnosima

MAČKA
slagati se (voljeti se i sl.) kao pas i mačka — v. PAS

Внутри фразеологизма употребляются два типа скобок — круглые скобки указывают на взаимозаменяемость неанималистических вариантов, напр. **ljut (bije-san) kao ris, imati kobru u (na) novčaniku, dati po gubici (preko gubice) komu**; а ломаные скобки — на факультативность, напр. **sjediti <doma> kao kvočka <na jajima>**. Иногда появляются оба типа скобок, напр. **<to> <već> i vrapci <na krovu (grani)> znaju (cvrkuću, pjevaju)**. В квадратные скобки вписываются, когда это нужно, наиболее часто употребляющиеся слова-сопроводители, не являющиеся компонентом фразеологизма, напр. **iz ptičje perspektive** [gledati, promatrati i sl.]. В некоторых случаях курсивом дается информация о том, каким образом оборот связывается со словами в контексте. Прежде всего речь идет о грамматической сочетаемости глагола со словами, причем определяется нужная форма падежа, напр. **prilijepiti se (zalijepiti se, prikvačiti se, zakvačiti se i sl.) kao krpelj uz koga, uz što (za koga, za što)**. Таким образом, помимо этого, указывается и на то, употребляются ли фразеологизмы по отношению к лицу или к предмету (или и то и другое), напр. **nije tko zajedno (skupa) koze pasao (čuvao) s kim, drži <što> kao pas ježa**.

Рядом с частью фразеологизмов помещается знак . Он указывает на факт, что определенный оборот в данный момент активно не употребляется, что он не появляется в современных текстах, и он, вероятно, уходит в пассивный фонд, напр. *pasti na meku*.

Знаком обозначаются обороты, употребление которых в формальной коммуникации не считается приличным. В составе некоторых таких фразеологизмов содержится вульгарный компонент, напр. *jebati ježa <u leđa>*, в то время как в составе других нет такого компонента, но самый образ, их глубинная структура предполагают вульгарность, напр. *<i>pticu bi u letu tko*.

Знак помещен рядом с оборотами, употребление которых не является вежливым, корректным, *čuditi se (iščudavati se) <čemu> kao pura dreku*.

После заголовочной единицы находится значение, дефиниция самого фразеологизма. Большинство единиц имеет одно значение, но некоторые имеют больше, чем одно значение, напр.

lavovski dio čega — najveći i (ili) najbolji dio čega

imati (osjetiti / osjećati) leptiriće u trbuhu — 1. biti zaljubljen; 2. imati tremu prije nastupa (kakva važnog događaja), biti nervozan prije nastupa (kakva važnog događaja); 3. osjetiti / osjećati pomicanje djeteta u ranoj fazi trudnoće

При некоторых фразеологизмах в косых скобках дается дополнительная информация об их употреблении в тексте: иногда фразеологизм относится исключительно к лицу, иногда — к предмету, иногда сужение имеет более конкретный характер, напр.

zaštićen kao mrki (lički) medvjed — potpuno zaštićen, nedodirljiv /o osobi/

kao mačka repom — površno, traljavo, nemarno /ob. o čišćenju prostorije/

И еще напомним, что буквами А) и В) обозначаются обороты, имеющие разные категориальные значения. Речь, в основном, идет о фразеологизмах, которые в контексте реализуются или как адъективные, или как наречные, и их значение выражено в соответствии с этим (значение чаще всего выражается однокоренными словами), напр.

kao pokisla kokoš — А) jadan, potišten, deprimiran; В) jedno, potišteno, deprimirano

Под заголовочной единицей и ее значением приводится хотя бы один пример употребления определенного фразеологизма в контексте. Когда фразеологизм

является многозначным, пример (или примеры) употребления в контексте прилагается к каждому из значений, напр.

krokodilske suze — 1. lažne suze, usiljen plač, prenaglašena i glumljena žalost *za kim, za čim*;
2. velike suze /ob. o djetetu/

1. Oдавно vidimo da su to bile **krokodilske suze** jer ta osoba u sebi nema ljubavi i posvećena je isključivo zadovoljavanju svojih osobnih interesa. (hrWac)
2. Očajnički je pokušavao očistiti veliki nered koji je nastao, ali se poskliznuo na jaja i uprljao svoju bijelu pidžamu. Tada je uočio tatu kako stoji na vratima. **Krokodilske suze** potekle su iz njegovih očiju. (hrWac)

Примеры употребления в контексте выписаны из произведений хорватских писателей, из корпусов — «Hrvatska jezična mrežna riznica» Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje (R), «Hrvatski mrežni korpus» (hrWac), «Hrvatski nacionalni korpus» (HNK), из публицистики (N) и поисковой системе *Google* и *Yahoo* (список всех источников приводится в части *Popis izvora*).

Фразеологический материал, представленный в словаре, извлечен из всех доступных авторам толковых и фразеологических словарей, содержащих хорватские анималистические обороты. Помимо этого, источником послужили как многие труды (диссертации, монографии, статьи), в которых описывается и анализируется данный материал, так и картотеки (список дается в части *Literatura*). Большинство единиц в словаре более или менее активно употребляется в речи, но часть единиц, кажется, уже уходит в пассивный фонд. С другой стороны, фиксируется и несколько оборотов, до сих пор не включенных в хорватские словари. Упомянем некоторые из них.

Это, во-первых, две кальки из английского языка, которые имеют структуру сложного слова и пишутся через дефис. Оборот *party-životinja* (досл. парти животное; < *party animal* ‘a person known for frequent often wild partying’) имеет одинаковое значение, как и английское выражение, значит, относится к лицам обоих полов, любителям буйных вечеринок. Другой оборот — *techno-vjeverica* (досл. техно-белка) — связывается с группой *Techno Squirrels*, основанной в 2005 году, а для нее характерен, между прочим, жанр электронной музыки. Отсюда появление значения оборота: ‘лицо, часто посещающее вечеринки с электронной музыкой’.

Глагольный оборот со сравнительной структурой *gegati se kao pingvin* в хорватском языке употребляется с недавнего времени. В нем упоминается зоонимный компонент *пингвин*, а глагольным компонентом *gegati se* указывается на специфичный способ передвижения данной птицы. Фразеологическая единица имеет значение ‘переваливаться с боку на бок, ходить враскачку’. На образование оборота, вполне вероятно, повлияли как рекламный ролик *Киндер пингви* (*Kinder Pingui*), в котором имитируется способ передвижения пингвина, так и мультипликационный фильм *Делай ноги* (оригинальное название: *Happy feet*; хорватское название: *Ples malog pingvina*) и мультсериал *Пингвины из Мадагаскара* (оригинальное название: *The penguins of Madagascar*; хорватское название: *Pingvini s Madagaskara*).

И наконец, два фразеологизма со структурой сложного слова, которые создают своеобразную пару, т. е. один из них относится к лицам женского пола (*alfa-ženka*), а другой — к лицам мужского пола (*alfa-mužjak*). В их основе лежат зоологические термины (*alfa-ženka* ‘альфа-самка’ и *alfa-mužjak* ‘альфа-самец’), относящиеся к социальным животным и обозначающие особей самого высокого ранга внутри группы. Это значит, что альфы получают преимущественный доступ к пище, у некоторых видов животных размножаются только альфы и т. д. Они достигают своего статуса с помощью превосходящей физической силы или с помощью создания альянсов внутри группы. В приведенных терминах произошла детерминологизация, и они вошли во фразеологический фонд хорватского языка, причем оборот *alfa-ženka* имеет значение — ‘доминирующая (самоуверенная) женщина, прирожденный лидер’, а *alfa-mužjak* — ‘доминирующий (самоуверенный) мужчина, прирожденный лидер’¹³.

«Словарь хорватских анималистических фразеологизмов» является одним из немногих словарей анималистических фразеологизмов, опубликованных в славянских странах, и, насколько нам известно, в нем наиболее широко охвачены понятия, каким-то образом связанные с миром животных, которые выступают компонентом во включенных в словарь оборотах. Авторы надеются, что фразеологический материал, представленный в словаре, может послужить основой для дальнейших исследований в области анималистической фразеологии — как в рамках хорватского языка и культуры, так и на сопоставительном плане с другими славянскими и неславянскими языками.

ЛИТЕРАТУРА

Вальтер, Мокиенко 2019: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты. Коллективная монография / Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Грайфсвальд; Санкт-Петербург, 2019.

Козлова 2001: Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. Москва, 2001.

Мокиенко 2019: Мокиенко В.М. Анималистическая фразеология в славянских языках на общеевропейском фоне // Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты. Коллективная монография / Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Грайфсвальд; Санкт-Петербург, 2019, 15–30.

Финк 2011: Финк Ж. Хорватский фразеологизм *živjeti kao bik na gmajni* и его эквиваленты в других языках // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые Жуковские чтения. К 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова. Том 1 / Отв. ред. В.И. Макаров. Великий Новгород, 2011, 294–298.

Финк-Арсовски 2013: Финк-Арсовски Ж. О Хорватско-славянском словаре сравнительных фразеологизмов // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013, 373–389.

Barčot 2017: Barčot B. Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija. Zagreb, 2017.

Fink Arsovski Ž. i dr. 2006: Fink Arsovski Ž. i dr. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Zagreb, 2006.

¹³ Обороты *альфа-самка* и *альфа-самец* с одинаковым значением употребляются и в русском языке.

Fink Arsovski Ž. i dr. 2016: Fink Arsovski Ž. i dr. Hrvatsko-romansko-germanski rječnik poredbenih frazema. Zagreb, 2016.

Piirainen 2012: Piirainen E. Widespread Idioms in Europe and Beyond. Towards a Lexicon of Common Figurative Units. New York, 2012.

Valenčič Arh 2014: Valenčič Arh U. Kdo je v trgovini s porcelanom? — Analiza živalskih sestavin v frazemu z diahronega vidika // Životinje u frazeološkom ruhu (mrežno izdanje) / Vidović Bolt I. (ur.). Zagreb, 2014, 1–16. http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Valencic_za_WEB.pdf

Vidović Bolt 2011: Vidović Bolt I. Životinjski svijet u hrvatskoj i poljskoj frazeologiji I. Zagreb, 2011.

Vidović Bolt (ur.) 2014: Vidović Bolt I. (ur.). Životinje u frazeološkom ruhu (mrežno izdanje). Zagreb, 2014. <http://animalisticki-frazemi.eu/index.php/znanstveni-skupovi/znanstveni-skup-21-i-22-ozujka-2014/zbornik-radova>

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

М.И. ЧЕРНЫШЕВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
<https://orcid.org/0000-0002-3066-6984>
chernysheva@bk.ru

Е.И. ДЕРЖАВИНА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
<https://orcid.org/0000-0001-8817-9348>
e_derzhavina@mail.ru

Представленное исследование позволяет в ретроспективном видении восполнить пробелы, касающиеся развития русской тематической лексикографии. Работа показывает, как это лексикографическое направление — с момента своего возникновения — не только вписывается, но и соответствует европейскому культурному и цивилизационному развитию своего времени. Что касается современного состояния русской исторической тематической лексикографии и перспектив ее развития, то следует сказать, что многочисленные разработки в области исторической лексикологии и лексикографии позволяют ставить вопрос о назревшей необходимости создания сводного исторического тематического словаря русского языка.

Ключевые слова: историческая лексикография, русский язык, тематическая лексикография, словари

RUSSIAN HISTORICAL THEMATIC LEXICOGRAPHY IN RETROSPECT AND PERSPECTIVE

M. CHERNYSHEVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

E. DERZHAVINA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

The presented research allows us to fill in the gaps concerning the development of Russian thematic lexicography in a retrospective vision. The work shows how this lexicographic direction — since its inception — not only fits in, but also corresponds to the European cultural and civilizational development of its time. As for the current state of Russian historical thematic lexicography and the prospects for its development, it should be said, that numerous researches in the field of historical lexicology and lexicography allow us to raise the question of the urgent need to create a cumulated historical thematic dictionary of the Russian language.

Keywords: historical lexicography, Russian language, thematic lexicography, dictionaries

Современная славянская диахроническая лексикография вместе с продолжением описания словарного состава в алфавитной форме стремится также и к другим способам оформления лексического материала. Образцы подобного рода известны также и в истории славянской и русской лексикографии.

Представленная работа преследует несколько целей и приводит к восполнению пробела в обобщающих описаниях по русской лексикографии (Шимчук 2003), касающихся истории возникновения и развития русской тематической (идеографической) лексикографии (некоторые данные см.: История русской лексикографии 2001). Работа дает возможность показать, как это лексикографическое направление — с момента своего возникновения — не только вписывается, но и соответствует европейскому культурному и цивилизационному развитию своего времени. Это исторический (ретроспективный) аспект рассмотрения.

Что касается современного состояния русской исторической тематической лексикографии и перспектив ее развития, то следует сказать, что многочисленные разработки в области исторической лексикологии и лексикографии позволяют ставить вопрос о назревшей необходимости создания сводного исторического тематического словаря русского языка, о чем уже было сказано в нескольких публикациях (Чернышева 2009 и др.) и к чему мы снова возвращаемся.

В рамках представленной работы мы не касаемся тематической, идеографической и семантической лексикографии современного русского языка и отсылаем к специальным исследованиям (среди которых: Морковкин 1970, 1977; Караулов 1976, 1981; Караулов, Молчанов 1982; работы Н.Ю. Шведовой¹, Л.Г. Бабенко² и мн. др.).

* * *

Если обратиться ко времени начала славянской письменности, то нельзя не вспомнить труды патриарха Фотия (IX в.), учителя будущего основоположника славянской письменности Кирилла-Константина, который в своем знаменитом описании книг «Библиотека», или «Мириобиблион», упоминает несколько греческих лексиконов, состоявших из подборки лексем и цитат по определенной тематике, в том числе, построенный по алфавиту богословско-философский тезаурус платоновского корпуса (Иванов 2017: 31).

Кирилл-Константин, ставший позже библиотекарем библиотеки константинопольской Святой Софии, обращался к словарным сочинениям своего учителя. Его переводческая деятельность и деятельность последователей Кирилла, осуществлявших первые славянские переводы с греческого языка, отражает знание

¹ Подробное описание, литературу и ссылки на пять томов изданного под редакцией Н.Ю. Шведовой труда «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (Т. I. 1998; Т. II. 2000; Т. III. 2003; Т. IV. 2007; Т. V. 2012) — см. (Белоусова 2013), а также: (Шведова 2011).

² Серия идеографических словарей, подготовленных под редакцией Л.Г. Бабенко, указана в работе (Бабенко 2015) и в данном труде (см. выше ее очерк «Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: уникальный проект лексикографов уральской семантической школы»).

греческой лексикографии византийской эпохи (Чернышева 2020) и владение современными теориями перевода. Как писала И. Огрен, «первые славянские переводы были созданы на твердой, развивавшейся на протяжении тысячелетия, теоретической и практической основе, которая стала базисом для всех средневековых переводов. И ряд явлений в этих переводах... оказывается универсальным, независимо от того, на какой язык, когда и где был сделан перевод: единственно общим для всех переводчиков были их знания, образованность и существовавшая к тому времени переводческая практика» (Огрен 1995: 169).

Славянская рукописная традиция, исторически связанная с поздней римской и византийской культурой, восприняла метод расположения лексического материала по темам и использовала его. В раннеславянской переводной литературе находятся первые образцы тематических подборок. К примеру, в древнерусском списке древнеболгарского «Симеонова сборника» — Изборнике Святослава 1073 года — на лл. 250 об. — 251 об. (Симеонов сборник 2015) есть четыре перечня названий месяцев народов тогдашней ойкумены (македонские, греческие, египетские и еврейские).

В ряде славянских рукописей обнаруживаются и другие тематические подборки, среди которых — библейские имена, именованья Бога и Богородицы и др. Так, в «Берлинском сборнике», среднеболгарской рукописи начала XIV в., представлено почти 70 «имен Господа» (Берлин. сб. 2006: 216–217). Близкий, с некоторыми добавлениями, перечень имен Господа, а также собрание 72 имен Богородицы находится в рукописи Московской Духовной Академии XVI–XVII вв. (Тихонравов 1863: 339–344).

На формирование этого пласта оказало влияние наследие блаженного Иеронима (Lagarde 1870: 160)³ и, безусловно, труды Отцов Церкви, где содержится обоснование смысла символических иеронимов (относительно именованья Богородицы см. подробнее: Чернышева 2017).

Продолжателем этого направления филологической деятельности был Максим Грек, составивший на Руси «Толкование именам по алфавиту», где алфавитный способ организации тематического материала выполнял вспомогательную функцию. Это сочинение было использовано затем составителями древнерусских Азбуковников (Коваленко 2013).

В переводческом кружке, который организовал в эмиграции князь Андрей Курбский, считавший себя учеником Максима Грека, при осуществлении переводческой деятельности использовались тематические латинские лексиконы, среди которых «Ономастикон» Конрада Геснера (1516–1565) и «Словарь исторический и поэтический» (*Dictionarium historicorum ac poeticum*) Шарля Этьенна (1504–1564) (Калугин 2000).

³ В связи с этим нельзя не вспомнить бесконечную «многоименность» Бога, подробно описанную в трактате Дионисия Ареопагита «О божественных именах» (известном в Византии с VI века), первоначальный славянский перевод которого относится к XIV в. (Dionysios Areiopagites 2010–2012). Впрочем, этот перечень имеет гораздо более ограниченный вид у Отцов Церкви, труды которых сохранились в средневековой переводной славяно-русской письменности.

Если обратиться к собственно древнерусской лексикографии, то нельзя не вспомнить, что первые лексические подборки, представленные в двуязычных древнерусских словариках (самые древние из которых — XIII в.), были тематическими. Соответствующие темы определились с самого начала: «Бог и небо», «царь», «человек» — как правило, это перечисление частей тела человека, позже названия родственников, «пища», «церковь, монастырь», «животные» и др. (Ковтун 1963).

Ярким образцом древней тематической классификации лексики был русско-греческий словарь «Речь тонкословия греческого», составленный, по-видимому, в середине XV века, где представлено несколько десятков лексических групп, иногда с соответствующими заголовками, например: «На человекѣцѣ порты: срачица, порткы...» (Vasmer 1922: 55). Тематика этого лексикона, включающая не только слова разных частей речи, но и лексические сочетания, разговорные фразы и др., достаточно широка, здесь находятся, к примеру, слова, обозначающие чувства, состояния, действия и качества человека: *мужьство, дрѣзновеніе, дерзость, кротость* и др. (там же: 43), можно заметить даже некоторые элементы синонимии и антонимии: *безмолвіе, молчание, многословие* (там же).

Традиция первых древнерусских словариков имела продолжение и в более позднее время. Она хорошо представлена в составленных западноевропейскими деятелями двуязычных словарях-разговорниках с русской частью, которые появляются с XVI века.

Так, в «Трондхеймском разговорнике» XVII в. тематическая классификация русской лексики очень дробная, она насчитывает 63 группы (Lunden 1972).

1. О Боге и обычии его ⁴	19. О всяких малых зверях и о гадах
2. О небесных твердех	20. О человеке и о всех человеческих внутренних и о вонных составах
3. О четырех частех сотворенных	21. О вонных и о внутренних мыслях и о нравах человеческих також и о душе
4. О дьяволе и о делах его	22. О воле и о похотении человеческом
5. О святцах и о праздниках	23. О телесном пребывании и о болезнях
6. О монастырях и о церквах	24. О смерти и о погребении
7. Об огне	25. О лекарстве
8. О воде	26. О огородном строении
9. О земле	27. О пахотном строении
10. О камнях	28. О мельнице
11. О рудах земных	29. О хлебном печении
12. О древесех и о земляном кладу	30. О животинном строении
13. О всяких травах и о цветах	31. О животинном свеживании
14. О рыбах	32. О звериной охоте
15. О птицах	33. О рыбной ловле
16. О диких зверях	34. О птичной ловле
17. О всяких животиных и о дворовых зверях	35. О приспехах (занятия)
18. О ползущих зверях, которые в воде живут и на земле	36. О питии

⁴ Названия приводятся в современном написании.

37. О извозничестве	51. О бане и о чищении
38. О кораблях	52. О платьях
39. О торговле	53. О езде
40. Речь простая всякая иная	54. О всяких родствах и о государствах
41. Число славенска языка как считать по-русски	55. О учительствах и о наказании
42. О домовом житии	56. О пении и о всяких играх
43. О рождении	57. О всяких неподобных делах
44. О родстве и племени	58. О властях
45. О съезде двора	59. О городовом бытии
46. О королевском чину	60. О съезде двора
47. О миру и о войне	61. О всяких рукодельных людях
48. О дворовом бытии	62. О духовном плоде и о всяких добрых делах
49. О столовом строении	63. О всяких словах, которые к речам годятся
50. О спальной каморе	

В «Псковском (русско-нижненемецком) разговорнике» Тенниса Фенне 1607 г. классификация более четкая и упорядоченная, она состоит из 47 групп и начинается, по традиции, с темы «О четырех элементах» — «Van den veer elementenn» (Hammerlich, Jakobson 1970: 19–22).

1. О четырех элементах	25. Упряжь
2. Имена месяцев и дней	26. Провизия
3. О церковных чинах и санах	27. Мясное
4. О светских чинах и санах	28. Напитки
5. О именах родства и семьи	29. Части тела
6. О хороших качествах человека	30. Одежда
7. О плохих качествах характера	31. Письменные принадлежности
8. Имена	32. Домашнее хозяйство
9. О деревне и городе	33. Орудия труда
10. О национальности	34. Корабельное
11. О названиях ремесел	35. Кожевенное
12. О войне и военных делах	36. Шкуры
13. Музыкальные инструменты	37. Металлы
14. Меры (измерения)	38. Соль и соления
15. О земле	39. Лен и конопля
16. О дереве и изделиях из него	40. Драгоценные камни
17. Плоды земли	41. Золото и серебро
18. Садово-огородные плоды	42. Русские монеты
19. Птицы	43. Травы и корни
20. Пресмыкающиеся	44. Шелковые ткани
21. Рыбы	45. Льняные ткани
22. Дикие звери	46. Цвета
23. Домашние звери	47. О тканях
24. Лошади	

В нескольких исследованиях показано, что на тематическую классификацию этих разговорников оказал влияние труд чешского гуманиста Яна Амоса

Коменского «Janua linguarum» (1631) (Людден 1974: 63; Lunden 1976: 42–43; Ivanov, Levichkin 2020: 233).

Прослеживается также связь между трудом Я.А. Коменского (1592–1670) и словарями Копиевича (Копиевского) (Копиевский 1700) и Ф. Поликарпова (Людден 1974: 63; Чума 1970: 43–44).

«Букварь» Кариона Истомина, напечатанный в Москве в 1694 году, Г.В. Судаков относит к идеографическим словарям (Судаков 1984). В третьей части «Букваря» приведено 87 лексем — названий, относящихся животному и растительному миру, 63 лексических наименования предметов домашней и хозяйственной утвари, а также названия одежды, обуви, тканей, украшений, некоторые именованья частей тела, музыкальных инструментов, явлений природы, лиц, есть географические и военные термины, лексика транспорта и др. (Судаков 1983: 18; Судаков 1984: 114, 116).

XVIII век, век «словарного взрыва», знаменит своими разнообразными тематическими словарями, особенно терминологического характера, как самостоятельными, так и в составе грамматик. Известно, что в XVIII веке было правилом «хорошего тона» помещать тематические словоуказатели и терминологические «реэстры» (иногда на нескольких языках) не только при сочинениях специальных, но и литературных, особенно переводных (полный указатель всех словарей XVIII века — см.: Вомперский 1986).

Особенно интересны тематические разработки, помещаемые при «Грамматиках» разных языков. Помимо того что они выполняли собственно филологические функции, в них можно обнаружить элементы протоидеографических лексиконов.

В тематическом трехязычном «Лексиконе» И. Копиевского (Копиевский 1700) находится 47 тематических групп, расположенных в трех колонках (подробнее: Чернышева 2009). Классификация лексики, использованная в этом труде, не может упрощенно оцениваться только как учебная, — она представляет собой один из первых опытов идеографической лексикографической систематизации лексики (там же).

Следующий тематический лексикон обнаруживается в «Букваре славяно-греко-русском» Федора Поликарпова (Поликарпов 1701), тематическая разработка которого в целом сходна с порядком «Лексикона» Копиевского (Березина 1980: 12–13).

В «Новой французской грамматике» В.Е. Теплова описано 56 тематических групп на французском и русском языках (Теплов 1752). Здесь можно заметить процесс постепенной детализации в осмыслении лексической семантики (например, впервые сделана попытка выделения семантических характеристик глагольного действия: «действия любви и ненависти»: *Aimer, любить; Baiser, целовать...*).

Большим достижением отечественной тематической лексикографии XVIII века следует признать тематический словарь, разработанный и помещенный в «Английской грамматике» Прохора Жданова (Жданов 1772), классификация которого

достигает 78-ми тщательно разработанных тематических групп⁵, где впервые последовательно выдержан частеречный семантический принцип (подробнее: Чернышева 2009).

В XVIII веке появилось множество тематических и специальных словарей (подробнее — см. Вомперский 1986; Биржакова, 2010).

Для второй половины века исследователи выделяют шестязычный тематический лексикон Г.А. Полетики (Полетика 1763), источником которого был англо-латино-греческий словарь Рея (Ray 1696), к которому Полетика добавил еще три языка и вынес русскую часть в левый столбец, а также четырехязычный словарь Ф. Гельтергофа (Гельтергоф 1776) (Биржакова, Малышева, Кузнецова 2013: 504).

Если обратиться к тематической лексикографии XIX века, то можно заметить нарастание тенденции к созданию тематико-терминологической классификации лексики и созданию соответствующих лексикографических справочников. Возникли словари, не потерявшие своего значения до сих пор не только для специалистов в области исторической лексикологии русского языка, но и для профессионалов соответствующих областей знания, — таков, например, «Техноботанический словарь» И.И. Мартынова (Мартынов 1820). Не менее важны терминологические лексиконы: словарь сельского хозяйства, промыслов, народного быта В.П. Бурнашева (Бурнашев 1843–1844), лексикон лесного дела П.Н. Верехи (Вереха 1898) и др.

Некоторые из тематико-терминологических словарей XIX века можно считать, скорее, тематическими лексиконами энциклопедического типа. Сюда относится — названное «словарем» — фундаментальное произведение Семена Ивановича Ушакова, где каждое понятие обосновывается и иллюстрируется обширными выписками из законодательных актов и постановлений (Ушаков 1817).

В XIX веке, когда начали последовательно собирать и описывать диалектную лексику (подробнее: История русской лексикографии 2001: 270–330), стали появляться также диалектные терминологические словари, например, опубликованный в начале уже следующего века «Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» (собранные материалы обработаны руководителем экспедиции И.Д. Кузнецовым, см.: Кузнецов 1915).

Помимо той роли, которую выполняли указанные лексиконы в истории формирования и развития тематической лексикографии в России, все они со временем, по справедливому замечанию А.С. Герда, становятся прекрасным материалом для современной исторической, в том числе и тематической, лексикографии: «Многие из таких словарей<, > задуман<ных> некогда как словари современного для их авторов (по характеру языкового сознания) языка... со временем превращаются в идеальные исторические словари своей эпохи» (Герд 2010: 28).

⁵ К примеру, в тематическую классификацию Прохора Жданова включены существительные со значением действия по глаголу и состояния человека и человеческого организма — «Извѣстные приключеніи и свойства тѣла»: *смѣхъ, плачь ... стонъ, стенаніе, чиханіе, икота, иканіе, рыганіе, оцепы-нныіе, одеревенныіе, засыпаніе или дремота* и т.д. (английские соответствия опущены).

* * *

От ретроспективы перейдем к нынешнему состоянию.

Современная наука предлагает самые разные образцы неалфавитной систематизации древней лексики. Один из примеров подобного рода: «Предметно-понятийный словарь греческого языка» крито-микенского периода (Казанскене, Казанский 1986).

Воссоздание понятийной системы древних языков находится в известном словаре по истории идей в ряде индоевропейских языков К.Д. Бака, где описано более 1000 групп синонимов основных индоевропейских языков (Buck 1949).

Один из последних опытов тематической классификации славянской лексики праславянского происхождения представлен в работе Р. Драгичевич, посвященной развитию лексической системы сербского языка. Здесь приводится состоящая из девяти крупных групп тематическая классификация сербской лексики праславянского происхождения: 1. «Человек, его особенности, деятельность, положение и т. п.» (7 подгрупп, куда входит «религия»); 2. «Животные» (3 подгруппы); 3. «Растения» (4 подгруппы); 4. «Пища»; 5. «Предметы, особенности предмета» (6 подгрупп); 6. «Географические понятия, атмосферные явления» (4 подгруппы); 7. «Время»; 8. «Процессы» (4 подгруппы, в первые две включены, в основном, глаголы); 9. «Разное»⁶ (Драгићевич 2017: 336–340).

Большое значение для развития современной неалфавитной лексикографии имела, как известно, классификация Халлига-Вартбург (Hallig, Wartburg 1963) и «Таблица идентифицирующих слов» (логических понятий) Ш. Балли (Bally 1909).

Этот опыт используется для тематической классификации лексики разных языков, в том числе, для представления исторического развития лексики славянских языков. В качестве примера можно привести базирующуюся на классификации Халлига-Вартбурга работу С.П. Гриценко, где находится систематизация латинизмов в украиноязычных текстах конца XVI — XVII столетия (Гриценко 2011).

Вообще интерес к неалфавитной форме представления результатов, достигнутых в алфавитном описании, можно считать одной из современных тенденций развития исторической лексикографии славянских языков.

Оригинальный проект был осуществлен после завершения в 2008 году «Исторического словаря словацкого языка» — «Historický slovník slovenského jazyka» (HSSJ). На базе этого словаря словацкие лексикографы создали фундаментальный цифровой корпус заимствованной лексики раннего периода с разработкой тематических группировок иноязычной лексики, оказавшей влияние на развитие семантики словацкой лексики долитературного времени (германизмы, богемизмы, мадьяризмы, полонизмы и др.) (Valentová 2017: 375).

В Институте польского языка Польской академии наук в Кракове осуществляется проект «Тематического словаря старопольского языка». Заголовочным

⁶ 1. Човек, његове особине, радње, стања и сл.; 2. Животиње; 3. Биљке; 4. Храна; 5. Предмети, особине предмета; 6. Географски појмови, атмосферске појаве; 7. Временски појмови; 8. Процеси; 9. Разно.

словом в словаре будет каждое из значений самостоятельных слов, собранных в «Словаре старопольского языка» (SStpl). Всего новый словарь будет насчитывать 180 тыс. заголовочных слов (в то время как в SStpl их 22591). Старопольская лексика в этом словаре будет сгруппирована примерно в 500 лексических полей по трем темам: а) Вселенная, б) Человек, в) Человек и Вселенная (Zajda 2017: 290).

* * *

Эти проекты могут служить образцом и ориентиром для создания будущего исторического тематического словаря русского языка — тема, к которой мы переходим.

В настоящее время русская диахроническая (историческая) лексикография использует возможности неалфавитной формы представления лексического материала только для разработки отдельных тем (Борхвальдт 1998; Гладилина 2007; Дьякова, Хитрова 2009; Замятина 1997; Исаев 2001; Романова 2017; Словарь промысловой лексики 2003–2015; Чернышева 2017; Шабалин 2007).

Уже существует возможность постепенного создания сводного (или — полного) исторического тематического словаря русского языка, поскольку самые крупные исторические словари русского языка — Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.) и Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (СДРЯ XI–XIV вв.) — приближаются к своему завершению.

На основе СлРЯ XI–XVII вв. проводилось несколько экспериментальных работ тематической направленности. Одна из них (по теме «Человек. Части тела») была посвящена созданию электронного словаря, соединяющего воедино материалы рукописной Картотеки ДРС⁷ и СлРЯ XI–XVII вв. (Чернышева 1998; Чернышева, Филиппович 1999).

Кроме того, с опорой на материалы СлРЯ XI–XVII вв., экспериментально создавались содержащие уникальный материал тематические словари, среди которых: «Наименования одежды в русском языке XI–XVII вв.», «Названия кушаний и напитков в русском языке XI–XVII вв.» и «Словарь музыкальной терминологии».

Далее приводятся некоторые данные об организации материала в одном из таких экспериментальных словарей.

Строение тематического словаря. Словарь строится в соответствии с разработанной общей структурной схемой темы, состоящей из тематических разделов — групп и, соответственно, подгрупп; все части структурной схемы имеют собственную нумерацию.

Словарные статьи внутри каждого раздела располагаются по алфавиту заголовочного слова.

Словарная статья представляет собой описание отдельного слова (если оно имеет одно значение) или (если слово имеет несколько значений) описание того значения, которое относится к определенному разделу темы. Значения, не при-

⁷ Картотека ДРС («Картотека древнерусского словаря») хранится в Москве, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Она является первоосновой СлРЯ XI–XVII вв.

надлежащие рассматриваемым тематическим группам, соответственно, не описываются.

Структура словарной статьи. I. Заголовочное слово и его варианты. II. Грамматические сведения. III. Толкование (дефиниция). IV. Иллюстративный материал. V. Устойчивые сочетания. VI. Ближайшее словообразовательное гнездо.

I. Заголовочное слово. Заголовочным словом является существительное или прилагательное (причастие) в значении существительного. Варианты заголовочного слова имеют самостоятельную словарную позицию: **МАНДИЯ** см. **мантия**.

II. Толкование слова, нумерация значений, пометы. В тематическом словаре существует своя нумерация значений, при этом нумерация основного Словаря (СлРЯ XI–XVII вв.) приводится в скобках. Например, в СлРЯ XI–XVII вв.: **ВИНО**, с. 1. *Виноград*. 2. *Вино*. 3. *Водка, спирт*. (СлРЯ XI–XVII вв., 2: 182–184); соответственно в тематическом словаре: **ВИНО**, с. 1(2). *Вино*. 2 (3). *Водка, спирт*.

III. Иллюстративный материал. Для иллюстрации выбираются, как правило, одна-две цитаты, остальные данные приводятся в виде сокращенных названий источников⁸.

V. Устойчивые сочетания даются в соответствии с материалом СлРЯ XI–XVII вв.

VI. Ближайшее словообразовательное гнездо. Для отображения словообразовательных связей описываемого слова приводятся его производные из того же словообразовательного гнезда.

В ходе создания такого словаря могут появиться дополнения, уточнения и исправления по сравнению с исходным материалом СлРЯ XI–XVII вв., неизбежно возникающие в ходе свежего прочтения словарных данных и в результате привлечения дополнительных фактов. При необходимости в словарную статью может быть включен комментарий в квадратных скобках.

Далее приводятся (в качестве образца) два отрывка из дипломной работы студентки Академии славянской культуры Е.А. Баньковой (Новоселовой), подготовленной под руководством М.И. Чернышевой в рамках проекта по созданию серии экспериментальных исторических словарей русского языка.

Образец первый.

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ

I. ОБЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ

ИМАТИЗМЪ, м. и **ИМАТИЗМА**, ж. *Одежда* (ср. греч. ἱματισμός ‘одежда, платье, одевание’). И о иматизмъ моемъ меташа жребия. Псалт. толк. XI в. (Толст.) пс. XIX. 2*⁹; Триод. Цвет., 75. XII в.* [— Ср. **матизма**]¹⁰ — СлРЯ XI–XVII вв., 6: 226.

⁸ Воспроизводятся сокращения и датировки, находящиеся в цитируемых выпусках СлРЯ XI–XVII вв. Последнее, обновленное и дополненное, издание «Указателя источников» — см.: Державина, Романова, Чернышева 2020.

⁹ Знак «звездочка» (*) означает, что информация взята из «Материалов» И.И. Срезневского (Срезневский); сохраняется сокращенное название источника.

¹⁰ Добавлена отсылка, отсутствующая в СлРЯ XI–XVII вв.

ЛОТАНИШКО, *с. Одежда (?)*. И работаючи я холопъ твои у твои гѣдрвы острож-
нои подѣлки восемь недѣль пристал и лотанишко придрал и боронишко и онбаришко
гѣдръ мое въ Лѣнском осталось. Якут. а., карт. 3, № 26. 1642 г. — СлРЯ XI–XVII вв.,
8: 287.

МАТЕЗМА см. **матизма**

МАТИЗМА (МАТЕЗМА), *жс. и МАТИЗМЪ, м. Одежда*. И о матизмъ мой меташа
жребья (ἰματισμόν). Ио. XIX. 24. Четвероев. 1144 г.*; Палея Толк², 116. 1477 г. ~ XIII в.;
Патерик Печ., 79. XV в. ~ XIII в. [— Ср. **иматизмъ, иматизма**]¹¹ — СлРЯ XI–XVII вв.,
9: 44.

НАДѢЯНИЕ, *с. Одевание*. Во осмый же день [после миропомазания] окупався,
якожь и прежь, налагаеть другая надѣяния на себя. СГГД III, 85. 1613 г. — СлРЯ XI–
XVII вв., 10: 68.

ОБЛАГЪ, *м. То, что носят, возлагают на себя*. Облагъ, περικραχήλιον. Влх. Сло-
варь, 335. XVII в. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 62.

ОБЛАЧЕНИЕ, *с. (1). Одежда*. И видѣ цѣря Савска вес<ъ> смыслъ Соломонъ и
домъ, иже създания Соломона, и устройство от отрокъ его, и предстояние служащих
ему, и облачение его (τὸν ἰματισμόν αὐτοῦ). (3 Цар. X, 4–5) Библ. Генн. 1499 г. — Ср.
облъчение. (Тж. VIII 3А¹²) — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 68.

ОБЛЪЧЕНИЕ, *с. Одежда*. Облъчение же нагихъ отя (ἀμφίαισιν). Панд. Ант.
(Амф.), 82. XI в. — Ср. **облачение, оболчение**. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 88.

ОБОЛЧЕНИЕ (-ЬЕ), *с. (2). Одевание, облачение*. А иже худыми оболчен [Павел]
рубы — се бес притчи слово: ту бо яриг, и власяница, и сукняныя одежда, и отъ козыхъ
кожь оболченъ. Кир. Тур. XII, 351. XVI в. ~ XIII в. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 123.

ОДѢВАЛО, *с. Одевание, покров; одеяло*. Видѣвъ, яко ветхъмъ и раздранъомъ сукня-
нъмъ одѣвальмъ покрывається, посла к нему одѣвало (по др. сп.: одѣяло) цѣною злат-
никъ. Никон. Панд. 122. (Яросл. сп.). XII в.*; Заговоры Олон., 511. XVII в. — Ср.
одѣяло. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 266.

ОДЕЖА, *жс. (1). То, чем покрывают, одевают тело, одежда; тж. образно*. Видѣние
твое многосвѣтло и естъство пламяно, одежда твоя мълъния и обличье златосиянно.
Мин. сент., 050. 1096 г. Одежа же его [отрока Феодосия] бѣ худа и сполатана, о семь
же многашды родителема его нудящема и облещи ся въ одежу чисты и на игры съ
дѣтми изити. (Ж. Феодос. Нест.) Усп. сб., 74. XII — XIII вв. И увидѣхомъ мужа страшна
зѣло; и бяше на немъ одежда никакая же, но развѣ власи бѣли. Сл. о трех мнисех,
139. XIV — XV вв.; Дон. д. IV, 329. 1649 г. — Ср. **одежда**. (Тж. V 2А; VI 5)¹³ — СлРЯ
XI–XVII вв., 12: 268.

• **одеженка**, *жс., уничжс. к одежда*. Одеженки и обуви взять негдѣ. Заб. Ик., 74. 1666 г.;
ДАИ XII, 355. 1687 г.; Южновеликорус. письм., 157. 1688 г. — Ср. **одеженко**. — СлРЯ
XI–XVII вв., 12: 269.

• **одеженко**, *с. То же, что одеженка*. А за твоей государевой пашнею ходячи, одеженко
все придрали и женишка и детишка изпроели, и нынече, государь, помираем голод-
ною смертию. Гр. Сиб. Милл. II, 152. 1598 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 269.

¹¹ В квадратных скобках добавлена отсылка, отсутствующая в СлРЯ XI–XVII вв.

¹² Приводится ссылка на вхождение этого слова (с другим значением) в еще одну группу темы.

¹³ См. предыдущую сноску.

- **одеженце (-цо)**, с., *уничиж. к одежда*. А я холопъ твой ни чѣмъ не пожалованъ, и отъ того я обѣднялъ и одолжалъ и одеженцемъ всѣмъ ободрался... Пожалуй меня холопа своего на одеженцо и чѣмъ долгъ оплатить. Заб. Ик., 44. 1660 г.; Столб. ик. 455. 1670 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 269.
- **одежишко**, с., *уменьш.-уничиж. к одежда*. А что, государь, со льну сческов хотя и сойдет не по многу, и мы, государь, те счески себе на одежишко прядем тако ж за прясляцами. А. Кадаш. сл., 57. 1632 г.; Суб. Мат. IV, 269. XVIII в. ~ 1668 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 269.
- **одежка**, жс., *уменьш. к одежда*. По одежке протягаи ножки. Сим. Послов., 135. XVI в. — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 269.

ОДЕЖДА, жс. (1). *То, чем покрывают, одевают тело, одежда*. Простѣшааго въ всемъ ишти: и въ брашнь и въ одежди. Изб. Св. 1076 г., 210; ... Дияволь, хотя искусити его, образъ и одежда жены уныа восприимъ, приступи къ святому Аверкию... ВМЧ, Окт. 19–31, 1757. XVI в.; Одежды совершают потребу одѣяния и покрывают тѣло. Скрижалъ, II, 264. 1656 г.; (Ав. Ж.) Пустоз. сб.¹, 37. 1675 г. — Ср. **одежа**. (Тж. V 2Ба; V 3А; VIII 2А; VIII 3А). — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 268.

- **одеждица**, жс., *уменьш. к одежда*. Молите, братиа, о нищимъ семь, яко еже имаше от одеждица. (Ж. Авксент.) Мин. чет. февр., 149. XV в.
- **одеждье**, с., *собр. Одежда*. Въпрошу вас, да аще угадаете его, дамъ вамъ одеждъ ѿ, аще ли не угадаете, возму вы одеждье все. Палей ист., 128. XV в. ~ XII в.

Образец второй

Б. ВЕРХНЯЯ (НАКИДНАЯ) ОДЕЖДА

а. МУЖСКАЯ и/или ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

БУГАЙ, м. *Верхнее платье на меху*. А ис порт изъ моихъ... Андрѣю с(ы)ну моему бугай соболии с напечки, съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ. Дух. и дог. гр., 8. 1339 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 1: 343.

ВОЛОТА [вм. **вотол** ?], жс. *Верхняя мужская одежда*. А мужи бы къ святому причастью во волотахъ не приходили, но снимаа волоты, а на комъ пригодится опашень или шуба, и они бы припоисывали. (Гр. мт. Киприана) РИБ VI, 242. XVI в. ~ после 1395 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 3: 9–10.

ВОТОЛА, жс. *Верхняя одежда*. Единъ же [из трех воров]... възлѣзъ горѣ, нача торгати яблока. И яся за вѣтъ: онои же отломльшися, си два отбѣгоста, пополошившася, он же, летя, запаяся вотолою за другую вѣтъ, и не имѣя помощи, удавися ожерельемъ. Патерик Печ., 119. XV в. ~ XIII в.; АИ I, 18. XVI в. ~ 1395 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 3: 73.

- **вотолка**, жс.. (1). *Уменьш. к вотол*. Даль Большому Ионѣ вотолку н<ову>, рукавицы верхницы н<овы>, надолонки. А. Уст. II, 278. 1668 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 3: 73.

ГОДОВАБНИЦА, жс. *Годовабница... одежда или шуба*. Алф.¹, 57. XVII в. — СлРЯ XI–XVII вв., 4: 58.

ЕМУРЛУКЪ, м. *Верхняя одежда для защиты от дождя*. Купя въ ряду сукна порпяну самого доброго семь аршинъ съ четью дать на емурлуки, да къ прежнему... емурлуку на рукова и на ожерѣля дать того же сукна два аршина. Расх. столб. Гал., 6. 1674 г.; Выходы цар., 647. 1677 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 5: 51.

ЕПЕНДИТЬ (ЕФЕНЬДИТЬ), м. *Род верхней одежды* (ср. греч. ἐπενδύτης). И съвълъкъ ефеньдить върьже на одѣние мъртъвця. (Пов. о ж. Епиф.) Усп. сб., 275.

XII — XIII вв.; Там же, 275. Павелъ сволкъ епиндить, рече къ отроку: иди, чадо, купи хлѣбы многы и принеси. ВМЧ, Сент. 14–24, 1381. XVI в. — СлРЯ XI–XVII вв., 5: 53.

ЕФЕНЬДИТЬ см. **епедить**

КАТАНОТИЙ (КАТОНОТИИ), *м. Накидка, плащ. Дажь ми саккомахионъ да съодежду, бѣ бо нагъ; дахъ же ему саккомахионъ, да съодежду, и единъ катонотии, иде и дѣла дѣлания въ ямѣ (κατανότιον).* Патерик Син., 225. XI — XII вв.; Никон. Панд., сл. 45, сп. XII — XIV вв*. — СлРЯ XI–XVII вв., 7: 89.

КАТОНОТИИ см. **катанотий**

КЕБЕНЯКЪ (КЕПЕНЯКЪ, КИБЕНЯКЪ), *м. Верхняя суконная одежда для ненастной погоды; зимняя шапка, род треуха; капюшон. Куплен кебеняк старческий черной. Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 1, 175. 1592 г. Епаньчи и кепеняки. Дм. К., 53. XVI — XVII вв.; Выходы цар., 12. 1633 г.; Там же, 27. 1634 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 7: 108.*

КѢПА, *жс. Род верхней одежды. Вели гѣдръ меня из Асторахани отпуститъ до Козани... а товару гѣдръ у меня... три софъяна, одинацатъ завесов выбоичетых... да про себя, гѣдръ, три кѣпы да ковришко. Астрах. а., № 732. Чел. 1623 г.; АХУ III, 163. 1634 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 7: 114.*

КЕПЕНЯКЪ см. **кебенякъ**

КИБЕНЯКЪ см. **кебенякъ**

КИТЛИКЪ, *м. Род верхней одежды (ср. польск. kitlik). Тотъ дѣтина... взялъ потаемне коробку, въ которой было... три футры смушковых, китликъ бараней. Польск. д. III, 750. 1570 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 7: 142.*

КОБЕНЯКЪ, *м. Верхняя суконная одежда, употреблявшаяся в дождь и в ненастье. Скроенъ гѣдрю кобенякъ лундышъ темновишневъ. Заб. Дом. быт, II, 814. 1628 г. 3 зипуна да кобенякъ. Баг.-Мат., 97. 1681 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 7: 208.*

КОШУНКА, *жс. Шуба кошунка — (?)*. Куплено Верховымъ нищимъ... Миките Вахрамѣву: шуба кошунка — шездесять алтынъ, подушка — четыре алтына четыре денги. ДТП III, 1345. 1670 г. — СлРЯ XI–XVII вв., 7: 397.

КУКОЛЬ (КУКЪЛЬ), *м. (1). Верхняя одежда, плащ с капюшоном. Рабъ куколя или урбуса или книгъ. Никон. Панд., сл. 15*. Куколь новъ. Там же, сл. 36*. — Ср. кукуль. — СлРЯ XI–XVII вв., 8: 112.*

КУКУЛЬ, *м. (1). Верхняя одежда, плащ с капюшоном. Или кукуль добръ възложимъ (τριβώνιον). Гр. Наз., 144. XI в.; (Ж. Гр. Неронова) Суб. Мат. I, 294. XVII в. — Ср. куколь. — СлРЯ XI–XVII вв., 8: 113.*

Приведенные образцы показывают необходимость унификации толкований.

Предполагалось также осуществление других проектов тематической направленности, например, опирающегося на СлРЯ XI–XVII вв. «Словаря социально-экономической лексики русского языка эпохи феодализма» (Державина, Дубовицкий 2017).

В основном завершена работа по созданию «Электронного исторического словаря заимствованной лексики в русском языке XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель М.И. Чернышева) (подробнее: Чернышева, Державина, Морозова 2020; Новак, Пенькова 2021 и др.). Один только список грецизмов в русском языке XI–XVII вв. (вместе с производными) насчитывает более четырех

тысяч лексем, а тематическая систематизация состоит из 20 крупных групп. Коллекция полонизмов насчитывает более трех тысяч слов. Собранный материал настолько обширен и сложен по своим лингвистическим характеристикам, что уже сейчас понятно, что проект необходимо продолжать.

* * *

Современное состояние русской исторической лексикографии позволяет надеяться на формирование в будущем сводного (полного) тематического словаря русского языка. Но, поскольку очевидно, что объем лексики русского языка XI–XVII вв. и сложность ее описания весьма велики, то создание лексикографического труда, построенного по типу, например, «Семантического словаря» Н.Ю. Шведовой, дело весьма сложное, и на нынешнем этапе можно говорить только о развитии исторической тематической лексикографии узкой направленности (в основном, одной темы).

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко 2015: Универсальный идеографический словарь русского языка. Проспект / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва, Екатеринбург, 2015.

Белоусова 2013: Белоусова А.С. О новых жанрах словарей русского языка под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013, 481–497.

Березина 1980: Березина О.Е. Два тематических лексикона начала XVIII в. (сравнительная характеристика) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Ленинград, 1980, 6–22.

Берлин. сб.: Берлински сборник. Среднобългарски книжовен паметник от началото на XIV век с допълнения от други ръкописи. Изданието е подготовено от Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. София; Виена, 2006.

Биржакова 2010: Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века. Санкт-Петербург, 2010.

Биржакова, Малышева, Кузнецова 2013: Биржакова Е.Э., Малышева И.А., Кузнецова И.Е. Русская лексикография — XVIII век // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013, 497–520.

Борхвальдт 1998: Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. Москва, 1998.

Бурнашев 1843–1844: Бурнашев В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 1843–1844.

Вереха 1898: Вереха П.Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. Санкт-Петербург, 1898.

Вомперский 1986: Вомперский В.П. Словари XVIII века. Москва, 1986.

Гельтергоф 1776: Гельтергоф Ф. Сокращенный четырехязычный словарь, а именно на немецком, латинском, французском и русском языках, в пользу юношества этимологического класса. Москва, 1776.

Герд 2010: Герд А.С. К типологии исторических словарей // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. Санкт-Петербург, 2010, 22–32.

Гладилина 2007: Гладилина Г.Л. Словарь лексики лесного сплава XVIII — первой половины XX в. Красноярск, 2007.

Гриценко 2011: Гриценко С.П. Лексичні латинізмів в українськомовних текстах кінця XVI — XVII століття. Київ, 2011.

Д. Ареопэг.: Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 1–3. Санкт-Петербург, 1870, 381–619.

Державина, Дубовицкий 2017: Державина Е.И., Дубовицкий А.Б. Словарь социально-экономической лексики русского языка эпохи феодализма // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. № 15. Минск, 2017, 135–139.

Державина, Романова, Чернышева 2020: Державина Е.И., Романова Г.Я., Чернышева М.И. Указатель источников // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочные материалы. Указатель источников. Словник (прямой). Москва, 2020, 15–215.

Дионисий 2006: Дионисий Ареопagit. Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника. Перевод с греческого и вступительная статья Г.М. Прохорова. Санкт-Петербург, 2006.

Драгићевић 2017: Драгићевић Р. Развој лексичког система српског језика од прасловенске епохе до почетка ХХI века // Лексикологија и лексикографија славјанских језика. Международни колективни труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017, 332–355.

Дьякова, Хитрова 2009: Дьякова В.И., Хитрова В.И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями). Воронеж, 2009.

Жданов 1772: Английская грамматика, сочиненная морского шляхетнаго кадетскаго корпуса учителем Прохором Ждановым. Санкт-Петербург, 1772.

Замятина 1997: Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. Москва, 1997 (перизд.: Москва, 2000).

Иванов 2017: Иванов И.А. Византийские лексиконы в богословско-философской образовательной традиции // Христианское чтение. 2017. № 1, 29–39.

Исаев 2001: Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. Москва, 2001.

История русской лексикографии 2001: История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. Санкт-Петербург, 2001.

Казанскене, Казанский 1986: Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка, крито-микенский период. Ленинград, 1986.

Калугин 2000: Калугин В.В. Переводные глоссы в агиографическом своде князя Андрея Курбского // Русская историческая лексикография на современном этапе. К 25-летию издания СлРЯ XI–XVII вв. Москва, 2000, 32–52.

Караулов 1976: Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. Москва, 1976.

Караулов 1981: Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва, 1981.

Караулов, Молчанов 1982: Караулов Ю.Н., Молчанов В.И. и др. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса от понятия к слову / Под ред. С.Г. Бархударова. Москва, 1982.

Коваленко 2013: Коваленко К.И. Лексикографические источники Азбуковника 1596 г. // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Гродно, 2013, 47–50. — Режим доступа: <https://iling.spb.ru/vocabula/persona/kovalenko/leksikograficheskie-istochniki.pdf> — Дата доступа: 08.04.2021.

Ковтун 1963: Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. Москва; Ленинград, 1963.

Копиевский 1700: Копиевский И.Ф. Номенклатор на русском, латинском и немецком языке. Амстердам, 1700.

Кузнецов 1915: Кузнецов И.Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Петроград, 1915.

Людден 1974: Людден С.С. Фрагмент немецко-русского словаря XVII в. // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Москва, 1974, 61–69.

Мартынов 1820: Техно-ботанический словарь на латинском и российском языках, составленный Иваном Мартыновым. Санкт-Петербург, 1820.

Морковкин 1970: Морковкин В.В. Идеографические словари. Москва, 1970.

Морковкин 1977: Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. Москва, 1977.

Новак, Пенькова 2021: Новак М.О., Пенькова Я.А. Электронный словарь полонизмов в русском языке XIV–XVII вв.: функции историко-культурных комментариев // Лексикография и лексикология у свету актуелних проблема. Сборник научных трудов (= Lexicography and Lexicology in the Light of Current Issues. A Collection of Papers). Belgrade, 2021, 391–406. <http://www.isj.sanu.ac.rs/ru/%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA-%D1%81%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%98%D0%B5/>

Огрен 1995: Огрен И. К вопросу о теоретическом и практическом базисе древнейших славянских переводов // Подобаєть памать сътворити. Essays to the Memory of Anders Sjöberg (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, 24). Stockholm, 1995, 157–172.

Полетика 1763: Полетика Г.А. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, немецком и английском: изданный в пользу учащегося российского юношества. Санкт-Петербург, 1763.

Поликарпов 1701: Поликарпов Федор. Букварь славяно-греко-русской. Москва, 1701.

Романова 2017: Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. Москва, 2017.

Русский семантический словарь: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. Т. I. «Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные: Всё живое. Земля. Космос». Москва, 1998. Т. II. «Имена существительные с конкретным значением: Всё создаваемое руками и умом человека». Москва, 2000. Т. III. «Имена существительные с абстрактным значением...». Москва, 2003. Т. IV. «Глагол: Глаголы неполнознаменательные, дейктические, бытийные, со значением активных действий, деятельности». Москва, 2007. Т. V. «Глагол: Глаголы со значением физических действий, движения, неактивных процессуальных состояний. Имена прилагательные с процессуальным значением. Счетные слова». Москва, 2012. Т. VI. «Имена прилагательные. Наречия. Предикативы» (том находится в работе).

СДРЯ XI–XIV вв.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII—. Москва, 1988–2019—.

Симеонов сборник 2015: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 3. Гръцки извори. София, 2015.

Словарь промысловой лексики: Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1–3. Санкт-Петербург, 2003–2015.

СлРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31—. Москва, 1975–2019—.

Срезневский: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. Санкт-Петербург, 1893–1912 г. (переизд.: Москва, 1989).

Судаков 1983: Судаков Г.В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. И.Г. Добродомов. Москва, 1983.

Судаков 1984: Судаков Г.В. Букварь Кариона Истомина — идеографический словарь XVIII века // Теория и практика русской исторической лексикографии. Москва, 1984, 113–123.

Теплов 1752: Теплов В.Е. Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на Российской язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым. Санкт-Петербург, 1752.

Тихонравов 1863: Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. Москва, 1863, 339–344.

Ушаков 1817: Ушаков С. Полный всеобщий стряпчий<, > или Словарь, руководствующий к познанию практического гражданского делопроизводства. Санкт-Петербург, 1817.

Чернышева 1998: Чернышева М.И. Человек в древнерусских и византийских памятниках (лексикологический аспект) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Москва, 1998, 569–591.

Чернышева, Филиппович 1999: Чернышева М.И., Филиппович Ю.Н. Историко-лексикологическое (тематическое) исследование (экспериментальный опыт на основе новой информационной технологии) // Вопросы языкознания. 1999. № 1, 56–83.

Чернышева 2009: Чернышева М.И. Исторический тематический словарь русского языка (проблемы и перспективы) // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Гродно, 2009, 80–87.

Чернышева 2017: Чернышева М.И. Именования Богородицы в древнерусской письменности. Москва, 2017.

Чернышева 2020: Чернышева М.И. Византийские лексиконы и ранняя славянская переводческая деятельность // Palaeobulgarica / Старобългаристика. 2020. XLIV. 4, 27–46.

Чернышева, Державина, Морозова 2020: Чернышева М.И., Державина Е.И., Морозова В.А. Составление, разработка и сопровождение Электронного словаря грецизмов в русском языке XI–XVII вв. // Rasprave. 2020. № 46/2, 65–82. https://hrcak.srce.hr/index.php?show=toc&id_broj=19531

Чума 1970: Чума А.А. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70 годов 18 века). Bratislava, 1970.

Шабалин 2007: Шабалин Д.С. Древнерусская музыкальная энциклопедия. Краснодар, 2007.

Шведова 2011: Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем мире) / Отв. ред. Н.Ю. Шведова, зам. отв. ред. А.С. Белоусова. Москва, 2011.

Шимчук 2003: Шимчук Э.Г. Русская лексикография. Москва, 2003.

Bally 1909: Bally Ch. Exercices sur la stylistique française (Traite de Stylistique Francaise. Vol. 2). Heidelberg, 1909.

Buck 1949: Buck C.D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas. Chicago, 1949.

Dionysios Areiopagites 2010–2012: Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert) / Hrsg. unter der Leitung von H. Goltz und G.M. Prochorov / Hrsg. von S. Fahl und D. Fahl unter Mitarbeit von K. Schaper. Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. T. LV. Freiburg i. Br., 2010; T. LVI (LV, 2). Freiburg i. Br., 2011; Bd. LVII (LV, 3). Freiburg i. Br., 2011; T. LIX (LV, 4.1–3). Indices. Freiburg i. Br., 2012.

Hallig, Wartburg 1963: Hallig R., Wartburg W. von. Begriffssystem als Grundlage für Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. 2., neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin, 1963.

Hammerlich, Jakobson 1970: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607 / Ed. by L.L. Hammerlich and R. Jakobson. Vol. II. Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka / Red. M. Majtán et al. 1–7. Bratislava, 1991–2008.

Ivanov, Levichkin 2020: Ivanov S., Levichkin A. Неизвестная рукопись Трондхеймского русско-немецкого разговорника // Scando-Slavica. 2020. Vol. 66. № 2, 232–246.

Lagarde 1870: Lagarde P. de. Onomastica Sacra. Gottigae, 1870.

Lunden 1972: Lunden S.S. The Trondheim Russian-German MS Vocabulary. A contribution to 17th-century Russian lexicography. Oslo; Berlin; Tromsø, 1972.

Lunden 1976: Lunden S.S. The 17-th century Trondheim manual of Russian and its contemporaries // Rocznik Slawistyczny. 1976. T. XXXVII. Cz. 1, 39–47.

Ray 1696: Ray Y. Nomenclator classicus, sive Dictionarium trelingue, secundum locos communes, nominibus usitatoribus anglicis, latinis, graecis. 3 ed. London, 1696.

SSłpl: Słownik staropolski. T. I–XI / Red. S. Urbańczyk. Kraków, 1953–2002.

Valentová 2017: Valentová I. Lexikografické spracovanie slovnej zásoby predpisovnej slovenčiny // Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017, 363–379.

Vasmer 1922: Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch. Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig, 1922, 11–121.

Zajda 2017: Zajda A. O słownictwie polskim poprzez wieki // Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017, 277–332.

СЛОВАРИ РУССКОЙ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ

Е.А. ЮРИНА

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>
yourina2007@yandex.ru

В статье освещаются уникальные словари лингвокультурологического типа, созданные в рамках масштабного проекта, посвященного комплексному лексикографическому описанию лексических и фразеологических средств репрезентации пищевой метафоры в русском языке и ряде других языков. Рассматриваются различные форматы словарей (книжный и цифровой), способы организации их макроструктуры (гнездовой и идеографический) и структуры словарных статей. Освещаются общие принципы отбора и презентации материала, прикладное и теоретическое значение рассматриваемых словарей.

Ключевые слова: лингвокультурологический словарь, пищевая метафора, образная лексика, фразеология, идеография, компьютерная лексикография

DICTIONARIES OF THE RUSSIAN GASTRONOMIC METAPHOR: NEW FORMATS OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION

E.A. YURINA

Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russia)

The article highlights the unique dictionaries of the linguoculturological type created within the framework of a large-scale project dedicated to the comprehensive lexicographic description of lexical and phraseological means representing food metaphors in Russian and a number of other languages. Various formats of dictionaries (hard copy and digital), ways of organizing their macrostructure (nested and ideographic) and structure of dictionary entries are considered. The article covers the general principles of data selection and its presentation, as well as the applied and theoretical significance of the dictionaries under consideration.

Keywords: linguistic and cultural dictionary, food metaphor, figurative vocabulary, phraseology, ideography, computer lexicography

I. Введение

За последние двадцать лет вышло в свет более восьмидесяти разнообразных словарей, описывающих различные фрагменты общезыковой образной системы и демонстрирующих новые подходы к лексикографической параметризации образных единиц языка и речи — лексем и лексико-семантических вариантов с метафорическим значением, образных сравнений, идиом, перифраз, паремий. Данное

направление словарного дела может быть обозначено термином *фигуративная лексикография* (Юрина 2015: 3; Грекова 2016: 18), коррелирующим с английским обозначением понятия *figurativeness* ‘образность’, русскими выражениями *фигуральный* ‘образный, иносказательный’, *фигура речи* ‘иносказательное выражение, в котором используются слова в переносных значениях’.

Словарный корпус фигуративной лексикографии составляют разнообразные по целям и структуре словари, объединённые образным характером толкуемых единиц — слов и выражений с метафорической внутренней формой, реализующих иносказательный (фигуральный) способ представления мысли или идеи. Объектом лексикографирования в рамках данного направления выступает образный язык (*figurative language*), понимаемый как закреплённая в узусе культурно обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике лексических и фразеологических единиц языка и регулярно, но вариативно, воспроизводимая в дискурсивных практиках.

В современных словарях¹ получают описание вербальные единицы образного строя языка — образная лексика (Блинова / Юрина 2007, Козинец 2011), устойчивые образные сравнения (Огольцев 2001), идиоматика (Баранов и др. 2009), паремика / «крылатика» (Берков / Мокиенко / Шулежкова 2005); невербальные его элементы — образы, символы, метафорические модели, культурные концепты (Гудков и др. 2004); дискурсивные репрезентации метафорических моделей и образов (Баранов / Караулов 1994, Кожевникова / Петрова 2015); парадигматически организованные фрагменты (микросистемы) — образные лексико-фразеологические поля и парадигмы, отражающие определённую концептуальную метафору (Юрина и др. 2015, 2017, 2019, 2020).

В процессе создания словаря вторичных образных номинаций лексикографу-исследователю приходится искать способы преодоления явного противоречия между традиционным подходом к словарному описанию, базирующимся на структурной модели языка, — и антропоцентрическим подходом, нацеленным на отражение в словаре различных аспектов проявления личности говорящего, в том числе — устойчивой системы образных представлений о мире, выраженных в языке. Если при традиционном подходе в толковых словарях метафорическая семантика отражается предельно редуцированно, образная лексика и фразеология описываются разрозненно, алфавитное расположение материала не отражает системный характер метафорической концептуализации объектов через призму исходных образов, то в антропоориентированных фигуративных словарях вырабатываются новые способы и приемы подачи и изъяснения материала, а именно:

1) дается развернутая словарная презентация вторичных образных значений; 2) эксплицируется мотивирующий компонент семантики образной единицы при толковании; 3) отражается прагматический потенциал толкуемых единиц и закреплённых за ними экспрессивных и эмотивно-оценочных коннотаций;

¹ См. краткий список словарей фигуративной лексикографии в финальной библиографической части данной статьи, раздел VII.

4) словарное изъяснение получает культурный фон и культурные коннотации в форме лингвокультурологических комментариев; 5) словарные статьи создаются с привлечением обширного текстового материала благодаря применению корпусных технологий; 6) в словарях фиксируются тематические, парадигматические, эпидигматические (мотивационные) и синтагматические отношения толкуемых языковых единиц; 7) моделирование макроструктуры словаря осуществляется с учетом системности описываемого фрагмента образного строя языка, поэтому материал систематизируется по идеографическому, тематическому, фреймовому принципам; 8) компьютеризируется процесс создания и формат представления словарного продукта: широко применяются корпусные технологии при сборе материала, создаются обширные электронные базы словарных данных, создаются цифровые версии словарей, снабженные гиперссылками и поисковыми системами.

В полной степени вышеизложенные принципы были задействованы при разработке концепции и реализации словарного проекта, посвященного лексикографической параметризации языковых единиц, отражающих концептуальную гастрономическую метафору².

Начало комплексному описанию русской пищевой метафоры в словаре лингвокультурологического типа было положено 11 лет назад, в 2011 году (Юрина 2011). Хотя первые научные публикации на эту тему появились несколько раньше. Именно во второй половине 2000-х годов ученые из разных стран мира обратили внимание на активное использование в современной речи образных слов и выражений, мотивированных наименованиями гастрономических феноменов, что способствовало всестороннему исследованию метафоры еды на материале разных языков (Юрина 2008, Berrada 2007, Korthals 2008 и др.). Тогда зародилась идея лексикографирования всего комплекса образных средств русского языка, отражающего метафоризацию одной концептуальной области. Такой подход позволил бы целостно представить в словаре характерную для сознания русской языковой личности систему метафорических образов, а метафора еды, как наиболее разнообразная и востребованная в речи концептуальная область-источник, имеющая глубокие культурологические корни, высокую прагматическую нагрузку и при этом достаточно отчетливые границы, оказалась оптимальным объектом для решения подобной лексикографической задачи.

Основу научной концепции серии словарей русской пищевой метафоры (далее — СРПМ), созданных под руководством автора данной статьи, составили положения когнитивной теории метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и лингвистической теории образности, подробно охарактеризованные в монографии

² В разные годы данное лексикографическое исследование было поддержано научными фондами РГНФ — проект № 14-04-0027 «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание» (2014–2016); фондом Менделеева Томского государственного университета — проект №. 8.1.31.2017 «Лексикографическая параметризация образной системы языка» (2017); РНФ — проект № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020).

(Юрина 2013: 16–67), согласно которым пищевая метафора понимается как способ осмысления явлений окружающего мира и внутреннего мира человека в терминах еды/пищи; а результаты этой ментальной процедуры закрепляются в языковых формах и значениях в виде вторичных образных номинаций с мотивирующей гастрономической семантикой: языковых метафор, собственно образных слов, образных сравнений, идиом, пословиц и поговорок, афоризмов, которые регулярно воспроизводятся в дискурсивных практиках с различной степенью варьирования.

Например, универсальная модель «Получение и обработка информации — это поглощение и усвоение пищи» представлена в семантике языковых метафор *глотать, поглощать, переваривать* (информацию, сведения) и т.п., фразеологизмов *разжевать и в рот положить* ‘растолковать, объяснить во всех деталях’, *щелкать как орешки / семечки* ‘легко решать сложные задачи’ и т.п.: *Иногда приходит какой-нибудь начинающий, в рукописи ничего путного нет, а ты ему все разжуй, положи в рот да еще и помоги проглотить* (Ю. Рытхэу. Время таяния снегов).

В соответствии с концепцией СРПМ были разработаны критерии отбора толкуемых единиц (1) метафорический / символический / иносказательный тип вторичного переносно-образного значения лексической или фразеологической единицы, 2) гастрономическая семантика мотивирующей лексической или синтаксической единицы с прямым значением), на основе которых создавались словарные «картотеки» в формате электронных лингвистических баз данных современного русского языка, а впоследствии также казахского, итальянского и английского языков. Привлекались образные средства, используемые в текстах от 50-х годов XX в. до наших дней. Источниками послужили толковые и фразеологические словари, лингвистические корпуса русского и других указанных национальных языков. Полный список источников представлен в соответствующих разделах словарей русской пищевой метафоры (СРПМ. Т.1 2015: 9–12, 21–24, 403–415; МЗПМ 2020: 18–19, 471–496)³.

На материале русского языка были созданы лингвокультурологический словарь «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов» (РПТ 2014), три тома «Словаря русской пищевой метафоры» (СРПМ Т. 1: 2015; Т. 2: 2017; Т. 3: 2019) и 2 тома идеографического словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры», первый из которых опубликован (МЗПМ 2020), а второй находится на стадии редактирования. Казахский материал представлен в лингвокультурологическом словаре «Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов» (КПТ 2014). На материале итальянского и английского языков Дж. Помаролли и О.В. Авраменко были написаны словарные статьи для цифрового «Полиязычного словаря метафор» (ПСМ: <https://metdict.ru>), на программной платформе которого интегрированы созданные по единой модели лексикографические базы русского, казахского, английского и итальянского языков, обеспеченные системой многоканального поиска.

³ См. список словарей пищевой метафоры в финальной части статьи, раздел VIII.

II. Общие принципы лексикографирования

Системное лексикографическое представление концептуально организованного метафорического фрагмента фразео-лексикона требует новых способов организации словарного материала. Поскольку главным объектом лексикографирования являются различные по структура языковые единицы с метафорическим типом семантики, лексика и фразеология подаются неразрывно, с учетом их смысловой и структурной близости.

Концепто-ориентированный подход обусловил тематический принцип организации макроструктуры словаря. Так как когнитивная модель метафоры имеет двучленную структуру — «Сфера-источник» проецируется на «Сферу-мишень» (или, в обратном направлении, явления из «сферы-мишени» осмысливаются по образу и подобию явлений из «сферы-источника»), — словарь может быть организован как по тематике исходной сферы, к которой относятся метафорические образы (в нашем случае — сфера «Еда/Пища»), так и по тематике целевых сфер, явления которых иносказательно обозначены посредством метафор, идиом, паремий («Человек», «Социум», «Природа», «Пространство», «Звук» и т.д.).

Как известно, вторичные образные номинации — это яркие экспрессивные средства речевого воздействия, которые выполняют не только номинативную, но и прежде всего образно-характеризующую, эмоционально-оценочную функции, несут культурную коннотацию, транслируя эталоны и стереотипы культурного кода⁴. В этой связи в толкования образных значений вводятся лексические элементы, эксплицирующие коннотативные семы, словарные статьи сопровождаются системой стилевых и экспрессивно-оценочных помет и развернутыми, тщательно отобранными контекстными иллюстрациями, которые отражают стихию современной речи, знакомят с образным, эстетически значимым воплощением авторской мысли, эмоционально-экспрессивным выражением оценочных суждений.

С целью изъяснения культурной коннотации в словарь включаются сведения общекультурного характера в форме лингвокультурологических комментариев, которые представляют собой относительно короткие тексты энциклопедического характера, связанные с национальной пищевой традицией, её образным и символическим переосмыслением. Они призваны познакомить читателя с историей и бытованием определенного продукта, блюда, посуды, способа приготовления и поглощения пищи, других гастрономических феноменов и связанных с ними обычаев, поверий, обрядов, ценностных стереотипов. Эта информация во многом проясняет основания метафорических проекций, реализованных в значениях образных средств языка.

Отличительной особенностью характеризуемых словарей является такой способ презентации лингвокультурного образного кода, как изъяснение типовых

⁴ См. работы Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных и др., идеи и терминологический аппарат которых составляют теоретическую базу изучения образного фразеолексикона (Юрина 2013: 33–38, 68–70).

образных представлений в виде лаконичных формулировок, демонстрирующих аналогии и образные уподобления, характерные для русской ментальности и языковой картины мира. Такое подробное изъяснение культурных коннотаций и культурного фона приобретает особую значимость для всех, кто изучает русскую культуру в процессе освоения языка и его образного ресурса, в первую очередь — учащейся молодежи и иностранцев, изучающих русский язык. Примеры словарных статей и их фрагментов будут представлены ниже при характеристике различных моделей словаря пищевой метафоры.

III. Формат гнездового словаря русской пищевой метафоры

Подача материала от сферы-источника «Еда/Пища» реализована в словарях, макроструктура которых организована по тематике исходной области метафорических проекций (РПТ 2014, СРПМ 2015–2019). Все многочисленные образные слова и выражения, мотивированные гастрономическими номинациями, распределяются здесь в соответствии с тематической группой гастрономических образов. Тем самым реализуется мотивационный подход, основанный на структурно-семантических связях языковых единиц: исходная номинация с прямым гастрономическим значением, несущая метафорический образ, мотивирует серию вторичных образных номинаций, которые называют широкий круг объектов, процессов, ситуаций, качеств по аналогии с исходным образом.

Такая комплексная лингвистическая единица, соотносимая по своей структуре со словообразовательным гнездом, терминологически определяется в наших работах как мотивационно-образная парадигма (Юрина 2013: 38–43), а на страницах словаря её репрезентирует лексико-фразеологическое гнездо, объединяющее серию словарных статей мотивационно связанных лексических и фразеологических образных единиц. Например, мотивационно-образная парадигма с вершиной *тесто* ‘густая вязкая масса, образующаяся при замешивании муки с водой или молоком и предназначенная для изготовления хлебобулочных и макаронных изделий’ включает образно мотивированные номинации *как тесто* ‘о полном, рыхлом теле человека’, *раскатать как тесто* ‘сформировать тонкий пласт из какого-л. материала’, *из одного теста сделаны / замешаны* ‘о людях, схожих по характеру, привычкам, воспитанию, находящихся на одном социальном уровне’ и др.; мотивационно-образная парадигма с вершиной *жажда* ‘сильное желание пить, острая потребность в употреблении воды, напитков’ включает образные метафоры и фразеологизмы *жажда* 1) ‘сильное желание получить, иметь, осуществить что-л.’, 2) ‘сильное стремление удовлетворить интеллектуальные и духовные потребности, познавательный интерес’, *жажда крови* ‘жестокость, тяга к насилию, желание убивать’, *жаждать* ‘очень сильно желать чего-л., страстно стремиться к чему-л.’ и т.п.

По описанной модели строится макроструктура небольших по объему лингвокультурологических словарей, созданных в рамках казахско-русского проекта

(РПТ 2014, КПТ 2014) и трехтомного «Словаря русской пищевой метафоры» (СРПМ 2015–2019), который является относительно полным собранием русских метафор, сравнений, идиом, пословиц и поговорок, отражающих метафоризацию гастрономической сферы как в национально-специфическом, так и в интернациональном, и универсальном, общечеловеческом, сегментах образной системы.

Первый том СРПМ с подзаголовком «Блюда и продукты питания» (СРПМ 2015) включает четыре раздела: «Продукты растительного происхождения» (*первый блин комом* ‘первый опыт деятельности был неудачным’), «Продукты жизнедеятельности животных» (*цвета топленого молока*. ‘о чем-л. белого с легким коричневым оттенком цвета, подобного цвету топленого молока’), «Мясные и рыбные продукты и блюда» (*сардельки* ‘толстые пальцы человека’), «Кулинарные блюда и изделия» (*сделать конфетку из чего* ‘довести до хорошего состояния то, что было плохим, негодным’).

Во втором томе «Гастрономическая деятельность» (СРПМ 2017), состоящем из двух разделов, собраны образные слова и выражения, метафорически называющие явления окружающего мира по аналогии с процессами приготовления пищи (*вариться в чем-л.* ‘находиться в определенных условиях, пребывать в какой-л. атмосфере, каком-л. состоянии’) и поглощения пищи (*грызть* ‘беспокоить, терзать, тревожить (о мыслях, чувствах)’).

Третий том «Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности» (СРПМ 2019) включает четыре раздела: «Свойства пищи» (*с пылу с жару* ‘о чём-л. совершенно новом, только что созданном’), «Субъект гастрономической деятельности» (*повар* ‘организатор событий общественной и политической жизни’, *гурман* ‘ценитель искусства, поклонник всего изящного, красивого’), «Кухня и кухонный инвентарь» (*кабак* ‘о помещении, учреждении, коллективе, в которых отсутствует порядок, нарушается дисциплина, не соблюдаются нормы и правила поведения’, *в час по чайной ложке* ‘не спеша, понемногу’), «Распорядок и организация питания» (*на закуску* ‘в дополнение к чему-л.’, *меню* ‘программа концерта, мероприятия, теле- или радиовещания’).

Такое построение макроструктуры словаря демонстрирует национальную пищевую традицию; позволяет сохранить единство исходного базового образа, метафорически воплощенного в системе образных лексических и фразеологических единиц языка; целостно представляет фрагмент общезыковой образной системы и транслируемой ею картины мира.

Презентация лексико-фразеологического гнезда (или мотивационно-образной парадигмы) открывается наименованием его вершины. Затем следуют 4 зоны словарного описания гнезда. I. Исходное значение. Включает толкование первичного прямого значения вершины гнезда и контекст, иллюстрирующий его типовое словоупотребление. Например,

ВАРИТЬ, несов. — **СВАРИТЬ**, сов. Готовить / приготовить пищу, питье путем кипячения в воде или другой жидкости (молоке, бульоне). — *В те дни у меня была мечта — вот кончится война и я сварю целое ведро картошки и накормлю досыта всю семью* (И. Архипова. Музыка жизни) (СРПМ Т. 2: 15).

Зона II. Образные значения. Включает словарные статьи, описывающие вторичные, мотивированные исходным значением, образные слова и выражения. Например,

ВАРИТЬ, несов., *что*. **ЯМ. Разг.** Тщательно обдумывать что-л., размышлять над решением какого-л. вопроса. *Экспр.* — Денег. Ты же видел, я ему дала. Пауза. *Что-то варит внутри себя. Потом:* — Неужели он один? Никто его не кормит? (И. Грекова. Перелом). Он услышал, как батюшка молился «о ниспослании победы православному русскому воинству». Думал об этом, что-то *варил* в себе. По дороге домой спросил маму: — А что, австрияки тоже молятся, чтобы бог послал им победу? (И. Грекова. Фазан).

ГОЛОВА / КОТЕЛОК / БАШКА (НЕ) ВАРИТ у кого. ФЕ. Разг. / Прост. О человеке, способном (не способном) хорошо соображать, быстро принимать правильные решения. *Экспр. Одобр. / Неодобр.* — После недолгой отсидки за драку в баре Майк поссорился с начальством и потерял работу. И тем не менее *голова у него варила* неплохо. Был в армии компьютерщиком, но принципиально не захотел работать на войну. Пацифист! (М. Валеева. Кусаки, рыжий бес) (СРПМ Т. 2: 15–16).

Зона III. Типовые образные представления. Включает формулировки стереотипных образных аналогий, выраженных значениями образных слов гнезда и отражающих характер уподобления определенного концепта из гастрономической сферы концептам из других понятийных сфер, например: «Процесс приготовления блюда в кипящей жидкости метафорически проецируется на процесс обдумывания, интенсивную мыслительную деятельность, в результате которой возникают готовые идеи, концепции, решения» (СРПМ Т. 2: 26).

Лингвокультурологический комментарий в первом томе СРПМ включается в структуру гнезда (Зона IV) и представляет собой относительно короткий текст справочно-изъяснительного характера, который содержит информацию о бытовании продукта или блюда в современной кухне, истории его происхождения, символическом переосмыслении, обрядовом функционировании и т.п. Во втором и третьем томах лингвокультурологические комментарии открывают тематические разделы словаря и не включаются в словарные презентации лексико-фразеологических гнёзд. Например, раздел 1.1. «Тепловая обработка продуктов» во втором томе СРПМ открывается следующим лингвокультурологическим комментарием (приводится в сокращении):

«Тепловая обработка осуществляется несколькими способами: приготовление в кипящей воде — варка, приготовление в сухом жару в печи — запекание, приготовление на раскаленной сковороде — жарение. Долгое время в традиционной русской кухне основными способами приготовления пищи были варка и выпекание в русской печи. Эти процессы велись всегда раздельно. Термическая обработка заключалась в нагреве теплом русской печи, сильным или слабым. <...> До середины XVI — начала XVII в. в русской национальной кухне отсутствовал такой процесс, как жарение в масле. Этот способ приготовления был заимствован у татар. В современной русской кухне жарка является равноправным способом приготовления наряду с варкой, тушением, запеканием, томлением и приготовлением на пару» (СРПМ Т. 2 2017: 14).

Каждое образное лексико-фразеологическое гнездо снабжено фотоиллюстрацией, демонстрирующей визуальный облик исходного метафоризируемого концепта или фрейма (блюда, процесса его приготовления и т.д.).

Приведем в качестве примера лексико-фразеологическое гнездо «Дрожжи» (в сокращении), представленное в 1-м томе СРПМ в подразделе 1.1. «Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия» раздела 1. «Продукты растительного происхождения»:

ДРОЖЖИ, -ей, мн.

I. Исходное значение.

Микроскопические грибки, вызывающие брожение. Пивные дрожжи. Хлебопекарные дрожжи. — Видимо, пивные дрожжи, по ошибке попавшие в чан с замешанным тестом, и совершили... чудо: тесто начало дышать и пузыриться. Хлеб из «живого» теста получался на диво нежным и легким («Семейный доктор»).

II. Образные значения.

ДРОЖЖИ. ЯМ. То, что является источником бурного развития, причиной изменений. Экспр. — Дрожжи нетерпеливой ненависти возвращали в ее душе страсть к большим деньгам... к пачкам, кошелкам, мешкам больших денег... (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Однако зоркие российские интеллигенты понимали, какие смертоносные дрожжи бросаются в российское общество. Были в этом обществе революционеры, которые вместе с горьковским Буревестником радостно предвкушали: «Буря! Скоро грянет буря! Пусть сильнее грянет буря!» (Г. Горелик. А. Сахаров. Наука и свобода).

ВЗОЙТИ КАК ДРОЖЖИ. ФЕ. Быстро увеличиться, стремительно развиваться. Экспр. — С окраин и из горских селений на городской рынок рекой текли фрукты, овощи, орехи, ягоды, они были тут фантастически дешевы, точно росли на всех без исключения деревьях и лесных делянках. Приветливость, привораживающая ласковость торговцев взошли как дрожжи на этом изобилии (И. Полянская. Прохождение тени).

ПУХНУТЬ КАК НА ДРОЖЖАХ // НА ДРОЖЖАХ РАЗНОСИТЬ кого. ФЕ. Стремительно толстеть (о человеке). Экспр. — Взять, например, моих теток — они всю жизнь твердили, что питаются исключительно обезжиренными и низкокалорийными продуктами, а сами пухли, как на дрожжах (Т. Тренина. Никогда не говори «навсегда»). А Шурка с легким сердцем вдруг запила, с мужиками заиграла еще лютей, но болезни ее не брали покуда, и частый хмель не старил, только вроде бы на дрожжах разносило ее, и все сдобнее, приглядистой становилась баба (В. Личутин. Крылатая Серафима).

РАСТИ КАК НА ДРОЖЖАХ. ФЕ. Быстро увеличиваться, стремительно развиваться. Экспр. — Число доносчиков росло, как на дрожжах. И эти дрожжи — ненависть, зависть, трусость, корысть — всячески поощрялись в партийной «кулинарии» («Вестник США»). Российский компьютерный рынок, который, в отличие от западного, растёт как на дрожжах, привлекает всё большее внимание иностранных производителей («Известия»).

III. Лингвокультурологический комментарий.

Дрожжи — обязательный ингредиент для приготовления хлебных, мучных, некоторых кондитерских изделий, кваса, пива, вина и других напитков. Главным образом применяются как разрыхлитель теста с целью увеличения его объема и улучшения качества: пышности, мягкости, усвояемости хлебобулочных изделий. В России дрожжи

долгое время назывались закваской. С глубокой древности на Руси выпекали квасные хлеба на крестьянских заквасках, которые готовили из ржаной муки, солода, овса, ячменя, пшеницы. Выпечка хлеба в народной кухне всегда была своеобразным ритуалом. Секрет его приготовления передавался из поколения в поколение.

IV. Типовые образные представления.

1. Образ поднимающегося на дрожжах теста метафорически проецируется на увеличивающиеся в размере предметы, развивающиеся психологические состояния или социальные явления.

2. Способность дрожжей увеличивать в объеме тесто образно ассоциируется с факторами, провоцирующими социальные изменения. (СРПМ 2015: 61–64).

Завершающими разделами в рассмотренных словарях являются «Список источников иллюстративного материала», который содержит фамилии авторов, названия и годы создания литературных, научных, популярных произведений; названия газет, журналов, официальных сайтов, а также «Алфавитный указатель», в котором представлен список всех толкуемых единиц (заглавных слов и выражений) в алфавитном порядке с указанием номера страницы, на которой расположена та или иная словарная статья.

IV. Формат идеографического словаря «Мир в зеркале русской пищевой метафоры»

По идеографическому принципу построен двухтомный словарь «Мир в зеркале пищевой метафоры» (МЗПМ Т.1 2020), который объединяет образные средства русского языка на основании денотативной отнесенности к общей сфере-мишени метафорической проекции. Его макроструктура отражает образную категоризацию мира посредством метафоры еды. Синоптическая схема была разработана индуктивным путем на основании анализа денотатов образных номинаций. Она включает следующие тематические области, соответствующие разделам и подразделам словаря:

1. «Человек»: Внешность (*вареники* ‘об оттопыренных ушах’), Гендерные и возрастные признаки (*старая кочерыжка* ‘обращение к старику, старухе’), Организм (*выжатый как лимон* ‘об уставшем морально или физически человеке, выбившемся из сил и не способном на какую-л. деятельность’), Физические действия (*потрошить* ‘извлекать содержимое из какой-л. емкости для хранения или транспортировки чего-л. (мешка, сумки и т.п.)’), Психика (*вкушать* ‘испытывать какие-л. состояния, чувства, эмоции’), Мышление (*каша в голове* ‘путаница мыслей, неспособность найти нужную информацию среди имеющихся знаний’), Характер и поведение (*буквоедство* ‘излишний формализм, мелочная придирчивость’), Речь (*размазывать кашу по тарелке* ‘излагать информацию запутанно, невнятно, недостоверно, вводя собеседника в заблуждение’), Социальное положение (*лаптем щи хлебать* ‘жить в нищете и невежестве, быть отсталым’), Профессиональная деятельность (*начинять* ‘устанавливать технические устройства, оборудование во внутренней части прибора или строения’);

2. «Социум»: Политика (*вегетарианский* ‘либеральный, более свободный и менее авторитарный, не допускающий репрессий (о политическом режиме)’), Экономика (*жирный кусок* ‘что-л. экономически выгодное, приносящее доходы, заманчивое’), Культура (*сборная солянка* ‘о чём-л. разнородном, не отличающемся единством стиля’), Межличностные отношения (*проест плешь / мозги кому.* ‘вызвать раздражение, крайне надоесть’), Общественная жизнь (*пищевая цепочка* ‘иерархическая структура общества, в которой выделяются более высокие и более низкие по положению социальные классы и группы’, *кухня* ‘скрытая сторона какой-л. деятельности’);

3. «Материальный мир»: Артефакты (*тарелка* ‘спутниковая антенна в виде большого белого диска, напоминающего тарелку’), Натурфакты (*чаща* ‘ландшафт, представляющий собой низменность, окруженную холмами или горами’), Растения (*чашечка* ‘часть околоцветника, состоящая из отдельных или сросшихся под венчиком чашелистиков, защищающих венчик цветка’), Животные (*в яблоках* ‘окрас лошади, для которого характерны множественные круглые пятна определенного цвета’), Физические явления и процессы (*насыщаться* ‘вбирать в себя какое-л. вещество (*вода насыщается сероводородом*)’), Свойства материальных объектов (*сдобный* ‘пышный, мягкий, объемный (о природных явлениях и материальных объектах)’), Звук (*сочный* ‘сильный, интенсивный (о голосе, звуках)’);

4. «Абстрактные категории»: Пространство (*штопором* ‘винтообразно, по спирали’), Время (*с пылу с жару* ‘сразу же, без промедления’), Мера (*крошка / крошечка* ‘очень мало, чуть-чуть’, *баранка* ‘цифра ноль, означающая нулевой результат’), Ценность (*выеденного яйца не стоит* ‘не имеет никакого значения, не заслуживает внимания’), Существование (*подпитываться* ‘существовать, развиваться благодаря помощи, содействию кого-, чего-л.’).

5. «Коммуникативы» — включает десемантизированные речевые формулы модального характера (*баранки гну* ‘ответ на побуждающую к сообщению реплику «Ну!», выражающий нежелание продолжать разговор’; *а потом суп с котом* ‘ответ на вопрос «А потом?» при нежелании продолжать рассказ о последующих событиях’).

Весь объем словарного материала равномерно разделен на два тома, первый из которых включает лексику и фразеологию, относящуюся к тематическим группам «Человек» и «Социум», а второй — ко всем остальным. В пределах подразделов словарные статьи подаются в алфавитном порядке по первой букве полнзначной заглавной лексемы. Каждый тематический подраздел идеографического словаря завершается списком толкований типовых образных представлений, реализованных в семантике образных слов и выражений данной группы.

Приведем в качестве примера словарные статьи из подраздела «Внешность», входящего в раздел «Человек» (в сокращении):

АДАМОВО ЯБЛОКО. ОН. Выпирающий у мужчин кадык. — *Хвастовство — такой же вторичный половой признак, как «адамово яблоко» или растительность на лице* (А. Геласимов. Дом на Озерной).

АПЕЛЬСИНОВАЯ КОРКА. ОН. Бугристая кожа человека, неровности которой вызваны изменениями в подкожно-жировом слое. — *Если кожное сало выделяется в избытке, то кожа приобретает жирный блеск, а расширенные протоки сальных желёз — поры — придают ей вид апельсиновой корки* («Наука и жизнь»).

АППЕТИТНЫЙ / АППЕТИТНЕНЬКИЙ. ЯМ. Разг. Привлекательный, соблазнительный, с пышными формами (о теле человека). *Экспр. Одобр.* — *Что он недавно сказал о моей фигуре? «Ты такая аппетитненькая, как сдобное тесто»* (Н. Нестерова. Между нами, девочками).

БАКЛАЖАННЫЙ. ЯМ. Об удлинённом мясистом крупном носе. *Экспр.* — *Лицо характерно-арабского типа венчал внушительный баклажанный нос, нависающий зрелым плодом, набравшим необходимую кондицию — в смысле величины* (В. Зангиев. Чужбина не встречает коврижками. История русского эмигранта).

БАРАНКОЙ. Твор. сравн. Разг. В форме кольца (о положении тела человека). *Экспр.* — *На узенькой скамеечке возле остановки, кое-как свернувшись баранкой, спал единственный официальный бомж нашего городка — Коля-дурачок* («Хурма.ру»).

БЕЗВКУСНЫЙ. ЯМ. Невзрачный, непривлекательный. *Экспр. Неодобр.* — *Надежда Игоревна, видели бы вы эту потерпевшую! Вот если бы вы ее своими глазами увидели, вам бы тоже такая мысль в голову не пришла. Очень уж она невзрачная и... безвкусная* (А. Маринина. Последний рассвет).

БЛИН. ЯМ. Разг. О лице человека с блестящей, лоснящейся, пористой кожей. *Экспр. Неодобр.* — *Если жирная кожа лица, что делать? Как превратить жирный блин в бархатистый персик?* («elinamukhtarova.ru»).

БЛИНООБРАЗНЫЙ. СО. Плоский, округлой формы, напоминающий блин (о частях тела). *Экспр.* — *У него, как у Моше Даяна, была на глазу черная повязка, которая странным образом очень ему шла, придавая блинообразному лицу некоторую мужественность* (Д. Рубина. Окна). *Идрис положил блинообразную ладонь на пробор ее распавшихся над худющей шейкой волос* (В. Скворцов. Каникулы вне закона).

БЛЮДЕЧКИ. ЯМ. О больших круглых глазах. *Экспр.* — *Окаменевшее лицо и глазоблюдечки — вот обычный результат нашего напряжения при съемке* («miridei.com»).

БУБЛИК. ЯМ. Прическа в виде косы, закреплённой в форме кольца. — *К примеру, девочки дошкольного возраста подойдут обычные косички, бублики, африканские косички, корзинка, колосок и его разновидности* (Н. Мусатова. Косы и косички).

ВАРЕНИКИ. ЯМ. // как ВАРЕНИКИ. В сравн. Разг. Об оттопыренных ушах. *Экспр. Неодобр.* — *Маленькие, широко расставленные поросёнышки глазки. Толстые уши — вареники. Свернутый набок нос* (Е. Худаев. Стриптиз для одинокой женщины). *Также, описывая внешность человека, часто говорят, что у него «губы как вареники» или «уши как вареники» — то есть большие* («bulbanews.ru») (МЗПМ 2020: 21–29).

Типовые образные представления⁵.

1. Округлые части тела и органы человека (кадык, нос, глаза, лицо, голова, вытянутые трубочкой губы, уши, подбородок, ладони, колено) образно ассоциируются с яйцом (*яйцеголовый, яйцевидный*), различными плодами съедобных растений (*арбузом, нос картошкой, дыня, репа, кочан, помидоры, тыква, яблоко, как ягода* и др.), изделиями

⁵ В связи с сокращённым вариантом демонстрации материала в данной статье нумерация типовых образных представлений не совпадает с соответствующим фрагментом словаря «Мир в зеркале пищевой метафоры».

из теста (*блинный, бубликом, вареники, пельмени, наподобие каравая* и др.), посудой (*как блюдечко, как котел, котелок, как тарелка, чайник, чугунок, ковшом, коленная чашка* и др.) подобной формы.

2. Удлиненные, вытянутые части тела и органы человека (глаза, нос, губы, пальцы, миндалины, мужской половой орган) образно ассоциируются с подобными по форме плодами съедобных растений (*баклажанный, как морковь, хрен, миндалевидный* и др.), сардельками, сосисками, носиком чайника и кувшина (*кувшинчиком, сардельки, как сосиски, как у чайника*).

3. Различные по форме прически из кос образно ассоциируются с хлебобулочными изделиями (*как булка, бублик, калач, каралька, кренделем*); прическа из коротко стриженных волос напоминает по форме горшок (*стриженный под горшок*).

4. Бугристая целлюлитная кожа образно ассоциируется с неровной поверхностью кожуры апельсина (*апельсиновая корка*). Морщинистая, покрытая складками кожа человека образно уподобляется неровной поверхности печеного яблока, кураги (*как печеное яблоко, как курага*). Жирная пористая кожа лица образно сравнивается с поверхностью блина (*блин, как блин с маслом* и др.) (МЗПМ 2020: 72–75).

Завершающими разделами идеографического словаря являются Список источников иллюстративного материала и Алфавитный указатель.

Традиционный книжный формат словаря имеет ряд ограничений по сравнению с цифровыми лексикографическими ресурсами. Создание цифровой версии СРПМ решает задачи хранения большого объема словарной информации, быстрого и эффективного поиска необходимых данных, пользовательского комфорта.

V. Формат цифрового полиязычного словаря метафор

Полиязычная метафорологическая лексикография только зарождается в современных условиях цифровой среды, обеспечивающей возможность мультилингвальной коммуникации с использованием инструментов автоматического перевода, массовым владением английским языком (как минимум на уровне «лингва франка»), распространением билингвизма и мультилингвизма среди участников кросскультурной коммуникации. Представляется, что в этих условиях цифровые ресурсы, транслирующие «образный срез» лингвокультуры, восполнят недостающий и весьма существенный для межкультурной коммуникации блок информации.

Накопленный в российской и мировой лингвистике опыт в области исследования концептуальной и языковой метафоры, лексической и фразеологической образности, а также в сфере создания словарей образных средств русского языка в книжном формате, включая гнездовой и идеографический словари пищевой метафоры, был положен в основу концепции цифрового полиязычного словаря метафор⁶ (ПСМ), цифровая версия которого размещена на портале <https://metdict.ru> в режиме ограниченного авторизованного доступа.

⁶ Разработчики — Е.А. Юрина (руководитель проекта), С.В. Лесников, М.В. Герасимова, О.В. Авраменко.

Существенный задел для формирования лингвистических баз ПСМ составили охарактеризованные выше тома гнездового СРПМ (2015–2019) и идеографического словаря МЗПМ (2020), а также созданные в рамках совместного российско-казахстанского проекта лингвокультурологические словари, отражающие русскую и казахскую пищевые традиции в зеркале языковых образов (РПТ 2014, КПТ 2014), материалы которых вошли в электронную оболочку словаря.

Концепция ПСМ нацелена на решение задачи системного словарного описания и презентации в электронном лексикографическом формате языковых единиц с метафорической семантикой в нескольких языках с возможностью установления соотносительных по значению и образной мотивации слов и выражений; выявления универсальных и национально-специфических аспектов разных национально-языковых образных систем и метафорических фрагментов картин мира. Лексикографической параметризации подлежит весь комплекс устойчивых вторичных образных единиц языка — переносно-образных лексико-семантических вариантов (языковых метафор); лексем с метафорической внутренней формой слова (словообразовательных метафор); устойчивых образных сравнений, идиом, пословиц и поговорок, авторских контекстуальных метафор. В соответствии с целью лексикографирования словарный материал группируется по языкам (русский, английский, итальянский, казахский, а в последствии и других языков), а в пределах каждого языка структурируется по концептному, идеографическому и гнездовому принципам.

Представленный на текущий момент объем материала ограничен рамками гастрономической метафоры как системы воплощенных в семантике языковых единиц исходных метафорических образов, транслирующих пищевой код культуры (рус. *квашина* ‘толстый неповоротливый человек’, англ. *muffin belly* букв. «живот-маффин» ‘о толстом свисающем животе’, итал. *gnocco* букв. «галушка» ‘увалень, неуклюжий или глуповатый человек’, каз. *май шелтек* букв. «жирная лепешка» ‘легкая прибыль, удача в каком-л. деле’ и т. п.). Структура цифрового словаря является открытой и пополняемой, что предполагает в перспективе включение материалов по другим языкам и другим концептуальным метафорам.

Все словарные статьи ПСМ хранятся пофайлово в единой лексикографической базе данных. При этом гиперссылки генерируются при помощи программного комплекса на основе предварительно препарированных и размеченных исходных словарных материалов. Процесс использования ПСМ напоминает работу в системе Интернет в локальном варианте на персональном компьютере. Структура словаря была ранее охарактеризована в ряде публикаций (Юрина 2018, 2019).

Концептный принцип группировки образных средств каждого языка осуществляется в соответствии с реализацией культурного кода, в основе которого лежит метафорическое и символическое переосмысление той или иной концептуальной области-источника. В перспективе помимо баз данных по пищевой метафоре (концептуальная область-источник «Еда») ПСМ будет включать словарные материалы по биоморфной («Природа»), антропоморфной («Человек») метафорам и другим типам сфер-источников метафорических проекций. Идеографический

принцип предполагает дальнейшую группировку внутри концептуальных областей по тематическим разделам: «Еда» — блюда и продукты, качества и свойства пищи, процессы приготовления, процессы поглощения, кормление, кухонный инвентарь, субъект гастрономической деятельности; «Природа» — природные стихии, объекты неживой природы, животные, растения и т. п.

Макроструктура ПСМ строится по концептно-ориентированному идеографическому принципу, в основе которого лежит систематизация материала по тематике исходной сферы — донора метафорических проекций. На текущий момент сформированы базы по пищевой метафоре в русском, казахском, английском и итальянском языкам. Метаязык словарного описания — русский. Иноязычные заглавные слова, их толкования и иллюстрирующие контексты приводятся на языке-источнике и в переводе на русский язык.

Классификация рубрик, представленная гиперссылками в тематическом указателе исходной сферы метафорического означивания, следующая:

1.1. «Блюда и продукты питания»

1. Продукты растительного происхождения: 1.1. Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия, 1.2. Фрукты, 1.3. Овощи, 1.4. Ягоды, 1.5. Грибы, 1.6. Орехи;
2. Продукты жизнедеятельности животных: 2.1. Молочные продукты, 2.2. Яйцо;
3. Мясные и рыбные продукты и блюда: 3.1. Мясные продукты и блюда, 3.2. Рыбные продукты и блюда;
4. Кулинарные блюда и изделия: 4.1. Закуски и гарниры, 4.2. Супы, 4.3. Сладости, 4.4. Напитки, 4.5. Приправы и специи, 4.6. Части кулинарных изделий, 4.7. Остатки пищи.

1.2. «Гастрономическая деятельность»

1. Процессы приготовления пищи: 1.1 Тепловая обработка продуктов, 1.2 Механическая обработка продуктов, 1.3 Химическая и ферментная обработка продуктов, 1.4 Приготовление составов и формирование кулинарных изделий;
2. Процессы поглощения пищи: 2.1. Поглощение пищи, 2.2. Поглощение жидкости, 2.3. Этапы и способы поглощения пищи, 2.4. Кормление, 2.5 Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи.

1.3. «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности»

1. Качества и свойства пищи: 1.1. Вкусовые свойства продуктов, 1.2. Качества, связанные с составом продуктов, 1.3. Высокая и низкая степень качества продуктов;
2. Субъект гастрономической деятельности: 2.1. Субъект поглощения пищи, 2.2. Субъект кормления и приготовления пищи, 2.3. Состояния субъекта поглощения пищи;
3. Кухня и кухонный инвентарь: 3.1. Место приготовления и поглощения пищи, 3.2. Посуда и прочий кухонный инвентарь.
4. Распорядок и организация питания

В пределах каждой тематической рубрики словарный материал распределен по гнездовому принципу. Вершину гнезда представляет мотивирующая лексема в прямом номинативном значении. В состав гнезда входят метафорически мотивированные слова и выражения, демонстрирующие образную, символическую, аллегорическую интерпретацию исходного феномена, обозначенного вершиной гнезда. При этом каждая подлежащая толкованию и контекстной иллюстрации языковая единица маркируется гиперссылками в соответствии с той категорией явлений из сферы-мишени, которые подлежат метафорической характеристике и/или номинации.

Приведем примеры из казахской, итальянской и английской баз:

казахский язык

ШЕЛПЕК «Лепешка».

I. Исходное значение.

Круглая тонкая лепешка на масле: дөңгелектеп майға пісірген жұқа нан. — *Жеті шелпек пісірдім* [Испекла семь **лепешек**] (www.szh.kz)

II. Образные значения.

МАЙЛЫ ШЕЛПЕК. ФЕ. Букв. «Жирная лепешка». 1. Легкая прибыль, работа, не требующая больших усилий: Қиындықсыз, бірқалыпты. — *Қай жерде гүлдің шоғыры көп болса, араның сол маңайға үйір болатыны секілді, қай жерде майлы шелпек болса, сол маңайға «халявщиктің де» үйірсек болатынын көзімізбен көріп, жарғақ құлағымызбен естіп жүрген жайымыз бар* [И видим и слышим как тянутся «халявщики» туда, где есть **жирная лепешка** (легкая нажива), словно пчелы, которые кружатся в местах, где много цветов] (<http://tabigatkulan.wordpress.com>). Категория: Экономика Категория: Выгода⁷

МАЙ ШЕЛПЕК ЕТТІ / ҚЫЛДЫ / БОЛДЫ. ФЕ. Букв. «Сделали /стал / быть жирной лепешкой». Сделать / стать источником прибыли, чаще незаконной: Әркім жем етті. — *Кезінде дүркіреп тұрған колхоздың байлығы кейбір қуларға май шелпек болды* [Богатство когда-то знаменитого колхоза стало **жирной лепешкой** (наживой), для аферистов] (Коллективный). Категория: Экономика Категория: Выгода

III. Лингвокультурологический комментарий.

Шелпек — древний традиционный национальный продукт казахского дастархана. Это мучной продукт, вид хлеба круглой формы. Он готовится в сковороде, тандыре или жарится на масле в казане. Готовится из слоеного, соленого или пресного теста, замешанного на масле и молоке. Шелпек обычно пекут в траурные дни и для поминовения предков в четверг и пятницу и раздают окружающим. Шелпек замешивают и пекут

⁷ Категории сфер-мишеней являются активными гиперссылками в цифровой версии ПСМ, при нажатии на которые выдается полный список словарных статей на слова и выражения, метафорически обозначающие данную категорию явлений.

опытные, многое повидавшие, религиозные женщины. По поверьям шелпек должен быть тонким и целым. В древности шелпек являлся символом солнца, и его пекли в дар солнцу. Эта традиция пришла из шаманизма и существует до сих пор.

IV. Типовое образное представление

Лепешка ассоциируется с легким обогащением, крупной прибылью.

итальянский язык

FOCACCIA.

I. Исходное значение.

Вид хлеба плоской формы, приправленного оливковым маслом или другими ингредиентами (розмарином, сыром и т. д.).

II. Образные значения.

RENDERE PAN PER FOCACCIA. Погов. (см. PANE) Букв. «Отплатить хлебом за фокачку». Отплатить за обиду, отомстить. — *Da quel momento in poi, non ebbi pace: dovevo rendergli pan per focaccia* [С той минуты я потерял покой: мне нужно было **отплатить** ему хлебом за фокачку (расквитаться с ним)] (I. Calvino. Le Cosmicomiche). Категория: Социум Категория: Межличностные отношения Категория: Конфликт

III. Лингвокультурологический комментарий.

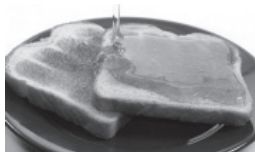
Слово *focaccia* происходит от латинского прилагательного *focacia*, которое в свою очередь восходит к слову *focus* «очаг». Существуют разные региональные варианты фокачки. Традиционно она состоит из трех основных ингредиентов: муки, воды и оливкового масла.

IV. Типовое образное представление

Совместно с образом хлеба фокачка символизирует равноценный обмен и ассоциируется с мстостью.

английский язык

TOAST.

I. Исходное значение.

Нарезной хлеб, зажаренный с двух сторон на гриле, огне или в тостере: sliced bread browned by exposure to heat, usually under a grill, over a fire, or in a toaster. — *Peel half the avocado and create a mash and use it as butter on the rye toast* [Очистите половину авокадо, сделайте из него пюре и используйте его в качестве масла на ржаном **тосте**] (The Immune Boosting Breakfast | The Naked Nutritionist).

II. Образные значения.

BE TOAST. ЯМ. Букв. «Быть тостом». Попасть в беду, подвергаться разрушению: to be doomed, ruined, or in trouble. — *She steals a quick look at Tyrone Wilson's swift and murderous hands, cringes at the very thought of them stealing the life from the only man she will ever love, and decides: next fifteen-minute break, Wilson is toast* [Она бросила быстрый взгляд на убийственные руки Тайрона Уилсона, съежилась от самой мысли, что они украдут жизнь единственного мужчины, которого она когда-либо любила, и решила: в следующий пятнадцатиминутный перерыв, Уилсон будет **тостом** (с Уилсоном будет покончено)] (Adam-Troy Castro. Neither Rain nor Sleet). Категория: Социум Категория: Общественная жизнь Категория: Трудности

BE THE TOAST OF SOMEBODY/SOMEWHERE/TOWN. ЯМ. Букв. «Быть тостом кого-л / чего-л. / города». Человек или вещь очень популярный/ая или уважаемый/ая в определенной группе людей: To be someone who is especially well-liked, regarded, or admired in a certain place. — *A year ago, Jimenez was the toast of the baseball party* [Год назад, Джименез был **тостом** (любимчиком) бейсбольной вечеринки] (Fuel missing from Rockies). *And at long last, Demian Bichir is, in fact, the toast of the town* [И, в конце концов, Демьян Бичир, на самом деле, **тост** (любимчик) этого города] (BEST ACTOR, EARLY ROLES). Категория: Статус Категория: Межличностные отношения

TO TOAST. ЯМ. Букв. «Жарить тост». Греться, согревать какую-л. часть тела у огня или другого источника тепла: to heat or warm thoroughly at a fire. — *Now she had her hands open over the flame, like the two wings of a hen, toasting herself, and with her face shaded by her own fingers* [Она держала руки открытыми над пламенем, как два крыла курицы, **поджаривая себя как тост** (подогревая себя), и ее пальцы бросали тень на ее лицо] (Sunday meditation: Latin America festival — Eyes of a Blue Dog). Категория: Человек Категория: Действия

III. Лингвокультурологический комментарий.

Слово *toast* происходит из латинского *torrere* (past participle *tostus*), обозначающего «сжигать, опалить, поджаривать». Практика поджаривания хлеба стала популярной в Римской империи с целью сохранения хлеба без потери его питательных свойств. Культура употребления тостов на завтрак была ввезена первыми британцами в Америку и прочно вошла в гастрономические традиции страны. Существует огромное разнообразие вариаций тостов, в зависимости от добавок к ним: тост с маслом, тост с джемом, тост с фасолью, тост с арахисовой пастой, тост с сыром и т.п.

В средние века кусочек зажаренного хлеба добавляли в вино и эль для улучшения вкуса и аромата напитка. Практика произносить тост (drink a toast «пить тост») восходит к 17 веку, когда слово *toast* стали использовать в отношении дамы, за которую предлагалось поднять бокал и выпить, метафорически отражая идею, что имя дамы будет придавать напитку вкус, как кусок пряного тоста. Такая традиция легла в основу образной аналогии между уважаемым, почитаемым и популярным в определенном месте человеком и тостом в современном английском языке.

IV. Типовые образные представления

1. Процесс поджаривания тоста и сам горячий тост ассоциативно связываются с теплом, подогревом, теплыми и уютными предметами.
2. Теплый и вкусный тост выступает образным эталоном для характеристики человека, являющегося популярным и любимым в определенном обществе или месте.
3. Поджаривание тоста является образным прототипом для описания человека, испытывающего большие проблемы, трудности.

Сфера-мишень обозначена в словарной статье посредством компьютерной разметки в соответствии с идеографической сеткой классификации концептуального пространства. Синоптическая схема ПСМ в своей основе она коррелирует с синопсисом идеографического словаря МЗПМ, но является более детализированной — трехступенчатой. На третьей ступени указаны группы денотативной отнесенности метафорических номинаций. Классификационная сетка демонстрирует концептуальную картину мира, выраженную образными средствами, транслирующими пищевую метафору в четырех рассматриваемых языках:

ЧЕЛОВЕК

1. **Внешность** (физические параметры)
 1. тело, кожа, конечности, лицо, глаза, нос, уши
 2. привлекательность
2. **Организм**
 1. болезнь, слабость, сила, бодрость
3. **Психика**
 1. горе, беспокойство, недовольство, гнев, сожаление
 2. радость, удовольствие, любовь, влечение
 3. интерес, желание/стремление, корысть
4. **Мышление**
 1. интеллект, память, познание, знание
5. **Поведение**
 1. лесть, подлость, жестокость, жадность, высокомерие, грубость, хитрость, наглость, безделье, безволие, критичность
 2. доброта, ласковость, щедрость, решительность
 3. чувственность / похоть
6. **Статус**
 1. богатство, бедность
 2. криминал, профессия, работа
 3. иерархия, семья, социализация, зависимость
7. **Возраст**
 1. детство, молодость, старость
8. **Пол**
 1. женщина, мужчина
9. **Действия**
 1. дышать, смотреть, бежать, идти, вращаться, загорать, пачкаться
 2. целовать, бить, резать, бросать, рвать, мыть

СОЦИУМ

1. **Политика**
 1. государство, политический режим, репрессии, война, коррупция, конкуренция
2. **Экономика**
 1. выгода, доходы, деньги, достаток, коммерция, финансирование
 2. затраты, убытки, дефицит, коррупция, конкуренция
3. **Культура**
 1. мероприятие
4. **Произведения искусства**
 1. Высокая / низкая ценность, выразительность / невыразительность, сентиментальность, эклектика, новизна

5. Межличностные отношения

1. конфликт, доминирование, конкуренция, изоляция, назойливость
2. дружба, опека, независимость, угождение

6. Общественная жизнь

1. нормы поведения, закономерности, активная деятельность, социальные условия, социальные группы, СМИ
2. трудности, стагнация, криминал, недовольство

МАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР

1. Натурфакты

1. небесные светила, погода, природные явления

2. Артефакты

1. предметы, действия предметов, свойства предметов

3. Животные

4. Растения

5. Характеристики объектов

1. цвет, консистенция, структура, форма, размер, характер поверхности

6. Пространство

1. ландшафт, пространственный объект, расположение, траектория

7. Запах и Вкус

8. Звук

1. голос, шум

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЙ МИР

1. Время

2. Мера

1. много, мало

3. Ценности

1. значимое, незначимое

4. Существование

1. возникновение, исчезновение

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ-КОММУНИКАТИВЫ

Данная синоптическая схема, размещенная на портале «metdict.ru» в разделе «Указатели», действует по принципу гиперссылок, нажимая на которые можно переходить к списку словарных статей из всех четырех словарных баз, предъявляющих номинации соответствующих категорий объектов и явлений действительности. Такой же поиск осуществляется при нажатии гиперссылок идеографической разметки, расположенных в завершающей зоне каждой словарной статьи.

Разметка материала в соответствии со сферой-источником и сферой-мишенью дает возможность пользователю осуществлять поиск и систематизацию материала в соответствии с получившей вербализацию базовой и частной метафорической моделью. Благодаря такой разметке из словарной базы могут отбираться образные единицы, построенные в разных языках по общим глобальным, базовым и частным метафорическим моделям.

На уровне микроструктуры словаря применяются расширенные зоны изъяснения, интерпретации, иллюстрации семантики толкуемых единиц. Используется

система помет, отражающая грамматические, стилистические и прагматические характеристики толкуемых единиц. Так, для квалификации экспрессивности и эмоционально-оценочного содержания используются пометы *Экспр.* — экспрессивное, *Неодобр.* — неодобрительно, *Осуд.* — осудительно, *Сожал.* — с сожалением, *Восхищ.* — с восхищением и др.

Полиязычный словарь метафор может быть использован для контрастивных исследований, как средство обучения русскому и иностранным языкам в контексте полиязычия и мультикультурализма, а также в качестве справочника для переводчиков и переводоведов, что в широкой перспективе позволяет рассматривать данный информационный ресурс как средство культурного трансфера — процесса трансляции знаний между разными культурами и освоения феноменов чужой культуры.

VI. Заключение

Рассмотренные в статье словари образных средств русского языка с мотивирующей гастрономической семантикой демонстрируют различные форматы лексикографической презентации концептуального фрагмента метафорической системы: гнездовой и идеографический, книжный и цифровой, одноязычный и полиязычный. Инновационный характер реализованного словарного проекта, который ещё далек от завершения и имеет дальнейшую перспективу развития, проявился в оригинальной концепции фигуративного (метафорического) словаря, в особых способах лексикографической презентации образных средств языка на уровне его микро- и макроструктуры, в применении современных компьютерных и корпусных технологий. Концепто-ориентированный способ организации материала, а также лингвокультурологическая направленность развернутых словарных изъяснений позволили решить не только собственно лингвистические задачи фиксации и лексикографической параметризации лексических и фразеологических единиц с метафорическим типом семантики, но и задачи когнитивно-прагматического характера: продемонстрировать устройство метафорической системы языка, отразить образное мировидение человека, сформированное практическим опытом, культурной средой и самим языком как инструментом мышления и носителем культурной традиции.

Серия словарей русской пищевой метафоры демонстрирует высокий смыслопорождающий потенциал концептуальной модели «Х — это Еда», её значимость для русской языковой картины мира; представляет разнообразные языковые варианты реализации пищевой метафоры в лексике, фразеологии, поговорках, текстах различной дискурсивной отнесенности. Собранный и представленный в словарях богатый текстовый материал свидетельствует об активном использовании пищевой метафоры в художественном, политическом, научном, медиа-дискурсе в качестве изобразительно-выразительного, экспрессивного и суггестивного воздействия.

Компьютерные технологии позволили в относительно короткие сроки реализовать представленный в статье лексикографический проект, соответствующий духу антропоцентризма и культурной детерминированности современной лингвистической парадигмы. Гнездовой и идеографический словари русской

пищевой метафоры, демонстрируют стоящие за образным словом и фразеологизмом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности; отражают широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих языковую семантику и погружающих её в более широкий семиотический контекст культуры. Полиязычный словарь метафор, работа над пополнением и усовершенствованием которого продолжается, являет собой модель образной системы языка в формате цифрового словаря.

VI. Список сокращений

англ. — английское
Букв. — буквально
В сравн. — в сравнении
итал. — итальянское
каз. — казахское
КПТ — Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов
МЗПМ — Мир в зеркале пищевой метафоры: Идеографический словарь.
мн. — множественное число
Неодобр. — неодобрительное
несов. — несовершенный вид
Одобр. — одобрительное
ОН — двухкомпонентная образная номинация
Погов. — поговорка
Прост. — просторечное
ПСМ — Полиязычный словарь метафор
Разг. — разговорное
рус. — русское
СО — собственно образное слово
сов. — совершенный вид
СРПМ — Словарь русской пищевой метафоры
Твор. сравн. — творительный сравнения
ФЕ — фразеологическая единица
Экспр. — экспрессивное
ЯМ — языковая метафора

VII. Краткий список словарей фигуративной лексикографии

Баранов и др. 2009: Фразеологический объяснительный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Москва, 2009.

Баранов, Караулов 1994: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. Москва, 1994.

Берков, Мокиенко, Шулежкова 2005: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Москва, 2005.

Блинова, Юрина 2007: Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск, 2007.

Брилева и др. 2004: Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. Зооморфные образы. Москва, 2004.

Зимин 2008: Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. Москва, 2008.

Жуков, Жукова 2015: Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. Москва, 2015.

Кожевникова, Петрова 2015: Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3. Растения. Москва, 2015.

Козинец 2011: Козинец С.Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов, 2011.

Мелерович, Мокиенко 1997: Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Москва, 1997.

Огольцев 2001: Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). Москва, 2001.

VIII. Список словарей пищевой метафоры

МЗПМ 2020: Мир в зеркале пищевой метафоры. Т. 1 / А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020.

ПСМ: Полиязычный словарь метафор. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://metdict.ru>. Дата обращения 24.08.2021.

РПТ 2014: Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов. Лингвокультурологический словарь / Под ред. проф. Е.А. Юриной. Составители: Боровкова А.В., Грекова М.В., Живаго Н.А., Захарова Н.В., Зинченко Н.С. Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2014.

СРПМ 2015: Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск, 2015.

СРПМ 2017: Словарь русской пищевой метафоры. Т. 2: Гастрономическая деятельность / автор. коллектив А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск, 2017.

СРПМ 2019: Словарь русской пищевой метафоры. Т. 3: Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности / автор. коллектив: А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск, 2019.

КПТ 2014: Тілдік бейнелер аясындағы қазақ халқының тағамдық дәстүрі: лингвомәдениеттану сөздігі / Бас ред. Е.А. Юрина. Көкшетау: Ш. Уәлиханов атындағы КМУ, 2014. [Казахская пищевая традиция в зеркале языковых образов. Лингвокультурологический словарь / Под ред. Е.А. Юриной. Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш. Уалиханова, 2014].

ЛИТЕРАТУРА

- Грекова 2016:** Грекова М.В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. 2 (10), 18–40.
- Ковшова 2008:** Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. 2 (67), 60–65.
- Красных 2003:** Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва, 2003.
- НКРЯ:** Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс, 2003–2016. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. Дата обращения: 01.04.2020.
- Телия 1990:** Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-прагматическом отображении // Фразеология в машинном фонде русского языка. Москва, 1990, 32–47.
- Телия 1996:** Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.
- Юрина 2008:** Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. 3, 83–93.
- Юрина 2011:** Юрина Е.А. «Словарь русской кулинарной метафоры»: принципы отбора материала и структура словарной статьи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. 3 (15), 70–78.
- Юрина 2013:** Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013.
- Юрина 2015:** Юрина Е.А. Предисловие // Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1. Блюда и продукты питания / Под ред. Е.А. Юриной. Томск, 2015, 3–6.
- Юрина 2018:** Юрина Е.А. Концепция полиязычного словаря метафор (на материале русского, английского, итальянского языков) // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей II Международного симпозиума / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2018, 270–275.
- Юрина 2019:** Юрина Е.А. Принципы систематизации лингвистических баз данных в электронном «Полиязычном словаре метафор» // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей III Международного симпозиума: в 2-х томах / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь, 2019, 135–140.
- Berrada 2007:** Berrada K. Food Metaphors: A Contrastive Approach // [Metaphorik.de. 2007. 13, 7–38].
- Korthals 2008:** Korthals M. Food as a Source and Target of Metaphors: Inclusion and Exclusion of Foodstuffs and Persons through Metaphors // Configurations. 2008. 16 (1), 77–92.

Часть вторая

УНИКАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ
И НОВЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

«РУССКО-БОЛГАРСКИЙ СЛОВАРЬ КВАЗИСИМВОЛОВ» КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В.И. АБРАМОВА

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
<https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>
istinijobraz@mail.ru

Ю.В. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
<https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>
archangelju@yandex.ru

Г.В. ТОКАРЕВ

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>
grig72@mail.ru

«Русско-болгарский словарь квазисимволов» вышел в свет в 2021 году. Он был создан специалистами из России и Болгарии и представляет собой первое издание подобного рода. В словаре 416 единиц, входящих в различные лингвокультурные коды и представленных в трех основных разделах: 1) квазисимволы, которые имеются в обеих лингвокультурах; 2) русские квазисимволы, не имеющие болгарских аналогов; 3) болгарские языковые символы, не имеющие соответствий в русской картине мира. Словарь в целом проясняет универсальное и национально-специфичное в символике двух славянских культур.

Ключевые слова: квазисимвол, лингвокультурология, языковая картина мира, символическое значение, русская лингвокультура, болгарская лингвокультура

«RUSSIAN-BULGARIAN DICTIONARY OF QUASI-SYMBOLS» AS A SOURCE OF LINGUOCULTUROLOGICAL INFORMATION

V.I. ABRAMOVA

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

YU.V. ARKHANGELSKAYA

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

G.V. TOKAREV

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

The “Russian-Bulgarian dictionary of quasi-symbols” was issued in 2021. The dictionary was created by the scientists from Russia and Bulgaria and represents the first publication of this kind. The dictionary contains 416 units included in different linguocultural codes and presented in the three main parts: 1) quasi-symbols that are presented in both linguocultures; 2) Russian quasi-symbols with no Bulgarian equivalents; 3) Bulgarian lingual symbols with no equivalents in the Russian view of the world. The dictionary clarifies in whole the universal and the nationally specific in the symbolism of the two Slavic cultures.

Keywords: quasi-symbol, linguoculturology, lingual view of the world, symbolic meaning, Russian linguoculture, Bulgarian linguoculture

В 2021 году вышел в свет «Русско-болгарский словарь квазисимволов», что стало заметным явлением, отражающим, как нам представляется, определенный этап в развитии лингвокультурологии как науки. Создавал словарь творческий коллектив ученых из России и Болгарии. Россия была представлена специалистами из Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого: В.И. Абрамовой, Ю.В. Архангельской, Н.А. Красовской, Д.А. Романовым, Г.В. Токаревым. Болгарскими соавторами выступили лингвисты Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского: К.Р. Гарева, Е.Д. Миланова, М.К. Росенова, И.Д. Стоев, Б.Т. Тенчева, Ю.И. Чакрыова, Н.П. Чернева, Б.Г. Янев. Проект был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008 от 09.08.2019). Руководителем проекта и ответственным редактором словаря был доктор филологических наук профессор Г.В. Токарев.

В определении квазисимвола авторы словаря опирались на концепции В.Н. Телии (которая и ввела в научный дискурс понятие «квазисимвола») и Н.Д. Арутюновой. В.Н. Телия отличала квазисимвол как языковой символ от собственно символа. Подчеркивая данную оппозицию, она отмечала, что «в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на сущность символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некую идею» (Телия 1996: 243). Вслед за Н.Д. Арутюновой составители словаря опирались на представление о том, что языковой символ (квазисимвол) обладает императивной прагматикой. Сопоставляя образ, метафору, символ и знак в статье «Метафора и дискурс», исследователь утверждала: «...образ психологичен, метафора семантична, символика императивна, знак коммуникативен» (Арутюнова 1990: 26). В другой своей работе — «Язык и мир человека» — Н.Д. Арутюнова писала об этом более подробно: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения...» (Арутюнова 1999: 338).

В качестве рабочего определения квазисимвола авторы словарных статей использовали сформулированную руководителем проекта Г.В. Токаревым следующую дефиницию: «...квазисимвол — вид лингвокультурных единиц, являющийся результатом вторичной семиотизации и обозначающий какую-либо идею; элемент

материальной культуры, имеющий вербальную природу, характеризующийся абстрактной семантикой, образностью, калейдоскопичностью, ситуативной ориентированностью значения и прагматической императивностью» (Токарев 2021: 5).

Главным основанием для определения квазисимвола является языковая интуиция исследователя, а также опора на фоновые знания и культурный опыт. Семантика языкового символа формируется на основе ассоциативных связей слова и его коннотаций, которые объективируются в виде описания типичных ситуаций, правил, норм и т.п.

Так, поговорка *первый блин комом* включает в свой состав квазисимвол *первый блин*. Образное основание данной единицы указывает на сценарий выпекания блинов, а именно прилипание первого блина к сковороде, невозможность снять блин со сковороды без изменения его формы. Данная картинка порождает семантику лингвокультурной единицы: начало любого дела не приносит желаемого результата, первая попытка неудачна, — которая в прагматическом аспекте выражается в виде послыла: будь готов к тому, что начало дела связано с неудачей.

В пословице: *кну́т не му́ка, а впе́рёд нау́ка* — квазисимвол *кну́т* указывает на физическое наказание за ошибки, проступки и т.п. Картинка, отражающая сценарий наказания, порождает значение: физическое воздействие на кого-либо, которая реализуется в императиве: ожидай неодобрения чьего-либо действия или бездействия в виде физического наказания.

Для составления словаря квазисимволов необходимо было определиться с источниками извлечения данных единиц из текстов лингвокультуры, каковыми стали аспектные словари (в первую очередь, словарь В.И. Даля) и прецедентные тексты, в том числе фразеологические единицы и паремии.

Выделение квазисимвола из состава паремии или фразеологической единицы включает следующие этапы:

- 1) предположение, что данный компонент имеет символическое значение;
- 2) определение семантики квазисимвола путём реконструкции его образного основания. На данном этапе осуществляется процедура буквального прочтения образа, его распаковка в виде разворачивания в виде сценария;
- 3) соотнесение полученной реконструкции с типичными ситуациями. Эта операция связана с типизацией реконструируемого сценария, его абстрагированием до выделения прототипической схемы. Так, в приведённых примерах сцена выпекания блинов обобщается до сценария выполнения любого дела; физическое наказание кнутом — до физического наказания вообще;
- 4) определение акциональной составляющей семантики символа. Этот этап связан с определением, к каким действиям побуждает символ. Императивность символа целесообразно формулировать с опорой на прагматические операторы: учти, будь готов к тому, ожидай и т.п.;
- 5) верификация полученных выводов путём моделирования лингвокультурных ситуаций, в которых используется квазисимвол. Лингвокультурная ситуация является разновидностью прагматической ситуации, в которой

отражён прототипический сценарий поведения участников коммуникации, их цели, намерения при использовании различных знаковых средств, а также реакции на данные процессы в культурном контексте, предполагающем отсылку к ценностям лингвокультуры. Исследователь на данном этапе осуществляет приём подстановки квазисимвола к конкретной ситуации, происходит стыковка выделенного значения с значением ситуации.

Выделенный квазисимвол должен отвечать критерию прецедентности, то есть иметь понятное для представителя лингвокультуры значение и употребление.

Квазисимволы, наряду с другими единицами лингвокультуры, являются узлами, основными координатами лингвокультуры. Культурная семантика квазисимвола заключается в образном основании. Из всего многообразия культурных практик языковое сознание отбирает те картинки, которые являются для него наиболее значимыми: *базар, баня, квас, каша* и др. Культурно значимой является интерпретация образного основания с опорой на нормы, установки, стереотипы, правила.

«Русско-болгарский словарь квазисимволов» включает 416 единиц, входящих в антропоморфный, анимический, акциональный, биоморфный, фетишный, пищевой, пространственный, временной, цветовой, религиозный, числовой и другие лингвокультурные коды. Квазисимволы расположены в порядке, соответствующем русскому алфавиту. Большинство единиц (324) имеют символические значения как в русской, так и в болгарской лингвокультурах. 89 из зафиксированных русских языковых символов не имеют аналогов в болгарском языке; 3 из зафиксированных болгарских — в русском.

Словарная статья имеет следующую структуру: 1) сигнификативный компонент значения (перечисление существенных признаков), которое начинается со слова «Символизирует...»; 2) императивный компонент, который вводится с опорой на операторы: *будь готов, учти, следуй* и др.; 3) стилистическая характеристика (эмотивность, оценочность, интенсивность — при необходимости, если имеется); 4) актуальная характеристика (если требуется — например, устаревшее, устаревающее и др.); 5) ограничения по сфере распространения (если имеются); 6) краткая лингвокультурологическая характеристика (фоновые знания), при этом акцент делается на толковании вербальной мотивирующей базы символа (например, разъясняются значения слов в раздельнооформленном квазисимволе, если их понимание затруднено), на причинах символизации значения; 7) иллюстрации, в качестве которых используются примеры его реализации в составе фразеологических единиц, паремий, текстов или их фрагментов; 8) прагматическая характеристика, указывающая на очевидные интенции употребления данного квазисимвола (Токарев 2021: 5–6).

В первой части словаря параллельно приводятся квазисимволы, которые имеются в обеих лингвокультурах: слева на странице — толкование русской единицы, справа — болгарской. Таких вербальных символов большинство. Вторая часть содержит описание русских квазисимволов, не имеющих болгарских аналогов. В третьем разделе толкуются болгарские квазисимволы, не имеющие русских аналогов.

Приведем примеры толкования квазисимволов, использующихся в обеих культурах: русской и болгарской.

В русской лингвокультуре *костер* символизирует жертву во имя идеи, дела жизни, истины: «Будь готов к жертве. Формирование символического значения основано на ассоциации костра с жертвой во имя идеи. Одного лишь он не мог бы отдать — счастья, пожертвовав ради революции всем, чем дорожит человек на земле, взойдя ради неё на костёр, он был бы счастлив [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989, НКРЯ]. Употребляется для констатации положения дел» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 110).

То же самое символизирует *клада* (*костер*) в болгарской вербальной культуре. Соответственно, в болгарской части словаря читаем: «Символизира жертва. Знай, че някой е бил принесен в жертва, бил е подложен несправедливо на наказание или е претърпял несправедливост. Замислиха ли се сценаристите на този най-долнопробен компромат, че влязоха в ролята на инквизитори, които изпращат на кладата на общественото мнение една невинна жена? [Валентина Попова. На кладата на политическия цинизъм // Тоест, 14.09.2019]. Формирането на символното значение е свързано с функцията на кладата като място за ритуално жертвено изгаряне. Използва се за описание на ситуация» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 110).

Некоторые квазисимволы в обеих лингвокультурах выражаются фразеологизмами. Например, устойчивая единица *полная чаша*, которая зафиксирована еще в словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и речь...» (Михельсон 1902–1903: 491), в русской языковой картине мира символизирует достаток. Императивный компонент формулируется в словаре следующим образом: «Знай, что некто живёт в достатке». Формирование символического значения основано на ассоциативной связи полной чаши, элемента посуды крестьянской семьи, с представлениями о достатке (Дом как полная чаша). Употребляется для констатации положения дел, для оценки (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 239).

Аналогичное символическое значение имеет болгарский фразеологизм *пълна чаша*: «Символизира изобилие. Знай, че някой живее богато. Очаквай излишество отнещо. Сърце прелива, като пълна чаша [Пенчо Славейков. Ралица (1903)]. <...> Формирането на символното значение се основава на асоциативната връзка между пълната чаша, елемент от посудата на селския живот, и представата за изобилие. Употребява се за констатация на състоянието на нещата, за оценка» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 239).

Такое полное совпадение значений квазисимвола не случайно, поскольку оно демонстрирует близость русского и болгарского народов, их языков и ментальностей.

Но так бывает далеко не всегда.

Так, в русской языковой картине мира *соль* символизирует то, что является самым существенным в чем-либо; придает особый смысл, интерес какому-либо делу, явлению: Соль в том, что имя преступника мы узнаем не в конце, а в самом начале — в заглавии [Александр Генис. Довлатов и окрестности (1998), НКРЯ].

Это единственное символическое значение, которое отражено в анализируемом нами словаре. Оно основано на представлении о магических свойствах соли (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 205). В славянской культуре соль символизировала достаток и благополучие, а также воспринималась как мощное защитное, очистительное, продуцирующее и в то же время вредоносное магическое средство. Кроме того, соль ассоциировалась с умом, любовью и дружбой. Существовало множество правил, регулирующих обращение с солью. Соль использовалась в родильных, свадебных, поминальных обрядовых действиях, в любовной, лечебной и скотоводческой магии. С помощью соли, по славянским поверьям, можно было навести порчу — отсюда выражение *насолить кому-нибудь* (Славянские древности 2012: 113–119).

В болгарской части словаря у данного квазисимвола выделяется не один, а целых семь семантических слоев. Один из них соответствует русскому: «Символизира нещо много важно, много съществено. Дружбата е солта на живота» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 205). Остальные символические значения не имеют аналогов в русской лингвокультуре, по крайней мере, в настоящее время, ведь они, так же как и лексические значения, могут устаревать. Например, в болгарском языке есть фразеологизм *кълцам / чукам / трия сол на главата*. Его буквальный перевод — рубить / стучать / тереть соль на голове, а значение — ‘измъчвам някого с непрекъснати натяквания, укори, кавги, скандали’ (Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974: 552), по-русски — ‘мучить кого-то сплошными инсинуациями, упреками, ссорами, скандалами’. Подобным символическим значением в русской картине мира обладает не квазисимвол *соль*, а соль как артефакт, что выражается, например, в примете о просыпанной соли. Считается, что это предвещает ссору, разлад в супружеской жизни, несчастья (Славянские древности 2012: 113). Культурно-историческим основанием возникновения этого значения является тот факт, что соль в России была очень дорогим продуктом, одним из немногих, которые при натуральном типе хозяйства крестьянам приходилось покупать. Из-за поднятия налогов на соль в XVII веке устраивались соляные бунты. Ситуация с солью не изменилась и в XIX веке — приправа по-прежнему оставалась непомерно дорогой для простых людей. Показательно в этом плане стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Щи». У крестьянки умер сын. Барыня пришла проводить ее в день похорон и увидела, как женщина хлебает щи. Дворянка в душе возмутилась и решила, что простые люди отличаются грубостью чувств. «Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посолённые.

Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево» (Тургенев 1967: 174).

Таким образом, в быту просыпанная соль ввиду ее высокой цены, действительно, могла вызвать ссору. Причинно-следственная связь, скорее всего, оказалась

настолько прочной, что соль стала ассоциироваться с разладом, упреками. Возможна и другая мотивировка возникновения символического значения соли как вещества. Поскольку соль использовалась в магических практиках, ворожбе, черных заговорах, ее просыпание, пусть и случайное, могло быть воспринято как элемент подобных действий и соответственно вызвать нарекания. Однако в русской языковой картине мира квазисимвол *соль*, обозначающий ругань, упреки, не сформировался.

Символические значения, выраженные фразеологизмами, также не всегда совпадают. Так, например, в обоих языках есть похожие фразеологизмы: русская устойчивая единица *хлеб-соль*, символизирующая гостеприимство, уважение, основную пищу, и болгарская *хляб и сол*, которая, имея подобные символические значения, является также знаком бедности, нищеты: «Дори да ям хляб и сол, / дори да тръгна бос и гол. / За теб, приятелю, ще платя / и най-високата цена [Емил Ангелов. Дори да ям хляб и сол]» (Перевод: Даже если я ем хлеб и соль, / Даже если я иду босой и нагой, / За тебя, мой друг, я заплачу / И самую высокую цену) (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 234). В русской картине мира *хлеб-соль* не является символом бедности, тем более нищеты: как мы писали выше, соль была весьма дорогой, а хлебом в течение короткого лета крестьянин должен был обеспечить себя на долгую зиму. В Болгарии лето длинное, зима короткая, земля плодородная, климат мягкий. Поэтому обеспечить себя разнообразными продуктами проще. Отсюда разница в символике фразеологизмов. Таким образом, в русской картине мира фразеологизм *хлеб-соль*, как и в болгарской (*хляб и сол*), является знаком обеспечения основных жизненных потребностей человека, однако для русского это мало, но достаточно, а для болгарина мало и недостаточно: «Символизира нещо основно, нещо малко, в малко количество. Хляб и сол готов обеда [Поговорка]. Дай ми днес хляб и сол, да чакам утре за печена кокошка. [Поговорка]. Формирането на тези значения идва от достъпността на солта и хляба» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 235). Исходя из этого, можно сделать вывод, что формирование символического значения русского фразеологизма *хлеб-соль* ('основная пища') опирается на представление о том, что хлеб и соль являются основой питания человека, а формирование символического значения болгарского фразеологизма *хляб и сол* обусловлено доступностью хлеба и соли в Болгарии. Как показали недавние археологические исследования, город Провадия, находящийся в окрестностях Варны, был крупным центром солеварения на территории современной Болгарии. С древних времен (эпоха поздней бронзы, 4700—4200 гг. до н.э.) там в промышленных масштабах производилась каменная соль, что привело, по мнению ученых, к расцвету Варненской культуры. «Археологи подсчитали, что в год поселение, раскопанное около Провадии, могло производить до четырех-пяти тонн соли» (Малянов 2012). Кроме того, соль, но уже морская, путем выпаривания добывалась на побережье. В г. Поморие сохранились действующие до сих пор солеварни и даже есть единственный в Восточной Европе музей соли. Это свидетельствует о том, что жители тех мест с древних времен не испытывали недостатка в соли. Соль была доступным для простых людей продуктом. Этим обусловлена разница в символике близких по составу фразеологизмов двух славянских народов.

Кроме того, в болгарском языке фразеологизм *хляб и сол* является знаком того, что кто-либо или что-либо дополняют друг друга: Погаждат се като хляб и сол (буквальный перевод: Подходят как хлеб и соль) (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 234). Формирование символического значения мотивировано, по мнению болгарских исследователей, тем, что в болгарской культуре часто встречается комбинация хлеба и соли. Хотя в русской гастрономической культуре подобное сочетание также не редкость, подобного символического значения русский фразеологизм не имеет.

Иногда отсутствие какого-либо символического значения обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как географические особенности рельефа. Как известно, большая часть европейской территории России находится в равнинной местности, а значительную часть территории Болгарии занимают горы. Этим, возможно, объясняется тот факт, что у квазисимвола *поле* в русской культуре есть значение 'воля', а в болгарской — нет (более подробно об этом см.: Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 172). Поле и волю в русской лингвокультуре объединяет то, что оба понятия связаны в русском сознании с широким пространством, простором: В поле воля. В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково. Жить по воле, умереть в поле. Не верь ветру в поле, а жене в воле. Взяли волю: едем по всему полю (Даль 1957: 834, 835, 841, 842). Д.С. Лихачев отмечал, что «воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» (Лихачев 1998: 476). А.Д. Шмелев писал: «Круг ассоциаций, которые возникли у слова *воля* и его производных, связан с широкими просторами, на которых можно делать, что душе угодно, поскольку нет каких бы то ни было законов и правил, стесняющих свободу <...>. Соответственно, и широкие просторы вызывают в сознании представление о воле, на котором можно разгуляться: ...Нашли большое поле — / Есть разгуляться где на воле (Михаил Лермонтов, Бородино)» (Шмелев 2018: 680).

В разделе словаря, где содержатся русские квазисимволы, не имеющие болгарских аналогов, представлены единицы, специфические для русской лингвокультуры, русской картины мира (*авось, авоська, баклуши, береза, первый блин, птица-тройка, щи* и др.).

Таким образом, «Русско-болгарский словарь квазисимволов» является результатом сравнительно-сопоставительного подхода к изучению языковых символов различных, хотя и близких, лингвокультур. Он представляет собой первый опыт лексикографического описания подобных единиц. И хотя в нем нашли отражение «иногда разные представления авторов на сущность символического значения» (Токарев 2021: 5), нельзя не отметить важность данного издания для развития сопоставительной лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1990: Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва, 1990.

Арутюнова 1999: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва, 1999.

Даль 1957: Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва, 1957.

Лихачев 1998: Лихачев Д.С. Заметки о русском // Избранное Великое наследие: Классические произведения Древней Руси. Санкт-Петербург, 1998.

Малянов 2012: Малянов Д. Город, построенный на соли // Газета.ru https://www.gazeta.ru/science/2012/11/03_a_4840249.shtml?updated

Михельсон 1902–1903: Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург, 1902–1903.

Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974: Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. Т. 1. София, 1974.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>. Дата обращения: 07.07.22.

Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: Русско-болгарский словарь квазисимволов / Отв. ред. Г.В. Токарев. Тула, 2021.

Славянские древности 2012: Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 5. С — Я. Москва, 2012.

Телия 1996: Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.

Токарев 2021: Токарев Г.В. О квазисимволе // Русско-болгарский словарь квазисимволов. Тула, 2021.

Тургенев 1967: Тургенев И.С. Ши. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. Т. 13. Москва–Ленинград, 1967.

Шмелев 2018: Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах *свобода* и *воля* // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 3, 675–700.

ИЗ ИСТОРИЯТА НА БЪЛГАРСКАТА ЛЕКСИКОГРАФИЯ («БЪЛГАРСКИ ТЪЛКОВЕН РЕЧНИК» ОТ СТЕФАН МЛАДЕНОВ)

Диана БЛАГОЕВА

Институт за български език
Българска академия на науките
(София, България)
<https://orcid.org/0000-0002-2616-2652>
d.blagoeva@ibl.bas.bg

В статията се разглеждат някои особености в реализацията на лексикографската концепция на *Български тълковен речник* от Стефан Младенов. Трудът предоставя многостранна и комплексна информация за българския словен състав и съчетава елементи на речници от други жанрове и типове: двуезичен, етимологичен, диалектен, ономастичен, правописен, етнолингвистичен, енциклопедичен и пр. Това обуславя неговия уникален характер и дава основание той да бъде определен като първи опит за създаване на универсален речник на българския език.

Ключови думи: история на българската лексикография, лексикографска параметризация, тълковен речник, универсален речник, лексикографски принос на Стефан Младенов

ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ («БОЛГАРСКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ» СТЕФАНА МЛАДЕНОВА)

Диана БЛАГОЕВА

Институт българского языка БАН
(София, Болгария)

В статье рассматриваются особенности реализации лексикографической концепции *Болгарского толкового словаря* Стефана Младенова. Словарь дает разностороннюю и комплексную информацию о болгарской лексике и сочетает в себе элементы словарей разных жанров и типов: двуязычных, этимологических, диалектных, ономастических, орфографических, этнолингвистических, энциклопедических и т.д. Этим определяется его уникальный характер. Можно сказать, что словарь Младенова является первой попыткой создания универсального словаря болгарского языка.

Ключевые слова: история болгарской лексикографии, лексикографическая параметризация, толковый словарь, универсальный словарь, лексикографический вклад Стефана Младенова

FROM THE HISTORY OF BULGARIAN LEXICOGRAPHY (STEFAN MLADENOV'S BULGARIAN EXPLANATORY DICTIONARY)

Diana BLAGOEVA

Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences
(Sofia, Bulgaria)

The article examines some features in the realization of the lexicographic concept of the Stefan Mladenov's Bulgarian Explanatory Dictionary. The dictionary provides versatile and complex information about the Bulgarian vocabulary and combines elements of dictionaries of other genres and types: bilingual, etymological, dialectal, onomastic, spelling, ethnolinguistic, encyclopedic, etc. This determines its unique character and gives grounds to define it as first attempt to create a universal dictionary of the Bulgarian language.

Keywords: history of Bulgarian lexicography, lexicographic parameterization, explanatory dictionary, universal dictionary, Stefan Mladenov's lexicographic contribution

Български тълковен речник от Стефан Младенов (нататък — БТР), който събира и систематизира значителна част от словното богатство на българския език от втората половина на XIX и първите десетилетия на XX, век заема специално място в историята на българската лексикография. Независимо от това, че остава незавършен, този речник полага основите на академичната лексикография в България. Опирайки се на лексикографската традиция от предходния век, най-значимото постижение в която е речникът на Найдено Геров, Стефан Младенов издига българското речниково дело на ново равнище, като го доближава до съществуващите тогава най-добри образци в европейската лексикография. Приложените в БТР лексикографски подходи и техники очертават приемствеността в развитието на българска лексикография¹: речникът е преходното звено между българското речниково дело от края на XIX и първото десетилетие на XX в., от една страна, и постиженията на българската лексикографска мисъл от втората половина на XX в., от друга страна, сред които следва да се посочат *Български тълковен речник* от Л. Андрейчин и колектив (с първо издание от 1955 г.; многократно преиздаван, включително в допълнен и преработен вид), *Речник на съвременния български книжовен език* в три тома (1955–1959), както и най-мощният проект в българската тълковна лексикография — многотомният академичен *Речник на българския език* (т. 1 от 1977 г.; продължаващо издание) (Чолакова 1978; Чоролеева 2013; Чоролеева 2018).

Работата върху БТР започва през двадесетте години на XX век и се извършва първоначално в рамките на Българската академия на науките по утвърден от нея план (Теодоров-Балан, Цонев 1916; Летопис 1919: 30–31), но впоследствие е изнесена извън Академията. В началото авторският колектив, освен Стефан Младенов, включва други трима видни български езиковеди — Александър Теодоров-Балан, Беньо Цонев и Стоян Аргиров. Поради смъртта на Б. Цонев (1926 г.) обаче и оттеглянето на Ст. Аргиров частта от първа до шеста свезка (А — допосявам) е разработена от Младенов и Балан, а от седма свезка нататък Младенов остава като единствен съставител. Първият том на речника (букви А — К) се публикува в 12 свезки в продължение на повече от две десетилетия (от 1927 до 1951 г.), а като общо книжно тяло излиза през 1951 г. със заглавието «Български тълковен речник

¹ За периодизацията на българското речниковото дело вж. (Кювчиева 1998; Чолакова 1978; Чоролеева 2013; Чоролеева 2018).

с оглед към народните говори» под авторството на Стефан Младенов и с «донегдешното участие на проф. А.Т. Балан» (БТР 1951: 1)². Ст. Младенов разработва речниковите статии също за частта Л — свят, но не успява да издаде нови свезки. След смъртта на автора (1963 г.) с редакционната обработка на подготвените речникови материали (от букви Л — Р) се заема проф. Йордан Заимов. Кр. Чолакова съобщава, че вторият том на речника е приет от Научния съвет на Института за български език и е предаден за печат в Издателството на БАН (Чолакова 1969). По неясни причини обаче той остава непубликуван. Така до ден днешен изготвените от Ст. Младенов и редактирани от Й. Заимов речникови материали продължават да бъдат непознати както за широката общественост, така и — до голяма степен — за специалистите филолози³.

Концепцията за речника е изложена в проспекта за неговото изработване (Аргиров, Младенов, Теодоров-Балан, Цонев 1920), както и в подготвения от А. Теодоров-Балан предговор на труда (БТР 1951: 3–20). Авторите си поставят за цел, следвайки приетото през 1917 г. от годишното събрание на БАН решение, да съставят «наръчен речник», който да съдържа «материали от книжовната ни реч като речника на Дювернуа и материали от народната реч като речника на Герова, но с по-широко и по-грижливо използване на литературните паметници и публикувания досега лексикален материал от народната реч»⁴ (Аргиров, Младенов, Теодоров-Балан, Цонев 1920: 4). Концепцията предвижда в речника «за всяка дума, освен нужното кратко и ясно определение, да се дава произходът на думата, граматичните форми, синонимите и антонимите (ако има), същинското и преносното значения с доста изрази, които да обясняват тия значения, като се посочва в по-важни случаи и изворът, а при по-мъчни определения да се прибегва за тълкуване до съответните френски или немски думи» БТР 1951: 3–4). Това синтезирано описание задава основните лексикографски параметри⁵ на труда: интерпретационен, етимологичен, граматичен, илюстративен, библиографски, преводен. В речника са застъпени също следните лексикографски параметри:

² За историята на речника вж. по-подробно (Чолакова 1978; Русинов 1990; Попов 2002: 285–289; Чоролеева 2013; Крумова-Цветкова, Джунова 2013) и др.

³ За първи път родната научна общественост беше запозната със съдържанието на непубликувания втори том на БТР и с някои особености на приложените в него лексикографски техники чрез серия публикации (вж. Атанасова 2020; Благоева 2020; Колковска 2020; Костова 2020; Кузмова 2020; Сумрова 2020) в сборника «Българският език — исторически и съвременни аспекти», издаден през 2020 г. от Института за български език при БАН в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов.

⁴ Първоначалното предложение на двама от авторите — А. Теодоров-Балан и Б. Цонев, представено през 1914 г. пред Историко-филологическия клон на БАН и публикувано в отделна брошура през 1916 г., е било по-различно и е предвиждало разработването на три вида речници: «всебългарски» *Речник на българския език*, който «изцяло обнима в себе езика на целокупния български народ, а то е всичко, шото има създадено за словесен изказ в общуването между българи от всички времена, места и общества (съсловия)», *Речник на българския книжовен език* и *Правописен речник* (Теодоров-Балан, Цонев 1916: 2).

⁵ По дефиницията на Ю. Караулов лексикографският параметър е минимална единица езикова информация, която се представя в речниците и чрез която може да се извърши класификация на лексикографската информация (Караулов 1981: 44).

формалноезиков, морфологичен, словообразователен, стилистичен, нормативен, фразеологичен, енциклопедичен, ономастичен, ареален, идиолектен и др. Представяната в речника лексикографска информация се отличава с подчертана широта и комплексност и в редица отношения надхвърля рамките на типичното за тълковен речник лексикографско описание.

Без да имаме за цел да правим изчерпателен анализ на възприетите в БТР лексикографски принципи⁶, тук ще се спрем на някои специфики в реализацията на определени лексикографски параметри и в прилагането на някои лексикографски техники в речника, които дават основание този труд да бъде характеризиран като уникален за българската лексикография. В изследването е привлечен материал не само от публикувания през 1951 г. първи том, но и от неиздания втори том на речника, като за целта е използван направеният в Института за български език машинописен препис на материалите за тома Л — Р, върху който са нанесени редакторските поправки на проф. Й. Заимов.

Съставът на словника на БТР се отличава с редица особености⁷. Една от тях се състои в това, че макар трудът да е определен като «преди всичко речник на българския книжовен език и на обществената българска реч»⁸ (БТР 1951: 5), той представя широко и словното богатство на диалектите (във връзка с това при издаването му като общо книжно тяло през 1951 г. към заглавието му е добавено пояснението «с оглед към народните говори»). Квалификаторът *обл. (областно)*, с който се маркират диалектни лексикални единици, присъства при множество заглавки като: *акрап* ‘вид скорпион’, *болчав* ‘болнав’, *врю* ‘съвсем, всичко’, *деве* ‘ала, но, обаче’, *дупец* ‘лале’, *ерембица* ‘яребица’, *жерава* ‘жарава’, *зааведойка* ‘пристануша’, *изотвождам* ‘излизам’, *калечче* ‘макара с конци’, *лабед*, *лебад*, *лембед*, *либед*, *лобод* и *люлебед* ‘лебед’, *ламберуда* и *ламперишка* ‘светулка’, *лаута* ‘цигулка’, *левен* ‘невен’, *лелек* (от тур.) ‘щъркел’, *лепир* ‘вампир’, *леса* ‘лисица’, *натрака* ‘напет човек, гиздосия’, *натурулякам се* ‘напивам се’, *небидник* ‘непрокопсаник’, *недохапница* ‘внезапно, ненадейно’, *пилешник* ‘вид фасул’, *песуляк* ‘сипей’, *правиия* ‘магия’, *пророк* ‘малко ревливо дете’, *пунавица* и *пухавица* ‘гъба пърхутка’, *пърлок* ‘есенен минзухар’ и др. Особено голям е делът на лексиката от народните говори, представена в неиздания втория том на речника. При това в този том за част от включените диалектни думи лексикографската информация е обогатена със сведения за тяхното териториално разпространение. Така например лексемите *нахнам*, *никутри*, *ножинка* са посочени като характерни за говорите в Родопите, *мошне*, *немой*², *оловина* — за западнобългарските говори, *немой*¹ — за източнобългарските говори, а *мерджемек* — за югозападните български говори. По този начин е направена крачка напред в сравнение с речника на Н. Геров, лексиката в който

⁶ Аналитичен коментар на концепцията, върху която е изграден речникът, и нейната реализация в публикувания том представя Д. Попов (Попов 2002).

⁷ По-подробно словникът на втория том на речника е разгледан в (Благоева 2021).

⁸ В предговора се посочва още: «Онова, което борави и трябва да борави като дума и реч общи български за словесно сношение между всички българи, за обработка на общата българска мисъл, на българската книжнина, то е градивото на нашия речник» (БТР 1951: 5).

е събрана «от устата на народа и от народните творения», но не е характеризирана според разпространението ѝ⁹.

Друга характерна особеност на словника на речника е това, че в него е отразена (без изчерпателност) ономастична лексика от различни класове: антропоними (*Здраве, Здравко, Иван, Индже-войвода, Лазар, Ласка, Люба, Малуда, Милош, Найда, Нино, Новак, Нягул, Опричко, Пройка, Първул*), топоними (*Марино поле*), урбоними (*Едерне, Магарово, Мекиш*), названия на държави (*България, Влашко, Мароко, Московия, Немечко, Немция*), хидроними (*Дунав, Марица*), астроними (*Лебед*), теоними (*Лада, Марс, Морфей*), митоними (*Мегера*), имена на празници (*Власов-ден, Иванов-ден, Маринден, Никулден, Никулица, Луда сряда*) и др. Регистрирането на подобни лексикални единици в тълковен речник не е характерно за съвременната лексикографска практика у нас¹⁰ (Влахова-Ангелова 2016), но е в духа на българската (и изобщо славянската) лексикографска традиция от XIX в. (Кювлиева 1998: 264)¹¹.

Начинът за представяне на ономастичната лексика в БТР не е унифициран. Нерядко информацията се изчерпва с отбелязване (с помощта на съответни квалификатори) на принадлежността на единицата към кръга на собствените имена, без да се дават други сведения:

Жеков м. соб. челяд.

Здрава ж. соб. лич.

Йоца ж. соб. лич.

Косан обл. м. соб. лич.

Отделни имена от чужд произход са представени чрез българските им съответствия:

Кабакчиев прил. м. соб. челяд. = Тикваров.

Левтер м. соб. лич. Свободко, Свободан.

Левтерка ж. соб. лич. обл. Свобода.

В други случаи речниковите статии на онимите съдържат сведения с лингвокултурологичен, етимологичен и енциклопедичен характер, обяснения за словообразователната мотивираност на името, указания за съответствия с имена от други езици, умалителни и съкратени форми, диалектни облици, препратки и др.:

Власов-дeнь м.: день на св. Влас. На Власов-день не се меси квасен хляб, защото се вярва, че инак цяла година хлябът ще излиза клисав и че, който се нарани през

⁹ Липсата на такива данни е едно от главните основания за критика към Н. Геров от страна на съвременниците му (Андрейчин 1975: XXXIV). Подобни критики отправя по-късно и самият Стефан Младенов, който пише: «Голям недостатък на Геровия труд е това отбягване да се отбелязват областните думи, толкова повече, гдето откъм тая страна Геров е имал добър пример за подражание в известния “Словарь живого великорусского языка” от В. Дал» (Младенов 1934: 59). По данни на Е. Машалова-Начева обаче, макар в Геровия речник да липсват сведения за източниците и разпространението на заглавните единици, в архива на труда такива сведения са били налични (Машалова-Начева 1967).

¹⁰ С изключения, отнасящи се например до названията на празници.

¹¹ Например в речника на Найден Геров, по данни на Т. Панчев в предговора към допълнението на речника, са включени 2200 «кръстни имена» (Панчев 1908: XII).

годината, ще му се подлютява, ‘власясва’ раната. Само два пресни хляба (пити) се месят сутринь рано; едната пита се яде от домашни и се раздава по роднини и съседи, а от другата захранват добитъка и ‘секат’ болест влас на волове, *вж.* Муков-денъ [...].

Дунавъ *м. соб. геогр. ... рус.* Дунай; *лат.* Danuvius, *нѣм.* Donau; *от кор. иран. (осет.* don = рѣка, вода).

Душанъ *м. соб. лич., ум. -анчо, ж. -ана, ум. ж. -анка*, произв. отъ душа; *вж.* Душка, Душко.

Иванъ *м. соб. лич., ум. м. -ко, с. -чо, гал.* Ванко, Ванчо, Ваньо; *стб.* Иоаннъ, *от грц.* Ἰωάννης, а то от ст.-евр.; *рус.* Иван, *блг. обл.* Еван, Ован, Иован.

Игнатъ *м. соб. лич. ...: ‘Огнян’; лат.* ignis = огънь, *срод., санскр.* Agni...

Никѡла *м. соб. лич., грц.* Νικόλαος (νίκη ‘победа’, ... λαός ‘народ’), *ум. с.* Николчо, *обл. (по грц.)* Николаки, *съкрат.* Колчо, Кольо, Коле, *ж.* Николина, Николинка.

Марко *м. соб. лич. кор. ст. евр., лат.* Marcus Евангелист Марко. [...]; в нар. пес. Марко = крал Марко, владетел на Прилеп в Югозападна България или Македония; Марко Кралевич, Марко Кралевити.

Интерпретационният параметър в речника има специфични реализации не само при заглавките, които се отнасят към ономастичната лексика (Благоева 2020). Семантизацията на останалите типове речникови единици се извършва най-често чрез описателна дефиниция, но при това тълкуванията нерядко са разширени и допълнени с етимологични и прагматични разяснения, лингвокултурологична и енциклопедична информация:

вампѣр *м.* [...] 1. същество на поверието, лош ношен дух, който пие човешка кръв, *вж.* боганец, лепир, вълкодлак, пълтеник. Вярва се, да става от мъртвец, бил приживе зъл и несправедлив между люди, от тях проклет или от мъртвец, когото прескочи котка. Той ходи нощем по селища, да безпокои и мъчи, кого си избере, *вж.* таласъм. Него може да види само човек съботник, роден в събота; може и да го убие со шиш от черен глог; тогава из телото му изтича млахава, съсирена кръв.

вѣщица [...] б) малка пеперуда, що фърчи вечер около пламъка на свещ или около лампа: казват, че тия пеперудки били уж бродници, що ходят да крадат огъня.

вила *ж.* [...] справа в стопанство за прибиране, вдигане сено, слама и др.; *обикнов.* от дървен сък, на края разсохат, образуващи два дълги зъба; правят се вили и с два или три зъба дървени, прикрепени о една държала, или железни.

лисá *ж.* вид болест, от която слита или капе косата. По народна етимология се свързва името на тая болест с пророк св. Елисей, та се празнува св. Елисей за излекуване от болестта.

наздраве *нар.* 1. благопожелание или благословия, що се казва, когато някой когото черпят ще пие или пие за здраве на нкг. Отговаря му се: «да ти е сладко!» Понякъде в отговор на това първият дума: «сладко ви здраве!» или «сладко ви здравье и иманье!».

Особено подробни са допълнителните лингвокултурологични сведения при лексеми с етноспецифичен характер:

ладуван(ъ)е *с. обл. стар.* [...] 2. обл. ходене с песни на девойки лада, облечена като съща невеста с венци и превес, заобиколена със свахи и водена от двамина девери. Нарича се и изнасяне китка и се върши много рано в неделя, когато ще венчаят някого.

Става с песни, що се пеят из пътя от момини до извора и около котлите с водата. Една такава песен гласи: Да е знаяла войну майка, че ще войно да се жени, да е гривни разковала, войну коню подковала, да е пелешки разнизала, войну коня обнизала.

на̀ви *жс. мн.* 1. зли духове от родът на вили, самовили или самодиви, на брой три сестри, според други седем или дванайсет; мъчели родилки, когато почват да раждат, смучели им млякото, налягали ги, докарвали ги да падат в несвест, морели ги, водели сенките им по нечисти места, и ако прекарвали на някоя лехуса сянката през голяма вода, лехусата умираше с големи мъки. Навите живеят нейде далеч през море. За да се махали навите от лехусите, правели се разни магии: гонели ги с брадва из къшетата на стаята, дето е родилката, прекарвали родилката през зелен венец, турали в чиреп катран, лук и три въглена стлъчени, мажели родилката с тая смес до три пъти и баели: Еве (името на родилката) я я преварих, я я обиколих: како що смърдят катранът и лукът, така да смърди (името на родилката) на навите; како що бяга от огъня всяко нещо, така да бягат навите от (името на родилката). Кога ще преброят навите девет хамбара просо, тогай (името на родилката) да държат!

При някои заглавки тълкуванието изцяло е заменено с енциклопедични сведения:

ма̀ртеница *жс.* жените правят мартеници така: взимат червена и бяла прежда и я осукват на едно връзчица конци, особено червени или др. шарени, що на първи март си връзват на ръка, на шия или нога, та ги носят, докле видят лястовица или щъркел и тогава ги окачат на зелена вейка на зелено дърво; някъде турят мартениците под камък; ако след 40 дни под камъка има мравки, който е сложил мартеницата, ще има много овце.

Този подход влиза в противоречие с декларирания в предговора на речника стремеж към синтетичност на лексикографското описание и също е унаследен от речниковата практика в предходните периоди¹². Подобна практика не е присъща за съвременната българска тълковна лексикография.

Друга особеност на БТР е посочването на чуждоезикови съответствия при някои заглавки. Това е в синхрон с традицията за създаване на преводно-тълковни речници, характерна за българското речниково дело през XIX в. (Кювлиева 1998)¹³. Както се вижда от приведения по-горе цитат от стр. 3–4 на предговора към БТР, първоначалното решение на авторския колектив е било да се дават съответствия единствено от френски и немски, и то само «при по-мъчни определения». Очевидно обаче това решение не е спазвано. От една страна, привеждани са съответствия при множество заглавки, чиято семантизация не поражда особени труд-

¹² В. Кювлиева отбелязва: «За разлика от съвременните строги канони в лексикографската работа (например изискването дефиницията да бъде в рамките на едно изречение) възрожденският речник е бил свободен от ограниченията и дава допълнителни сведения за означаваното от думата явление или предмет. В отделни случаи допълнителната информация прераства в обстоятелствени описания с етнографски, фолклорен, религиозен и дори граматически характер [...]. Така неизбежно се е стигнало до известен енциклопедизъм в някои от разглежданите речници, дори и до елементи на есеистика.» (Кювлиева 1998: 273).

¹³ Срв. практиката в лексикографските опити на Неофит Рилски и Иван Богоров от донаучния период в развитието на българската лексикография (Кювлиева 1998), както и в речниците на Н. Геров и А. Дювернуа от втората половина на века.

ности, като *забълка*, *игрек* ‘егрек’, *изговорка* ‘поговорка’, *лозе* и др. От друга страна, значително е разширен кръгът на езиците, от които са търсени съответствия. Освен френски и немски в този кръг са включени също други западноевропейски езици (английски, холандски, италиански), някои славянски езици (руски, чешки, полски, сърбохърватски) и пр. Обикновено чуждоезиковите съответствия (помествани на различни места в структурата на речниковата статия) служат като допълнение към тълкуването на съответната единица, т. е. може да се разглеждат като вторично средство за семантична експликация:

дробъ *ж.* *аритм.* въ числителница, наука за смѣтане: часть отъ единица или отъ цѣло; *рус.* ломаница, ломаное число; *ням.* Bruch-Zahl.

изговор *м.*; *рус.* выговор; *нем.* Aussprache; *чеш.* výslovnost: начин как се изговаря.

изгрев *м.* [...] страната, от дето изгрява слънцето; *нем.* Ost(en).

лédено *сиц. с. от прил.*, *чеш.* zmrlzlna, *нем.* Gefrozenes, *фр.* glace, *англ.* ice-cream: сладолед, подсладено замръзнало мляко.

лѐнта *ж.* [...] ивица; *хол.* lint ‘панделка’.

В отделни случаи обаче тълкуване липсва и семантизацията на съответната речникова единица се извършва единствено чрез чуждоезиковото съответствие:

погрози́яване *сиц. с., итал.* divenir brutto.

подлòга *ж.* ... || *архит.* = фр. sommier.

При реализацията на етимологичния параметър също се наблюдават редица особености. За разлика от речниците от предходния период¹⁴, както и от съвременните тълковни речници, етимологичните сведения в БТР (най-вече във втория му том) са изключително подробни, като се дава обстойна информация за формата, произхода и значението на етимона, както и за сродство с думи от други езици:

моза́йка *ж.*, *фр.* mosaïque, *къс. лат.* musaicus от mosacum = *грц.* μουσεϊον ‘музей’, *прил. м.* μουσεϊος ‘който принадлежи на музите’ [...].

пубертéт *м.*, *нем.* Pubertät от *лат.* pubertatem, *вин. над. от* pubertas, -atis, *фр.* puberté, *ст. фр.* pubertet, *лат.* puber ‘полово съзряващ’, pubes, pubis ‘косъм по тяло (около детеродни удове)’ [...].

пýнш *м.*, *нем.* Punsch от *англ.* punch, *изговаряно* пънч, пан, от *ст. инд.* раñша, *четено* панча ‘пет’, *срод. с. грц.* πέντε, *стб.* пать и др. [...].

По модела, възприет в речника на френския лексикограф от XIX век Емил Литре¹⁵, в БТР етимологична информация съдържат и речниковите статии за редица домашни думи. Посочва се връзката на домашни лексикални единици със старобъл-

¹⁴ Срв. например речника на Найдено Геров, където само се указва езикът, от който е заета съответната дума (при това нерядко с пропуски и грешки).

¹⁵ В предговора на БТР се отбелязва, че стремежът на авторите е «методата на тълкуването да бъде приблизително оная на Е. Литре в краткия му речник на френския език», като се има предвид Dictionnaire de la langue française, abrégé du Dictionnaire de É. Littré (БТР 1951: 3). В този речник е възприета практиката при френските думи да се посочват етимоните им в латински.

гарски думи, като по този начин се очертава континуитетът в развоя на речниковия състав на българския език. Дават се сведения и за сродство с думи от други езици:

вѣщица [...] *ж.*, *стб.* вѣштица = лат. *мага*, *от кор. на гл.* вест-я, *вещ-ая*, *и ве-ща* к 'който знае и умее', *както рус.* вѣд-ѣма *от корен на гл.* вѣд-ѣти 'зная' [...].

нѣведа *ж.* *обл. стар.*, *от кор. об. слав.* вѣд *в стб.* вѣдѣти, вѣмь 'зная', *срод. ст. инд.* *vāda*, *нем.* *weiss* *зная*, *рус. от стб.* невежда [...].

недѣг *м.* и **недѣга** *стб.* неджгъ, *от не и слав. кор.* **dong* 'як, силен съм', *срв. лат.* *infirmus* 'недѣгав', *лит.* *dongùs*; *срв. алт. (тюрк.)* *tängri* 'небе, Бог', *и лат.* *firmamentum* 'небосклон, небесна твърд', *firmus* 'як' [...].

порѡй *м.* [...] *от. и.е. кор.* **roi* — **rei* 'рея се, тека', *срв.* *ре-ка* (*от* **roi-ka*), *срод. с лат.* *rivus* 'поток', *фр.* *rivière* 'река' [...].

Както се вижда от приведените примери, въпреки че речникът е тълковен, в него (особено във втория том, в който авторството е изцяло на Ст. Младенов) се следва модел за етимологизиране на думите (не само от чужд, но и от домашен произход), характерен за етимологичен речник. Това не е учудващо, като се има предвид фактът, че Ст. Младенов е убеден привърженик на сравнително-историческия метод и го прилага широко в богатото си научно творчество (вж. подробно (Крумова-Цветкова, Джунова 2013)), а освен това е натрупал значителен опит и като автор на етимологичен речник¹⁶.

Специфична реализация в БТР има и нормативният параметър. Известно е, че както Ст. Младенов, така и А. Теодоров-Балан са учени с активна позиция по въпроса за езиковото строителство, чистотата и устройството на книжовния език. Младенов е автор на 150 статии и бележки по правописни проблеми¹⁷, а като редактор на сп. «Родна реч» в периода 1927–1943 г. има около 300 публикации, свързани с езиковата практика и опазването на чистотата на родния език (Андрейчин 1956; Младенов 1992: 20; Крумова-Цветкова, Джунова 2013). Затова е съвсем закономерно, че в БТР са заложили и нормативни аспекти.

Една от насоките в реализацията на нормативния параметър в речника е свързана с посочване на срещаци се отклонения от нормата по отношение на правописа, правоговора и употребата на думите. Въведени са специални графични знаци, чрез които в речниковите статии се сигнализируют подобни грешки в писмената или речевата практика: «!! или §: с тия знаци обръщаме внимание, предупреждаме или предпазваме от грешка в писане, в изговор, во форма или в употреба на думата» (БТР 1951: 48). Тези знаци се прилагат по-последователно в първия том на речника, във втория са използвани спорадично. Наред с тях неправилни употреби се сигнализируют и чрез бележки и пояснения като *погрешно* или *погреш.*, *неправ.* (неправилно), *вм.* (вместо):

дѹмба! *межд.*, *обл.* и *тумба*, *вж. т.* [...].

едѣчь! *м. прост. вм.* *ядачь* [...].

¹⁶ «Етимологически и правописен речник на българския книжовен език». София, 1941.

¹⁷ За вижданията на Ст. Младенов относно правописното устройство на езика вж. (Александрова 2020).

ѐрица ! ж. [...] *вж.* ярица, ярка.
жѝгла ! ж., *погрѣшно*, *вм.* жегла.
ка́терица [...] *погрешно* за язовец ! [...].
натадя́ва [...] *погрешно* *вм.* нaтъдява.
разт́рога ж. и **разт́рог** м., *неправ.* разстрог(а) [...].
пѣтешѣдству́вам [...] *вм.* пѣтешествувам (д пред ст още в стб. време се е уподобило, та е излишно).

Както А. Теодоров-Балан, така и Ст. Младенов са ревностни радатели за запазване на чистотата на езика. В предговора към речника Балан обръща внимание: «Чуждото влияние върху общия български език е голямо. То е особито засилено от времето на нашето освобождение. Ала то се проявява напоследък и в голяма наша щета, като му се поддават лекомислени или слабо образовани в български език обществени дейци и книжевници. Против подобно чуждопоклонство е законно и дълг да се въздействува. Там, дето с чуждото или с чуждинското не се принася нищо на мисълта, на знанието, или на вкуса на българското общество, Български тълковен речник ще напомня и ще се противопоставя. Дето българският език има свое средство за изказ, или дето българският дух е призван да постави свое творение, за да се варди **българщината** в езика и в културата, там нашият речник ще го препоръчва.» (БТР 1951: 6).

В речника препоръка за употреба на домашна вместо чужда дума се сигнализира чрез графичния знак \$! (срещан и във вида !\$ и !), който «варди от небългарщина» (БТР 1951: 48). В първия том знакът е поставен например при заглавки като *експлоратор*, *експозе*, *експорт*, *екстра*, *екстрен*, *имобилен*, *имитация*, *имитирам*, *иморален*, *имортален*, *импорт*, *импортирам*, *импортъор*, *имуществен*, *интервенирам* и др., а във втория употребата му е спорадична. Със същата цел се прилагат и бележки и пояснения като *чужд.* или *чуж.* (чуждица), *непотреб.* *чужд.* (непотребна чуждица), *лишна чужд.* (излишна чуждица), *неблг.* (небългарско), *вм. блг.* (вместо българското), които се включват при заглавки, които са думи от чужд произход (турцизми, русизми, заемки от гръцки или от западноевропейските езици) или пък са производни от такива думи:

гѐга [...] *чуж.*: дълга кукáта на единия край тояга [...].
дуурутма́къ! \$ м., *тур.* doghrutmak гл. [...].
жѝдкость ! \$ ж., *рус.*; *вм.* течность.
иму́щество *неблг.*; *рус.* имущество *от сег. дей. прич.* имущий [...].
продуктѝвен *непотреб.* *чужд.* *прил. м.* производителен [...].
профѣт м. *грц.* *непотреб.* *чужд.* *вм.* пророк.

С подобни бележки или със знак \$! (!\$) са снабдени и чужди думи и техни производни, когато са употребени от автора в дефиниция (срв. по-долу речниковите статии за *натуралист*, *нация*, *обезсърдителен*) или са приведени като синоними на заглавката (например бележка *чужд.* присъства при *авиатор* — синоним при

летец, дефицит при недостиг, диспозия при нрав, инициатор при начинател, капризен при лих, креват при легало, мизерия при нищета, морален при нравоучителски, морализаторство при нравоучителство, непропорционално при несъразмерно, окучавам при насърждавам, парола при лозинка, пасажерски при пътнически, процент при лихва, рекрут при новобранец, тарифа при разпис, факултативен при незадължителен, физиономия при лице, хетерогенен при несроден и др.). Срв. също:

духало с. [...] *фр.* !§ евантайль [...].

изненада ж. [...] *непотреб. чужд. фр.* сюрприз! [...].

натуралист 2. погреш. и непотреб. за естественик, естествоизпитател, природоизпитател, изследвач на природата.

начинание *сщ. с. книж. стар.* [...] *непотреб. чужд. (от лат. кор.)* инициатива = *бълг.* почин (лат. *initium* ‘почин, почетък, начало’).

национален, -лни, *прл. м.* лишина *чужд. от фр.* national (*кор. лат. в natus* ‘ден’) [...].

нация ж. непотребна заемка (*лат. natio, фр. nation*), която не значи нищо повече от народ, в смисъл на еднородци, люде, които са от един голям род и говорят един свой общ, общонароден или всенароден (*чужд. непотреб. национален*) език.

обезсърдчавам правя нкг. да остане без смелост, да няма смелост, *чуж.* кураж за нщ.

пустинник [...] *непотреб. чужд. (грц.)* еремит.

Направеният преглед показва, че в лексикографските подходи и техники, прилагани в БТР, се открояват редица специфики, които отличават труда както от познатите по време на създаването му образци в българското речниково дело, така и от съвременната лексикографска практика у нас, като му придават уникален характер. Основният съставител на речника — Ст. Младенов — е личност с изключителна ерудиция, полиглот, владеещ близо 30 езика, и учен от световна класа с неоспорими приноси в областта на сравнително-историческото езикознание, диалектологията, етимологията, славистиката, българистиката и пр. (Младенов 1992; Крумова-Цветкова, Джунова 2013) и др. Широкият диапазон от научни интереси на автора намира отражение и в неговата лексикографска дейност. Въпреки че е озаглавен «тълковен речник», БТР всъщност представя богата и разнообразна лингвистична, културологична и енциклопедична информация, далеч надхвърляща обичайното за тълковната лексикография (в нейния съвременен вид) описание. В речника детайлно се изяснява етимологията на заетата и немалка част от домашната лексика; привеждат се преводни съответствия от различни езици; извършва се семантизиране с помощта на преводен еквивалент; дават се подробни сведения с енциклопедичен и лингвокултурологичен характер, понякога напълно заместващи лексикографската дефиниция; изчерпателно се описва словният имот на българските говори с отбелязване (макар и не във всички случаи) на териториалното разпределение на лексемите и разнообразието в облиците им; широко (макар и не изчерпващо) се отразява ономастична лексика, често със сведения за произход, словообразователни отношения, вътрешноезикови и междуезикови успоредици; обръща се внимание на грешки в изписването,

изговора или употребата на думите и пр. Въпреки че възприетите от автора подходи далеч невинаги са системно и непротиворечиво прилагани в труда, те очертават пресечните точки, в които БТР показва сходство с лингвистични речници от други жанрове, например двуезичен, етимологичен, ономастичен, диалектен, правописен речник и пр., както и с енциклопедичните речници. Трудът на Младенов има новаторски характер, тъй като съдържа в зародиш елементи, които едва десетилетия по-късно ще намерят реализация в някои сравнително по-нови речникови жанрове като етнолингвистичните речници и речниците на трудностите. Комплексността на информацията при описанието на онимите в БТР пък показва допирни точки с някои съвременни концепции за създаване на ономастични речници, базиращи се на установяване на «семантична тъждественост или съотности-мост, асоциативна референтност, структурна съпринадлежност» между отделните имена (Парашкевов 2021).

Наблюдаваното в БТР съчетаване на елементи и техники, характерни за различни речникови типове и жанрове, се дължи, от една страна, на не съвсем детайлно разработената и прецизирана лексикографска концепция, залегнала в основите на речника — обстоятелство, което е следствие от все още твърде слабото развитие на лексикографската теория в нашето езикознание по това време, във връзка с което се е налагало да се търсят чуждестранни лексикографски модели. От друга страна, някои от описаните особености на БТР (например практиката за привеждане на преводни съответствия към тълкуваните единици) са отглас от характерния за предходния период в развитието на българската лексикография жанров синкретизъм. През първата половина на XX век обаче, когато голяма част от познатите и днес речникови жанрове вече съществуват самостоятелно, жанровият синкретизъм бива изместен от жанрова хибридизация, която в повечето случаи е преднамерено търсена. Ярки примери в това отношение са «Етимологически и правописен речник на българския книжовен език» (София, 1941) от Стефан Младенов, както и «Правописен речник на българския книжовен език с посочване изговора и ударението на думите» (София, 1933) от Ст. Романски, който съдържа също елементи на правоговорен и тълковен речник¹⁸. Отчетливи, макар и не съвсем системно реализирани опити за жанрова хибридизация откриваме и в БТР — вж. по-подробно (Благоева 2020).

«Български тълковен речник с оглед към народните говори» от Стефан Младенов може да се определи като първи опит за разработване на универсален речник на българския език, в който да се предоставя комплексна и изчерпателна лингвистична (а в някои случаи — и енциклопедична) информация за българския словен състав, макар че този опит все още не почива върху експлицитна теоретична обосновка и не е осъществен последователно и цялостно.

¹⁸ В коментар за речника на Ст. Романски Ст. Буров посочва: «Това съчетание на правописен речник с елементи на тълковен, изоставено неоснователно впрочем по-късно в лексикографската практика, е изключително полезно за ползвателите, то е едно богатство на речника и в никакъв случай не накърнява неговото основно правописно предназначение. Още тогава тази практика е не само отбелязана, но и оценена като положителна в рецензията на Любомир Милетич» (Буров 2011).

ЛИТЕРАТУРА

Александрова 2020: Александрова Т. «Етимологически и правописен речник на българския книжовен език» и възгледите на Стефан Младенов за правописното устройство на българския език // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 76–88.

Андрейчин 1956: Андрейчин Л. Грижите на академик Стефан Младенов за проучването и устройството на българския книжовен език // Български език. 1956. 1, 19–26.

Андрейчин 1975: Андрейчин Л. Речникът на Найденов Геров // Геров Н. Речник на българския език. Част 1. Фототипно издание. София, 1975.

Аргиров, Младенов, Теодоров-Балан, Цонев 1920: Аргиров Ст., Младенов Ст., Теодоров-Балан А., Цонев Б. 25 думи за български тълковен речник. Изработени по искане от Академията. София, 1920.

Атанасова 2020: Атанасова А. Многопредставъчните глаголи в «Български тълковен речник» на Стефан Младенов // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 134–151.

Благодеева 2020: Благодеева Д. Начини за семантизация на лексиката в непубликувания втори том на «Български тълковен речник» от Стефан Младенов // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 89–103.

Благодеева 2021: Благодеева Д. За словника на неиздадения втори том на «Речник на българския език» от Стефан Младенов // Języki słowiańskie dziś: w kręgu kategorii, struktur i procesów / Red. A. Kikiewicz, J. Mazurkiewicz-Sułkowska, J. Banasiak. Warszawa; Łódź, 2021, 63–78.

БТР 1951: Младенов Ст. Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. 1. А — К. С донегдешното участие на Теодоров-Балан А. София, 1951.

Буров 2011: Буров Ст. Правописните речници на Стоян Романски // Проф. д-р Върбан Върбов. 70 години. Юбилеен сборник. Велико Търново, 2011, 33–64.

Влахова-Ангелова 2016: Влахова-Ангелова М. Собствените имена в лингвистичните речници — тенденции в съвременната лексикографска практика // Лексикографията в началото на XXI в. София, 2016, 167–177.

Караулов 1981: Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва, 1981.

Колковска 2020: Колковска С. Представяне на системните отношения в «Български тълковен речник (с оглед към народните говори)» // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 104–113.

Костова 2020: Костова Н. За азбучно-гнездовия принцип и представянето на глаголите в «Български тълковен речник с оглед към народните говори» на Стефан Младенов // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 114–125.

Кримова-Цветкова, Джунова 2013: Кримова-Цветкова Л., Джунова Е. Академик Стефан Младенов — човекът, преподавателят, ученият: живот, посветен на науката. София, 2013.

Кузмова 2020: Кузмова М. Наблюдения върху лексикографската разработка на фразеологичния материал в «Речник на българския език» от Найденов Геров и «Български тълковен речник с оглед към народните говори» от Стефан Младенов // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 152–163.

Кювлиева 1998: Кювлиева В. Българското речниково дело през Възраждането. София, 1998.

Летопис 1919: Летопис на Българската академия на науките. Т. IV. София, 1919.

Машалова-Начева 1967: Машалова-Начева Е. Принос към изследване изворите на речника на Найден Геров // Известия на Института за български език. 1967. XIV, 103–238.

Младенов 1934: Младенов Ст. Българската реч в Солун и Солунско // Сборник Солун. София, 1934, 44–63.

Младенов 1992: Младенов М. Акад. Стефан Младенов (1880–1963) бележит представител на българското езикознание // Младенов Ст. Избрани произведения. София, 1992, 7–21.

Панчев 1908: Панчев Т. Допълнение на българския речник от Найден Геров. Пловдив, 1908.

Парашкевов 2021: Парашкевов Б. Концепция за лексикон на семантично съотносими и структурно съпринадлежащи фамилни имена // Български език. 2021. 2, 13–22.

Попов 2002: Попов Д. Теоретичен анализ на лексикографските принципи на «Български тълковен речник» на Стефан Младенов // Проблеми на българската лексикология, фразеология и лексикография. София, 2002, 285–349.

Русинов 1990: Русинов Р. Из историята на «Български тълковен речник с оглед към народните говори» (1927–1951) от Стефан Младенов «с донегдешното участие» на Т.-Балан А. // Списание на БАН. 1990. 2, 23–32.

Сумрова 2020: Сумрова В. Феминативите в «Български тълковен речник с оглед към народните говори» на Стефан Младенов // Българският език — исторически и съвременни аспекти. Сборник в чест на 140 години от рождението на акад. Стефан Младенов. София, 2020, 126–133.

Теодоров-Балан, Цонев 1916: Теодоров-Балан А., Цонев Б. Предложение и план за речник на българския език, който да изработи и издаде Българската академия на науките. София, 1916.

Чолакова 1969: Чолакова Кр. Българска лексикография и лексикология // Български език. 1969. 4–5, 377–383.

Чолакова 1978: Чолакова Кр. Българската лексикография в миналото и днес // Въпроси на българската лексикология. София, 1978.

Чоролеева 2013: Чоролеева М. История и современное состояние болгарской лексикографии // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013, 61–90.

Чоролеева 2018: Чоролеева М. Въпроси на лингвистиката. София, 2018.

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЕЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

С.И. ИОРДАНИДИ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

ORCID 0000-0002-5180-3474

siordanidi@yandex.ru

В статье обоснована необходимость создания историко-словообразовательных словарей славянских языков. Проект, предложенный автором, построен на материале древне- и среднерусских памятников. В основу пробной статьи, ее алгоритма положены разработки «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (2016). Экспликация особенностей функционирования описываемых морфем, их семантическая трансформация на протяжении XI–XVII вв. составляют содержание представленной работы и находят отражение в прилагаемой пробной словарной статье.

Ключевые слова: историко-словообразовательный словарь, славянские языки, праславянский, древнерусский, среднерусский период, словообразовательный тип, значение морфемы

ON THE CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL DERIVATIONAL DICTIONARIES OF SLAVIC LANGUAGES

S.I. IORDANIDI

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The article substantiates the need to create historical word-formation dictionaries of Slavic languages. The project proposed by the author is based on the material of ancient and Central Russian monuments. The trial article, its algorithm is based on the development of the “Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language” (M., 2016). Explication of the features of the functioning of the described morphemes, their semantic transformation during the 11th — 7th centuries. constitute the content of the presented work and are reflected in the attached dictionary entry.

Keywords: historical and word-forming dictionary, Slavic languages, Proto-Slavic, Old Russian, Central Russian periods, word-forming type, meaning of morpheme

1. Предварительные замечания

Основная идея данной статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание ученых-славистов к необходимости решения давно назревшей проблемы: создание исторических деривационных словарей славянских языков. Как ни парадоксально, на фоне множества блестящих работ как по синхронной, так и по диахронной дериватологии, эта идея почти не обсуждалась. Исключение составляют работы

И.С. Улуханова, в его исследовательских интересах этот сюжет занимает одно из центральных мест. Ученый пишет: «... история славянских словообразовательных аффиксов описана совершенно недостаточно. Их описание могло бы быть осуществлено в историко-этимологическом словаре славянских морфем или морфем отдельных славянских языков. Словарей такого типа в мировой лексикографии пока нет. К сожалению, работа над такими словарями, насколько известно, нигде не ведется» (Улуханов 2012: 63)¹.

Типы исторических словарей, существующие в настоящее время, весьма разнообразны. Весьма информативна статья А.С. Герда «К типологии исторических словарей». Ученый взял на себя труд описать словарные материалы во всей полноте, выделяя следующие типы: 1. По отношению к хронологическому периоду: сводный исторический словарь разных эпох; словарь того или иного хронологического периода; словарь к одному отдельно взятому тексту, памятнику письменности; 2. По отношению к типу языка (функциональному стилю): словарь к разным текстам того или иного жанра (например, словарь, ориентированный на обиходно-разговорный язык); русско-иностранноязычные словари-разговорники XVI–XVII вв.; диалектный словарь с историческими данными (например, Псковский областной словарь); 3. По форме представления данных: алфавитный толковый словарь; идеографический или тематический; словоуказатель, индекс, корконданс к текстам (Герд 2010, 8: 23–25). Но здесь даже не упоминаются историко-словообразовательные словари. Этот пробел можно и нужно восполнить.

История русских деривационных словарей насчитывает несколько столетий. Я попытаюсь коротко представить перечень и анализ принципов составления наиболее значимых для развития словарного дела деривационных штудий XVIII–XX вв.: (Лихтен 1762; Гельтергоф 1771; Калайдович 1824: 330–390; САР 1789–1794; Рейф 1835–1836; Шимкевич 1842).

Словари структурированы по принципу словообразовательных гнезд. Однако «гнездовой» способ представления лексикографического материала базируется на различных принципах. Так, например, Словари Ф.С. Шимкевича и Ф.И. Рейфа отличаются друг от друга по многим параметрам: целью, объемом материала, основополагающими «пособиями», на которые ориентированы авторы, различной трактовкой изменений отношения между отдельными словами и т. д. Добавлю, что для нас они являются историческими, но для своего времени — синхронными.

Во второй половине XX в. вновь начинается интенсивная разработка деривативных гнезд, начавшаяся с известного словаря А.Н. Тихонова (1985). Последовавший за этим словарем целый ряд построенных по этому же принципу словарных

¹ Вместе с тем исследователи говорят о слабой изученности исторического словообразования славянских языков. Если обратиться к исторической дериватологии польского языка, то здесь обращает на себя внимание мнение Ф. Пепловского, который писал: «... историческое словообразование польского языка, в отличие от описательного, чрезвычайно редко становится предметом лингвистического исследования» (Peřłowski 1974: 5). О том, что проблема исторического словообразования волновала польских лингвистов, свидетельствует статья Я. Пузынины «Jak pracować nad słowotwórstwem historycznym języka polskiego?» (Puzynina 1975: 173–179).

штудий (в том числе А.И. Кузнецовой и Т.Ф. Ефремовой; Д. Ворта, А. Козака и Д. Джонсона; З.А. Потихи, И.А. Ширшова), при всех их достоинствах, не свободны от разнобоя в распределении лексем по словообразовательным гнездам. Современные исследователи также пытаются использовать понятие словообразовательного гнезда в работах диахронического плана, прибегая к таким дефинициям, как «историческое корневое гнездо с вершиной», «корневое словообразовательное гнездо», «гнездо с этимологическим корнем». Особенно популярным стало обозначение «корневое гнездо с вершиной...», породившее ряд исследований такого плана, как например: «Словообразовательное гнездо в вершиной *круг*. Становление и современное состояние», «Словообразовательное гнездо с вершиной *-мереть-...*», «...с вершиной *вод-...*» и т. п. Не берусь оценивать необходимость и перспективность подобного рода исследований. Отмечу лишь, что понятие «словообразовательного гнезда», как мне представляется, скорее применимо лишь при исследовании материалов определенного хронологического отрезка: на каждом из отрезков гнезда претерпевают как структурные, так и семантические изменения. Используемое Ж.Ж. Варбот понятие «этимологического гнезда» рассматривается ученым как один из этапов при работе над праславянским словарем (Варбот 2008: 84–85). Очень точно и четко относительно гнездового способа представления материала высказался в свое время В.И. Даль: «Расположение по корням — и опасно и недоступно; тут без натяжек и произвола не обойдешься, а отыскание слов очень затруднительно» (Даль 1956, I: XXXV)². Что касается предлагаемого Словаря — то здесь наиболее приемлемым представляется традиционное подробное поморфемное представление материала, как это было принято в словарных работах великих А. Вайана, А. Мейе, но с ориентацией на основную «характеризуемую единицу» — словообразовательный тип, «т. е. совокупность мотивированных слов, характеризующихся общностью значения форманта и части речи мотивирующих слов» (Улуканов 2012: 74).

Итак, статья посвящена эксплицированию возможностей создания русского исторического деривационного словаря XI–XVII вв. В настоящее время это сложная, но вполне осуществимая задача. Выходят в свет фундаментальные академические словари (СДРЯ XI–XIV вв.³; СлРЯ XI–XVII вв.), представляющие огромный материал древнерусских и среднерусских источников. Хотя работа над словарями еще продолжается, большая часть материала уже издана (в последнем выпуске СДРЯ XI–XIV вв., т. 12, это **соу** — **сьотьходнь**; в т. 31 СлРЯ XI–XVII вв. — **убивание** — **улокъ**); доступны и словарные картотеки. Материалом предлагаемого словаря может служить также весь арсенал многочисленных изданий памятников XI–XVII вв. различного характера, Национальный корпус русского языка и другие электронные ресурсы; словари этимологические, старославянские, диалектные,

² Впрочем, весьма скептически относился В.И. Даль (1956. I: XXXV) и к словарям азбучного типа: «Именной и голый список всех слов, по азбучному порядку, крайне растянут и утомителен, требует многих повторений, при толковании самых близких, однородных слов, и разносит их далеко врознь».

³ Сокращения источников соответствуют принятым в СДРЯ XI–XIV вв. и СлРЯ XI–XVII вв.

современные и специальные. Как справедливо заметил О.Н. Трубачев, «...трудно мыслить историю образования слов в каком-то самостоятельном отрыве от исторической лексикологии нашего языка» (Трубачев 1994а: 28). И.С. Улуханов справедливо полагает, что «в настоящее время наиболее перспективным кажется максимальное сближение исторического словообразования с исторической лексикологией. Историческое словообразование не может обойтись без детального историко-лексикологического исследования мотивированных слов в их соотношении с мотивирующими» (Улуханов 2012: 108).

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что предлагаемый проект начнется не с чистого листа. Налицествует огромный массив дериватологических работ на материале праславянского и славянских языков, в том числе русского. Достаточно вспомнить классические поморфемные описания праславянской словообразовательной системы В. Вондрака, А. Мейе, А. Вайана, Ф. Славского, Ф. Миклошича и исторические описания аффиксов различных славянских языков. Русская историческая дериватология также нашла отражение в ряде монографий наших ученых (Ю.С. Азарх, Ж.Ж. Варбот, Т.И. Вендиной, Н.П. Зверковской, В.М. Маркова, Г.А. Николаева, И.С. Улуханова, В.Н. Хохлачевой и мн. др.).

Особого внимания специалистов заслуживает книга В. Кипарского (Kiparsky 1975) «Historische Grammatik der russischen Sprache: Die Entwicklung des Wortschatzes», в которой представлено достаточно подробное описание русского словообразования. В. Кипарский поставил своей целью дать краткое описание каждой из морфем (приставок, суффиксов), фигурирующих в представленном им материале, а также способов словосложения. Поморфемное описание исторического словообразования русского языка, осуществленное В. Кипарским в его грамматике, при всех ее достоинствах, отнюдь не решает проблемы обсуждаемого словаря. О.Н. Трубачев указывает на концептуальные недостатки этого труда: «Интересно, что половина книги Кипарского посвящена словообразованию; причем автор насчитывает более двухсот русских суффиксов... а также семьдесят префиксов (цифры также неумеренно завышены)... Главное наблюдение, которое мы вправе сделать, — это то, что Кипарский представляет себе как бы одномерное — вертикальное «развитие русского словарного состава» от индоевропейской основы до заимствований нового времени» (Трубачев 1994b: 14).

Подробный перечень работ по праславянскому и славянскому словообразованию представлен в монографии Х. Бирнбаума (1986). Следует упомянуть также некоторые лексикографические работы по другим славянским языкам. Из-за лимита места обратимся только к польской лексикографии. Такие издания, как «Словарь словообразовательных гнезд польского языка» под ред. Х. Ядацкой (SGSJO 2001–2004), обратный Словник к словарю В. Дорошевского (SJPD Ind. 1973), «Словарь старопольского языка» (SSp 1953–2002), «Словарь польского языка XVII — первой половины XVIII века» (SJP XVII–XVIII), «Словарь польского языка» под редакцией В. Дорошевского (SJPD 1958–1969) и мн. др. могут стать базовыми при построении обсуждаемого типа словаря, в сочетании с разнообразными исследованиями этимологического и исторического характера.

Ориентация на структуру подачи материала, предложенную в (ССАРЯ 2016) и пошаговая «инструкция» по построению описания исторического словообразования каждого отдельного славянского языка (Улуханов 2012: 59–72) определяют возможность создания не просто исторического, а историко-этимологического толкового словаря славянских морфем.

Исторический, или даже историко-этимологический словарь русских аффиксов, о котором идет речь в данной статье, является, несомненно, весьма трудоемкой, но насущной задачей. Накоплен огромный материал, и есть сотни исследований, посвященные описанию истории образования и функционирования различных аффиксов.

Вышесказанное предопределяет возможность создания историко-словообразовательных словарей каждого славянского языка в том хронологическом диапазоне, который диктуется историческим развитием каждого из них. Эта работа, разумеется, не для одного автора, но заинтересованный коллектив энтузиастов мог бы выполнять это исследование поэтапно.

II. Немного теории

1. Прежде всего следует коротко остановиться на некоторых актуальных вопросах теоретического плана, которые относятся к числу дискуссионных, и уже не раз обсуждались многими специалистами. Речь идет о роли синхронии и диахронии в процессе создания деривационных штудий⁴. Как мне представляется, наиболее четко, я бы даже сказала, жестко, эта проблема была поставлена и разрешена в уже упомянутой работе О.Н. Трубачева («Синхрония, диахрония — und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию)»). Доклад на эту тему был впервые прочитан на конференции по истории языка и диалектологии в Яропольце осенью 1989 г., а потом опубликован в сборнике «Исследования по историческому словообразованию» (Трубачев 1994а). Однако еще раньше статья на эту тему была напечатана в журнале «Slavia» (1993, гошн. 62). И, наконец, в 2004 г. появилась последняя публикация этой работы в первом томе сочинений О.Н. Трубачева «Труды по этимологии: Слово. История. Культура» (Трубачев 2004, 511–522). Уже этот факт свидетельствует о теоретической важности работы для дискуссий и принятия решений по глубинным проблемам словообразования. Здесь представлено не только четкое изложение сущности понятий синхронии и диахронии применительно к дериватологии, но и программа действий в словарной работе — декларация интегрированного метода, который демонстрирует «неактуальность и искусственность противопоставления синхронного и диахронического словообразования, которое и так уже никого не устраивает» (Трубачев 1994а: 20). Вместе с тем ученый подчеркивает, что «синхронное словообразование есть ни что иное, как функциональный аспект словообразования вообще,

⁴ Абсолютное разграничение синхронии и диахронии, начавшееся с известного постулата Ф. де Соссюра (Соссюр 1977: 123–128), оставляет в стороне необходимость дать «описание того, что есть...», долженствующее «быть описанием того, как это стало...» (Grzegorzcykova, Puzynina 1959: 250).

и что словообразование едино, и, как таковое, оно по преимуществу исторично» (Там же: 17). И еще: «...Щербой замечено, что словарь — это компромисс [разрядка автора — С. И.]. В словарной практике, в том числе в практике специальной исторической, этимологической лексикографии, мы на каждом шагу привыкли ценить описание фактов лексики и словообразования. Комплексное, корректное описание употребления и значения слов уже содержит в себе предпосылки реконструкции, то есть операции сугубо диахронической... Тем самым размывается граница, отделяющая резко синхронию от диахронии, описание от реконструкции. Одно от другого отграничивать — напрасный труд... Вообще — если смотреть на вещи широко... то делается ясной условность границ между дисциплинами. Всякая синхрония при ближайшем рассмотрении сползает в диахронию» (Там же: 19). Увлечшись цитированием программной статьи О.Н. Трубачева, не могу пропустить еще одну его глубокую мысль: «Если “строгость” метода (иначе — “чистота” метода) вступит в коллизию с широтой охвата данных языка, мы предпочитаем широту. Любой метод не безграничен... нужно от каждого метода брать лучшее и не пугать жупелом эклектизма ни себя, ни других, помня, что сложность языковых явлений... превосходит возможности любого метода» (Там же: 20). Необходимую связь синхронии и диахронии подчеркивают многие современные исследователи. Так, В.А. Плунгян отмечает: «... оказался преодолен негласный запрет на использование данных истории языка при синхронном анализе... полное описание языка должно учитывать и диахронические аспекты» (Плунгян 1998: 325). Еще более категорично на эту тему высказался В.М. Солнцев: «... сам по себе синхронный подход, взятый в отрыве от диахронического, оказался не в состоянии дать адекватное объяснение всевозможных структурно-семантических преобразований в языке, его периферийным и реликтовым явлениям» (Солнцев 1977: 181). Добавлю, что В.В. Виноградов в работе «История слов» писал: «Синхроническое и диахроническое — лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего — прорыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия... всегда заключает в себе диахронические отложения прошлых эпох» (Виноградов 1994: 17).

Итак, давно пришло время осознания симбиоза диахронии с синхронией в исследованиях разных уровней языковой системы, в том числе при создании исторических деривационных словарей. Есть основания полагать, что добротные сделанные словообразовательные словари современных славянских языков, в том числе и русского, могут быть адаптированы и приспособлены для создания подобных исторических штудий. Еще в 1993 г. на XI съезде славистов в докладе «Состояние и перспективы изучения исторического словообразования славянских языков» И.С. Улуханов подчеркивал, что «разработанность теории синхронного словообразования, многие выводы, понятия и термины... в сохраненном или измененном виде могут быть использованы в теории исторического словообразования и в описании эволюции словообразовательной системы (Улуханов 1993: 448).

2. При проектировании и составлении исторических словообразовательных словарей особое внимание должно быть сосредоточено на одной весьма важной

проблеме: развитии совмещения значений словообразовательных морфем («диффузности» значений). Следует заметить, что «диффузность» значений на синхронном материале пока еще исследуется в отрыве от материала исторического, который в настоящее время изучен очень мало. И.С. Улуханов предлагает достаточно подробное описание причин появления новых значений морфем. Ученый справедливо полагает, что стимулом к развитию этих значений у словообразовательных аффиксов является расширение их сочетаемостных возможностей с мотивирующими словами (основами). Он пишет: «Сочетаясь в старом значении с новой, семантически отличной, основой, аффикс может развивать новые компоненты значения, сохраняя старые. Эти новые компоненты могут возникнуть либо под влиянием нового мотивирующего, либо просто заимствоваться у него или у внешнего контекста. Так, значение “вторичности действия” у приставки *пере-* (ее исконное значение “направленность из одного места в другое”) возникает, видимо, в сочетании с такими мотивирующими глаголами, которые могут означать перемещение чего-л., уже однажды где-л. помещенного; ср. совмещение значений “перемещения из одного места в другое” и “вторичности действия” у глагола *переставить*: а бани велѣлъ имъ изъ острогу вынести и *переставить*, на простое мѣсто, чтобъ они близко острогу не были (АИ, 5: 231; 1685)» (Улуханов 2012: 65). Автор приводит примеры «семантического заражения» морфемы от значения мотивирующего слова у таких глаголов, как *обжулить*, *обокрасть*, *обворовать*, «в которых к чистовидовому значению префикса *об-* добавилось значение ‘обмана’, свойственное мотивирующим глаголам и перешедшее потом в такие глаголы, как *обмерить*, *обсчитать* (‘обмануть при продаже товара или оплате услуги’ — С. И.), мотивирующие которых не имеют значения ‘обмана’ (Там же: 66). Так появляется новое словообразовательное значение у одного и того же форманта, который становится многозначным. Несомненно, что обнаружение различных источников появления у морфем новых значений поможет выявить типологию регулярных зависимостей между разными словообразовательными значениями (Там же). Так, по наблюдениям И.С. Улуханова, у глагольных дериватов с приставками *за-*, *вз-* и др. обнаруживаются следующие регулярные зависимости: ‘приближение’ → ‘небольшая интенсивность’, ‘направленность на (большую) поверхность’ → ‘большая интенсивность’, ‘направленность на много мест’ → ‘многократность’, ‘пространственное покрытие’ → ‘возмещение’ и ‘отсутствие последствий’... ‘направление вниз’ → ‘уменьшение’ и мн. др. (Там же). Нельзя не заметить одну из решающих ролей контекста в появлении новых значений в семантике морфем⁵.

Вопросу о совмещении значений в семантике морфем посвящена еще одна, находящаяся в печати, статья И.С. Улуханова. Автор приводит ряд приставочных глаголов, демонстрирующих различные типы семантических «совмещений»: *переадресовать*, *передислоцировать*, *переотправлять*, *переотражать*, *перезахоронить*,

⁵ Исследователи отмечают: «... контекст является компенсирующим противовесом полисемии и поддерживает точный баланс многозначности и однозначности через контекстные условия» (Ольшанский, Скиба 1987: 128).

передарить, перепоручить, перепродать, перепрятать. Здесь приставка *пере-* совмещает значение вторичности действия со значением направления действия из одного места в другое. Предметом анализа автора являются также глаголы с префиксами *под-, раз-, от-, при-, вы-, об-, за-* и, что немаловажно, их контекстное окружение, «провоцирующее» развитие новых совмещенных значений.

Заслуживают внимания данные Анны А. Зализняк о полисемии приставки *у-* и приведенная ею подробная библиографическая справка об исследованиях по многозначности ряда других русских приставок (*по-, от-, за-, при-, вз-, из-, вы-, про-* и др.) (Зализняк Анна 2006: 336–346).

Совмещению значений в славянских языках посвящены пионерские работы С.М. Толстой, в которых прослеживаются, в том числе, и семантико-словообразовательные особенности глаголов с праславянскими суффиксами **ob-ъ/*o-* и **ot-* на широком славистическом фоне (Толстая 2019: 329–353; 367–386). Из множества примеров многозначности глаголов с префиксом **ob-/o-* в славянских языках (с обсуждением возможных источников возникшей полисемии), отмеченных автором, приведем их малую часть:

**obsěsti*: • перфективность: ст.-чеш. *osjesti* ‘поселиться, занять определенное место’, словац. *osieť* ‘занять место, захватить’, • круговое действие: словен. *obsesti* ‘сесть вокруг’, • движение вниз: с.-х. *osjesti* ‘осесть, накреститься’, польск. *osiąść*, *obsiąść* ‘завалиться, обрушиться, оползти, осесть’, рус. *осесть* ‘опуститься вниз’;

**obběžati*: • круговой охват: рус. *оббежать*, • перфективность: н.-луж. *hoběžaś* ‘проходить, пробегать (о времени и воде)’, • *опережение*: рус. диал. *оббежать* ‘опередить в беге’;

**občepiti*: • охват: польск. *oczepić* ‘обвешать, навешать’, с.-х. *občepiti se* ‘обмотаться, закрутиться’, • наделение чем-л.: чеш. *očepiti* ‘надеть чепец на голову’, кашуб. *očep’ic* ‘обрядить невесту в чепец’; **obděliti*: охват: польск. *obdzielić* ‘наделить, раздать’, • «мимо»: рус. *обделить* ‘лишить при разделе’;

**obdojiti* • др.-рус. *одоити* ‘вскормить грудью’, • прекращение: рус. арханг. *обдоиться* ‘закончить дойку коров’, словен. *ubdójt* ‘отнять ребенка от материнской груди’, ‘прекратить что-л., не давать более’, кашуб. *obdojic* ‘выдоить в последний раз’ и др. (Там же: 350–351).

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что усилия создателей исторического деривационного словаря должны быть направлены, в том числе и на предварительное исследование и последующее отражение широкого процесса совмещения значений у словообразовательных аффиксов в диахронии как одного из факторов развития морфемной полисемии.

III. О «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова

Вышедший в свет в 2016 году фундаментальный «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова (ССАРЯ 2016) представляет собой новое слово в русской дериватологической

лексикографии⁶. Словарь предваряется статьей теоретического плана, в которой подробнейшим образом представлены дефиниции и понятия терминов русской синхронной дериватологии [морфема, морф, виды морфов (корневой морф, аффиксальные морфы — суффиксальные, префиксальные, интерфиксальные); объединение морфов в морфему; варианты морфемы и мн. др.]. Но самое главное — это выделение основной «характеризуемой единицы», а именно — понятия словообразовательного типа, которое трактуется как «общий отвлеченный образец, по которому построен ряд мотивированных слов. Слова одного типа характеризуются общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении» (ССАРЯ 2016: 33). Думается, что именно от этого Словаря, с его алгоритмом описания материала, следует отталкиваться будущим создателям предлагаемого словаря⁷.

Я полагаю необходимым более подробно остановиться на структуре статей Словаря, имея в виду то обстоятельство, что такое описание может быть приспособлено или адаптировано к нуждам диахронического словаря разных славянских языков. В свете всего вышесказанного такой подход представляется вполне правомерным. В каждой из статей Словаря представлена многоуровневая информация, поданная в соответствии с различными параметрами характеристики аффикса. Даются исчерпывающие сведения о каждой описываемой морфеме, а именно: состав морфов, которыми эта морфема представлена, в словах каких частей речи зафиксирована, общее значение морфемы, значения каждого словообразовательного типа и подтипа, вторичные словообразовательные значения, продуктивность морфемы в пределах каждого словообразовательного типа, полисемия или омоимия аффиксов; морфонологические явления (усечение или наращение основы мотивирующего слова, чередования, изменение места ударения), являющиеся дополнительным средством в выявлении морфонологических различий мотиви-

⁶ См. (Иорданиди 2019: 190–198). И.Б. Иткин, написавший рецензию на этот же словарь (2019: 198–211), считает неправомерным тот факт, что в «Предисловии» к словарю «не упомянута ни одна лингвистическая работа» (Там же: 209). Автор рецензии не учитывает тот факт, что существуют два способа написания «Предисловия» к фундаментальным работам академического характера: первый — введение используемой в работах терминологии с описанием истории ее появления, с полемикой, со ссылками на историю разработки этой терминологии; второй — подробное описание синхронной системы терминологии без полемики, без аргументации введения ее в употребление. Несомненно, второй способ написания «Предисловия» не менее распространен, чем первый; в частности, он использован во всех академических грамматиках современного русского языка. Использование этого способа в «Предисловии» к «Словарю словообразовательных аффиксов» отнюдь не означает, что «книга устарела за много десятилетий до (sic! — С. И.) до выхода в свет» (Там же: 210). Таким образом, опровергается главный вывод рецензии И.Б. Иткина.

⁷ В статье «Основы построения исторического словообразования русского языка», задолго до выхода в свет «Словаря словообразовательных морфем русского языка», И.С. Улуханов писал: «Полагаем, что структура описания исторического словообразования русского языка может быть аналогична структуре наиболее полного описания словообразования современного русского языка, содержащегося в (РГ 1980). Основной характеризующей единицей в ней является словообразовательный тип, т. е. совокупность мотивированных слов, характеризующихся общностью значения форманта и части речи мотивирующих слов» (Улуханов 1994а: 9). Таким образом, мы не нарушаем рекомендаций ученого, а, напротив, прибегаем к использованию источника, более нового, существенно более полного и очень информативного.

рующего и мотивированного слов. А также фиксация места ударения в мотивированном слове — или совпадающего с местом ударения в мотивирующем, или же независимого от него. В упомянутом сборнике (1994) опубликована также статья И.С. Улуханова (Улуханов 1994b), в которой постулируется давно назревшая необходимость составления исторических словообразовательных исследований славянских языков, а именно: «...создание достаточно полного обобщающего описания конкретного материала, выработка системы единиц и терминов, пригодных для такого описания, определение структуры этого описания» (Улуханов 1994b: 4). И далее: «...нельзя не сказать о слабой изученности диахронических морфонологических явлений, сопровождающих словообразовательные процессы. Необходимо создать историческую словообразовательную морфонологию русского языка, включающую в свой состав и историческую словообразовательную акцентологию» (Там же: 12). Но, увы, такого исследования пока не существует.

Как нам представляется, такое видение проблем в процессе составления деривационного диахронического словаря не может не стать руководством к действию. Разработка вопросов исторической морфонологии и акцентологии, важная сама по себе, призвана сделать проектируемый словарь еще более «толковым».

Здесь словарные статьи будут содержать больший объем информации, чем это было принято до сих пор. Такая кажущаяся сложной «архитектура» словарного описания подчинена единому алгоритму. Выделяются две ступени: семантико-словообразовательная и морфонологическая, предваряющиеся вводной частью, в которой представлены общие сведения о заглавной морфеме — ее морфное варьирование и орфографические варианты.

Итак, давно назревшая необходимость создания исторического деривационного словаря предполагает прежде всего выявление инвентаря словообразовательных морфем и морфов, их составляющих (префиксов, суффиксов, конфиксов). Первоочередная задача будет заключаться в классификации морфем по их генетической характеристике: являются ли они праславянскими, восточнославянскими, собственно русскими или заимствованными, а также в создании алгоритма их описания в словарной статье с опорой на наших предшественников и, разумеется, на рассмотренный выше Словарь. Элементы алгоритмического рисунка в статьях, конечно, не всегда могут быть полностью реализованы, находясь в прямой зависимости от продуктивности/непродуктивности аффикса.

Несомненно, предисловие Словаря является ценным вкладом в теорию современного русского словообразования. Следует добавить, что в одной из уже упомянутых программных статей (Улуханов 2012: 72–82) ученый предлагает пошаговую инструкцию по составлению диахронических словообразовательных словарей не только для русского, но и для других славянских языков. Полагая, что поморфемная подача материала, принятая в трудах уже упомянутых выше славистов-классиков, слишком статична, И.С. Улуханов подчеркивает, что первейшая задача лексикографов заключается в особом внимании к свойствам морфем, которые могут менять значение на протяжении изучаемого хронологического отрезка.

Пересказывать эту важную для историков-лексикографов статью нецелесообразно; я лишь хочу обратить внимание коллег на эту чрезвычайно полезную работу, которая может стать в перспективе (наряду со Словарем) нужным и авторитетным помощником при построении славянских исторических деривационных словарей.

IV. Краткий очерк по истории дериватов с суффиксом *-тв(а)*

Из всего многообразия суффиксальных морфем для построения пробной статьи нами выбран суффикс *-тв(а)*. Обозримость материала играет решающую роль в выборе объекта исследования. Полагаю необходимым предложить небольшой очерк по функционированию этого форманта в письменности XI–XVII вв.

Этот суффикс относится к периферийному участку словообразовательной системы отглагольного имени в русском языке. Особенности функционирования описываемых образований в письменности древнерусского периода различной жанровой отнесенности позволяют утверждать, что сущ. с суф. *-тв(а)* не были связаны с системой языка повседневного общения, оставаясь в рамках системы церковно-книжных традиций. Данные летописей, характеризующихся структурным разнообразием языка, подтверждают этот вывод.

1. Суф. *-тв(а)*⁸ восходит к прасл. суф. **-tv(a)*. Исконная принадлежность суф. *-tv(a)* праславянской словообразовательной системе констатируется в этимологических и историко-лингвистических работах. Так, А. Мейе (Мейе 1951: 296) отмечает: «Без присоединения на конце *-s*, но с присоединением на конце *-а* мы имеем суффикс *-тва*, дающий известное количество отглагольных имен типа *молитва* от *молити*, *клятва* от *кляти*, *рѣватва* ‘разорванное место’ от *рѣвати* и т. д.». По мнению А. Мейе, высказанному им в другой работе (Meillet 1905: 304), суф. *-тва* не был продуктивным уже в праславянском. Основанием для такого утверждения явился тот факт, что в старославянских текстах с данным суффиксом засвидетельствовано небольшое количество слов. Материалы старославянского словаря (СС 1994) подтверждают наблюдения А. Мейе о единичности образований на *-тва* в старославянских рукописях. В СС отмечено всего восемь слов этого словообразовательного типа: *жрътва* (94); *клатва* (33); *молитва* (>400); *вритва* (2); *желетва* (2); *паства* (2); *рѣватва* (2); *съпаства* (2). Другие имена на *-тв(а)*, отраженные в древнерусских текстах, в старославянских рукописях не отмечены, хотя соответствующие глаголы представлены значительным числом употреблений: *ѣсти* (>300); *пити* (184); *бити* (>100); *вѣзѣдати* (>100); *женити* (23) и менее частотными употреблениями *орати* (4); *селити* (1) (СС 1994). В то же время *рѣватва* ‘ломота, боль’ и *спаства* ‘спасение, избавление’ в древнерусских источниках не зафиксированы.

⁸ В работе учтены некоторые материалы и наблюдения И.В. Гореловой (Андриановой), см. (Горелова 1974: 233–240). См. мою статью (Иорданиди 2013, 16: 280–283).

Наблюдения о происхождении суф. **-tv(a)* и о его функционировании в прасл. имеются в работе А. Вайана. Исследователь полагает, что «в славянском *-tva* представляет собой субстантивацию в женском роде тематического суффикса **-tvo*, который равным образом дал в мужском роде — *tvŭ*, в среднем *-tvo* и отсюда *-stvo*, *-ŭstvo*) («en slave *-tva* est la substantivation en feminine d'un suffixe thematique **-tvo*, qui a donné également un masculin *-tvŭ*, un neutre *-tvo* et de la *-stvo*, *-ŭstvo*)» (Vaillant 1974: 382–385). Исследователь также считает, что образование **čuvitva* «... должно быть, ошибка — вместо **čuvitvo* ‘орган чувств’» («... doit n'être qu'une faute pour *čuvitvo* ‘organe des sens’») (Vaillant 1974: 381)⁹.

Большая часть deverbатов с суф. *-tv(a)*, зафиксированных в древнерусской письменности, по данным этимологических исследований и данным древнерусского и других славянских языков, принадлежит праславянскому словарному фонду. Помимо уже отмеченных, сюда относятся также следующие дериваты:

**gonitva* от **goniti(se)*, др.-рус. *гонитва* ‘преследование, погоня’; **gostitva* от **gostiti*, др.-рус. *гоститва* ‘пир, пиршество, угощение’; **žatva* от **žati*, др.-рус. *жатва* ‘жатва, уборка хлебных злаков’; **ženitva* **ženiti(se)*, др.-рус. *женитва* ‘женитьба, брак’; **žrtva* **žrti*, др.-рус. *жертва* ‘жертвоприношение’; **kletva* от **kleti(se)*, др.-рус. *клатва* ‘проклятие’; **kolitva* от **koliti*, др.-рус. *колитва* ‘заклание’; **lovitva* от **loviti*, др.-рус. *ловитва* ‘охота, ловля’; **modlitva* от **modliti(se)*, др.-рус. *молитва* ‘мольба, просьба, моление’; **mytva* от **myti(se)*, др.-рус. *мытвa* ‘мытье’.

В самых ранних славянских памятниках три деривата с рассматриваемым формантом выступают исключительно с предметным значением ‘носитель процессуального признака’: так, *britva* (из **britva* от *(*briti(se))*) как *nomina instrumenti* фиксируется в старославянских и древнерусских текстах: **britva* ‘нож’ ‘бритва’; **čuvitva* ‘орган чувств’. Что касается сущ. *xranitva* ‘предохранительная навязь’, то, вероятно, оно может быть отнесено к группе существительных — восточнославянских рефлексов праславянских образований на **-tv(a)*.

Ф. Миклошич относит к числу старославянских и церковнославянских образований на *-тва* несколько имен: *желѣтва*, *вѣдѣтва*, *колитва*, *пиритва*, *питва* (Миклошич 1875: 178). Из этого списка, в соответствии с данными (ЭССЯ 1983, 10: 137), должно быть исключено сущ. *колитва*. Ж.Ж. Варбот (1969: 129) высказала предположение о том, что пары *ратва* — *оратва* и *сѣтва* — *сѣятва* — это старославянские от глаголов с корнями **or-* ‘пахать’ и *sě-* ‘сеять’.

Эти пары представляют собой «хронологически различные образования», вторые члены которых возникли в результате утраты старых корневых инфинитивов **рати* и **сѣти*, что обусловило «обновление сохранявших этимологическую прозрачность имен, образованных от корней, путем замены корневой основы основой суффиксальной, на *-а*» (Там же). Что касается пары *ѣства* и *лства* — синхронно нетождественных лексических единиц, то одно из них — *ѣства* — должно быть отнесено, вероятно, к группе существительных — восточнославянских рефлексов

⁹ Заметим, что в «Словаре из Пандекта Антиоха XI века» (Амфилохий 1880: 163) в качестве заглавного слова в исходной форме представлено *чжвитѣ*.

праславянских образований на *-тва*. Такого же происхождения, по-видимому, сущ. *прѣтва*, *селитва*, отмеченные в церковно-книжных памятниках древнерусского периода.

Суть происходящих в семантике девербативов изменений связана с тенденцией развития предметных значений у имен действия — в результате уменьшения *глагольности* в этой категории слов в историческом движении языка. А.А. Потебня, касаясь отношений между именем и глаголом, четко формулирует следующее наблюдение: «...в русском языке и других заметно: увеличение противоположности имени и глагола и стремление сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени» (Потебня 1968: 5). Процесс «опредмечивания» девербативов развивался на фоне активизации глагола в грамматической системе русского языка по отношению к нашему времени и привел «к переосмыслению прежних и установлению новых семантических отношений между именем и глаголом: все “глагольные” значения имен (действие, результат действия, орудие, объект, субъект, место действия и др.) стали осмысляться как вторичные по отношению к глаголу... поскольку значение действия является общим категориальным значением глагола, а не имени» (Историческое словообразование 1984: 11). Как справедливо отмечает В.Н. Хохлачева, «усилия языка направлены на забвение глагольной формы отглагольных существительных» (Хохлачева 1969: 100). Углубление семантической и грамматической противопоставленности имени и глагола — с одной стороны, и двойственная семантико-грамматическая природа отглагольных *nomina actionis* — с другой (совмещение двух категориальных значений: процессуальности и предметности) стимулировали тенденцию к развитию предметных значений у отглагольных существительных. Как представляется, принципиальное значение для исторических словообразовательных штудий приобретает введение понятия *критерий глагольности*, которое может быть определено как способность имени действия сохранять в своей семантической структуре в той или иной степени значение процессуальности — см. подробнее (Иорданиди 1998: 144–150; Иорданиди 2002: 184–185). Исследователями уже выявлены условия сохранения процессуального значения у отглагольных имен: это сочетания девербативов с глаголами определенных лексико-семантических групп (Кузнецова, Сиверина 1979: 64–70); Коряковцева 1998: 39–49). Не менее важным представляется и лингвистическая интуиция исследователя в «паспортизации» наблюдаемых фактов (Мельчук 1997, I: 21).

Имена, мотивированные глаголами, отличаются сложностью семантической структуры.

Все возможные виды глагольно-именных семантико-словообразовательных отношений в парах глагол: имя могут быть представлены в следующем виде: 1. $V - N_v$; 2. $V - N_s$; 3. $V - N_{vs}$, где V — глагол, N_v — сущ. со значением процессуального признака, N_s — сущ. со значением предметности и N_{vs} — сущ., совмещающее в себе значения процессуальности и предметности. История развития семантической структуры сущ. на *-тв(а)*: *клятва*, *молитва*, *мытва* и др. уже в древнерусских памятниках XI–XIV вв. составляют словообразовательный тип,

в котором представлен весь комплекс значений, реализующийся в эволюции глагольно-именных словообразовательных отношений. Значение процессуального признака (N_v) заключено в таких девербативах, как *въздаѣ* ‘воздаяние’ от *въздати* ‘воздать’; *губѣѣ* ‘уничтожение, погубление’ от *губити* ‘уничтожать, губить’; *колѣѣ* ‘заклание’ от *клѣти* ‘колоть’; *мыѣѣ* ‘мытье’ от *мыти* (са) ‘мыть-ся’; *орѣѣ* ‘возделывание земли, пахота’ от *орати* ‘пахать’; *сѣѣѣ* ‘сеяние’ от *сѣѣти* ‘сеять, засевать’; *жельѣѣ* (*желѣѣ*) ‘плачь’ от *жельѣти* ‘скорбеть, сожалеть’. Конкретно-предметные значения (N_s) представлены лексемами *бритѣѣ* ‘нож, бритва’ от *бритисѣ* ‘бриться’, *храниѣѣ* ‘предохранительная навязь’ от *хранити* ‘хранить’; *чувѣѣ* ‘орган чувств’ от **čuti*. Более широкий спектр значений демонстрируют субстантивы *жѣѣѣ*, *жѣѣѣѣ*, *клѣѣѣ*, *ловѣѣѣ*, *моѣѣѣѣ*, *пѣѣѣѣ*, *ѣѣѣѣѣ* (они относятся к группе N_{vs}).

Итак, семантически неоднородными были уже древнейшие образования на *-ѣѣ(a)*, принадлежавшие праславянскому словарному фонду (Vaillant 1974: 384), хотя в древнерусской письменности они обнаруживают еще тесную семантическую связь с производящими глаголами. Значение этих имен мотивировалось лексико-семантическими вариантами производящего глагола: либо это совпадающие с глаголом *nomina actionis*, либо слова с результативными или конкретно-предметными значениями, но также представляющие собой названия «продукта действия».

Сравнительное исследование материалов древнерусской и среднерусской письменности дает возможность заключить, что семантическая структура дериватов на *-ѣѣ(a)*, засвидетельствованных в источниках XI–XIV и XV–XVII вв. в части случаев совпадает. Вместе с тем обнаруживается тенденция к ослаблению глагольности, действующей в истории *nomina actionis*. Процесс «опредмечивания» протекает как вытеснение на периферийные позиции транспозиционного значения действия. Так, субстантив *пѣѣѣѣ* со значением процессуальности ‘пастьба, пасение’ в материалах среднерусского периода фиксируется в единичных случаях. Аналогичная трансформация значений наблюдается в истории слова *клѣѣѣѣ*. Первичное значение ‘проклятие, пожелание зла’ в древнерусских текстах представлено значительным массивом образований. *Клѣѣѣѣ* в этом значении засвидетельствована в различных по характеру источниках — Изб 1076, Надп 1161, СбТр XII/XIII, КР 1284, ГА XIV₁, МПр XIV₂, ПКП 1406¹⁰ и мн. др. Такое значение сущ. *клѣѣѣѣ* в среднерусских источниках представлено единичными примерами в текстах XVI в. В более поздних материалах фиксируются многочисленные примеры таких значений, как ‘клятва’, ‘присяга’ ‘обет’¹¹. Движение по пути «опредмечивания»

¹⁰ См. Указатель источников в Предисловии первого тома СДРЯ XI–XIV вв.; далее приводятся сокращенные названия источников также из СлРЯ XI–XVII вв.

¹¹ Чрезвычайно интересные наблюдения о распределении основных значений праславянского **kletva* по славянским языкам приводит С.М. Толстая: ‘клятва, присяга’ — ст.-слав., рус., белор., макед., с.-х. (в остальных языках **prisęga*); ‘проклятие, брань’ — ст.-слав., рус. диал., белор., укр., польск., чеш., словац., словен., в.-луж., болг., макед., с.-х.; ‘закливание, заговор’ — рус. диал., укр., польск. (в остальных языках в этом значении выступают отглагольные дериваты типа *закливание, заклятие*) (Толстая 2019: 488).

и «состояния» демонстрирует и сущ. *пѣтва*, выступающее в древнерусских источниках в значении ‘состояние опьянения’. Но уже тексты XV–XVI вв. документируют это образование в значении ‘хмельной напиток’, ‘пир, торжество с обильными хмельными напитками’.

Переход *nomina actionis* в *nomina instrumenti* иллюстрирует история слова **britva* в славянских языках (ср. *britva*/ *britev* *golenie* ‘бритье’ в словенском языке). Сущ. *бритва* обнаруживает значение ‘рыба, из рода сельдей’ в диалектном языке (Даль 1956, I: 128). Любопытный случай перехода *nomina actionis* в *nomina agentis* зафиксирован в архангельских говорах: здесь дериват *битва* имеет значение ‘бойкий ребенок’ (ЭССЯ 1974, I: 101).

«Снижение» глагольности или ее потеря в истории русского языка предстает не как жестко детерминированный процесс: немногочисленные образования на *-тв(а)*, закрепившиеся в современном литературном языке, все же сохраняют в своей семантической структуре в качестве основного значение процессуальности (*битва*, *жатва*, *молитва*) (РГ 1980: 165). В то же время *паства* и *яства* манифестируют полную утрату транспозиционного значения действия.

В среднерусской письменности представлены все дериваты на *-тв(а)*, отмеченные в древнерусских текстах (за исключением слов с транспозиционным значением — *вѣздатва*, *губитва*, *мытва*, *прѣтва* и мутационных образований *хранитва* и *чувитва*). Новообразованием среднерусского периода можно считать, по-видимому, сущ. *нятва* ‘плен, неволя’, мотивированное глаголом *яти*, *иму* с протетическим *н-*.

Образования на *-тв(а)* в среднерусский период фиксируются преимущественно в письменности, ориентированной на книжно-письменный тип языка. В материалах народно-разговорного типа языка — деловых и бытовых документах — эти девербативы почти не отражены. Непродуктивность этой модели в деловых документах XV–XVII вв. отмечает (Азарх 1984: 192).

О бытовании исследуемых дериватов в русских говорах можно сказать следующее. В СРНГ отмечены такие имена на *-тв(а)* с мутационным значением, как *бритва* ‘большой острый широкий нож для очистки кожи’ и ‘рыба, к роду сельдей причисляемая’ [без указания места]; *едства* ‘еда, кушанье’, *питства* ‘то, что пьют’ (Так спасибо, моя родитель-матушка, за хлеб, за соль и за все *едству*, *питству* сахарную) Каргоп. олон. Ильинский: 1896; *ества* и *яства* ‘яство, еда, кушанье’ волог., арх., яросл., костром., смол., псков., орл., казан., вят., перм., свердл., сиб., тюмен., печер.; *жатва* ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня’ (Старик на это согласился, снял пшеницу, а медведю оставил *жатву*) псков.; *жертва* ‘плоды, животные и т. п., приносимые в церковь для освящения’, вят., 1907; ‘еда’ (А которая птица какую *жертву* ела, она кости оставила) арх., вят.; *жнитва* ‘время жатвы’ псков., твер. курск., орл., смол.; ‘место, где жнут или на котором уже сжали’ псков., новг., сред. урал.; ‘солома? собираемая в поле после перевозки хлеба’ ворон.; ‘скошенная рожь’ липецк.; *жратва* ‘обжора’ (обычно бранно) моск., курск., ворон., смол.; *паства* ‘ночное’ (Ездили на *паству*, коней пасли) псков., 1965; ‘выгон, пастбище’ (*Паствы* у нас хорошие. трав много.) сарат., 1960; ‘плата пастуху за пастьбу’

дон., 1929; *клятва* ‘брань, ругань’ рязанск., 1969; *конопáства* ‘место, где пасутся лошади’ псков., твер. 1855; *молитва* ‘текст заговора’ забайк. 1925; ‘охранительный заговор молодым на свадьбе или скоту от зверей’ волог. 1970; ‘неприличные стихи, которые читают при игре «в лошадь» костром., 1917 и др.

Семантическая структура сущ. с суффиксом *-тв(а)*, отмеченных в русских говорах, в ряде случаев отличается от семантики соответствующих образований в литературном языке. Некоторые диалектные дериваты имеют преимущественно значение имен действия: *боронитва*, *грабитва*, *грества* (см. СРНГ). Распространенность девербативов на *-тв(а)* в диалектном языке (в более широком репертуаре, чем в литературном) следует отнести, как кажется, в какой-то мере к влиянию книжного языка: эти формы не были чужды разговорному языку, послужившему источником этих форм в языке диалектном.

Таким образом, можно констатировать регулярную полисемию слов-транспозитов, т. е. возможность выражать ими, кроме общего, и частные словообразовательные значения (РГ 1980: 136). Иначе говоря, отглагольные имена могут выступать не только как транспозиционные, но и как мутационные образования. Дериваты, зафиксированные в древнерусской письменности, обнаруживают мутационное значение в таких случаях, как: *жатва* — от *жати* ‘жать, сжинать’: 1. Время жатвы; 2. Поле, готовое к жатве; 3. Собранный хлеб; 2. *жьртва* — от *жьрти* ‘совершать жертву, приносить жертвоприношение’: 1. Жертвоприношение; 2. То, что приносится в жертву; *клатва* — от *клати* ‘проклинать’: 1. Проклятие, пожелание зла. 2. Клятва, присяга; 3. Завещание; *ловитва* — от глагола *ловити* ‘охотиться, ловить зверя, птицу, рыбу’: 1. Охота, рыбная ловля; 2. Ловушка; 3. Добыча, улов; Вид игры или состязания; *молитва* от *молити(са)*: 1. Мольба, просьба; 2. Молитва, слово, обращенное к Богу; *паства* от *пасти* ‘пасти скот’, перен. ‘воспитывать, наставлять’: 1. Пасение скота; 2. *Перен.* Наставление, воспитание; 3. Пастбище; 4. *Перен.* ‘духовное стадо, паства’; *ѣства* от *ѣсти* ‘есть, принимать пищу’: 1. Принятие пищи, трапеза; 2. Пища и др.

Отраженный в нашей работе диахронический анализ семантической структуры образований на *-тв(а)* показал, что эта структура не остается неизменной и предстает как развивающееся явление во времени и пространстве. Основные этапы этого развития — от исходной системы до современного состояния демонстрируют расширение позиций мутационного словообразовательного значения.

Подытоживая все вышеизложенное, можно констатировать, что в истории существительных с суф. *-тв(а)* прослеживаются особенности, присущие и другим отглагольным словообразовательным типам. Прежде всего — и это главное — наблюдается все дальше идущее ослабление связи существительного с мотивирующим глаголом и, как следствие — возможная утрата процессуального признака у мотивированного слова.

Таким образом, представляется правомерным вывод о том, что изменения в семантической структуре образований на *-тв(а)* связано с общим противопоставлением имени глаголу, отчетливо проявляющимся в процессе исторического развития языка.

Вместо заключения

Уже приведенный материал демонстрирует, насколько было бы важно и интересно показать поступательное развитие каждого словообразовательного аффикса на протяжении истории языка. В связи с этим весьма перспективными нам представляются соображения И.С. Улуханова о необходимости создания словообразовательного словаря, хронологические рамки которого — это X–XX вв. В противном случае «разрывается единая картина эволюции описываемого явления, в то время как показ эволюции свойств морфем — важнейшая задача исторического словообразования» (Улуханов 2012: 73–74). Такой проект возможно осуществить при условии, что кроме словаря, о котором идет речь в данной статье, будут созданы деривационные словари XVIII и XIX вв. Так что предлагаемый словарь будет лишь первым шагом на пути создания полного деривационного историко-этимологического словаря русского языка.

Цель такого описания заключается в изложении конкретных словообразовательных типов и средств, выявление их взаимодействия в разные эпохи, демонстрация общих тенденций деривационной системы русского языка и основных причин ее эволюции (Там же: 72). Ученый предлагает конкретный план создания такого словаря, расписанный по пунктам, с использованием диахронного и синхронного методов. Сейчас нет необходимости подробно излагать этот план; отметим, что постулаты его бесспорны.

Хочется надеяться, что данная публикация — это не просто «информационный шум», но предпосылка к реализации идеи создания исторических деривационных словарей и в России, и на всей территории Славии.

Далее приводится предварительная пробная статья для суффикса *-тв(а)*, снабженная материалами древне- и среднерусского периодов.

Приложение

Пробная статья¹²

Суффикс *-тв(а)*

Сущ. жен. рода (парадигма типа *жена*).

Восходит к прасл. суф. **-тв(а)*:

**gonitva* от **goniti(se)*, др.-рус. *гонитва* ‘преследование, погоня’; **gostitva* от **gostiti*, др.-рус. *гоститва* ‘пир, пиршество, угощение’; **žatva* от **žati*, др.-рус. *жатва* ‘жатва, уборка хлебных злаков’; **ženitva* **ženiti(se)*, др.-рус. *женитва* ‘женитьба, брак’; **žrŭtva* **žrŭti*, др.-рус. *жьртва* ‘жертвоприношение’; **klętva* от **klęti(se)*, др.-рус. *клатва* ‘проклятие’; **kolitva* от **koliti*, др.-рус. *колитва* ‘заклание’; **lovitva* от *loviti*, др.-рус. *ловитва* ‘охота, ловля’; **modlivta* от **modliti(se)*, др.-рус. *молитва*

¹² Иллюстративный материал подается в хронологической последовательности.

‘мольба, просьба, моление’ **mytva* от **myti*(se), др.-рус. *мытва* ‘мытье’ и др. (Vailant 1974, IV).

Является непродуктивным почти во всех славянских языках.

ЗМ (значение морфемы): *действие или состояние, соотносящееся с мотивирующим словом*

Суш<глг

Способ образ.: суффиксация

ЗТ (значение словообразовательного типа): **ЗМ**

Битва < **бити** ‘биться, сражаться’

Древн.рус. **Битва** — ‘бой, сражение’: *и потомъ отступи князь Юрьи въспясть, а князь Изяславъ по немъ поиде, яко солнцу заходящу съступишася обои, и бысть битва велиа и съча зла.* Ник. лет IX, 181.

Средн.рус. ‘битва, бой’: **Битва**, драка воинская. Алф., 35. XVII в.

Жатва < **жати** ‘жать, сжинать’

Древн.рус. **Жатва** ‘жатва, уборка хлебных злаков’: *видѣхъ въ время жатвы народъ много (тоу ἑέρους).* СбЧуд XIV, 62а; *Люто бесплодье земля и люто безгодная ж(а)тва* (θερίσιμός). ГБ к. XIV, 111а.

Средн.рус. ‘жатва, уборка хлебных злаков’: *Остави жатву свою, начни имати вино.* ВМЧ, Окт. 4–18, 1069. XVI в.

Желитва, желѣтва < **желѣти** ‘скорбеть, горевать’

Древн.рус. **Желитва** ‘печаль, скорбь’: *се бояре слоуживше тобѣ мнѣше(с) иногда велици быти тебе дѣла. нынѣ же лишениѣ твоѣя любве. желитвѣ дома великыя створше. съдѣ(т) в нихъ въ мн(о)зѣ оунынии.* ПКП 1406, 117а.

Средн.рус. **Желѣтва** ‘печаль, скорбь’: *Се бо и бояре твои... нынѣ же лишени твоеа любве. желѣтвѣ дома велики сътворивше, и съдятъ в нихъ въ мнозѣ унынии.* Патерик Печ., 84. XV в. ~ XIII в.

Женитва < **женити** ‘женить’

Древн.рус. **Женитва** ‘женитьба’: *то же аще нѣции. мѣлачѣше и приимѣше въ повелѣнии прѣбывати. тако по сихъ приидоша на женитвоу прѣстати имѣ отъ слоужения (ἐπὶ ὑάμων).* КЕ XII, 83а; *сло(в) о женитве* и *о любодѣянии.* Пр 1383. 151а.

Средн.рус. **Женитва** ‘женитьба’: *Ино всякое государство имѣетъ свой обычай; того для всегда таково зговорѣ о женитвѣ грамотами утверждается, чтобы не было споны.* Рим. имп. д. I, 295. 1518 г.; *Доброе хулятъ: женитву, а злое хвалятъ: прелюбодѣяние, содомский грѣхъ.* Посл. к Ив. Гр., 81. 1547 г.

Жьртва, жертва < **жьрти, жерети** ‘приносить в жертву’

Древн.рус. **Жьртва** ‘жертвоприношение’: *Дрѣвле оубо понавляя църкѣвъ соломоно. бесловеснѣ скотѣ. животныхъ жьртвы. и всесѣжениѣ. приношааше господи.* Стих 1156–1163, 99; *Агньца на жьртву първое принесе, и вѣньць страстии първое въсприятъ.* Стихирарь, 4 об. XII в. и *приношахоу жьртвы въ каптоли диаволи ѣкраты лоуноу.* КН 1280, 56в–г.

Средн.рус. **Жертва** (жьртва, жрътва, жерьтва) ‘жертвоприношение’: *И начаша жьртву приносити идоломѣ, и томѣ чясе разделишася земля, и пожрех и двѣ тѣмы*

Паства <пасти, паствити 'руководить, наставлять'

Древн.рус. Паства 'наставление, воспитание': [Феодосий] *накы же призывавъ стефана ѱдиноаго оучааше и кже о паствъ стѣааго того стада*. ЖФП XII, 636; (1289) и за трж(д) *паствы* людѣи его прѣати отъ него вънець славы. ЛИ ок. 1425, 304 об.

Средн.рус. Паства 'управление, попечение, руководство': *И после де подружия своего жилъ [вдовый дьякон] благочинно... и въ чистотъ подѣ паствою отца своего духовнаго*. Арх. Стр. II, 51. 1605 г.; *Изволила ты писать, что предала меня в паству матери божией; и, такова пастыря имѣючи, почто печаловать?* Петр, I, 15. 1693 г.

Питва <пити 'пить хмельной напиток; пировать'

Древн.рус. Питва 'пир, торжество с хмельными напитками': *И рече Есфирь... да пришесть цѣрь Аманомъ днес<ь> на питву, еже быхъ створили ему*. Кн. Есфирь, 149. XIV–XV вв. ~ XI–XII вв. *Пришед, видѣхъ Варсуву, цѣря Одолмитска, и створи ми питву* (ποτόν). Палея Толк², 161 об. 1477 г. ~ XIII в.

Селитва <селити (сѣ) 'проживать, селить(ся)'

Древн.рус. Селитва 'проживание': *Бысѣ... мнихѣ... в пустыни же нѣкоеи. сена-ридскыя земля селитву творя рекше жи(ли)ще имыи* (τὰς οἰκήσεις). ФСт XIV/XV, 20 б—в.

Средн.рус. Селитва 'поселение, проживание': *Огнь паки на ...теплоту и на свѣтъ нощю ...служба, вода на питие... земля на селитву и на отдавание всякимъ плодомъ и древомъ*. Козма Инд., 47. XVI в. ~ XII–XIII вв.; *Еродий есть именуема нѣкая птица, вельми чадолюбива, яко и врабьева птица около гнѣзда ея селитву имут*. Алф.¹, 80 об. XVII в.

Сѣятва <сѣяти 'сеять, вносить семена в почву'

Древн.рус. Сѣятва 'сеяние, сев': *На другое лѣто насѣяста ту же ниву ... и кончанъ бывши сѣятвъ, и пожатъ бывши нивъ и соброста плодъ тоя же нивы*. Ж. и ч. Николы, 62. XIV в. ~ XI в.

Средн.рус. Сѣятва (сеятва) 'сеяние, сев': *Отъиди убо от мене. Прешла есвъ лѣты, премину время сѣатвы, угасе плотское хотѣние, время многое теплоту угаси* (τῆς στωρῆς). ВМЧ, Сент. 14–24, 1363. XVI в.; *И питахуся вси старыми труды, та-кожде и убивающих их питаху: оране бо и сеятва и жатва мяташеса, мечю на выи всегда у всех належашу*. Сказ. Авр. Палицына¹, 106. 1620 г.

Ѣства <ѣсти 'есть, принимать пищу'

Средн.рус. Ѣства (ества) 'действие по глаголу ѣсти': *А кому к нему приити беседы ради духовныя, — и он приди не в трапезное время: ествы и пития в те поры не было — ино то беседы духовная*. Ив.Гр.Посл., 191. 1573 г.

2. ЗМ: конкретно-предметные значения, соотносящиеся с мотивирующим словом

2.1. ЗП (значение подтипа): слова с предметным значением, отражающие семантику мотивирующего слова.

Бритва <брити 'брить'

Древнерус. 'нож, бритва', в том числе перн.: [язык] *яко бритва иззострена*. Гб к. XIV, 436; *Февда яко бритву иззошрену. сплете злодѣяны*. ЖВИ XIV–XV, 108а; //

острие: или разорити законъ во тѣ днь. или прославитисѧ. и яко при бритвѣ вещи стояху тогда (ξυρήσασα). ГБ к. XIV, 140в.

Хранитва <хранити 'охранять, оберегать'

Древнерус. **Хранитва** 'предохранительная навязь': *яко не достоитъ сѣдникомъ... творити рекомыя хранитвы, яже суть сѣюзы дѣльны(х) (φυλακτήρια)*. Уст.крм. Ио. Схол. Л. 39 (Срезн. III: 1400).

Чоувитва/о 'орган чувств' <*čuviti, *čuti' (ЭССЯ 1974: 4, 137): *Аще бо начнемъ тепло заповѣдати Бж҃ея съдѣвати, то всѧ наша к томуу чвѣтвы чжвѣствомъ просвѣтаци благодѣтъ наша насъ приготоваетъ* (τὰ αἰσθητήρια) Панд. Антиоха, 257. XI в.

Жатва

3. ЗМ: предмет, результат действия, время действия, соотносенные с семантикой мотивирующего глагола

3.1. ЗП: результат действия

'собранный хлеб': *то же ль(т) бы(с) поводъ велика в Галичи... и многы чл҃вкы снимаху съ дрѣвъ. и кола. иже бѣ вода възметала. много же инии потоке. и бы(с) в ни(х) жатва* дорога. рамано на ту зиму. ЛИ ок. 1425, 187; 'поле, готовое к жатве': *иоанъ на жатвъ. слыша гл҃ию брату ближнему своему съ гнѣвомъ и гл҃ию въмъ или ты. и оставле жатву бѣжа*. ПНЧ к. XIV, 147б;

3.2. ЗП: время действия, время года

'время жатвы': моравии *в жатву* пищу готовить. і доволно житницію си наложить. МПр XIV₂, 32; 'лето': *и вселѣтная времена ·ѿ· по ·ѿ· -мъ же м(с)цемъ имоуще чтоутъ(с), изгл҃еться числа ихъ весна, жатва, осень, зима*. (δέρος) ГА XIV₁, 65г.

Жьртва

3.3. ЗП:

'обряд жертвоприношения': *въ арменьстѣи странѣ вино едино. на стѣи трапезѣ приносятъ. воды к томуу не примѣшающе бескверную жертвоу свершающе*. ПНЧ к. XIV. 6а; *и надѣ источники свѣща вжагающе. и коумирскую жертву адать*. СбСоф к. XIV, 13а.

3.4. ЗП: объект жертвоприношения

'то, что приносится в жертву': *Юлини же въ Римѣ жертвоу начаша творити и всаки скоты заклати на жертву*. ГА XIV₁, 250в; *миноваше бо уже ветхыи законъ с требами козыхъ жертвъ*. КТур XII сп. XIV, 43.

Клатва

3.5. ЗП: действие или состояние, названное мотивирующим словом

'проклятие, пожелание зла': *кто же дрѣзнетъ сътвори... <се> властелинѣ. или князь. или пискупъ... а боуди ѣмоу клатва* си Нап 1161; *а насъ грѣшныхъ не поклонѣте ба дѣла. зане же естъ зла сѣдничская клатва. а добро естъ блг(с)ние*. Ев 1355, 176 (запись).

3.6. ЗП: результат действия, названного мотивирующим словом

'клятва, присяга, обет': *досаждение и мѣтва. разнѣ себе еста. клатва и мѣтва межю собою много има(т)*. ПНЧ 1296, 99 об.; *онъ же не имѣя что дати. съ клатвою извѣствоваше. не вѣдати гл҃маго к нему*. СбТр к. XIV, 196; (1238): *нынѣ*

же **клатвоу** кленоу ти(с). яко николи же. вражды с тобою не имамъ имѣти. ЛИ ок. 1425, 264 об.

3.7. ЗП: предмет, предназначенный для выполнения действия

‘завещание’: (996) и помолвишюся ему. рекъ сице даю цркви сеи стѣи Бци ѿ(т) имѣнья моего и ѿ(т) градъ моихъ десѣтую часть. и положи написавъ **клатву** въ цркви сеи ре(к). аще кто сего посудитъ да буде(т) проклатъ. ЛЛ 1377, 43.

Ловитва

3.8. ЗП: результат действия, названного мотивирующим словом

‘добыча, улов’, также перен.: ловаше же рыбы и даяше же ѿ(т) **ловитвы** просѣимъ. Пр XIV (6), 185а; принеси ми да ямъ **ловитву** твою чадо. Пал 1406, 75в; **Ловитва** еѣ<о> бѣяше брашно (ή θήρα). (Быт. XXV, 28) Библ. Генн., 1499 г.

3.9. ЗП: предмет, предназначенный для выполнения действия

‘ловушка, сеть’, также перен.: лая бо льстивыи львъ въ ѿградъ свои. и лачеть намъ стѣи и **ловитвы**. СбТр XII/XIII, 156; [Бог] убо ту красоту мою тому, иже о ней соблазнится, въ **ловитву** претворить. Юдифь, 166. 1674 г.

4.0. ЗП: игровые стихи, песенки, предназначенные для осуществления игрового действия

‘вид игры или состязания’: аще ѿ(т) нихъ кто играетъ. или пласания творить... и на видѣние члѣки събираетъ. или **ловитвамъ** прележитъ. таковыя ѿ(т)лоучаетъ. КР 1284, 154в; то же КВ к. XIV, 1186; позорища бо и оуристанья коньская и **ловитвамъ** попеченья. ЖВИ XIV/XV, 106а.

Молитва

4.1. ЗП: текст, сочинение, предназначенное для осуществления действия

‘текст молитвы’: и написавъ **млтвоу** на хартию. дать архидияконоу (εὐχήν). КЕ XII, 249а; то же КР 1284. 273б; таче естъ **млтва** в молитвениць ПНЧ к. XIV, 436; (1289): списа же и слоужебни(к) стомуу Гѣѿ(р)гию, и **млтвы** ве(ч)рнии и оутрѣнии списа особъ молитвеника. ЛИ ок. 1425, 305.

Паства

4.2. ЗП: субстантив с «собирательным» значением, соотносящийся с мотивирующим глаголом

‘стадо’, также перен. ‘духовное стадо, паства’: и вълкы ѿт **паствы** изгѣна (τῆς ποίμνης). КЕ XII, 263б; понеже оубо дѣ(т) долженъ есмь васъ пасты и оучити. порученую **паству**. СбУв XIV₂, 64 об.; не тѣломъ крепкы но дшею и разумомъ. могущихъ на пажить. обрати дша. словесныхъ овецъ **паству** хву. КР 1284, 351г.; На томъ мѣстѣ во время пречистаго рождества Христова пастырие бяху въ ночь и стражаху **паству** свою. Арс. Сух. Проскинитарий. 173. 1653 г.

4.3. ЗП: место, где происходит действие

‘пастбище, угодья, выгон для пастбы скота’: и водоносаго осла на **паству** изводѣ же и въводѣ. Пр 1383, 5б; телци же тучными ѿт **паствъ**. и козлаты ѿт ста(д) оумащатисѣ. Гб к. XIV, 102б; А тѣхъ сѣль пожни, и страдная земля, и **паства**, а то по селамъ. Гр. Новг. и Псков., 170. XVII в. ~ 1435 г.; А у нашия деревни... выпустили у насъ исъ **паствы** деветеро коней. АХУ II, 570. 1606 г.

4.4. ЗП: субстантив с «собирательным» значением, предназначенный для осуществления действия

‘наставление, воспитание, управление, попечение’: [Феодосий] *накы же призъ-вавъ стефана ѡдиногo оучааше и. ѡже о паствъ стѣаго стада.* ЖФП XII, 636; (1289): *и за трѣ(д) паствы людѣи его прѣати ѡт него вънѣць славы.* ЛИ ок. 1425, 304 об.; *Бывшу ми... въ Троицкомъ Киржатцкомъ монастырь, иже подъ паствою того же большого Сергиева монастыря.* Ч. Серг. Р. Аз., 85.

Ѣства (ества) < Ѣсти ‘есть, принимать пищу’

4.5. ЗП: результат действия мотивирующего глагола

‘еда, пища, угощение’: *А ѡства же ихъ плоха... а ядятъ брынецъ, да кичири с мас-ломъ, да травы разные ядят.* Х. Афан. Никит., 19. XV–XVI вв. ~ 1472 г.; *А ели не за однимъ столомъ, потому что Федоръ и Неудача ѡли постную ѡству, а они ѡли мясную ѡству.* Англ. д., 39. 1582 г.; *О чинѣхъ греческихъ въ кратцѣ... Въ гостяхъ, гдѣ быва-ють патриархъ въ миру, и на столѣ ествы стоятъ рыбная и мясная въмѣсть — блюдо подлѣ блюда.* Арс. Сух. Прен., 357. 1650 г.

Морфонология

■ -тв(а), [тв]

После гласных (усечение инф. основ *глг* отсутствует): жа-тв-а; моли-тв-а.

Ударение. Тип I (на предсуф. слоге): моли́-ть-ся — моли́-тва.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх 1984: Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. Москва, 1984.

Амфилохий 1880: Словарь из Пандекта Антиоха XI в. Санкт-Петербург, 1880.

Бирнбаум 1986: Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы его реконструкции. Москва, 1986.

Варбот 1969: Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. Москва, 1969.

Варбот 2008: Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Москва, 2008, 84–95.

Вендина 1990: Вендина Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования. Москва, 1990.

Виноградов 1994: Виноградов В.В. История слов. Москва, 1994.

Гельтергоф 1771: Гельтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон, купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российской этимологиєю. Москва, 1771.

Герд 2010: Герд А.С. К типологии исторических словарей // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8 / Отв. ред. О.А. Черепанова. Санкт-Петербург, 2010, 22–32.

Горелова 1974: Горелова И.В. (Андрианова). Отглагольные существительные с суффиксом *-тв(а)* в древнерусском языке // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. Москва, 1974, 233–240.

Даль 1956: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. Москва, 1956.

Зализняк Анна 2006: Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва, 2006.

Зверковская 1986: Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. Москва, 1986.

Иорданиди 1998: Иорданиди С.И. О некоторых аспектах изучения отглагольных *potina actionis* в истории русского языка // Четвертые Поливановские чтения. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Смоленск, 19–20 мая 1998 г. Ч. I. Смоленск, 1998, 44–50.

Иорданиди 2002: Иорданиди С.И. Преобразование семантической структуры некоторых словообразовательных типов в истории языка (от исходной системы) // К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. Москва, 2002, 183–198.

Иорданиди 2013: Иорданиди С.И. К истории некоторых непродуктивных именных суффиксов в русском языке // Исследования по славянской диалектологии. Москва, 2013. 16, 277–291.

Иорданиди 2019: Иорданиди С.И. [Рецензия на:] Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2, 190–198.

Историческое словообразование 1984: Историческое словообразование русского языка. Казань, 1984.

Иткин 2019: Иткин И.Б. [Рецензия на:] Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2, 198–212.

Калайдович 1824: Калайдович И.Ф. Опыт правил для составления русского производного слова. Кн. 15. Ч. 5. Москва, 1824.

Коряковцева 1998: Коряковцева Е.И. Имена действия в русском литературном языке: история, словообразовательная семантика. Москва, 1998.

Кузнецова, Ефремова 1986: Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. Москва, 1986.

Кузнецова, Сиверина 1979: Кузнецова Т.А., Сиверина Е.Г. Лексические указатели процессуальности значения отглагольных существительных в современном русском языке // Научные труды Куйбышевск. гос. пед. института. Т. 227. Куйбышев (Самара), 1979.

Лихтен 1762: Лихтен И.Ф. Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита. Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1762.

Марков 2001: Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001.

Мейе 1951: Мейе А. Общеславянский язык. Москва, 1951.

Мельчук 1997: Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. Москва; Вена, 1997.

Николаев 2010: Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Москва, 2010.

Ольшанский, Скиба 1987: Ольшанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и текста. Кишинев, 1987.

Плунгян 1998: Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных грамматических теориях // Семиотика и информатика. Вып. 36. Москва, 1998, 324–386.

Потебня 1968: Из записок по русской грамматике. Т. III. Москва, 1968.

Потиха 1987: Школьный словарь строения слов русского языка. Москва, 1987.

РГ 1980: Русская грамматика. Т. I. Москва, 1980.

Рейф 1835–1836: Рейф Ф.И. Русско-французский словарь, въ которомъ русскія слова расположены по происхожденію, или Этимологическій лексиконъ Русскаго языка в 2 томах. Санкт-Петербург, 1835–1836.

САР: Словарь Академии Российской. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1789–1794.

СДРЯ XI–XIV вв.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII–. Москва, 1988–2019–.

СЛРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. Москва, 1975–2019–.

Солнцев 1977: Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. Москва, 1977.

Соссюр 1977: Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию. Москва, 1977.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2021.

ССАРЯ 2016: Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва, 2016.

СС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Москва, 1994.

Тихонов 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I–II. Москва, 1985.

Толстая 2019: Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. Москва, 2019.

Трубачев 1994а: Трубачев О.Н. Синхрония, диахрония — und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по историческому словообразованию. Москва, 1994, 16–28.

Трубачев 1994б: Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993. Москва, 1994, 3–23.

Трубачев 2004: Трубачева О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. I. Москва, 2004.

Улуханов 1993: Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования славянских языков // XI. Medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé. Bratislava, 1993, 448–449.

Улуханов 1994а: Улуханов И.С. Основы построения исторического словообразования русского языка // Русистика сегодня. № 1. Москва, 1994. С. 9–22.

Улуханов 1994б: Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. Москва, 1994, 3–16.

Улуханов 2012: Улуханов И.С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. Москва, 2012.

Хохлачева 1969: Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования в русском литературном языке нового времени. Москва, 1969.

Шимкевич 1842: Шимкевич Ф. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками. 1–2. Санкт-Петербург, 1842.

Шишов 2004: Шишов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. Москва, 2004.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. Вып. 1–42—. Москва, 1974–2021—.

Grzegorzczkova, Puzynina 1959: Grzegorzczkova R., Puzynina J. Z zagadnień słowotwórstwa synchronicznego // Poradnik Językowy. 1959. 6–7, 241–253.

Kiparsky 1975: Kiparsky V. Russische historische Grammatik: Die Entwicklung des Wortschatzes. III. Heidelberg, 1975.

Meillet 1905: Meillet A. Études sur l'étimologie et le vocabulaire du vieux slave. P. 2. Formation des noms. Paris, 1905.

Miklosich 1875: Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. II. Wien, 1875.

Pełowski 1974: Pełowski F. Odczasownikowe nazwy wykonawców czynności w polszczyźnie XVI wieku. Wrocław etc., 1974.

Puzynina 1975: Puzynina J. Jac pracować nad słowotwórstwem historycznym języka polskiego? // Poradnik Językowy. 1975, № 4, 173–179.

Sławski: Sławski F. Słownik prasłowiański. T. I—. Wrocław, 1974—.

SGSJO: Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego / Pod red. naukową H. Jadackiej. T. 1—4. Kraków, 2001—2004.

SJP XVII—XVIII: Słownik języka polskiego XVII — 1. XVIII wieku. T. 1—. Krakow, 1999.

SJPD: Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. 1—11. Warszawa, 1958—1969.

SJPD Ind.: Indeks a tergo do Słownika języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego. Warszawa, 1973.

SSp: Słownik staropolski. T. 1—11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953—2002.

Vaillant 1974: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 4. La formation des noms. Paris, 1974.

Vondrák 1908: Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. II: Formenlehre und Syntax. Göttingen, 1908.

Worth et al. 1970: Worth D., Kozak A., Johnson D. Russian Derivational Dictionary. New York, 1970.

**LEKSIKOGRAFSKA DJELATNOST INSTITUTA
ZA HRVATSKI JEZIK I JEZIKOSLOVLJE
U 21. STOLJEĆU**

Barbara KOVAČEVIĆ

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje
(Zagreb, Hrvatska)
<https://orcid.org/0000-0002-9125-8175>
bkova@ihjj.hr

Kristian LEWIS

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje
(Zagreb, Hrvatska)
<https://orcid.org/0000-0002-9202-9702>
klewis@ihjj.hr

U radu se donosi pregled leksikografske djelatnosti Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje u 21. stoljeću, odnosno od 2000. do 2021. godine. Institut kao središnja nacionalna znanstvena ustanova za istraživanje hrvatskoga jezika i općega jezikoslovlja dio svojih radnih zadaća posvećuje leksikografskome radu utemeljenome na znanstvenim spoznajama. Autori ovoga rada predstaviti će rječnike objavljene u Institutu te dati njihovu tematsku i strukturnu analizu.

Ključne riječi: hrvatska leksikografija, rječnici, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, tematska analiza, strukturna analiza

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИНСТИТУТА ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИКИ
В XXI в.**

Барбара КОВАЧЕВИЧ

Институт хорватского языка и лингвистики
(Загреб, Хорватия)

Кристиан ЛЬЮИС

Институт хорватского языка и лингвистики
(Загреб, Хорватия)

В статье представлен обзор лексикографической работы Института хорватского языка и лингвистики в XXI-ом веке, точнее с 2000 по 2021 год. Являясь ведущим национальным научным учреждением по исследованию хорватского языка и общей лингвистики, Институт посвящает часть своей деятельности лексикографической работе, основанной на научных исследованиях. Авторы данной статьи представляют словари, изданные Институтом, и предлагают их тематический и структурный анализ.

Ключевые слова: хорватская лексикография, словари, Институт хорватского языка и лингвистики, тематический анализ, структурный анализ

LEXICOGRAPHIC ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF CROATIAN LANGUAGE AND LINGUISTICS IN THE 21ST CENTURY

Barbara KOVAČEVIĆ

Institute of Croatian Language and Linguistics
(Zagreb, Croatia)

Kristian LEWIS

Institute of Croatian Language and Linguistics
(Zagreb, Croatia)

The paper provides an overview of the lexicographic work of the Institute of Croatian Language and Linguistics in the 21st century, more precisely from 2000 to 2021. As the leading national scientific institution for the research of the Croatian language and general linguistics, the Institute dedicates part of its activities to lexicographic work based on scientific insights. The authors of this paper will present dictionaries published by the Institute and provide their thematic and structural analysis.

Keywords: Croatian lexicography, dictionaries, Institute of Croatian Language and Linguistics, thematic analysis, structural analysis

I. Uvod

Hrvatska se leksikografija potkraj 20. stoljeća, a osobito od osamostaljenja Hrvatske i proglašenja državne neovisnosti 1991. godine, odlikuje objavljivanjem mnogobrojnih naslova i snažnom aktivnošću na izradi novih rječnika¹. Pozitivno ozračje koje je vladalo u vezi s objavljivanjem rječničkih izdanja nastavlja se i u 21. stoljeću tako da nije pretjerano ustvrditi kako je u sadašnjemu trenutku hrvatska leksikografija itekako živa i raznovrsna, a kvaliteta rječnika na sve je višoj razini. Tomu je nesumnjivo pridonijelo pojačano zanimanje za znanstveno i teorijsko istraživanje leksikografije, što se posljedično odrazilo i na tematski opseg i na osmišljenost ustroja leksikografskih djela. Radoslav Katičić, razmatrajući moguće smjerove razvitka hrvatskoga jezika u 21. stoljeću, među ostalim ističe: «Hrvatski jezik dobro je standardiziran, funkcionalno i stabilno. Tu mu doista ništa ne nedostaje. Treba ga samo, kao i svaki drugi standardni jezik, promišljeno i pažljivo sve dalje razvijati i dograđivati kako bi bio dorastao sve novim zadaćama koje mu se postavljaju u svijetu koji se mijenja. (...) On će u 21. stoljeću i dalje služiti hrvatskoj jezičnoj zajednici i nastaviti svoj razvoj» (Katičić 2019: 572, 576). Da je takvo razmišljanje itekako utemeljeno te primjenjivo i na hrvatsku leksikografiju s kraja 20. i početka 21. stoljeća, dodatno osnažuje stajalište Marka Samardžije: «Prevratne političke prilike s početka devedesetih godina XX. stoljeća koje su izravno utjecale na promjenu hrvatskoga sociolingvističkog stanja afirmiravši hrvatski kao službeni / državni jezik samostalne Republike Hrvatske posredno su dale nov zamah i dvojezičnoj leksikografiji kako brojem prerađenih

¹ Podrobnije podatke o jednojezičnoj i dvojezičnoj leksikografiji u Hrvatskoj u 20. stoljeću donose M. Samardžija (2019b: 9–48) i B. Petrović (2019: 49–90), a o terminološkim rječnicima, leksikonima i enciklopedijama u 20. stoljeću pišu L. Hudeček, K. Lewis i M. Mihaljević (2019: 91–155).

izdanja starijih, tako i izradbom i objavljivanjem novih dvojezičnika, ali i produženjem popisa stranih jezika kao polaznih ili ciljnih» (Samardžija 2019a: 253). I rad Branke Tafre i Željke Fink-Arsovski o hrvatskoj leksikografiji, višegodišnjih hrvatskih predstavnica u Komisiji za leksikologiju i leksikografiju pri Međunarodnom slavističkom komitetu, dao je iznimno podroban i vrijedan uvid u povijest i suvremenost hrvatske leksikografske teorije i prakse (Тэфра, Финк-Арсовски 2013).

Zapaženija se leksikografska djelatnost u Hrvatskoj odvija u nekoliko ključnih državnih znanstvenih i stručnih institucija, među kojima je vjerojatno najspecijaliziraniji i najpoznatiji Leksikografski zavod «Miroslav Krleža»². Pojedina novija leksikografska izdanja objavljena su i u Hrvatskoj akademiji znanosti i umjetnosti, Matici hrvatskoj te Zavodu za lingvistiku Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. Od privatnih nakladničkih kuća valja izdvojiti Školsku knjigu, koja i danas objavljuje većinu rječnika u Hrvatskoj, a nekoliko je veoma čitanih i od korisnika traženih djela dvojezične leksikografije objavio Nakladni zavod «Globus».

Posebno mjesto u hrvatskoj leksikografiji pripada Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Institut se, kao središnja nacionalna znanstvena ustanova za istraživanje hrvatskoga jezika i općega jezikoslovlja, tijekom sedamdesettrogodišnjega postojanja u nekoliko navrata dokazao kao znanstveno središte s potencijalom da ostvari najzahtjevnije leksikografske projekte na visokoj razini. Stoga ćemo u ovome radu donijeti obuhvatan pregled leksikografske djelatnosti Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje od početka 21. stoljeća do danas, a predstaviti ćemo rječnike objavljene u Institutu od 2000. do 2021. godine.

Uvodno smo već napomenuli da je hrvatska leksikografija u posljednjim desetljećima 20. stoljeća i prvim desetljećima 21. stoljeća i brojem izdanja i tematskim opsegom prilično razgranata. Stoga smo se pri razredbi rječničkih izdanja koja je izdao Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje morali odlučiti kako ćemo organizirati i razvrstati građu koju prikazujemo. Kriteriji i značajke na kojima se temelje podjele rječnika razlikuju se od autora do autora, pa smo prije izbora kriterija razdiobe koje ćemo primijeniti u ovome radu morali usporediti pristupe kako bismo identificirali osnovne teorijske smjerove. Primjerice, Samardžija (2019a: 15–17; 130 i dalje) ističe kriterij broja jezika, opsega rječnika, vremenskoga obuhvata leksika, deskriptivnost/preskriptivnost i leksik koji rječnici obuhvaćaju (opći leksik, nazivlje, specifični leksemi prema leksičko-semantičkim kriterijima). Putanec (1992: 18–42) navodi rječnike koji pripadaju općoj leksikografiji, pa u jednojezične svrstava abecedne, sistematske, slikovne, inverzne, frazeološke, rječnike razlika i sinonima. U cjelini višejezičnih rječnika izdvaja podskupine dvojezičnih i mnogojezičnih. Stručni rječnici druga su velika skupina, a razvrstava ih prema područjima (nazivljima) pojedinih struka. Zgusta (1991: 190–210) pristupa razredbi leksikografske građe razlikovanjem enciklopedijskih i jezičnih rječnika, a nadalje se jezični dijele na dijakronijske (povijesne i etimološke) i sinkronijske. Jezični se mogu podijeliti i na opće (standardnodeskriptivni i općedeskriptivni) te posebne (dijalektni, terminološki, rječnici posuđenica, stranih riječi, kratica, frazeološki, rječnici sinonima, antonima...). Uvodi i kriterij broja jezika te opsega rječnika.

² Podroban popis izdanja Leksikografskoga zavoda izradila je I. Klobučar Srbić (2015), a izdanja objavljena nakon toga popisana su na mrežnoj stranici <https://www.lzmk.hr/izdanja>.

U ruskoj leksikografskoj teoriji ističu se promišljanja Vladimira Dubičinskoga (Дубичинский 2009: 64 i dalje). Dubičinski polazi od kriterija broja jezika, obuhvata leksičkoga fonda, opsega rječnika, medija na kojemu je rječnik objavljen, funkcionalne namjene, redoslijeda izlaganja leksičke građe i kulturološkoga kriterija. Navodi i postojanje kompleksnih rječnika te rječnika namijenjenih poučavanju. Izrazito analitičan pristup rezultira cjelovitim i koherentnim sustavom kojim se obuhvaća i kategorizira većina poznatih rječnika. Konačno, navest ćemo i nešto općenitije postavke koje izlažu Rozentalj, Golub i Teljonkova (Розенталь, Голуб, Теленкова 2010: 128–137). U njihovoj se koncepciji osnovnim tipovima rječnika smatraju enciklopedijski i jezični, a jezični se dijele na dvojezične i jednojezične. Potonjima pripadaju objasnidbeni rječnici. Zatim izdvajaju frazeološke rječnike, rječnike sinonima, antonima, homonima, paronima i rječnike novih riječi. U posebnu skupinu izdvajaju povijesne i etimološke rječnike, a zatim i tvorbenne, dijalektne, čestotne i odostražne rječnike. Tipologiju zaključuju pravopisnim i pravogovornim rječnicima, onomastičkim rječnicima, rječnicima stranih riječi, rječnicima jezika pisaca i rječnicima epiteta te rječnicima kratica i rječnicima jezikoslovnoga nazivlja.

Kako se može vidjeti, potvrđuje se da su leksikografske teorije načelno ipak neujednačene, odnosno da katkad i imaju zajedničko ishodište, ali u daljnjim koracima grananja kriteriji se individualiziraju i kreću posve divergentnim putovima. Uzevši sve navedeno u obzir, odlučili smo rječnike koje smo uvrstili u analizu razvrstati prema tematskom i strukturnom kriteriju, a katkad smo primijenili i kombinaciju obaju kriterija, što smo naznačili u tekstu.

II. Ustroj Instituta i područja leksikografske djelatnosti

Znanstveni i stručni jezikoslovni rad u Institutu odvija se kroz djelatnost institutskih odjela. Odjeli su ustrojbene jedinice u kojima se odvija znanstvenoistraživačka djelatnost u određenome tematskom okviru. Riječ je o Odjelu za povijest hrvatskoga jezika i povijesnu leksikografiju, Odjelu za dijalektologiju, Odjelu za onomastiku i etimologiju, Odjelu za hrvatski standardni jezik i Odjelu za opće jezikoslovlje. U skladu s unutarnjim institutskim ustrojem leksikografska djela izdana u sklopu institutske izdavačke djelatnosti načelno se mogu svrstati u sljedeća tematska područja: povijesni rječnici, dijalektni rječnici, onomastički rječnici, etimološki rječnici, standardnojezični rječnici i općejezikoslovni rječnici. Budući da smo se opredijelili za predstavljanje leksikografskih radova prema tematskome i strukturnome kriteriju, donosimo detaljniju analizu jer su ustrojbni okviri institutske djelatnosti ipak donekle preuski da se u cijelosti opiše rječnička produkcija nastala u okrilju Instituta. Prikazali smo sve tiskane rječnike, a o elektroničkim rječnicima koji se nalaze na institutskim mrežnim stranicama dajemo kratku informaciju i adresu na kojoj se mogu pregledavati.

II. 1 Opći rječnici

U Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje izrađuju se normativni opći rječnici hrvatskoga jezika različitoga opsega s obzirom na namjenu i dob korisnika. Suvremeni opći rječnik predstavljaju dva tiskana rječnika nastala u okviru leksikografskih projekata na

Odjelu za hrvatski standardni jezik: «Prvi školski rječnik hrvatskoga jezika» iz 2008. godine (autori: Ankica Čilaš Šimpraga, Ljiljana Jojić, Kristian Lewis) i «Školski rječnik hrvatskoga jezika» iz 2012. godine (autori: Matea Birtić, Goranka Blagus Bartolec, Lana Hudeček, Ljiljana Jojić, Barbara Kovačević, Kristian Lewis, Ivana Matas Ivanković, Milica Mihaljević, Irena Miloš, Ermina Ramadanović, Domagoj Vidović).

«Prvi školski rječnik hrvatskoga jezika» s DVD-om sadržava 2500 natuknica i zamišljen je kao intermedijски priručnik za učenike prvih dvaju razreda osnovne škole te je svojom strukturom prilagođen korisnicima. Cilj mu je naučiti učenike leksikografskomu razmišljanju i pripremiti ih za služenje pravim rječnicima. U rječniku se u prvome redu nalaze riječi s kojima se djeca susreću u svakodnevnom životu i čije im je značenje dobro poznato, ali i one koje su im nove i nepoznate, a zastupljene su u školskim udžbenicima. Abecedarij prati osnovni leksički korpus za 1. i 2. razred osnovne škole koji je usklađen s Hrvatskim nacionalnim obrazovnim standardom. Pri izradi rječnika posebno se vodila briga o normi hrvatskoga standardnog jezika, pa lokalizmi, regionalizmi i žargonizmi nisu uključeni u rječnik, a pri uspostavljanju sinonimnih odnosa uvijek se jednomu leksemu daje prednost ili se sinonimni leksemi izjednačuju. Struktura rječničkoga članka također je prilagođena korisnicima. Značenja su opisana rečenicom iza koje slijede primjeri i ilustracije. Rječnik nije samo koristan za učenje materinskoga jezika nego je dobar temelj za učenje stranih jezika. Radi međusobnoga semantičkog povezivanja rječničkih natuknica, ovaj rječnik natuknice donosi grupirane u 40 tematskih mapa, u kojima se pripadajuće natuknice nižu abecednim redom. Također, na DVD-u se nalaze i igrice koje će djecu zabaviti, ali će im i pomoći da se bolje upoznaju s riječima u rječniku.

«Školski rječnik hrvatskoga jezika» normativni je jednojezični rječnik namijenjen u prvome redu učenicima završnih razreda osnovne škole i srednjoškolcima te svima koji se služe hrvatskim standardnim jezikom. Sadržava oko 30 000 natuknica, a u njegovu se dodatku nalazi i popis tisuću zemljopisnih imena s pridruženim etnicima i kteticima. Rječnik se temelji na «Hrvatskoj jezičnoj riznici», računalnome korpusu koji je nastao u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje, koji je mrežno dostupan na stranici <http://riznica.ihj.hr>. Obrađivači su provjeravali značenja i uporabu riječi u korpusu, a primjeri su uspostavljeni tako da budu primjereni korisniku te da ne opterećuju rječnik. Temeljni je korpus tekstova iz kojih su ekscerpirane natuknice za ovaj rječnik sastavljen od udžbeničkih tekstova svih predmeta za više razrede osnovne škole i za srednju školu, osnovnoškolske i srednjoškolske lektire te plana i programa za osnovnu i srednju školu, a dopunjen je prema postojećim općim rječnicima hrvatskoga jezika. Velika je pozornost posvećena primjerima (oprimgjereni su npr. nazivi ili česte sveze, valencijski odnosi ako pri uporabi postoji nesigurnost, razlika u značenju paronima, preneseno značenje). Rječnik donosi velik broj sveza i frazema uključenih u rječnički članak te podatke o sinonimnim i antonimnim odnosima među natuknicama.

II. 2 Dvojezični rječnici

Dvojezični rječnici definiraju riječi jednoga jezika njihovim prijevodom na drugi jezik, tj. to su rječnici u kojima se koordiniraju s leksičkim jedinicama jednoga jezika one leksičke jedinice nekoga drugoga jezika koje su im ekvivalentne po leksičkom značenju

(Тешић, Драгићевић, Ивановић 2018: 113). Ti su rječnici sinkronijskoga karaktera, tj. nude presjek suvremenih jezika. Sadržavaju jedan ili dva popisa abecedno nanizanih riječi, ovisno o smjeru izrade. Prema smjeru izrade mogu biti jednosmjerni, u kojima je polazišni jezik materinski, a ciljni je jezik strani (ili obratno), te dvosmjerni, koji su pisani i u smjeru prema stranome jeziku i polazeći od njega. U njima se ne nude definicije nego samo prijevodni ekvivalenti.

U Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje objavljena su dva velika jednosmjerna sinkronijska rječnika: «Deutsch-kroatisches Universalwörterbuch» iz 2005. godine (autori: Josip Matešić, Marija Znika, Renate Hansen-Kokoruš, Zrinka Pečur Medinger), koji je tiskan u suradnji s Nakladnim zavodom «Globus», i «Mađarsko-hrvatski rječnik» iz 2013. godine (autori: Krešimir Sučević Međeral, Tatjana Vukadinović, Irina Jurović, Margit Bernadett Vuk).

«Njemačko-hrvatski univerzalni rječnik» plod je suradnje Slavenskoga seminara u Mannheimu i Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. U rječniku je obrađeno 120 000 natuknica u kojima se, uz podatke o pismu, rastavljanju njemačkih riječi, njihovu izgovoru, uz gramatičke podatke, stilske i područne odrednice, u prijevodnim ekvivalentima daje značenjska raščlamba oprimjerena s oko pola milijuna potvrda. U rječniku je obuhvaćeno i nazivlje novijega doba iz oko 130 stručnih i znanstvenih područja te brojni izrazi koji pripadaju razgovornome jeziku. Presentacija rječničke građe pokazuje da je koncipiran kao opći rječnik. Posebna je pozornost posvećena oprimjerivanju gramatičkih razlika koje postoje između dvaju jezika (razlike u rekciji, glagolski vid, ograničenja u gramatičkoj kategoriji broja i sl.). U grafički odvojenim odjeljcima donosi se frazeološka i paremiološka građa.

«Mađarsko-hrvatski rječnik» rječnik je dvaju tipološki različitih jezika za kakvim je već dugo postojala potreba radi lakšega sporazumijevanja u raznovrsnoj svakodnevnoj komunikaciji. Rječnik obuhvaća 38 000 riječi iz svih područja života. Leksikografska obradba temelji se na suvremenim leksikografskim spoznajama. Po izboru natuknica i načinu obrade to je prvi veći suvremeni mađarsko-hrvatski rječnik na kojemu su radili hungarolozi i kroatisti. Većina je natuknica dopunjena ilustrativnim primjerima sintagmi u kojima se natuknica može pojaviti, kao i frazema koji sadržavaju spomenutu natuknicu. Uz značenja, rječnik donosi i gramatičke podatke o natuknicama te opaske o stilskom okviru, odnosno stručnom žargonu u kojem se upotrebljavaju. Na kraju rječnika nalazi se popis zemljopisnih imena i češćih osobnih imena.

II. 3 Povijesni rječnici

Povijesni rječnici obično okupljaju i prezentiraju leksik iz pojedine faze povijesnoga razvoja kojega jezika, u ovome slučaju hrvatskoga, i koji mu pristupaju ili iz dijakronijskoga ili iz sinkronijskoga aspekta. Dakle, u užemu smislu odnose se na današnji prikaz leksika kojega starijega stanja jezika, a u širem na svaki rječnik koji u povijesnome slijedu prikazuje stanje jezika koje nije današnje.

U okviru Odjela za povijest hrvatskoga jezika i povijesnu leksikografiju izlazi povijesni višesvesčani «Rječnik hrvatskoga kajkavskoga književnoga jezika» kao rezultat leksikografske obrade institutskih znanstvenika na istoimenom institutskom projektu. Potreba za izradom ovoga rječnika uočena je u Hrvatskoj akademiji znanosti i umjetnosti (tada JAZU)

tridesetih godina 20. stoljeća s obzirom na činjenicu da u Akademijinu povijesnome više-sveščanom «Rječniku hrvatskoga ili srpskoga jezika» (1880–1976) uz štokavske i čakavske pisane izvore uglavnom nisu bili obuhvaćeni kajkavski pisani izvori. U travnju 1936. godine na sjednici Akademijina Leksikografskoga odbora Historičko-filološkoga razreda odlučeno je da se izrada samostalnoga povijesnog kajkavskog rječnika povjeri Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje (tada Institut za jezik). S obzirom na povijesne okolnosti, pripremni radovi počeli su tek 60-ih godina prošloga stoljeća, a rječnik je u potpunosti metodološki i leksikografski osmišljen u Institutu pod vodstvom akademika Božidara Finke i suradnika. Prvi je svezak ugledao svjetlo dana 1984. godine i do danas je objavljeno 15 svezaka (*seljanin — spodeljavati*) u suizdavaštvu s Hrvatskom akademijom znanosti i umjetnosti. U rječniku se leksikografski obrađuje jezično blago kajkavskoga hrvatskog književnog jezika od 16. do polovice 19. stoljeća, tj. do hrvatskoga narodnog preporoda, odnosno do prihvatanja štokavštine kao književnoga jezika. Također, u rječnik su uključena i djela kajkavske dijalektne književnosti do sredine 20. stoljeća. Leksikografski pristup obradi rječnika temelji se na korpusu ekscerpirane jezične građe s ispisanim leksičkim jedinicama u njihovu rečeničnome kontekstu iz određenih kajkavskih književnih tiskanih i rukopisnih djela. Među izvorima su povijesni rječnici kajkavskoga hrvatskog književnog jezika: Habdelićev, Belostenčev (latinsko-hrvatski i hrvatsko-latinski), Sušnik — Jambrešićev, rukopisni Patačićev rječnik i anonimni «Radices latinae linguae», zatim aneksni rječnici u gramatikama i gramatike hrvatskoga kajkavskog književnog jezika, povijesno-pravni dokumenti, nabožno-duhovni, etičko-didaktički, popularno-znanstveni tekstovi, tekstovi određenih struka (medicina, veterina, matematika i dr.), korespondencija i oglasi te publicistička i književna djela sve do «Balada Petrice Kerempuha» Miroslava Krleže, odnosno do 1941. (npr. *V tihem lugu* Jože Kirina ili *Popevke* Nikole Pavića). Ovaj rječnik izvor je fonoloških, slovopisnih i pravopisnih, etimoloških, morfoloških i tvorbenih, sintaktičkih, semantičkih i leksičkih jezičnih činjenica te podloga istraživanjima kajkavskoga hrvatskog književnog jezika i hrvatskoga jezika u cjelini. Od prošle godine dostupan je i u elektroničkome obliku na institutskim mrežnim stranicama <https://kajkavski.hr/>, gdje se mogu pronaći i detaljni podatci o rječniku, pojedinim svescima, autorima, redaktorima, urednicima, recenzentima i o povijesti njegova nastanka i izlaženja.

Iako u ovaj pregled načelno ne ubrajamo pretiske starijih rječnika i starijih gramatika u čijemu se sastavu nalaze aneksni rječnici, ovom prigodom moramo izdvojiti jedno leksikografsko djelo u čijemu se nastanku susreću prošlost i sadašnjost. U okviru Odjela za povijest hrvatskoga jezika i povijesnu leksikografiju 2011. godine objavljena je knjiga «Blago jezika slovinskoga (transkripcija i leksikografska interpretacija)». To izdanje u dvije knjige donosi pretisak trojezičnoga hrvatsko-talijansko-latinskog rječnika «Blago jezika slovinskoga» Jakova Mikalje (1649/1651, Loreto — Ancona) i preobliku strukture toga rječnika prema zahtjevima novije leksikografije. «Blago jezika slovinskoga» prvi je više-jezičnik s hrvatskim kao polaznim jezikom, ali i prvi hrvatski rječnik u kojemu je hrvatski stupac organiziran kao u jednojezičnome rječniku. Također, to je prvi rječnik s modernim unutarjezičnim ustrojstvom, a ističe se po za svoje vrijeme originalnoj koncepciji i po bogatstvu jezičnih podataka koje donosi te samim time u hrvatskoj kulturnoj povijesti služi posebnu pozornost jer je usađen u temelje hrvatske leksikografije. Na njegovoj su

građi i leksikografskim postupcima zasnovani svi dopreporodni hrvatski rječnici. Na realizaciji ovoga iznimnog projekta, uz Dariju Gabrić-Bagarić, koja ga je osmislila i privela do kraja, radile su Marijana Horvat, Ivana Lovrić Jović i Sanja Perić Gavrančić. Imajući u vidu poziciju suvremenoga korisnika, priređivačice Mikaljina rječnika provele su dva postupka: transkripciju teksta i interpretaciju Mikaljina rječničkog koncepta u hrvatskome dijelu rječnika. Stoga je građa predstavljena prema suvremenim leksikografskim načelima u mjeri koju je dopuštala organizacija izvornika. S jedne strane transkripcija nudi vjernu sliku Mikaljina rječnika, a s druge strane interpretacija pedantno rekonstruira Mikaljin leksikografski koncept. Sve je popraćeno dodatcima u kojima se izdvaja i komentira poseban leksik, hapaksi, prvopotvrdenice, frazemi i sl.

II. 4 Etimološki rječnici

Etimologija je lingvistička disciplina koja istražuje podrijetlo riječi, njihovih oblika i značenja u jednome jeziku, kojemu njegovu dijelu te skupini srodnih ili nesrodnih jezika. Rezultati etimoloških istraživanja obično se objavljuju u etimološkim rječnicima, što je specifičnost te discipline (Тешић, Драгићевић, Ивановић 2018: 143). Etimološki je rječnik, u širem smislu, svaki rječnik koji daje etimološku informaciju o natuknici. U užem smislu, etimološki je onaj rječnik u kojemu je etimološka informacija dominantna. Etimološki opisati riječ znači dati informaciju o postanku izraza riječi, o razvoju značenja riječi prema korijenu riječi te otkriti koliko se i na koji način ono razlikuje od današnjega³. Promjene je moguće uočiti na svim jezičnim razinama: fonetskoj, gramatičkoj (morfološkoj, tvorbenoj itd.) te semantičkoj. No, etimološki opis riječi često podrazumijeva uključivanje mnoštva drugih informacija osim onih o razvoju izraza riječi. Za etimologiju neke riječi može biti važno, primjerice, kad je prvi put zabilježena, odnosno kad je ušla u leksik, iz kojih izvora, u kakvu tipu teksta, u kojemu dijalektu ili društvenoj kategoriji. U etimološkim se rječnicima riječi sagledavaju u dijakronijskoj perspektivi tako što se prati i opisuje njihov tvorbeni i semantički razvoj tijekom povijesti. Povijesne i dijalektne potvrde riječi se sistematiziraju i uspoređuju komparativno-povijesnom metodom. Uspoređivanje se provodi zbog pronalaženja primjera, genetskih ili tipoloških, u srodnim ili nesrodnim jezicima, unutar užih ili širih areala. Hrvatski je jezik genetski vezan s drugim slaven-skim jezicima te nadalje s drugim indoeuropskim jezicima, a arealno s jezicima Balkana i srednje Europe. Za hrvatski jezik za sada postoje dva dovršena etimološka rječnika. To su četverosveščani «Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika» Petra Skoka i jednosveščani «Hrvatski etimološki rječnik» Alemka Gluhaka. Trenutačno je u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje u izradi novi višesveščani «Etimološki rječnik hrvatskoga jezika», čiji je prvi svezak (A — NJ) objavljen 2016. godine (autori: Ranko Matasović, Tijmen Pronk, Dubravka Ivšić, Dunja Brozović Rončević). Rad je na ovome rječniku jedan od autora, Ranko Matasović, započeo desetak godina prije tiskanja rječnika s ciljem da se priredi novo izdanje Skokova rječnika, pri čemu je sa suradnicima s Instituta pokrenuo digitalizaciju navedenoga rječnika i reviziju Skokovih natuknica. Međutim, od toga se

³ Više podataka o ustroju i metodologiji izrade hrvatskih etimoloških rječnika vidi u Ivšić, Bergovec (2012: 191–209).

ubrzo odustalo zbog specifičnoga načina na koji su organizirane natuknice u Skokovu rječniku i zbog obilja građe koju je vrlo teško provjeriti. Stoga su krenuli u izradu novoga, autorskog rječnika. Kako je Skokov rječnik koristio bogatu građu iz hrvatskih, bošnjačkih i srpskih dijalekata, autori su se rječnika usredotočili na standardni hrvatski jezik iz kojega potječe većina natuknica. Dijalektne su oblike navodili da bi se pokazalo koliko su etimološke podudarnosti standardnih riječi rasprostranjene u hrvatskim dijalektima. Osim dijalektnih potvrda, natuknice su oprimjerene i potvrđama iz drugih povijesnih izvora te onomastičkom građom. Pri stvaranju osnovnoga popisa natuknica autori su se služili «Školskim rječnikom hrvatskoga jezika», a zatim je popis dopunjavan i drugim vrelima. U «Etimološkome rječniku hrvatskoga jezika» (1. svezak: A — NJ) građa je organizirana i izložena onako kako je to uobičajeno u suvremenim etimološkim rječnicima slavenskih jezika (npr. u slovenskom etimološkom rječniku Marka Snoja), a obrada je usklađena sa spoznajama suvremene slavistike i indoeuropeistike.

II. 5 Dijalektni rječnici

Hrvatski dijalektolozi veliku pozornost posvećuju izradi dijalektnih rječnika. Često ih u monografijama donose u obliku aneksnih rječnika ili popisa leksema koji su izdvojeni i prikupljeni u terenskim istraživanjima. Hrvatska je dijalektna leksikografija procvat doživjela krajem prošloga stoljeća pojavom velikoga broja amaterskih rječnika. Znanstvenici s Odjela za hrvatsku dijalektologiju na leksikografski relevantan način pristupaju izradi dijalektnih rječnika i često udružuju snage s dijalektnim entuzijastima nastojeći dostići zajednički leksikografski cilj.

U ovome stoljeću objavljeni su sljedeći dijalektni rječnici: «Rječnik sela Hrvatski Grob» (autor: Ferdinand Takač) 2004. godine, «Rječnik govora bačkih Hrvata» (autor: Ante Sekulić) 2005. godine, «Rječnik Pitava i Zavale» (autor: Ante Barbić) 2012. godine, «Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice» (autori: Štefica Hanzir, Jasna Horvat, Božica Jakolić, Željko Jozić, Mijo Lončarić) 2015. godine, «Rječnik govora Blata na Korčuli» (autor: Petar Milat Panža) 2015. i 2021. godine te «Rječnik govora južne Žminjštine» (autorica: Ondina Kranjčić) 2021. godine.

«Rječnik sela Hrvatski Grob» djelo je Ferdinanda Takača koji je desetljećima prikupljao jezičnu baštinu rodnoga sela Hrvatski Grob (Chorvatský Grob) u Slovačkoj te je skupio znatan korpus riječi koji je zatim preveo na standardni hrvatski jezik. Taj rječnik sadržava gotovo 8000 natuknica, a u njegovu je konačnom oblikovanju dodan i slovački stupac te može poslužiti i kao hrvatsko-slovački rječnik.

«Rječnik govora bačkih Hrvata» Ante Sekulića pripada leksikografskim djelima kojima se nastoji otrgnuti zaboravu i trajno sačuvati leksičko blago svojstveno jednomu hrvatskom novoštokavskom ikavskom govoru koji je i sam izravno ugrožen nakon nekoliko političkih podjela toga dijela hrvatskoga jezičnog prostora. Bunjevački (i šokački) Hrvati u južnoj Bačkoj tek su onedavno nacionalna manjina poput svojih sunarodnjaka u sjevernoj Bačkoj, u Republici Mađarskoj. Rječnik donosi i opširnu uvodnu raspravu o govoru bunjevačko-bačkih Hrvata, a sadržava oko 17 000 natuknica koje su dosljedno naglašene i popraćene osnovnim gramatičkim podatcima, semantičkim tumačenjem ili definicijom te primjerima koji su uzimani iz pisane građe i iz bunjevačkih mjesnih govora. Ovaj

rječnik, iako nastao u naše dane, pomiruje prošlost i aktualno stanje u leksiku bunjevačko-bačkog idioma.

«Rječnik Pitava i Zavale» Ante Barbića obrađuje leksičko blago dvaju manjih mjesta na srednjodalmatinskome otoku Hvaru. Mjesta su to čiji govor ima tipične karakteristike južnočakavskoga dijalekta čakavskoga narječja. Uz detaljnu razradu značenjâ, rječnik donosi rečenične potvrde koje su u cijelosti naglašene. Obrađene su i sveze riječi, a razvijen je i sustav poveznica među sinonimima. U rječnik je uključena i lokalna onomastička građa. Osim samoga rječnika, u knjizi se nalazi opis govora, toponimija na području Pitava i Zavale te primjeri govora. S obrađenih više od 15 200 natuknica ovaj se rječnik svrstava u opsežnije hrvatske dijalektne rječnike.

«Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice» uz sam tekst rječnika od oko 11 000 natuknica donosi i njihov dijalektološki opis, koji prikazuje njihovo rasprostiranje, nakon čega se iznose podatci o podrijetlu stanovništva, a slijedi analiza fonoloških i morfoloških značajki. U fonološkoj analizi prikazane su najistaknutije značajke vokalizma, konsonantizma i akcentuacije. Opisane su jedinice koje čine sustav te njihov razvoj iz općeslavenskih fonema i naglasaka. U morfološkoj analizi prikazane su osobitosti prema vrstama riječi. Donjosutlanski govori ističu se u kajkavskom dijalektnom kontinuumu zbog podrijetla i tragova prošlih vremena koje čuvaju, a istodobno se uklapaju u kajkavštinu i prihvaćaju pojedine kajkavske značajke. Rječnik je u elektroničkome obliku dostupan na adresi <http://ikavci.ihj.hr/>.

«Rječnik govora Blata na Korčuli» dijalektni je rječnik Blata, a djelomično i zapadnoga dijela otoka Korčule s više od 14 000 natuknica. Rječniku prethodi kratak opis povijesnih okolnosti razvoja blatskoga govora kao jednoga od južnočakavskih govora te sažeti pregled naglasnoga sustava, fonologije, morfologije i sintakse. To leksikografsko djelo daje prikaz osobitosti govora blatskoga područja i kroz ustaljene izraze, toponime i obiteljske nadimke te donosi kratku priču o podrijetlu, značenju i upotrebi svake riječi. Prvo izdanje rječnika objavljeno je sredinom 2015. godine, a 2021. godine izlazi i njegovo drugo, dopunjeno i prošireno izdanje.

«Rječnik govora južne Žminjštine» s više od 10 000 natuknica obuhvaća govore područja uz granicu s općinom Svetvinčenat, širokoga oko pet kilometara, u koje pripadaju sela Modrušani, Dolenji Krničari, Kranjčići, Otočani, Haluzi, Lucijani, Kadrijuol — Pamići, Tomišići, Folići, Leprinčani, Mužini, Grizili, Mengići, Gradišće i Karnevali. Međutim, dio građe, posebice toponimi i obiteljski nadimci, obuhvaćaju cijeli južni kraj kojemu pripadaju i sela Križmani, Šivati, Karlovići, Črnji, Dončići, Humjani, Fradelani, Mikulani, Sandari, Hrelji, Mačini, Baštijanići, Retova stancija. Rječnik donosi i paremiološku građu te popis starih kletvi i psovki.

II. 6 Frazeološki rječnici

Frazeološki su rječnici oni rječnici koji donose popis i definicije frazeoloških jedinica kao jedinica frazeološkoga fonda jednoga ili više jezika⁴. U institutskim je izdanjima kontinuirano zastupljena i frazeografska djelatnost, posebice ona dijalektna. Iako sadržavaju

⁴ Detaljan popis frazeoloških i frazeografskih radova može se pronaći u «Bibliografiji hrvatske frazeologije — Frazeobibliografski rječnik» autorica Željke Fink-Arsovski, Barbare Kovačević i Anite Hrnjak iz 2017. godine.

dijalektnu građu te rječnike svrstavamo u frazeološke zbog izbora jednoga jezičnog segmenta kao i zbog njihova temeljnoga ustroja. Frazeološko-dijalektne rječnike predstavljaju tri rječnika: «Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj (s Rječnikom frazema i Značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema)» iz 2005. godine (autorica: Mira Menac-Mihalić), «Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora s rječnicima» iz 2008. godine (autorice: Jela Maresić i Mira Menac-Mihalić) i «Frazeologija splitskoga govora s rječnicima» iz 2011. godine (autorice: Mira Menac-Mihalić i Antica Menac).

U knjizi «Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj» obrađeno je više od 4000 frazema iz 14 novoštokavskih ikavskih govora (Brnaze, Čišla, Dobrinče, Donje Pazarište, Gala, Gospić, Lovreć, Opuzen, Otok, Primorski Dolac, Rašćane, Runović, Sinj, Šibenik). U uvodnim se poglavljima knjige donose karakteristike obrađenih govora, neke od tipičnih karakteristika prikazane su na kartama. Također, izložena je suvremena frazeološka teorija i podatci o izloženoj frazeološkoj građi, tj. što se nalazi i u drugim sustavima te što je karakteristično za istraženu skupinu govora, a posebna se pozornost posvećuje lokalnim frazemima karakterističnim za samo jedan od govora. U knjizi se nalaze dva frazeološka rječnika zasnovana na različitim principima svrstavanja i obrade frazeološke građe. U prvome, prema ustaljenom formalnom principu (prema ključnoj riječi), gdje se uz svaki frazem navode svi potvrđeni frazemi iz raznih obrađenih govora, a u drugome prema semantičkom principu (prema značenjski dominantnome pojmu), koji je omogućio da se u značenjska gnijezda okupe sinonimni i blisko značniji frazemi. Upravo taj drugi rječnik predstavlja svojevrstan frazeološki rječnik s konceptualnom organizacijom te je on inovativan u suvremenim frazeografskim okvirima.

Na istim su principima organizacije građe i frazeološke obrade izrađene i knjige «Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora», koja donosi korpus od oko 3000 frazema iz osam križevačko-podravskih kajkavskih govora (Bakovčice, Kloštar Podravski, Peteranec, Križevci, Podravske Sesvete, Virje, Veliki Raščani, Vrbovec) i «Frazeologija splitskoga govora s rječnicima», koja obuhvaća više od 3000 splitskih frazema. Osim dvaju frazeoloških rječnika, zasnovanih na morfološkom i semantičkom principu, obje knjige sadržavaju po dva dodatna manja dijalektna (razlikovna) rječnika u kojima su objašnjena značenja manje poznatih riječi potvrđenih u rječniku frazema.

II. 7 Pravopisni i gramatički rječnici

Pravopisni rječnici predstavljaju selektivni tip rječnika i pokazuju kako pravilno treba pisati one riječi kod kojih postoji mogućnost za njihovo pogrešno zapisivanje. Pravopisi se mogu podijeliti na opće, posebne i funkcionalne pravopise (Hudeček, Mihaljević 2016). Opći su pravopisi namijenjeni najširem krugu korisnika. Posebni pravopisi proširuju pravopisna pravila u skladu s potrebama struke/područja ili pravopisna pravila prilagođuju metajezikom i metodologijom kojoj dobroj skupini ili se bave pojedinim pravopisnim problemima. Funkcionalni pravopisi s obzirom na uzusna pravila koja vladaju u određenome području/određenoj struci ili određenoj tekstnoj vrsti prilagođavaju opća pravopisna pravila te se bave pravopisnim problemima u različitim funkcionalnim stilovima. U Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje nastala su dva temeljna pravopisna priručnika:

«Hrvatski pravopis» (autori: Željko Jozić, Goranka Blagus Bartolec, Lana Hudeček, Kristian Lewis, Milica Mihaljević, Ermina Ramadanović, Matea Birtić, Jurica Budja, Barbara Kovačević, Ivana Matas Ivanković, Alen Milković, Irena Miloš, Tomislav Stojanov, Kristina Štrkalj Despot) 2013. godine i «Prvi školski pravopis hrvatskoga jezika» (autori: Lana Hudeček, Željko Jozić, Kristian Lewis, Milica Mihaljević) 2016. godine.

«Hrvatski pravopis» Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje fonološki je pravopis s morfonološkim elementima i nastao je iz potrebe za stvaranjem jednoga i jedinstvenoga hrvatskoga pravopisa koji bi bio prihvaćen u školstvu i široj javnosti. Knjiga se sastoji od dvaju osnovnih pravopisnih poglavlja — pravopisnih pravila i pravopisnoga rječnika. Novosti koje donosi ovaj pravopis očituju se u njegovim dodatcima: napomenama, objašnjenjima, jezičnim savjetima i pojmovniku u kojemu su objašnjeni jezikoslovni nazivi koji se pojavljuju u pravopisnim pravilima. U pravopisnome se rječniku donosi iscrpan popis riječi i izraza te njihovih oblika s kojima je povezan kakav pravopisni problem. Pritom se u rješenjima slijedi hrvatska pravopisna tradicija i u pravilu nisu mijenjana rješenja koja su jednaka u svim suvremenim pravopisima. Rijetka rješenja koja su promijenjena, promijenjena su u skladu s načelima sustavnosti te ovjerenosti i potvrđenosti u uporabi. Osim u tiskanome izdanju, «Hrvatski pravopis» objavljen je i na mrežnim stranicama Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje na mrežnoj adresi <https://pravopis.hr/>, a mrežna je inačica oblikovana kao hipertekst s poveznicama na napomene, objašnjenja i jezične savjete te pojmovnik. «Hrvatski pravopis» je na temelju odluke Ministarstva znanosti, obrazovanja i sporta u godini njegova izlaska preporučen za uporabu u osnovnim i srednjim školama Republike Hrvatske i prema njemu su jezično usklađeni svi školski udžbenici.

«Prvi školski pravopis hrvatskoga jezika» posebni je pravopis namijenjen učenicima nižih razreda osnovne škole. Sastoji se od triju dijelova: pravopisnih pravila, pravopisnoga rječnika i pravopisnih vježba. Pravopisna su pravila prilagođena dobi učenika i ograničena su na ona pravila koja se uče u prva četiri razreda osnovne škole. U pravopisnome rječniku nalaze se one pravopisno sporne riječi koje se nalaze u udžbenicima, nastavnim planovima i programima svih predmeta. Svrha je «Prvoga školskog pravopisa hrvatskoga jezika» naučiti učenike jezičnomu razmišljanju i pripremiti ih za služenje općim «Hrvatskim pravopisom». Osim što je metajezično i metodološki prilagođen učenicima, on je i ilustriran, a na kraju knjige nalaze se i pravopisne vježbe.

U poseban tip pravopisnih priručnika pripadaju i oni priručnici koji se bave kojim pojedinačnim pravopisnim problemom. Takav je leksikografsko-leksikonski priručnik «Rječnik velikoga i maloga početnog slova» (autorice: Goranka Blagus Bartolec, Katarina Cvijanović, Ivana Matas Ivanković, Perina Vukša Nahod) iz 2021. godine u kojemu se abecednim redom donosi popis jednorječnih i višerječnih imena i naziva koji se temelje na problematici pisanja velikoga i maloga početnoga slova u različitim oblicima javne i službene pisane komunikacije. Rječnik je utemeljen na koncepciji i načelima «Hrvatskoga pravopisa» Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, na nastavnim planovima i programima za osnovne i srednje škole, podacima iz recentnih školskih udžbenika te postojećim tiskanim i mrežnim enciklopedijskim i leksikonskim priručnicima u Hrvatskoj. Sadržava više od 20 000 rječničkih natuknica, a s pripadajućim podnatuknicama sadržava gotovo

30 000 pojmova povezanih s pisanjem početnoga slova. Osim pisanja početnoga slova rječnik sadržava i primjere povezane s pisanjem stranih zemljopisnih i osobnih imena i naziva s obzirom na njihovu ortografsku prilagodbu hrvatskomu jeziku (npr. etnici i kćetici od stranih zemljopisnih imena).

Jedini gramatički rječnik koji je izrađen u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje je «Valencijski rječnik psiholoških glagola u hrvatskome jeziku» (autori: Matea Birtić, Tomislava Bošnjak Botica, Ivana Brač, Ivana Matas Ivanković, Ivana Oraić Rabušić, Sinisha Runjaić) iz 2018. godine. Taj rječnik donosi detaljan valencijski opis 57 psiholoških glagola u hrvatskome jeziku. Semantička skupina psiholoških glagola obrađena u rječniku izabrana je kao prva, pokusna skupina glagola zbog svoje značenjske povezanosti i razmjerne odvojenosti od drugih semantičkih skupina. Rječnik je namijenjen znanstvenicima koje zanima valentnost hrvatskih glagola, profesorima i učiteljima hrvatskoga jezika, studentima hrvatskoga jezika, naprednim učenicima hrvatskoga kao inoga jezika te svima ostalima koji žele znati nešto više o značenjima glagola i okolinama u kojima se oni pojavljuju. Rječnik je u elektroničkome obliku (e-Glava) mrežno dostupan na adresi <http://valencije.ihj.hr/>.

II. 8 Onomastički rječnici

Onomastički rječnici specijalizirani su rječnici koji prikazuju dio nacionalnoga onomastikona, bez obzira na to je li riječ o toponimiji određenoga područja ili kraja, prezimenima ili imenima (Тешић, Драгићевић, Ивановић 2018: 331). U Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje 2018. godine objavljen je «Rječnik suvremenih hrvatskih osobnih imena» (autori: Ankica Čilaš Šimpraga, Dubravka Ivšić Majić, Domagoj Vidović) koji je namijenjen najširemu krugu korisnika. Iako postoje brojne studije i knjige iz područja antroponomastike, broj onomastičkih leksikografskih djela gotovo je zanemariv. Stoga je ovo prvi hrvatski opći rječnik osobnih imena izrađen prema suvremenim zahtjevima onomastičke struke i modernim leksikografskim načelima. Korpus na kojemu je utemeljen rječnik bila je baza službenih osobnih imena s podacima o broju nositelja svakoga imena. Ti su podatci dobiveni od Državnoga zavoda za statistiku i donose se prema Popisu stanovništva Republike Hrvatske 2011. godine, prema kojemu je tada u Hrvatskoj živjelo 4 284 889 stanovnika. Knjiga se sastoji od teorijskoga i leksikografskoga dijela. Uvodna poglavlja koja su nastala kao rezultat rada na rječniku opisuju imena, njihovo nadijevanje i odabir s različitih aspekata, a najveći dio knjige čini sam rječnik u kojemu su iz Popisa obrađena imena sa sto ili više nositelja. Polazeći od definicije osobnoga imena kao sociolingvističkoga znaka, unutar rječničkoga članka donose se sljedeći podatci: 1. osobno ime u kanonskome liku; 2. genitiv imena, dativ imena; 3. definicija imena; 4. etimologija; 5. podatci o broju nositelja i kvalifikaciji čestoće; 6. sociolingvistički podatci o imenu; 7. imenske istovrijednice u stranim jezicima; 8. imendani.

II. 9 Rječnici jezika pisaca

Sedamdesetih godina prošloga stoljeća Milan Moguš pristupio je proučavanju Marulićeva leksika te je u «Čakavskoj riči» objavio članak «O proučavanju Marulićeva leksika» (1972). Zatim je sastavio rječnik za *Juditu*, prvu knjigu Marulićevih «Sabranih djela, Opera

omnia». U svojem se leksikografskom radu oslanjao na prethodne priređivače *Judite* Štefanića, Kušara, Kasandrića, Slamniga, Kolumbića, Franičevića i Grčića. Rječnik je, u Zavodu za lingvistiku Filozofskog fakulteta u Zagrebu, bio izrađen na kompjutorskoj konkordanciji. Leksikografski članak obuhvaćao je natuknicu, ukupni čestotni broj natuknice, sve likove natuknice i njihove frekvencije, gramatičku oznaku te značenja i frazeologiju. Takvim su načinom obrade bile obuhvaćene sve riječi iz proznoga uvodnika i one iz 2126 Marulićevih stihova. Naime, dotad je bio običaj da se pri objavljivanju djela starijih pisaca na kraju knjige donose samo objašnjenja manje poznatih riječi i izraza. Godine 2001., u spomen 500. obljetnici završetka pisanja Marulićeve *Judite* i 480. obljetnici njezina tiskanja, u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje objavljen je prvi i potpuni «Rječnik Marulićeve *Judite*» (autor: Milan Moguš). Marulićeva *Judita* ima oko 17 600 pojava, tj. svih oblika svih riječi, a kad se taj korpus leksikografski uobličio, dobiven je rječnik od 3495 natuknica, u kojemu se nalazi i bogata frazeologija. Za svaku je riječ, odnosno za svako njezino značenje, ponuđen jedan ili više primjera iz djela čime je učinjen veliki pomak u približavanju Marulićeve riječi, njezina primarnoga i sekundarnoga metaforičkog značenja, čitateljima.

II. 10 Specijalizirani anekdni rječnici

Osim leksikografske djelatnosti, u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje objavljene su i mnoge monografske knjige iz različitih jezikoslovnih područja kojima se bave institutski znanstvenici. Iako te monografije nisu primarno vezane uz leksikografsku djelatnost, u njihovu se sadržaju često nalaze rječnici koji su sekundarno proizašli iz bavljenja osnovnom znanstvenom problematikom knjige. Ovdje ih ukratko prikazujemo jer i oni rubno pripadaju razmatranoj tematici.

U knjizi «Međimurska prezimena» (autorica: Anđela Frančić) iz 2002. godine objavljen je rječnik međimurskih prezimena. Leksikografski članak sastoji se od natuknice koju čini današnji lik prezimena, kronološkoga slijeda potvrda dotičnoga prezimena kroz povijest s originalnim zapisima potvrđenim u izvorima iz kojih se crpila prezimenska građa te imenom naselja u kojemu je prezime potvrđeno. Na kraju se donosi sažet prikaz tvorbene strukture i značenja riječi u prezimenskoj osnovi.

U knjizi «Germanizmi u kajkavskome književnom jeziku» (autorica: Barbara Štebih Golub) iz 2010. godine objavljen je rječnik hrvatskih germanizama formiran prema tvorbeno-semantičkim gnijezdima u kojemu je pri izboru osnovne natuknice veliku ulogu odigrala čestotnost.

U knjizi «Od računalnoga žargona do računalnoga nazivlja» (autori: Antun Halonja i Milica Mihaljević) iz 2012. godine objavljen je rječnik računalnoga žargona. Rječnički članak sastoji se od žargonskoga naziva, engleske istovrijednice, hrvatske standardno-jezične istoznačnice, definicije te potvrđenoga primjera uporabe žargonskoga naziva.

U knjizi «Hrvatski frazemi od glave do pete» (autorica: Barbara Kovačević) iz 2012. godine objavljen je rječnik hrvatskih somatskih frazema u kojemu je prema somatski nosivoj sastavnici razvrstano oko 750 frazema uz koje se nalazi i oznaka koncepta kojemu pripadaju u okviru kognitivno-konceptualne analize frazema.

U knjizi «Ja, Krsto Lučin Dubrovčanin, činim ovi testamenat...» (autorica: Ivana Lovrić Jović) iz 2015. godine objavljen je aneksni rječnik koji obuhvaća lekseme zabilježene u hrvatskim dubrovačkim oporukama iz 17. i 18. stoljeća.

U knjizi «Lažni prijatelji» (autor: Kristian Lewis) iz 2016. godine objavljen je rječnik hrvatsko-ruskih lažnih prijatelja u kojemu su 1042 para lažnih prijatelja organizirana dvo-stupačno kako bi se natuknice mogle lakše usporedno pratiti i analizirati.

U knjizi «Instrumental u hrvatskom jeziku» (autorica: Ivana Brač) iz 2018. godine objavljen je valencijski rječnik s oko 1000 glagola koji zahtijevaju dopunu u instrumentalu. Svakomu je glagolu određena semantička skupina, valencijski obrazac, semantičke uloge sudionika te je pridružen primjer iz korpusa.

II. 11 Terminološki rječnici

Poseban tip specijaliziranih rječnika predstavljaju terminološki rječnici. To su zapravo pojmovnici u kojima su abecednim redom popisani i opisani nazivi karakteristični za određeno znanstveno područje, tj. određenu struku. Njihov je cilj da se iscrpno opiše uskostručni sadržaj termina čime se donosi aktualno stanje nekoga terminološkog sustava i u takvim rječnicima obično izostaju gramatičke odrednice (Тешић, Драгићевић, Ивановић, 2018: 189–191).

U okviru terminološke djelatnosti Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje od 2008. godine postoji projekt «Hrvatsko strukovno nazivlje» (Struna) koji je u osnutku i radu poduprla Hrvatska zaklada za znanost. Nakon pripremne faze projekta u kojoj je izrađen «Hrvatski terminološki priručnik» (autori: Lana Hudeček i Milica Mihaljević, u suradnji s Brunom Nahodom) te održane brojne radionice za buduće strukovne suradnike kojima su pružena osnovna predznanja potrebna za terminografski rad, počelo se s izradom terminoloških rječnika i do danas su objavljeni sljedeći terminološki rječnici: «Hrvatsko nazivlje strojnih elemenata», «Hrvatsko nazivlje za pravne pojmove Europske unije», «Hrvatsko zrakoplovno nazivlje», «Hrvatsko građevinsko nazivlje», «Hrvatsko stomatološko nazivlje», «Hrvatsko nazivlje korozije i zaštite materijala», «Hrvatsko anatomsko i fiziološko nazivlje», «Hrvatsko arheološko nazivlje kamenoga doba», «Hrvatsko brodstrojarsko nazivlje», «Hrvatsko matematičko nazivlje», «Hrvatsko nazivlje u fizici», «Hrvatsko nazivlje polimerstva», «Hrvatsko nazivlje hidraulike i pneumatike», «Hrvatsko antropološko nazivlje» i «Hrvatsko pomorsko nazivlje». Ti su rječnici u PDF-u postavljeni na mrežnoj adresi <http://struna.ihjj.hr/>. Osim znanstvenika i stručnjaka iz različitih područja na rječnicima su radili, kao autori ili suradnici koji su vodili brigu o leksikografskoj i terminografskoj izvedbi, mnogi institutski znanstvenici s Odjela za hrvatski standardni jezik i Odjela za opće jezikoslovlje. Također, predmetom terminografske obrade bilo je i «Hrvatsko jezikoslovno nazivlje» u okviru projekta Jena (<https://jena.jezik.hr/>).

Osim elektroničkih izdanja u okviru Strune nastala su i dva tiskana rječnika. To su «Rječnik kristalografije, fizike kondenzirane tvari i fizike materijala» (autori: Stanko Popović, Antun Tonejc i Milica Mihaljević) iz 2014. godine i «Pojmovnik hrvatskoga drvnotehnološkog nazivlja» skupine autora (glavna urednica: Vlatka Jirouš-Rajković, izvršni urednici: Siniša Runjaić i Barbara Štebih Golub) iz 2018. godine.

«Rječnik kristalografije, fizike kondenzirane tvari i fizike materijala» objasnidbeno-prijevodni je normativni terminološki rječnik koji ima i neke leksikonske elemente (napomene, primjere i objašnjenja). Rječnik sadržava 1710 rječničkih članaka. Navode se engleski nazivi, njihove hrvatske istovrijednice te definicije na hrvatskome jeziku. Posebna se pozornost posvećuje antonimima i sinonimima koji se normativno raspodjeljuju na preporučene, dopuštene i nepreporučene nazive. Na kraju se navodi i hrvatsko-engleski prijevodni rječnik.

Osnovni cilj «Pojmovnika hrvatskoga drvnotehnološkog nazivlja» bila je sustavna izgradnja nazivlja drvnotehnološke struke i njegova popularizacija. U njemu su objedinjeni pojmovi drvnotehnološke struke, uz hrvatske se nazive donose definicije, a posebnu vrijednost čine prijevodni ekvivalenti na engleskome i njemačkome jeziku. Nazivi će priključenjem u elektroničku bazu e-Struna biti dodatno klasificirani na preporučene, dopuštene i nepreporučene nazive te na žargonizme i arhaizme.

II. 12 Elektronički rječnici

Elektronički rječnici svi su oni rječnici koji su elektronički dostupni, tj. koji su dostupni u nekome elektroničkom obliku. Većina je hrvatskih mrežnih rječnika, a i rječnika koji su nastali u Institutu za hrvatski jezik i jezikoslovlje, samo inačica tiskanih rječnika koji su postavljeni na mrežne stranice. U ovome smo radu uvijek uz tiskano izdanje rječnika naveli i njegov elektronički oblik kad god on postoji.

Neki su institutski rječnici dostupni samo u elektroničkome obliku, kao što se vidi pri obradi terminoloških rječnika. Jedan je od takvih elektronički dostupnih izvora «Pojmovnik koronavirusa» koji je dostupan na mrežnoj adresi <http://jezik.hr/koronavirus>. Pandemijske okolnosti i bolest koja je postala tema u globalnim okvirima unijeli su u svakodnevni jezik niz medicinskih naziva koji prije toga nisu bili česti izvan stručne komunikacije. Također, zbog koronavirusa hrvatski je jezik postao bogatiji i za neke novotvorenicе. Pojmovnik obuhvaća dvjestotinjak riječi, izraza i imena koji se u izvanrednoj situaciji upotrebljavaju više nego u uobičajenim pretpandemijskim životnim okolnostima.

Rječnička organizacija građe pretpostavlja abecedno nizanje riječi. Međutim, postoje i rječnici u kojima su riječi raspoređene tako da su abecedirane od kraja, a ne od početka riječi. Takvi se rječnici nazivaju odostražnim ili inverznim rječnicima i vrlo su korisni za znanstvena istraživanja (npr. za proučavanje tvorbenih odnosa među riječima). Hrvatski je jezik dosad bio zastupljen u odostražnom rječniku Josipa Matešića «Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen» (1965–1967) koji je mrežno dostupan na stranicama Sveučilišta u Innsbrucku na adresi <https://www.uibk.ac.at/slalistik/institut/matesic.html>. Odostražni rječnici prema rječničkoj građi koju objedinjuju mogu biti opći i posebni. Opći odostražni rječnici obuhvaćaju opći leksički fond pojedinoga jezika, ali građu donose abecedirano od kraja riječi. Posebni odostražni rječnici ograničeni su na građu određenoga područja (npr. nekoga dijalekta, određenoga nazivlja, onomastičkoga segmenta). Primjere institutskih odostražnih rječnika čine odostražni rječnici na stranici projekta «Muško i žensko u hrvatskome jeziku» (<http://ihjj.hr/projekt/musko-i-zensko-u-hrvatskome-jeziku/72/>) na kojoj se nalazi demoinačica općega odostražnog rječnika

i demoinačica posebnoga odostražnoga rječnika mocijskih parnjaka. Ti su odostražni rječnici jednojezični, suvremeni i korpusno utemeljeni kao i odostražni rječnik koji je nastao kao rezultat rada na terminološkome projektu «Hrvatsko jezikoslovno nazivlje» (<https://jena.jezik.hr/wp-content/odostrazni-jena/>).

Krajem 2021. godine na Odjelu za hrvatski standardni jezik Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje završen je u okviru istoimenoga istraživačkoga projekta «Hrvatski mrežni rječnik — Mrežnik». To je prvi hrvatski jednojezični normativni mrežni rječnik izrađen u skladu s načelima suvremene e-leksikografije. Pri izradi mrežnoga rječnika usporedno su se odvijale: «1. aktivnosti povezane s uspostavom računalnih i jezikoslovnoračunalnih pretpostavki za izradu mrežnoga rječnika i 2. aktivnosti povezane s leksikografskom obradom rječničke građe» (Hudeček, Mihaljević 2017: 1) pri čemu je bila nužna bliska suradnja leksikografa i stručnjaka za računalno jezikoslovlje. «Hrvatski mrežni rječnik» korpusno je utemeljen rječnik, a polazi od dvaju korpusa: «Hrvatske jezične riznice» (<http://riznica.ihjj.hr/index.hr.html>), korpusa Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, i «Hrvatskoga mrežnog korpusa — hrWaC» (<http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/hrwac>). «Hrvatski mrežni rječnik» uključuje tri modula: za odrasle govornike hrvatskoga jezika (10 000 natuknica), za učenike osnovne škole (3000 natuknica) i za strance koji uče hrvatski jezik (1000 natuknica). Za svaki je od njih uspostavljen poseban model strukturiranja natuknice te se razlikuju po načinu obrade riječi (opsegu i vrsti gramatičkih podataka, ustroju i opsegu definicije značenja, značenjskoj razvedenosti, primjerima, povezivanju s drugim natuknicama i izvanrječničkim izvorima, uspostavi značenjskih odnosa s drugim natuknicama, po svezama i frazemima koji se u pojedinome modulu donose, po vrsti i opsegu pragmatičkih napomena), a svaki se modul razlikuje i po izvorima s kojima se povezuje. Usporedno s radom na *Mrežniku* u okviru projekta izrađene su različite baze: baza veznika, baza frazemskih etimologija te baza etnika i ktetika. Natuknice se povezuju i s izvorima koji već postoje u Institutu, a to su: Jezični savjetnik (<https://jezicni-savjetnik.hr/>), baza glagolskih valencija e-Glava (<http://valencije.ihjj.hr/>), baza hrvatskoga strukovnog nazivlja Struna (<http://struna.ihjj.hr/>), Kolokacijska baza hrvatskoga jezika (<http://ihjj.hr/kolokacije/>), Baza frazema hrvatskoga jezika (<http://frazemi.ihjj.hr/>), Repozitorij hrvatskih metafora (<http://ihjj.hr/metafore/>) i mrežne stranice Bolje je hrvatski (<http://bolje.hr/>).

Uz glavne urednice i autorice *Mrežnika* Lanu Hudeček i Milicu Mihaljević na rječniku je radilo petnaestak institutskih znanstvenika, a demoinačica rječnika (A — F) nalazi se na mrežnim stranicama <https://rjecnik.hr/mreznik/>.

II. 13 Nacrt za *Hrvatski rječnik do Marulića i njegovih suvremenika*

U zasebnu skupinu nedovršenih i neobjavljenih rječnika pripada «Hrvatski rječnik do Marulića i njegovih suvremenika»⁵. Konceptcija rječnika osmišljena je i detaljno opisana (Malić 2002), a određena su opća i pojedinačna načela njegove izrade i obrade natuknica. Tako se, među ostalim, donose popisi općih i gramatičkih kratica, popis izvora, načela

⁵ O skupini nedovršenih i neobjavljenih rječnika u povijesti hrvatske leksikografije u 20. stoljeću piše Samardžija (2019a: 129–130).

obrade, dijelovi leksikografskoga članka, posebnosti obrade po vrstama riječi i tehnika obrade. U «Obrazloženju projekta» Dragica Malić tumači: «*Hrvatski rječnik do Marulića i njegovih suvremenika* imao bi upoznati najširu hrvatsku javnost s jezikom onoga dijela stare i najstarije hrvatske pismenosti i književnosti koja je — u okvirima trojezične i tro-pismene hrvatske kulture — nastajala za potrebe najširih slojeva društva na hrvatskom narodnom jeziku, a zapisana je trima pismima: glagoljicom, latinicom i ćirilicom zapadnoga tipa (bosančicom)» (Malić 2002: 9–10). U prvoj radnoj fazi bila je predviđena leksikografska obrada samo objavljenih izvora, no ni taj dio projektnoga plana, nažalost, nije ostvaren.

III. Zaključak

U radu smo prikazali pedesetak rječnika objavljenih u izdanju Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, koji su tiskani ili dostupni u elektroničkome obliku. Analizom je utvrđeno da od ukupnoga broja leksikografskih izdanja njih 18 pripada skupini terminoloških rječnika, sedam pripada skupini specijaliziranih aneksnih rječnika, šest pripada skupini dijalektnih rječnika, četiri skupini pravopisnih i gramatičkih rječnika, četiri skupini elektroničkih rječnika, tri skupini frazeoloških rječnika, dva skupini općih, dva dvojezičnih i dva povijesnih rječnika te po jedan pripada skupini etimoloških i onomastičkih rječnika te rječnika jezika pisaca.

Na početku 21. stoljeća objavljen je «Rječnik Marulićeve *Judite*» 2001. godine, a posljednji su rječnici koji nose 2021. kao godinu objavljivanja «Rječnik govora južne Žminjštine» i «Rječnik velikoga i maloga početnog slova». Također, 2021. godine na mrežne je stranice postavljena i demoinačica «Hrvatskoga mrežnog rječnika — Mrežnika», prvoga elektroničkog općeg jednojezičnog hrvatskog normativnog rječnika.

Kao što je iz svega navedenog vidljivo, leksikografska djelatnost Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje u razmatranome je razdoblju bila i bogata i raznovrsna. Tematskom je analizom utvrđeno da je najveći broj rječnika s terminološkom tematikom, a slijede dijalektni rječnici koji opisuju cjelovite govore ili samo frazeologiju pojedinih govora ili skupina govora. Posebno zanimljivom čini se skupina aneksnih rječnika različitih područja znanstvene djelatnosti jer se uz njih uvijek nalazi i znanstvena studija nastala na temelju njihove raščlambe.

Autori leksikografskih izdanja su institutski znanstvenici te njihovi suradnici s drugih znanstvenih ustanova. U području dijalektologije mnogi su autori lokalni entuzijasti kojima je potrebna stručna pomoć i suradnja u leksikografskome radu kako bi se njihova građa valjano obradila i predstavila. Također, suradnja institutskih znanstvenika, u prvome redu s Odjela za hrvatski standardni jezik i s Odjela za opće jezikoslovlje, s područnim stručnjacima osobito je važna pri izradi terminoloških rječnika u okviru projekta «Hrvatsko strukovno nazivlje».

Na temelju predstavljene leksikografske djelatnosti Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje u prvih dvadesetak godina 21. stoljeća nije pogrešno ustvrditi da se i u budućnosti mogu očekivati vrijedna rječnička izdanja te da će leksikografija ostati jedna od prepoznatljivih sastavnica institutskoga znanstvenog i stručnog rada.

LITERATURA⁶

Fink-Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2017: Fink-Arsovski Ž., Kovačević B., Hrnjak A. Bibliografija hrvatske frazeologije. Frazeobibliografski rječnik. Zagreb, 2017.

Hudeček, Lewis, Mihaljević 2019: Hudeček L., Lewis K., Mihaljević M. Hrvatski terminološki rječnici, leksikoni i enciklopedije u 20. stoljeću // Bičanić A. Povijest hrvatskoga jezika. 6. knjiga: 20. stoljeće — drugi dio. Zagreb, 2019, 91–155.

Hudeček, Mihaljević 2016: Hudeček L., Mihaljević M. Mali školski pravopis kao pomoć pri učenju hrvatskoga jezika u nižim razredima osnovne škole // Rasprave. Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2016. 42/1, 211–226.

Hudeček, Mihaljević 2017: Hudeček L., Mihaljević M. Hrvatski mrežni rječnik — Mrežnik // Hrvatski jezik. 2017. 4/4, 1–7.

Ivšić, Bergovec 2012: Ivšić D., Bergovec M. Veliki *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika* i računalna struktura njegove natuknice // Filologija. 2012. 58, 191–209.

Katičić 2019: Katičić R. Hrvatski jezik u 21. stoljeću // Bičanić A. Povijest hrvatskoga jezika. 6. knjiga: 20. stoljeće — drugi dio. Zagreb, 2019, 571–583.

Klobučar Srbić 2015: Klobučar Srbić I. Bibliografija izdanja Leksikografskoga zavoda *Miroslav Krleža* (1950–2015). Zagreb, 2015.

Malić 2002: Nacrt za *Hrvatski rječnik do Marulića i njegovih suvremenika*. Zagreb, 2002.

Petrović 2019: Petrović B. Hrvatski dvojezični i višejezični rječnici u 20. stoljeću // Bičanić A. Povijest hrvatskoga jezika. 6. knjiga: 20. stoljeće — drugi dio. Zagreb, 2019, 49–80.

Putanec 1992: Putanec V. Priručnik za proučavanje povijesti leksikografije. Zagreb, 1992.

Samardžija 2019a: Samardžija M. Hrvatska leksikografija od početaka do kraja 20. stoljeća. Zagreb, 2019.

Samardžija 2019b: Samardžija M. Jednojezični rječnici hrvatskoga jezika u 20. stoljeću // Bičanić A. Povijest hrvatskoga jezika. 6. knjiga: 20. stoljeće — drugi dio. Zagreb, 2019, 9–48.

Zgusta 1991: Zgusta L. Priručnik leksikografije. Sarajevo, 1991.

Дубичинский 2009: Дубичинский В.В. Лексикография русского языка. Москва, 2009.

Розенталь, Голуб, Теленкова 2010: Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Москва, 2010.

Тафра, Финк-Арсовски 2013: Тафра Б., Финк-Арсовски Ж. Хорватская лексикография // Славянская лексикография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013, 310–340.

Тешић, Драгићевић, Ивановић 2018: Тешић М., Драгићевић Р., Ивановић Н. (ур.). Српска лексикографија од Вука до данас (каталог изложбе). Београд, 2018.

⁶ U popisu literature nisu navedene knjige i rječnici koji su prikazani u ovome radu jer se svi podatci o njima već nalaze u radu.

**«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ТОРГОВОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА»:
ИСТОЧНИКИ, ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ**

И.А. МАЛЫШЕВА

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-3805-7259>

iamalysheva@mail.ru

В статье рассматриваются источники, материалы и принципы лексикографического представления лексики русского языка XVIII века, связанной с торговой сферой; дается общая характеристика лексики, относимой к сфере торговли, и анализ отдельных лексем. Лексикографическое описание предполагает фиксацию лексических единиц, их толкование и широкий показ материалов, демонстрирующих употребление того или иного слова на разных территориях России первой половины XVIII века. В качестве примеров в статье даны образцы словарных статей.

Ключевые слова: русская историческая лексикография, XVIII век, документы таможенного делопроизводства, тематический словарь, торговая лексика

**«MATERIALS
FOR THE DICTIONARY OF COMMERCIAL RUSSIAN VOCABULARY
OF THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY»:
SOURCES, PRINCIPLES OF COMPILING**

Irina A. MALYSHEVA

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The article deals with the sources, materials and principles of lexicographical representation of the 18th century Russian language lexicon related to the commercial sphere. A general characterization of the vocabulary attributed to trade and an analysis of individual lexemes are also given in the article. The lexicographical description implies fixation and interpretation of lexical units and display of materials showing the use of different words in different territories of Russia in the first half of the 18th century. Samples of dictionary entries are given in the article as examples.

Keywords: Russian historical lexicography, XVIII century, customs office documents, thematic dictionary, trade vocabulary

Специальной лексике различных сфер человеческой деятельности в исследованиях по истории русского языка уделяется достаточно много внимания (словари, диссертационные исследования, отдельные статьи). Среди общего тематического разнообразия отдельное место занимают работы, посвященные изучению метрологической лексики, понимаемой и в узком смысле (меры веса, длины, объема, площади, времени), и в более широком (мерные и счетные единицы разного характера).

Данная лексика включается в еще более широкий контекст, поскольку она является неотъемлемой частью такой сферы деятельности, как торговля, составляя основное ядро лексико-тематической группы «торговая лексика». В то же время понятие «торговая лексика» расширяется за счет большого количества обозначений различных понятий, присущих данной сфере деятельности: денежные единицы, производимые с товаром действия, формы и упаковки товара, различные местилища, характеристики товара, места торгога и многое другое.

Главной задачей лексикографического собрания (в том числе и специальной лексики) является прежде всего задача определения круга источников и отбора лексического материала. Естественно, что для исторического словаря торговой лексики главную роль будут играть письменные памятники, отражающие данную сферу человеческой деятельности. Для словарного собрания лексики XVIII в., связанной с историей российской торговли, такими ценными и насыщенными интересным лексическим материалом памятниками являются документы внутренних и пограничных таможен, в которых отражался весь процесс внутренней и внешней торговли, характер товаров, их перемещение по территории государства. Данные документы представлены таможенными книгами разных типов (записные, явчие, отъявчие, покупные, приходные, расходные, торговых записок и др.), выписями (документами, представлявшими собой выписки из книг, дававшими право на вывоз товара и регистрировавшими уплату пошлин), росписными списками таможен (перечни имущества таможен при передаче его в конце года от одной таможенной администрации другой) и некоторые другие (подробнее см. (Малышева 1997)). «Главным хранилищем всего лексического богатства таможенных материалов является содержательная (основная) часть книжной статьи или выписи, представляющая собой перечни разнообразных товаров. Многообразие лексического материала связано не только с названиями самих товаров, но и с тем, что каждый из них сопровождался подробными характеристиками, касающимися цвета, размера, качества, назначения, материала, из которого изготовлен, и т. п.» (Малышева 1997: 125). Самой значительной лексико-семантической группой лексики в таможенных документах является метрологическая лексика, включающая как собственно метрологические единицы, так и большой пласт наименований торгово-счетных единиц самого разного характера (емкости, упаковки, связки, форма изготовления товара и т. п.).

Большое количество таможенных документов внутренних таможен (были упразднены в 1754 г.), портовых и пограничных таможен сохранилось от первой половины XVIII века. Интерес представляют как документы крупных таможен, пропускавших большой торговый поток (московская, архангельская, курская, брянская, псковская, великоустюжская, астраханская и др.), так и книги небольших уездных и волостных таможен (кеврольская, пошехонская, пустозерская, турчасовская и др.). Интересны своим лексическим составом таможенные книги крупных ярмарок, на которые свозились товары со всего региона или из многих мест государства (например, Макарьевская ярмарка, проходившая недалеко от Нижнего Новгорода, Свинская ярмарка под Брянском и др.) (Малышева 2002b).

Сохранившиеся документы представляют практически всю территорию России того времени¹.

Основную часть источников «Материалов для словаря торговой лексики первой половины XVIII века» составляют неопубликованные рукописные письменные памятники из различных фондов нескольких архивов Москвы (Российский государственный архив древних актов), Санкт-Петербурга (Архив Института истории РАН), Архангельска (Государственный архив Архангельской области), Пскова (Государственный архив Псковской области). Используются документы архангельской, вологодской, великоустюжской, сольвычегодской, важской, турчасовской, каргопольской, кеврольской, шенкурской, псковской, московской, болховской, брянской, курской, мценской, тульской, серпуховской, астраханской, нижегородской и др. таможен (более 100 документов) (Малышева 1997: 173–179; Малышева 1999). Кроме того, привлечены материалы таможенных документов, опубликованных в последние годы историками (Раздорский 2007b; Чебыкина, Черкасова 2012; Раздорский 2013).

Ориентиром для определения принадлежности слова к понятию «торговая лексика» в первую очередь могут служить опубликованные словари-справочники для иностранных торговцев (Маслаковец 1914; Курц 1915; Ларин 1959 и др.), книги для русских купцов — Торговая книга XVI в. (Сахаров 1851), регламентирующие документы (Новоторг. устав 1667; Торг. устав 1724; Тариф 1724; указы, связанные с деятельностью таможен, и др.), в которых определяется понятийный круг, относящийся к торговле; специальные словари (Романова 2017) и исследования по метрологии (Петрушевский 1849; Струмилин 1957; Каменцева, Устюгов 1975; Романова 1975; Шостыин 1990 и др.); исследования по истории торговли, таможенному делопроизводству, метрологии и торговой лексике таких авторов, как К.В. Базилевич, В.Н. Захаров, Б.Б. Кафенгауз, А.А. Кизеветтер, Е.Н. Кушева, Л.В. Машанова, А.Ц. Мерзон, А.И. Раздорский, Н.Н. Репин, Х. Трусевич, А.Л. Хорошкевич, А.И. Юхт; Н.Н. Бражникова, О.И. Быстрыкова, Н.В. Мандрик, О.С. Мжельская, Л.А. Молчанова, В.В. Палагина, Г.Я. Романова, С.В. Судакова, Р.Х. Тугушева, Ю.И. Чайкина, И.Н. Шмелева и др. Среди работ последних лет отметим исследование В.Г. Лебединской «История русской метрологической системы: Лингвистический аспект» (Лебединская 2014).

К торговой лексике могут быть отнесены названия²:

1. денежных единиц: *алтын, гривна, деньга, копейка, мордка, полтина, полуденьга, полумордка, полуполтина, полушка, рубль, четверть и четвертина копейки* и др. (см. (Малышева 1996)).

¹ По подсчетам А.И. Раздорского, только в Российском государственном архиве древних актов в разных фондах хранится 1240 таможенных книг, представляющих европейскую территорию России XVIII века (Раздорский 2007a: 396).

² Первой работой, посвященной анализу лексики таможенных книг, можно считать статью К.Д. Глушковой об илимской книге XVII в., в которой, в частности, был поставлен вопрос, какую лексику можно считать терминами торговли. Автор называет такие слова, как *товар, мера, конец, сажень, косяк, дорога, десять, литр, пасма, сотня, торговый человек, целовальник, досмотр, оценка* и др. (Глушкова 1965: 80).

2. метрологических единиц: *ансырь, аршин, берковец, вершок, гин, золотник, локоть, осмина, пуд, сажень, фунт, четверть* и др.;
3. торгово-счетных единиц (в том числе узколокальных): *бунт, десть, зверь, конец, коромысло, косяк, кусок, мтина, половинка, портище, постав, стан, стопа, телега, тетрадь, трубка, штука* и др. (см. (Малышева 1994));
4. емкостей, служивших мерами, единицами счета и оценки: *бадьа, баклажка, бочка, ведро, кадка, кадь, корзина, короб, коробка, куль, лагун, мешок, ящик* и др.;
5. тары, упаковок или каких-либо вместилищ, выступавших единицами счета и оценки: *бахча, вьюха, катушка, кипа, нитка, связка, тая, тюк, ширя* и др.;
6. формы изготовления или вида доставки товара, выступавшей единицей счета и оценки: *батог, голова, каравай, кирпич, клубок, круг, кружок, кусок, куча, лист, моток, палка, плита, полоса, пучок, столбец, сыпь* и др.;
7. средств доставки товара, выступавших единицей счета и оценки: *воз, лодка, плот* и др.;
8. характеристик вида доставки товара: *в кроежу, в рези, насыпной, разбивной, разбитной, разбитье, рассыпной, розваль, смешистой* и др.;
9. весов и их частей, гирь, вспомогательных инструментов: *вески, весы, гиря, коромысло, скалка, сторожок, счеты, терези, фунт, фунтовик, двоюфунтовик* и др.;
10. торговых мест и мест, в которых производились различные операции с товаром: *базар, крестец, лавка, площадь, ряд, шалаш, ярмарка; амбар, важня, Гостиный двор, иноземский двор, палата, таможня*;
11. торговцев и их служителей: *комиссионер, купец, купецкий человек, купчина, работник, работный человек, сиделец, служитель, торговый человек* (см. (Малышева 2005b));
12. действий, сопровождавших процесс купли-продажи: *выгружать, купить, отвесить, отмерить, привешивать, приять, продать, променить, расценить; взвешивание, вывоз, выкладка, вычет, дополнка, досмотр, клеймение, мена, нагрузка, отпуск, отъяска, перепродажа, платеж, приценка, продажа, расценка, счет, упродажа, явка* и др.;
13. способов оценки количества товара: *весом, на вес, по весу, по мере, счетом, четкою, числом* и др.;
14. способов продажи и приобретения товара: *в разновъс, в разницу, вразнь, врознь, малыми статьями, по малому числу, порознь, разная покупка, разная покупка, разницей, розничная покупка, свалом*;
15. характеристик по действию, характеризующему способ доставки товара: *вывозной, привозной, пригонный, (его, своего) привозу, приплавленный, припро-вожденный* и др.;
16. общей оценки товара по виду, качеству, цвету, фасону: *сорт, разбор, статья*;
17. характеристик товара (по качеству, размеру, количеству составляющих элементов и под.), которые могли влиять на стоимость товара: *ветошный,*

выбойный, выметной, двойник (зеркало), двоеличный (ткань), девятерной, десятерик (веревка), десятивершковый, десятисаженный, добрый, мелкий, мелочь, недомерок, недошлый, однопортищный (ткань), осмерица (рогожа), плохой, поподсередний, пятерик (лапти), семерица (рогожа), середний, толстонитный, узкий, широкий и др.

Понятия торговой сферы нередко представлены словосочетаниями: *бочка мерная, бочка полуамная, бочка полуберемянная, бочка ровдогорка, бочка смолянка, весом что будет* (при неуказанном весе товара), *деньги товарные, деньги прибыльные, купить на деньги, отдать в мене, положить цену, покупная (покупочная) цена, продажа мелкая, продать на деньги, променить ухо на ухо* (при продаже лошадей), *расписать цену, учинить сделку, явить продать* и др.

Весьма частотны образования с *пол-/полу-* (*поларшина, полбунта, полверха, полдюжины, полкипы, полмеры, полосмины, полполуденьга, полполтины, полуанкирок, полубочонок, полуведерный, полукадь, полукоробка, полумешок, полумордка, полусажень, полфунта, полчетверика* и др.), уменьшительные наименования (*бунтик, бурачок, ведерко, гирька, кадочка, кадулька, кадушечка, кружок, кусочек, лукошечко, палочка, пестерек, пузырек, пученька* и др.).

В «Материалы» включены числительные, обозначающие дробные единицы (*полтретья, полчетверты, полиаты, полшесты, полвосмы* и под.), собирательные числительные при счете парных предметов (*двои, трои, четверы, пятеры, девятеры, десятеры, двенадцатеры, пятнадцатеры, двадцатеры* и под.).

В словаре не приводится очень обширная группа характеристик товаров по месту его изготовления или вывоза (*аглинский, гамбургский (анбурский, ганбургский), архангелогородский, астраханский, бухарский, винецейский, галанский, гданьский, вятский, италийский, испоганский, калмыкский, камчатский, китайский, красноторский, крымский, московский, немецкий, персидский, польский, суздальский, тверской, турецкий (турский), устюжский, французский, шпанский, якуцкий, ярославский* и др.), но включаются общие характеристики: *заморский, заморского дела, иноземный, иностранный, российский, русский, русской работы* и под.

Торгово-счетная лексика, использовавшаяся на внутреннем рынке, весьма разнообразна и в большинстве своем восходит к народно-разговорному языку (активно использовались и региональные единицы счета). Например, в таможенных книгах разных территорий отмечаются такие местные обозначения количества (чаще 'два' и 'четыре'), как *гнездо 'пара'* (при счете рукавиц, лаптей, водоносных ведер, тележных оглобель, весел и др.)³, *дружки 'пара'* (при счете рукавиц, чулок, дверных крюков), *копа '60 штук* (при счете изделий из стекла), *коромысло 'пара'* (при счете водоносных ведер), *сноп 'четыре'* (при

³ В устюжских книгах отмечены примеры: *Гнездо Октаев — пять рублей пятьдесят копеек* (Уст. В., 1749 г., с. 192). Одно гнездо Октаев — четыре рубли пять копеек (Уст. В., 1751 г., с. 299). Ср.: *Две книги октаев малои руки* (№ 32748, л. 338, Брянск, 1726). Как известно, Октоих (Октай) содержит две части песнопений: с 1-го по 4-й глас и с 5-го по 8-й глас.

При цитировании печатных источников сохраняется орфография и пунктуация издателей.

счете деталей телеги), *стан* ‘четыре’ (при счете подков, тележных колес) и др. (см. (Малышева 2001))⁴.

Специфика таможенных документов заключается в особенностях той сферы деятельности, которую они регистрировали (перемещение товаров по территории страны), и в самом характере ведения таможенных документов. Основным документом, регистрировавшим разные процедуры с товаром (явка, досмотр, купля, продажа, отпуск в другой город и др.), были книги. При вывозе товара делалась выписка из книги (выпись), которая предъявлялась в месте привоза товара. Предъявленная выпись, как правило, содержала языковые черты той местности, где она была выдана, и при ее переписывании в книгу в месте явки товара ее языковые особенности могли переноситься в книгу другой территории. Таким образом, например, в московские книги проникало значительное количество региональной лексики из выписей разных территорий: *Дваццат зверей⁵ моржинъ в лавтаках* (№ 32815, с. 88, М., 1738 — явка по каргопольской выписи). *Две торбы бумаги андреянополскои весом пят пудъ* (№ 32847, с. 440, М., 1743 — явка москвичом товаров, купленных в малороссийских городах). Аналогичный пример отмечен в книге великоустюжской таможи: *Двести пятьдесят кумачей красных македонских широких в одной тарбе* (Уст. В., 1749 г., с. 209 — явка по выписи севской пограничной таможи, о механическом переносе записи из книги севской таможи в книгу таможи Устюга свидетельствует и написание слова *торба*) (см. (Малышева 2004))⁶.

В первой половине XVIII столетия усиливается роль внешней торговли, расширяются торговые связи России с зарубежными странами, и в сложившуюся за многие десятилетия систему торговых мер начинают включаться торгово-счетные единицы из иностранных торгово-счетных систем: *анкир*, *бочка пипа*, *бочка тирса* (*тирша*), *галенок*, *гарнитур*, *грош*, *оксофт*, *центнер*, *фут* и др. Причем они используются не только по отношению к иноземному товару, но и к отечественному. *Анкир*, *анкирок*, *анкирек*, *анкерок* ‘мера жидкости (преимущественно вина), равная $3\frac{1}{8}$ ведра; боченок, содержащий такую меру’: *Пять анкирков оливокъ плохих ... да пять анкирков каперсов плохих пять анкирков соку лимонного* (№ 32872,

⁴ Вероятно, точное метрологическое значение имело и слово *груда*, отмеченное в архангельских книгах как единица счета сандала: *Груда сандала синего* (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 1328, Арх., 1710). *Груда сандала красного коряного груда сандала желтого* (№ 32872, л. 2, Арх., 1722). Словари называют счетное значение (предполагаемое или точное) по отношению к другим предметам: ‘мера конопля (какая?)’ (Сл. промысл. лекс. 1: 145), ‘мера льна (12 пучков)’ (Романова 2017: 101).

⁵ *Зверь* ‘единица счета шкур: один (если шкура снята с туши), четыре (если шкурки сняты с ног животного)’: *Пятнацать звърей ногъ оленихъ* (ф. 10, оп. 3, № 359, л. 17, Пустоз., 1711). *Пятдесят звърей кож моржевых* (№ 32742, л. 402, Арх., 1725).

⁶ В статье использованы материалы фондов Российского государственного архива древних актов (ф. 273, оп. 1, ч. 8 — Камер-коллегия (в статье указываются номера дел), ф. 829 — Таможни и кружечные дворы, ф. 1361 — Астраханская портовая и внутренняя таможня, ф. 1418 — Серпуховская таможня, ф. 1419 — Сольвычегодская таможня и кружечный двор, ф. 1422 — Тульская таможня и кружечный двор, ф. 1600 — Псковская Большая таможня), Архива Института истории РАН (ф. 10, оп. 3. — Архангелогородская губернская канцелярия), Государственного архива Псковской области (ф. 22 — Псковская провинциальная канцелярия).

л. 2, Арх., 1722). *Анкирекъ ягодъ морошки* (№ 32740, л. 136, Арх., 1725). *Один анкир масла деревянного* (ф. 22, оп. 1, № 397, л. 93, Псков, 1746). *Грош* ‘единица счета мелких галантерейных товаров (пуговиц, запонок, крестиков, трубок и др.); двенадцать дюжин, 144 штуки’: *Девять грошей и девять дюжин запонок мѣдных* (№ 32762, л. 261, Арх., 1719). *Восьмь грошей пугвицъ мѣдных камзолных и кафтаных на деревъ* (№ 32750, л. 75, Уст. В., 1722). *Один грошъ колоколчиковъ* (ф. 1361, № 2, л. 118, Астрах., 1725). *Четыре гроша крестов медных по рублю за грошъ* (№ 32847, с. 426, М., 1743)⁷. Показательна в этом отношении система счета мелких галантерейных товаров (пуговиц, запонок, нательных крестов, часовых ключей, наперстков, реже — курительных трубок): *портище* ‘дюжина’ — *карта* ‘три дюжины, 36 штук’ — *бунт* ‘6 дюжин⁸, 72 штуки’ — *грош* ‘12 дюжин, 144 штуки’ — *гарнитур* ‘комплект, состоящий из 6 дюжин кафтаных и 6 дюжин камзолных пуговиц’. Причем в данный метрический ряд входит только одна собственно русская единица (*портище*), а продолжается и расширяется ряд за счет заимствованных единиц.

Новая иностранная метрологическая единица может столкнуться в одном контексте с привычной, старинной мерой: *пятьдесят шесть досокъ длиною в восемь-натцать в пятнатцат и в двенатцат футовъ толщиною в полтора ж палца* (№ 32742, лл. 340 об.—341, Арх., 1725). Приведенная цитата — единственный пример употребления слова *фут* в исследованных таможенных документах, слово же *палец* как единица размера частотно в северных книгах при указании толщины досок: *Пятьдесят досок семисажень в четыре палца; штисаженных шестьдесят семь досокъ в три палца, восемьдесят четыре доски в полтретья палца, дватцать девять досокъ в два палца выметных* (№ 32742, л. 340 об., Арх., 1725).

По материалам таможенных документов выявляется многозначность одной и той же торгово-счетной единицы по отношению к разным товарам (*бунт* — ‘20 шкурок, полсорока’ (мех), ‘6 дюжин’ (пуговицы); *портище* — ‘8 аршин’ (ткань), ‘дюжина’ (пуговицы); *тюк* — ‘6 штук’ (кожа), ‘упаковка, оценивающаяся на вес’ (лоскутье); *кипа* — ‘100 стоп (бумага)’, ‘6—10 половинок’ (сукно) и др.); выстраиваются синонимические ряды счетных единиц, включающие общеупотребительные единицы и территориально закрепленные (‘два’ — *пара*, *обувь*, *юфть*, *дружки*, *коромысло*, *гнездо*; ‘дюжина’ — *дюжина*, *портище*, *тузина*, *мтина*); в том числе и по отношению к одному товару (‘фунт’ — *ансырь* (анцырь), *гин* (гинь), *фунт* шелка).

При работе с такими источниками, как таможенные документы, главное содержание которых составляет фиксация операций с перевозимыми товарами

⁷ СРЯ XVIII дает слово *грош* (нем. Gros< гол.) со знаком входа-выхода (бело-черный ромб) и с толкованием, говорящим об узкой сфере применения данной счетной единицы — ‘двенадцать дюжин (о табачных трубках)’ (СРЯ XVIII 5: 246). Как показывают материалы таможенных книг, данная счетная единица в первой половине века была достаточно частотна на всей территории России, грошами считались трубки, пуговицы, запонки, наперстки, нательные кресты и другие галантерейные мелочи.

⁸ Установление точного метрологического значения слов *карта* и *бунт* стало возможно благодаря глоссам, встретившимся в одной из архангельских книг: *КѢ картъ пугвицъ сталних по 7 дюжины в карте* (№ 32762, л. 47, Арх., 1719), *пятьдесят бунтъ пугвицъ мѣдных разныхъ рукъ во всякомъ бунтъ по шти портиш* (Там же, л. 276 об.).

с целью определения стоимости товара и размера взимаемой с него пошлины, возникает непростой вопрос дифференциации таможенной лексики и собственно торговой (нередко то или иное понятие можно отнести к обеим группам). Основным критерием отнесения слова к торговой лексике считаем его принадлежность к тем понятиям, которые непосредственно характеризуют товар: количество, единицы счета, качество, размер и т. п., виды упаковок, действия с товаром, способы его доставки и др. С другой стороны, «товар обязательно проходил через таможи, главная функция которых заключалась в досмотре, определении качества, количества, оценке товара с целью сбора пошлин, поэтому большая группа лексики, характеризовавшей деятельность таможен, непосредственно связана и с торговой сферой» (Малышева 2005: 300). В связи с этим в словарь вводятся обозначения таможенных действий, которые связаны с процессом передвижения товара (*явка, досмотр, отъёмка, отпуск* и др.), с установлением определенных характеристик товара (*вывес, оценка, вычет* и др.) и под. Но в словарь не включаются слова, называющие виды таможенных документов; должности таможенников; действия, обозначающие различные канцелярские процедуры (например, *изверить, поверить, справить, учинить счетную выписку, очистка, смотр*) и под.

Одной из важнейших и сложных лексикографических проблем является проблема толкования словарного слова, проблема установления и формулирования его значения. Для исторических словарей эта проблема усугубляется тем, что значительную часть словника составляют слова, отсутствующие в современном языке или существующие в ином значении, и перед лексикографом встает первая задача — определение предметной (в широком смысле) отнесенности слова, установление его смыслового содержания. При работе над историческим словарем специальной лексики дополнительно возникает проблема определения по возможности точного, конкретного (терминологического) значения слова, принадлежащего к кругу специальной лексики или входящего в определенную терминосистему одним из своих значений (см. (Малышева 2002a)).

Помощь в толковании того или иного слова оказывают не только словари, в том числе специальные, или лингвистические исследования по данной проблематике, но и работы историков, касающиеся изучения истории торговли (внутренней и внешней), отношений с зарубежными странами, истории торговли отдельными товарами и продуктами (например, хлебная продажа) и др.

В качестве примера можно привести вопрос о толковании таких характеристик камки (китайской шелковой ткани), как *пятиланый, штиланый, семиланый*: *Восмьдесятъ семь поставов камокъ пятиланыхъ* (№ 32772, л. 276 об., Курск, 1720). *10 поставов камокъ пятиланыхъ разныхъ цветовъ* (№ 32742, л. 1, Арх., 1725). *Четыре постава усов пятиланыхъ* (№ 32804, л. 12, М., 1737). *Сто девят поставов камокъ штиланыхъ средней руки* (№ 32869, л. 241, Сольвыч., 1722). *Двадцать четыре косяка камокъ штиланыхъ* (№ 32894, л. 33 об., Брянск, 1725). *Восмь поставов камокъ семиланыхъ разныхъ цвѣтовъ* (№ 32746, л. 105 об., Шенк., 1725). *Тритцать восемь подставов камокъ семиланыхъ* (№ 32750, л. 429, Уст. В., 1722). В одном из

региональных исторических словарей данные характеристики камки ошибочно соотносятся со словом *длань*: **Пятиланый**. Шириною в пять ладоней, дланей (Сл. манг. пам. 417; аналогично и *семиланной*, *штилиланной* — 453, 564). Однако историки связывают эти определения со стоимостью данных тканей в Китае: камки семиланые — 7 лан серебра (= 7 рублей), пятиланые — 5 лан серебра (= 5 рублей) (см. (Трусевич 1882: 199)). Ср: **Семиланый**. *Ценой в семь лан (китайская серебряная монета)* (СлРЯ XI–XVII, 24: 55)⁹; ср.: **Лан (лянь)**. ‘китайская мера веса, равнялась в XVII в. ок. 37,3 г.’ (Романова 2017: 148). Вероятно, соотношение китайской цены и соответствующего определения ткани стало постепенно устаревшим и условным, и данные определения стали характеризовать вид или качество ткани: «Роспись товарам, которые покупаются в Пекине. ... Камки большой руки, именуемой голи, в 18 аршин, от 6 до 8 ланов. Атласы большой руки от 6 до 7 ланов. Полуголи по 3 лана и 80 фунтов. Камки семиланые по 3 лана и 80 фунтов. Камки пятиланые от 2 до 2 ланов и 20 фунтов» (Пам. Сиб. 1885: 383). В таможенных книгах XVIII в. пятиланые, шестиланые (*штилиланые*) и семиланые камки встречаются часто (ткани — одни из самых распространенных товаров).

Аналогичным примером может служить слово *тюнь* (*утюн, тюм, утюм*) — торгово-счетная единица еще одной китайской ткани (китайка): *Сто шездесять семь тюней китайки тюневои два тюня китайки складной сто трицать пять тюней китайки тюневои ... четыре тюня китайки мелинной* (№ 32750, л. 429, Уст. В., 1722). *Мунгалскихъ товаровъ сто дватцать четыре тюня китайки тюневои в продаже шеснатцать утюмов цена по семи рублевъ за утюнь* (№ 32894, л. 16 об., Брянск, 1725). *Два тюма китайки малои руки* (ф. 1361, № 2, л. 141, Астрах., 1725). Как определяют историки, «главный предмет ввоза 18 ст. составляли бумажные материи, особенно китайка, продававшаяся по тюнам (в которых было по 10 концов, в каждом конце по 7½ — 7¾ ар.)» (Трусевич 1882: 173)¹⁰. СлРЯ XI–XVII дает обобщенное толкование данной торговой единицы: **Тюмь**. *Тюк, штука ткани (обычно китайки)*. ... Тюнь. *То же, что тюмь* (СлРЯ XI–XVII, 30: 265).

Еще одним примером может служить слово *косяк*, часто употребляемое как торгово-счетная единица при продаже мыла: *С косяков мыла платяного романовского РД косяка мыла платяного* (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 578, Арх., 1710). *Сем косяков мыла слабково* (№ 32869, л. 76, Сольвыч., 1722). *Восмнатцать косяковъ мыла целых да полкосяка мыла в резъ ценою по рублю косякъ* (ф. 829, № 240, л. 6, Шенк., 1726). Ни один из отмеченных в таможенных книгах многочисленных контекстов не позволяет судить о размере косяка, хотя отсутствие каких-либо пояснений может свидетельствовать об известном торговцам количественном значении косяка (возможно, различном в разных местностях). Примерное метрологическое

⁹ Слово *пятиланый* в словаре не зафиксировано.

¹⁰ Соотношение *тюнь* (целое) и *конец* (часть) в материалах таможенных книг встречается нередко: *Осмнатцат тюней пят концовъ китайки тюневои* (№ 32789, с. 3, М., 1726). *Два тюня семь концовъ китайки тюневои толстонитои* (ф. 1419, № 165, л. 179 об., Сольвыч., 1739). *Три тюня и пять концовъ китайки тюневои нитью средней разныхъ цветов по ити рублевъ тюнь* (Уст. В., 1751 г., с. 269).

значение *косяка* мыла установили историки: «Весовое значение мыльных косяков, представлявших собой большие бруски не разрезанного на куски мыла, до сих пор остается метрологической загадкой. ... Можно ... предположить, что вес косяка мыла колебался в разных партиях от 24 до 30 кг. О достаточно солидном весе косяка мыла свидетельствует, в частности, запись в курской книге 1654/55 г., в которой речь идет о явке 10 косяков мыла, доставленного на двух возах» (Раздорский 2011: 79).

Предлагаемое лексикографическое собрание названо «Материалами» по нескольким причинам: составляется на основе ограниченного круга письменных источников одного типа — таможенных документов, относящихся преимущественно к внутренним таможням России первой половины XVIII века¹¹, кроме того, характер представления словарного материала, объем цитирования предполагает более свободную форму описания лексики, чем строгая форма словаря.

Хронологические рамки словаря — первая половина XVIII века (от 1705 г. до 1752 г.). Словарь построен по алфавитному принципу. Включает в себя более 1200 слов, предложно-падежных форм и словосочетаний.

Словарная статья содержит лексическую единицу с указанием части речи, толкование, текстовые иллюстрации.

Заголовочное слово приводится в форме наиболее употребительной в текстах. Фонетическое и орфографическое варьирование лексических единиц показывается фрагментарно в скобках: *бахча* (-кч-), *лавочный* (-шн-), *обвертка* (обер-), *разбор* (роз-), *расчет* (роз-, рош-), *цибик* (цы-), *юфть* (юх-) и др. Фономорфологические и морфологические варианты, а также словообразовательная вариантность показываются в заголовочной строке: *анкир*, *анкирок* (-рек) и *анкерок*; *гин* и *гинь*; *выменовный* и *выменный*; *москотильный* и *москотинный* (мес-); *юфтяной*, *юфатный* и *юфтный* и др.

Иллюстративный материал приводится в соответствии с орфографией и пунктуацией рукописи или издания. В цитатах из рукописей сохраняется буквенное обозначение чисел, сохраняется буква Ъ (заменяются буквы *ia*, *s*, *i*, *w*, *8*, *ю*, *з*, *v*, кроме употребления в числовом значении), выносные буквы показываются снятием курсива.

В статью включаются устойчивые предложно-падежные формы и словосочетания, которые неразрывно связаны с толкуемым словом и в то же время имеют особое значение или употребление. Например, в статье слова **РУКА** в зависимости от значения даны такие словосочетания — **руки большой, средней малой руки, женской, толстой; руки восмерной, осмерной; по рукам (о размере); руки второй, третьей; руки светлой (о качестве, сорте); руки московской, заонежской, крестьянской; на калмыцкую руку; разных рук** (о способе, манере изготовления, внешнем

¹¹ Как показывают «Словарь русского языка XVIII века», материалы его Картотеки, специальные словари XVIII в. (например, «Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран ...». Т. I–VII. 1787–1792 гг.), объем лексики, которую следует отнести к понятию «торговая», в XVIII веке был значительно шире.

виде): *Своей работы в перешивке обуви пятидесятеры чарки средней руки и женской* (№ 32869, л. 95 об., Сольвыч., 1722). *Десять зеркал настѣнных разных рукъ* (№ 32762, л. 249, Арх., 1719). *Два пуда лоскутья суконного второй руки ... пуд лоскутья суконного третьей руки* (ф. 829, № 712, л. 93, Каргоп., 1743). *Въ Ёх бумагахъ Ѵ иголь свѣтлой руки больших* (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 80 об., Арх., 1710). *Товару домового ево приуготовления очелеи браных шитых заонежской руки две тысячи пять сотъ* (ф. 1600, № 3, л. 7, Псков, 1749). *Двадцать шапок пудового сукна разных цветов з бухарскими околышами с черными и серыми на калмыцкую руку* (Гурьев, 1725 г., с. 447). *С игол по рукавъ* (№ 32762, л. 277 об., Арх., 1719) (см. также (Малышева 2005а: 303)).

Со спецификой таможенных процедур (явка товара, досмотр, отпуск на продажу, регистрация купли и продажи и др.) связана неоднократная регистрация товара. Это приводило к появлению в одной таможенной книге (в небольшой таможене) или в книгах разных типов (в таможене, пропускавшей значительный торговый поток) повторяющихся перечней товара — параллельных текстов (см. (Малышева 1997: 136–141)). Такие тексты могут быть абсолютно идентичны, но чаще они содержат разночтения различного характера. «Причины разночтений могут быть различны: более подробная характеристика товаров при досмотре; ... столкновение в записи языковых особенностей писца и другого лица, присутствовавшего при оформлении таможенной операции; использование писцом синонимичных названий товара или его характеристик и т. п.» (Там же: 55). Для исследования лексики торгового дела, в частности, для анализа торгово-счетных единиц важно то, что в параллельных текстах нередко используются разные метрологические единицы при регистрации разных таможенных операций с одним и тем же товаром. Это позволяет выявить идентичные или соотносительные связи между различными торговыми единицами и в сложных случаях установить точное метрологическое значение той или иной лексемы¹², синонимические отношения между словами. Приведем некоторые примеры¹³:

<i>рыбы бѣлой омылеи три бочки да два полубоченка</i> (ф. 10, оп. 3, № 130, л. 2, Пустоз., 1710)	=	<i>в ценъ по рублю с полтиною бочка а полубочья в ценъ по дватцати по пяти алтнѣ</i> (Там же)
<i>тринадцат аршин двѣ четверти стофа шелкового травчатого</i> (№ 32762, л. 80, Арх., 1719)	=	<i>в остаткѣ стофа шелкового трафчатого мѣрюю ГИ аршинѣ В чети</i> (Там же, л. 80 об.)

¹² Например, в таможенных книгах встречается такая единица счета рукавиц, как куча: *Четыре кучи рукавицъ борановых* (№ 32762, л. 291, Арх., 1719). *Пят кучь рукавицъ черных салдацких борановых* (№ 32772, л. 324, Курск, 1720). Установить точное счетное значение позволила запись в архангельской книге 1710 г.: <Явил> *З кучь рукавицъ борановых ... по досмотру целовалника ... РМры рукавицы борановые ... числом съ явкою сходны* (ф. 10, оп. 3, № 146, лл. 200 об.–201, Арх., 1710). Таким образом, куча рукавиц содержит 20 пар.

¹³ Знак = обозначает, что записи принадлежат одному писцу. Иногда мена соотносительных или синонимичных лексических единиц наблюдается в одной записи: *двѣ сулеики скипидару весом по трицати фунтовъ скляница* (№ 32772, л. 375 об., Курск, 1720), *шесть половинокъ гарусу по цветам по четыре рубли штука* (№ 32748, л. 12, Брянск, 1726), *десять косяковъ выбоики бахтовой толстонитной по рублю по семидесяти* <пропущено слово> *за конецъ* (ф. 829, № 353, л. 3, Вологда, 1739).

*шездесать пять дружекъ чюлковъ
и рукавицъ вязаныхъ* (№ 32762, л. 85, Арх.,
1719 — явка по вятской выписи)

в баклашки четыре пуда масла коровя
(№ 32762, л. 270 об., Арх., 1719 — явка)

один связок веревокъ ростяжных
(№ 32741, л. 112, Арх., 1725 — явка)

*тысяча столбцов чесноку плетеного
среднего двѣ тысячи чetyреста столбцов
чесноку плетеного мѣлкого* (№ 32741,
л. 353, Арх., 1725 — явка)

сорок шесть ансыреи шелку (№ 32742,
л. 105 об., Арх., 1725 — явка)

четыре крушка поясковъ нитяных
(№ 32746, л. 7, Шенк., 1725 — явка)

*явил ... десять косяковъ пестреди болюи
руки десять косяков пестреди ж малои
руки* (№ 32746, л. 31 об., Шенк., 1725)

явил ... тритцат пучков вязиги (№ 32746,
л. 81, Шенк., 1725 — явка ярославца)

семь мѣръ пшеницы (№ 32743, л. 61, Арх.,
1726 — явка)

*пять четвертеи солоду яшного по
двадцати по три алтына по двѣ денги
четверть* (№ 32743, л. 117, Арх., 1726)

*продали ... два ящика в них триста
пятьдесятъ пять шклянкоѣ вотки
мунгарской* (№ 32873, л. 36 об., Арх.,
1726)

*в десяти лагунах, за вычетом дерева,
шездесат пуд дехти* (Устюг В., 1751,
с. 263)

один гин шелку наджинского (Устюг В.,
1751, с. 293 — явка по тобольской
выписи)

*десятеры чюлки сукна сермяжного
Лѣтеры рукавицы вареги М чюлковъ
вязаных из овечьи шерсти* (Там же,
л. 86 — досмотр целовальника-
усольца)

в кадушки четыре пуда масла коровя
(Там же — досмотр)

тючекъ прядена ростяжного
(Там же, л. 112 об.)

*А батмановъ чесноку среднего
Б батманов чесноку мѣлкого
У батманов чесноку такого ж*
(Там же, л. 353 об. — досмотр)

досмотрили ... МЗ фунтов шелку
(Там же, л. 106)

= *четыре куска поясковъ нитяных*
(Там же — продажа)

*упродал ... пят кусковъ пестреди
болшей руки по три рубли кусокъ
четырь куска пестреди малои руки
по два рубли кусокъ* (Там же)

*упродал ... тритцат тючков везиги
по полтине тючекъ* (Там же, л. 81 об.)

*въ З мѣшках Г четверти с осминою
пшеницы* (Там же, л. 61 об.)

Е кулеи четвертных солоду яшного
(Там же, л. 118)

= *целовальникъ горожанин Роман Попов
пропустил ... два ящика в них сочел
вышписанные сулейки вотки противъ
торгу явились в сходствѣ* (Там же)

*по досмотру ... целовальника Олишкова
в означенных бочках дехтъ весом
с явкою имеется сходствен* (Там же).

фунт шелку наджинского (Там же,
с. 324 — явка 1752 г. по тобольской
выписи товара, не проданного
в 1751 г.)

При таком соотношении лексических единиц цитата в словарной статье сопровождается ссылкой *Ср.: ОБРЪЗ*, а, м. *Обрезанная бочка, полубочье*. Ягод коринки В бочки да Д обръза да пуд (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 596 об., Арх., 1710 — досмотр,

ср. в записи явки: Ё бочекъ да боченка ягод коринки. Там же, л. 593 об.). Ъ обрѣза ягод коринки (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 627, Арх., 1710 — продажа)¹⁴.

Помета *Ср.* может стоять в конце словарной статьи, если сопоставляемые лексические единицы употреблены в аналогичных контекстах в одном значении:

ПРИПЛАВЛЕННЫЙ, а я, о е. *Доставленный, привезенный водным путем*. Продал в Устюге своей работы приплавленного лесу сто дерев шти сажень (Уст. В., 1748 г., с. 91). Продал в Устюге Великом в народ с Вологды приплавленной на вышезаписном ... своем пауске капусты соленой по цене на четыре рубли (Уст. В., 1748 г., с. 125). — Ср. **Припроваженный**.

ПРИПРОВАЖЕННЫЙ (-еный, -еной), ая, о е. *Доставленный, привезенный (обычно водным путем)*. Крестьянин Иван Коняшин продал в Устюге устюжанину Ивану Иванову сыну Протодияконову припроваженной оным Коняшиным без выписи карбас новой длиною десяти сажень с аршином — цена одиннатцать рублей (Уст. В., 1748 г., с. 116). Продал в Устюге Великом в народ припроваженного в малой лотке без выписи триста столбцов чесноку плетеного мелкого по два рубли за сто (Уст. В., 1748 г., с. 137). — Ср. **Приплавленный**.

Словарные статьи не содержат специальных помет, характеризующих лексику с точки зрения ее территориального распределения. Роль данных помет в какой-то степени исполняет подбор цитатного материала: каждая словарная единица иллюстрируется обширным (при наличии) цитатным материалом, представляющим примеры употребления слова в документах разных территорий. Расширение цитатного материала принципиально важно и в данном случае имеет особое значение, поскольку документы таможенного делопроизводства, как никакие другие, отражают перемещение товара на разных территориях, что приводит к нередкому появлению слов, характерных для северных территорий, в документах центральных и южных таможен, и наоборот. В таких случаях дается ссылка, из какого места привезен товар (см. выше примеры со словами *зверь* и *торба*).

При большой частотности той или иной торгово-счетной единицы цитатный материал словарной статьи может быть представлен группами, показывающими употребление данной единицы по отношению к различным товарам. Например, *концами* ('рулон, кусок ткани, может быть разной длины в зависимости от вида ткани: холст — от 12,5 до 50 аршин, пестрядь — от 20 до 40 аршин, сукно — от 12 до 25 аршин, крашенина — в среднем 8 аршин, штоф — 4 аршина и т. д.; конец рулона был открытым для проверки качества и опечатывался таможенниками') могли считаться разные ткани (китайка, крашенина, пестрядь, полотно, пониток, холст, сукно, штоф), и чтобы не смешивать цитатный материал, в словарной статье он дан абзацами. Аналогично построена, например, словарная статья слова *пара*: парами считались галантерейные товары (серьги, запонки и пр.); обувь, чулки, перчатки; весла, полозья, подковы, шпоры, оконные петли; комплекты

¹⁴ **Обрѣз** 'кадка, сделанная из распиленной надвое бочки' (СРЯ XVIII, 16: 72–73). Ср.: **Обрез** 'ушат, кадка' с пометой Шенк., Арх. (СРНГ, 22: 200).

(например, ножи и вилки, наборы кафтанных и камзольных пуговиц); платки и фаты; меха и многое другое.

«Материалы для словаря торговой лексики первой половины XVIII века» позволяют выявить некоторый объем лексики, характерной для одной из активных сфер деятельности (и важно — связывающей разные территории государства), но в то же время не всегда регистрируемой в исторических словарях. Это происходит или в силу территориально ограниченного употребления слова (и может быть обусловлено принципами отбора лексики в словарь), или в силу отсутствия данной лексики (или специального значения слова) в текстах-источниках. Кроме того, специфика составления таможенных документов и характер записей в них нередко раскрывают особое, специальное значение слова, которое не проявляется в текстах других жанров.

Образцы словарных статей¹⁵

БАТМАН, а, м. *Вязка лука или чеснока, содержащая 120 головок: 30 головок в длину и 4 в ширину.* К батманов луку мѣлкого (№ 32774, л. 115 об., Арх., 1720). Р батманов чесноку плетеного крупного Т батманов чесноку плетеного ж среднего УН батманов чесноку мѣлкого (№ 32741, л. 20, Арх., 1725). Ѡ батманов чесноку среднего и мѣлкого ѡ батманов луку плетеного мѣлкого (№ 32741, л. 93, Арх., 1725). Триста батманов чесноку среднего и мѣлкого (№ 32742, л. 55, Арх., 1725). Пятсот батмановъ чесноку плетеного (№ 32746, л. 13 об., Шенк., 1725). Пятсот батманов чесноку среднего двѣ тысячи батманов чесноку ж мѣлково (№ 32838, л. 56, Вологда, 1726). — Ср. Столбец.

БУМАЖКА, и, ж. 1. *Бумажный сверток, упаковка.* Ящикъ в нем Рѣ бумажекъ по В пряника черных соколатовых (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 984 об., Арх., 1710). З ящичковъ в нихъ РІ фунтовъ табаку крошеного в бумашкахъ (№ 32744, л. 16 об., Арх., 1720). Две тысячи игол крестовику в бумашкахъ (№ 32796, с. 53, М., 1735). Пятьдесят бумажекъ ваксы сапожной (№ 32799, л. 118 об., М., 1736). Шездесять бумажекъ путры (№ 32807, с. 78, М., 1737).

2. *Лист плотной бумаги, на который нашивалось определенное число (14?) мелких галантерейных товаров; единица счета металлических пуговиц, булавок и т. п.* І бумажекъ в нихъ ВІ дюжин запанков скляных в меди (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 73, Арх., 1710). Пят бумажекъ пуговиц оловянных (№ 32772, л. 121 об., Курск, 1720). Четыре бумашки пуговиц оловянных (ф. 1422, № 6, л. 14, Тула, 1726). Сто тритцать бумажекъ пуговиц свинцовых (№ 32807, с. 102, М., 1737). Сорок одна бумашка пуговиц оловянных (ф. 1600, оп. 1, № 7, л. 179 об., Псков, 1749)¹⁶.

ВЫВѢС, а, м. *На вывѢс. Без учета веса тары.* В В ящичках пузоментов и кружив золотных и серебряных вѢсом пуд КГ фу Ё золотников на вывѢс (ф. 10, оп. 3,

¹⁵ В связи с ограниченным объемом публикации в некоторых словарных статьях, приведенных в качестве образцов, сокращено количество цитат.

¹⁶ В «Словаре русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» приведена цитата: Да початых в бумашках дватцет[ь] бумажекъ в каждой бумашке по десяти пуговиц (Майоров 2011: 55).

№ 145, л. 637, Арх., 1710). У вышеписанной семги дерева вычтено по пуду по К̃ фу бочка ... на вывѣс иметца быть семги Р̃Ѣ пуда К̃Е фу (№ 32762, л. 158 об., Арх., 1719). В трехъ бочкахъ на вывесъ сорокъ девят пуд красной рыбы семги (№ 32756, л. 2, Уст. В., 1726). Ѓ куля хмеля вѣсомъ А̃ пуд с кули ... у хмеля вывѣски кулями положено по 3̃ фу кул а на вывѣс хмеля Ї пуд Θ̃ фу (№ 32741, л. 289 об., Арх., 1725). Три кадцы дехти малых на вывесъ двенатцать пуд (ф. 1419, № 165, л. 64, Сольвыч., 1739).

МѢНА, ы, ж. *Обмен*. Перечневая выписка ... сколько на ннѣшней архангелогородцкой ярмонки русских и заморскихъ вѣсчих и невѣсчих всяких товаров было в продаже в мене и в отпуску за море и верховские города (ф. 10, оп. 3, л. 1717, Арх., 1710). Взять, отдать в мене. У каргополца Никиты Прибыткова взял в менѣ на заморской товаръ коробок пуши бобровой вѣс пуд Л̃ фу (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 645 об., Арх., 1710). Отдалъ в менѣ именитого члвка Григоря Дмитриевича Строганова крестьянину ево Володимеру Дьяконову посуды скляной разных рукъ счетомъ ꙗ̃КѢИИ судовъ (ф. 10, оп. 3, № 145, л. 1398 об., Арх., 1710).

НАГОЛО, нареч. *Без тары, в чистом виде (о весе товара)*. ТН пуд Л̃Д фунта пряжи лняной наголо без куля (ф. 10, оп. 3, № 146, Арх., 1710). Сулея скипидару вѣсом наголо шестнатцать фунтов (№ 32870, л. 112, Сольвыч., 1723). Бочка семги соленой прошлогоднои печеры вѣсомъ наголо шеснацат пуд десят фунтъ (№ 32740, л. 1, Арх., 1725). Три бочки ягод изюму вѣсом наголо двенатцат пуд (№ 32746, л. 66 об., Шенк., 1725). — Ср. **Налицо** (1).

НАЛИЦО, нареч. 1. *То же, что наголо*. Масла коровья въ Д̃х кадках вѣсом 3̃ пуд з деревомъ дерева пуд налицо Ё пуд (ф. 10, оп. 3, № 146, л. 220—220 об., Арх., 1720). Восем бочекъ краски брусковой вѣсом налицо дватцать восем пуд восемь фунтов (№ 32747, л. 80, Болхов, 1725). Бочка ладану вѣсом налицо восемь пуд десят фунтовъ (№ 32743, л. 25, Арх., 1726). Семдесят вьюхъ пряж¹⁷ пакулной вѣсомъ налицо тысяча тритцать пудъ (ф. 829, № 355, л. 13, Вологда, 1741). Тринатцать бутылѣи скапидару весом налицо дватцать шесть пуд (№ 32847, с. 115, М., 1743). — Ср. **Наголо**.

2. *В наличии*. <Явил> пятьдесят пять пуд сала говяжья и то сало половина переварена в мыло а другая налицо (№ 32869, л. 6 об., Сольвыч., 1722). Собрано с привозных явленных проданных земских мелочныхъ товаров ... по высыпке из ящика налицо три рубли дватцат копеек (ф. 1419, № 165, л. 220 об., Сольвыч., 1739).

НЕДОПРОДАТЬ, дам, дадут. *Не продать весь, полностью (о товаре)*. Отявил недопроданого товару четырнатцат юфтеи кож красных вымету конинных (№ 32869, л. 75 об., Сольвыч., 1722). По той же выписи отявил недопроданного товару мѣлочи лавочнои на один рубль (№ 32870, л. 73, Сольвыч., 1723). По той же выписи отявил недопроданного своево товару мелочи на пять рублей (№ 32870, л. 109 об., Сольвыч., 1723). А досталного товару на ярмонкѣ недопродал (№ 32746, л. 9, Шенк., 1725).

¹⁷ Так в ркп.

ОТВѢСИТЬ, вешу, весит. *Взвесить часть из общего количества товара с целью изъятия этой части для продажи.* Генваря въ Ё м числѣ отвѣшено в важнѣ товара москвитина Семена Лукова ... ѿѢ тюка юфтеи в тюкѣ по Ѣ кож (№ 32744, л. 91, Арх., 1720). Отвѣшено в важнѣ товара ево жѣ Конова в торгѣ вологжанину Афонасю Рыбникову Д б масла деревянного (№ 32872, л. 110, Арх., 1722). Целовалникъ двинской Степанъ Резановъ отвѣсил на Карзѣевѣ дворѣ в анбарѣ выше-явленной соли (№ 32739, л. 1, Арх., 1725). Целовалникъ двинской Степан Дурасов отвѣсил и пропустил с соимы на карбасъ товара ево Шубных в торгѣ (№ 32786, л. 189, Арх., 1725). — Ср. **Отмѣрять**.

ПИРОГ, а, м. *Мелкая денежная единица, равная ¼ копейки.* Итог шездесять два рубля один алтнѣ две денги полтора пирога (ф. 10, оп. 3, № 116, л. 1 об., Мезень, 1710). С него взять с весу товаров по денги с пуда полчетверты денги с пирогомъ (ф. 10, оп. 3, № 116, л. 12, Мезень, 1710). Перекупной пошлыны взять две денги с пирогомъ (ф. 10, оп. 3, № 116, л. 15, Мезень, 1710). **П. полуборый** (?). Итого полдесяты денги с полуборыми пирогами (ф. 10, оп. 3, № 116, л. 9, Мезень, 1710).

ПОЛПОЛДЕНЬГА (полполу-), и, ж. *Полполушки, одна четвертая часть деньги.* Перекупных полпяты денги и полполденги (ф. 10, оп. 3, № 37, л. 8, Верховажье, 1710). Того пять алтын полчетверты денги и полполденги (№ 32879, л. 5, Яренск, 1722). Всего в генварѣ мѣце собрано ... триста семьдесятъ два рубли тридцать два алтына полторы деньги с полполуденгою (№ 32772, л. 30, Курск, 1720). Прибыльных пятнатцать рублевѣ тридцать копеекъ с полу и с полполденгои (№ 32869, л. 306 об., Сольвыч., 1722). Со всей цены и с хмелю двенатцетъ рублей пять алтынѣ полтары денги с полполуденгою взято (№ 32747, л. 27, Болхов, 1725).

ПОПОДСЕРЕДНИЙ, яя, ее. *Имеющий размер между средним и малым (об обуви).* Двѣсти чарков средних и поподсередних и маля ... отявил ... шестьдесятеры чарки средних и поподсередних и маля (№ 32869, л. 75 об., Сольвыч., 1722). Ис тридцати из двух кож красных по перешивке триста пядьдесятеры чарки средних и подсередних и поподсередних триста чарков маля (№ 32750, л. 14 об., Уст. В., 1722).

РАЗБИТНОЙ (роз-), ая, о е. 1. *Отдельный, не составляющий комплекта.* Два фунтовика медных розбитных и с весками (№ 32756, л. 74 об., Уст. В., 1726). Семдесят пуд гир розбитных ... дватцат пуд гир розбитных (ф. 1418, № 3, л. 3, Српхв., 1736). Десетъ фунтовиков медных разбитных (ф. 1361, № 11, л. 16, Астрах., 1746).

2. *То же, что разбивной.* Сорокъ аршинѣ сукна розбитного по цветам (ф. 1361, № 11, л. 10, Астрах., 1746). Тысеча четьреста сорок концов холста в трубках и розбитнаго уского (ф. 1361, № 12, л. 87, Астрах., 1746).

3. *Разделанная на куски?* (о рыбе) Семнатцат рыб матерых розбитных по шти мѣсть в рыбе (№ 32815, с. 27, М., 1738). Двести четьрнатцать рыб розбитных матерых по шти мѣсть в рыбе (№ 32815, с. 29, М., 1738).

РАЗНОВѢС (розн-), а, м. **В разновѢс** (продать). *По частям, мелкими партиями.* Продали в розновѢс пермской соли сорокъ шесть мѣховѣ (№ 32747, л. 88 об.,

Болхов, 1725). Продали в разновѣс пермской соли сто тритцать шесть мѣхов (№ 32747, л. 103, Болхов, 1725).

СНУРОК, р ка, м. *Шелковые, гарусные и под. пуговицы, шитые в виде шнурка или нанизанные на шнурок.* Њ портишь пугвиць шелковыхъ на шнурках (№ 32762, л. 25, Арх., 1719). Сто дватцат пять портишь пугвиць шелковых на шнурках (№ 32756, л. 56, Уст. В., 1726). || *Единица счета таких пуговиц: дюжина (?)*. Двѣсти пятьдесят шнурков пугвиць шелковых (№ 32762, л. 46, Арх., 1719). Сто шнурковъ пуговиць обшивных (№ 32772, л. 122, Курск, 1720). Пятдесят шнурков пугвиць шелковых (№ 32750, л. 213, Уст. В., 1722). Двѣсти сорокъ девят шнурковъ портищевых русских шелковых (№ 32742, л. 137, Арх., 1725).

УПРОДАЖА, и, ж. *Продажа части товара.* А за тою упродажею явил остаток непроданог товару сто сорокъ четыре постава камокъ пятиланых (№ 32750, л. 201 об., Уст. В., 1722). Явил привозных з Благовѣщенской ярмонки ... остальных за упродажею пятнатцать коробокъ очковъ в мѣди простых (№ 32742, л. 372, Арх., 1725). Москвитин Иван Травников ... упродал в аранибурской ярмонки дватцат восем чепцов шитыхъ мишурою ... с той упродажи пошлинной платеж по указу писан за рукою ларечного Матвея Игнатова ... а осталою товар привез в Москву (№ 32807, с. 110, М., 1737). Явил орловской купецъ ... товару соратовской ево покупки за орловскою упродажею сто девяноста осетровъ коренных тринацеть пудъ икры засолной (ф. 829, № 1142, л. 2, Мценск, 1742).

ЧЕТКОЮ, нареч. *По счету.* По досмотру целовалника Павла Парфентьева вышеписанная рыба четкою всходствѣ (№ 32788, л. 83 об., М., 1726). По досмотру чай в трех цыбиках а протчие товары четкою (№ 32804, л. 8 об., М., 1737). Бадьянь в трех ширяхъ а китаика четкою (№ 32804, л. 44, М., 1737). По досмотру означенного целовалника по явке семга в сорокъ кулях моржины четкою ... и кожи в сходстве (№ 32815, с. 90, М., 1738).

ШИРЯ, и, ж. *Обертка на товаре из кожи или шкуры.* В девяти ширях в них РЉ тюнеи да Ъ конца китаики тюневою разныхъ цвѣтовъ (№ 32762, л. 72, Арх., 1719). | *Упаковка чая, бадьяна.* Ѓ шири бадьяну вѣсомъ ЗЙ п А фу с ширями и с плетюхами ... АЇ ширеи бадьяну вѣсом МЃ пуда К фу с ширями и с плетюхами (№ 32762, л. 72, Арх., 1719). Бадьянь в дву ширях да в дву мешках (№ 32804, л. 23 об., М., 1737). Чай в пети ящиках да в семи ширях (№ 32804, л. 60 об., М., 1737).

ЛИТЕРАТУРА

Глушкова 1965: Глушкова К.Д. О принципах лексического анализа (на материале Илимской таможенной книги 1649 года) // Труды Иркутского гос. ун-та. Т. 36. Серия языкознание. Вып. 2. Иркутск, 1965, 75–91.

Даль 1955: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Москва, 1955.

Каменцева, Устюгов 1975: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. Москва, 1975.

Ларин 1959: Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Ленинград, 1959.

Курц 1915: Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

Лебединская 2014: Лебединская В.Г. История русской метрологической системы: Лингвистический аспект. Пятигорск, 2014.

Майоров 2011: Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. Москва, 2011.

Малышева 1994: Малышева И.А. Метрология тканей в таможенных книгах XVIII века // Проблемы исторической терминологии. Красноярск, 1994, 35–46.

Малышева 1996: Малышева И.А. Из истории названий денежных единиц XVIII века // Проблемы славянской филологии. Самара, 1996, 35–41.

Малышева 1997: Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997.

Малышева 1999: Малышева И.А. Об источниках «Словаря торговой лексики XVIII века» // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Сб. научных ст. Ч. 1. История русского языка и диалектология. Смоленск, 1999, 89–93.

Малышева 2001: Малышева И.А. Материалы для Словаря торговой лексики XVIII века: обозначение точного количества товара нечисловыми способами // Русский язык и литература: вопросы истории, современного состояния и методики их преподавания в вузе и школе: Общероссийская научная конференция языковедов России. Ч. 1. Самара, 2001, 14–21.

Малышева 2002a: Малышева И.А. Проблема дефиниций в Словаре торговой лексики XVIII века // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века: Научный сборник. Материалы Международного симпозиума, посвященного 200-летию со дня рождения В.И. Даля. Владивосток, 2002, 249–256.

Малышева 2002b: Малышева И.А. Об одном типе таможенных книг XVIII века (ярмарочные книги) // Региональные памятники деловой письменности XVII–XVIII веков: материалы и исследования. Хабаровск, 2002, 42–59.

Малышева 2004: Малышева И.А. Об одном аспекте лингвистического исследования делового текста XVIII века // Слово. Словарь, Словесность: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию проф. С.Г. Ильенко. Санкт-Петербург, 2004, 296–302.

Малышева 2005a: Малышева И.А. О Словаре торговой лексики XVIII века // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Материалы Всероссийской Академической школы-семинара. Санкт-Петербург, 2005, 296–304.

Малышева 2005b: Малышева И.А. Наименования лиц, занимающихся торговлей, в таможенных документах XVIII века // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 6. Санкт-Петербург, 2005, 99–108.

Маслаковец 1914: Маслаковец Н.Г. Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII века по России (П.Я. Марпергер о русской торговле). Киев, 1914.

Новоторг. устав 1667: Полное собрание законов Российской Империи. Т. I. Москва, 1830.

Пам. Сиб. 1885: Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. вторая (1713–1724). Санкт-Петербург, 1885.

Петрушевский 1849: Петрушевский Ф.И. Общая метрология. Ч. 1–2. Санкт-Петербург, 1849.

Раздорский 2007a: Раздорский А.И. Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (Количественная, хронологическая и географическая характеристика) // Археографический ежегодник за 2005. Москва, 2007, 394–462.

Раздорский 2007b: Раздорский А.И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г. Исследование. Текст. Комментарии. Санкт-Петербург, 2007.

Раздорский 2011: Раздорский А.И. Мерные и тарные единицы в таможенных и кабацких книгах русских городов XVII — первой половины XVIII в. (на примере курских, белгородских, вяземских и можайских источников) // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2011. № 4, 74–83.

Раздорский 2013: Раздорский А.И. Таможенная книга Яицкого Гурьева городка 1725 г. // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. Москва, 2013, 438–448.

Романова 1975: Романова Г.Я. Наименование мер длины в русском языке. Москва, 1975.

Романова 2017: Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. Москва, 2017.

Сахаров 1851: Сахаров И.П. Торговая книга // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. Т. I. Ч. III. Санкт-Петербург, 1851, 106–139.

Сл. манг. пам.: Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв. / Составитель и автор Н.А. Цомакион. Красноярск, 1971.

Сл. промысл. лекс.: Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1–3. Санкт-Петербург, 2003–2015.

СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. Москва, 1975–2019–.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2021.

СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22–. Ленинград; Санкт-Петербург, 1984–2019–.

Струмилин 1957: Струмилин С.Г. О мерах феодальной России // Вопросы народного хозяйства СССР. Москва, 1957, 7–32.

Тариф 1724: Тариф Санктпетербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского, портов. Санкт-Петербург, 1724.

Торг. устав 1724: Морской Торговый Регламент и Устав // Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. Москва, 1830.

Трусович 1882: Трусович Х. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX века). Москва, 1882.

Чебыкина (ред.) 2012: Таможенные книги Великого Устюга середины XVIII века / Сост. Г.Н. Чебыкина (отв. ред.), М.С. Черкасова. Вологда, 2012.

Шостыин 1990: Шостыин Н.А. Очерки истории русской метрологии. XI — начало XX века. Москва, 1990.

ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ ИНСТИТУТА ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА АН ЧР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Петр НЕЙЕДЛЫ

Институт чешского языка Академии наук ЧР
Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR
(Прага, Чешская Республика)
<https://orcid.org/0000-0001-5012-4632>
nejedly@ujc.cas.cz

Штепан ШИМЕК

Институт чешского языка Академии наук ЧР
Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR
(Прага, Чешская Республика)
<https://orcid.org/0000-0002-2963-3341>
simek@ujc.cas.cz

Милослава ВАЙДЛОВА

Институт чешского языка Академии наук ЧР
Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR
(Прага, Чешская Республика)
<https://orcid.org/0000-0002-2446-1659>
vajdlova@ujc.cas.cz

Статья представляет три коллективных проекта, реализованных отделом развития языка Института чешского языка Академии наук ЧР и посвященных, в первую очередь, проблемам лексикографии: «Электронный словарь древнечешского языка», «Сетевой словотолковник» и «Лексическая база данных чешского языка эпохи Гуманизма и Барокко». Каждый из этих проектов позволяет широкой публике познакомиться с научной информацией об истории чешского языка и может быть полезен для славистов, занимающихся диахронической лингвистикой.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, древнечешский язык, старочешский язык, словарь, база данных, интернет-портал

INTERNET LEXICOGRAPHIC PROJECTS OF THE CZECH LANGUAGE INSTITUTE CAS, FOCUSING ON HISTORICAL CZECH

Petr NEJEDLÝ

Czech Language Institute CAS
(Prague, Czech Republic)

Štěpán ŠIMEK

Czech Language Institute CAS
(Prague, Czech Republic)

Miloslava VAJDLOVÁ
Czech Language Institute CAS
(Prague, Czech Republic)

This article presents three collective projects implemented by the Department of Language Development of the Czech Language Institute of the Czech Academy of Sciences, focusing primarily on problems of lexicography: *Electronic Dictionary of Old Czech*, *Web Vocabular* and *Lexical Database of the Czech Language of the Humanist and Baroque Period*. Each of these projects allows the general public to get acquainted with scientific information about the history of the Czech language and may be useful for Slavists dealing with diachronic linguistics.

Keywords: lexicology, lexicography, Old Czech, Middle Czech, dictionary, database, web portal

Введение¹

Отдел развития языка Института чешского языка Академии наук Чешской Республики (Ústav pro jazyk český AV ČR; ÚJČ) был основан в 1948 году (Dvořáčková 2011: 160) с целью «комплексной научной реконструкции словарного состава чешского языка на основе памятников, возникших с первых лет письменности до конца XV века» (Navránek 1968: 7). Результатом этой работы стал большой академический «Словарь древнечешского языка» (*Staročeský slovník*, далее StČS 1968–2008). За более чем семьдесят лет существования отдела область его исследований расширилась за пределы словарного состава Средних веков. Тем не менее, изучение лексики и создание лексикографических трудов и сегодня остаются его приоритетами.

Наша статья знакомит читателей с тремя коллективными проектами, посвященными, в первую очередь, проблемам лексикографии. Первый проект посвящен «Электронному словарю древнечешского языка» (*Elektronický slovník staré češtiny*, далее ESSČ); второй — «Сетевому словотолковнику» (*Vokabulář webový*, далее VW), т.е. платформе, на которой представлен не только вышеупомянутый словарь, но и ряд других материалов, предназначенных для всех, кто занимается историей чешского языка; третий — «Лексической базе данных чешского языка эпохи Гуманизма и Барокко» (*Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*, далее LDHБČ). Каждый из этих проектов позволяет широкой публике ознакомиться с научной информацией об истории чешского языка и может быть полезен не только для богемистов, но и для славистов, занимающихся диахронической лингвистикой.

¹ Данная статья создана при поддержке Проекта долгосрочного концептуального развития Института чешского языка Академии наук ЧР RVO: 68378092 с использованием данных и инструментов, разработанных в рамках исследовательской инфраструктуры LINDAT/CLARIAH-CZ (<https://lindat.cz>), спонсируемой Министерством образования, дел молодежи и спорта Чешской Республики (проект № LM2018101).

Электронный словарь древнечешского языка — основная характеристика

ESSČ — это одноязычный исторический толковый интернет-словарь, отражающий словарный состав чешского языка от начала письменности до конца XV века. Призванный познакомить пользователей с научным описанием древнечешской лексики², он создан на базе материала, хранящегося в лексической картотеке StčS, которая содержит около полутора миллионов записей (Homolková 2007: 225–226).

Работа над ESSČ ведется с 2005 года, когда руководство ÚJČ по причине чрезмерных временных затрат остановило проект StčS. Главной задачей ESSČ было в кратчайшие сроки опубликовать статьи, посвященные лексемам алфавитного раздела от *při-* до *ž*, на тот момент не включенным в имеющиеся словари. Позже было принято решение отказаться от дифференцированного подхода и алфавитных ограничений в пользу более глубокого лексического анализа. В настоящее время в ESSČ представлены результаты трех моделей анализа и описания древнечешской лексики, применявшихся на каждом из этапов развития словаря и отразившихся в его макро- и микроструктуре (см. ниже, ср. Vajdllová 2018).

Принципы составления

На всех этапах развития ESSČ подход к древнечешскому словарному составу оставался неизменным. В соответствии с теорией Пражской лингвистической школы и практикой StčS авторы ESSČ понимают словарный запас как структурированную систему с центром и периферией, в которой одни элементы образуют связи с другими (TLP 1966), а лексему как внутренне структурированную единицу, обладающую уникальными формальными и содержательными свойствами (StčS 1968: 20–35). Концепция ESSČ в общих чертах и в упрощенном виде повторяет концепцию StčS (StčS 1968: 16–49, Nejedlý et al. 2002) и опирается на труды ее ведущего автора Игоря Немца (см. прежде всего Němec 1965; 1968; 1975; 1980; 2009).

Словарные статьи ESSČ в большинстве случаев содержат лексемы, не являющиеся именами собственными. Из проприальной лексики в словаре выборочно представлены лишь историко-культурные имена; остальные имена собственные фиксируются, но не сопровождаются разъясняющей информацией. Встречающиеся в памятниках иноязычные вкрапления в ESSČ не включаются.

Многозначное слово рассматривается как единая лексическая единица и характеризуется одной статьей; омонимы анализируются по отдельности.

Как единая лексема воспринимаются также морфологические варианты слова³, основообразующие варианты глаголов и существительных⁴, а также семейства глаголов с приставками *s-*, *z-*, *vz-*, у которых на основании значения невозможно

² См. <https://vokabular.ujc.cas.cz/informace.aspx?t=ESSC&o=slovniky>.

³ Например, *kadeř f.*, *kadeř m.*

⁴ Например, *bostí*, позже *bodnutí*; *rámě*, позже *rameno*.

однозначно идентифицировать приставку и/или определить, идет ли речь о разных лексемах с отличной структурой значения или нет⁵.

В отличие от некоторых других диахронических словарей, ESSČ не объединяет в одной статье словообразовательные варианты или словообразовательно близкие лексемы одного семейства. Исключением из этого правила являются прилагательные, заканчивающиеся на *-ní*, *-ný*, *-ovní*, *-ovný*⁶, которые, ввиду особенностей чешской рукописной орфографии, нельзя с уверенностью отличить друг от друга. Кроме того, в словаре не применяется гнездовой принцип расположения материала.

Заглавные слова в соответствии с практикой современной чешской исторической лексикографии (*Slovník staročeský* Яна Гебауэра (далее GbSlov), StČS 1968–2008) реконструированы в предполагаемой фонетической форме начала XIV века (около 1300 года). В заглавии статьи фиксируются также фонетические (но не орфографические) варианты лексемы, а также приводится ее основная морфологическая характеристика. Кроме того, ESSČ отслеживает развитие формы и морфологических характеристик описываемых слов.

При толковании лексемы учитывается предполагаемое развитие ее значения. Отдельные значения разъясняются как современными чешскими эквивалентами, так и с помощью описательного толкования, в котором подчеркиваются важнейшие смысловые аспекты понятия. При определении значения слова внимание уделяется его компонентному анализу, а также валентности и сочетаемости. Словарное определение в обусловленных случаях включает в себя стилистическую характеристику, морфологические ограничения и возможные изменения части речи. Лексикализованные словосочетания рассматриваются отдельно.

При необходимости словарные статьи завершаются примечаниями, содержащими ссылки на системно близкие лексемы (прежде всего синонимы и антонимы), комментарии к приведенным толкованиям или релевантную информацию в специальной литературе.

Характер структурных элементов ESSČ зависит от того, на каком из этапов работы они возникли.

До 2019 года ESSČ создавался под руководством Милославы Вайдловой; с 2019 года проект ведет Штепан Шимек.

ESSČ как авторский словарь без примеров, создаваемый по дифференциальному принципу в сопоставлении с *Малым древнечешским словарем*⁷ (2005–2010)

Возникший в 2005 году ESSČ продолжал алфавитный порядок StČS, последним заглавным словом которого было *pří*. Перед коллективом авторов встала задача в течение пяти лет составить описание лексических единиц от *pří*- до *Ž*. Учитывая

⁵ Например, *zcěžený/scěžený* ‘сцезенный, процеженный, сцезиванием избавленный от примесей и нечистот’.

⁶ Например, *lesní, lesný; duchovní, duchovný*.

⁷ *Malý staročeský slovník*, далее MSS. MSS — дифференциальный лексикографический справочник, составленный в первую очередь для студентов вузов.

масштабы работы, было принято решение исключить из будущего ESSČ лексемы, содержащиеся в MSS⁸. Поскольку основным приоритетом стало выполнение работы в установленный срок, составители были вынуждены значительно упростить описание лексических единиц и сократить объем статей по сравнению с StčS: были опущены мотивации слов, перечисление их валентностей и иллюстрации отдельных значений примерами из средневековых памятников. Кроме того, помимо имен собственных из словаря были исключены и образованные от них лексемы. Каждая статья считалась авторской работой, ее содержательная часть не подвергалась редакции или унификации по установленному образцу; публикации предшествовала лишь проверка формальных характеристик и грамматической информации.

Различие задач и подходов, которыми руководствовались составители ESSČ и MSS, неизбежно привело к несоответствиям и противоречиям в лексикографическом описании упомянутого раздела древнечешского словарного запаса. В MSS форма заглавного слова не всегда реконструирована к началу XIV века, поскольку лексемы приведены в форме, зафиксированной в древнечешских памятниках (MSS: 6). В результате некоторые слова или их семейства, встречающиеся в разных, не связанных друг с другом формах, оказались включены как в MSS, так и в ESSČ⁹. Помимо этого, MSS нередко рассматривает основообразующие варианты лексем с одним значением или других родственных слов в рамках одной словарной статьи.

Однако важнейшее отличие между обоими словарями заключалось в дифференциальном подходе MSS к выбору лексем и их толкований. Словарные статьи MSS, как правило, указывают лишь некоторые значения слов — и главным образом (а порой и исключительно) лексем, значение которых в современном чешском изменилось (MSS: 6)¹⁰. Словарные определения при этом не всегда точны, а в некоторых случаях и вовсе отсутствуют. ESSČ, напротив, подает подробную информацию о лексических единицах, вследствие чего бросается в глаза диспропорция в описаниях отдельных семейств, включенных в оба словаря.

На первом этапе работы ESSČ было проанализировано 51 500 статей рабочего словника и опубликовано 17 500 полных словарных статей (Vajdllová 2011: 29).

ESSČ как авторский словарь без примеров, описывающий весь словарный состав языка от А до М (2010–2016)

Вышеперечисленные проблемы и диспропорция между толкованиями лексем в MSS и ESSČ вызвали необходимость изменить подход к форме и объему статей при описании следующего алфавитного раздела. На втором этапе работы были в полной мере характеризованы все идентифицированные древнечешские лек-

⁸ MSS также опубликован на портале VW (см. ниже).

⁹ Ср., например, статьи MSS *strávený*, *vezda/vežda*, *vezdajší/vezdajší* и статьи ESSČ *ztrávený*², *vešda*, *vešdajší*.

¹⁰ Например, статьи *psáti*, *řezaný*, *váha*, *vzdáti*.

сические единицы, начинающиеся на буквы от *A* до *M*¹¹. Опираясь на предыдущий опыт, авторы словаря отказались от идеи комбинирования концептуально несовместимых ESSČ и MSS. Кроме того, были составлены новые описания всех лексем, представленных в «Древнечешском словаре» Яна Гебауэра (GbSlov), созданного по методологии своего времени, значительно отличающейся от сегодняшней, на ограниченном материале и недостаточно репрезентативной выборке; параллельные лексемы в GbSlov не всегда описаны единообразно, некоторые содержащиеся в нем слова впервые встречаются в XVI веке, а в статьях, посвященных определенному типу слов, отсутствуют современные чешские эквиваленты и/или толкования значений.

В эти годы ESSČ по-прежнему развивался как авторский словарь без примеров и редактуры, обеспечивающей единообразную подачу материала. Тем не менее, был последовательно реализован стандартный лексический анализ материала и проведено цельное толкование лексических единиц. Обязательной частью словарной статьи у мотивированных лексем стала информация о мотивирующей лексической единице или ссылка на ближайшее родственное слово.

Отсутствующие иллюстративные цитаты словарных статей должны были компенсироваться примерами GbSlov. Поскольку многие лексемы в GbSlov отсутствуют, авторы старались восполнять недостаток примеров иначе: например, в толковании значения приводили факультативную сочетаемость лексической единицы, а в примечании систематически обращали внимание на частое использование лексемы в данном конкретном памятнике и типе текстов или у определенного автора.

На данном этапе работы стало очевидно, что для создания качественного, изобавленного от противоречий, единообразного описания словарного состава невозможно обойтись без редактуры и примеров, иллюстрирующих значения лексем, включенных непосредственно в статьи ESSČ. Упрощенная унифицированная редакция была опробована на разделе, содержащем слова, начинающиеся на букву *M*, который, впрочем, был представлен широкой публике все еще без примеров.

На втором этапе работы ESSČ было проанализировано более 47 400 статей рабочего словника и опубликовано около 14 000 полных словарных статей.

ESSČ как редактируемый словарь с выборочными иллюстративными примерами (с 2017 года)

Третий этап работы над ESSČ, начавшийся в 2017 году, сосредоточен на лексикографическом разборе слов от *Přib* до *Ž*, ранее описанных лишь в MSS. Слишком короткая и упрощенная форма словарных статей, ставшая результатом подхода, применявшегося на первом этапе, равно как и потребность в унифицированной характеристике отдельных лексических семейств, ономаσιологических

¹¹ Слова, начинающиеся на букву *M*, были выбраны по той причине, что лексемы на *N* уже в полной мере были включены в StČS.

категорий, семантических и понятийных полей и т. д., содержащихся в этой части древнечешского словарного состава, вызвали необходимость ревизии исходного дифференциального описания лексики. В результате все словарные статьи данного раздела подверглись серьезной переработке (Vajdlová 2019).

От предыдущих эта фаза отличается, в первую очередь, отказом от авторского характера статей, не содержащих примеров. Теперь в статьях последовательно приводится подробное толкование значения (или значений) лексемы, словообразовательные данные, а также информация о формальном и грамматическом развитии слова. Каждое значение в обязательном порядке иллюстрируется двумя примерами из древнечешских текстов: во-первых, одним из наиболее ранних, во-вторых — репрезентативным, имеющим лексикографическую ценность и наглядно отражающим значение, а в тех случаях, когда это возможно — основную валентность и сочетаемость, контекст и жанр (Fuková et al. 2019: 7–9). Словарные статьи корректируются при помощи унифицирующей семантической и графематической редактуры.

Основная цель третьего этапа работы над ESSČ — доведение вышеупомянутого алфавитного раздела ESSČ до уровня дополнения к незавершенному StčS, пусть и более сжатого, но при этом соизмеримого и качественного как в лексикологическом, так и в лексикографическом аспекте.

Описание словарного состава древнечешского языка

по завершении третьего этапа работы над ЭССЯ

(за основу взята таблица в публикации (Fuková, Pytlíková 2021: 268–269))

	<i>A–M</i>	<i>N–při</i>	<i>Přib–Ž</i>
StčS (1968–2008)	—	полное описание, иллюстрированное примерами	—
ESSČ (2006–)	ESSČ, II этап подробное описание, без примеров	—	ESSČ, III этап подробное описание, с базовыми примерами

Сетевой словотолковник — история и задачи

VW изначально предназначался для публикации ESSČ: к разработке функций поиска и интернет-среды сотрудники ÚJČ приступили вскоре после составления первых статей. Сайт был запущен в 2006 году под названием «Сетевой словотолковник — интернет-портал исторических словарей», что отражало исходный план использовать приложение исключительно для публикации текстовых словарей. Постепенно на платформе VW стало появляться большое количество источников разных типов, вследствие чего она получила новое название — «Сетевой словотолковник — интернет-портал источников для изучения истории чешского языка» — подробнее о создании, развитии и использовании VW см. (Černá 2007;

Černá 2011; Černá, Lehečka 2016; Vajdlová 2007; Dušek 2017). Помимо современных диахронических толковых словарей в VW можно найти электронные издания и цифровые копии старых словарей, электронные издания памятников чешской письменности, языковые базы данных, научную литературу, цифровые копии старопечатных грамматических справочников, аудиокниги, а также веб-инструменты, которые могут быть полезны для подготовки электронных изданий или языкового анализа текстов. Многие источники представлены не только в текстовой, но и в звуковой форме или в виде изображений. Условием размещения того или иного материала на портале является его соответствие высоким научным требованиям.

Структура и содержание VW сегодня

VW предоставляет широкой публике доступ к различным материалам, для презентации которых предусмотрены соответствующие функции. Каждая группа источников размещена на отдельной интернет-странице; для выбора одной из них достаточно открыть соответствующую закладку на главной странице VW.

На странице *Древнечешские словари* пользователь может ознакомиться с составом современных диахронических словарей: ESSČ, StčS, GbSlov, MSS и «Древнечешского словарика» Франтишека Шимека (Šimek 1947). Кроме того, в этот раздел помещен и «Словоуказатель Словаря древнечешских имен собственных» Яна Свободы¹². Требуемое слово или сочетание знаков можно искать в самостоятельно выбранных источниках или же просматривать подряд словарные статьи, расположенные по алфавиту.

На странице *Банки текстов* находится постоянно расширяющийся корпус древнечешских и старочешских памятников¹³, процент лемматизации которых постоянно растет. В основу корпуса легли электронные издания рукописей, инкунабул и старопечатных книг конца XIII — начала XIX века, подготовленные сотрудниками Отдела развития языка. Пользователь может работать с банками текстов по отдельности (в программе, созданной специально для VW) или с помощью корпусного интерфейса Института Чешского национального корпуса *Kontext*¹⁴, который позволяет анализировать все тексты одновременно, создавать подкорпусы и искать лексемы по лемме. По состоянию на январь 2022 года *Банк древнечешских текстов* содержит более 6,5 миллионов токенов, а *Банк старочешских текстов* — более одного миллиона токенов. Таким образом, корпус VW является самым крупным диахроническим корпусом чешского языка¹⁵.

¹² Подробнее о Словоуказателе см.: <https://vokabular.ujc.cas.cz/informace.aspx?t=IndexSvob&=slovníky>.

¹³ Старочешским языком считается язык памятников, созданных в 1500–1780 годы.

¹⁴ См. <https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=syn2020>.

¹⁵ Например, диахронический корпус Института Чешского национального корпуса в настоящее время содержит 3,5 миллиона токенов (см. <https://wiki.korpus.cz/doku.php/cnk:uvod>), при этом 54 % из них представляют тексты, написанные в XIX и XX веках (см. <https://wiki.korpus.cz/doku.php/en:cnk:diakorp>).

Большая часть текстов, представленных в банках текстов (и, соответственно, в корпусе), также доступна в форме полных транскрипций, опубликованных на странице *Издания*. В настоящий момент раздел содержит 309 памятников, каждый из которых сопровождается издательским примечанием и критическим комментарием.

Важным источником познания чешского ушедших эпох служат грамматические справочники. На странице *Грамматики* опубликовано 113 цифровых копий таких трудов, написанных в период с XV по XIX век. Их оригиналы хранятся как в фондах ÚJČ, так и в других чешских и зарубежных библиотеках. Пользователь может не только просматривать цифровые копии по отдельности, но и осуществлять в них поиск по метаязыковой информации, в первую очередь — по лингвистическим терминам, аннотация которых проведена в каждом памятнике. Все публикации сопровождаются библиографической и книговедческой характеристикой.

Наиболее значимым текстом для исследователя словарного состава чешского языка эпохи раннего национального возрождения, а также старочешского периода, служит «Немецко-чешский словарь» Йозефа Юнгманна (JgSlov). В модуле *Цифровые словари* опубликована цифровая копия экземпляра этого словаря, некогда принадлежавшего непосредственно Юнгманну (о чем свидетельствуют и его собственноручные дополнения и исправления), а сегодня хранящегося в библиотеке ÚJČ. Словарь, как и другие материалы VW, можно просматривать постранично — или искать в нем статьи по транскрипции и транслитерации заглавных слов.

Страница *Специальная литература* призвана сделать доступными для всех интересующихся ключевые научные труды, в центре которых стоят вопросы исторического развития чешского. На сегодня в разделе представлены все четыре тома «Исторической грамматики чешского языка» Яна Гебауэра (Gebauer 1929; 1958; 1960; 1963) и две монографии Игоря Немца, основные идеи которых легли в основу концепции StčS и ESSČ (Němec 1968; 1980). Помимо просмотра транскрибированных версий книг, раздел дает возможность полнотекстового поиска в них. Электронное издание трудов Гебауэра дополнено цифровой копией оригинала: фотография соответствующей страницы отображается при нажатии на ее номер в транскрипции.

Страница *Аудиокниги*, предназначенная для образовательных целей и популяризации деятельности ÚJČ, предлагает для бесплатного использования аудиозаписи (в форматах WAV, MP3 и OGG) *Избранных произведений древнечешской прозы* (в том числе фрагментов *Оломоуцкой Библии*, *Книжек о шахматах* Томаша Штитного, *Ткача* и *Пассионала*), а также сатиры 1518 года *Право Франты*.

Научную ценность, не в последнюю очередь с точки зрения исторической лексикографии, представляют материалы, размещенные на странице *Источники*. В нем с помощью списка всех вышеупомянутых словарей и трудов можно перейти как к самим источникам, так и к паратекстам (например, к предисловиям или спискам сокращений). Помимо этого, в модуле представлены цифровые копии картотеки для GbSlov. Наибольший же интерес представляют электронные издания

одиннадцати словарей XVI–XIX веков — транслитерированные (а в редких случаях и транскрибированные) рукописи и старопечатные книги, среди которых — «*Nomenclator tribus linguis*» Даниэла Адама из Велеславина (1586), «*Thesaurus Linguae Bohemicae*» Вацлава Яна Росы (вторая половина XVII века) и «*Deutsch-böhmisches Wörterbuch*» Йозефа Добровского (1821). Поиск осуществляется исключительно в рамках отдельных словарей; *Nomenclator* Велеславина дополнен цифровыми копиями страниц оригинала.

Страница *Инструменты* содержит программы и приложения, которые могут быть полезны при подготовке изданий исторических текстов или при их анализе: электронную среду *Transcriptorium*, проверочную линейку, нестандартные знаки или приложение для проверки древнечешской орфографии в *MS Word*. Для лексикологических и лексикографических целей предназначен инструмент анализа токенов, а также приложения *Древнечешские образцы* и *Древнечешские формы слов*. Программа *DocxToXml* помогает перевести текст в формат xml. Все инструменты доступны для скачивания с исходными кодами, что позволяет приспособить их к различным языковым средам и потребностям пользователей.

VW постоянно растет и развивается; в настоящее время ведется подготовка новой версии портала, которая будет отличаться устройством и структурой, обеспечивающей пользователям и авторам не только более быстрый поиск, но и возможность одновременно работать с источниками, которые ранее были доступны лишь по отдельности. Так, например, современные диахронические словари планируется объединить с историческими, благодаря чему станет возможным более эффективное изучение развития словарного состава языка на основе описаний прошлых веков, сопоставленных с научной рефлексией Новейшего времени.

Лексическая база данных чешского языка эпохи Гуманизма и Барокко. Основная характеристика

LDHBČ отражает словарный состав чешского языка в эпоху раннего Нового времени. База данных содержит лексические единицы, зафиксированные в памятниках письменности и представленные в аутентичном контексте их употребления¹⁶.

Мотивы создания базы данных

Основным импульсом к появлению LDHBČ стало отсутствие репрезентативного словаря чешского языка XVI–XVIII веков. Словарный состав этого периода частично описан в JgSlov, включающем в себя материал текстов, возникших с первых лет чешской письменности до начала XIX века, среди которых

¹⁶ См. <https://madla.ujc.cas.cz>. — Часть информации о LDHBČ, включенной в нашу статью, почерпнута с вводной страницы портала.

в незначительном количестве и далеко не всегда в достоверной форме встречается старочешская лексика. Однако, учитывая характер источников, которыми пользовался Юнгманн, этот материал очень неоднороден и ограничен, и потому не может быть полноценно использован лингвистами. В сокращенной форме словарный состав этой эпохи (прежде всего XVI века) включен в GbSlov. Данная ситуация резко контрастирует с состоянием изучения лексики древнечешского языка или языка XIX–XXI веков.

Созданию словаря старочешского препятствует недостаток лексического материала, который в должной мере отражал бы язык трех веков, в соответствии с требованиями эпох Ренессанса и Барокко. Важные общественные и культурные перемены — главным образом, уход от схоластического образа мысли, расцвет гуманистической науки и протестантской теологии — дали толчок к выработке гораздо более сложного мировоззрения, отличного от средневекового и, безусловно, нашедшего свое отражение в языке. Следствием активного развития сети школ стал рост грамотности, а вместе с ней — увеличение количества авторов и реципиентов письменных текстов; прогресс в области книгопечатания привел к умножению книжной продукции; усиление мобильности в Европе и на Ближнем Востоке углубило межкультурные контакты, а войны и политические (равно как и конфессиональные) коллизии привели к необходимости сосуществования и коммуникации носителей разных языков (Nejedlý 2018a). В отличие от предыдущей (средневековой) фазы своего развития словарный состав малого языка, каким на тот момент являлся чешский, значительно расширился. Согласно нашим предположениям, в XVI–XVIII веках в нем насчитывалось от 120 000 до 150 000 уникальных лексических единиц (Nejedlý 2018a: 429), для полного описания которых требуется не менее трех миллионов записей в базе данных (Nejedlý 2007: 127).

Разработка и развитие базы данных

База данных возникла в результате сотрудничества группы научных работников Отдела развития языка ÚJČ под руководством Петра Нейедлы при активном участии студентов и студенток богемистики (Lehečka, Martínek, Vajdlová 2007). Непосредственной «предшественницей» базы данных LDHVBČ является картотека с эксцерптами из памятников XVI–XVIII веков, содержащая около 550 000 записей, которую в 1970–1990-е годы XX века собрал сотрудник ÚJČ Зденек Тыл (1913–2008; см. (Тыл 1984; 1994)). В 2004 году, когда картотека перешла в собственность ÚJČ, были созданы концепция и структура LDHVBČ, с тех пор претерпевшие лишь незначительные изменения. Непосредственная работа над базой данных началась в 2005 году. За дигитализацией картотеки Зденека Тыла последовало постепенное обогащение LDHVBČ материалом меньших по объему картотек ÚJČ сходного характера, проходившее в 2006–2009 годах; в итоге количество записей выросло до 750 000.

Второй этап развития LDHВЃ, начавшийся в 2009 году, заключается в добавлении новых записей — эксцерптов из ранее не привлекавшихся исторических памятников. К концу 2022 года LDHВЃ насчитывала почти 1 300 000 записей и 110 000 зафиксированных лексических единиц. Одним из принципов пополнения базы данных в настоящее время является такой выбор источников, который охватил бы все типы и жанры текстов исследуемого периода, начиная от памятников художественной и специальной литературы различных областей и заканчивая личными дневниками, корреспонденцией, административными бумагами и другими произведениями прагматической письменности.

Цели и задачи базы данных

LDHВЃ выполняет две основные функции:

1) помогает составить общее представление о словарном составе чешского языка в период с 1500 по 1780 год, расширяя и углубляя его образ, закреплённый прежде всего словарем JgSlov;

2) создает материальную базу, которая в будущем станет основой словаря чешского языка раннего Нового времени и/или других языковых справочников.

База данных доступна всем зарегистрированным пользователям: как специалистам, так и студентам богемистики и исторических специальностей. LDHВЃ будет открыта для широкой публики после проведения ряда структурных и содержательных изменений, завершение которых запланировано на 2023 год.

Описание базы данных

Помимо общей информации, размещённой в разделах *О проекте* и *Подсказка*, а также рекомендаций *Как цитировать базу данных*, портал LDHВЃ содержит главные модули *Примеры* и *Источники*, которые предоставляют возможность поиска конкретной лексики во всех источниках и знакомят с информацией о памятниках, использованных при создании базы данных. Кроме того, на странице *Комментарии* пользователь портала может напрямую обратиться к авторам со своим вопросом или предложением.

В режиме *Поиск* модуля *Примеры* пользователь может отобразить зафиксированные случаи употребления искомого слова — или же, наоборот, все лексические единицы, выписанные из того или иного источника. Более того, портал позволяет комбинировать оба запроса. В случае библейских текстов поиск может осуществляться в выбранном фрагменте Библии. Поле поиска можно расширить (или же, наоборот, ограничить) параметрами *Лемма* и *Слово* (см. ниже).

Модуль *Источники* содержит ключевую информацию о каждом тексте, из которого производилась эксцерпция: его название, имя автора (или авторов), аббревиатуру источника в базе данных, а там, где это возможно — сведения о редакторе, переводчике, издателе, дате и времени публикации произведения, его объеме, библиотечном инвентарном номере, а также о других подробностях. В описании

печатной книги, помимо прочего, приводится регистрационный номер, присвоенный ей в цифровом Каталоге чешских и словацких печатных книг, изданных в 1476–1800 годы (Knihopis). Кроме того, каждая запись содержит данные о количестве лексем, выписанных из источника.

С материалами, содержащимися в разделах *Примеры* и *Источники*, можно также ознакомиться в режиме постраничного просмотра, то есть просматривая все записи подряд по алфавиту, как в бумажных словарях.

Структура записи в базе данных

Каждая запись содержит цитату из исторического памятника, в которой зафиксировано исходное слово, отображенную в виде цифровой копии карточки с эксцерптом или набранного на компьютере фрагмента текста.

Такая цитата сопровождается дополнительными сведениями, обязательными из которых являются:

а) *Лемма*, или заглавное слово — системная (словарная) форма данной конкретной лексической единицы в предполагаемой фонетической и морфологической форме, реконструированной на момент около 1500 года; исключениями являются лексемы, вошедшие в словарный состав позже. Учитывая продолжительность периода, в который происходили отдельные фонетические изменения, при реконструкции системной формы отдельных слов авторы базы данных исходят из сведений исторических грамматических справочников, а также из собственных знаний, полученных при изучении лексического материала;

б) *Слово* — форма лексической единицы, непосредственно представленная в источнике. База данных сохраняет исходную фонетическую форму слова, представленного в источнике, которая может отличаться от леммы (так, например, лемме *stržěn* соответствует слово *střen*);

в) *Источник* — представленный аббревиатурой текст, из которого был выпи-сан пример употребления лексической единицы.

д) Иногда приводится дополнительная информация о лексеме: год создания (прежде всего у юридических документов) и страница источника, на которой расположен пример, а в случае современных изданий — номер соответствующего тома или журнала; у библейских текстов — название книги, номер главы и стиха. При необходимости база данных комментирует зафиксированную форму и/или меру достоверности записи, приводит этимологию заимствованных слов, а также толкование значения слова.

Принципы включения лексических единиц в базу данных

Понимание лексической единицы как части лексической системы соответствует концепции StčS (см. выше): лексическая единица — выражение, имеющее самобытные форму и содержание (StčS 1968: 20–22). Таким образом, заглавное

слово мы понимаем как самостоятельную форму лексемы, которая обладает, по меньшей мере, одним самостоятельным лексическим значением и состоит в структурных отношениях с другими лексемами, от которых отличается исключительным сочетанием формы и значения.

Поскольку результатом нашей работы является база данных, а не собственно словарь, приведенное выше определение применяется в общих чертах: лексическая единица включается в базу данных как единое заглавное слово; значения многозначных слов не рассматриваются отдельно, поскольку подробный семантический анализ релевантен уже для комплексного лексического анализа всего словарного состава, который, в свою очередь, должен исходить из большего количества языкового материала.

В отличие от стандартных словарей, LDHВЃ не рассматривает по отдельности ни предполагаемые, ни несомненные омонимы (*hýl* ‘снегирь; тележка землекопа’, *plýtvati* ‘плавать; расточать’). Лексемы, состоящие из нескольких слов, сопровождают лемму семантически ключевого слова (так, например, выражение *dáti na pamětnou* приводится под леммой *pamětná*; а выражение *nestáti za balatku* — под леммой *balatka*), включая и те случаи, когда ключевых слов несколько (так, выражение *z komára dělati velblouda* приводится под леммами *komár* и *velbloud*).

Для облегчения работы пользователя в LDHВЃ имена собственные приводятся в качестве самостоятельных лексических единиц даже в тех случаях, когда с формальной точки зрения являются идентичными апеллятивам (например, фамилия *Pekárek* и профессионализм *pekárek*)¹⁷. Прилагательные, являющиеся частью имен собственных, в многословных выражениях всегда приводятся под соответствующей апеллятивной леммой (так, сочетание *Harfové moře* приводится под леммой *harfový*).

Иноязычные вкрапления, встречающиеся в источниках, в базу данных не включены.

Принцип записи лексических единиц в базе данных

Лексические единицы в LDHВЃ приводятся в словарной форме. Как лемма, так и слово транскрибируются в соответствии с узусом современного чешского языка. Исключением из этого правила отчасти являются заимствованные слова: при определении их лемм особое внимание уделяется предполагаемой мере их включенности в чешскую лексическую систему. В поле *Лемма* мы приводим стандартную форму слова (*kavalér, exekutor, sofistický*), а в поле *Слово* — форму, встречающуюся непосредственно в источнике (*cavaglier, exequutor, sophistycský*). Кроме того, в слове мы сохраняем подтвержденное употребление диграфа *au*, сигнализирующего переходный этап до возникновения дифтонга *ou* (*dlauhost*).

¹⁷ База данных предоставляет возможность поиска слов, начинающихся с большой или с маленькой буквы.

Проблемы, возникающие при определении леммы и слова, часто связаны с долготой гласных, не всегда последовательно обозначенной в источниках и создающей трудности даже для современных издателей исторических текстов. По этой причине в случаях некоторых семейств или словообразовательных типов в учет берется продолжительность существования слова в языке, особенности его развития, роль в лексической системе, возможное влияние диалектов и т. д. Впрочем, поскольку мы ставим перед собой задачу представить словарный состав не конкретного текста, а всего языка; в вопросах долготы гласных решающую роль играют этимология и словообразовательные характеристики лексемы; при необходимости авторы LDHВČ обращаются к работе Милады Недведовой *Kvantita samohlásek ve starší češtině* (Nedvěďová s. a.).

Перспективы дальнейшего развития базы данных

Уже в первые годы своего существования LDHВČ обогатила наши знания о языке: благодаря ей удалось обнаружить доселе неизвестные лексемы (*hloun*, см. (Fuková, Nejedlý, Šimek 2019: 81)), объяснить форму и значение слов, долгое время остававшиеся неясными (*kloryt*, см. (Nejedlý 2018b); *nasádista*, см. (Nejedlý 2011)), найти самые ранние примеры употребления слов, знакомых нам по более молодым текстам (*kytara*), подтвердить предполагаемое происхождение некоторых лексических единиц (*he(j)ský* — современное *hezky*, см. (Rejzek 2012; 2015: s. v. *hezky*)), лучше понять некоторые грамматические и словообразовательные процессы (образование прилагательных цвета с помощью приставок *na-/ná-*, см. (Nejedlý 2010b)), а также пролить свет на взаимоотношения лексических единиц в системе и их развитие, равно как и развитие подсистем как целого (Nejedlý 2010a).

При этом мы не забываем о нашей главной цели — превратить базу данных LDHВČ в полноценный фундамент для стандартного словаря чешского языка раннего Нового времени, созданного на основе методологии, соответствующей требованиям современной лексикологии. Именно поэтому объем словарного материала должен быть таким, чтобы на его основе можно было проследить как внутрисистемные отношения лексических единиц, так и отношения внесистемные, т. е. их связь с рефлексией реальности в сознании носителей языка и с самой реальностью¹⁸. Этой цели мы планируем достичь в ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА

- Černá 2007:** Černá A.M. Zpráva o internetové aplikaci Vokabulář webový // Naše řeč. 2007. 90, 164.
- Černá 2011:** Černá A.M. Vokabulář webový — internetová platforma ESSČ (jeho současnost a budoucnost) // Jazykovědné aktuality. 2011. 48, 40–43.
- Černá, Lehečka 2016:** Černá A.M., Lehečka B. Vokabulář webový — webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny // Piorecký K. Ostrovy spolehlivého poznání. Elektronické informační zdroje Akademie věd ČR o společnosti a kultuře. Praha, 2016, 21–24.
- Dvořáčková 2011:** Dvořáčková V. Osudy Ústavu pro jazyk český. Praha, 2011.

¹⁸ О лингвистических аспектах будущего словаря подробнее см. (Fuková, Nejedlý, Šimek 2019).

Dušek 2017: Dušek J. Vokabulář webový a škola // Jazyk — Literatura — Komunikace. 2017. 6, 27–35.

ESSČ: Elektronický slovník staré češtiny. Praha, 2006—. <<https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>>

Fuková et al. 2019: Fuková I. et al. Návod ke zpracování ESSČ. Praha, 2019. Материал для внутреннего пользования.

Fuková, Nejedlý, Šimek 2019: Fuková I., Nejedlý P., Šimek Š. K připravovanému Slovníku raněnovověké češtiny // Naše řeč. 2019. 102, 76–87.

Fuková, Pytlíková 2021: Fuková I., Pytlíková M. Historical Online Dictionary as a Dynamic Process: Fourteen Years and Three Stages of the Electronic Dictionary of Old Czech // Van de Velde H., Dolezal F.T. Broadening Perspectives in the History of Dictionaries and Word Studies. Newcastle upon Tyne, 2021, 262–275.

GbSlov: Gebauer J. Slovník staročeský 1–2 (*a–netbalivost*).² Praha, 1970.

Gebauer 1929: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého 4. Skladba. Praha, 1929.

Gebauer 1960: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého 3. Tvarosloví 1. Skloňování.² Praha, 1960.

Gebauer 1963: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého 1. Hláskosloví.² Praha, 1963.

Gebauer 1963a: Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého 3. Tvarosloví 2. Časování.² Praha, 1958.

Havránek 1968: Havránek B. Předmluva // Staročeský slovník. Úvodní stati, soupis pramenů a zkratk. Praha, 1968.

Homolková 2007: Homolková M. Historická lexikografie // Pleskalová J., Krémová M., Večerka R., Karlík P. Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky. Praha, 2007, 199–242.

JgSlov: Jungmann J. Slovník česko-německý. Praha, 1835–1839.

Knihopis: KPS-Databáze Knihopis. <<https://www.knihopis.cz>>

Lehečka, Martínek, Vajdlová 2007: Lehečka B., Martínek F., Vajdlová M. Příspěvek k poznání české slovní zásoby doby střední // Kamper-Warejko J., Kaproň-Charzyńska I., Kulwicka-Kamińska J. Studia nad słownictwem dawnym i współczesnym języków słowiańskich. Toruń, 2007, 97–102.

LDHBČ: Nejedlý P. et al. Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny. Praha, 2010. <<https://madla.ujc.cas.cz>>

MSS: Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha, 1979.

Nedvěďová s. a.: Nedvěďová M. Kvantita samohlásek ve staré češtině. Неопубликованная диссертация.

Nejedlý 2007: Nejedlý P. Rekonstrukce sémantického vývoje lexikálních jednotek v období humanismu a baroka // Kamper-Warejko J., Kaproň-Charzyńska I. Z zagadnień leksykologii i leksykografii języków słowiańskich. Toruń, 2007, 127–134.

Nejedlý 2010a: Nejedlý P. Diskontinuita jazykového vývoje a lexikální systém // Čmejrková S., Hoffmannová J., Havlová E. Užívání a prožívání jazyka. Praha, 2010, 183–187.

Nejedlý 2010b: Nejedlý P. Slovní zásoba humanistické a barokní češtiny: mezi kontinuitou a diskontinuitou // Janečková M., Alexová J., Pospíšilová V. et al. Slovesné baroko ve středoevropském prostoru. Praha, 2010, 105–117.

Nejedlý 2011: Nejedlý P. Nazádisté a násadisté // Naše řeč. 2011. 94, 159–161.

Nejedlý 2018a: Nejedlý P. Cesty k slovníku raněnovověké češtiny // Niševa B., Blažek D., Krejčířová I., Skwarska K., Šlaufová E., Vašíček M. Slovanská lexikografie počátkem 21. století. Praha, 2018, 489–494.

Nejedlý 2018b: Nejedlý P. Ze slovníku raněnovověké češtiny: *kloryt* // Naše řeč. 2018. 101, 185–188.

Nejedlý et al. 2002: Nejedlý P. et al. Výstavba hesla v diachronním slovníku. Praha, 2002. Материал для внутреннего пользования.

Němec 1965: Němec I. Slovo a význam v historickém slovníku // Slovo a slovesnost. 1965. 26, 136–150.

Němec 1968: Němec I. Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha, 1968.

Němec 1975: Němec I. Principy studia slovní zásoby a jejího vývoje // Slovo a slovesnost. 1975. 36, 92–103.

Němec 1980: Němec I. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha, 1980.

Němec 2009: Němec I. Práce z historické jazykovědy / Dittmann R., Sobalíková H., Vajdlová M. Praha, 2009.

Rejzek 2012: Rejzek J. K původu adjektiva *hezky* // Nejedlý P., Vajdlová M. Cesty slov. Praha, 2012, 177–182.

Rejzek 2015: Rejzek J. Český etymologický slovník.² Voznice, 2015.

StČS 1968: Staročeský slovník. Úvodní stati, soupis pramenů a zkratk. Praha, 1968.

StČS 1968–2008: Staročeský slovník 1–26. Praha, 1968–2008.

Šimek 1947: Šimek F. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.

TLP 1966: Travaux linguistique de Prague, 2. Les problèmes du Centre et de la périphérie du système de la langue. Prague; Paris, 1966.

Tyl 1984: Tyl Z. Česká slovní zásoba tzv. doby střední a některé otázky jejího dalšího lexikografického zpracování // Jazykovědné aktuality. 1984. 21, 28–30.

Tyl 1994: Tyl Z. Unum necessarium české historické lexikografie // Miscellanea oddělení rukopisů a starých tisků. 1994. 10, 429–439.

Vajdlová 2007: Vajdlová M. Internetová aplikace Vokabulář webový — nový zdroj poznání staročeské slovní zásoby // Kamper-Warejko J., Kaproň-Charzyńska I. Z zagadnień leksykologii i leksykografii języków słowiańskich. Toruń, 2007, 55–58.

Vajdlová 2011: Vajdlová M. Minulost a budoucnost Elektronického slovníku staré češtiny // Jazykovědné aktuality. 2011. 48, 29–34.

Vajdlová 2018: Vajdlová M. Elektronický slovník staré češtiny v kontextu slavistickém // Niševa B., Blažek D., Krejčířová I., Skwarska K., Šlaufová E., Vašíček M. Slovanská lexikografie počátkem 21. století. Praha, 2018, 523–530.

Vajdlová 2019: Vajdlová M. Klady a zápory elektronického zpracování a zveřejnění slovníku (na příkladu Elektronického slovníku staré češtiny) // Naše řeč. 2019. 102, 88–101.

VW: Vokabulář webový: webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny. Praha, 2006—. <https://vokabular.ujc.cas.cz>

SLOVNÍK SLOVOTVORNÝCH PROSTRIEDKOV V SLOVENČINE¹

Martin OLOŠTIAK

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií
Prešovská univerzita v Prešove
(Prešov, Slovensko)
<https://orcid.org/0000-0003-1239-7810>
martin.olostiak@unipo.sk

Martina IVANOVÁ

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií
Prešovská univerzita v Prešove
<https://orcid.org/0000-0001-7654-300X>
(Prešov, Slovensko)
martina.ivanova@unipo.sk

V príspevku sa zameriavame na predstavenie pripravovaného *Slovníka slovotvorných prostriedkov v slovenčine* (Ološtiak et al. 2021), ktorého cieľom je analýza slovotvorných prostriedkov, pomocou ktorých sa tvoria nové lexikálne jednotky v slovenčine. Materiálovým východiskom je *Slovník koreňových morfém slovenčiny* (Sokolová et al. 2005, 2007, 2012) ako morfematicko-derivačný typ slovníka, ktorý aktuálne spracúva 75 576 jednotiek. V štúdiu bližšie vymedzujeme základné typy slovotvorných prostriedkov na osi báza — bázoid — afixoid — afix a na základe vymedzených kritérií predstavujeme základné typológie afixoidov a afixov, ktoré sú predmetom spracovania v slovníku. Zároveň bližšie charakterizujeme interfixy, konektívne submorfémy uplatňované pri kompozícii a alternácie a trunkácie, ktoré sprevádzajú niektoré slovotvorné akty. Posledná časť štúdie opisuje podobu hesla v slovníku a prináša ukážky spracovania jednotlivých typov hesiel.

Kľúčové slová: slovotvorné prostriedky, báza (základ), bázoid, afix, afixoid, interfix, alternácia, trunkácia, slovníkové heslo

СЛОВАРЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Мартин ОЛОШТЬЯК

Прешовский университет
(Прешов, Словакия)

Мартина ИВАНОВА

Прешовский университет
(Прешов, Словакия)

Статья посвящена презентации подготавливаемого коллективом авторов *Словаря словообразовательных средств в словацком языке* — *Slovník slovotvorných prostriedkov v slovenčine* (Ološtiak et al. 2021), целью которого является анализ словообразовательных

¹ Príspevok je súčasťou riešenia grantového projektu VEGA č. 1/0025/22.

средств, с помощью которых образуются новые лексические единицы в словацком языке. Материалом послужил *Словарь корневых морфем словацкого языка — Slovník koreňových morférov slovenčiny* (Sokolová et al. 2005, 2007, 2012) — морфемно-derivационный тип словаря, актуально содержащий 75 576 единиц. В статье детально определяются основные типы словообразовательных средств, в том числе, словообразовательная основа (база) — базойд — аффиксойд — аффикс. На основе определенных критериев определяется основная типология аффиксойдов и аффиксов, ставших объектом для разработки словаря. В исследовании также характеризуются интерфиксы в качестве соединительного субморфа, применяемого в рамках композиции, а также чередования («альтернация») и усечения («транкация»), сопровождающие определенные словообразовательные акты. Последняя часть статьи посвящена структуре словарной статьи в словаре и демонстрирует модели разработки отдельных типов словарных статей.

Ключевые слова: словообразовательные средства, база (словообразовательная основа), базойд, аффикс, аффиксойд, интерфикс, чередование («альтернация»), усечение («транкация»), словарная статья

DICTIONARY OF WORD FORMATION MEANS IN SLOVAK

Martin OLOŠTIAK

University of Prešov
(Presov, Slovakia)

Martina IVANOVÁ

University of Prešov
(Presov, Slovakia)

The study presents prepared *Dictionary of Word Formation Means in Slovak* (Ološtiak et al. 2021) aimed at the analysis of word formation means which serve as the source for coining new lexical units in Slovak. The material database of the dictionary is represented by *Slovník koreňových morférov slovenčiny* (Sokolová et al. 2005, 2007, 2012) as a morphemic-derivational type of dictionary which processes 75 576 units up to date. The study describes basic types of word formation means including base — baseoid — affixoid — affix and following clearly defined criteria it takes a closer look at affixoids and affixes which are processed in the dictionary. At the same time, the study also defines interfixes, connective submorphemes used in the process of compounding, and alternations and truncations accompanying certain word formation acts. The last part of the study describes the character of the dictionary entry and brings examples of the various types of the processed dictionary entries.

Keywords: word formation means, base, baseoid, affixoid, affix, interfix, alternation, truncation, dictionary entry

I. Úvodné poznámky

Cieľom *Slovníka slovotvorných prostriedkov v slovenčine* (ďalej SSPS) je analýza slovotvorných prostriedkov, pomocou ktorých sa tvoria nové lexikálne jednotky v slovenčine. J. Furdík (2004: 110) člení slovotvorné prostriedky do troch skupín: slovotvorné

základy, slovotvorné formanty, pomocné prostriedky. SSPS sa zameriava na formanty a sprievodné prostriedky (interfixy a slovotvorné alternácie), čomu zodpovedá aj štruktúra slovníka. V úvodnej časti sa predstavujú teoreticko-metodologické východiská, vymedzujú sa základné pojmy a termíny (slovotvorný prostriedok, základ, formant, hranice medzi základom a formantom, morfeomatická a slovotvorná štruktúra slova, vzťah medzi nimi, formantová identita a variantnosť, typológia formantov, formálna a sémantická charakteristika). Slovníková časť je rozdelená na tri sekcie, v ktorých sa v zmysle stanovenej koncepcie spracúvajú tri skupiny slovotvorných prostriedkov: a) afixy a afixoidy; b) interfixy; c) slovotvorné alternácie.

Východiskovým materiálom pri príprave SSPS sa stala databáza *Slovníka koreňových morfémov slovenčiny* (ďalej SKMS) (Sokolová et al. 2005; 2007; 2012). Ten predstavuje morfeomaticko-derivačný typ slovníka, v ktorom sa zachytávajú slovotvorné vzťahy v rámci rovnakokoreňových slovotvorných útvarov. Hoci heslár SKMS primárne nadväzuje na databázu jednotiek spracovaných v *Krátkom slovníku slovenského jazyka* (Kačala, Pisárčiková, Považaj 1997; ďalej KSSJ) a *Pravidiel slovenského pravopisu* (Považaj 1998; ďalej PSP), pri príprave jednotlivých vydaní sa databáza SKMS ďalej rozširovala, takže východiskový heslár zahŕňajúci cca 66 000 jednotiek má v súčasnej podobe 75 576 jednotiek². Systémovo sa do heslára postupne dopĺňali najmä tieto prípady jednotiek:

a) individuálne posesívne adjektíva, napr. *abontent-ov*, *adept-ov*; *animátork-in*, resp. druhové zvieracie adjektíva, napr. *aligátorí*;

b) motivanty jednotiek, ktorým by sme museli pripísať status slovotvornej nemotivovanosti, hoci zo sémanticko-slovotvorného hľadiska ich možno zaradiť do produktívneho slovotvorného modelu, napr. slovníkovo nezachytené verbum *afinovať* (nenachádza sa ani v KSSJ, ani v PSP), ktoré je východiskom deverbatívneho substantíva *afin-ácia* (porov. slovotvorný model *adaptovať* → *adapt-ácia*, *amortizovať* → *amortiz-ácia*, *anticipovať* → *anticip-ácia*, *apretovať* → *apret-ácia*), podobne *aklamovať*, *aprobovať* a pod.;

c) jednotky, ktorých frekvenčné zastúpenie bolo verifikované prostredníctvom korpusových dát a ktoré zdrojové slovníky nezachytávajú, napr. desubstantívne adjektíva *aerobikový/erobikový*, *aerobický/erobický*, *ajatolláhovský*, *aligátorový*, *apendikálny*, jednotky s frekventovanými afixoidnými komponentmi, napr. *euro-agenda*, *euro-byrokrat*, *euro-cent*, *euro-centrízmus* a pod.

II. Typológia slovotvorných prostriedkov

Spomedzi troch skupín slovotvorných prostriedkov, ktoré sa v SSPS spracúvajú, najpočetnejšie sú afixy a afixoidy. V tejto súvislosti bolo potrebné charakterizovať status týchto komponentov na osi slovotvorný základ (báza) — slovotvorný formant (afix)³. Možno vymedziť štyri rôzne typy komponentov, t. j. bilaterálnych zložiek, ktoré môžu tvoriť slovotvornú štruktúru. Hranicu medzi základom (bázou) a formantom (afixom) považuje-

² Do tohto počtu nezarátavame opakujúcich sa vidových partnerov (ku koncepcii spracovania vidu v morfeomatických slovníkoch slovenčiny porov. Sokolová et al. 1999: 40–43; SKMS 2005: 21).

³ Názory na túto problematiku sa rôznia jednak konceptuálne, jednak terminologicky (k prehľadu porov. Ološtiak, Vojteková 2021: 97–104).

me za neostrú. Základ a formant možno chápať ako krajné póly škály, pričom v našom prístupe počítame so štyrmi druhmi komponentov: báza — bázoid — afixoid — afix⁴. Pri charakteristike týchto komponentov sa opierame o nasledujúce atribúty: morfematický status, lexikálna samostatnosť, sémantika, horizontálna relačnosť, vertikálna relačnosť, systemizačnosť (bližšie porov. Ološtiak, Gianitsová-Ološtiaková 2015: 293–302; Ološtiak, Vojteková, Oriňáková 2018: 23–26). Za hlavné kritériá považujeme sémantiku a lexikálnu samostatnosť.

Báza (slovotvorný základ) je lexikálne samostatný komponent s plným lexikálnym významom. Lexikálna samostatnosť znamená, že báza je reflexom samostatného pomenovania; napr. *adekvátny* → *adekvátn-ost'*, *izba* → *pred-izba*, *potopa* → *pred-potop-ný*, *neschopný uznášania* → *uznášania-neschopný*, *malý traktor* → *mal-o-traktor*, *široké pásmo* → *širok-o-pásm-ový*.

Bázoid je lexikálne nesamostatný komponent s plným lexikálnym významom, napr. *agro-* «poľnohospodársky, súvisiaci s poľnohospodárstvom», *balneo-* «kúpeľ, kúpeľný», *ski-* «lyže, súvisiaci s lyžami, lyžovaním». Lexikálna nesamostatnosť znamená, že bázoid nie je reflexom samostatného pomenovania⁵.

Bázy a bázoidy v SSPS nespracúvame. Bázy z toho dôvodu, že ide o nekategoriálne komponenty, ako nositeľa lexikálneho významu sa v jazyku vyskytujú vo veľkom množstve a lexikograficky sú v podobe samostatných lexém spracované vo výkladových slovníkoch. Taktiež nespracúvame bázoidy, ktorým sme venovali pozornosť v samostatnej publikácii *Slovotvorná adaptácia a kompozitnosť v slovenčine* (Ološtiak, Vojteková, Oriňáková 2018).

Afixoid je lexikálne nesamostatný komponent s oslabeným až demotivovaným lexikálnym významom a posilneným semikategoriálnym významom, napr. *kamera-man*, *bar-man*⁶. Podľa *Morfematického slovníka slovenčiny* (Sokolová et al. 1999: 34) lexémy s afixoidmi nemajú parafrázu alebo majú oslabenú parafrázu; porov. napr. číslovky 11 — 19 (typ *dva-násť*, *tri-násť*) a celé desiatky 20 — 90 (*dva-dsať*, *tri-dsať*)⁷. Posilnenie semikategoriálnosti spôsobuje, že v slovotvornej parafráze komponent stráca priamy vzťah k lexikálnemu významu svojho pôvodného motivantu. Napr. v spomínaných číslovkách 11–19 sa motivačný význam «dva, tri, štyri [...] na desať» oslabil; porov aj sémantizáciu v SSSJ (Buzássyová — Jarošová 2006): *dvanásť* «vyjadruje číslo a počet 12».

⁴ Iný typ škály medzi deriváciou a kompozíciou charakterizuje K. Buzássyová (2018), keď na jeden pól umiestňuje čistú (prostú) kompozíciu, na druhý pól čistú (prostú) deriváciu a do prechodného pásma zmiešané, kompozíčno-derivatívne spôsoby tvorenia slov.

⁵ Pravda, lexikálna nesamostatnosť nemá absolútnu platnosť. Aj v tejto oblasti môžeme pozorovať dynamiku, a to najmä v dvoch smeroch. 1) Ortografická nejednotnosť pri adaptácii kompozitných lexém. V rovnakej funkcii sa komponent vyskytuje samostatne aj spolu s druhou časťou s týmito komponentmi, ktoré sa píšú jednak spolu, jednak oddelene, príp. aj so spojovníkom (napr. *fitlopta* — *fit lopta*, *pornočasopis* — *porno časopis*). 2) Niektoré komponenty sa lexikálne osamostatnili sekundárne; napr. *mega*, *gastro* ako substantíva (*prenos dát okolo 2 mega za sekundu*; *podnikateľ v gastron*).

⁶ Komponent *-man* v pomenovaniach typu *barman* sa aj v angličtine považuje za lexikálne vyprázdnený a blížiaci sa k sémantike formantu (napr. Štekauer, 1993, 80); autor spomína Marchandov termín *semi-affix*. Neplatí to však vždy, pretože v spoločensky korektných textoch sa presadzuje rodová diferenciácia typu *chairman* — *chairwoman*, svedčiacia o lexikálnom charaktere druhého komponentu (*-man* vo význame «muž», nie vo význame «osoba»). Pri adaptácii tohto komponentu do slovanských jazykov sa uvažuje o reanalýze na status sufixov (Kleszczowa 2015: 1849–1850).

⁷ K etymológii týchto komponentov porov. Králik (2015: 118, 137, 381).

Afix (slovotvorný formant) je nositeľom semikategoriálneho významu, ktorý odkazuje na skupinu denotátov v rámci slovného druhu, v rámci substantív napr. «vec», «miesto», «nástroj», «veľa» (hromadnosť), «malý/milý» (deminutívnosť), «ženské pohlavie» (feminatívnosť) a i. Sémantika formantu je konkrétnejšia než gramatický význam gramatických morférov a zároveň všeobecnejšia než lexikálny význam radixu, resp. celej lexémy.

III. Typológia afixov a afixoidov

V slovníku celkovo spracúvame takmer 900 afixov a afixoidov, pričom vychádzame z ich rozdelenia do jednotlivých typov podľa nasledujúcich kritérií: slovná samostatnosť, pozícia, morfeematické zloženie, kompatibilita s typmi slovotvorných základov, počet slovotvorných typov. Ak nebude potrebná špecifikácia, v ďalšom texte budeme pre zjednotenie používať len termín afix.

3.1 Slovná samostatnosť

Väčšina afixov je slovné nesamostatná, funguje v jednom slovnom zväzku s bázou, napr. *ne-svoj*, *výrazn-e*, *šesť-krát*, *málo-čo*. Ako samostatné slová fungujú reflexívne formanty *sa*, *si*: *držať sa*, *zачаť si*. Skutočnosť, že ide o samostatné slovné jednotky⁸, ktoré sa úzko neviažu na bázu, sa výstižne odráža termínom **extrafix** (Šimandl 2016: 14).

Za prechodné možno považovať prípady typu *po slovensky*, *na bielo*, *štyri razy*, ktoré sú funkčne ekvivalentné s nesamostatnými afixmi (porov. *štyri razy* — *štyrikrát*). Písanie v podobe samostatných slov je ortografická konvencia, ktorá nie je systemizovaná. Adverbiá typu *po slovensky* sa píše vždy ako dve slová, pri adverbiách typu *na bielo* — *nabielo* je kodifikované variantné písanie. Za progresívnejšie považujeme písanie dovedna, pretože odráža slovné nesamostatný status drvivej väčšiny prefixálnych afixov.

3.2 Pozícia

Pozícia afixu sa posudzuje vo vzťahu k báze. Podľa toho rozlišujeme:

a) iniciálne afixy (prefixy) — nachádzajúce sa naľavo pred bázou: *pred-príprava*, *vy-písať*;

b) finálne afixy — nachádzajúce sa napravo za bázou na konci slova, členia sa na dve skupiny:

ba) sufixy a transfixy — pri flektívnych slovách obsahujú derivačnú a gramatickú morfému (*vysok-ánsk+y*, *výsad-b+a*), pri neflektívnych slovách derivačnú morfému (*vysok-o*, *kedy-koľvek*), pri niektorých flektívnych slovách len gramatickú morfému, resp. súbor gramatických morférov (*úct-a*, *ps-i*);

bb) postfixy — nachádzajú sa za gramatickými morfémmi (*kt-o-si*, *ak-ý-koľvek*);

bc) extrafixy — reflexívne formanty *sa*, *si* ako samostatné slová pokladáme za finálne vzhľadom na neutrálnu pozíciu za bázou (*bit' sa*, *doberať si*) bez ohľadu na to, že slovosled konkrétnej výpovede môže byť opačný (*Psy sa bijú.*; *Jano si doberá spolužiaka.*);

⁸ Treba však upozorniť na ich fonologickú príznakovosť, ktorá spočíva v tom, že nemajú prízvuk, nie sú fonologicky samostatné, ale viazané (enklitiky).

c) **iniciálno-finálne, resp. finálno-finálne afixy (konfixy)** — nachádzajúce sa napravo aj naľavo od bázy; ide o kombinácie afixov, ktoré tvoria zložené, konfixálne zoskupenia: *o-čak-ávať*, *za-včas-u*, *vy-sln-ie*, *po-val'-ovať sa*, *bra(t)ček-ovať sa*, *brat-at'-sa*.

3.3 Morfematické zloženie

Podľa morfematického zloženia rozoznávame monomorfematické a polymorfematické afixy.

1) **Monomorfematické afixy** sú zložené len z jednej morfémy, a to:

a) **derivačnej morfémy**

aa) **prefixálnej**: napr. *a-/an-* (*a-historický*, *a-teizmus*, *an-ión*), *ab-* (*ab-normálny*), *ante-* (*ante-datovať*), *bez-* (*bez-nádej*, *bez-perspektívny*), *do-* (*do-letieť*, *do-poludnie*);

ab) **sufixálnej** (pri neflektívnych slovách): napr. *-o* (*búrliv-o*, *ľútostiv-o*), *-e* (*bytoštn-e*, *ľubozvučn-e*, *päťnásobn-e*), *-y* (*majstrovsk-y*, *umeleck-y*), *-mo* (*štvor-mo*, *lež-mo*), *-oro* (*tisíc-oro*), *-issimo* (*pian-issimo*);

ac) **postfixálnej**: napr. *-koľvek* (*čo-koľvek*, *aký-koľvek*), *-si* (*ktorý-si*, *aký-si*), *-to* (*ten-to*, *taký-to*);

ad) **reflexivizačnej**: *sa* (*porátať sa*, *písať sa*), *si* (*vystreliť si*, *žiadať si*);

b) **gramatickej morfémy — transflexnej**⁹: napr. -Rm1 (*demagóg-0*, *elegán-0*), -Rm2 (*monarch-a*, *nezbed-a*), -Rf1 (*hr-a*, *ohrad-a*), -Rf2 (*hrádz-a*, *chôdz-a*), -Rn1 (*mokr-o*, *optim-um*), -Rn3 (*koren-ie*, *kukurič-ie*), -Gv (*koren-it'*, *populárn-iet'*), -Radj3 (*potkan-í*, *pstruž-í*).

Monomorfematický afix môže byť rozšírený o infix. Prefixy bývajú infigované zriedkavo (napr. *na:po-chytr-o*, *roz:to-milý*). Z transflexov sú infigované súbory relačných morfémy deklinačného typu dievča (-Rn4) — vo všetkých pádoch okrem nominatívu: napr. *mač-a* — G. sg. *mač-at':a*. Infixácia monomorfematických sufixov sa najčastejšie vyskytuje pri adverbiách (*kolen-ač:k:y*), a to najmä adverbiách zreteľa, ktoré vznikajú prehodnotením pôvodnej sprostredkovanej motivácie na bezprostrednú, desubstantívnu motiváciu: *nárečie* → *náreč-ový* → *nárečov-o* => *nárečie* → *náreč-ov:o*, *legislatíva* → *legislatív-ny* → *legislatív-n-e* => *legislatíva* → *legislatív-n:e*.

2) **Polymorfematické afixy** sú zložené z viac ako jednej morfémy. Možno tu rozoznávať dva prípady:

a) **Nekonfixálne afixy** — sufixy flektívnych slov, ktoré pozostávajú z derivačnej a gramatickej morfémy (derivačná morféma môže byť infigovaná¹⁰): napr. *-ác:i-a* (*centraliz-ác:i-a*, *koncentr-ác:i-a*), *-ac-í* (*vycestov-ac-í*, *fúk-ac-í*), *-ač-0* (*hnil'-ač-0*, *bed-ač-0*), *-ál-a* (*horizont-ál-a*), *-ál:es-0* (*maj-ál:es-0*), *-án:sk-y* (*dlh-án:sk-y*).

⁹ Termínom transflexia (používa sa aj termín konverzia) J. Furdík (2004: 68–69) charakterizuje taký derivačný slovotvorný postup, pri ktorom sa nové pomenovanie tvorí zmenou flektívnej paradigmy. V takomto prípade slovotvorný formant je tvorený len gramatickou morféмой, resp. presnejšie formulované súborom gramatických morfémy (vychádza sa z poznatku, že lexéma je tvorená súborom gramatických tvarov). V slovotvornom vzorci, ktorý je modelovým ukazovateľom formálnej štruktúry slovotvorne motivovaného slova, sa súbory gramatických morfémy, odkazujúce na príslušné typy flexie, zaznačujú osobitnou notáciou, napr. -Rm1 = súbor relačných morfémy deklinačného typu chlap, prvého substantívneho vzoru životných maskulín (Furdík 2004: 47; Ološtiak, Ološtiaková 2018: 125).

¹⁰ Infixy sa k jadrovej derivačnej morféме zväčša pripájajú zľava. Hranica medzi infixom a jadrovou morféмой je znázornená dvojbodkou.

b) Konfixálne afixy — polymorfematickosť tu vyplýva z rozštiepenosti derivačných morféme — na utvorenie pomenovania sa v jednom slovotvornom akte používa viacero typov afixov, ktoré v slovenčine vytvárajú tieto kombinácie:

ba) prefixálno-sufixálne, napr. *bez-* + *-ec* (*bez-ver-ec*), *do-* + *-ivý* (*do-stred-ivý*), *in-* + *-ovať* (*in-filtr-ovať*);

bb) prefixálno-transflexné, napr. *anti-* + *-Rn1* (*anti-kor-o*), *do-* + *-Rm3* (*do-slov-0*), *na-* + *-Gv* (*na-riek-at'*), *bez-* + *-Radj1* (*bez-ruk-y*);

bc) prefixálno-reflexívne, napr. *pri-* + *sa* (*pri-sat'sa*);

bd) sufixálno-reflexívne, napr. *-ovať* + *sa* (*rozpak-ovať'sa*);

be) transflexno-reflexívne, napr. *-Gv* + *sa* (*siv-iet'sa*);

bf) prefixálno-transflexno-reflexívne, napr. *za-* + *Gv* + *sa* (*za-rumen-it'sa*);

bg) prefixálno-sufixálno-reflexívne, napr. *do-* + *-ovať* + *sa* (*do-had-ovať'sa*).

Vo vzťahu ku konfixácii možno v SSPS vyčleniť dva typy afixov:

a) Konfixálne neviazané afixy — t. j. afixy, ktoré sa vyskytujú aj samostatne, aj v kombinácii s inými afixmi, napr. *do-* (*do-čk-at'sa* aj *do-liat'*), *pod-* (*pod-prs-enka* aj *pod-plukovník*), *-ok* (*prie-hlav-ok* aj *výrob-ok*), *-Rn3* (*-ie*) (*prie-čel-ie* aj *skál-ie*).

b) Konfixálne viazané afixy, t. j. afixy, ktoré sa vyskytujú len v kombinácii s inými afixmi, napr. adverbiálne sufixy *-i* (*za-mlad-i*, *od-mlad-i*), *-a* (*do-biel-a*, *za-horúc-a*), *-me* (*po-taj-me*) *-oti* (*s-prv-oti*, *od-prv-oti*).

3.4 Kompatibilita s typmi slovotvorných základov

Podľa kompatibility s istými typmi slovotvorných základov podľa ich slovnodruhovej príslušnosti sa vyskytujú:

a) Monokolokabilné afixy kompatibilné:

aa) so **substantívnymi** slovotvornými základmi: *arci-* (*arci-biskup*, *arci-knieža*), *vice-* (*vice-konzul*, *vice-šéf*), *-ál* (*mužik-ál*, *seri-ál*), *-ín* (*krav-ín*, *včel-ín*);

ab) s **adjektívnymi** slovotvornými základmi: *ab-* (*ab-normálny*), *izo-* (*izo-termický*), *rozto-* (*rozto-milý*), *-o* (*textov-o*, *účelov-o*);

ac) s **verbálnymi** slovotvornými základmi: *vz-* (*vz-budiť*, *vz-ísť*), *-ievať* (*blúd-ievať*, *bol-ievať*), *-lý* (*jed-lý*, *pad-lý*);

ad) s **adverbiálnymi** slovotvornými základmi: *čo-* (*čo-skoro*), *-učky* (*potich-učky*);

ae) s **pronominálnymi** slovotvornými základmi: *bár-/bárs-* (*bár(s)-aký*, *bár(s)-čo*), *da-* (*da-čí*, *da-kto*), *-koľvek* (*aký-koľvek*, *čí-koľvek*), *-že* (*kam-že*, *kto-že*);

af) s **numerálnymi** slovotvornými základmi: *-ty* (*milión-ty*, *kvadrilión-ty*).

b) Polykolokabilné afixy (polykolokabilita sa týka prevažne prefixov):

ba) **dvojkolokabilné**, napr. *s* + *v*: *per-* (*per-oxid*, *per-mutovať*), *s* + *adv*: *-ňajší* (*pondel-ňajší*, *popolud-ňajší*), *a* + *p*: *-ínky* (*sam-ulínky*, *ten-ulínky*);

bb) **trojkolokabilné**, napr. *a* + *s* + *v*: *sú-* (*sú-činný*, *sú-časť*, *sú-cítiť*), *-áň* (*slep-áň*, *uch-áň*, *floch-áň*), *a* + *p* + *s*: *pra-* (*prá-dávny*, *pra-nič*, *pra-babička*);

bc) **štvorkolokabilné**, napr. *a* + *adv* + *s* + *v*: *pred-* (*pred-minulý*, *pred-vlani*, *pred-jazdec*, *pred-cvičiť*);

bd) **päťkolokabilné**, napr. *a* + *adv* + *n* + *s* + *v*: *pri-* (*pri-lahký*, *pri-veľmi*, *pri-mnogo*, *pri-tma*, *pri-balit'*);

be) **šestkolokabilné**, napr. a + adv + n + p + s + v: *ne-* (*ne-blahý, ne-načim, ne-jedenkrát, ne-svoj, ne-kov, ne-lenit'*);

bf) **sedemkolokabilné**, napr. a + adv + i + n + p + s + v: *pre-* (*pre-dlhý, pre-škoda, pre-beda, pre-mnohý, pre-to, pre-čin, pre-bádat'*).

3.5 Počet slovotvorných typov

Podľa počtu slovotvorných typov, v ktorých sú zastúpené, existujú:

a) monofunkčné afixy — vystupujú ako súčasť jedného slovotvorného typu, napr. *kvázi-* (*kvázi- + Zs, kvázi-odborník*), *sotva-* (*sotva- + Zp, sotva-kto, sotva-čo*), *-ošiť'* (*Zadj + -ošiť, pust-ošiť'*);

b) polyfunkčné afixy — vystupujú ako súčasť viacerých slovotvorných typov buď ako samostatné afixy, napr. *di-* (*di- + Zs, di-fúzia, di- + Zadj, di-elektrický*), alebo ako súčasť konfixov, napr. *medzi-* (*medzi- + Zs + -ský: medzi-mest-ský, medzi- + Zs + -álny: medzi-kontinent-álny, medzi- + Zs + -ický: medzi-stran-ický*).

IV. Typológia interfixov a alternácií

1) Interfixy

Interfixy (konektívne submorfémy) majú pri kompozícii spájaciu funkciu, spájajú dve bázy (slovotvorné základy). Pri dôslednom uplatňovaní slovotvorných princípov na rozdiel od MSS¹¹ za interfixy nepovažujeme segmenty, ktoré sa prehodnotili z gramatických morféme pri tvorení juxta pozičných kompozít, napr. *-y-* (*úctyhodný*), *-ia-* (*uznášania-schopný*), *-e-* (*seberovný*). Podstatou juxta pozičného tvorenia je spriahnutie dvoch slov (tvarov slov) bez formálnej úpravy, pričom gramatické segmenty prvého základu považujeme za jeho súčasť: *úcty-hodný, uznášania-schopný, sebe-rovný*. Interfixy sa teda vyskytujú pri pravej/čistej kompozícii (*prš-i-plášť*) a pri derivačnej kompozícii: (*veľk-o-kapacit-ný*).

Ako interfixy fungujú tieto segmenty:

- o-*: *nov-o-usadlík, prv-o-máj-ový, jedn-o-akt-ovka*;
- i-*: *piad-i-mužik, lod-i-vod-R, mies-i-želez-o, ob-i-dvaja*;
- e-*: *zem-e-guľa, veľ-e-zrada, bol-e-hlav-R*;
- u-*: *spol-u-účasť* (pri motivácii syntagmou *spoločná účasť*), *pol-u-dn-ie, blesk-u-rýchly*.

V. Typológia slovotvorných alternácií a trunkácií

Slovotvorné alternácie a trunkácie sú morfonologické javy, ktoré sprevádzajú niektoré slovotvorné akty (k ich systematickej deskripcii porov. Palková 2015).

1) Alternácie

Alternácie sú nekombinačné zmeny foném pod vplyvom morféme (Sabol 1989) pri tvorení slov pod vplyvom slovotvorne relevantných morféme. Inými slovami, ide o zmenu fonémy na inú fonému (*človek* → *človečír*), na fonematickú nulu (*pes* → *psík*) alebo

¹¹ MSS (Sokolová et al. 1999: 509) uvádza osem konektívnych submorféme: *-o-* (*veľkomesto*), *-i-* (*cti-hodný*), *-u-* (*cieľuprimeraný*), *-a-* (*sebapoznanie*), *-e-* (*zemepis*), *-y-* (*chvályhodný*), *-ia-* (*poľutovaniahodný*), *-á-* (*stáročia*).

skupinu foném (*fantazírovať* → *fantasta*), resp. zmenu skupiny foném na skupinu foném (*doska* → *doštený*). Môže pritom nastať situácia, keď sa v jednom slovotvornom akte vyskytne naraz viac alternančných zmien (*uzavrieť* → *uzávera*: *a/á, 0/e, zapáliť* → *zápal*: *a/á, á/a, l'/l*), prípadne alternácie sú sprevádzané trunkáciami (*gratulácia* → *gratulačný*: alternácie *á/a, c/č*, trunkácia *i*; k trunkáciám porov. ďalší bod).

Pri opise typov alternácií vychádzame zo štúdie M. Sokolovej (2000), kde sa alternácie členia na tri hlavné skupiny: vokalizké, konsonantické, vokalizko-konsonantické. Vokalizké sa členia alternácie korelovaných vokálov, nekorelovaných vokálov a vokálov s nulou. Konsonantické sa delia na alternácie samostatných konsonantov, konsonantických skupín a konsonantov s nulou (podrobnejšie Sokolová 2000; Palková 2015: 317–381).

2) Trunkácie

Trunkáciu chápeme ako useknutie derivačnej morfémy (príp. minimálne dvoch segmentov koreňovej morfémy), ku ktorému dochádza po vplyvom derivačnej, gramatickej alebo modifikačnej morfémy (Ivanová 2004: 102). V kontexte tvorenia slov k trunkácii dochádza pri derivácii aj kompozícii (Furdík 2004: 52), napr. *feminizmus* → *feministický* (trunk. *izm*), *cudzozemský* → *cudzozemec* (trunk. *sk*), *organizovať* → *organizácia* (trunk. *ov*), *spoločný hráč* → *spoluhráč* (trunk. *očn*).

VI. Stavba hesla

Naším cieľom nie je podrobné uvádzanie štatistiky pri každom slovotvornom prostriedku (základné štatistické údaje sa uvádzajú v kapitole o teoreticko-metodologických východiskách), ale formálno-obsahová, funkčná, kolokačná a kombinatorická analýza. Tomuto cieľu sa podriaďuje aj stavba hesla.

Heslo obsahuje tieto časti:

- a) **záhlavie** — heslový afix v základnej podobe;
- b) **varianty** — uvádzajú sa všetky varianty vrátane heslového variantu;
- c) **typ formantu** — prefix, prefixoid, sufix, sufixoid, transflex (súbor gramatických morfémy), reflex (zvrtný formant);

d) **kolokabilita** — spájateľnosť s typmi základov podľa slovnodruhovej príslušnosti, napr. Zs (substantívny základ), Zv (verbálny základ), Za (adjektívny základ) atď.;

e) **konfixálna kombinatorika** — uvádzajú sa konfixálne kombinácie, do ktorých sa zapája príslušný afix, variácie, t. j. podoby formantov v jednotlivých gramatických tvaroch (uvádzajú sa pri sufixoch a transflexoch; kvôli prehľadnosti sa v hesle nachádza paradigma základných podôb heslového afixu); uvádza sa aj konfixálna viazanosť (heslový afix existuje len v kombinácii s iným afixom);

f) **formálna a sémanticko-onomaziologická charakteristika** — uvádza sa všeobecná charakteristika týkajúca sa frekvencie a suprasémantiky (napr. expresívnosť, hovorovosť). Uvádzajú sa tiež dôvody variantnosti afixov (fonologické, morfológické, slovotvornomorfemické — polymotivácia). Ďalej nasledujú príklady na jednotky z daných typov onomaziologických kategórií a onomaziologických kategórií v tejto štruktúre:

fa) Deriváty v rámci podskupín podľa typu základu (desubstantíva, deverbatíva atď. s uvedením slovotvorného vzorca), v rámci podskupín podľa typov onomaziologických kategórií a onomaziologických kategórií.

fb) Kompozitá s afixmi sú vždy mutačné, pri ich charakteristike aplikujeme klasifikáciu K. Vužňakovej (2006).

Formálnu štruktúru jednotlivých slov opisujeme prostredníctvom slovotvorného vzorca (Furdík 2004); modifikácie tohto prístupu porov. Ološtiak, Ološtiaková (2018).

Na doplnenie príkladov využívame databázu Slovenského národného korpusu (verzia prim-9.0-public.all). Príklady doložené len v korpusu uvádzame znakom ^K v hornom indexe (viac ako päť výskytov v rozličných zdrojoch, nie z rovnakého zdroja). Na dokreslenie používania daného afixu pri okazionalnej slovotvorbe uvádzame aj príklady na korpusové okazionalizmy (resp. hapax legomena), ktoré uvádzame znakom ⁺ v hornom indexe.

Ukážky z pracovnej podoby slovníka:

a) Ukážka spracovania prefixálneho afixu

bez-/bezo-

Varianty: nie sú.

Typ: prefix.

Slovný druh: substantívum, adjektívum, verbum.

Spámateľnosť so základmi: Zs, Za, Zv

Konfixálna kombinatorika: bez- + (Zs) + -ec, bez- + (Zs) + -ok, bez- + (Zs) + -stvo, bez- + (Zs) + -Rn3, bez- + (Zs) + -ný/-ny, bez- + (Zs) + -ový, bez- + (Zs) + -itý, bez- + (Zs) + -ivý, bez- + (Zs) + -natý, bez- + (Zs) + -ovitý, bez-/bezo- + (Zs) + -Radj1, bez- + (Zv) + -ný

Variácie: nie sú.

Prefixom **bez-** sa vyjadruje význam „neprítomnosť niečoho, chýbanie, neexistencia“ podobne ako pri predložke *bez* v rámci predložkových spojení. Pred spoluhláskovou skupinou na začiatku slovotvorného základu sa realizuje vo vokalizovanej podobe **bezo-**. Vyskytuje sa pri tomto type pomenovaní:

1) Deriváty:

a) Desubstantíva (**bez-** + **Zs**): ako samostatný sa prefix **bez-** uplatňuje zriedkavo, častejšie funguje ako súčasť konfixu. Ako samostatný prefix ho nachádzame pri dvoch jednotkách patriacich do modifikačnej onomaziologickej kategórie nomina negativa porov. (Ivanová 2006), a to *beznašej* a *bezvedomie*. V korpusových dokladoch nachádzame aj ďalšie jednotky utvorené týmto prefixom, napr. ⁺*beztiaž*.

Ako súčasť konfixu sa realizuje pri desubstantívnych substantívach, a to spolu so sufixom *-ec*, napr. *bezverec*, *bezdomovec*, sufixom *-ok*, napr. *bezzemok*, sufixom *-stvo*, napr. *bežženstvo*, resp. spolu s transflexom -Rn3 pri neutrách vzoru vysvedčenie, napr. *bezprávie*, *bezvetrie*, *bezzvládne*. V korpusových dokladoch nachádzame aj ďalšie jednotky utvorené týmito, prípadne aj inými konfixmi, napr. ⁺*bezčasie*, ⁺*bezlesie*, ⁺*bezlepkár*, ⁺*beztŕňovec* a pod.

Pri desubstantívnych adjektívach sa uplatňuje v rámci konfixu **bez-** + (**Zs**) + **-ný/-ny**, napr. *bezbožný*, *beznádejný*, *bezoblačný*, *bezostyšný*, *bezpatrijný*, *bezpERSpektívny*, *bezprácný*, *bezobsažný*, **bez-** + (**Zs**) + **-ový**, napr. *bezrodový*, *bezporuchový*, *bežšvový*, *bežváhový*, **bez-** + (**Zs**) + **-itý**, napr. *bezmäsitý*, **bez-** + (**Zs**) + **-ivý**, napr. *bezočivý*, **bez-** + (**Zs**) + **-natý**, napr. *bezolovnatý*, **bez-** + (**Zs**) + **-ovitý**, napr. *bežmyšlienkovitý*, resp. **bez-/bezo-** + (**Zs**) + **-Radj1**, napr. *bežnohý*, *bezoký*, *bežprstý*, *bežtvarý*, *bežzubý*; *bezodný*, *bezostený*. V korpusových dokladoch nachádzame aj ďalšie jednotky utvorené týmito konfixmi, napr. ⁺*bežadresný*, ⁺*bežalergénový*, ⁺*bežalternatívny*, ⁺*bežazbestový*, ⁺*bežbrvý*, ⁺*bežcestný*, ⁺*beždažďový*, ⁺*beždejinný*, ⁺*beždejový*, ⁺*beždierkový*, ⁺*bežfúzy*, ⁺*bežkrký* a pod.

b) Deadjektíva (**bez-** + **Zadj**): ako samostatný prefix s popieracím významom v rámci modifikačnej onomaziologickej kategórie negácie sa uplatňuje pri jednotkách *bežperspektívny*, *bežprácný*, *bežstratový*, *bežsujetový*, *bežúčelný*, *bežpríznakový*, ktoré však možno interpretovať aj ako desubstantívne, pozri bod (a).

c) Deverbatíva (**bez-** + **Zv**): pri deverbatívnom slovotvornom základe sa daný prefix uplatňuje ako súčasť konfixu **bez-** + (**Zv**) + **-ný** pri troch jednotkách, porov. *bezbranný*, *bezplatný*, *bezprostredný* (pri motivujúcom verbe *sprostredkovať* predpokladáme trunkáciu, porov. Ivanová 2004).

Prefix **bez-** vstupuje do konkurencie s inými formantmi pri viacnásobnej motivácii:

a) s konfixom **bez-** + (**Zs**) + **-ný/-ny** pri deadjektívno-desubstantívnej motivácii: napr. *bezúčelný* (← *účel*), podobne *bezprácný*, *bezperspektívny*, *bezfarebný*, *bezcharakterný*, *bezvýrazný*, *bezvýznamný*, *bezbolestný*, *bezecenný*;

b) s konfixom **bez-** + (**Zs**) + **-ový** pri deadjektívno-desubstantívnej motivácii: napr. *bezstratový* (← *strata*), podobne *bezsubjektový*, *bezpríznačkový*, *bezproblémový*, *bezzásadový*;

c) ako súčasť konfixov **bez-** + (**Zs**) + **-ný/-eč:ný** a **bez-** + (**Zv**) + **-ný/-eč:ný** pri desubstantívno-deverbatívnej motivácii: napr. *ostých* → *bez-ostýš-ný/ostýchať sa* → *bez-ostýš-ný*, podobne *bezodplatný*, *bezpodmienečný*;

d) ako súčasť konfixu **bez-** + (**Zs**) + **-ný** so sufixom **-ný** pri desubstantívno-desubstantívnej motivácii: napr. *vietor* → *bez-veter-ný/bezvetrie* → *bezveter-ný*;

e) ako súčasť konfixu **bez-** + (**Zs**) + **-Radj1** s transflexom **-Radj1** pri desubstantívno-desubstantívnej motivácii: *vedomie* → *bez-vedom-ý/bezvedomie* → *bezvedom-ý*.

b) Ukážka spracovania sufixálneho afixu

-úň

Varianty: -úň (-úň-ø), -ľúň (-ľ:úň-ø).

Typ: sufix.

Slovný druh: substantívum.

Spájateľnosť so základmi: Za, Zv, Zs.

Konfixálna kombinatorika: nie je.

Variácie:

pád	sg.	pl.
Životné — osobné		
N.	-úň (-úň-ø)	-úni (-ún-i)
G.	-úňa (-úň-a)	-úňov (-úň-ov)
D.	-úňovi (-úň-ovi)	-úňom (-úň-om)
A.	-úňa (-úň-a)	-úňov (-úň-ov)
L.	-úňovi (-úň-ovi)	-úňoch (-úň-och)
I.	-úňom (-úň-om)	-úňmi (-úň-mi)
Životné — zvieracie		
N.	-úň (-úň-ø)	-úne (-ún-e)
G.	-úňa (-úň-a)	-úňov (-úň-ov)
D.	-úňovi (-úň-ovi)	-úňom (-úň-om)
A.	-úňa (-úň-a)	-úne (-ún-e)
L.	-úňovi (-úň-ovi)	-úňoch (-úň-och)
I.	-úňom (-úň-om)	-úňmi (-úň-mi)
Neživotné		
N.	-úň (-úň-ø)	-úne (-ún-e)
G.	-úňa (-úň-a)	-úňov (-úň-ov)

pád	sg.	pl.
D.	-úňu (-úň-u)	-úňom (-úň-om)
A.	-úň (-úň-ø)	-úne (-úň-e)
L.	-úni (-úň-i)	-úňoch (-úň-och)
I.	-úňom (-úň-om)	-úňmi (-úň-mi)

Formant **-úň** sa používa ojedinele a má zväčša expresívny význam. Okrem základnej podoby sa vyskytuje aj variant s infixom **l'** (*-l'úň*). Týmto sufixom sa tvoria tieto typy pomenovaní:

1) Deriváty

a) Deverbátiva (**Zv** + **-úň**), patriace do mutačnej onomaziologickej kategórie činiteľ deja (*behúň¹*, *behúň²*, *chvastúň*, *krikľúň*, *škreklúň*, *špehúň*, *šplhúň*, *ťahúň*, ^K*vyresklúň*, ^K*revlúň*, ^K*strehúň*), raritne nositeľ deja (*šľahúň*) a nositeľ/miesto deja (*behúň³*).¹²

b) Deadjektíva (**Za** + **-úň**), patriace do mutačnej kategórie nositeľa vlastnosti (*drzúň*, *chvastúň*).

c) Desubstantíva (**Zs** + **-úň**): v súbore sa vyskytuje len jedna polymotivovaná lexéma (s alternatívnou deverbatívou motiváciou), pri ktorej má sufix čisto expresívny význam (neutr. *špeh* → expr. *špehúň*, podobne ^K*vrahúň*, *Čechúň*).

Sufix **-úň** sa využíva aj pri tvorení okazionalizmov, napr. ⁺*vzťahuň* (*Vzťажný kôň / ten neúnnavný vzťahuň. / Notorický vzťажоватelia, / vzťажуйте sa*; P. Janík), ⁺*chlapúň* (*Члaпúň je muž, ktorý nepovie žene, že je sterilizovaný, kým neotehotnie.*).

c) Ukážka spracovania transflexného afixu

-Rm3

Varianty: nie sú.

Typ: transflex.

Slovný druh: substantívum.

Spájateľnosť so základmi: **Zv**, **Zs**, **Za**.

Kombinatorika s inými formantmi: pre- + (**Zs**) + **-Rm3**, ne- + (**Za**) + **-Rm3**, s- + (**Za**) + **-Rm3**.

Formant **-Rm3** je súbor substantívnych gramatických morférov klasického deklináčného typu *dub* (neživotné maskulína s N. pl. -y), ktorý v prístupe M. Sokolovej (2007) zahrnuje vzory a podvzory *zápas*, *problém*, *vzťah*, *výsledok*, *materiál*, *dub*, *vietor*, *jazyk*, *kúsok*, *hotel* s determinujúcimi morfévmi N. pl., G. sg., L. sg., I. pl.

Variácie:

pád	sg.	pl.
N.	-0	-y
G.	-u, -a	-ov
D.	-u	-om
A.	-0	-y
L.	-e, -u, -i	-och
I.	-om	-mi, -ami

¹² Lexéma *behúň* má podľa SSSJ tri homonymá: *behúň¹* «rýchly vytrvalý bežec», *behúň²* «rýchly kôň al. iné zviera», *behúň³*. Podľa toho ju zaraďujeme aj do príslušných onomaziologických kategórií (*behúň¹*, *behúň²* agens, *behúň³* 1. «dlhý úzky koberec» — miesto deja, 2. «pohyblivá časť stroja al. prístroja» — nositeľ deja, v SSSJ je pri tejto lexéme aj ďalších päť významov, ktoré možno zaradiť do jednej zo spomínaných onomaziologických kategórií — nositeľ deja, resp. miesto deja).

Formant **-Rm3** sa ako slovosotvorný prostriedok uplatňuje pri tvorení týchto typov pomenovaní:

1) Deriváty

a) Deverbatíva (**Zv + -Rm3**), patriace najmä do transpozíčnej onomaziologickej kategórie spredmetnenia deja (*zásah, beh, odber, cveng, blk, zácvik, dupot, džavot, hon, príchod*), v menšej miere do mutačných onomaziologických kategórií: miesto deja (*výbeh, opuch, oder, výfuk, ohyb, vchod, sklad, kryt, lom*), objekt deja (*fet, chl'ast, záloh*), výsledok deja (*objav, kaz, odkaz, nálev, lup*), prostriedok deja (*obklad, krm*).

Niektoré pomenovania možno zaradiť do viacerých kategórií, napr. dej + výsledok deja (*náčrt, vzdych, nádych, podnet, výpek*), dej + miesto deja (*príjem, východ*), dej + miesto deja + výsledok deja (*výkop*).

Deverbatíva sú v niekoľkých prípadoch utvorené pomocou analogickej slovosotvorby (Furdík 1970; 1993). To značí, akoby na prvý pohľad boli utvorené prefixálno-transflexne (synchronne existujú len ich neprefixálne verbálne motivanty), ale na základe analógie s čisto transflexne utvorenými deverbatívami ich taktiež považujeme za lexémy s formantom **-Rm3**, napr. *nadjazd, podjazd, úpal, odmäk, omyl, rozpor, obrys, rozsah, prísvit, úsvit, potlesk, povel, prievan, výplod*. Niektoré prevzaté jednotky možno chápať ako remotivované a zároveň vstupujúce do vzťahu vzájomnej motivácie s príslušnými verbami, napr. *alarm, dril, draft, flám, flirt*.

b) Desubstantíva (**Zs + -Rm3**) patria do mutačného typu onomaziologickej kategórie (s parafrazou „to, čo má vzťah k Smot“), napr. *aglomerát, bronchoskop, mamograf, exhalát, elektrolyt, parket, štiav*. V tejto skupine sa raritne vyskytuje aj konfixálny derivát so štruktúrou **pre- + (Zs) + -Rm3** (*prepych* ← *pýcha*).

c) Deadjektíva (**Za + -Rm3**) patria najmä do mutačnej kategórie nositeľa vlastnosti (*globál, privát, unikát, ekvivalent, masív, špeciál*), ojedinele do transpozíčnej kategórie spredmetnenie vlastnosti (*nov, chlad, nevďak*). Aj tu sú raritné konfixálne pomenovania: transflex **-Rm3** sa ojedinele zapája do konfixálnych kombinácií s prefixmi, porov. desubstantívum *pre-pych-Rm3* (← *pýcha*), deadjektíva *ne-duh-Rm3* (← *dúž*), *s-pln-Rm3* (← *plný*).

2) Kompozitá

Ide zväčša o transflexné kompozitá s druhým základom slovesným, menej často s druhým základom substantívnym patriace najmä do kategórií spredmetnenia deja (*kolobeh*), prostriedku deja (*všielik, linorez, ďalekohľad, vodojem, sklonomer, kmítočet, vetrolam*), pôvodcu deja (*bolehlav*), miesta deja (*kameňolom*), nositeľa deja (*samotok*), spredmetnenia deja aj výsledku deja (*krasopis*), ďalej pomenovaní s významom zloženia (*päťhran*), ako aj nositeľa vlastnosti (*divozel*) či názvos nositeľa vlastnosti v širokom zmysle (*menoslov*).

Formant **-Rm3** vstupuje do konkurencie s inými formantmi pri viacnásobnej motivácii:

a) s formantom **-ot** pri deverbatívno-deverbatívnej motivácii: napr. *dupotať* → *dupot-Rm3*, *dupať* → *dup-ot*, podobne *frfot, gagot, hrmot, jagot, klepot*;

b) s formantmi **-át, -út** pri desubstantívno-deverbatívnej motivácii: napr. *ejakulácia* → *ejakulát-Rm3*, *ejakulovať* → *ejakul-át*, podobne *sublimát, preparát, substitút*;

c) s formantom **-č** pri deadjektívno-deverbatívnej motivácii: *miešací* → *miešač-Rm3*, *miešať* → *miešač-č*, podobne *hnetač, rozmnožovač, rozmrazovač* (niektoré slovníky tento typ spracávajú ako homonymá na základe protikladu životnosť — neživotnosť).

VII. Závery

Slovník slovosotvorných prostriedkov v slovenčine, ktorého koncepciu sme v príspevku predstavili, spracúva, detailne opisuje a charakterizuje základné stavebné prostriedky slovosotvorne motivovaných slov v slovenčine, ako aj sprievodné prostriedky a javy, ktoré vo vybraných prípadoch participujú na slovosotvorných aktoch — interfixy, alternácie a trun-kácie. Materiálová reprezentatívnosť slovníka sa dosahuje jednak komplexným spracovaním

morfematicko-derivačných charakteristík jednotiek zo *Slovníka koreňových morfém slovenčiny*, ktorý predstavuje východiskovú databázu opisu, jednak dopĺňaním korpusových dokladov ilustrujúcich funkčnú dynamiku vybraných slovotvorných prostriedkov.

Cieľom slovníka je zachytiť a opísať systém slovotvorných prostriedkov súčasnej slovenčiny, a to z hľadiska ich slovotvornej produktivity, kombinatoriky s istými slovnodruhovými typmi slovotvorných základov, ako aj slovotvorných prostriedkov navzájom pri konfixálnych kombináciách, ďalej z hľadiska onomaziologických charakteristík, s ktorými sa jednotky utvorené týmito prostriedkami spájajú, z hľadiska synonymie a konkurencie existujúcej v systéme slovotvorných prostriedkov (v rámci viacnásobnej motivácie) a pod. Toto spracovanie tak môže výrazne prispieť k ďalšiemu precizovaniu a prehĺbovaniu opisu a charakteristiky vnútrojazykových vzťahov v rámci slovotvornej sústavy slovenčiny a takisto môže slúžiť ako východisko pre konfrontačné opisy systému slovotvorných prostriedkov v slovenčine a iných (typologicky blízkych aj vzdialenejších) jazykoch.

Okrem toho, že slovník predstavuje príspevok k teoretickej problematike a praktickému opisu vybraných aspektov slovotvornej sústavy súčasnej slovenčiny, ho bude možné využiť aj na didaktické účely — jednak pri výučbe slovotvorby slovenčiny na školách (najmä v rámci vysokoškolského štúdia), jednak pri vyučovaní slovenčiny ako cudzieho jazyka ako pomôcku pri rozvíjaní slovotvornej kompetencie a rozširovaní lexikálnej zásoby učiacich sa.

LITERATÚRA

Buzássyová, Jarošová 2006: Buzássyová K., Jarošová A. (hl. red.). Slovník súčasného slovenského jazyka. A — G. Bratislava, 2006.

Buzássyová 2018: Buzássyová K. Kombinatorika významových konštituentov v kompozitách // Chocholová B., Janočková N. Ako sa rodia a žijú slová, 2: Výber z diela Kláry Buzássyovej. Bratislava, 2018, 83–90.

Furdík 1970: Furdík J. Slovotvorná analógia a analogická slovotvorba // Jazykovedný časopis. 1970. 21, 54–59.

Furdík 1993: Furdík J. Slovotvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča, 1993.

Furdík 2004: Furdík J. Slovenská slovotvorba (teória, opis, cvičenia). Prešov, 2004.

Ivanová 2004: Ivanová M. Niekoľko poznámok o trunkácii v slovenčine // Imrichová M. Slovenčina na začiatku 21. storočia. Prešov, 2004, 102–111.

Ivanová 2006: Ivanová M. Afixy — frekvenčná, obsahovo-formálna a funkčná charakteristika // Sokolová M., Ivanová M., Ološtiak M. Morfematický výskum slovenčiny (možnosti jeho štatistického, elektronického a didaktického spracovania. Venované pamiatke Jána Horeckého. Prešov, 2006, 111–144.

Kačala, Pisárčiková, Považaj 1997: Kačala J., Pisárčiková M., Považaj M. (red.) Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1997; 4., dopl. a uprav. vyd. Bratislava, 2003.

Kleszczowa 2015: Kleszczowa K. Grammaticalization in Slavic Word-formation // Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe. 3. Berlin; New York, 2015, 1842–1853.

Králik 2015: Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.

Ološtiak, Gianitsová-Ološtiaková 2015: Ološtiak M., Gianitsová-Ološtiaková L. Formálno-procesuálne aspekty slovotvornej motivácie // Ološtiak M. Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorby slov v slovenčine. Prešov, 2015, 207–308.

Ološtiak, Ološtiaková 2018: Ološtiak M., Ološtiaková L. Morfematika a slovotvorba slovenčiny. Prešov, 2018.

Ološtiak, Vojteková, Oriňáková 2018: Ološtiak M., Vojteková M., Oriňáková S. Slovtvorná adaptácia a kompozitnosť v slovenčine. Prešov, 2018.

Ološtiak, Vojteková 2021: Ološtiak M., Vojteková M. Kompozitnosť a kompozícia: príspevok k charakteristike zložených slov na materiáli západoslovanských jazykov // Slovo a slovesnosť. 2021. 82, 95–117.

Ološtiak et al. 2021: Ološtiak M., Ivanová M., Palková L., Vužňáková K. Slovník slovotvorných prostriedkov v slovenčine. Prešov, 2021.

Palková 2015: Palková L. Morfonologické aspekty slovotvornej motivácie // Ološtiak M. Kvalitatívne a kvantitatívne aspekty tvorenia slov v slovenčine. Prešov, 2015, 309–406.

Považaj 1998: Považaj M. (red.) Pravidlá slovenského pravopisu. 2. dopln. a preprac. vyd. Bratislava, 1998.

Sabol 1989: Sabol J. Syntetická fonologická teória. Bratislava, 1989.

Sokolová 2000: Sokolová M. Alternácie v spisovnej slovenčine // Buzássyová K. Človek a jeho jazyk. 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Bratislava, 2000, 417–444.

Sokolová et al. 1999: Sokolová M., Moško G., Šimon F., Benko V. Morfematický slovník slovenčiny. Prešov, 1999.

Sokolová et al. 2005: Sokolová M., Ološtiak M., Ivanová M., Šimon F., Czérová B., Vužňáková K., Benko V., Moško G. Slovník koreňových morfém slovenčiny. 1. vyd. Prešov, 2005.

Sokolová et al. 2007: Sokolová M., Ološtiak M., Ivanová M., Šimon F., Czérová B., Vužňáková K., Benko V., Moško G. Slovník koreňových morfém slovenčiny. 2., dopl. vyd. Prešov, 2007.

Sokolová et al. 2012: Sokolová M., Ološtiak M., Ivanová M., Šimon F., Czérová B., Vužňáková K., Benko V., Moško G. Slovník koreňových morfém slovenčiny. 3., dopl. vyd. Prešov, 2012.

Šimandl 2016: Šimandl J. et al. Slovník afixů užívaných v češtině. Praha, 2016.

Štekauer 1993: Štekauer P. Essentials of English Linguistics. Prešov, 1993.

Vužňáková 2006: Vužňáková K. Slovtvorné (onomaziologické) kategórie a slovtvorný význam derivátov a kompozít v slovenčine // Jazykovedný časopis. 2006. 57, 13–32.

PEDAGOŠKI LEKSIKOGRAFSKI PORTAL *FRANČEK*

Andrej PERDIH

Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša

(Ljubljana, Slovenija)

<https://orcid.org/0000-0002-2248-9666>

andrej.perdih@zrc-sazu.si

V prispevku je predstavljen leksikografski del prvega slovenskega pedagoškega slovarsko-slovnicega portala *Franček*. Namenjen je osnovnošolcem in srednješolcem, vsebinsko in grafično pa je prilagojen za tri starostne stopnje: 1.–5. razred osnovne šole (6–10 let), 6.–9. razred osnovne šole (11–14 let), srednja šola (15–18 let). Za 100.006 iztočnic so predstavljeni pomen, sinonimija, frazeologija, morfologija, zvočni posnetek izgovora ter narečni, etimološki in zgodovinski podatki.

Ključne besede: pedagoški jezikovni portal, pedagoška leksikografija, šolski slovar, povezovanje slovarjev, slovenščina, knjižni jezik

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОРТАЛ «*FRANČEK*»

Андрей ПЕРДИХ

Институт словенского языка Франа Рамовша

(Любляна, Словения)

В статье представлена лексикографическая часть первого словенского педагогического словарно-грамматического портала «*Franček*». Портал предназначен для учащихся начальной и средней школы, а его содержание и графика адаптированы для трех возрастных уровней: 1–5 класс начальной школы (6–10 лет), 6–9 класс начальной школы (11–14 лет), средняя школа (15–18 лет). В словарных статьях описаны 100 006 лексем — для каждой приводятся: значение, синонимия, фразеология, морфология, звукозаписи произношения, а также диалектные, этимологические и исторические данные.

Ключевые слова: портал педагогического языка, педагогическая лексикография, школьный словарь, комбинирование содержания словарей, словенский язык, литературный язык

THE EDUCATIONAL LEXICO-GRAMMATICAL LANGUAGE PORTAL *FRANČEK*

Andrej PERDIH

Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language

(Ljubljana, Slovenia)

The article presents the lexicographic part of the first educational lexico-grammatical language portal for Slovenian, *Franček*. The portal is aimed at primary- and secondary-school

students, and is specifically adjusted for three age groups: 1st to 5th grade of primary school (6 to 10 years), 6th to 9th grade of primary school (11 to 14 years), and secondary school (15 to 18 years). For 100,006 headwords, semantic, synonymic, morphological, pronunciation, phraseological, dialect, historical, and etymological data is provided.

Keywords: pedagogical language portal, pedagogical lexicography, school dictionary, children's dictionary, dictionary linking, Slovenian language, standard language

I. Uvod

Portal *Franček* (www.francek.si, www.francek.si) predstavlja tip slovarskega portala, kjer so podatki iz različnih slovarjev izbrani in združeni iz različnih slovarjev v novo leksikografsko zbirko, ki temelji na skupnem geslovníku s 100.006 iztočnicami. Leksikografski del je osrednji del širšega, prvega pedagoškega slovarsko-slovnicega portala za slovenščino, saj je namenjen za učence osnovnih in srednjih šol ter prinaša medsebojno povezane slovarske kot tudi slovnice vsebine. S tem se zapolnjuje vrzel pri naboru pedagoških opisov slovenščine, saj so bili dosedanje slovarski opisi slovenskega jezika za pedagoško rabo na voljo le v zelo omejenem obsegu, zlasti pa ne s tako celovitim opisom. Portal je bil objavljen septembra 2021. Učitelji lahko portal uporabljajo kot dodaten pripomoček za delo z učenci pri jezikovnem pouku, obenem pa bo pomagal pri izobraževanju učencev za razumevanje in uporabo slovarjev. Učencem bo v pomoč pri raznovrstnih nalogah v okviru šolskega pouka in v prostem času pri iskanju odgovorov na različna vprašanja: o pomenu, sopomenkah, narečnih in zgodovinskih vidikih, slovnicih vprašanjih itd.

Poleg slovarskega dela sta v portal integrirani šolski slovnici za osnovno in srednjo šolo (Ahačič 2017a; Ahačič 2017b), na voljo je tudi jezikovna svetovalnica za učitelje slovenščine¹. Celoto dopolnjujejo didaktični materiali, ki so večinoma izdelani po avtomatiziranih postopkih iz obstoječih in novih slovarskih virov. Za potrebe pedagoške leksikografije je nastal *Korpus šolskih besedil slovenskega jezika* (Ahačič idr. 2021), ki ga sestavljajo zlasti besedila učencev, leposlovje za otroke in enakomerno zastopana strokovna področja iz učbeniškega gradiva. Korpus predstavlja gradivsko podlago za *Šolski slovar slovenskega jezika* (Petric Žižić 2020; Godec Soršak 2015, 2019) v obsegu 2000 iztočnic, ki je namenjen za učence 1.–5. razreda osnovne šole in je prav tako sestavni del portala *Franček*. Registrirani uporabniki so za uporabo portala dodatno motivirani z zbiranjem nagrad za pogosto uporabo portala, s portalom pa je povezana tudi igra za mobilne naprave *Besedoboj*, ki je namenjena zabavnemu ukvarjanju z jezikom.

Za kakovost vsebine in prikaza podatkov na portalu je velikega pomena tesno sodelovanje leksikografov, jezikoslovcev neleksikografov, didaktikov in informatikov ter 72 učiteljev z 22 osnovnih in srednjih šol². Skozi celotno obdobje projekta izdelave portala in

¹ Jezikovno svetovanje je bilo na Inštitutu za slovenski jezik do zdaj namenjeno zlasti splošni javnosti (Dobrovolje, Verovnik, Bizjak Končar 2017) in reševanju terminoloških vprašanj (Žagar Karer 2017), s portalom *Franček* pa se odpira še specializirana svetovalnica kot podpora učiteljem v pedagoškem procesu.

² Število sodelujočih je sodelovala ves čas projekta, nekateri posamezniki so se dodatno pridružili med samim izvajanjem aktivnosti.

pridruženih vsebin³ so potekala preverjanja in testiranja predlaganih rešitev in njihove izboljšave glede na odzive didaktikov, učiteljev in njihovih učencev.

Portal je nastajal v ugodnih okoliščinah, zaradi katerih je mogoče pričakovati, da bo dobro sprejet med učitelji in učenci. Leta 2014 je bil namreč vzpostavljen slovarski portal Fran, na katerem so za splošno javnost brezplačno ponujeni številni slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU (Ahačič, Ledinek, Perdih 2015a; Ahačič, Ledinek, Perdih 2015b; Perdih 2020). Pomen portala, njegova prepoznavnost in uporabnost se kaže med drugim s povprečno 280.000 iskanji na dan v letu 2021, pri čemer slovenščino govori nekaj več kot dva milijona govorcev. Učbeniki in delovni zvezki za pouk slovenskega jezika vključujejo tudi uporabo slovarjev na portalu Fran. Če bo portal *Franček* dobro sprejet pri učiteljih slovenskega jezika v osnovnih in srednjih šolah, lahko predvidevamo, da bo postopoma prav tako postal vključen v šolske učbenike in delovne zvezke.

II. Osnovne značilnosti

Tako vsebina kot prikaz podatkov sta prilagojena trem starostnim skupinam glede na njihove zmožnosti in šolski sistem: 1.–5. razred osnovne šole (6–10 let, razredna stopnja), 6.–9. razred osnovne šole (11–14 let, predmetna stopnja), srednja šola (15–18 let).

Portal *Franček* z vidika iskanja informacija predstavlja enotno začetno točko, kjer so različni slovarski podatki organizirani z vidika iskane vsebine. Slovarski podatki so na portalu namreč razvrščeni po vsebinskih razdelkih glede na različna vprašanja, ki si jih učenci lahko zastavijo, npr. «*Kaj pomeni ta beseda?*», in prinašajo slovarske podatke o osmih vsebinskih vprašanjih: o pomenu, sinonimiji, frazeologiji, morfologiji, na voljo je zvočni posnetek izgovora, pa tudi narečni, etimološki in zgodovinski podatki. Bistvena razlika od portalov, na katerih nastopajo slovarji vsak kot samostojna enota, je ta, da so uredniki portala iz slovarjev že vnaprej izbrali tiste podatke, ki so za posamezno jezikovno vprašanje relevantni za šolskega uporabnika, in optimizirali podatke, ki so redundantni zaradi ponavljanja v različnih slovarjih. Ker je *Franček* pedagoški portal, so bile nekatere podrobnosti iz slovarjev ob tem poenostavljene ali izločene, saj presegajo pedagoške potrebe ali pa šolskemu uporabniku otežijo osredotočanje na bistvene jezikovne prvine na račun prevelikega števila podrobnosti. Ob tem so bili pripravljeni novi pedagoški leksikografski opisi, ki zapolnjujejo največje vrzeli pri dosedanjih opisih.

Integracija slovarjev v eno leksikografsko celoto obenem povzroča tudi težave, s katerimi se soočajo uredniki portala. Slovarji, ki predstavljajo vsebinski vir za portal, zaradi svoje nepopolnosti niso namreč nekonsistentni le znotraj sebe, temveč zlasti nekompatibilni med seboj. Izhajajo iz različnih teoretičnih postavk, izdelani so bili po različnih metodoloških pristopih, njihove besedilne gradivske podlage se med seboj razlikujejo, slovarji pa so prav tako nastajali z večdesetletno časovno razliko. Njihovi vsebinski

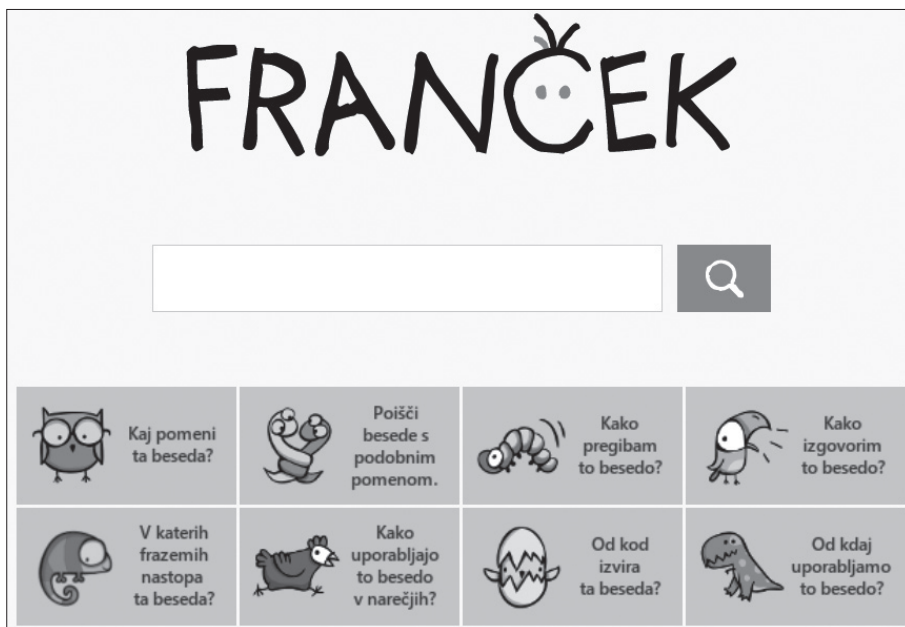
³ Projekt *Portal Franček, Jezikovna svetovalnica za učitelje slovenščine in Šolski slovar slovenskega jezika*. Vodja projekta: Kozma Ahačič. Trajanje projekta: julij 2017–september 2021.

poudarki so različni, zato so nekateri jezikovni podatki v ospredju in natančneje obdelani, drugi le dodani in zato manj natančni (vendar ne napačni). S poenostavljanjem za pedagoški namen se sicer nekatere nekonsistentnosti zabrisujejo, vendar popolne skladnosti med različnimi slovarskimi podatki vseeno ni mogoče pričakovati.

III. Struktura in vsebina

Portal združuje podatke različnih slovarjev, vendar pri tem niso več v ospredju izhodiščni slovarji, ampak so leksikografski podatki organizirani po vsebinskih modulih, kjer so podatki lahko pridobljeni iz različnih izhodiščnih slovarjev:

1. Pomen (*Kaj pomeni ta beseda?*)
2. Sopomenke (*Poišči besede s podobnim pomenom.*)
3. Pregibanje (*Kako pregibam to besedo?*)
4. Izgovor (*Kako izgovorim to besedo?*)
5. Frazemi (*V katerih frazemih nastopa ta beseda?*)
6. Narečja (*Kako uporabljajo to besedo v narečjih?*)
7. Izvor (*Od kod izvira ta beseda?*)
8. Zgodovina (*Od kdaj uporabljamo to besedo?*)

Slika 1: Iskalnik in osem vsebinskih razdelkov slovarskega dela portala *Franček*

Geslovnik kot makrostrukturni segment portala predstavlja nabor 100.006 iztočnic, ki temelji na geslovnikih dveh splošnih razlagalnih slovarjev: druge izdaje Slovarja sloven-

skega knjižnega jezika (SSKJ2) iz leta 2014⁴ in eSSKJ, ki nastaja od leta 2016 dalje (Gliha Komac idr. 2015). Za izdelavo geslovnika nismo uporabili vseh iztočnic iz slovarjev, saj smo izločili tiste, ki so v SSKJ2 v vseh (ali edinem) pomenu opredeljene kot zastarele (kvalifikator zastar.) in nekatere vulgarne (kvalifikator vulg.), dodatno pa so v geslovník portala *Franček* dodane prislovne podiztočnice iz SSKJ2, pa tudi večje število glagolskih podiztočnic, ki vsebujejo pomenske razlage (izmed teh so vključene le tiste podiztočnice, ki imajo v odnosu do iztočnice dodan ali izločen morfem *se/si*, npr. *delati se* pri *delati*, *sprehajati* pri *sprehajati se*, ne pa tudi različni deležniki in deležja). Geslovník portala *Franček* tako ne vsebuje podiztočnic — vsi obravnavani (enobesedni) leksemi nastopajo kot iztočnice. Stalne besedne zveze (terminološke in neterminološke) in frazeološke enote niso obravnavane kot iztočnice.

Homografom, tj. iztočnicam, ki so (brez upoštevanja naglasnih znamenj) pisane enako, so dodani **indikatorji** različnih tipov, ki so namenjeni lažji identifikaciji iskane iztočnice (Perdih 2021a). V slovarjih, iz katerih črpamo podatke, so namreč homografom⁵ za razločevanje med njimi pripisani številski indeksi. Ti indeksi ne prinašajo nobene možnosti za vsebinsko razločevanje, za pedagoški portal pa smo želeli učencem omogočiti smiselno razločevanje v procesu izbire s seznama zadetkov iskanja. Za razliko od pomenskih indikatorjev, ki so v slovarjih uporabljeni za razlikovanje med pomeni iste iztočnice (prim. Gantar 2015: 166 za *Leksikalno bazo za slovenščino*; Žmigrodzki 2018: 32–33 za *Wielki słownik języka polskiego*), so indikatorji na portalu *Franček* uporabljeni za razločevanje med homografi. Kadar je mogoče, so uporabljeni besednovrstni indikatorji, ki razločujejo iztočnice različnih besednih vrst (*vrh*¹ m : *vrh*² predlog) ali besednovrstnih podkategorij, npr. spol pri samostalniku (*prst*¹ m : *prst*² ž). Poleg 1165 iztočnic s pripisanimi besednovrstnimi indikatorji je 3268 iztočnicam pripisan pomenski indikator, kadar iztočnice pripadajo isti besedni vrsti (*atlas*¹ 'knjiga' : *atlas*² 'tkanina', *atlas*³ 'vretence'). V 58 primerih so uporabljeni drugi indikatorji, kadar se homografi ne razlikujejo niti po besedni vrsti niti po pomenu. Tako je v redkih primerih uporabljena razlika v naglasu ali pregibanju (*brezimen*¹ brezímen : *brezimen*² brezimén), čeprav v obravnavanem primeru obstaja tudi stilistična razlika, vendar je stilistični podatek za šolskega uporabnika slabše razumljiv kot podatek o naglasu. V izjemnih primerih, kadar opisujemo razmerje med več kot dvema homografoma, smo uporabili kombinirane indikatorje (*vaten*¹ 'vatiran (vátén)': *vaten*² 'v fiziki': *vaten*³ 'vatiran (vatén)').

Pri oblikovanju pomenskih indikatorjev so bila kot glavna načela upoštevana:

- a) razumljivost za šolskega uporabnika,
- b) kratkost,
- c) pomenska razločevalnost.

⁴ SSKJ2 je nastal kot posodobljena izdaja Slovarja slovenskega knjižnega jezika, ki je v 20. stoletju tako po obsegu kot po zasnovi najambicioznejši slovarski podvig pri Slovencih (Vidovič Muha 2021: 13). V petih zvezkih je izhajal v obdobju 1970–1991 in je bil kasneje večkrat ponatisnjen in objavljen v različnih elektronskih izdajah. Druga izdaja slovarja zapolnjuje vsebinsko in časovno vrzel v leksikalnem opisu slovenskega jezika od 1991 do 2013 (Perdih, Snoj 2015; Perdih 2016: 30–31).

⁵ V nekaterih slovarjih zamejeno ožje, na homonime, pri čemer je potrebno tudi ujemanje v naglasnem znamenju in besedni vrsti.

Slika 2: Indikatorji za razločevanje med homografi na portalu *Franček*

Dodatno je bilo v nekaterih primerih mogoče upoštevati načelo sistematičnosti, tj. da se v homografskem nizu uporabijo istovrstni tipi indikatorja⁶.

V nadaljevanju je opisanih **osem vsebinskih razdelkov**, ki prinašajo mikrostrukturno vsebino. Prvi štirje razdelki (pomenski, sinonimni, morfološki, izgovorni) so na voljo vsem starostnim skupinam, pri čemer je za vsako starostno skupino prilagojena vsebina in vizualizacija. Drugi štirje razdelki (frazološki, narečni, etimološki, zgodovinski) so na voljo le učencem iz druge (6.–9. razred) in tretje starostne skupine (srednja šola). V splošnem so vsi razdelki strukturirani tako, da je najprej podano vsebinsko vprašanje, npr. «*Kaj pomeni beseda **kamen**?*», temu sledi vsebina razdelka, na dnu strani pa je podana povezava na portal Fran neposredno na originalni slovar, iz katerega izhaja vsebina tega razdelka.

1. Pomenski razdelek

V prvem razdelku je predstavljen pomenski opis z razlagami, primeri rabe in slikovnimi materiali. Učencem 1.–5. razreda osnovne šole je primarno namenjenih 2000 slovarskih sestavkov iz novega *Šolskega slovarja slovenskega jezika*, ki nastaja v okviru portala, po zaključku projekta pa naj bi se slovar še dopolnjeval. Ker je slovar namenjen jasno določeni ciljni starostni skupini, so razlage v njem »prilagojene otrokovim izkušnjam tako, da je poudarjen z otrokovega stališča najbolj tipičen vidik pomena, npr. *Zvezek je knjižica iz listov in platnic, v katero pišemo, rišemo pri pouku* (v nasprotju z razlago iz SSKJ: *skupek trdno sešitih, spetih nepotiskanih listov v platnicah iz papirja ali kartona*).« (Petric Žižić 2020: 393) Podatki za druge besede za najmlajšo starostno skupino enako kot za starejše uporabnike izhajajo iz 2. izdaje *Slovarja slovenskega knjižnega jezika* (SSKJ2, pribl. 96.000 iztočnic) in dodatnih 2000 iz slovarja *eSSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika* (3. izdaja). Ugotavljamo namreč, da je tudi za najnižjo starostno skupino bolj prikazati podatke za vse besede na portalu (približno 100.000), čeprav jim niso v celoti prilagojeni, kot pa da bi bili podatki zamejeni na le 2000 iztočnic.

Za starejše učence so vsi podatki v pomenskem razdelku pridobljeni iz 2. izdaje *Slovarja slovenskega knjižnega jezika* in iz slovarja *eSSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika* (3. izdaja). Ker sta ta dva slovarja primarno namenjena odraslim govorcem slovenskega

⁶ Kot pomenski indikatorji nastopajo zlasti: nadpomenke, sopomenke, področne opredelitve, opisni tip *o + čem* ipd.

jezika, sta bila za pedagoško rabo prilagojena, kolikor so to dopuščale tehnične in časovne možnosti, zlasti z izpuščanjem podatkov (zmanjšana je količina ilustrativnega gradiva, med njimi tudi večina stilno okvalificiranih zgledov; izločeni so manjši pomenski prenosi in prenesene rabe; izločene so vsebine, ki so prikazane v drugih razdelkih, npr. sinonimija, frazeologija in oblikoslovni podatki; izločeni so zastareli in del vulgarnih pomenov in besednih zvez) in s prilagajanjem prikaza podatkov, zlasti kvalifikatorjev, ki so bili razvezani v polne opise (anat. → anatomija, geol. → geologija). Dodatno so kvalifikatorjem dodana kratka pojasnila, ki se prikažejo v oblaku s pomočjo, tam pa je na voljo tudi hiperpovezava do ustreznega poglavja v integrirani šolski slovnici, kjer lahko uporabniki dobijo podrobnejše informacije o tej vrsti kvalificiranja. Na ta način je na portalu poudarjena tudi zavest o tem, da sta slovar in slovnica med seboj v jeziku neločljivo povezana, in s tem ponuja celovitejši pogled na jezik namesto parcialnega.

Kaj pomeni beseda otrok?

1. POMEN

Otrok je deček ali deklica v prvih letih življenja, preden odraste.

Otroci se igrajo na šolskem dvorišču.

2. POMEN

Otrok je hči ali sin.

Starši so s svojimi **otroki** brali knjige in otroške revije.

Slika 3: Pomenski razdelek iztočnice *otrok*

Omejitev pri prilagajanju *Slovarja slovenskega knjižnega jezika* predstavlja njegov obseg, saj bi za celovito prilagoditev razlag in ilustrativnega gradiva pedagoškemu namenu pravzaprav morali postaviti in realizirati povsem nov razlagalni sistem, česar realno ni bilo mogoče opraviti. V danih okoliščinah druge realne možnosti kot uporabiti ta slovar niti ni, saj dosednji obstoječi slovarji slovenščine za pedagoško rabo obsegajo premajhno število iztočnic.

Slikovni materiali so pridobljeni iz dveh virov. Večina slik je licenčno prostih slik, pridobljenih prek iskalnika Bing. Manjši del slik za predmete iz nedavne preteklosti smo prejeli v uporabo od *Slovenskega etnografskega muzeja*. Sledil je ročni pregled vseh slik za končni izbor 64.063 slik pri 19.760 iztočnicah.

2. Sinonimni razdelek

Sinonimni razdelek prinaša t. i. prave sinonime (na portalu jih razumemo in opredeljujemo kot »besede s podobnim pomenom») za posamezne pomene iztočnice. Temelji na podatkih iz *Sinonimnega slovarja slovenskega jezika*, pri čemer je bil najprej opravljen izbor relevantnih podatkov, nato pa je bil način ubeseditve njihove zvrstno-stilne vrednosti prilagojen šolskim uporabnikom. Tako so bile najprej izločene enote, ki so v izhodiščnem slovarju opredeljene kot delni sinonimi, protipomenke, vzporedne podpomenke in nekatere druge enote, saj je za pedagoški namen najustreznejši glavni tip, tj. »prava» sinonimija. Vsebinska odločitev je v tem primeru sovpadla z grafično, saj bi veliko število povezanih enot izgubilo svoj smisel, kadar njihova preobsežnost zmanjšuje učinkovitost prebranega za to starostno skupino uporabnikov in njihovo stopnjo znanja.

Od »pravih» sinonimov prav tako niso uvrščeni vsi, ampak je izbor omejen na tiste, ki so glede na okvalificiranost uvrščeni v katero od naslednjih skupin:

- nevtralni (v izhodiščnem slovarju: nevtralni, prakt.sp.)
- ekspresivni (v izhodiščnem slovarju: ekspr., ljubk., otr., šalj., vznes.)
- negativni (v izhodiščnem slovarju: slabš., nizk.)
- časovni (v izhodiščnem slovarju: star., knj.izroč., redk.)
- kazalka na (nevtralni) dominantni sinonim v izhodiščnem slovarju, če je iztočnica nevtralna ali označena kot ekspresivna, negativna ali časovno zaznamovana.

V trenutni različici portala so podatki o sinonimiji z geslovnikom povezani na nivoju iztočnice. To pomeni, da niso ustvarjene povezave med pomeni iz pomenskega razdelka in pomeni iz sinonimnega razdelka. Kot posledica tega so možna neujemanja med pomenskimi opredelitvami v obeh razdelkih. Velik izziv pri povezovanju podatkov *Sinonimnega slovarja slovenskega jezika* z geslovnikom portala *Franček* je predstavljalo različna obravnava besednih vrst na makrostrukturnem nivoju. *Sinonimni slovar slovenskega jezika* med drugim na makrostrukturni ravni osamosvaja t. i. *povedkovnike* (raba besede v povedkovem določilu ob glagolu *biti*, npr. *On je lisjak*), prav tako slovar za razliko od geslovnika na makrostrukturnem nivoju razlikuje določne (vrstne) in nedoločne (lastnostne, stanjske ...) pridevnike. V slovenščini se ti dve skupini oblikovno razlikujeta le v imenovalniku (1. sklon) ednine za moški spol in oblike za neživo v tožilniku (4. sklon) ednine za moški spol, kjer oblika za vrstni pridevnik dobi končni *-i* (*zelen* : *zeleni*, *pralen* : *pralni*) (Perdih 2021b).

Vizualizacija podatkov in metajezikovni opis sta prilagojena trem različnim starostnim skupinam. Za vse tri je podana razlaga pomena in navedeni sinonimi. Okvalificiranost sinonimov za prvo starostno skupino je prikazana le grafično, tj. z ikonami. Pri prikazu za drugo starostno skupino je okvalificiranje pojasnjeno tako z ikonami kot z besedilnimi opisi, kar je prikazano na Sliki 4. Za tretjo starostno skupino ikone niso prikazane, saj je bralno razumevanje pri srednješolcih že na visokem nivoju, zato so uporabljeni besedilni opisi.

Katere besede imajo podoben pomen kot beseda **otrok**?

ZA POMEN **deček ali deklica v prvih letih življenja**

Kadar želimo svoj jezik **obarvati s čustvi**, imajo podoben pomen še besede:

čukec	najmanjši
hlačar	naraščaj
hlaček	otročaj
hlačman	otroče
korenjaček	otroček
kratkohlačnik	otročič
kratkosrajčnik	otročiček
kričač	pestovanček
majceno	pestovanec
malič	prirastek
mišek	srček
mižek	zlatek

Kadar želimo pomenu dodati **negativna čustva**, ima podoben pomen še beseda **pamž**.

Včasih lahko zlasti v **starejših besedilih** v podobnem pomenu zasledimo besede:

dete	otročajnar
------	------------

Slika 4: Sinonimni razdelek pri iztočnici *otrok*, prikaz za 2. starostno skupino

Pregibanje

Razdelka o pregibanju besed prinaša morfološke podatke, večinoma v obliki tabel, ki so obenem ena od osnovnih učnih vsebin pri pouku slovenščine. Podatki v tabelah ne vsebujejo naglasnih znamenj. Kljub temu naloga priprave tega razdelka nikakor ni bila lahka, saj dovolj zanesljivih morfoloških leksikonov za slovenščino še ni. Tako smo kombinirali in medsebojno primerjali podatke iz različnih virov: pregibnostni vzorci P. Jakopina (Jakopin 1999), pregibnik podjetja Amebis, d. o. o., in Lematska baza, ki nastaja vzporedno s pripravo slovarja eSSKJ in pri tem v veliki meri pregledovali in popravljali obstoječe in na novo pripravljene podatke. Glede na starostno skupino se v razdelku prikazuje različno število pomagal, npr. navedbe sklonskih vprašalnic, in pregibnostnih vzorcev, npr. na najnižji stopnji so pri glagolu navedeni nedoločniška in namenilniška oblika ter pregibnostni vzorec za sedanjik, na drugi stopnji so dodani pregibnostni vzorci za preteklik, prihodnjik in velelnik, na srednješolski ravni pa naštete zamenja pregibnostni vzorec deležnika na *-l*.

Največje pomanjkljivosti se v tem trenutku kažejo pri oblikah za pregibanje zaimkov in števnikov, pa tudi pri stopnjevanju prislovov in pridevnikov, zlasti zaradi dveh načinov stopnjevanja⁷ in pomanjkanja raziskav.

4. Izgovor

Za vse iztočnice so bili s strojnim sintetizatorjem izgovora *eBralec* (Žganec Gros idr. 2016) izdelani posnetki z ženskim in moškim glasom. Za nekaj več kot dva tisoč iztočnic *Šolskega slovarja slovenskega jezika* je bil posnet izgovor naravnega govorca, da imajo šolarji najnižje starostne skupine (1.–5. razred) na voljo celovito zaokrožen šolski slovar, obenem pa so isti posnetki na voljo tudi starejšim učencem.

5. Frazološki razdelek

Zgoraj predstavljeni štirje razdelki so prikazani pri vseh starostnih stopnjah. Od tu dalje se razdelki zaradi svoje zahtevnosti prikazujejo le uporabnikom iz druge in tretje starostne skupine.

Slovenski frazemi so v največjem obsegu slovarsko obdelani v SSKJ in *Slovarju slovenskih frazemov*. Ker so frazemi v *Slovarju slovenskih frazemov* predstavljeni v slovarski obliki (v SSKJ pa so večinoma ne) in ker je tudi po tehnični strani ta slovar bistveno bolj primeren za prilagajanje za pedagoški portal, so uporabljeni podatki iz tega slovarja. Izjema so iztočnice, pri katerih so za pomenski razdelek uporabljeni slovarski sestavki iz slovarja eSSKJ. Tudi za frazeološki razdelek imajo prednost podatki iz eSSKJ, saj je po mnenju urednikov portala primernejši, vsekakor pa se naslanja na bolj aktualno korpusno gradivo. Takšna kombinacija nujno pomeni notranjo neskladnost portala, na kar je bilo opozorjeno v uvodnem delu prispevka, vendar ocenjujemo, da je po vsebinski strani takšna rešitev vendarle ustrežnejša.

Pri pripravi frazeološkega razdelka sta bila oba slovarja (*Slovar slovenskih frazemov* in eSSKJ) strukturno poenotena v smislu, da so bili izločeni podatki, za katere menimo, da presega potrebe pedagoškega portala, tako da so ostali samo temeljni podatki, potrebni za prikaz in razumevanje frazemov v pedagoškem procesu: slovarska oblika frazema, relevantnost glede na starostno stopnjo⁸, variante frazema⁹, na pomenski ravni pa kvalifikatorji in kvalifikatorska pojasnila¹⁰, razlaga ali razlagalni sinonim in stavčni zgledi iz korpusnega gradiva. Prikaz za drugo in tretjo starostno stopnjo se razlikuje glede na število prikazanih variant frazemov in število stavčnih zgledov.

⁷ Opisno stopnjevanje: *zelen* — *bolj zelen* — *najbolj zelen*; priponsko stopnjevanje: *visok* — *višji* — *najvišji*. Nekateri pridevniki in prislovi se stopnjujejo na oba načina, pri nekaterih pa je uveljavljen le en način. Na žalost manjkajo teoretične in korpusne raziskave, s katerimi bi lahko ustrezno opredeliti veliko število pridevnikov na portalu.

⁸ Kadar iztočnica ne nastopa v slovarski obliki frazema, ampak le v variantah, je tak frazem prikazan le za srednješolsko starostno skupino.

⁹ Zaradi preglednosti je število variant omejeno na štiri, skupaj s slovarsko obliko frazema je torej podanih do največ pet različnih izraznih podob frazema.

¹⁰ Tako kot v pomenskem razdelku so tudi tu kvalifikatorji izpisani neokrajšano, dodani so oblački s pomočjo in hiperpovezava na slovnico, kjer je podrobneje pojasnjen pomen kvalifikatorja.

6. Narečni razdelek

Zaradi visoke narečne členjenosti slovenskega jezika je narečni razdelek relevanten tudi za šolajočo se populacijo. Vsebinsko odgovarja na dve vprašanji:

- onomaziološko (s katerimi besedami se izrazi koncept X in v katerih narečjih),
- semaziološko (katere koncepte še označuje beseda X in v katerih narečjih),

ob tem pa je lahko dodan še komentar. Podatki temeljijo na dosedanjih zvezkih *Slovenskega lingvističnega atlasa* z onomaziološkim pristopom, za portal *Franček* pa je semaziološki vidik nastal najprej z obrnitvijo onomazioloških podatkov in nato z obsežno dopolnitvijo podatkov. Ob tem je bila zmanjšana kompleksnost podatkov, dodane pa so bile opredelitve razširjenosti (*redko, ponekod, zelo pogosto, v primorski narečni skupini ...*) in dopolnitve z dodatnimi narečnimi podatki, ki v atlasu niso zajeti. Uporabnikom je na voljo funkcija zvočnega snemanja, kjer lahko posnamejo svoj narečni izgovor besede in jo opredelijo z lokacijskim podatkom (Ježovnik, Kenda-Jež, Škofic 2020).

7. Etimološki razdelek

V okviru šolskega pouka slovenščine se etimologiji posveča le malo pozornosti, vendar smo zaradi celovitosti portala in opisa leksike dodali tudi etimološki razdelek. Podatke zanj črpamo iz treh virov:

- novega *Šolskega slovarja slovenskega jezika*,
- nastajajočega eSSKJ,
- *Slovenskega etimološkega slovarja*.

Etimološke osvetlitve za približno 2000 iztočnic, obdelanih v okviru novega *Šolskega slovarja slovenskega jezika* predstavljajo opis, prilagojen za šolskega uporabnika (slika 5). Pri tem je eksplicitno navedeno, ali je beseda podedovana iz prajezika ali prevzeta iz tujega jezika, v katerem časovnem obdobju je nastala oz. za katero obdobje jezikovnega razvoja jo lahko rekonstruiramo ter v katerih sorodnih jezikih jo tudi najdemo. Pri ostalih iztočnicah so uporabljene bodisi etimološke osvetlitve iz eSSKJ bodisi iz *Slovenskega etimološkega slovarja*, ki so za šolskega uporabnika zahtevnejše, saj so primarno namenjene odraslemu govorcu.

8. Zgodovinski razdelek

V zgodovinskem razdelku lahko sledimo rabi besed v slovenščini od 16. stoletja do 19. stoletja. Za slovenščino je tak časovni pregled sploh prvič zbran na enem mestu. Pri tem je uporabljena zbirka *Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja* in geslovnika slovarjev *Slovar jezika Janeza Svetokriškega* in *Slovensko-latinski slovar po Dictionarium Latino-Carniolicum*, ki opisujeta jezik okoli leta 1700, ter geslovník *Slovensko-nemškega slovarja* Maksa Pleteršnika z besedjem do konca 19. stoletja¹¹. Pri povezovanju geslovníkov teh slovarjev in zbirk na geslovník portala *Franček* poleg pravopisnih sprememb (sistematično npr. pripona *-vec* : *-lec* kot v *bravec* : *bralec*, pa tudi posamični primeri, npr. *ambašador* : *ambasador*) večjo težavo predstavljajo tudi različne besednovrstne

¹¹ Gre za slovarje in zbirke, ki so na voljo v digitalni obliki. Za pregled vseh ključnih slovenskih zgodovinskih slovarjev, tudi še nedigitaliziranih, prim. (Merše 2013).

Od kod izvira beseda *miš*?

Beseda je domačega izvora.

Tako kot hrvaška, srbska, bosanska, črnogorska *mīš*, ruska *мышь* in češka *myš* se je razvila iz 1200 let stare splošnoslovanske **myšb*, ta pa iz 5000 let stare praindoevropske **mūs-*, iz katere so se razvile še staroindijska *mūṣ-*, grška *mŷs*, latinska *mūs*, albanska *mi*, starovisokonemška *mūs* in iz te nemška *Maus*, staroangleška *mūs* in iz te angleška *mouse*, ki vse pomenijo '*miš*'. Praindoevropska beseda je verjetno tvorjena iz korena **meus-*, ki je pomenil '*hitro se premikati*' in '*izmikati, krasti*'. Če je domneva pravilna, je beseda prvotno pomenila '*hitro premikajoča se žival (ki krade hrano)*'.

Ta opis je del Šolskega slovarja slovenskega jezika.

Preberi več o preteklosti jezikov.

Slika 5: Etimološka osvetlitev besede *miš*

opredelitve in diahrona homonimija, saj zmanjšujejo uspešnost avtomatskega povezovanja in so zahtevale večji časovni vložek za ročno preverjanje povezanih iztočnic, razvezovanje napačno povezanih in povezovanje tistih, ki jih ni bilo mogoče avtomatsko povezati. Tak primer homonimije je v 16. stoletju *moka* 'moka' : *moka* 'muka', saj je drugi izšel iz rabe in ga je nadomestila slovanska izposojenka *muka*, zato je ni mogoče povezati s sodobno *moka*.

IV. Povezovanje in prilagajanje slovarskih podatkov

Pri pripravi vsebinskih razdelkov je bil prvi korak izdelava geslovnika, kot je bilo že predstavljeno zgoraj. Sledilo je polavtomatsko povezovanje slovarjev na makrostrukturnem nivoju. To pomeni, da smo slovarske iztočnice, ki nastopajo v več slovarjih, povezali na izdelani geslovník¹². Posebno pozornost so zahtevale besednovrstne opredelitve, saj različni slovarji iste besede uvrščajo k različnim besednim vrstam skladno s teorijo in specifičnimi potrebami slovarja (prim. poglavje o sinonimnem razdelku), posebej zahtevno pa je bilo povezovanje iztočnic v zgodovinskih slovarjih (prim. poglavje o sinonimnem razdelku).

Za prilagajanje slovarjev so v veliki meri uporabljeni avtomatizirani postopki izločanja in preurejanja podatkov. Tako smo želeli doseči čim večjo primernost za predvidenega uporabnika portala. Ker struktura nekaterih slovarjev v procesu digitalizacije tiskanih slovarjev

¹² Ob tem ni potekalo povezovanje na pomenskem nivoju, saj presega okvire tega projekta, je pa to ena od možnosti prihodnje nadgradnje slovarskih podatkovnih zbirk po zgledu nekaterih drugih leksikografskih ustanov. O tem prim. npr. (Tavast idr. 2020; Kouvara idr. 2020).

še ni bila v celoti vsebinsko razdvoumljena, poleg tega pa nekaterih slovarskih podatkov ni mogoče razdvoumiti glede na naše potrebe, strojnih postopkov ni bilo vedno mogoče izvesti optimalno. Tako so pri SSKJ izpadli tudi nekateri zelo relevantni podatki, zlasti določene stalne zveze, vzkliki itd. To bi bilo mogoče preprečiti le z ročnim pregledom približno 100.000 slovarskih sestavkov, kar pa v okviru danih možnosti ni bilo realno izvedljivo.

Po drugi strani smo izboljšali razumljivost kvalificiranja v pomenskem razdelku, saj smo kvalifikatorje, ki v tiskanem slovarju stojijo v zaglavju in veljajo za vse pomene (če niso eksplicitno preklicani), predstavili na pomenski nivo k vsem relevantnim pomenom, prav tako smo okrajšane kvalifikatorje razvezali (*ekspr.* → *ekspresivno*, *pog.* → *pogovorno*). V sinonimnem razdelku so bili stilni kvalifikatorji združeni v skupine in opisani z besedilni opisi in grafičnimi ikonami.

V. Novi slovarski podatki

Poleg povezovanja in prilagajanja podatkov so bili pripravljeni povsem novi. Tu bomo omenili le najpomembnejše med njimi: *Šolski slovar slovenskega jezika* z etimologijami, indikatorje za vsebinsko razločevanje med homografi, opredelitve frazeoloških stavčnih zgledov glede na varianto frazema, pa tudi veliko količino zbranega slikovnega gradiva.

Velikega pomena za šolske uporabnike je *Šolski slovar slovenskega jezika*, ki je prvi enojezični šolski slovar, ki je nastal z mislijo ne le na razumljivost ciljnemu uporabniku, ampak tudi s sistematičnim pristopom po celotni vsebini slovarja. Zdajšnjim približno 2000 slovarskim sestavkom bodo v prihodnjih letih dodani še novi, tako da se bo slovar še povečal in še naprej zapolnjeval vrzel v slovenski pedagoški leksikografiji. Ob tem so nastajale tudi prve šolske etimologije za slovenščino.

Z indikatorji, ki opredeljujejo razlike med homografi, so pridobljene tudi praktične izkušnje, ki jih je mogoče z določenimi prilagoditvami uporabiti tudi pri pripravi istovrstnih indikatorjev za splošnega uporabnika.

Za potrebe prilagojenega razvrščanja stavčnih zgledov pri frazemih je vsem stavčnim zgledom iz eSSKJ pripisano, h kateri varianti frazema spadajo.

Pridobili smo tudi slikovno gradivo, ki se že uporablja tudi za nekatere zoonime v *Novem etimološkem slovarju slovenskega jezika*, zaradi odprte licence pa bodo na voljo tudi za druge slovarske projekte. V kontekstu digitalnih slovarjev to obenem pomeni, da dodajanje novih slik za potrebe posameznih slovarjev lahko pomeni tudi izboljšavo pri izboru slik za portal *Franček* — slovarji namreč niso več zaprta zaključena enota, ampak se lahko obogatijo tudi kasneje z gradivom, pripravljenim za druge namene. Takšen proces gotovo ne bo samodejen, ampak bo pri tem vedno potrebna kritična presoja, kdaj in katere nove materiale je smiselno uporabiti za druge namene.

VI. Sklep

Portal *Franček* s svojim osrednjim, leksikografskim delom predstavlja prvi slovenski pedagoški slovarsko-slovnični portal. Namenjen je osnovnošolcem in srednješolcem, po svoji vsebini in vizualizaciji pa je prilagojen za tri starostne stopnje: 1.–5. razred osnovne

šole (6–10 let), 6.–9. razred osnovne šole (11–14 let), srednja šola (15–18 let). Leksikografski del portala sestoji iz novih in obstoječih slovarskih podatkov, pri čemer so slednji v veliki meri prilagojeni potrebam in zmožnostim šolskih uporabnikov. Slovarsko je opredeljenih 100.006 iztočnic z vidika pomena, sinonimije, frazeologije, morfologije, dodani so naravni in sintetični zvočni posnetki izgovora ter narečni, etimološki in zgodovinski podatki. Skupaj s poglavji iz šolske slovnice, jezikovno svetovalnico za učitelje, didaktičnimi materiali in igro za mobilne naprave predstavlja celovit elektronski vir o slovenščini za osnovno- in srednješolce. Na makrostrukturnem nivoju povezani slovarji so pomembni za prihodnjo (pol)avtomatsko izrabo slovarskih podatkov.

ZAHVALE

Prispevek je nastal v okviru projekta *Portal Franček: Jezikovna svetovalnica za učitelje slovenščine in Šolski slovar slovenskega jezika*, ki ga sofinancirata Republika Slovenija in Evropski socialni sklad; del raziskav za projekt je podprl ARRS v okviru programa P6-0038 (*Slovenski jezik v sinhronem in diahronem razvoju*).

LITERATURA

- Ahačič 2017a:** Ahačič, K. *Kratkoslovnica: slovenska slovnica za osnovno šolo*. Ljubljana, 2017.
- Ahačič 2017b:** Ahačič, K. *Slovnica na kvadrat. Slovenska slovnica za srednjo šolo*. Ljubljana, 2017.
- Ahačič, Ledinek, Perdih 2015a:** Ahačič K., Ledinek N., Perdih A. *Fran: the next generation Slovenian dictionary portal* // Gajdošová K., Žáková A. *Natural language processing, corpus linguistics, lexicography: proceedings. Eighth International Conference. Slovakia, 21–22 October 2015. Bratislava, 2015, 9–16.*
- Ahačič, Ledinek, Perdih 2015b:** Ahačič K., Ledinek N., Perdih A. *Portal Fran — nastanek in trenutno stanje* // Smolej M. *Slovnica in slovar — aktualni jezikovni opis (1. del). Obdobja 34.* Ljubljana, 2015, 57–66.
- Ahačič idr. 2021:** Ahačič K., Atelšek S., Erjavec T., Holozan P., Jakop N., Jemec Tomazin M., Ježovnik J., Ledinek N., Perdih A., Romih M., Trojar M. *Corpus of Slovenian school texts. Slovenian language resource repository CLARIN.SI. 1. 4. 2021.* <http://hdl.handle.net/11356/1413>.
- Dobrovoljc, Verovnik, Bizjak Končar 2017:** Dobrovoljc H., Verovnik T., Bizjak Končar A. *Spletna jezikovna svetovalnica za slovenski jezik ter normativne zadrege uporabnikov in jezikoslovcev* // Škrabčevi dnevi 10: *Zbornik prispevkov s simpozija 2017* / Bizjak Končar A., Dobrovoljc H. Nova Gorica, 2018, 52–69.
- Gantar 2015:** Gantar P. *Leksikografski opis slovenščine v digitalnem okolju*. Ljubljana, 2015.
- Gliha Komac idr. 2015:** Gliha Komac N., Jakop N., Ježovnik J., Klemenčič S., Krvina D., Ledinek N., Michelizza M., Meterc M., Mirtič T., Perdih A., Petric Š., Snoj M., Žele A. *Novi slovar slovenskega knjižnega jezika — predstavitev temeljnih konceptualnih izhodišč* // *Zbornik prispevkov s simpozija 2015* / Marušič F., Mišmaš P., Žaucer R. Nova Gorica, 2016, 16–33.
- Godec Soršak 2015:** Godec Soršak L. *Slovenski otroški šolski slovar* // Smolej M. *Slovnica in slovar — aktualni jezikovni opis (1. del). Obdobja 34.* Ljubljana, 2015, 243–250.
- Godec Soršak 2019:** Godec Soršak L. *Zasnova šolskega slovarja za otroke v 1. in 2. vzgojno-izobraževalnem obdobju. Doktorska disertacija.* Ljubljana, 2019.
- Jakopin 1999:** Jakopin P. *Zgornja meja entropije pri leposlovnih besedilih v slovenskem jeziku. Doktorska disertacija.* Ljubljana, 1999.
- Ježovnik, Kenda-Jež, Škofic 2020:** Ježovnik J., Kenda-Jež K., Škofic J. *Reduce, Reuse, Recycle: Adaptation of Scientific Dialect Data for Use in a Language Portal for School children* //

Gavriilidou Z., Mitsiaki M., Fliatouras A. Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion. Vol. I, 31–37.

Kouvara idr. 2020: Kouvara E., González M., Grosse J., Sauri R. Determining Differences of Granularity between Cross-Dictionary Linked Senses // Gavriilidou Z., Mitsiaki M., Fliatouras A. Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion. Vol. I, 109–118.

Merše 2013: Merše M. Slovenska leksikografija in leksikologija v zgodovinski perspektivi // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2013, 217–251.

Perdih, Snoj 2015: Perdih A., Snoj M. SSKJ² // Slavia Centralis. 2015. VIII/1, 5–15.

Perdih 2016: Perdih A. Splošni razlagalni slovarji slovanskih jezikov. Ljubljana, 2016.

Perdih 2020: Perdih A. Portal Fran: od začetkov do danes // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2020. 46/2, 997–1018.

Perdih 2021a: Perdih A. Indikatorji pri homografih na portalu *Franček* // Jezikoslovni zapiski. 2021. 27/2, 7–21.

Perdih 2021b: Perdih A. Učenje o slovarjih v šoli: Portal *Franček* kot most med splošno in pedagoško leksikografijo // Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Зборник научних радова / Стана Ристић, Ивана Лазић Коњик, Ненад Ивановић. Београд, 2021, 1119–1132.

Petric Žižić 2020: Petric Žižić Š. Tipologija razlag v šolskem slovarju slovenskega jezika. // Slavistična revija. 2020. 68/3, 391–409.

Tavast idr. 2020: Tavast A., Koppel K., Langemets M., Kallas J. Towards the Superdictionary: Layers, Tools and Unidirectional Meaning Relations // Gavriilidou Z., Mitsiaki M., Fliatouras A. Proceedings of XIX EURALEX Congress: Lexicography for Inclusion. Vol. I, 215–223.

Vidovič Muha 2021: Vidovič Muha A. Slovensko leksikalno pomenoslovje. Ljubljana, 2021.

Žagar Karer 2017: Žagar Karer M. Terminološko svetovanje: izkušnje in perspektive. // Slovenska terminologija danas: Primljeno na V skupu Odeljenja jezika i književnosti od 30. maja 2017. godine, na osnovu referata akademika Predraga Pipera i prof. dr. Rajne Dragičević / Piper P., Jovanović V. Beograd, 2017, 361–370.

Žganec Gros idr. 2016: Žganec Gros J., Vesnicher B., Rozman S., Holozan P., Šef T. Sintenzator govora za slovenščino eBralec. // Zbornik konference Jezikovne tehnologije in digitalna humanistika. Proceedings of the Conference on Language Technologies & Digital Humanities. Ljubljana, 2016, 180–185.

Żmigrodzki 2018: Żmigrodzki P. Makro- i mikrostruktura słownika. Sposób prezentacji materiału. // Wielki słownik języka polskiego PAN: Geneza, koncepcja, zasady opracowania / Żmigrodzki P., Bańko M., Batko-Tokarz B., Bobrowski J., Czelakowska A., Grochowski M., Przybylska R., Waniakowa J., Węgrzynek K. Kraków, 2018, 25–38.

KORPUSI IN SLOVARJI

Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja. 2014 [2011]. [www.fran.si]

eSSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika. 2016–. [www.fran.si]

Furlan M. NESSJ: Novi etimološki slovar slovenskega jezika. 2017–. [www.fran.si]

Keber J. Slovar slovenskih frazemov. 2015 [2011]. [www.fran.si]

SSKJ2: Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. 2014. [www.fran.si]

Slovenski lingvistični atlas 1. 2014 [2011]. [www.fran.si]

Slovenski lingvistični atlas 2. 2016. [www.fran.si]

Snoj J., Ahlin M., Lazar B., Praznik Z. Sinonimni slovar slovenskega jezika. 2018 [2016]. [www.fran.si]

Snoj M. Slovenski etimološki slovar³. 2015 [2016]. [www.fran.si]

ЛИСТА ВРЕДНОСТИ ЗА АКСИОЛОШКИ ЛЕКСИКОН СРПСКОГ ЈЕЗИКА

Стана РИСТИЋ

Институт за српски језик САНУ

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0003-1646-3192>

stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Ивана ЛАЗИЋ КОЊИК

Институт за српски језик САНУ

(Београд, Србија)

<https://orcid.org/0000-0003-0840-0140>

ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

У раду се предлаже прелиминарна листа вредности, аксиолошких концепата, као почетни списак одредница за планирани *Аксиолошки лексикон српског језика*. Након што смо у претходном истраживању успоставили три листе за одабир српских вредносних концепата применом различитих метода, у овом раду настојали смо да проверимо њихову валидност и допунимо их на основу додатне две листе које су засноване на методи анкетања говорника српског језика. На основу анализе и упоређивања целокупног добијеног материјала предложили смо прелиминарну јединствену листу са 48 језгрених вредности (према фреквенцији) и шири списак од укупно 283 периферних вредности (које се не понављају у анализираним листама). Укупан до сада утврђен прелиминарни списак одредница за *Аксиолошки лексикон српског језика* садржи 331 вредносни концепт неједнаког статуса и ранга у концептосфери или језичкој слици српског језика.

Кључне речи: аксиолошки концепти, националне вредности, аксиолошки лексикон, концептографија, српски језик

СПИСОК ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

Стана РИСТИЧ

Институт сербского языка САНИ

(Белград, Сербия)

Ивана ЛАЗИЧ КОНИК

Институт сербского языка САНИ

(Белград, Сербия)

В работе представлена процедура составления списка ценностей, аксиологических концептов, которые были бы предложены в качестве словарных статей в планируемом *Аксиологическом словаре сербского языка*. Опираясь на имеющиеся представленные результаты работы по отбору ценностей и составлению перечня национальных

ценностей, мы сформировали три списка сербских ценностных концептов, различных по объему и по статусу в языковой картине сербского языка, намереваясь проверить их релевантность в данной работе и дополнить их на основании двух дополнительных списков, полученных путем анкетирования носителей сербского языка по методологии, заимствованной у люблинской этнолингвистической школы. На основании анализа и сопоставления всего материала из имеющихся списков, полученных в данном и предыдущем исследованиях, можно с большой степенью определенности предложить предварительный список ценностей для создания *Аксиологического словаря сербского языка*, в который войдет 331 концепт с неодинаковым статусом и рангом в концептосфере, или языковой картине сербского языка: 48 ценностей из списка составляют ядро концептосферы сербского языка — они представляют центральные, или ценности ядра, в отличие от 283 периферийных ценностей, которые не повторяются в проанализированных списках.

Ключевые слова: аксиологические концепты, национальные ценности, аксиологический лексикон, концептография, сербский язык

THE LIST OF VALUES FOR THE AXIOLOGICAL LEXICON OF THE SERBIAN LANGUAGE

Stana RISTIĆ

Institute for the Serbian Language of SASA
(Belgrade, Serbia)

Ivana LAZIĆ KONJIK

Institute for the Serbian Language of SASA
(Belgrade, Serbia)

The paper proposes a preliminary list of values, axiological concepts, as an initial list of entries for the planned *Axiological lexicon of the Serbian language*. After we had established, in our previous research, three lists for the selection of Serbian values, using different methods, in this paper we tried to check their validity and supplement them on the basis of two additional lists based on the method of surveying Serbian speakers. Based on the analysis and comparison of the entire obtained material, we proposed a preliminary unique list with 48 core values (according to frequency) and a wider list of a total of 283 peripheral values (which are not repeated in the analyzed lists). Established so far, the total preliminary list of entries for the *Axiological lexicon of the Serbian language* contains 331 value concepts of unequal status and rank in the conceptual sphere or linguistic picture of the Serbian language.

Key words: axiological concepts, national values, axiological lexicon, conceptography, Serbian language

I. Увод

1.1. Тема нашег излагања јесте састављање листе вредности — аксиолошких концепата, које би биле предложене као одреднице за планирани аксиолошки речник српског језика. У питању су вредности које, као скуп општеважећих норми,

имају значајну улогу у друштвеном, политичном и културном животу српске националне заједнице, па се могу сматрати аксиолошким каноном¹ српске језичке слике света. У раду се имплицитно поставља и решава питање успостављања/реконструкције националног канона вредности са језгром, као аксиолошким минимумом и са хијерархијски устројеном периферијом, питање актуелно за српску аксиолошку етнолингвистику (исп. Bartmiński, Grzeszczak 2014).

1.2. У решавању постављеног питања, у складу са планираном израдом аксиолошког речника, пошло се од првог корака који се препоручује у концептуалној лексикографији, а то је критеријалан избор вредности, на основу већ установљених метода у словенској аксиолошкој концептологији (исп. Niebrzegowska, Bartmińska 2013: 273; Bartmiński, Grzeszczak 2014: 23), и у даљем поступку, састављање регистра вредности.

1.3. Овим радом надовезујемо се на наше претходно истраживање у којем смо предложили израду аксиолошког лексикона српског језика и одредили теоријске основе и методологију у свим релевантним фазама његове припреме и израде, засновану на досадашњим позитивним резултатима лублинске когнитивне етнолингвистике, руске концептуалне културологије и идеографије и најновијих праваца српске етнолингвистике когнитивног усмерења (в. Ристић, Лазић-Коњик 2021).

1.4. У изради планираног аксиолошког лексикона предност би се дала оним вредностима које су заједничке и важне за српску националну културу, тзв. «националним» вредностима. Методологија израде, у најкраћем, заснивала би се на већ установљеним поступцима у изради лексикона овог типа, који поред избора концепата за обраду, као иницијалног истраживачког питања, обухватају поступке категоризације концепата и њихове организације у лексикону; затим анализу семантике номината из концептуалног поља на различитим типовима језичког материјала, чиме се објективизује и субјективизује садржај концепата² и на крају, реконструкција концепта у виду когнитивне дефиниције која одговара језичкој слици појма у сазнању просечних носилаца језика.

1.5. Израда аксиолошког речника српског језика значајна је, поред осталог, и зато што нису рађена слична истраживања у српској (аксиолошкој, когнитивној) етнолингвистици, па би се на тај начин с једне стране попунила празнина у савременој српској лексикографији, а са друге стране српска лексикографија би се увела у актуелне токове најновије словенске концептологије и концептографије (исп. Ристић, Лазић-Коњик 2021).

1.6. За реализацију планираног пројекта и за истакнута истраживања, добре претпоставке пружају досадашња интердисциплинарна и когнитивна истраживања у србистици, на материјалу српског језика жанровски различитих писаних

¹ Термин *аксиолошки канон* употребљавамо према Ј. Бартмињском, како га је он одредио у раду (Bartmiński, Grzeszczak 2014).

² У Лублинској когнитивној етнолингвистици у програму упоредних студија и пројекту израде «Аксиолошког лексикона Словена и њихових суседа» (LASIS) усвојен је скуп података за анализу који се означава скраћеницом С-А-Т (систем, анкета, текстови).

и електронских извора из свих сфера људског живота, а посебно из етнографије, етнологије и културе³. То је драгоцен материјал и за реконструисање вредносних концепата и откривање система вредности, како оних универзалних тако и национално специфичних којим се одликује српски језик и српска култура од других језика и култура. Међутим, значај овог нашег дугорочнијег етнолингвистичког истраживања видимо и на општем лингвистичком и културолошком плану, јер ће реконструкција аксиолошких концепата српског језика по комплементарној методологији, која је евидентна у словенској концептологији, пружити могућност упоређивања српских вредности са вредностима у другим језицима и културама, како на плану блискосродних словенских језика тако и на плану других несловенских језика (исп. Bartmiński 2015: 12).

II. Досадашња истраживања вредности

2.1. Већ је истакнуто да истраживања српског аксиолошког канона до сада углавном нису систематичније спровођена у српској (лингво)културологији и аксиолингвистици, па нема значајнијих резултата у погледу одређивања скупа вредности које су важне за српску културу, начина њихове повезаности и хијерархијског уређења, као главних питања у вези са реконструкцијом било националних, било универзалних вредности.

2.2. Аксиолошка истраживања назива вредности се интензивно одвијају у оквиру међународног семинара EUROJOS⁴, у вези са којим су и покренута у нашој средини (аутори окупљени око зборника Ајдачић (ур.) 2015, 2019), па ћемо се у даљим нашим промишљањима у фази формирања листе концепата за будући речник ослањати на резултате овог семинара, а пре свега на домете Лублинске етнолингвистичке школе и теоријске поставке њеног оснивача Јежија Бартмињског, као и на бројне листе канонских пољских и универзалних вредности у вези са изградом «Пољског аксиолошког речника и Аксиолошког лексикона Словена и њихових суседа» (скраћено LASIS); затим на комплементарне методе руске идеографске концептологије и културологије у састављању листа руских националних вредности за више речника овога типа (в. Степанов 1997, Бабенко 2010, 2017)⁵.

³ Из последње три наведене области нарочити значај имају «Појмовник српске културе» и енциклопедијски речник Рогановић (ур.) 2017 који је са својих 70 обрађених одредница и већим бројем пододредница из области антропологије и етнологије објављен у едицији «Мали лексикони српске културе» (в. Изворе).

⁴ Међународни семинар који се од 2008. године одвија под руководством проф. Ј. Бартмињског, заснован на теоријским и методолошким премисама установљеним у његовим бројним радовима произашлих из концепције когнитивне етнолингвистике с главним пројектом израде LASIS. О овом семинару, његовом програму и пројектима в. више у (Bartmiński, Bielińska-Gardziel 2017) и (Niebrzewska-Bartmińska 2020: 81–84).

⁵ У нашем претходном раду (Ристић, Лазић-Коњик 2021) у прегледу поменутих резултата указали смо на разлике и сличности у приступима наведених славистичких праваца, недоумице и отворена питања, при чему смо настојали да се одредимо за она решења која ће унапредити наше поступке у свакој даљој фази рада.

2.3. Наш досадашњи рад и истраживања у овој области током последњих десет година у процесу ангажовања на изради чланака за лублински LASIS показали су нам предности теоријско-методолошког приступа Лублинске когнитивне етнолингвистике као комплетног и конзистентног приступа у обради концепата вредности, са изграђеним концептуалним апаратом који укључује како традиционалне поступке структурно-семантичке анализе, тако и најновије приступе когнитивне анализе. У раду ове когнитивне школе, концепти се поимају као мисаони конструкти, јединице знања које репрезентују колективно искуство у спознаји и категоризацији света, а за анализу се узимају одговарајући концептуално-тематски садржаји и структуре, нпр.: човек, природа, биљке, животиње, артефакти итд. С друге стране, у Лублинској школи концепт се представља и као одређени смисао, који се формира у процесу говорно-мисаоне делатности помоћу когнитивних и језичких механизма: когнитивних, као што су профилисање, перспективизација, упоређивање, импликација, концептуална метафора, метонимија и др., и језичких, као што су номинација, творба, спојивост, фразеологија, синтаксичке структуре, текстови и др. Тако да се у Лублинској школи концепти представљају с једне стране као гносеолошки конструкти, као резултат осмишљавања знања о свету, потпуне или делимичне реконструкције његовог сазнајног садржаја, што им даје карактеристику тематских концепата, а с друге стране они се представљају и као онтолошки оријентисане јединице обједињеног знања, контекстуално и ситуативно условљеног смисла, што им даје карактеристике операционих концепата (исп. Болдырев 2016: 18–21).

III. Процедуре за избор вредности

3.1. У лублинској етнолингвистичкој школи усталило се неколико процедура за састављање више различитих листа и за избор најзначајнијих вредности, тзв. канона вредности — националних и универзалних (европских), а предложена је и нова метода дубинске семантичке анализе назива концепата (исп. Bartmiński, Grzeszczak 2014: 22–35, 36–38)⁶, коју смо и ми у нашем претходном раду применили (исп. Ристић, Лазић-Коњик 2021).

3.2. Методе примењене у лублинској когнитивној етнолингвистици су засноване на когнитивном и емпиријском приступу, на обради анкетног материјала добијеног у виду спискова вредности говорника пољског језика и еминентних стручњака за језичка и културолошка питања, на материјалу разговорног језика опативног карактера којим се упућују жеље или честитке, или на материјалу из релевантних језичких извора заснованих на вредностима (међународне конвенције, текстови правног карактера, закони и уредбе и сл.) (исп. Niebrzegowska-Bartmińska 2020: 362–364).

⁶ Поменута метода заснована је на умрежености аксиолошких концепата, при чему се приликом успостављања њихових дефиниција, релевантних за семантику датог језика, неизбежно долази до одређеног скупа вредности које функционишу као дефиниенцији и које нас приближавају језгру (аксиолошком канону) дате културе (Bartmiński, Grzeszczak 2014: 38).

3.3. Листе концепата вредности савремене пољске културе састављане су у појединачном или тимском раду стручњака у различитим временским размацима, при чему се настојало да се у избору постигне изbalансираност вредности на политичком, социјалном, друштвеном и индивидуалном плану (исп. Bartmiński 1991: 201, према Bartmiński, Grzeszczak 2014: 28; Бартмињски, Хлебда 2008)⁷.

3.4. Иако су применом поменутих метода добијене релевантне листе вредности пољског и европског канона⁸, које обухватају неке универзалне вредности, оне се ипак не могу пресликати на српски језик због национално специфичних вредности и различите важности појмова за носиоце различитих култура и језика⁹. Из тог разлога, ми смо у нашем претходном раду на основу досадашњих резултата у домену избора вредности и састављању листе националних вредности у руском и пољском језику, успоставили три листе за одабир српских вредносних концепата.

3.4.1. Прву листу чини наш попопис великог броја вредности, око 250 назива вредности, успотављен произвољно на основу сопствене језичке компетенције и образовања, у којој су као вредности истакнута и прецедентна и симболична лична имена и апелативни називи, типа: Вук Караџић, Никола Тесла, Милош Обилић, Косово, Београд, застава, грб, крст и др. Овај списак обухвата највећи број некритеријално изабраних вредности, који овде конвенционално називамо «произвољна» листа¹⁰.

⁷ Ј. Бартмињски и В. Хлебда (2008) су издвојили укупно 75 концепата за упоредну анализу концепата вредности у пројекту EUROJOS који обухватају кључне савремене политичке концепте (слобода, независност, демократија итд.), социјалне и друштвене концепте (дом, породица, народ, домовина итд.), моралне вредности (правда, братство, солидарност, поштење итд.), личне квалитете (достојанство, оданост), опште појмове (људска личност, људско достојанство, људска права итд.), когнитивне појмове (истина, лаж) (реч је о рукописном тексту на руском језику проширене верзије рада Bartmiński Jerzy, Chlebda Wojciech, Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów? (Etnolingwistyka. 2008. 20, 11–27), под насловом «Проект међународног сарадничества в области сравнительного исследования культурно-языковой картины мира славян», који је мејлом послат учесницима пројекта EUROJOS, в. податак у Литератури). Исп. и верзију доступну онлајн: Бартмињский Е: Какие ценности участвуют в формировании языковой картины мира славян? 23.6.2021. [http://www.rastko.rs/rastko/delo/13522].

⁸ Сам Бартмињски изражава сумњу у то да ли је и у којој мери ЕУ постала и културна и духовна заједница и да ли се уопште може говорити о заједничким европским вредностима (в. Bartmiński, Grzeszczak 2014).

⁹ На ово су указала истраживања спроведена у Пољској, в. (Niebrzegowska-Bartminska 2013: 273–274; Bartmiński, Grzeszczak 2014: 32).

¹⁰ У састављању ове листе, засноване углавном на сопственој језичкој компетенцији, нарочито су нам били подстицајни извори са различитим списковима вредности у којима су посредно одражене вредности националне језичке слике света: «Знакови поред пута» И. Андрића; «Систематски речник српског језика» Р. Јовановића и Л. Атанацковића, који је заснован на идеографским принципима и у којем је представљена концептуална слика света српског језика и њене основне вредности; списак стимулуса за «Асоцијативни речник српског језика» (APCJ 2005) у који су, према речима аутора овог речника, уврштене најфреквентније речи српског језика из двадесетак најдоминантнијих тематских група као и они стимулуси који се односе на актуелну друштвену стварност (APCJ 2005: 97) и који, слично претходним изворима, откривају елементе савременог система вредности, актуелног за дати временски период.

3.4.2. Друга листа националних вредности добијена је на основу речника синонима савременог српског језика¹¹, тако што су узете у обзир речи — концепти са највећим бројем синонима, будући да се густина номината денотативног поља узима као релевантан показатељ значаја датог концепта за националну културу (исп. Карасик, Слышкин 2005: 13–15). Добијено је укупно 71 одредница, типа: *аморалан, анђеоски, бездушан, безобразан, безосећајан, беспосличар, бестидник, блебетати, божанствен, будала, велик, вера, гад, глупан, депресија, диван, доброта, ђаво, зао, изрод, ленитина, леп, лош, малодушност, нељудски, немилосрдан, неморал, несебичност, нецивилизованост, нитков, омаловажавати, отац, покварењак, слаб, чудан*. Овај списак, мањи по броју вредности, називамо «синонимска» листа.

3.4.3. У трећој листи, реконструкција канона вредности заснована је на методи дубинске анализе семантике назива концепата и њихове умрежености (према методи представљеној у (Bartminski, Grzeszczak 2014: 38)), при чему се имало у виду да дефиниције обрађених концепата садрже информације релевантне за семантику српског језика, и да се на основу њих долази до одређеног скупа вредности које функционишу као дефиниенси и које нас приближавају језгру (аксиолошком канону) српске културе. Урађена је дубинска анализа семантике 16 назива концепата вредности, које су до сада обрађене у српском језику према лублинској методологији: дом/кућа, породица, народ, Срби(н), рад, слобода, част, Европа, живот, домовина, мајка, исток, запад, пријатељство, понос и здравље, а који су преузети са лублинске листе словенских вредности састављене за израду лексикона словенских вредности LASIS (в. т. 2.2). На основу спроведене дубинске семантичке анализе и умрежености наведених концепата формирана је листа од 22 вредности (са више од 2 појављивања), према опадајућој фреквенцији: љубав, богатство, дом/кућа, земља, култура, домовина (отаџбина), држава, заједница, истрајност, мајка, народ, независност, понос, радост, сиромаштво, слобода, срећа, углед, успех, част, блискост, брига, који називамо «дубинска» листа.

3.4.4. Применом три различите методе у претходном истраживању добијена су три списка вредности, различита по броју и по статусу у језчкој слици српских вредности: 1) списак са највећим бројем некритеријално изабраних вредности, који овде конвенционално називамо «произвољним» списком, 2) мање бројнији списак из речника синонима, формиран на основу методе подељености денотативног поља на више номината, преузете из руске лингвокултурологије, који овде конвенционално називамо «синонимска» листа, и 3) знатно мањи списак добијен применом методе дубинске семантичке анализе, преузете из лублинске когнитивне етнолингвистике, који даље називамо «дубинска» листа. Трећи списак са ограниченим бројем вредности заузима највиши статус у концептуалном пољу —

¹¹ Користили смо Речник синонима групе аутора (Ћосић 2008), који поред вредности садржи и велики број антивредности, као што се види из непотпуног броја наведених примера (в. т. 3.4.2.), и по томе се разликује од свих наших до сада састављених листа у којима се антивредности јављају у мањем броју или спорадично. У нашем планираном аксиолошком речнику, као одреднице или пододреднице, поред вредности биће представљене и антивредности.

концептосфери српских вредности јер представља вредности које чине језгро националне српске концептосфере.

3.4.5. Да бисмо искористили потенцијал и друга два бројнија списка и приближили се самом језгру концептосфере, упоредили смо вредности из сва три наведена списка. Од укупно 343 вредности издвојено је само 10 концепата вредности који се понављају по два пута у сва три списка, док се сви остали појмови, њих 333, јављају само по једанпут. Закључено је да ових 10 појмова чине најужи део језгра концептосфере српског језика и да припадају универзалним вредностима. То су: називи моралних и естетских вредности: доброта, лепота; друштвено-политичке вредности: држава, независност, домовина/отаџбина, слобода; вредности везане за породични живот: дом/кућа; осећања: љубав; личне вредности: част, вера. Они чине списак вредности који у даљем излагању називамо «упоредна» листа.

3.4.6. У наведеним листама, осим у синонимској и произвољној, скоро да нису наведене антивредности али се у анализи биполарних концепата, као и у њиховој планираној лексикографској обради разматрање антивредности подразумева, како би се представило њихово аксиолошко концептуално поље у којем вредности функционишу по принципу: позитивна вредност — негативна вредност (антивредност).

IV. Анкета

4.1. Истраживање у овом раду спровели смо у циљу да проверимо валидност наведених листа установљених у претходном раду на основу додатне две листе које су засноване на анкетирању говорника српског језика, на методи преузетој из Лублинске етнолингвистичке школе, и да на тај начин дођемо до заједничких савремених вредности и трајних националних вредности — националних константи. Обрадом података из анкетног материјала и његовим упоређивањем са добијеним вредностима из претходне три листе, покушали смо да саставимо прелиминарни списак српских вредносних концепата за лексикографску обраду у планираном лексикону српских вредности и утврдимо које су то вредности које данашњи Срби сматрају најважнијим и које чине језгро националне лингвокултуре и концептосфере српског језика.

4.2. У даљем раду на прелиминарном списку српских националних вредности, за ову прилику одабране су две групе српских говорника са истим задатком: да наведу десет вредности које сматрају најважнијим за српску културу. У прву групу укључили смо стручњаке за дату област (на наш позив одазвало се њих 11)¹², са циљем да проширимо или проверимо валидност списка од 10 вредности које чине језгро српских националних вредности — упоредна листа добијена у претходном истраживању. Другу групу су чинили «лаици», као представници јавног мњења (укупно 100 пунолетних произвољно изабраних испитаника) различитог узраста,

¹² Одазвали су се следећи (етно)лингвисти: Дејан Ајдачић, Рајна Драгићевић, Маријана Ђукић, Милена Јакић, Ксенија Кончаревић, Ружица Левушкина, Ана Миленковић, Софија Милорадовић, Предраг Пипер, Свенка Савић, Марија Стефановић.

пола и образовања, из Београда, Новог Сада и са ширег простора Војводине, како би се добио што већи и разноврснији број вредности, који би у централном делу био упоредив са вредностима стручњака, а својом периферијом са великим бројем вредности из наше две листе формиране у претходном истраживању — произвољном и синонимском.

4.3. Пошло се, дакле, од претпоставке да је валидност састављених листа потребно проверити и са аспекта заједнице која је дати систем вредности усвојила и која га примењује, с обзиром на то да је сам канон вредности отворена и променљива структура и да не постоји таква листа вредности која би била иста за све.

V. Анализа података анкетног материјала

5.1. У првој групи, коју су чинили стручњаци, урађено је и обрађено 11 анкета (са укупно 110 датих одговора = 100%,) и добијен укупно 81 различит одговор / вредност, од којих 65 вредности са једним појављивањем, док је 16 вредности потврђено са учесталошћу у распону од 6 до 2, а по опадајућем редоследу у питању су следеће вредности: породица (6) = 5,45%, слобода, рад, част (4) = 3,64%, здравље, љубав, црква/вера (3) = 2,73%, и дом, духовност, инат, кум, мајка, поштење, православље, пријатељство, слава (2) = 1,82%, за које се такође може рећи да чине језгро аксиолошке концептосфере српског језика, и то са поновљених 5 вредности из упоредне листе: слобода, част, дом, љубав, вера.

Укупно посматрано у анкетној листи стручњака најбројнији су одговори који се односе на вредности повезане са моралним начелима, националним идентитетом, важне за друштвену, социјалну и културну стварност и сл.: слобода, јединство (слога), отаџбина, родољубље, традиција, држава, закон, историја, морал, прошлост, разобличавање неправди (и по цену лишавања слободе), достојанственост (и у најтежим тренуцима и при обради најтрагичнијих тема из националне прошлости), жртва (пожртвованост), човечност, праведност, слога, народна епика, језик, образовање, школа, фолклор, српски језик, српски народ; затим вредности повезане са породицом и породичним животом и обичајним вредностима: породица (6), љубав (3), дом (2), мајка (2), кум (2), пријатељ/пријатељство (2), брат, деца, заједништво, отац, родбина, сестра; па вредности повезане са свакодневним животом: здравље (3), рад (4), болест, богатство, будућност, жена, мобарство, мушкарац, окренутост «малом човеку», смрт, старост, храна, плодност и вредности повезане са религијом, вером у Бога: духовност (2), православље (2), (крсна) слава (2), црква/вера (3) (један одговор је црква, један је црква (вера / православље), а један је вера), Бог (Христос), Божић, верност светосавском и светозаревском завету, вечност, задужбинарство, љубав (хришћанска), милосрђе/самилост, Св. Сава, светосавље, свечарство; затим вредности повезане са карактерним особинама: част (4), поштење (2), доброта, искреност, послушност; и на крају појединачни примери: верност, душа, обећање, оптимизам, понос, знање, истина, лепота, нада, сумња, самобитност, инат, пркосно истрајавање.

5.2. У анкети коју је попунило 100 учесника, лаика (са укупно 992 дата одговора = 100%.) наведено је укупно 290 различитих одговора / вредности¹³. Од тога је 168 вредности имало само једну потврду, док су 122 вредности биле потврђене 2 или много више пута, при чему издвајамо 5 група вредности по распону понављања:

- 42 вредности потврђене 2 пута;
- 58 вредности потврђене у распону од 3 до 9 пута;
- 14 вредности потврђено у распону од 10 до 19 пута;
- 6 вредности потврђено у распону од 23 до 32 пута;
- затим се издвајају 2 вредности потврђене 64 односно 66 пута.

По учесталости појављивања по опадајућем распореду у распону од 66 до 10 пута, то су следеће 22 вредности, од којих 8 поновљених у односу на претходне спискове: породица (66) = 6,65%, љубав (64) = 6,45%, слобода, здравље (32) = 3,23%, дом (25) = 2,52%, култура (14) = 1,41%, срећа (10) = 1,01% и вера (10) = 1,01%, и 14 нових вредности у распону од 31 до 10: образовање (31) = 3,12%, поштење (24) = 2,42%, поштовање (23) = 2,32%, пријатељство (19) = 1,91%, традиција (18) = 1,81%, саосећање (16) = 1,61%, васпитање (15) = 1,51%, толеранција (14) = 1,41%, солидарност (13) = 1,31%, искреност (13) = 1,31%, мир (12) = 1,21%, морал (12) = 1,21%, хуманост (11) = 1,11%, правда (10) = 1,01%.

Табела: Упоредне вредности из листе лаика и листе стручњака

Листа лаика (22)	Листа стручњака (16)
породица (66) = 6,65%	породица (6) = 5,45%
љубав (64) = 6,45%	слобода (4) = 3,64%
слобода (32) = 3,23%	рад (4) = 3,64%
здравље (32) = 3,23%	част (4) = 3,64%
образовање (31) = 3,12%	здравље (3) = 2,73%
дом (25) = 2,52%	љубав (3) = 2,73%
поштење (24) = 2,42%	црква/вера (3) = 2,73%
поштовање (23) = 2,32%	дом (2) = 1,82%
пријатељство (19) = 1,91%	духовност (2) = 1,82%
традиција (18) = 1,81%	инат (2) = 1,82%
саосећање (16) = 1,61%	кум (2) = 1,82%
васпитање (15) = 1,51%	мајка (2) = 1,82%
култура (14) = 1,39%	поштење (2) = 1,82%
толеранција (14) = 1,39%	православље (2) = 1,82%
солидарност (13) = 1,31%	пријатељ/пријатељство (2) = 1,82%
искреност (13) = 1,31%	слава / (крсна) слава (2) = 1,82%
мир (12) = 1,21%	
морал (12) = 1,21%	
хуманост (11) = 1,11%	
вера (10) = 1,01%	
правда (10) = 1,01%	
срећа (10) = 1,01%	

¹³ Нису сви испитаници навели тачно десет вредности, па смо у обзир узели одговоре са 10 и 9 наведених вредности а анкете у којима је наведено мање од 9 вредности смо искључили.

VI. Вредности које организују аксиолошку концептосферу српског језика

6.1. На основу анализе целокупног материјала из свих састављених листа можемо са извесношћу да одредимо прелминарни списак концепата вредности за аксиолошки речник српског језика и вредности које организују централни, језгрени део аксиолошке концептосфере српског језика. То су вредности добијене дубинском анализом семантике обрађених вредности, вредности добијене упоређивањем резултата три претходне листе, као и вредности са највећим бројем учесталости из листе стручњака и листе лаика.

6.2. Како се већи број вредности понавља у свим листама, навешћемо их у јединственој листи, с тим што ћемо најпре навести **7** вредности које се понављају у прве две листе, «дубинској» и «упоредној», а већина и у анкетним листама (бројеви у заградама редоследом означавају фреквенцију из листе стручњака и листе лаика): слобода (4, 32), част (4, 5), љубав (3, 64), дом/кућа (2, 25), домовина/отаџбина (1, 2), држава (1, 1), независност (0, 0); затим **15** нових вредности из «дубинске» листе и мањи број поновљених вредности из анкетних листа: истрајност (0, 6), мајка (2, 2), народ (0, 0), понос (1, 0), радост (0, 4), сиромаштво (0, 0), срећа (0, 10), углед (0, 0), успех (0, 1), блискост (0, 3), брига (0, 5), богатство (1, 0), земља (0, 0), култура (0, 2), заједница/заједништво (1, 4) и **3** нове вредности које се јављају у «упоредној» листи и које се понављају у анкетним листама: доброта (1, 6), лепота (1, 4), вера (1, 10). Ових **25** вредности, које се понављају углавном у свим листама, чине језгро концептосфере српског језика, којима се могу додати још **11** нових вредности из листе стручњака (одукупно 16), потврђених са учесталостима у распону од 6 до 2, а по опадајућем распореду у питању су следеће вредности: породица (6), рад (4), здравље (3), духовност (2), инат (2), кум (2), поштење (2), православље (2), пријатељ/пријатељство (2), (крсна) слава (2) и црква (2). Језгро увећавају и **12** нових вредности из листе лаика у распону појављивања од 31 до 10: образовање (31), поштовање (23), традиција (18), саосећање (16), васпитање (15), толеранција (14), солидарност (13), искреност (13), мир (12), морал (12), хуманост (11) и правда (10) (док је 8 вредности са фреквенцијом у распону од 6 до 10 поновљено из претходних листа: породица, љубав, слобода, здравље, дом, култура, срећа и вера). Укупан број језгрених вредности је **48**, које се могу рангирати према броју појављивања у две анкетне листе.

6.3. Од централног дела према периферији концептуалну сферу попуњава **51** нова вредност из листе стручњака са по једном потврдом: Бог (Христос), Божић, болест, брат, будућност, верност светосавском и светозаревском завету, вечност, деца, достојанственост, душа, жена, жртва (пожртвованост), задужбинарство, закон, знање, истина, историја, јединство (слога), језик, милосрђе/самилост, мобарство, мушкарац, нада, народна епика, обећање, окренутост «малом човеку», оптимизам, отац, плодност, послушност, пркосно истрајавање, прошлост, разобличавање неправди (и по цену лишавања слободе), родбина, родољубље, самобитност, Св. Сава, светосавље, свечарство, сестра, слога, смрт, српски језик, српски народ, старост,

СУМЊА, ФОЛКЛОР, ХРАНА, ЧОВЕЧНОСТ И ШКОЛА (и 13 поновљених у претходним листама: БОГАТСТВО, ВЕРА, ДОБРОТА, ДРЖАВА, ЗАЈЕДНИШТВО, ИСКРЕНОСТ, ЛЕПОТА, ЉУБАВ, МОРАЛ, ОБРАЗОВАЊЕ, ОТАЏБИНА, ПОНОС, ТРАДИЦИЈА).

6.4. Списак проширују и **68** нових периферних вредности из листе лаика који се јављају у распону од 9 до 2 пута, а по опадајућем броју појављивања то су следеће вредности: ХРАБРОСТ (8); ЕКОЛОГИЈА (7), ОДГОВОРНОСТ (7), ПОСАО (7); ПОВЕРЕЊЕ (6), РАЗУМЕВАЊЕ (6), УПОРНОСТ (6), ДОСЛЕДНОСТ (5), ИНТЕГРИТЕТ (5), МАРЉИВОСТ (5), СКОМНОСТ (5), РОДНА РАВНОПРАВНОСТ (5), УМЕТНОСТ (5); ДЕМОКРАТИЈА (4), КРЕАТИВНОСТ (4), ОБИЧАЈИ (4), ОТВОРЕНОСТ (4), ПУТОВАЊА (4), СЕКУЛАРНОСТ (4), СИГУРНОСТ (4), ШИРИНА (4); АУТЕНТИЧНОСТ (3), ЧЕСТИТОСТ (3), ЈЕДНАКОСТ (3), МУДРОСТ (3), МУЗИКА (3), ОБЈЕКТИВНОСТ (3), ОДАНОСТ (3), ПЛЕМЕНИТОСТ (3), ПОНАШАЊЕ (3), ПОСВЕЋЕНОСТ (3), ПРАВА МАЊИНА (3), РАДОЗНАЛОСТ (3), РАЗУМ (3), РАВНОПРАВНОСТ (3), САМОСТАЛНОСТ (3), СНАГА (3), СОЦИЈАЛНА СИГУРНОСТ (3), ТАЛЕНАТ (3), ЖИВОТ (3); БЕСПЛАТНО ШКОЛОВАЊЕ (2), БРАК (2), ЋИРИЛИЦА (2), СРБИЈА (2), ДУХОВИТОСТ (2), ХАРМОНИЧНОСТ (2), ХУМОР (2), ИНДИВИДУАЛИЗАМ (2), ИСТОРИЈА СРБА (2), КВАЛИТЕТ (2), КОСОВО (2), МАШТА (2), МЕЂУЉУДСКИ ОДНОСИ (2), НОВАЦ (2), ПАМЕТ (2), ПРАВДОЉУБИВОСТ (2), ПРАВО НА АБОРТУС (2), ПРИПАДНОСТ (2), ПРИРОДА (2), ПРИСТОЈНОСТ (2), РАЗЛИЧИТОСТ (2), РОДИТЕЉИ (2), САМОПОШТОВАЊЕ (2), СРПСКА КЊИЖЕВНОСТ (2), СТРПЉЕЊЕ (2), ТАЧНОСТ (2), ЗАВИЧАЈ (2), ЗДРАВСТВЕНА ЗАШТИТА (2) (и 18 поновљених вредности у претходним листама: ДЕЦА (9), ПОЖРТВОВАНОСТ (6), ПРИЈАТЕЉИ (6), ЗНАЊЕ (6), РАД (4), РОДОЉУБИВОСТ (4), ДОСТОЈАНСТВО (3), ЈЕЗИК (3), СРПКИ ЈЕЗИК (3), БОГ (2), ИНАТ (2), ИСКРЕНОСТ (2), НЕЗАВИСНОСТ (2), ОТАЏБИНА/ДОМОВИНА (2), ПРИЈАТЕЉСТВО (2), РАДИНОСТ (2), СЛАВА (2), ШКОЛА (2)). У листи лаика са по једном потврдом наведео је још **164** вредности.

6.5. Тако смо на основу анализе анкетних листи и упоређивањем њихових вредности са две синтетичке листе, једне добијене дубинском анализом семантике обрађених концепата српског језика, а друге добијене упоређивањем претходне листе са «произвољном» и «синонимском» листом, добили прелиминарни списак од **48** језгрених вредности и шири списак прелиминарних вредности из анкетног материјала стручњака и лаика од укупно **283** периферне вредности, које се не појављују у претходним листама. Укупан прелиминарни списак одредница за аксиолошки речник српског језика до сада утврђен садржи **331** вредносни концепт неједнаког статуса и ранга у концептосфери или језичкој слици српског језика.

6.6. Ако овом списку додамо и списак и данас актуелних традиционалних народних појмова из «Појмовника српске културе», број појмова се знатно увећава, за 76 појмова: аждаја, ала, анатема, авет, астрономија, баба, бајање, бајка, басма, басна, биће, бог, боје, болест, благо, биљка, вук, време, вода, виле, гатање, гусле, гајде, коло, душа, додоле, брак, дрво, животиња, змај, заветина, Задушнице, занат, здравље, икона, јабука, крв, караконцула, кукавица, лапот, лечење, литургија, музика, мајка, наслеђивање, недеља, орао, Оче наш, опанак, одевање, обичаји, песма, писмо, регрутација, сан, самрт, сахрана, свекрва, свекар, свадба, смрт, смех, сова, српска народна ношња, тужбалица, ћирилица, Ускрс, усвојење, фреска, фрула, хлеб, химна, храна, црква, честитка, шала и шајкача. Ова листа, у којој се понавља мањи број појмова из наших утврђених листа, послужиће нам као

контролна листа за утврђивање појмова који континуирано опстају у српској култури и представљају наслеђене вредности или константе српске културе. Међу наведеним појмовима неки имају категоријално значење, обухватајући идеографску класу појмова, као што су: астрономија, биљка, време, вода, животиња, одевање, обичаји, док неки означавају предмете или појаве који припадају одређеној тематској групи.

6.7. Од утврђених вредности из наших листа 12 је наведено у светској листи вредности¹⁴, а то су: породица, пријатељи, посао, религија, толеранција (поштовање других људи), одлучност (истрајност), несебичност, послушност, срећа, друштвено благостање (богатство), верске вредности и етичке вредности.

6.8. За даље проширивање или верификовање листе вредности српског језика предстоји нам обрада материјала из асоцијативних речника српског језика, а затим хијерархијско уређивање и одређивање статуса вредности у концептосфери српског језика.

VII. Закључак

7.1. У раду су представљени поступци састављања листе вредности које ће бити предложене као одреднице у изради планираног аксиолошког речника српског језика. Након што смо у претходном истраживању успоставили три листе за одабир српских вредносних концепата, у овом раду смо на основу додатне две листе, које су засноване на анкетирању говорника српског језика, проверили њихову валидност и утврдили прелиминарни списак централних и периферних вредности.

7.2. Прелиминарни списак садржи укупно 331 концепт неједнаког статуса и ранга у језичкој слици српског језика. Најужи део језгра концептосфере српског језика чини 10 концепата вредности са високим бројем понављања: доброта, лепота, зло, држава, независност, домовина/отаџбина, слобода, дом/кућа, љубав, част и вера. Њима се могу прикључити још 38 вредности са значајном фреквенцијом, што укупно чини 48 језгрених вредности, за разлику од 283 периферних вредности, које се не понављају у анализираним листама.

ЛИТЕРАТУРА

Ајдачић (ур.) 2015: Ајдачић Д. (ур.). О вредностима у српском језику. Зборник етнолингвистичких радова. Београд, 2015.

Ајдачић (ур.) 2019: Ајдачић Д. (ур.). О вредностима у српском језику 2. Зборник етнолингвистичких радова. Београд, 2019.

Бабенко 2010: Бабенко Л.Г. Концептосфера русског језика: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Проспект словаря / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 2010.

Бабенко 2017: Концептосфера русског језика: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь или справочник / Ред. Л.Г. Бабенко. Москва, 2017.

¹⁴ Према подацима на сајту World Values Survey [<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSEvents>Show.jsp?ID=413>], 23.6.2021.

Бартми́нский, Хлебда 2008: Бартми́нский Е., Хлебда В. Проект международного сотрудничества в области сравнительного исследования культурно-языковой картины мира славян. [Рукопись], 2008.

Болдырев 2016: Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург. Москва; Екатеринбург, 2016, 16–25.

Карасик, Слышкин 2005: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. 1. Волгоград, 2005, 13–15.

Ристић, Лазић-Коњик 2021: Ристић С., Лазић-Коњик И. Аксиолошки речник српског језика — предлог израде // Јужнословенски филолог. 2021.77/2, 105–126.

Рогановић (ур.) 2017: Рогановић В. (ур.). Етнологија и антропологија. Едиција Мали лексикон српске културе. Београд, 2017.

Степанов 1997: Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва, 1997.

Bartmiński 1991: Bartmiński J. Projekt i założenia ogólne słownika aksjologicznego / J. Puzynina, J. Bartmiński (red.). Język a Kultura. Zagadnienia leksykalne aksjologiczne. T. 2. Wrocław, 1991, 197–209.

Bartmiński, Bielińska-Gardziel 2017: Bartmiński J. Bielińska-Gardziel I. Fifteen years of the EUROJOS project. Ethnolinguistic. 2017. 28, 297–304.

Bartmiński 2015: Bartmiński J. Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów — co zawiera, na jakich zasadach się opiera, dla kogo jest przeznaczony? // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów. T. 1 *DOM* / J. Bartmiński (gl. ur.), I. Bielińska-Gardziel, B. Żywicka (ur.). Lublin, 2015, 7–13.

Bartmiński, Grzeszczak 2014: Bartmiński J., Grzeszczak M. Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? // Etnolingwistyka. 2014. 26, 21–44.

LASIS: Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / Pod red. Jerzego Bartmińskiego. Lublin, 2015–2019:

T. 1. *DOM* / Red. J. Bartmiński, Iwona Bielińska-Gardziel, Beata Żywicka. 2015;

T. 2. *EUROPA* / Red. Wojciech Chlebda. 2018;

T. 3. *PRACA* / Red. J. Bartmiński, M. Brzozowska, S. Niebrzegowska-Bartmińska. 2016;

T. 4. *WOLNOŚĆ* / Red. Maciej Abramowicz, J. Bartmiński. 2019;

T. 5. *HONOR* / Red. Petar Sotirov, Dejan Ajdaczić. 2017.

Niebrzegowska-Bartmińska 2013: Niebrzegowska-Bartmińska S. Projekt badawczy (ETNO) EUROJOS a program etnolingwistyki kognitywnej // Etnolingwistyka. 2013. 25, 267–280.

Niebrzegowska-Bartmińska 2020: Niebrzegowska-Bartmińska S. Definiowanie i profilowanie pojęć w (etno)lingwistyce. Lublin, 2020.

ИЗВОРИ:

Андрић 1981: Андрић И. Знакови поред пута. Сабрана дела Иве Андрића. Београд, 1981.

APCJ 2005: Пипер П., Драгићевић Р., Стефановић М. Асоцијативни речник српског језика. Београд, 2005.

Јовановић, Атанацковић 1980: Јовановић Р., Атанацковић Л. Систематски речник српског језика. Нови Сад, 1980.

Појмовник српске културе. 23.6.2021. [<http://www.pojmovnik.etno-institut.co.rs/>]

Ђосић 2008: Ђосић П. Речник синонима. Београд, 2008.

РОССИЙСКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Л.Л. ШЕСТАКОВА

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

<https://orcid.org/0000-0001-9585-9472>

lara.shestakova@mail.ru

В.К. ЩЕРБИН

Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси

(Минск, Беларусь)

<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

shcherbin5353@mail.ru

В статье рассматривается проблема сравнительного изучения особенностей индивидуально-авторских картин мира российских и белорусских писателей на материале персональных писательских энциклопедий. Определяется состав российского и белорусского корпусов энциклопедий этого типа, выявляются основные различия между ними. Анализируются наиболее сравнимые по разным параметрам издания: «Лермонтовская энциклопедия» (1981) и «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» (1986), а также значимые для характеристики авторских картин мира словарные статьи из выбранных изданий, посвященные произведениям двух национальных поэтов.

Ключевые слова: индивидуально-авторский мир писателя, словарь языка писателя (авторский словарь), персональная писательская энциклопедия, сравнительная писательская энциклопедистика

RUSSIAN AND BELARUSIAN PERSONAL WRITERS ENCYCLOPEDIAS: A COMPARATIVE ASPECT

L. SHESTAKOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

V. SHCHERBIN

Center for System Analysis and Strategic Research at the National Academy
of Sciences of Belarus

(Minsk, Belarus)

The paper deals with the problem of comparative study of the features of individual authors world-pictures of Russian and Belarusian writers on the material of personal writers encyclopedias. The composition of the Russian and Belarusian encyclopedias of this type is determined, the main differences between them are revealed. The most comparable publications

in different parameters are analyzed: «Lermontov Encyclopedia» (1981) and «Yanka Kupala: Encyclopedic Reference Book» (1986), as well as dictionary entries from these publications that are significant for the characteristics of individual authors world-pictures.

Keywords: individual writer's world, author's (writer's) dictionary, personal writer's encyclopedia, comparative writers encyclopedistics

I. Введение

Сравнительное изучение российских и белорусских персональных писательских энциклопедий (далее — ППЭ) является продолжением исследований, которые мы в течение ряда лет проводили в области сравнительной авторской (или писательской) лексикографии — см., к примеру, наш раздел «“Словарь языка Пушкина” и “Слоўнік мовы Янкі Купалы”: опыт сравнительного анализа» в коллективной монографии «Лексикология и лексикография славянских языков» (Шестакова, Щербин 2017: 151–185).

Спецификой нового исследования является перенесение основного акцента с изучения словарного представления языковых особенностей русскоязычных и белорусскоязычных художественных текстов на анализ отраженных в соответствующих ППЭ онтологических особенностей индивидуально-авторских (индивидуально-художественных) картин мира российских и белорусских писателей. При этом лингвистический, словарный компонент сохраняется, но становится частью более общего, интегрального, толково-энциклопедического описания сравниваемых авторских идиолектов.

Уточним, что терминосочетание «персональная писательская энциклопедия» выбрано нами с учетом существующих терминов («персональная энциклопедия», «литературная персональная энциклопедия», «частная литературная энциклопедия», «писательская энциклопедия», «персональная писательская энциклопедия», «персональный писательский справочник» и др.) как соответствующее основному объекту исследования в данной работе. Под ППЭ понимаются и собственно писательские энциклопедии (в том числе краткие), и писательские энциклопедические словари и справочники.

Чем был вызван обозначенный методологический поворот от изучения словарей языка писателей к исследованию ППЭ?

В ответе на этот вопрос можно отталкиваться от размышлений Ю.Н. Караулова как одного из идеологов «Словаря языка Достоевского». Еще в 1990-е гг., на раннем этапе подготовки словаря, Ю.Н. Караулов справедливо замечал, что «сегодня невозможно делать словарь писателя, не обращаясь к его индивидуальному авторскому миру. Раскрытие мира Ф.М. Достоевского предполагает обращение к литературному процессу, проблемно-тематическое, художественно-образное, философско-историческое раскрытие содержания его произведений. Подобного рода задачи может решать и решает литературоведение, которое, соответственно, в последнюю очередь интересуется языком писателя. И если лингвист-лексикограф <...>, описывая в словаре лексические единицы разбитого на слова текста,

склонен “отделять” язык от художественного создания, то литературоведение в своем анализе хочет отделить то, чем на самом деле является произведение литературы, от языковых средств его выражения и от его непосредственного текстового воплощения.

Противоречие в подходах к тексту между позицией словарника и позицией аналитика литературы кажется неразрешимым: или погружение в мир Достоевского с минимальной оглядкой на язык его произведений, или “микроскопический” анализ и фиксация каждого слова и словоупотребления в словаре, но без видения широких горизонтов его творчества в целом. Тем не менее, общность и универсальность филологического знания толкает нас к тому, чтобы не соглашаться с такой дилеммой. Как же можно преодолеть ограниченность словарного подхода, не отказываясь от высоко отточенной лексикографической техники и выработанных ею эффективных формализмов, и в то же время выполнить “сверхзадачу” — с теми именно средствами, которыми располагает лексикограф, добиться более глубокого проникновения в художественный мир писателя, нового раскрытия этого мира для сегодняшнего читателя?» (Караулов 1994: 16).

Выход из этого положения Ю.Н. Караулов видел «в соединении двух идей: идеи словарного представления языковой личности писателя и идеи нелинейного представления его произведений в виде гипертекстов» (Там же). Соединение названных идей можно наблюдать в издаваемых томах «Идиоглоссария» Достоевского. В основе этого словаря лежит, напомним, понятие идиоглоссы как единицы, которая отражает элементы картины мира Достоевского и одновременно несет на себе печать его идиостиля¹.

Не отрицая новизны и продуктивности этих идей Ю.Н. Караулова, безусловной научной ценности «Словаря языка Достоевского», мы полагаем, что в поисках путей для описания индивидуально-авторского мира писателя важно учитывать и потенциал, форматный и когнитивный, таких изданий, как персональные писательские энциклопедии. В составлении энциклопедий подобного типа, аккумулирующих в себе большие массивы разнотипных знаний, участвуют литературоведы, лингвисты (в том числе лексикографы), представители других наук, и не только гуманитарных.

II. От словарного формата представления языка писателя — к энциклопедическому формату отражения его художественного мира

В пользу формата ППЭ для описания, исследования индивидуально-художественного мира автора говорят и утверждения, справедливость которых едва

¹ При акцентированной создателями Словаря Достоевского лингвистичности идиоглоссы ее двойственный — мирообразующий и стилеобразующий — характер неоднократно ими подчеркивается. Ср.: «Описанию в Словаре подлежат только те слова <...>, которые являются важными для его [Достоевского] творчества, играют главную роль в числе используемых им изобразительных средств, несут ключевые идеи его миропонимания, характеризуют неповторимый идиостиль автора. Такие слова мы называем идиоглоссами» (Словарь Достоевского 2001, I: XIV); идиоглоссы — это, «во-первых, суть отражение главных мирообразующих, миротворяющих идей автора, и, во-вторых, <...> они служат концентрированным выражением специфики языка и стиля» (Там же: XXXVI).

ли будет кем-то оспариваться: во-первых, между словарем и энциклопедией отсутствуют непреодолимые барьеры (это доказано историей зарубежной лексикографии, подтверждается тенденциями развития современной российской лексикографии²), соответственно, таких барьеров нет между авторским (писательским) словарем и писательской энциклопедией; во-вторых, совмещение словарных и энциклопедических практик способствует интеграции семантического и прагматического знаний, что создает основу для более глубокого постижения художественного мира изучаемого автора. Ср. такое утверждение: «Понимание достигается объединенным применением семантического и прагматического знаний. Значение слова или высказывания представлено как составная часть памяти, точно так же, как и другие знания. <...> Иначе говоря, лексикон тесно связан с прочими нашими знаниями и неотделим от них» (Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: 33–34).

Необходимость совмещения словарного и энциклопедического форматов при описании реального мира Р. Барт обосновывал следующим образом: «Мы собрали слова, дали им дефиниции — получается словарь. Мы собрали вещи (разумеется, обладающие именами), дали им описание — получается энциклопедия. Иногда, как в настоящем словаре [в «Словаре Ашетт». — *Л. Ш., В. Ш.*], обе операции сочетаются вместе, получается словарь слов и вещей, энциклопедический словарь. Хотя взаимодополнительность обеих операций — нормативной (определить употребление слов) и дескриптивной (описать особенности вещей) — ощущалась у нас уже начиная с XVII века, подобных словарей-энциклопедий как будто немного. Это довольно парадоксальный факт: ведь на самом деле — и здесь открывается сложнейший философский спор — каждое слово влечет за собой вещь или целое скопище вещей, но также и каждая вещь может существовать для людей лишь будучи покрыта, освящена, признана некоторым словом. Слова отсылают к вещам? Да, но одновременно также и к другим словам. Поэтому разделение слов и вещей как двух обособленных и иерархически соотнесенных уровней является историческим явлением, что показал М. Фуко. Это разделение означает, что мы встаем на позицию реализма, который признает вещь в себе, вне говорящего о ней субъекта, а из слова делает простой инструмент коммуникации <...>. Со времен победы реализма мы полагаем, что, с одной стороны, говорим, а с другой — изготавливаем вещи; с одной стороны, что-то произносим, украшаем и идеализируем, а с другой — что-то строим, производим, продаем, присваиваем; по одну сторону — искусство (слова), по другую — наука (факты)» (Барт 2003: 501).

² Повышается значимость энциклопедических сведений в толковых словарях русского языка, как общих, так и авторских. См., например, в «Большом толковом словаре русского языка» специальный параграф «Принципы отбора и размещения энциклопедической информации» в разделе «Общие сведения о словаре и структуре словарных статей» (БТС: 19). Из авторских словарей назовем недавнее издание — «Словарь языка И.С. Тургенева», в предисловии к которому отмечается: «Словарь составлен по классической схеме лингвистического словаря с элементами словаря энциклопедического» (Елистратов 2018: 5). Добавим, что тип объяснительных авторских словарей представлен не только жанрами глоссария, толкового словаря, но и словаря толково-энциклопедического (Шестакова 2011: 56).

Надо сказать, что у нас еще в советские годы был сделан шаг в направлении интегрированного изучения словарей и энциклопедий, в частности, была опубликована монография А.И. Киселевского «Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей» (Минск, 1977). А в настоящее время российский философ Т.В. Артемьева ставит знак равенства между словарем и энциклопедией, обосновывая вывод о том, что «энциклопедический и словарный жанры — жанры научные» (цит. по: (Мануильский 2016: 79)).

Примечательно, что уже стала привычной практика «заимствования», когда отдельные статьи из глоссариев, толковых, частотных и иных словарей включаются в том или ином виде в состав энциклопедий. В качестве примеров можно назвать словарные статьи заголовочных слов *Aragog* (*Aragog*), *Boggart* (*Boggart*), *Boomslang* (*Boomslang*), *Dementors* (*Dementors*), *Unicorn* (*Unicorn*), *Centaur* (*Centaur*), *Runes* (*Runes*), *Salamander* (*Salamander*), *Sphinx* (*Sphinx*), *Phoenix* (*Phoenix*), *Halloween* (*Halloween*), *Poisons* (*Poisons*) из «Glossary of Muggle Science, Potter Magic, Oddments and Tweaks» (словарного приложения к научно-популярной книге Роджера Хайфилда «The Science of Harry Potter» (New York, 2002)), которые с небольшими смысловыми изменениями, возникшими в процессе их перевода на русский язык, вошли в состав научно-популярной «Энциклопедии магии и волшебства в книгах Джоан Роулинг» (М., 2003), составленной М.К. Залесской.

Порой материалы того или иного словаря включаются в состав ППЭ в полном объеме. Ср.: «К Лермонтовской Энциклопедии Издательство сочло полезным присоединить материалы Словаря языка Лермонтова, включающие словарь рифм и частотный словарь языка поэта. <...> По мнению Издательства, словарь, дополняя материалы Лермонтовской энциклопедии по поэтике и стиховедению, увеличивает справочную ценность издания» (К читателю 1981: 7). Словарные разделы находим и в современных ППЭ, таких как «Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник» (в него включен фразеологический словарь языка писателя), «Бажовская энциклопедия» (здесь представлен словарь устаревшей и диалектной лексики сказов П.П. Бажова), «А.Н. Островский. Энциклопедия» (содержит частотный словарь). В создаваемую сейчас энциклопедию «Н.Ф. Федоров», посвященную русскому философу-космисту, также будут включены алфавитно-частотный и частотный словари. Эти примеры свидетельствуют не просто об увеличении справочной ценности ППЭ за счет лингвистической (словарной) составляющей, но о важности и необходимости ее для получения объективных результатов при исследовании разных сторон творчества писателя, изучения его художественного мира.

Чтобы расставить все точки над *i* в вопросах взаимодействия словарей и энциклопедий, приведем слова российского лексикографа, историка науки Г.А. Богатовой об общих задачах и различиях между филологической и энциклопедической лексикографиями как совокупностями справочных изданий указанных типов: «Филологическая лексикография идет от названия реалии, т.е. от слова, фиксируя разнообразие значений слова в зависимости от места или времени употребления,

или от вхождения в разные тематические группировки. Энциклопедическая лексикография строится на такой основе, как понятие или описание реалии. Та и другая лексикографии вместе дают картину истории духовной и материальной жизни общества» (Богатова 2011: 539).

В современной авторской лексикографии интегративный, толково-энциклопедический характер нередко носят «пояснительные словари» к отдельным художественным произведениям. В качестве наиболее показательных примеров можно назвать «пояснительные словари» к широко известному роману Умберто Эко «Маятник Фуко». Один из словарей опубликован итальянскими филологами Л. Бауко и Ф. Милокки в 1989 г., а второй — российскими исследователями О. Логош и В. Петровым в 2002 г. В аннотации к словарю Логош и Петрова указывается, что он адресован всем, кто хочет узнать «немного больше о лицах, реалиях и событиях, упомянутых на страницах романа Умберто Эко». А сами составители, в частности, признаются, что они «намеревались создать не расширенный комментарий к роману (как у Бауко и Милокки), а своего рода мини-энциклопедию, которую можно было бы использовать и вне связи с “Маятником”, прежде всего — как своеобразный справочник по истории западной эзотерики» (Логош, Петров 2002: 6).

Сейчас в нашем распоряжении есть солидные энциклопедические издания «поясняющего характера» к отдельным произведениям русской литературы. Это, например, энциклопедии к «Слову о полку Игореве»:

М.Г. Булахов. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1988.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб., 1995.

Более сложными изданиями по своей макро- и микроструктуре являются, очевидно, полиаспектные ППЭ. Жанр персональной энциклопедии (не только писательской) широко распространен за рубежом³. В России идея создания таких трудов обсуждалась, на материале будущей энциклопедии, посвященной М.Ю. Лермонтову, в конце 1950-х — начале 60-х гг., но стала реализовываться в 70-х гг., и в 1981 г. вышла «Лермонтовская энциклопедия» — первая персональная энциклопедия о русском классике⁴.

Безусловный интерес представляет анализ национальных персональных писательских энциклопедий — с точки зрения их макро- и микроструктуры, жанровой вариативности, выбора описываемых авторов и т. д., однако не менее интересен сравнительный анализ разнонациональных ППЭ. В аспекте познания художественной картины мира он позволяет выявить и а) общечеловеческие,

³ Можно в качестве примеров привести изданные в XXI в. ППЭ, посвященные английским авторам: (Shakespeare's World 2001; Kirstin 2002; Rogers 2006; Day 2019). Ср. и переведенную на русский язык энциклопедию (Уэллс 2002).

⁴ Это издание вызвало много откликов, некоторые из них, например, (Мейлах 1982), и сегодня не потеряли своей актуальности.

и б) национальные, и в) индивидуально-авторские представления о мире (о системе реалий, артефактов, моральных ценностей и т. д.), зафиксированные в произведениях писателей, которые принадлежат разным нациям и народам, являются носителями разных языков.

Выбирая для сравнительного анализа российские и белорусские персональные писательские энциклопедии, мы предполагали пройти несколько этапов и решить, соответственно, несколько задач:

- провести сбор материала и составить два корпуса ППЭ: российский и белорусский;
- проанализировать каждый корпус энциклопедий по ряду общих параметров (структура, полнота/неполнота содержания, типы словарных статей и др.), классифицировать ППЭ обоих корпусов и сравнить эти результаты;
- выявить, если это возможно, модель, типичный образец ППЭ, соотнести с ним имеющиеся издания данного типа;
- выбрать конкретные российские и белорусские ППЭ для сравнительного исследования и провести такое исследование.

Сразу отметим, что в данной статье представлены результаты работы, соотносимые с каждым из названных этапов. Относительно последнего этапа важно уточнить, что нами решена задача выбора для сравнительного исследования двух национальных персональных писательских энциклопедий, определены типологически однородные и количественно сравнимые совокупности энциклопедических статей, а также проведен опыт сравнения статей с выходом на особенности индивидуально-художественных картин мира выбранных авторов.

III. Российский и белорусский корпуса ППЭ

Анализируемые нами российский и белорусский энциклопедические корпуса в совокупности включают около пяти десятков ППЭ (учитывая переиздания). Большую часть из них составляют российские ППЭ — 40 энциклопедических изданий разных жанров, меньшую часть образуют белорусские ППЭ — 4 энциклопедии и расширенные переиздания двух из них, посвященных Я. Купале и Ф. Скорине, всего 7 изданий.

Приведем далее по хронологии примеры российских и белорусских ППЭ с их кратким библиографическим описанием. Подчеркнем, что включение этих изданий не в раздел «Литература», а в сам текст данной статьи носит намеренный характер. Оно обусловлено тем, что далее предлагается классификационное деление ППЭ, которое без предварительного эксплицитного представления писательских энциклопедий потеряло бы свою наглядность. Отметим и важность хронологического принципа в организации списков изданий, составляющих содержание российского и белорусского корпусов ППЭ. Этот принцип позволяет увидеть динамику развития писательской энциклопедистики (прежде всего российской): активизацию работы над ППЭ с середины 1990-х гг. и укрепление этой тенденции

в 2000-х гг., а также заметное расширение, со временем, состава авторов, жизнь и творчество которых стали объектом описания ППЭ (в число таких авторов входят и зарубежные писатели). О современных литературных персональных энциклопедиях, о перспективах их развития см. (Малофеева 2002), также (Шестакова 2011: 230).

К сказанному необходимо сделать еще одно добавление. В процессе составления двух корпусов ППЭ нами было принято решение включить в них также энциклопедии, посвященные отдельным философам, и тем самым расширить понятие «персональная писательская энциклопедия». С одной стороны, мы отталкивались от расширительной трактовки понятия «писательская лексикография» (в этом случае оно приравнивается к определению «авторская лексикография»), с другой, учитывали, что созданные и создаваемые энциклопедии по творчеству отдельных философов во многом ориентируются на писательские энциклопедии. Немаловажно и то, что философы нередко предстают в двух ипостасях — собственно философской и писательской.

1. Российские ППЭ

Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. Москва, 1981; 2-е изд. Москва, 1999.

Краткая Ахматовская энциклопедия: От А до Я. Тысяча слов — кратких справок / Сост. С.Д. Умников. Ленинград, 1991.

Булгаков. Энциклопедия / Сост. Б. Соколов. Москва, 1996; 2-е изд. Москва, 2007.

Энциклопедический мир Владимира Даля: в 2-х т. (Птицы) / Сост. М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский. Москва, 1996.

Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие — 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / Сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

Оренбургская толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника / Сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847—1858 / Сост. Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

А.С. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь / Сост. В.Я. Коровина, В.И. Коровин. Ред. В.И. Коровин. Москва, 1999.

Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Э.П. Карпеев. Санкт-Петербург, 1999.

Миры братьев Стругацких: Энциклопедия в 2-х т. / Под общ. ред. В. Борисова. Москва; Санкт-Петербург, 1999.

Онегинская энциклопедия: в 2-х т. / Под общ. ред. Н.И. Михайловой. Москва, 1999, 2004.

Пушкинская энциклопедия. 1799—1999. Москва, 1999.

Толкин и его мир: Энциклопедия / Сост. К.М. Королев. Москва; Санкт-Петербург, 2000.

Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь / Сост. С.В. Белов. Санкт-Петербург, 2001.

Гоголь. Энциклопедия / Сост. Б.В. Соколов. Москва, 2003.

Достоевский. Энциклопедия / Сост. Н.Н. Наседкин. Москва, 2003.

Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3-х т. Москва, 2003.

Энциклопедия магии и волшебства в книгах Джоан Роулинг / Сост. М.К. Залеская. Москва, 2003.

Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия. Рабочие материалы / Гл. ред. Г.С. Меркин. Смоленск, 2004.

Все герои А.П. Чехова — вся Россия. Полный каталог из 2335 имен, составленный по произведениям великого русского писателя / Сост. Марина Ткаченко. Москва, 2004.

Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст / Ред. Л.В. Полякова. Тамбов; Елец, 2004.

Пушкин и мировая литература. Материалы к пушкинской энциклопедии. Санкт-Петербург, 2004.

Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3-х т. Барнаул, 2005—2007.

Бажовская энциклопедия / Ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург, 2007.

Грибоедов. Энциклопедия / Сост. С.А. Фомичев. Санкт-Петербург, 2007.

Шекспир. Энциклопедия / Сост. В.Д. Николаев. Москва, 2007.

Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А.Н. Николюкин. Москва, 2008.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1—3. Санкт-Петербург, 2009—2017.

Большая энциклопедия. Чеховская энциклопедия. Москва, 2009.

А.П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. Москва, 2011.

Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия / Сост. В.В. Петелин. Москва, 2011.

А.Н. Островский. Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012.

Шолоховская энциклопедия / Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. Москва, 2012.

М.Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь / Гл. ред. И.А. Киселёва. Москва, 2014.

Булгаковская энциклопедия: самое полное издание / Сост. Б.В. Соколов. Москва, 2016.

Все произведения В.П. Астафьева (первый период творчества 1951—1969): энциклопедический словарь-справочник / Ред. Л.Г. Самотик, Т.Н. Садырина. Красноярск, 2017.

Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. Москва, 2017.

Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией: <http://enc-nffedorov.ru/wiki/>⁵.

2. Белорусские ППЭ

Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік / Гал. рэд. І.П. Шамякін. Мінск, 1986.

Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік / Гал. рэд. І.П. Шамякін. Мінск, 1988.

Францыск Скорина и его время: Энциклопедический справочник / Гл. ред. И.П. Шамякин. Мінск, 1990.

Максім Багдановіч: энцыклапедыя / Склад І.У. Саламевіч, М.В. Трус / Гл. ред. Т.У. Бялова. Мінск, 2011.

Францыск Скарына: энцыклапедыя / Гал. рэд. У.У. Андрыевіч. Мінск, 2017.

Янка Купала: энцыклапедыя: у 3-х т. / Гал. рэд. У.У. Андрыевіч. Мінск, 2017–2018.

Уладзімір Караткевіч: энцыклапедыя / Гал. рэд. В.У. Ванина. Мінск, 2020.

IV. Сравнительный анализ русских и белорусских ППЭ⁶

Анализ двух групп ППЭ показал, что **русские энциклопедические издания** неоднородны, разнотипны и отличаются друг от друга, прежде всего, по признаку полноты представления всевозможных знаний о жизни и деятельности изучаемого автора. Среди русских ППЭ выделяются два типа изданий:

1) полные, универсальные ППЭ, затрагивающие практически все стороны жизни и творчества автора; они содержат большой массив словарных статей разных типов;

2) неполные, специализированные ППЭ, ориентированные на подачу литературных материалов определенного содержания; издания этого типа представлены рядом энциклопедических жанров.

⁵ Работа над этой энциклопедией еще не завершена. Проект предполагает создание первой научной энциклопедии, посвященной выдающемуся русскому мыслителю, философу-космисту Николаю Федоровичу Федорову (1829–1903). В проекте, возглавляемом А.Г. Гачевой, принимают участие А.Н. Акиншин, В.В. Варава, А. Оносов, С.Т. Петров, Е.М. Титаренко, Дж.М. Янг и др., в том числе лингвисты Н.В. Козловская и Л.Л. Шестакова. Энциклопедия представит основные достижения федороведения XX–XXI вв. в России и за рубежом, даст целостный свод знаний о философе, станет путеводителем по его творческому наследию. Уже подготовленные материалы (в том числе словарные) представлены на сайте Энциклопедии.

⁶ Сравнительный анализ разнонациональных ППЭ не предполагает их всесторонней оценки, выявления достоинств и недостатков. Оценочный аспект в отношении русских ППЭ присутствует, например, в работе (Малофеева 2002).

Особенно наглядно деление на универсальные и специализированные ППЭ просматривается на материале **пушкинской энциклопедистики**. В ее рамках тип **универсальной ППЭ** представлен изданием:

Пушкинская энциклопедия. 1799—1999. 1999⁷.

Тип **неполной пушкинской ППЭ** реализован в разных жанрах. Это:

- **регионально-краеведческий жанр пушкинских ППЭ:**

Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие — 1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы. 1997.

Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: в 3-х т. 2003.

- **жанр пушкинских ППЭ, ориентированных на подачу информации о литературных произведениях А.С. Пушкина:**

Онегинская энциклопедия: в 2-х т. 1999, 2004.

Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1—3. 2009—2017.

- **жанр учебных пушкинских ППЭ:**

А.С. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь. 1999.

Представленность отмеченных выше жанров ППЭ в российской писательской энциклопедистике подтверждается материалами не только пушкинских ППЭ, но и материалами ППЭ других российских и зарубежных авторов. Так, к **регионально-краеведческому жанру ППЭ** (белорусский исследователь Н.В. Трус называет ППЭ, относящиеся к данному жанру, «персонально-региональными литературными энциклопедиями» (Трус 2012: 144)), помимо двух указанных выше пушкинских ППЭ, относятся также следующие энциклопедические издания:

Оренбургская толстовская энциклопедия: Материалы. Поиски. Исследования. Хроника. 1997.

Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет, 1847—1858. 1997.

Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. 2004.

К **жанру ППЭ, ориентированных на подачу информации о литературных произведениях изучаемого автора**, кроме двух названных выше пушкинских энциклопедий, относятся также издания:

Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник: в 3-х т. 2005—2007.

Все произведения В.П. Астафьева (первый период творчества 1951—1969): энциклопедический словарь-справочник. 2017.

Ср. энциклопедии, подготовленные отечественными специалистами к произведениям зарубежных авторов:

Толкин и его мир: Энциклопедия. 2000.

Энциклопедия магия и волшебства в книгах Джоан Роулинг. 2003.

⁷ Примеры изданий взяты в основном из приведенного выше списка, даются, для краткости, с указанием названия энциклопедии, количества томов (при наличии) и года публикации.

К **российским ППЭ универсального типа**, помимо указанной выше пушкинской ППЭ, относятся многие из приведенных ранее изданий — от Лермонтовской энциклопедии 1981 г. до Мандельштамовской 2017 г.

Кроме жанров неполных ППЭ, выделенных на материале пушкинской энциклопедистики, можно отметить и другие жанры, выделенные на материале ППЭ иных российских авторов. В частности, к **жанру ППЭ, ориентированных на подачу информации о персоналиях**, можно отнести издание:

Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. 2001.

К **жанру ППЭ, описывающих героев (персонажей) автора**, относится издание:

Все герои А.П. Чехова — вся Россия. Полный каталог из 2335 имен, составленный по произведениям великого русского писателя / Сост. Марина Ткаченко. 2004.

Ср. также:

Накамура Кэнноске. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. 2011.

Жанр **кратких энциклопедических изданий** представлен книгами:

Краткая Ахматовская энциклопедия: От А до Я. 1991.

Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь. 1999.

М.Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь. 2014.

Необходимо сказать и о неполных ППЭ, выделяющихся в общем массиве таких изданий своим объектом описания, целевым назначением и т. д. Например, в двухтомной энциклопедии «Миры братьев Стругацких» (1999), носящей характер комментария к произведениям писателей-фантастов, представлен свод терминов, а также имен персонажей, географических, астрономических и других названий (реальных и вымышленных). А книга «Энциклопедический мир Владимира Даля» (1996) являет собой серию тематических выпусков словарных материалов, подобранных в определенном порядке. Цель выпусков — познакомить читателя с языковым и культурным слоем русской национальной традиции, отраженной в «Толковом словаре живого великорусского языка» и «Пословицах русского народа» В. Даля. Во втором случае, как видно, материалы классического толкового словаря послужили отправной точкой для создания энциклопедии. В целом же российские ППЭ характеризуются, как видно, заметным многообразием.

По вполне понятным причинам (в их числе: мировой уровень многих произведений российской классической и современной литературы и соответствующий ему масштаб энциклопедического описания творчества российских писателей и представителей мировой литературы при средневропейском уровне многих произведений современной белорусской литературы и достаточно скромном масштабе ведущихся в Белоруссии исследований по созданию ППЭ) отмеченного выше жанрового разнообразия российских ППЭ не наблюдается в **белорусской писательской энциклопедистике**. В ней представлены только ППЭ полного, универсального типа и ППЭ краткого типа (4 названия), а также их переиздания (3 названия). Между собой белорусские ППЭ в основном различаются степенью

разработанности типологического репертуара статей. К числу наиболее разработанных, а потому и наиболее полных белорусских ППЭ относятся два издания энциклопедии Я. Купалы и три переиздания (два на белорусском языке и одно на русском) энциклопедии Ф. Скорины.

V. Некоторые результаты сравнительного анализа российских и белорусских ППЭ

Поскольку корпус российских персональных писательских энциклопедий (и по количеству входящих в него ППЭ, и по количеству представляемых ими жанров ППЭ) в разы превосходит корпус белорусских, то, чтобы сделать сравнительный анализ российских и белорусских ППЭ корректным в сопоставительно-типологическом отношении, необходимо выбрать из двух корпусов ППЭ их наиболее сопоставимые части: во-первых, наиболее сравнимые по объему, типу и другим параметрам отдельные российские и белорусские ППЭ, во-вторых, типологически однородные и количественно сравнимые совокупности энциклопедических статей из отдельных российских и белорусских ППЭ.

Что касается наиболее сравнимых по макроструктурным параметрам отдельных российских и белорусских ППЭ, то на данную роль, полагаем, более всего подходят «Лермонтовская энциклопедия» (1981) и «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» (1986). Как показывает общий анализ выбранных ППЭ, именно Лермонтовская энциклопедия, получившая к настоящему времени статус классической, послужила моделью, образцом для создания ряда аналогичных трудов не только в российской, но и в белорусской энциклопедистике, и конкретно названного справочника по творчеству Я. Купалы — первой в Белоруссии персональной энциклопедии. Макроструктурная основа двух ППЭ может быть признана единой. В Лермонтовской энциклопедии центральную часть составляют разделы: Алфавитная словарная часть энциклопедии (т.е. свод словарных статей, с. 23–643), Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова (с. 644–654), Основная литература о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова (с. 655–664). В выбранной Купаловской, соответственно: Алфавітная слоўнікавая частка энцыклапедычнага даведніка (с. 21–702), Летапіс жыцця і творчасці Янкі Купалы (с. 703–709), Асноўная літаратура пра жыццё і творчасць Янкі Купалы (с. 710–712). При этом в российской ППЭ представлен Указатель статей (статьи в указателе объединены в тематические рубрики, что облегчает работу читателя с материалами книги), в белорусской — Указатель имен. Кроме того, в выбранной белорусской ППЭ нет словарных материалов (словаря рифм и частотного словаря языка поэта), содержащихся в российской.

Поскольку Купаловская энциклопедия создавалась с ориентацией на Лермонтовскую, типы статей, представленных в двух энциклопедиях, в целом совпадают. Это в определенной мере относится и к новейшим энциклопедическим изданиям по творчеству М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы. С единственной оговоркой: если второе издание Купаловской ППЭ, вышедшее в 2017–2018 гг. под названием

«Янка Купала: энцыклапедыя: у 3-х т.», стало расширением (по общему объему и количеству энциклопедических статей) первого издания — «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» 1986 г., но с сохранением его макроструктуры, то новое энциклопедическое издание по творчеству Лермонтова, вышедшее в 2014 г. под названием «М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь», является принципиально новым, по своим целям и структурной организации, энциклопедическим трудом, дополнившим «Лермонтовскую энциклопедию», исправившим замеченные в ней фактические неточности⁸.

Учитывая сказанное, мы сочли возможным представить для наглядности в таблице 1 количественные данные по типам статей, обнаруживаемым во всех четырех изданиях. В таблице использованы следующие сокращения: ППЭ1 Лермонтова — «Лермонтовская энциклопедия» (1981), ППЭ2 Лермонтова — «М.Ю. Лермонтов: энциклопедический словарь» (2014), ППЭ1 Купалы — «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік» (1986), ППЭ2 Купалы — «Янка Купала: энцыклапедыя» (2017–2018).

При выборе типологически однородных и количественно сравнимых совокупностей статей из Лермонтовской и Купаловской энциклопедий необходимо учитывать то, насколько полно выбранные совокупности статей будут отражать особенности художественных миров российского и белорусского поэтов. На наш взгляд, особое внимание стоит уделить сравнительному анализу содержания тех энциклопедических статей, которые посвящены описанию различных литературных произведений (стихотворений, поэм, переводов текстов зарубежных поэтов и т. д.) двух авторов (в таблице это второй тип статей). В разделе «К читателю» «Лермонтовской энциклопедии» говорится, в частности, следующее: «Основная масса материала в ЛЭ посвящена творчеству Лермонтова <...> Каждое произведение Лермонтова более или менее подробно освещается в отдельной статье или краткой заметке. Разумеется, объем этих статей не может быть одинаков — он определяется значимостью того или иного произведения. При этом редакция

⁸ См.: «Цели книги заключались в создании наиболее полного на сегодняшний день собрания сведений о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова, в уточнении деталей творческой биографии поэта, в значительном расширении историко-культурного контекста лермонтовских произведений, в привлечении для анализа трудов богословов и светских религиозных мыслителей, во введении в научный оборот малоизвестных публикаций из периодики лермонтовского времени, а также архивных материалов. В задачу исследования входило также обобщение методологического опыта теоретико- и историко-литературных исследований, не вошедших в “Лермонтовскую энциклопедию” и связанных с осмыслением духовных основ художественного наследия поэта, а также представление обновленной концепции творчества М.Ю. Лермонтова» (Киселёва 2014).

Не углубляясь в особенности макроструктуры издания, назовем некоторые ее разделы: Парус одинокий. Личность и судьба М.Ю. Лермонтова; М.Ю. Лермонтов в русской критике и литературоведении; Проблемы изучения жизни и творчества; Культурные связи и влияния; Дополнительные материалы (Маршруты М.Ю. Лермонтова; Синхронистические таблицы; Генеалогия М.Ю. Лермонтова и др.).

Относительно микроструктуры словаря следует сказать, что здесь новизна «проявилась в размещении статей концептуального характера, связанных с осмыслением таких понятий, как “добро”, “любовь”, “свобода”, “совесть”, “совершенство”, “свет” и т. д., которые занимают в художественном мире М.Ю. Лермонтова ведущие смысловые позиции» (Там же).

Таблица 1

№	Типы статей / ППЭ	ППЭ1 Лермонтова	ППЭ2 Лермонтова	ППЭ1 Купалы	ППЭ2 Купалы
1.	Статьи-персоналии	804	705	1336	1608
2.	Статьи о литературных произведениях	547	565	939	987
3.	Статьи о циклах стихотворений поэта	3	3	10	10
4.	Статьи о литературных персонажах	50	43	49	49
5.	Статьи о переводах поэтом произведений других авторов с иностранных языков	8	11	86	96
6.	Статьи по лермонтоведению, купаловедению	83	100	115	106
7.	Статьи о литературных и иных (исторических, лингвистических, мифологических, типографских, фольклорных) терминах и понятиях	31	39	136	137
8.	Статьи о журналах, в которых печатался поэт	12	14	38	44
9.	Статьи о газетах, в которых печатался поэт	2	2	53	54
10.	Статьи об официальных (государственных, культурных, научных, учебных и прочих) учреждениях и организациях	7	11	73	74
11.	Статьи о городах и сёлах, в которых жил или бывал поэт	49	18	185	186
12.	Статьи о географических названиях памятных для поэта мест	46	9	8	11
	Общее количество статей в ППЭ	1593	1520	3095	3507

стремилась даже юношеским и незрелым лермонтовским стихам и поэмам дать по возможности содержательную оценку, указав на связь отдельных мотивов, наметившихся уже в ранние годы, с творчеством Лермонтова в целом» (К читателю 1981: 5). Не случайно тематические рубрики этой энциклопедии, объединяющие словарные статьи (см. Указатель статей), выстроены таким образом: I. Произведения. II. Теория. Поэтика. Проблемы мировоззрения. III. Биография. IV. Окружение и т. д.⁹

⁹ Ср. польскую ППЭ «Mickiewicz: Encyklopedia» (2001), где среди представленных трех основных индексов энциклопедических статей первую позицию занимает именно индекс описываемых в данной ППЭ произведений поэта: «1. Indeks utworow Adama Mickiewicza; 2. Indeks nazw geograficznych; 3. Indeks osob» (Rymkiewicz, Siwicka, Witkowska, Zielinska 2001: 635–672).

Всего же в составе Лермонтовской энциклопедии, по нашим подсчетам, представлено 547 статей, посвященных описанию формальных и содержательных характеристик литературных произведений поэта, а в Энциклопедическом словаре Лермонтова — 565 таких статей. В энциклопедическом справочнике «Янка Купала» количество статей данного типа составляет 939 названий, а в расширенном, трехтомном переиздании Купаловской энциклопедии — 987 статей о литературных и публицистических произведениях поэта. Существенные различия по количеству статей о литературных произведениях в сравниваемых ППЭ объясняются, конечно, преждевременным уходом Лермонтова, не реализовавшего в полной мере свой творческий потенциал. Следует учитывать также свидетельство купаловеда О.А. Лойко о том, что [перевод на русский язык сделан нами. — Л. Ш., В. Ш.] «писал Янка Купала быстро и помногу: им написано более 1000 лирических стихотворений, 16 поэм, 4 пьесы, около 150 публицистических статей» (Лойка 1986с: 12).

Что же касается совокупностей статей-персоналий (в таблице это первый тип статей), которых больше всего в сравниваемых энциклопедиях, то, несмотря на их количественное доминирование в российских и белорусских ППЭ, это всего лишь дань литературной традиции и попытка составителей ППЭ использовать уже готовую информацию о лицах, каким-либо образом связанных с М.Ю. Лермонтовым и Я. Купалой, собранную в многотомных общелитературных энциклопедиях. Как справедливо заметил рецензент «Шолоховской энциклопедии» (2012) П. Глушаков, «в статьях, посвященных персоналиям, наблюдается неоправданное дублирование библиографического и даже цитатного материала» (Глушаков 2014: 389). В результате дублирования содержания статей-персоналий из многотомных общелитературных энциклопедий в ППЭ отражается не столько индивидуально-художественный мир писателя (поэта), сколько степень разработанности литературно-энциклопедической традиции в той или иной стране. Во всяком случае, отнюдь не случайно редакция «Лермонтовской энциклопедии» ввела такое ограничение: «Отбор материала в ЛЭ целиком определяется стремлением осветить факты и события строго в их отношении к Лермонтову, его жизни и творчеству. Исключены сведения общего характера, которые можно найти в известных справочниках и специальных изданиях. Это относится и к обзорным, и к персональным статьям» (К читателю 1981: 6).

Уже предварительный анализ типологически однородных и количественно сравнимых совокупностей энциклопедических статей, посвященных литературным произведениям Лермонтова и Купалы, обнаружил большой потенциал этих статей в отражении разных частей, разных составляющих индивидуально-художественного мира каждого из двух авторов. См., в этой связи, замечание Л.Г. Самотик по поводу структурной организации энциклопедического словаря-справочника «Все произведения В.П. Астафьева (1951–1969)»: «основная часть — статьи об отдельных произведениях», рубрикация же «может включать в себя сведения о композиции, сюжете и хронотопе (художественном времени и пространстве), героях и т. п.» (Самотик 2018: 192–193). В контексте нашего исследования сказанное

целесообразно связать с представлением о «возможных мирах», его соотносённости с художественным миром писателя и сравнить на этом фоне литературных персонажей Лермонтова и Купалы как ключевых субъектов художественных картин мира этих поэтов.

VI. Типология «возможных миров» и место в ней художественного мира писателя

В последние десятилетия среди представителей самых разных научных дисциплин и сфер специальных знаний всё большую популярность приобретает идея о параллельном существовании целого ряда различающихся между собой «миров». К примеру, в содержании третьего издания американского справочника «The New York Public Library Desk Reference» (1998) выделяются такие разделы, как [перевод на русский язык названий разделов сделан нами. — Л. Ш., В. Щ.]: «I. Физический мир» (в данный раздел включена глава «3. Биологический мир»); «II. Мир идей»; «VI. Политический мир» (Desk Reference 1998: V–XIV). В свою очередь, в книге российского исследователя А.Г. Теслинова «Концептуальное проектирование сложных решений» (2009) приводится следующая классификация «возможных миров», которые, по мнению автора, можно рассматривать в качестве объектов исследования:

«...основными родами объектов исследования выступают:

- материальный мир, мир “вещей”, который мы можем наблюдать;
- мир идей — абстракции, образы, представления и всё прочее, что способно порождать наше сознание; психический мир этот постигается лишь посредством выражения его различными средствами;
- социальный мир — бездна отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием;
- мир знаков как свидетельств первых трех миров, независимо от того, вещи они или что другое. <...> Это всё то, что указывает нам на исследуемую реальность. Эти различения полезно знать хотя бы для того, чтобы, приступая к концептодеятельности, быть готовым к особым способам работы с разными “отрезками” реальности, с разными мирами данностей» (Теслинов 2009: 30–31).

Анализ двух подходов (американского и российского) к выделению «возможных миров» показывает, что в основном они совпадают. Так, «физическому миру» из американского справочника соответствует «материальный мир» в книге А.Г. Теслинова; «мир идей» представлен в обоих сравниваемых изданиях; с «политическим миром» из американского справочника во многом соотносится «социальный мир» в российском издании; наконец, представленному в книге А.Г. Теслинова «миру знаков» соответствует глава «12. Символы и знаки», которая в американском справочнике включена в раздел «III. Способ, посредством которого мы общаемся». Если же соотнести с выделяемыми выше четырьмя «возможными мирами» уже существующие дисциплинарные классификации, то достаточно очевидным является то, что материальный (физический) мир

изучается естественными и техническими науками, мир идей — точными и гуманитарными науками, политический (социальный) мир — социальными науками, а мир знаков — различными направлениями такой междисциплинарной науки, как семиотика (более подробно об указанных выше «возможных мирах» — см. (Щербин 2021: 4–31)).

В последние годы исследователями описаны новые разновидности «возможных миров»: *гиперреальный мир*, или *мир моделей и симулякров* (выделен Ж. Бодрийяром); *культурные миры* (Губман 2014: 341–348); *виртуальные миры* (Скоропанова 2002: 132–134; Потапова 2005: 318–364); *внешний и внутренний миры* (Лебедев 2008: 181); *мыслящие миры* (Лотман 2000: 149–390); *шизофренические, психозоподобные и психотические миры* (Руднев 2007: 509) и др. На данный момент наиболее подробно тему «возможных миров», на наш взгляд, раскрывает польский писатель С. Лем (Лем 2019: 347–437).

Естественно задаться вопросом, какое место занимает художественный мир писателя в этом необъятном множестве «возможных миров»? Как он соотносится с иными «возможными мирами»? И как структурируется этот художественный мир писателя? Ответы на эти и подобные им вопросы можно найти на страницах проанализированных нами российских и белорусских энциклопедических изданий. Вот что говорит о замысле создания «Онегинской энциклопедии» ее редактор и составитель Н.И. Михайлова: «“Онегинская энциклопедия” объединяет в общем алфавите три словаря. Словарь имен собственных, упомянутых в “Евгении Онегине” — от Авроры, Альбани, Апулея до Цицерона, Ювенала, Языкова (более двухсот тридцати имен), — составляют статьи, посвященные философам, писателям, художникам, композиторам, актерам, персонажам античной, новой европейской и русской литературы, а также главным и второстепенным героям пушкинского романа. В словаре реалий представлены названные Пушкиным события, ушедшие из нашего быта предметы, требующие пояснения понятия, термины, устаревшие слова. И еще один словарь — словарь мотивов, в котором предпринята попытка раскрыть некоторые философские, нравственные и эстетические категории, существенные для понимания пушкинского текста» (Михайлова 1999).

Достаточно очевидным фактом является то, что мир (словарь) реалий не создается, а только описывается писателем (поэтом). Исключение составляют только «реалии», конструируемые писателями-фантастами (см., к примеру, упоминавшуюся выше энциклопедию «Миры братьев Стругацких»). То же самое можно сказать о мире (словаре) мотивов, которые в явном виде выделяются исследователями уже на материале готовых художественных текстов, но часто при этом не осознаются авторами этих текстов в процессе их создания. Наконец, что касается мира (словаря) имен, то его применительно к сравниваемым ППЭ можно условно разделить на две части: а) лица, каким-либо образом связанные с изучаемыми писателями (их ближайшее окружение, «знаковые фигуры» их эпохи, все без исключения исследователи их творчества, часто живущие и творящие намного позже эпохи изучаемого ими писателя и которые в силу этого никак

не могут быть субъектами его художественного мира, и т. п.); б) литературные персонажи, созданные талантом писателя и составляющие, на наш взгляд, актантное (персонажное) ядро его художественного мира.

Еще дальше пошел в процессе детализации мира литературного произведения Р. Барт, который, по мнению И.П. Ильина, «в любом художественном произведении выделял пять кодов (культурный, герменевтический, символический, семический и проайретический, или нарративный)» (Барт 1989: 40). Как теоретик постструктурализма и предшественник постмодернизма, Барт в своей концепции «кода» отошел от логической строгости и выверенности структуралистского понятийного аппарата, что затем было подхвачено его многочисленными постмодернистскими последователями: «Слово “код” не должно здесь пониматься в строгом, научном значении термина. Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры; коды — это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого “уже”, конституирующего всякое письмо» (Там же: 455–456). Любое повествование, по Барту, существует в переплетении различных кодов, их постоянной «перебивке» друг другом, что и порождает «читательское нетерпение» в попытке постичь вечно ускользающие нюансировки смысла.

Голландский критик Д. Фоккема отмечает, что код постмодернизма «является всего лишь одним из многих кодов, регулирующих производство текста. Другие коды, на которые ориентируются писатели, — это, прежде всего, лингвистический код (естественного языка — английского, французского и т. д.), общелитературный код, побуждающий читателя прочитывать литературные тексты как тексты, обладающие высокой степенью когерентности, жанровый код, активизирующий у реципиента определенные ожидания, связанные с выбором жанра, и идиолект писателя, который в той мере, в какой он выделяется на основе рекуррентных признаков, также может считаться особым кодом» (Ильин 2004: 117).

Из всех перечисленных выше «возможных миров» и кодов при изучении российских и белорусских ППЭ нас в наибольшей мере интересовали идиолекты изучаемых поэтов и те части их художественных миров, которые отражены в их литературных произведениях и описываются в посвященных им ППЭ. В наибольшей мере этим требованиям соответствовали энциклопедические статьи в составе Лермонтовской и Купаловской ППЭ, в которых описываются литературные персонажи, созданные творческим воображением этих поэтов и являющиеся ключевыми актантами их художественных миров.

В пользу вывода о весьма значимой роли, которую играют литературные персонажи в индивидуально-художественном мире писателя (поэта), свидетельствует не только высокая степень их соотносительности с максимально широким спектром «возможных миров», но и получение отдельными литературными персонажами статуса любимых героев того или иного автора, или, наоборот, статуса негативных героев. Вот что, к примеру, пишет Л.Г. Самогик о любимых

героях В.П. Астафьева: «В этот период [1951–1969 гг. — Л. Ш., В. Ш.] формируются основные типы героев: любимые герои — бакенщики <...>, охотники <...>, таежник-отшельник; <...> большая часть действующих лиц — возрастные герои: дедушка, бабушка, среди героев также — внук, внучка» (Самотик 2018: 191).

Не случайно в рамках российской писательской энциклопедистики уже изданы и специализированные энциклопедии литературных героев:

Большая энциклопедия литературных героев: в 4 т. / Под ред. Н. Трауберг. Москва, 2001;

Энциклопедия литературных героев: Русская литература XVII — первой половины XIX века. Москва, 2001.

См. также упоминавшиеся энциклопедии, посвященные персонажам Чехова и Достоевского.

Учитывая сказанное, следует отметить типологически значимые различия между Лермонтовской и Купаловской энциклопедиями по составу статей, посвященных литературным персонажам (хотя количественно совокупности таких статей у двух авторов практически совпадают — см. в таблице 1 четвертый тип статей). Обратим сначала внимание на то, что Купаловская энциклопедия часто фиксирует в качестве литературных персонажей представителей простого белорусского народа:

- «**АРАТЫ**», верш Купалы. Датуецца 1908. Аўтар стварае праніклівы вобраз селяніна-аратага, які сваёй невыносна цяжкай працай корміць увесь свет, а сам есць “без хлеба // Лебяду, асот”. <...> Купала сцвярджае сябе ў гэтым творы як сапраўдны народны паэт, блізкі да свайго героя» (Гніламёдаў 1986: 44–45);

- **БАНДАРОЎНА**, гераіня аднайменнай паэмы Купалы. Вобраз ідэалізаваны, паддзены як сімвал дзявочай прыгажосці, высокай чалавечай годнасці, свабодалюбства і непакоры пану-крыўдзіцелю. <...> Бандароўна не прымае заляцанняў гулякі-пана Канёўскага. За гэта пан помсціць ёй. <...> Яна гіне, застаючыся вернай маралі бацькоў, духоўна перамагаючы пана-спакусніка, сцвярджаючы свабодалюбства як першааснову сваёй сутнасці» (Лойка 1986а: 63).

К этой же группе литературных персонажей купаловских произведений относятся: Адольф Быкоўскі, Агата, Лявон і Марыля Зяблікавы, Зоська Зяблікава, Аленка, Данілка і Юрка Зяблікавы, Сымон Зяблік, Альжбета Крыніцкая, Сцяпан Крыніцкі, Паўлінка, Пустарэвіч, настаўнік Якім Сарока и др.

Кроме того, в произведениях Я. Купалы, а соответственно, и в Купаловской энциклопедии, в качестве персонажей нередко фигурируют мифологические образы из белорусского фольклора: Бай, Вадзянік, Ваўкалак, Градавіца, Грамавіца, Ліха-Нядоля, Лясун, Папараць-кветка, Пярун, Русалка, Хохлік, Чарнабог и др.

Намного реже в выбранной для сравнения Купаловской ППЭ литературные персонажи предстают как символические фигуры:

- **ГУСЛЯР**, галоўны вобраз паэмы Купалы “Курган”. Станоўчы герой, увасабленне ідэалу вернасці народнага песняра народу і справе бескампраміснай абароны яго інтарэсаў, самаахвярнасці ў сцвярджэнні ўласных перакананняў, а таксама ўвасабленне адной з кардынальных праблем усёй дарэвалюцыйнай творчасці Купалы — мастак і “ўладары свету”, мастак і тыран...” (Лойка 1986b: 178).

Добавим, что в статье, посвященной поэме Я. Купалы «Курган», ставится знак равенства между образом *Гусяра* и образом *Художника*, *Поэта*:

• «**“КУРГАН”**, паэма-балада Купалы. Закончана 23.5.1910 у Пецярбургу. <...> Гэта класічны ўзор нацыянальнай героіка-рамантычнай паэмы. У ёй раскрываецца тэма лёсу мастака ў класавым грамадстве. Сюжэт нескладаны. На выселле дачкі князь кліча мясцовага *Гусяра*, патрабуючы ад яго песень у сваю хвалу і на пацеху вяльможным гасцям. Ён папярэджвае музыку, што пакарае смерцю, калі той не выканае загаду. Але замест пахвалы князю з вуснаў Гусяра гучыць суровая праўда пра бязлітаснасць і чужасць князя народу, цяжкі паднявольны лёс падданных князя. За непакору і непаслухмянасць князь загадвае закапаць Гусяра жывым разам з гусямі. Гусяр гіне, але памяць аб ім у народзе вечная, як той курган, што як сімвал народнай памяці ўзнёсся над магілай народнага заступніка. Жыве гэта памяць, сцвярджае паэт, і вечна будзе жыць у легендах-пераказах аб кургане. Ідэя паэмы вельмі празрыстая: народнай памяці варты толькі той мастак, які аддае справе народа і свае песні, і сваё жыццё; сапраўднае мастацтва толькі тое, што служыць народу; у службе народнай праўдзе — веліч і прызвание мастака» (Пяткевіч 1986: 325).

К числу символических фигур купаловских произведений относятся и такие литературные персонажи (именования некоторых из них — как вынесенные в названия произведений — даны в кавычках): «Беларус», «Благая жонка», «Брат у чужыне», «Гарыслава», «Грабар», «Грабежнік», «Згнаннік», Машэка, Мужык, «Прарок», «Праступнік», Сам и др.

В Лермонтовской энциклопедии литературные герои могут быть отнесены, с некоторой долей условности, к двум группам: 1) представители разных слоев российского общества того времени: Арбенин, Бэла, Грушницкий, Звездич, Казарин, Казбич, «Княгиня Лиговская», купец Калашников, художник Лугин (повесть «Штосс»), Максим Максимыч, княжна Мери, Нина, Печорин, «Сашка», «Тамбовская казначейша», баронесса Штраль, Шприх и др.; 2) символические фигуры, или фигуры, персонифицирующие определенные идеи: «Беглец», «Герой нашего времени», герой-разбойник (стихотворение «Атаман»), «Гость», «Гусар», «Демон», «Жена Севера», «Кавказец», «Кавказский пленник», «Корсар», «Литвинка», «Морская царевна», «Мцыри», «Наполеон», «Пленный рыцарь», «Поэт», «Преступник», «Пророк», «Сосед», «Соседка», «Станный человек», «Тамара», «Узник», «Черкешенка» и др.¹⁰.

В Лермонтовской энциклопедии обычно предстают именно созданные М.Ю. Лермонтовым литературные персонажи, приобретшие символический статус. См., например, фрагменты из статей «Беглец», «Демон», «Пророк»:

• «**“БЕГЛЕЦ”**, последняя из кавк. поэм Л. (1837–38); <...> В основу поэмы положен эпизод, рисующий бегство воина с поля битвы и последующее отвержение беглеца народом. <...> Построенная на кавк. материале, поэма затрагивает — подобно “Думе” и “Мцыри” — существенные для творчества Л. 2-й пол. 30-х гг. социально-этич. проблемы. Заклеймив трусость, отступничество и предательство, поэт напомнил о мужестве, о гражд. долге.

¹⁰ См. в этой связи статью «Символ» в Лермонтовской ППЭ 2014 г. Рассматривая разные виды символов у Лермонтова, автор статьи А.А. Смирнов говорит, в частности, о герое стихотворения «Пленный рыцарь», являющем собой не обычного человека, а существо, персонифицирующее саму идею рыцарства.

Автор судит Гаруна отнюдь не с позиции патриарх. кодекса кавк. племен; суд над беглецом вершится с т. з. высоких нравств. идеалов. Мотив кровной мести, не раз привлекавший Л., получает, т. о., принципиально новую интерпретацию <...> поэма сочетает в себе романтич. начало (взволнованная приподнятость тона, элементы «аллюзионности» и символики) с реалистическим (историзм, психол. достоверность в изображении гл. героя, тщательная фиксация его душевного состояния)» (Заславский 1981: 51).

• «**ДЕМОН**», поэма, одно из центральных произв. Л., к работе над к-рым поэт возвращался в течение почти всей творч. жизни (1829–39). Основана на библейском мифе о падшем ангеле, восставшем против бога. К этому образу, олицетворяющему “дух отрицания”, обращались многие европ. писатели <...>, а также А.С. Пушкин в стихотв. наброске “Мое беспечное незнание”, в стих. “Демон” и “Ангел”. Однако Л. вполне оригинален и в разработке сюжета, и в трактовке главного образа, к-рый как бы совмещает человеческие искания Фауста с мефистофельским отрицающим началом и с мятежностью героев Мильтона и Байрона. В основе сюжета — стремление духа отрицания и зла к добру, красоте и гармонии. Любовь Демона к Тамаре символизирует это стремление, а конечная катастрофа означает недостижимость его “безумной мечты” о приобщении к добру, о преодолении одиночества, единении с миром. <...> Несмотря на простоту фабулы, поэма заключает в себе сложное переплетение идейно-символич. мотивов и неоднозначна для восприятия» (Найдич 1981: 130–131).

• «**ПРОРОК**», одно из последних и наиболее значит. стих. Л. (1841), завершающее в его творчестве тему поэта. Метафорич. изображение поэта-гражданина в образе пророка характерно для декабрист. поэзии (Ф.Н. Глинка, В.К. Кюхельбекер). Та же метафора (но в философски обобщенном плане) разворачивается в одноим. стих. А.С. Пушкина, полемич. ответом на к-рое в известной мере явилось стих. Л. <...> У Л. тема поэта — это всегда тема “поэт и общество”, тема активных и часто враждебных взаимоотношений творч. личности с окружающей средой (см. “Смерть поэта”). Гонимый пророк — устойчивый образ в лирике Л. (ср. “осмеянный пророк” в стих. “Поэт” <...>). <...> “Пророк” — одна из вершин лермонт. лирики. Каждая фраза стих. опирается на библейское сказание (см. Библейские мотивы) и одновременно имеет острый злободневный смысл, поэтически точна, конкретна и вместе с тем символически многозначна» (Миллер 1981: 449–450)¹¹.

В данной работе важно отметить, что символические литературные персонажи, созданные М.Ю. Лермонтовым, были творчески усвоены Я. Купалой. Вполне обоснованным, на наш взгляд, является вывод О.А. Лойко о влиянии русской поэзии на эволюцию эстетических взглядов Купалы как поэта [перевод на русский язык сделан нами. — Л. Ш., В. Ш.]: «Увлечение русской поэзией пришло к Янке Купале постепенно и было многоступенным: от Н. Некрасова и демократических поэтов крестьянской темы А. Кольцова, И. Никитина, И. Сурикова к М. Лермонтову и А. Пушкину. И это было закономерно для эволюции эстетических взглядов Купалы-поэта, который вначале адресовался преимущественно к крестьянину, развивал мотивы крестьянской жизни, а потом выходил на решение

¹¹ О том, насколько значимым явлением в русской литературе XIX в. были созданные М.Ю. Лермонтовым разные по своей природе литературные персонажи, можно судить по содержанию статьи «Лермонтовский человек» в составе ППЭ Лермонтова 2014 г. (автор статьи Т.С. Милованова).

широких идейно-художественных задач — утверждение классических романтических и реалистических основ в родной поэзии. Если ему вначале импонировала некрасовская школа русской поэзии, то после идеалом для него был Лермонтов, а потом стал Пушкин» (Лойка 1986с: 11)¹².

VII. Заключение

Рассмотрение российского и белорусского корпусов персональных писательских энциклопедий в сравнительном аспекте позволило выявить как существенную близость содержания двух национальных литературно-энциклопедических традиций, в рамках которых создавались ППЭ из состава указанных корпусов, так и отдельные формальные и содержательные отличия между сравниваемыми корпусами ППЭ, обусловленные рядом объективных причин.

Представленность в составе российского корпуса ППЭ 40-а названий энциклопедических трудов позволяет создать на их основе типологическую и жанровую классификации российских ППЭ. Типологическая классификация включает тип полной, универсальной ППЭ и тип неполной ППЭ. Неполные ППЭ объединяют в себе такие жанры:

- регионально-краеведческие ППЭ;
- ППЭ о литературных произведениях автора;
- ППЭ о героях произведений автора;
- ППЭ о персоналиях, связанных с автором;
- ППЭ в виде кратких энциклопедических изданий;
- учебные ППЭ.

В то же время представленность в составе белорусского корпуса ППЭ только 7-ми энциклопедических изданий (это 4 оригинальные ППЭ и 3 их переиздания) ограничивает их классификацию двумя основными типами ППЭ:

- ППЭ полного, универсального типа;
- ППЭ неполного типа в виде кратких энциклопедических изданий.

Выявленные формальные и содержательные отличия между российским и белорусским корпусами ППЭ делают типологически некорректным проведение полносистемного сравнительного анализа указанных корпусов ППЭ. Для достижения необходимой степени типологической корректности нами были выделены наиболее сопоставимые части этих корпусов:

а) сравнимые по объему, типу и другим макроструктурным параметрам отдельные российские и белорусские ППЭ — «Лермонтовская энциклопедия» и «Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік»;

б) типологически однородные и количественно сравнимые совокупности энциклопедических статей из «Лермонтовской энциклопедии» и энциклопе-

¹² В статье «Пророк» из Лермонтовской энциклопедии отмечается, в частности: «Под влиянием “Пророка” написаны стих. Т.Г. Шевченко “Тризна”, одноим. стих. Г. Тукая, Я. Купалы <...> и др.» (Миллер 1981: 450).

дического справочника «Янка Купала», посвященные описанию формальных и содержательных характеристик литературных произведений двух национальных поэтов — М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы;

в) совокупности литературных персонажей М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы.

Полученные к настоящему моменту результаты создают необходимую теоретико-методологическую и фактологическую основу для: а) проведения расширенного типологически корректного сравнительного анализа наиболее сопоставимых частей российских и белорусских ППЭ; б) выявления и описания на этой основе особенностей художественных миров отдельных российских и белорусских писателей.

ЛИТЕРАТУРА

Барт 1989: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1989.

Барт 2003: Барт Р. Предисловие к «Словарю Ашетт» // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Перевод с франц. Москва, 2003, 500–503.

Богатова 2011: Г.А. Богатова о словарях как явлении культуры и социальной жизни // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / Под ред. Г.А. Богатовой. 2-е изд. Москва, 2011, 538–540.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998.

Глушаков 2014: Глушаков П. Рец. на кн.: Шолоховская энциклопедия / Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: СИНЕРГИЯ, 2012. 1216 с. // Вопросы литературы. 2014. № 2, 388–391.

Гніламёдаў 1986: Гніламёдаў У.В. «Араты» // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 44–45.

Губман 2014: Губман Б.Л. Философский универсализм и вызов многообразия культурных миров // Гуманитарное знание и вызовы времени / Отв. ред. и сост. С.Я. Левит. Москва; Санкт-Петербург, 2014, 341–348.

Заславский 1981: Заславский И.Я. «Беглец» // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 51–52.

Ильин 2004: Ильин И.П. Двойной код // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. Москва, 2004, 117–118.

Елистратов 2018: Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева. Москва, 2018.

Караулов 1994: Караулов Ю.Н. Новый взгляд на возможности писательской лексикографии // Ломоносовские чтения 1994 / Под ред. М.Л. Ремневой. Москва, 1994, 11–25.

Киселёва 2014: Киселёва А.И. К читателю // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. Москва, 2014, 6.

К читателю 1981: К читателю // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 5–7.

Лебедев 2008: Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Москва, 2008.

Лем 2019: Лем С. Глава седьмая: Сотворение миров // Лем С. Сумма технологии / Перевод с польск. Москва, 2019, 347–437.

Логош, Петров 2002: Логош О., Петров В. Словарь «Маятника Фуко» Умберто Эко. Санкт-Петербург, 2002.

Лойка 1986а: Лойка А.А. Бандароўна // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 63.

Лойка 1986б: Лойка А.А. Гусяр // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 178.

Лойка 1986с: Лойка А.А. Янка Купала (нарыс) // Янка Купала: Энцыклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 5–20.

Лотман 2000: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2000, 149–390.

Малофеева 2002: Малофеева Н.Н. Литературная персональная энциклопедия как разновидность литературной энциклопедии. Критерии редакторской оценки. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002.

Мануильский 2016: Мануильский М.А. Мир человека в энциклопедическом формате // Человек. 2016. № 4, 74–85.

Мейлах 1982: Мейлах Б.С. Персональные энциклопедии: об итогах «Лермонтовской» и перспективе других // Вопросы литературы. 1982. № 9, 84–101.

Миллер 1981: Миллер О.В. «Пророк» // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 449–450.

Михайлова 1999: Михайлова Н.И. К читателю // Онегинская энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К / Под общ. ред. Н.И. Михайловой; сост. Михайлова Н.И., Кошелев В.А., Строганов М.В. Москва, 1999, 5.

Найдич 1981: Найдич Э.Э. «Демон» // Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1981, 130–132.

Онегинская энциклопедия 1999: Онегинская энциклопедия: в 2-х т. / Под общей ред. Михайловой Н.И. Т. 1. Москва, 1999.

Потапова 2005: Потапова Р.К. Лингвистическая специфика виртуальной коммуникации (коммуникация в мировой информационной сети) // Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика: Учебное пособие. 4-е изд. Москва, 2005, 318–364.

Пяткевич 1986: Пяткевич А.М. «Курган» // Янка Купала: Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1986, 325–327.

Руднев 2007: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. Москва, 2007.

Самотик 2018: Самотик Л.Г. Об энциклопедическом словаре-справочнике «Все произведения В.П. Астафьева (1951–1969)» // Современные проблемы авторской лексикографии: Сборник научных статей / Под общ. ред. Л.Л. Шестаковой. Москва, 2018, 187–194.

Скоропанова 2002: Скоропанова И.С. Виртуальные миры // Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. Санкт-Петербург, 2001, 132–134.

Словарь Достоевского 2001: Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / Гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. Москва, 2001.

Теслинов 2009: Теслинов А.Г. Концептуальное проектирование сложных решений. Санкт-Петербург, 2009.

Трус 2012: Трус М.В. Энциклапедыя «Максім Багдановіч»: традыцыйныя і наватарскія падыходы пры падрыхтоўцы выдання // Труды БГТУ. Сер. История, философия, филология. 2012. № 5, 143–146.

Уэллс 2002: Уэллс Ст. Шекспировская энциклопедия / Перевод с англ. М., 2002.

Шенк, Бирнбаум, Мей 1989: Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика / Перевод с англ.; сост. и ред. Б.Ю. Городецкого. Москва, 1989, 32–47.

Шестакова 2011: Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. Москва, 2011.

Шестакова, Щербин 2017: Шестакова Л.Л., Щербин В.К. «Словарь языка Пушкина» и «Слоўнік мовы Янкі Купалы»: опыт сравнительного анализа // Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд / Отв. ред. М.И. Чернышева. Москва, 2017, 151–185.

Щербин 2021: Щербин В.К. Методы семиотического моделирования лингвистических явлений (на материале языковых цепочек разных типов) // Материалы Всероссийской научной онлайн-конференции с международным участием «Лингвистическое моделирование в теории коммуникации» (г. Грозный, 15–17 января 2021 года). Грозный, 2021, 4–31.

Day 2019: Day D. An Encyclopedia of Tolkien: The History and Mythology That Inspired Tolkien's World. London, 2019.

Desk Reference 1998: The New York Public Library Desk Reference. Third Edition. VI. New York, 1998.

Kirstin 2002: Kirstin O. All Things Shakespeare: An Encyclopedia of Shakespeare's World. Westport, 2002.

Rogers 2006: Rogers Sh.L. All Things Chaucer: An Encyclopedia of Chaucer's World. 2 vols. Westport, 2006.

Rymkiewicz, Siwicka, Witkowska, Zielinska 2001: Rymkiewicz J.M., Siwicka D., Witkowska A., Zielinska M. Mickiewicz Encyklopedia. Warszawa, 2001.

Shakespeare's World 2001: Shakespeare's World and Work: An Encyclopedia for Students: in 3 volumes / Editor in Chief: John F. Andrews. New York, 2001.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Вероника Игоревна

кандидат филологических наук доцент

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Тула, Россия

istinijobraz@mail.ru

Архангельская Юлия Владимировна

кандидат филологических наук доцент

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Тула, Россия

archangelju@yandex.ru

Бабенко Людмила Григорьевна

доктор филологических наук профессор

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Россия

lgbabenko@yandex.ru

Баранов Анатолий Николаевич

доктор филологических наук профессор

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Москва, Россия

baranov_anatoly@hotmail.com

Белоусова Алла Сергеевна

кандидат филологических наук

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Москва, Россия

gramilex@inbox.ru

Благоева Диана

проф. др

Институт за български език

Българска академия на науките

София, България

d.blagoeva@ibl.bas.bg

Будько Ирина Владимировна

Будзько Ірына Уладзіміраўна

кандыдат філалагічных навук дацэнт

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

Цэнтр даследавання беларускай культуры, мовы і літаратуры, філіял Цэнтра

Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа

Мінск, Беларусь

irinabud_ko@yahoo.com

Вайдлова Милослава

PhDr. Miloslava **Vajdlová**, Ph.D.

Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR

Praha, Česká Republika

vajdlova@ujc.cas.cz

Державина Елена Игоревна

кандидат филологических наук

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Москва, Россия

e_derzhavina@mail.ru

Добровольский Дмитрий Олегович

доктор филологических наук профессор

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Стокгольмский университет

Стокгольм, Швеция

dobrovolskij@gmail.com

Драгичевич Райна

проф. др Рајна Драгићевић

Филолошки факултет

Универзитет у Београду

Београд, Србија

rajnad@yahoo.com

Земичева Светлана Сергеевна

кандидат филологических наук

Национальный исследовательский Томский государственный университет

лаборатория общей и сибирской лексикографии

Томск, Россия

optysmith@gmail.com

Иванова Мартина

prof. Mgr. Martina **Ivanová**, PhD.

profesorka

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií,

Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove

Prešov, Slovensko

martina.ivanova@unipo.sk

Иванович Ненад

др Ненад **Ивановић**

Институт за српски језик САНУ

Београд, Србија

nesoni779@gmail.com

Иорданиди Софья Ивановна

доктор филологических наук

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Москва, Россия

siordanidi@yandex.ru

Ковачевич Барбара

dr. sc. Barbara **Kovačević**

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje

Zagreb, Hrvatska

bkova@ihjj.hr

Лазич-Коник Ивана

др Ивана **Лазић-Коњик**

Институт за српски језик САНУ

Београд, Србија

ivana.konjik@isj.sanu.ac.rs

Льюис Кристиан

dr. sc. Kristian **Lewis**

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje

Zagreb, Hrvatska

klewis@ihjj.hr

Макариоска Лиляна

проф. др Лилјана **Макаријоска**

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“

Скопје, Македонија

makarijoska@yahoo.com

lmakarijoska@gmail.com

Малышева Ирина Алексеевна
доктор филологических наук профессор
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
iamalysheva@mail.ru

Мицкоски Николче
др Николче **Мицкоски**
Лексикографски центар
Македонска академија на науките и уметностите
Скопје, Македонија
nmickoski@manu.edu.mk

Нейедлы Петр
PhDr. Petr **Nejedlý**, Ph.D.
Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR
Praha, Česká Republika
nejedly@ujc.cas.cz

Олоштыяк Мартин
prof. Mgr. Martin **Ološtiak**, PhD.
profesor
Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií,
Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove
Prešov, Slovensko
martin.olostiak@unipo.sk

Пердих Андрей
dr. Andrej **Perdih**
Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU
Ljubljana, Slovenija
andrej.perdih@zrc-sazu.si

Радева Василка
проф. др
Факултет по славянски филологии
Софийски университет «Св. Климент Охридски»
София, България
v.radeva@ranguelov.net

Ристич Стана
проф. др Стана **Ристић**
Институт за српски језик САНУ
Београд, Србија
stana.ristic@isj.sanu.ac.rs

Токарев Григорий Валериевич

доктор филологических наук профессор

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Тула, Россия

grig72@mail.ru

Финк-Арсовски Желька

dr. sc. Željka **Fink-Arsovski**, prof. emerita

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu

Zagreb, Hrvatska

zfink@ffzg.hr

Чернышева Маргарита Ивановна

доктор филологических наук профессор

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

chernysheva@bk.ru

Шестакова Лариса Леонидовна

доктор филологических наук доцент

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

lara.shestakova@mail.ru

Шимек Штепан

Mgr. Štěpán **Šimek**, Ph.D.

Ústav pro jazyk český Akademie věd ČR

Praha, Česká Repub

simek@ujc.cas.cz

Щербин Вячеслав Константинович

Шчэ́рбін Вячаслаў Канстанцінавіч

кандыдат філалагічных навук

Цэнтр сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў

Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Мінск, Беларусь

shcherbin5353@mail.ru

Юрина Елена Андреевна

доктор филологических наук профессор

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Москва, Россия

yourina2007@yandex.ru

Научное издание

**Современное развитие
славянской лексикологии и лексикографии**

Международная коллективная монография

Макет: *С.В. Родионова*

Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 25,0
Тираж 150 экз. Заказ №